ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
THE DEPARTMENT OF CULTURE OF THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS DISTRICT – YUGRA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
RUSSIAN ACADEMI OF SCIENCES. INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE SIBERAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»
LLC “SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION “NORTHERN ARCHAEOLOGY-1”

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»
ANO “INSTITUTE FOR ARCHAEOLOGY OF THE NORTH”

THE DEPARTMENT OF CULTURE OF THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS DISTRICT – YUGRA

RUSSIAN ACADEMI OF SCIENCES. INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE SIBERAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LLC "SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION "NORTHERN ARCHAEOLOGY-1"

ANO "INSTITUTE FOR ARCHAEOLOGY OF THE NORTH"

Materials and research relating to the history of the north of Western Siberia

Issue V

Oleg Victorovich KARDASH

Georgy Petrovich VIZGALOV

THE TOWN OF MONKYS`URI:
to the history of the population of Bolshoy Yugan River in XVI-XVII centuries

(according to the results of a comprehensive archaeological research)

Vol. I

Yekaterinburg – Nefteyugansk
2015

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ»

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири

Выпуск V

Олег Викторович КАРДАШ

Георгий Петрович ВИЗГАЛОВ

ГОРОДОК МОНКЫСЬ УРИЙ:
к истории населения Большого Югана в XVI-XVII веках

(по результатам комплексного археологического исследования)

Том I

Екатеринбург – Нефтеюганск
2015

УДК 902.2(271.122)
ББК 63.4(253.3)
К 219

Кардаш О. В., Визгалов Г. П.

К 219 Городок Монкысь урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического исследования) [Текст] : в 2-х т. / О. В. Кардаш, Г. П. Визгалов. – Екатеринбург : Издательская группа Караван, 2015. – Том I. Археологические исследования. – 448 с. : ил. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири ; вып. V). – Выходные сведения, резюме, список прил., огл. парал. рус., англ.

ISBN 978-5-9907155-0-9

Монография посвящена результатам комплексного изучения археологического памятника «Городок Монкысь урий». Данный объект находится в центре таежного Приобья, на реке Большой Юган и представляет собой остатки исторического населенного пункта XVI – начала XVII века. Его раскопки проводились краеведами и археологами с 80-х годов прошлого века. Наиболее полно памятник был изучен под руководством авторов данной книги в 2011–2013 годах. Материалы полевых работ хранятся в шести городах и пяти музеях России. В результате исследования были воссозданы некоторые реалии истории Сибири рубежа XVI–XVII веков. Установлено, что городок служил резиденцией общинного вождя Тонемы (Тоньи) – потомка князя Бардака, возглавлявшего аборигенное население инородческих волостей Сургутского уезда Тобольского разряда в период административного закрепления региона в составе Московского царства. В 1616–1619 годах Тонема поднял мятеж против воеводской власти и русского населения, занимался грабежами торговцев, промышленников и служилых людей. В 1619 году отряд казаков, посланный из города Сургута на подавление мятежа, провел военную операцию, в результате которой крепость была взята штурмом. На сегодняшний день городок Монкысь урий – это единственный практически полностью изученный раскопками археологический памятник Сургутского Приобья последнего этапа освоения Западной Сибири Московским государством, связанным с историей коренного населения реки Большой Юган.

В первом томе представлены результаты раскопок разных лет – археологические источники, и дан их анализ с использованием данных других видов источников и специальных исторических и естественнонаучных исследований.

При этом исследователями были проанализированы не только археологические, но также антропологические, археозоологические, документальные и фольклорные источники.

Книга предназначена для историков, археологов, этнологов, как российских, так и зарубежных, преподавателей учебных заведений, работников культуры и средств массовой информации, студентов, учащихся, а также для всех тех, кто интересуется культурным наследием коренных угорских народов Западной Сибири.

УДК 902.2(571.122)
ББК 63.4(253.3)

Серия основана в 2002 году

Монография прошла обсуждение на секторе «Славяно-финской археологии» ИИМК РАН
и рекомендована к изданию Ученым советом Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург),
протокол № 7 от 01.06.2015 г.

Рецензенты:
д-р ист. наук *В. А. Лапшин,* д-р ист. наук *А. Н. Кирпичников,*
канд. ист. наук. *А. В. Курбатов,* д-р ист. наук *С. В. Белецкий.*

Автор идеи, руководитель научно-исследовательского коллектива канд. ист. наук *О. В. Кардаш.*
Научный редактор: канд. ист. наук *В. А. Борзунов.*

Полевые исследования финансировались
в 1990 году Тюменским краеведческим музеем, в 2011–2013 годах ООО «РН – Юганскнефтегаз».

Монографическое исследование подготовлено на средства гранта в форме субсидий из бюджета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, профинансированного Департаментом культуры Ханты-Мансийского автономного округа, а также на собственные средства АНО «Институт археологии Севера» и ООО «НПО “Северная археология-1”».

Издание осуществлено на собственные средства ООО «НПО “Северная археология-1”».

ISBN 978-5-9907155-0-9

© Кардаш О. В., 2015
© Визгалов Г. П., 2015
© АНО «Институт археологии Севера», 2015
© ООО «НПО “Северная археология-1”», 2015
© ООО «Издательская группа Караван», оформление, 2015

Территория хозяйственного освоения
ООО «РН – Юганскнефтегаз»

Городок Монкысь урий: к истории населения Большого Югана в XVI-XVII веках

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Большинство людей получают информацию об историческом прошлом народов Западной Сибири в основном из учебников, журналов, газет, телевизионных передач и редких документальных фильмов. При этом общеизвестно, что данные о сравнительно недавнем историческом прошлом основаны главным образом на информации, полученной из письменных (документальных) источников. Более того, все, в том числе профессиональные историки, пребывают в полной уверенности, что в прошлом все так и было, как об этом написано в научных книгах и популярных изданиях. Конечно, для уверенности в правильности исторических реконструкций всегда не хватает некой «визуализации» прошлого.

Что касается интересующего нас региона, то эта лакуна заполнялась колоритной этнографической составляющей, языком, религиозными обрядами и деталями материальной культуры ханты, радикально отличными от быта урбанизированного индустриального общества, к которому принадлежат и ученые. У всех людей, в том числе и у нас в начале научной карьеры, такой симбиоз письменных данных и этнографических образов создавал твердую уверенность в том, что коренные жители севера Западной Сибири жили именно так или почти так в далеком прошлом. Причем многие этнографы до сих пор в этом уверены. На некоторых совместных научных форумах нам иной раз случалось объяснять коллегам, что остатки прямоугольного в плане средневекового жилища, раскопанного нами, – это не остатки срубного строения предков сегодняшних ханты, которые исследователи привыкли видеть, посещая современные юрты, например по берегам Большого Югана. Такое восприятие или, правильнее сказать, *воссоздание* историками прошлого формируется под воздействием «фона» нашей эпохи или путем экстраполяции недостающих знаний об этом прошлом из настоящего, кажущегося аутентичным. Такой подход в науке именуется «*модерноцентризмом*» и неоднократно подвергался критике. Между тем он продолжает существовать, хотя неявно и недекларативно. На то есть объективные причины. Дело в том, что современному и уже сформировавшемуся исследователю крайне сложно абстрагироваться от огромного объема ранее полученной информации, а также от окружающей урбанизированной среды и каких-то истин, представляющихся априорными.

Хотелось бы подчеркнуть, что данное исследование воссоздает реалии прошлого западносибирского региона с максимально возможной на данный момент достоверностью.

Благодаря изучению в последние два десятилетия археологических памятников севера Западной Сибири XVI – начала XVIII века, таких как Надымский и Полуйский мысовой городки, принадлежавших аборигенному населению, а также русских городов и уездных центров – Мангазеи, Березова, Старотуруханска [*Визгалов, Пархимович, 2007*; *2008*; *Кардаш, 2013а*; *2013б*], нам самим, по-видимому, удалось избавиться от «фона» современной эпохи. В то же время мы не можем сказать этого обо всех участниках данного проекта. Именно поэтому данная монография состоит из двух больших разделов: собственно исторического, написанного нами, и приложений, посвященных различным частным аспектам исследования городка *Монкысь урий*, подготовленных нашими коллегами – представителями гуманитарных и естественных наук.

Данная работа для нас – это определенный этап изучения эпохи, основанный на опыте издания в прошлом подобных монографических исследований. Именно этот опыт сформировал у нас основной – *мультидисциплинарный* – принцип подхода к исторической проблеме. С его учетом любой археологический объект изучается путем сопоставления и анализа данных разных наук и научных методов, полученных при использовании всех максимально возможных видов источников. Такой подход органичен для археологии как синтетической науки, поскольку извлечение и анализ археологических источников невозможен без применения целого комплекса дисциплин и присущих им методов. С самого начала исследования археолог использует

картографию, геодезию, геологию, биологию (палеозоологию, почвоведение), физику, инженерное дело, а также этнографию, социологию и многое другое.

Немаловажны для него в том числе навыки межличностного общения с коренными жителями, одинаково необходимые как для получения ценных историко-этнографических сведений, так и для выживания на Севере. Подобный опыт позволил нам сформировать в собственном сознании, хотя бы отчасти, некую виртуальную возможность перемещать себя на место не только современного, но и древнего жителя сибирской тайги, что крайне существенно для нейтрализации «фона» нашей эпохи. Историк Хокун Станг такой подход к познанию прошлого называет «*альтроцентризмом*» и считает его применение основополагающим в объективном историческом исследовании [*Stang, 1996*. P. 5–6; *Станг, 2000*. С. 3].

Основу нашего исследования, безусловно, составляет археологический анализ источника, который мы попытались «конвертировать» в своего рода исторический. Этот процесс сопровождался сопоставлением и верификацией археологических материалов другими видами источников – фольклорных, документальных, лингвистических, равно как результатами исторического, этнологического, естественнонаучного анализа. Мы не склонны заблуждаться и утверждать, что данный подход идеален и мы достигли беспрецедентного результата. Отнюдь нет. Дело в том, что проведение монографического исследования большим научным коллективом невозможно без острых дискуссий, столкновения разных позиций, а порой и взаимного непонимания. Так было, к примеру, с группой антропологов, о чем подробнее будет упомянуто в соответствующем разделе. Невозможно ученого, обладающего вполне конкретным методом научного познания, в одночасье обратить в *альтроцентризм*.

В целом же мы считаем, что проделанная работа значима для изучения и воссоздания региональной западносибирской истории – как части истории Российского государства. Наш труд не бесспорен. Тем не менее надеемся, что по прошествии определенного времени он станет базовым материалом для дальнейшего осмысления, и не только исторического, поскольку является мультидисциплинарным исследованием.

Археологическому изучению и периодизации поселенческих памятников эпохи средневековья аборигенного населения севера Западной Сибири, в том числе Средней и Нижней Оби, Нижнего Прииртышья, бассейнов Конды, Надыма и Пура, посвящен целый пласт литературы.

В рамках этих исследований – по отдельным периодам и эпохам – представлены общие и индивидуальные характеристики западносибирских средневековых поселений и расположенных на них объектов: оборонительных сооружений, жилых, хозяйственных и производственных построек, а также найденных здесь разнообразных материалов и остатков [*Чернецов, 1935*. С. 109–133; *1949*. С. 68–74; *1957*. С. 136–245; *1964*. С. 53–63; *Лашук, 1961*. С. 178–193; *Хлобыстин, Овсянников, 1973*. С. 248–257; *Хлобыстин, 1993*. С. 19–27; *Морозов, Сосновкин, 1976*; *Чиндина, Балакин, 1976*; *Терехова, 1986*; *Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990*; *Федорова и др., 1991*. С. 131–145; *Косинская, Федорова, 1994*; *Зыков и др., 1994*; Очерки культурогенеза…, *1994а*. С. 342–373, 387–399, 415–429, 454–463, 480–486; *Морозов, 1994*; *1995*; *Морозов, Пархимович, Шашков, 1995*. С. 28–56; *Селянина, 1995*; *Плетнева, 1994*; *1997*. С. 6–9; *Борзунов, 1999*; *Чемякин, Карачаров, 1999*. С. 42–66; *2000*. С. 45–74; *Иваськo, Кардаш, Суровень, 2000*. С. 33–70; *Зыков, Кокшаров, 1995*; *2000*; *2001*; *2003*; *Чемякин, 2001а*; *2001б*; *2002*; *2003а*; *2003б*; *2003в*; *2003г*; *2005*; *2006*; *2008*; *2009*; *2011*; *2013*; *Стефанова, Борзунов, 2002*; *Брусницына, 2003*; *Приступа, 2003*; *2010*; *Морозов, Шатунов, 2003*; *Ермоленко, 2003*; *Визгалов, Мызников, 2003*; *Чемякин, Зыков, 2004*; *Каменский, 2004*; *Федорова, 1998*; *2004*; *2006*; *Семенова, 2003*; *2005*; *Каменский, Жирных, 2006*; *Карачаров, 2006*. С. 141–142; *Перевалова, Карачаров, 2006*. С. 72–85; *Яковлев, 2006*; *Кокшаров, 2007*; *Чемякин, Фефилова, 2007*; *Пошехонова и др., 2008*; *Фефилова, 2008*; *Фефилова, Чемякин, 2009*; *Зыков, 1986*; *2006*; *2012*; Северная археология…, *2010*. С. 72–81; *Борзунов и др., 2010*. С. 205, 207–209, 215; *Зайцева, 2010*; *Александров, Пальянов, 2010*; *Чемякин, Носкова, 2010*; *Кардаш, Пономарева, 2010*; *Шорин, Зыков, Кузьмина, 2010*; Археологическая карта…, *2011*; *Кокшаров и др., 2012*; *Чемякин, Борзунов, 2012*; *Борзунов, Чемякин, 2012*. С. 165–179; *2013а*; *2013б*. С. 104–107; *2014*; *Кардаш, 2003, 2009*; *2011, 2013а*; *2013б*; *2013в*; *2013г*; *Зайцева, 2013*; *Александров, Пальянов, Пономарева, 2013*; *Пархимович, 2013*; *Расторопов, 2014*; и многие другие].

Одним из последних, а главное – комплексно исследованных средневековых поселений Среднего Приобья является городище Частухинский урий, оно же – руинированный *городок Монкысь урий (Мункысь-урий)*, который является объектом нашего анализа. *Монкысь урий* – историческое название небольшого средневекового городка в бассейне реки Большой Юган, существовавшего в середине II тысячелетия нашей эры.

При этом наиболее яркие события в истории данного укрепления, значимые для коренных жителей региона как в прошлом, так и настоящем, относятся к началу XVII столетия.

Главная цель данной работы – изложение целостной характеристики данного археолого-исторического памятника, представляющего собой не только объект культурного наследия коренного населения таежного Приобья, но также и других – пришлых – народов, ныне населяющих западносибирский регион. Именно это обстоятельство определяет неординарность *городка Монкысь урий*. В его культурных слоях отложились материальные свидетельства известных исторических событий начала XVII века – периода формирования в регионе институтов власти Московского государства.

Городок *Монкысь урий* находится в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в 90 км к юго-юго-востоку от г. Сургута, 100 км к юго-востоку от г. Нефтеюганска, 72 км к востоку-юго-востоку от станции Пыть-Ях железной дороги Тюмень – Сургут и 4 км к юго-западу от поселка Угута (рис. 1–3; 1.1; 1.2). В природно-географическом отношении – это центральная часть Западно-Сибирской равнины, южная часть Среднеобской низменности, среднее течение реки Большой Юган, левого притока Оби, подзона средней тайги (рис. 1.1–1.14). Его географические координаты: 60° 28’ 23.6” северной широты и 74° 00’ 10.4” восточной долготы.

Ранее сведения об этом археологическом объекте и его полевых исследованиях уже вводились в научный оборот, но в этих работах памятник фигурировал под иными названиями – «городище Частухинский Урий», «Чистухинский урий» или «Частухинский Урей»[1] [*Семенова, 2005*]. В. И. Семенова приступила к изучению данного памятника после непрофессиональных (и незаконных) раскопок краеведа из поселка Угут П. С. Бахлыкова, при этом имея несовершенный – в современном понимании – набор технических средств и явно недостаточно финансируемую музейную экспедицию. Инфраструктура в таежном Приобье, в частности транспортная система в Сургутском районе ХМАО – Югры, в то время была несравнимо хуже современной. Скромное техническое и финансовое обеспечение первых научных раскопок и соответствующий этому времени уровень развития методики не могли не сказаться на качестве полевых и камеральных работ. Кроме того, Валентина Ивановна выбрала памятник той эпохи, каковые до нее стационарно никто не исследовал в Сургутском Приобье. В этой связи нельзя не отметить – как положительный фактор – ее комплексный подход к изучению данного археологического объекта. В числе первых ученых В. И. Семенова применила данный метод к исследованию средневекового исторического городка. Более того, детально проанализировав результаты полевых работ, она включила их в контекст своей основной научной тематики.

В целом же мы считаем работы В. И. Семеновой не просто предварительными рекогносцировочными изысканиями городка *Монкысь урий*, но важным опорным этапом в системе комплексного исследования этого археологического объекта, и не только его.

Несмотря на позднюю монографическую публикацию результатов полевых работ на этом городище, чему предшествовала серия статей об этом памятнике, В. И. Семенова наметила своего рода научный ориентир, позволивший, в том числе и нам, продвинуться значительно дальше в исследованиях позднесредневековых археологических памятников севера Западной Сибири. Нам помнится, что в конце прошлого столетия археология позднего средневековья и нового времени, в особенности XVI–XVII веков, в данном регионе воспринималась многими нашими коллегами – уральскими археологами – с некой покровительственной усмешкой и недоумением, поскольку изучала недавнее прошлое, практически сравнимое с ворошением современных помоек. Конечно, мы немного утрируем, но все примерно так и было. Даже сейчас исследователи глубокой древности человечества не всегда понимают, чем мы – археологи, изучающие памятники последнего тысячелетия, занимаемся. Правда, постепенно это негативное отношение уходит в прошлое. В этом нам самим пришлось убедиться, когда исследователи комплекса палеолитических поселений Костенки стали использовать материалы изучения Надымского городка XVII века для своих реконструкций.

Мы намеренно не стали подключать В. И. Семенову к нашему исследованию. Прежде всего, для исключения «фона» эпохи предшествующих исследований. Кроме того, Валентина Ивановна уже опубликовала все имевшиеся в ее распоряжении источники, а также их анализ. Судя по архивной версии отчета и публикациям, другие источники у нее отсутствуют. Мы полагаем и надеемся, что наше совместное творчество станет следующим этапом работ, а именно: введения результатов комплексных исследований городка *Монкысь урий* в региональный

[1] Объект культурного наследия «городище Частухинский Урей» внесен в Государственный список недвижимых памятников истории и культуры ХМАО – Югры, согласно Постановлению Губернатора ХМАО № 89 от 04.03.97 г. с изменением от 17.06.97 г. за № 754.

общественный культурный оборот. В рамках этого будущего проекта все исследователи будут востребованы на новом уровне – в плане осмысления и передачи результатов научного труда, о чем мы расскажем позже.

Сейчас остановимся на том, почему же спустя 20 лет после первых стационарных раскопок (1990 год) городка *Монкысь урий* мы вернулись к его изучению, анализу и публикации результатов новых исследований (2011–2013 годы). Подробнее причины этого будут рассмотрены в следующей главе, после изложения природно-географической характеристики и истории археологического изучения бассейна Большого Югана, а также самого городка. Здесь же нам хотелось отметить, что сейчас этот памятник находится на территории хозяйственного освоения ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз» нефтяной компании «Роснефть», точнее – в зоне нефтяной провинции, именуемой «Группа Угутских месторождений нефти». Городок расположен в самом ее центре, на территории Средне-Угутского месторождения, залежи которого активно разрабатываются по сей день (рис. 3–8; 1.22–1.25). Проведение последних охранных раскопок городища во многом связано с хозяйственной деятельностью этой компании и реализуется благодаря пониманию и поддержке ООО «РН – Юганскнефтегаз», структурных подразделений, курирующих строительство, в частности руководителей и сотрудников Управления наземных сооружений.

Тем не менее не все решают инвесторы. Успех любого проекта, в особенности научного, зависит от каждого участника. Мы прекрасно представляем, как было сложно и трудно проводить раскопки в 1990 году отряду В. И. Семеновой, поскольку сами работали в таежном Приобье в это время. Даже сейчас, спустя 20 лет, при более развитой инфраструктуре, выполнять стационарные археологические исследования в западносибирской тайге все так же непросто. Вне зависимости от развитости инфраструктуры нефтедобычи, левобережье сургутского течения Оби до сих пор остается довольно глухим местом со своей природно-климатической спецификой. Причем наличие здесь большего количества технических средств отнюдь не упрощает, а усложняет решение исследовательской задачи.

Безусловно, в результате проведения археологических раскопок мы получили более качественный и универсальный материал для проведения дальнейших аналитических исследований. Тем не менее, чем больше в нашем распоряжении имеется электронной техники, тем больше возникает проблем с ней, особенно в полевых условиях.

Благодарим всех участников полевых исследований, труду и быту которых посвящен небольшой фотораздел в данной книге (рис. 9–28). Он не случаен. В нем мы попытались в какой-то степени следовать традициям наших предшественников, исследователей Салымского края – Л. Р. Шульцу, Б. Н. Городкову, художнику и фотографу Лебедеву, оставившим помимо научных отчетов и коллекций находок фотоматериалы о полевых условиях работ экспедиции 1911 года [*Визгалов, Кардаш, 2013.* С. 178–180. Рис. 3–8; *Шульц, 2013.* Рис. 1–3]. Возможность визуального восприятия методики исследований вековой давности, на наш взгляд, крайне важна. Это не просто история полевой археологии и этнографии, это история развития их методологии, визуально зафиксированная точка отсчета дальнейшего движения.

Впрочем и сейчас, за исключением электронных девайсов, полевая археология, как и сто лет назад, это прежде всего лопаты, палатка, костер, котелок и девственная тайга. Причем полевая часть – археологические раскопки – для нас лишь в какой-то степени романтическое начало исследований, а результаты его – в известном смысле – только «фактологический полуфабрикат». Последний требует осмысления и «конвертации» в исторические источники, пригодные для последующего углубленного анализа и восприятия более широким кругом исследователей, при этом неравнодушных к историческому прошлому региона.

Особо отметим, что изучение городка *Монкысь урий* – это труд большого числа представителей разных специальностей и наук. Только участие научных работников – профессионалов широкого спектра – в конечном итоге обеспечивает высокое качество исследований, соответствующее современному техническому и научному уровню. Авторам в данном случае выпадает не только описательная и аналитическая, но и в определенной степени организационно-продюсерская работа. В этой связи нельзя не отметить деятельное участие в этом процессе директора ООО «Гиперборея» Н. В. Шатунова, руководившего полевыми исследованиями, но не участвовавшего – по производственным и иным причинам – в последующем обобщении, научном анализе и подготовке данного издания.

Авторы выражают свою глубокую признательность специалистам, написавшим отдельные сюжеты по теме монографии, а также ее научному редактору В. А. Борзунову, который внес важный вклад в данное

исследование как первый аналитик текстов и их научный редактор. Это обеспечило не просто высококачественный анализ добытых при раскопках источников, но и обусловило появление новых данных, важных для понимания интересующего нас памятника. Предлагаемая на суд читателя работа – коллективный труд представителей как гуманитарных, так и естественных наук, и в том числе дисциплин, находящихся на их стыке.

В процессе подготовки данного издания историк Е. В. Вершинин разыскал и проанализировал документальные источники. Антропологи Д. Н. Ражев, О. Е. Пошехонова, С. М. Слепченко, и Е. А. Алексеева обработали коллекцию антропологических останков. Биологи П. А. Косинцев и Т. В. Лобанова провели археозоологическое исследование остеологического материала. Более углубленные и детальные анализы некоторых костных останков выполнили О. П. Бачура – дентиноскопию зубов животных и человека, и И. В. Аськеев – анализ чешуи рыб. Коллектив геологов и геоэкологов – М. А. Кулькова, Е. М. Нестеров, Л. А. Нестерова и М. Ю. Синай – выполнил радиоуглеродные анализы органических образцов для определения точной хронологии памятника. О. В. Двуреченский изучил коллекцию боеприпасов. Неожиданные и крайне интересные результаты получены С. Н. Травкиным в итоге обработки нумизматической коллекции (см. раздел «Авторы специальных исследований»).

Мы благодарим всех непосредственных участников полевых исследований, производственников и археологов, помогавших организовывать раскопки, руководить ходом работ и подготавливать научные отчеты, а также людей, выполнявших массу технических и вспомогательных операций, результаты которых – в том или ином виде – представлены в нашей монографии.

Из числа этих лиц хотелось бы выделить сотрудников ООО «НПО “Северная археология-1”» и АНО «Институт археологии Севера»: археологов и историков Т. М. Пономареву, М. А. Смирнову, М. Ю. Владимирского, В. А. Маракулина, архитекторов С. А. Липс и Е. А. Алексееву, инженеров-геодезистов и представителей технического персонала – А. А. Уткина, В. А. Ивасько, М. В. Чубинского и А. Б. Юлина, а также художника А. С. Кухтерина, воплотившего в живописи исторические события, воссозданные совместно с авторами книги (см. раздел «Научно-технический коллектив»).

В небольшом разделе, расположенном в конце монографии, содержатся персональные данные об основных участниках нашего исследовательского проекта. Это своего рода «титры», которые мы обычно видим в конце документального или художественного фильма. Причем размещение их именно в конце произведения отнюдь не умаляет заслуг режиссера, продюсера, сценариста, актеров и технического персонала, а скорее, наоборот – подчеркивает их совместный труд и свидетельствует о заслугах каждого участника данной работы.

Коль скоро речь зашла о кино, хотелось напомнить о съемках кинофильмов, выполненных по результатам диссертационной работы и монографического исследования Надымского городка. При этом городок *Монкысь урий* – в каком-то плане – имел схожий финал с этим известным историко-культурным объектом. Надымский городок, так же как *Монкысь урий*, стал некрополем семьи вождя, правда, убитой соотечественниками – самоедами, хотя жертвами стали тоже преимущественно женщины и дети, которых защищал лишь один взрослый мужчина. Первый документальный фильм «*Тайна Надымского городка*» был снят в 2001 году. На I Северном международном археологическом конгрессе (2002 год) он получил положительные отзывы ученых. В 2009–2012 годах об исторических событиях, связанных с Надымским городком, французский режиссер Бенуа Сегюр по контракту, заключенному с телекомпанией ARTE (Франция), снял игровой документальный фильм «*Князья воинов Сибири*» (“La rois guerriers de Siberie. Un film de Benoit Segur”). 21 мая 2013 года в Российском центре науки и культуры в Париже при участии сотрудников посольства России во Франции, а также представителей российской и французской прессы, состоялась презентация этого фильма. 25 мая эту картину показали во Франции на канале ARTE, а в ноябре 2013 года продемонстрировали по телевидению в России на канале HISTORY.

Мы надеемся, что наше исследование, результаты которого воплощены в данной монографии, станет основой для подобного документально-художественного проекта. Тем более что начало этого уже положено. С 1998 по 2005 год на телестудии «Нита» (г. Нефтеюганск), по заказу «НПО “Северная археология-1”», режиссером О. В. Якимовой при участии научных сотрудников предприятия сняты 9 научно-популярных фильмов. Два из них раскрывают особенности культурно-исторической среды данного региона. Первый –

под названием «*Междуречье*» – был создан по материалам Международного семинара «Болота и археология» и посвящен экологии югано-балыкской болотной системы. Этот фильм – лауреат II Регионального экологического телевизионного фестиваля «Спасти и сохранить» (1998 год) в номинации «Новизна в разработке экологической темы». Второй фильм – «*Из рода медведя*» (2000 год) – посвящен юганским ханты Каюковым, проживающим в среднем течении реки Большой Юган.

Совсем недавно, в 2013 году, сотрудники телеканала «Югра» (г. Ханты-Мансийск) сняли серию документальных фильмов из цикла «Родословная Югры»: «*Княжества и войны*», «*Самаров городок – Ханты-Мансийск*», «*Заговорившие памятники*» (в 2-х частях). Данные картины основаны в том числе на материалах комплексных исследований городища Частухинский урий и были показаны в декабре того же года. Таким образом, некое начало введению результатов нашего научного труда в общественный культурный оборот уже положено. При этом хотелось бы, чтобы трагические исторические события, правду о которых мы выносим на суд как научной, так и более широкой общественной аудитории, не стали поводом для каких бы то ни было конфликтов. Не для того мы провели данное исследование. Скорее, наоборот: чтобы опрометчивые ненаучные и дилетантские домыслы не стали поводом для этнических разногласий, даже на бытовом уровне.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что, по нашему мнению, исторические реалии прошлого должны стать отправной точкой для поступательно позитивного развития будущего, а не поводом для того, чтобы настоящее уподобить давно минувшим дням. Вне зависимости от оценки событий, связанных с городком *Монкысь урий*, в ходе которых погибли люди, причем многие случайно и незаслуженно, – это события далекого прошлого. На наш взгляд, чтобы история не стала поводом для развития конфликтов, и хотя бы даже бытовых противоречий, необходимо увековечить память об этих событиях. Примером может служить «Аллея шахидов», созданная недавно в городе Грозном. Это современный мемориал, посвященный людям, погибшим за свою веру и семью. Этот памятник, наряду с массой разных других усилий конфликтовавших сторон, стал одним из символов примирения воевавших между собой народов, монументом памяти о прошлом, символизирующим предостережение потомкам, отправной точкой к мирному движению в будущее.

Сохранение объекта историко-археологического наследия – городка *Монкысь урий* – как памятного места, безусловно, будет необходимо и перспективно в разных аспектах. Мы рекомендуем, как минимум, установить памятный знак на территории памятника. Кроме того считаем, что будет уместна его музеефикация, а также создание соответствующего музейно-экскурсионного «продукта» для дальнейшего туристического использования. Тем более что в настоящее время мы являемся свидетелями того, как стремительно развивается весь Угутский нефтеносный район, в том числе его инфраструктура, сеть коммуникаций и рабочих поселков, как растет и изменяется состав его населения, усложняется система социальных связей.

В итоге особо отметим, что исследованные нами руины средневекового хантыйского городка – это один из наиболее значимых в регионе объектов культурного наследия, который связан не только с историей аборигенного или пришлого населения. Это памятник истории коренных сибирских народов и пришельцев из Восточной Европы, судьбы которых переплелись в трагических событиях. Даже после завершения широкомасштабных раскопок на памятнике следует охранять этот участок территории и использовать его в общественном культурном обороте. Мы считаем, что городок *Монкысь урий* в современном социокультурном пространстве должен занять достойное место, соответствующее его историческому значению.

Рис. 1. Городок Монкысь урий. Локализация памятника на карте-схеме России

Рис. 2. Городок Монкысь урий и исторические населенные пункты XVI–XVII вв. Местоположение на карте Западной Сибири. М 1 : 5 000 000

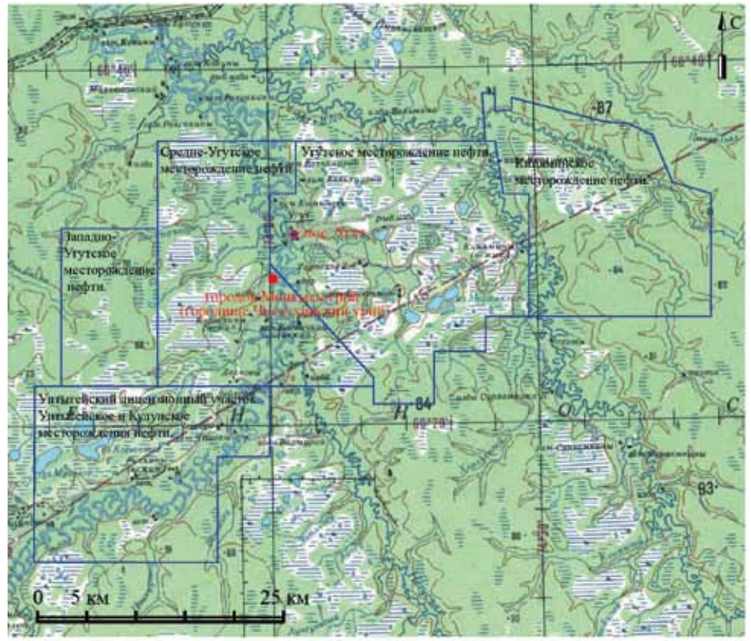

Рис. 3. Городок Монкысь урий. Местонахождение памятника в зоне хозяйственного освоения ООО «РН – Юганскнефтегаз» в среднем течении реки Большой Юган (группа Угутских месторождений). Обзорная карта-схема. М 1 : 500 000

Рис. 4. Левобережье реки Большой Юган. Территория хозяйственного освоения ООО «РН – Юганскнефтегаз». Наземные объекты обустройства Средне-Угутского месторождения нефти: кустовые площадки и коридоры коммуникаций. Вид с юго-запада

Рис. 5. Левобережье реки Большой Юган. Территория хозяйственного освоения ООО «РН – Юганскнефтегаз». Наземные объекты обустройства Средне-Угутского месторождения нефти. Зона эксплуатации бывшей разведочной скважины. Вид с юго-запада

Рис. 6. Левобережье реки Большой Юган. Территория хозяйственного освоения ООО «РН – Юганскнефтегаз». Наземные объекты обустройства Средне-Угутского месторождения нефти. ДНС «Средний Угут». Вид с севера

Рис. 7. Левобережье реки Большой Юган. Территория хозяйственного освоения ООО «РН – Юганскнефтегаз». Средне-Угутское месторождение. Начало строительства коридора коммуникаций к кустовой площадке «К-13» в районе городищ Стрелка и Частухинский урий (Монкысь урий) в 2009 г. Вид с юго-запада

Рис. 8. Левобережье реки Большой Юган. Городок Монкысь урий, 2011 г. Вид на памятник с запада – от устья ручья Нексап при впадении в старицу Чистухинский урий

Рис. 9. Городок Монкысь урий. Руины оборонительно-жилого комплекса перед началом археологического изучения, 2011 г. Вид с юго-запада

Рис. 10. Городок Монкысь урий. Раскопки южной части оборонительно-жилого комплекса в 2012 г. Вид с юга

Рис. 11. Городок Монкысь урий. Тахеометрическая съемка памятника, 2011 г.

Рис. 12. Городок Монкысь урий. Процесс раскопок 2011 г. Разборка переотложенного культурного слоя из раскопа № 1 (1990 г.)

Рис. 13. Городок Монкысь урий. Процесс раскопок 2013 г. Разборка переотложенного культурного слоя из раскопа № 4 (1990 г.) перед фиксацией стратиграфических разрезов

Рис. 14. Городок Монкысь урий. Расчистка артефактов и остатков деревянных конструкций

Рис. 15. Городок Монкысь урий. Верхняя площадка оборонительно-жилого комплекса после расчистки, 2011 г. Вид с юго-запада

Рис. 16. Городок Монкысь урий. Процесс работ 2011 г. Раскопки южной части оборонительно-жилого комплекса горизонтальными срезами

Рис. 17. Городок Монкысь урий. Процесс раскопок 2013 г.
Зачистка стратиграфического разреза культурных слоев перед фотофиксацией

Рис. 18. Городок Монкысь урий. Процесс раскопок 2011 г. Разметка координатной сетки новых участков раскопов

Рис. 19. Городок Монкысь урий. Процесс раскопок 2012 г. Тахеометрическая фиксация глубины и места залегания артефактов и остатков конструкций сооружений

Рис. 20. Городок Монкысь урий. Процесс работ 2011 г. Доставка экспедиционного оборудования к месту расположения лагеря

Рис. 21. Городок Монкысь урий. Раскопки 2011 г. Лагерь археологической экспедиции: полевая кухня и столовая

Рис. 22. Городок Монкысь урий. Раскопки 2011 г. Лагерь археологической экспедиции. Палатки в сосновом бору

Рис. 23. Городок Монкысь урий. Раскопки 2013 г. Лагерь археологической экспедиции на реке Нексап под снегом в начале работ: конец мая – начало июня 2013 г.

Рис. 24. Городок Монкысь урий. Лагерь археологической экспедиции 2011 г. Шатер, в котором производилась первичная камеральная обработка полевых материалов

Рис. 25. Городок Монкысь урий. Лагерь археологической экспедиции 2011 г. Первичная камеральная обработка найденных вещей

Рис. 26. Городок Монкысь урий. Участники раскопок 2012 г., приехавшие из разных городов России

Рис. 27. Городок Монкысь урий. Раскопки 2012 г. Доставка участников экспедиции к месту раскопок по реке Нексап

Рис. 28. Городок Монкысь урий. Процесс работ 2012 г. Разметка раскопа в центральной части памятника

Рис. 29. Поселок Угут. Женщины в национальной одежде на празднике «День обласа» в июне 2012 г.

Рис. 30. Поселок Угут. Участники раскопок городка Монкысь урий на празднике «День обласа» в июне 2012 г.

Рис. 31. Поселок Угут. Мужчина в национальной одежде на празднике «День обласа» в июне 2012 г.

ГЛАВА 1

ПРИРОДНАЯ СРЕДА И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ РЕКИ БОЛЬШОЙ ЮГАН

Во время проведения археологических экспедиций, в процессе общения с группами населения Севера Сибири, и не только с представителями коренных этносов данного региона, живущими традиционным хозяйством, нам приходилось буквально ощущать на себе связь человека и природной среды. Причем здесь идет речь о среде, которая всех нас окружает и фактически «кормит», а также о связи, а не простой зависимости, которая иногда принимает форму своеобразного противостояния. Когда человек добывает чрезмерные пищевые ресурсы, он обедняет животный мир и изменяет саму природу. Его деятельность становится причиной пожаров, уничтожающих леса, а также приводит к другим негативным воздействиям на окружающую среду. В глобальном масштабе формируются непредсказуемо низкие или высокие температуры воздуха, происходит падение численности видового состава животных, распространяются инфекции, поражающие самого человека, растительный и животный мир.

Между тем в обыденном сознании аборигенов Севера Сибири это противостояние человека и его окружения не воспринимается как некая борьба, так как коренные жители тайги и тундры фактически ощущают себя частью того природного ландшафта, в котором живут и действуют. Именно поэтому при изучении того или иного археологического объекта, расположенного на данной территории, мы обращаем особое внимание на природную среду, в которой могли существовать люди. В данном исследовании мы также не считаем возможным рассматривать человека прошлого в отрыве от географической среды его обитания и от обусловленных ею особенностей жизнедеятельности туземцев.

По этой причине первую главу монографии открывает «природное начало», то есть описание общих географических условий исследуемого района – бассейна реки Большой Юган. Продолжением природно-географического очерка станет история археологического изучения среднего течения этой реки, где за последние три десятилетия открыто немало оригинальных археологических комплексов, включающих несколько сотен разновременных объектов – от эпохи камня до начала нового времени [*Фефилова, 2008.* С. 291–292. Рис. 1 – *№№ 73–196*]. Этим самым мы представим некую «природно-археологическую среду», в системе которой находится объект нашего изучения. Завершающая часть главы содержит историю исследования самого городка *Монкысь урий* (городища Частухинский урий).

1.1. ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ БАССЕЙНА БОЛЬШОГО ЮГАНА

Территория, на которой находился городок *Монкысь урий*, расположена в центральной части Западно-Сибирской равнины и южной части Среднеобской низменности, на левобережье Оби. Памятник занимает останец в пойме левого коренного берега реки Большой Юган и участка его бывшего русла – старичного озера Чистухинский урий (рис. 2, 1.1; 2.2.1–2.2.6).

Рельеф. В среднем течении Большого Югана заканчивается полоса суходольных песчаных грив, поросших сосновыми борами. Этот ландшафтный район протянулся в широтном направлении от нижнего течения, практически от устья реки Демьянка (правый приток Иртыша), до устья Малого Югана (правый приток Большого Югана) в среднем течении реки Большой Юган, в районе поселка Угут, юрт Когончины и Кинямины. Пространства между песчаными гривами в данной местности покрыты верховыми сфагновыми болотами и изобилуют множеством разных по размерам озер, соединенных малыми водотоками и небольшими

речками. Эта территория входит в состав более обширного ландшафтного региона – Демьяно-Васюганской болотной системы, восточная часть которой прорезана в меридиональном направлении руслом реки Большой Юган. Интересующий нас участок в окрестностях городка *Монкысь урий* представляет собой болотно-озерный массив (восточная часть Салымо-Юганской болотной системы и центральная часть Демьяно-Васюганской), расположенный между водораздельной возвышенностью «Балыкский материк» и руслом реки Большой Юган [Атлас ХМАО…, 2004. С. 10–23]. Рельеф на этом участке плоский, перепады высот незначительные: по Балтийской системе колеблются от 49,6 до 58,8 м.

Растительность. С востока и запада долина реки Большой Юган ограничена верховыми болотами, а точнее – ее русло рассекает озерно-болотную равнину. Здесь преобладают равнинные участки олиготрофных болот (выпуклые верховые, рямовые), поросшие угнетенной растительностью и прорезанные небольшими речками и ручьями [*Лисс, Астахова, 1982; Лисс, Березина, 1982.* С. 224–230]. Вдоль водотоков встречаются участки дренируемых береговых террас, поросшие высокоствольным лесом. В южной части наблюдаются цепочки грив, вытянутых по оси юго-запад – северо-восток. Гривы – сухие, песчаные, поросшие преимущественно сосновым, а на низких участках – кедровым лесом. Слабодренируемые участки берегов рек, протекающих среди болот, покрыты смешанным лесом (береза, сосна). Почвенный покров – зеленомошный. Невысокие и хорошо дренируемые песчаные гривы, цепочки которых вытянуты среди болотного массива преимущественно в направлении восток северо-восток – запад юго-запад, поросли сосновым лесом. Почвенный покров в этих местах представлен мхами и лишайниками, в том числе ягелем. Менее дренируемые пространства заняты преимущественно кедровым лесом; нижний ярус – багульник, почвенный покров – зеленомошный.

Гидрографическая сеть включает основной водоток – реку Большой Юган – с многочисленными протоками и старицами, которая течет на данном участке в северном направлении. Русло реки извилистое, пойма выражена слабо. Ширина реки – около 100–110 м, глубина – до 5 м, скорость течения – 0,4 м/сек, дно песчаное. Высота правой коренной береговой террасы над уровнем поймы местами достигает 12 м. Средняя высота левого берега от меженного уреза воды – 5 м. В пойме встречаются останцы высотой до 10 м. Берега и пойменные участки поросли высокоствольным смешанным лесом в различных сочетаниях с преобладанием в древостое хвойных пород (кедр, ель). Встречаются участки, занятые смешанными лесами с преобладанием сосны – сосново-кедрово-березовыми и сосново-березовыми. В месте расположения городка *Монкысь урий* водотоки представлены руслом реки Большой Юган, ее старичным озером Чистухинский урий и впадающей в него с левой стороны речкой Нексап (Нехсап). Растительность здесь смешанная, кедрово-березовая.

Почвы. Район, где находился участок наших работ, относится к Западно-Сибирской провинции подзолистых и болотных почв, представленных суглинистыми, подзолисто-песчаными и супесчаными (боровыми), торфяно-болотными типами. В растительном покрове этой местности преобладают смешанные леса, под пологом которых наряду с мхами наблюдается наличие трав. Почвы на этих участках в большинстве случаев относятся к типу дерново-подзолистых. В слабо выраженных поймах рек имеются пески и илистые отложения. На «материках» основной характер почвообразующих пород по механическому составу включает суглинки, реже – супеси и пески [*Афанасьева и др., 1979.* С. 43–52, 55–61, 121–164; *Долгова, Гаврилова, 1973*]. Сам останец, на котором находится городище, сложен супесчаными почвами, периферийное пространство формируют суглинки.

Климат в этом регионе – под воздействием постоянных континентальных воздушных масс умеренных широт с частым вторжением арктического воздуха – сформировался резко континентальный. Он характеризуется суровой продолжительной зимой и сравнительно коротким, но теплым летом. Переходные сезоны – весна и осень – укороченные, с ранними осенними и поздними весенними заморозками. Образование устойчивого снежного покрова наблюдается, как правило, в конце октября, а его таяние – в третьей декаде апреля. Максимальная глубина промерзания грунта – 2,2 м. Полное оттаивание почвы происходит в первой декаде сентября. Средняя продолжительность безморозного периода – 92 дня. Среднегодовая температура воздуха – 1,4°С. Среднемесячная температура наиболее холодного месяца (января) – -21,4°С, самого теплого (июля) – +16,9°С. Среднегодовое количество осадков – 467,4 мм. Преобладающие ветры – западный, северо-западный и юго-западный [*Абрамович и др., 1963.* С. 7–111].

В целом можно заметить, что охарактеризованные выше ландшафтно-географические и природно-климатические условия данной территории характерны для таежной зоны Западной Сибири и, как минимум,

близки лесным пространствам Уральских гор. Причем как восточному, так и западному уральскому пенеплену, а также таежным пространствам северо-востока Европы, расположенным севернее 55-й параллели.

1.2. ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕКИ БОЛЬШОЙ ЮГАН

В контексте изучения и анализа материалов раскопок городка *Монкысь урий*, помимо природного, нам прежде всего интересен историко-археологический контекст, в котором находился этот объект. Равно как особенности топографии окрестностей памятника, опять же на фоне заселения данной территории и нахождения на ней синхронных и более ранних поселений. Обобщающая статья по истории исследований археологических объектов на реках Большой и Малый Юган опубликована Т. Ю. Фефиловой [*2008*]. В ней представлены результаты разведочных работ и стационарных археологических раскопок. Публикация, безусловно, остается актуальной, тем не менее археологическое изучение региона продолжается. Здесь выявляются новые и исследуются уже известные археологические памятники. В этой связи мы представим свой обзор, согласно задачам нашего исследования.

Первые археолого-этнографические исследования. Изучение культурного наследия коренного населения бассейна реки Большой Юган началось сравнительно недавно – в конце 1970-х годов. До этого времени сведения об объектах культурного наследия (ОКН) края и культуре местного коренного населения были крайне скудными. В основном они ограничивались краткой информацией, собранной в конце XIX – начале XX века шведским ученым Ф. Р. Мартином [*2004*], венгерским ученым Я. Янко [*2000*] и известным сибирским краеведом А. А. Дуниным-Горкавичем [*1904*; *1910*; *1995а*; *1995б; 1995в*].

Летом 1891 года Ф. Р. Мартин совершил путешествие по Малому и Большому Югану, в ходе которого ему удалось посетить несколько остяцких юртов (хантыйских поселений) и действующих кладбищ. Ученый собрал представительную коллекцию этнографических предметов, описал хозяйственные занятия, некоторые обычаи, традиционные постройки и транспортные средства юганских остяков. Кроме того, он попытался произвести археологические раскопки на двух хантыйских кладбищах нового времени близ Уготских юрт на реке Больший Юган – в 14 верстах выше юрт и рядом с ними [*2004*]. Это были первые стационарные археологические исследования в данном районе.

Вслед за Ф. Р. Мартином в бассейне реки Большой Юган провел научные изыскания венгерский этнограф Яношь Янко. Он был одним из участников экспедиции 1897–1898 годов под руководством графа Енэ Зичи. Целью экспедиции было определение мест, связанных с древней историей мадьяр. Я. Янко изучал происхождение мадьярского рыболовства и одновременно проводил антропологические и этнографические исследования среди ханты, в том числе среднего течения Большого Югана [*Janko J., 2000*].

А. А. Дунин-Горкавич на основе собственных наблюдений и сведений, полученных от юганских остяков, составил описание природы, поселений и занятий местного населения. В его фундаментальном труде «Тобольский Север» в числе многих прочих мест описаны юрты среднего течения рек Большой Юган и Малый Юган: Кинямины, Сартамъ-урьевы, Уут, Когончины, Лейковы и другие [*1910.* С. 138–170]. В этом труде была собрана обширная этнографическая информация, а также сведения о некоторых археологических объектах. Что важно для нашего исследования: именно в данной работе впервые упомянут городок остяцкого князя Танги (Тоньи, Таньи) и указано место его расположения – «*выше Уута на 7 верст речка Монколь-урей. Наверсту выше ее устья есть сопка, вышиной в 3 саж.; на последней по преданию жил остяцкий князь Танга*» [*1910.* С. 154].

В работах первых исследователей таежного Приобья был опубликован обширный этнографический материал и приведено много сведений о быте, занятиях и верованиях обских угров, в том числе бассейна реки Большой Юган. Мы лишь вкратце упомянули об этих изысканиях. В целом же данные материалы являются полноценными источниками по культуре аборигенного населения края, представляющими культурно-хронологический срез конца XIX – начала XX века. Пересказывать источники – дело неблагодарное. Тем более что к нашему исследованию они имеют косвенное отношение, поскольку представляют более позднее время, чем наш памятник. По этой причине мы посчитали уместным привести эти данные в виде отдельного историко-этнографического приложения, характеризующего группы населения среднего течения Большого Югана близ места нахождения городка Монкысь урий (Приложение 2). Безусловно, и в последующие годы – вплоть до настоящего времени – в данном районе проводились и сейчас ведутся этнографические исследования,

собирается много разнообразных сведений. Все это так или иначе связано с темой наших исследований, и мы также используем эти новые материалы. Остальные данные в большей степени связаны с динамическим изменением традиционной культуры населения Большого Югана за последнее столетие, нежели с рудиментами прошлого. Поэтому мы приводим их в приложении в качестве этнографических источников и используем материалы исследований преимущественно рубежа XIX–XX веков, поскольку они наиболее близки времени функционирования городка *Монкысь урий*.

Исследования Угутского краеведческого музея. Началом современных археологических исследований, очень условно и с большими оговорками, можно считать любительские изыскания угутского краеведа П. С. Бахлыкова. В начале 1980-х годов им было обнаружено городище Частухинский урий и в 1984 году начаты раскопки этого памятника [*Бахлыков, 2000.* С. 98; *Семенова, 2001.* С. 5]. Собранная коллекция археологических материалов и другие его находки стали основой для создания Угутского краеведческого музея. Более подробно результаты этих работ мы рассмотрим позднее.

Исследования Томского государственного университета. В 1981 году Е. А. Васильев и Я. А. Яковлев, сотрудники Северотаежного отряда университетской археологической экспедиции, в ходе обследования бассейна Большого Югана от поселка Угут до юрт Каюковых, расположенных на правом коренном берегу реки и старицы Сартым-урий, открыли комплекс из девяти археологических памятников: городища Сартым-урий 1, 2.1, 3.1, 5, селища Сартым-урий 2.2, 3.2, 12, 14, 16 (рис. 1.22–1.25)[1]. Выявленные археологические памятники не вошли в научный отчет, но были описаны в полевом дневнике [*Васильев, А–1981*].

В 1985 году Я. А. Яковлев в окрестностях поселка Угут выявил еще четыре новых памятника археологии. Три из них – поселения Сельповское 1, 2 и городище Сельповский Урий – расположены в 4 км к юго-западу от Угута, на западном берегу старицы Сельповский урий и правом берегу Большого Югана. Четвертый объект – городище Стрелка – находится на левобережье Большого Югана, в 5–6 км к юго-западу от поселка Угут, на берегу небольшой речки Нексап (Нехсап), впадающей в старицу Частухинский урий [*Яковлев, 1987; Кардаш, Пономарева, 2010.* С. 312]. На этом исследования ТГУ в среднем течении реки Большой Юган завершились.

Исследования Тюменского университета. Практически параллельно с данными разведками и даже чуть раньше их в бассейне Большого Югана начались исследования археологических групп под руководством В. И. Семеновой. В 1979 году на трассе проектируемого газопровода Урьевское – Южный Балык на правом берегу реки Большой Юган, ниже устья Малого Югана, в урочище Еутская гора были обнаружены два средневековых городища IX–XI веков – Еутские I и II, представляющие единый оборонительный комплекс, а также селище Еутское III. В 1982 году близ юрт Еутских В. И. Семенова открыла еще одно средневековое городище – Каменные пески I – начала II тысячетия [*Дрябина, Осоткина, Семенова, 1980.* С. 205; *Семенова, А–1980*; *А–1981*; *1984*; *Стефанова, Борзунов, 2002.* С. 36, 40; *Фефилова, 2008.* Рис. 1 – *№№ 1–3, 5*].

Исследования Тюменского краеведческого музея. В 1983–1984 годах разведочные работы в окрестностях поселка Угут проводились также под руководством В. И. Семеновой. Ей удалось выявить восемь археологических памятников, в том числе городище Больничное, расположенное в 0,5 км к северу от поселка, на южном берегу старичного озера Больничное, а также городища Кельхиурий 1, 2, 4 и поселение Кельхиурий 3 – на берегах одноименного старичного озера. В районе старицы Сартым-урий археолог обследовала городища Сартым-урий 1, 2 с примыкающими селищами (рис. 1.22–1.25) [*Семенова, 1997*].

В 1988 году группа под руководством В. И. Семеновой провела археологические исследования в окрестностях юрт Киняминых, в 20 км к востоку от поселка Угут. В результате был выявлен и описан комплекс из 67 археологических памятников широкого хронологического диапазона – от энеолита до средневековья [*Семенова, А–1988*]. Объекты были разделены на четыре группы. Первую составили 11 городищ, находящихся на правом берегу речки Мохтик, левом притоке реки Малый Юган: городища Мохтик I/1–11. Вторую группу – 4 городища, расположенные на левом берегу той же речки: городища Мохтик II/1–4. В третью группу вошли 4 поселения на левом берегу реки Мохтик, уходящие в глубь террасы: поселения Мохтик III/1–4. Четвертую группу составляют 6 памятников, расположенных по берегам старичного озера Нявиттех-кор в бассейне реки Малый Юган. Это – могильники Киняминский 1 и 2 (I и II), селища Киняминское 1–4 (I–IV).

[1] Здесь и далее нумерация памятников археологии дана в соответствии с Государственным списком недвижимых памятников истории и культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, утвержденным Постановлением Губернатора ХМАО № 89 от 04.03.97 году с изменением от 17.06.97 году за № 754.

В полевых сезонах 1988 и 1990 годов осуществлены стационарные исследования могильников XIII–XIV веков Киняминский I и Киняминский II [*Семенова, А–1989*]. В процессе раскопок памятники были полностью исследованы, на них обнаружено 36 погребений [*Семенова, 1991*].

Городище Частухинский урий профессиональными археологами впервые было обследовано в 1988 году. Через год под руководством В. И. Семеновой проведены стационарные раскопки памятника. В результате были изучены остатки поселенческого комплекса, несколько захоронений и культово-поминальный комплекс. На то время, по мнению исследователя, памятник был полностью раскопан. Работы завершились в начале 1990-х годов и более не возобновлялись. По их результатам автором исследований был опубликован целый ряд статей и две монографии [*Семенова, 1990*; *1992а*; *1992б*; *1993*; *1995*; *1997*; *2000*; *2001*; *2002а*; *2002б*; *2005*; *2005*; *2007*]. Подробнее о результатах и истории изучения этого объекта археологического наследия мы расскажем позже.

Исследования Сургутского краеведческого музея. В середине 1990-х годов эстафету Тюменского музея принял Сургутский краеведческий музей, после того как в нем появился собственный археолог – М. Ю. Селянина, ныне директор этого учреждения. Разведочной группой музея под ее началом были проведены исследования в среднем течении реки Большой Юган – в районе юрт Когончиных и нижнем течении речки Негусъях.

В том числе в 1996 году сотрудниками музея были открыты 8 археологических памятников. Из них 7 находятся близ устья левого притока Большого Югана – речки Кулунигый (10,5–12,5 км к юго-юго-западу от поселка Угут): городища Куншин-ко-ваутэу и Кулунигый, неукрепленные поселения Кулунигый 1–5. Еще одно городище – Негусъях – обнаружено на левом берегу притока Большого Югана, речки Негусъях («*Соболиная река*» – хант.) [*Селянина, А–1997*; *1997*; *1999*].

В 1997 году М. Ю. Селянина продолжила разведочные работы в урочище Юрты Когончины зимние и на прилегающих участках – речке Пеу (левый приток Большого Югана), правом берегу речки-ручья Кулунигый (левый приток Большого Югана), близ ее устья, а также по обоим берегам Большого Югана. В результате поисков удалось выявить еще 21 археологический памятник: городища Пеу 1–3 и неукрепленные поселения (селища) Пеу 1, 5–7 на левом берегу и поселения (селища) Пеу 2–4 – на правом. Два памятника были открыты на левом берегу Большого Югана, в 1,2–1,3 км к северо-западу от Юрт Когончиных (городища Тангэр-вантын и Когончинское 2). Еще два памятника были выявлены на правом берегу Кулунигыя – городище Кулунигый 2 и поселение Кулунигый 6. На правом берегу Большого Югана, близ устья речки Кельмсап, обнаружены три памятника: городище Лоол-воч 1 и поселения Лоол 1, 2 (рис. 1.22–1.25) [*Селянина, А–1998*].

Исследования МУ СР ИКНПЦ «Барсова гора» (г. Сургут). Работы по выявлению ОКН в бассейне реки Большой Юган были продолжены в 1999 году археологической экспедицией Муниципального учреждения Сургутского района Историко-культурный научно-производственный центр (МУ СР ИКНПЦ) «Барсова гора» под руководством Н. В. Шатунова [*Шатунов, А–2000*]. В ходе обследований в окрестностях поселка Угут на берегах старицы Сартым-урий были зафиксированы 14 археологических памятников: неукрепленные поселения (селища) и городища Сартым-урий 4–7, 9–18, могильник Сартым-урий 8. В том же году разведгруппой Н. В. Шатунова на речке Угутка открыты городища Угутское 7, 8, а также селища Угутское 1–6, 9, 10.

В 2000 году сотрудник того же центра М. А. Ушаков обнаружил еще один памятник – селище Кельхимурий 5 на одноименной протоке [*Ушаков, А–2001*]. Тогда же Н. В. Шатунов в междуречье Кулунигыя и Куйми картографировал группы ям Ай-Куйми 1–4 и археологические объекты, получившие название Кулунигый 4–6 (рис. 1.22–1.25) [*Шатунов, А–2002*].

Исследования Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург). Археологические разведочные работы УрГПУ стали в определенной степени продолжением деятельности МУ СР ИКНПЦ «Барсова гора» на территории Сургутского района в окрестностях поселка Угут. Эти изыскания велись параллельно со стационарными аварийными раскопками городища Сартым-урий 18, селищ Сартым-урий 16 и 17. Последние исследования были организованы ООО «НПО “Северная археология-1”» и выполнялись с 2000 по 2012 годы в рамках совместных работ.

В 2004 году разведочной группой под руководством Ю. В. Рогозинниковой были еще раз осмотрены берега протоки Кельхимурий, на которых, кроме уже известных памятников, были отмечены два новых – селища Кельхимурий 6 и 7 [*Сай и др., 2005*; *2007*].

В 2006 году разведочной группой под руководством Ю. П. Чемякина было выявлено и осмотрено городище и прилегающее к нему селище на озере Больничном: городище Больничное II и селище Больничное III [*Чемякин, Фефилова, 2007*]. Второй разведочной группой на старицах реки Малый Юган найдены четыре городища – Яун-ях 1, Имиурий 1, 2, 4 и три селища – Яун-ях 2, Имиурий 3, 5. На берегах правобережной старицы реки Большой Юган – Охтымурий – выявлено восемь городищ: Охтымурий 1, 2, 4–6, 9, 12, 13, а также шесть селищ: Охтымурий 3, 7, 8, 10, 11, 14 [*Фефилова Л., Фефилова Т., А–2007*]. В том же году на безымянной старице у правого коренного берега реки Большой Юган, к северу от поселка Угут, Л. Ю. и Т. Ю. Фефиловыми были зафиксированы три археологических объекта: городище Шестнадцатый песок 1, примыкающее к нему селище Шестнадцатый песок 2 и городище Шестнадцатый песок 3 [*Там же*].

В 2007 году сотрудниками УрГПУ была проведена разведка, в процессе которой были сняты инструментальные планы городища Коурий 1 и селища Коурий 2 на реке Малый Юган и ряда памятников на реке Большой Юган – городищ Охтымурий 1, 16, 28, Шестнадцатый песок 1, 3, Больничное 3, Угутское 12, селищ Охтымурий 3, 7, 8, 10, 11, 15, 17, 19–27, Шестнадцатый песок 2, Больничное 2, 4. Из них городища Коурий 1, Охтымурий 28, Шестнадцатый песок 3, селища Коурий 2, Охтымурий 19–27, Шестнадцатый песок 2, Больничное 4 были открыты в ходе работ 2007 года [*Фефилова Л., А–2007*], а городища Охтымурий 16, Шестнадцатый песок 1, Больничное 3, Угутское 12, селища Охтымурий 15, 17, Больничное 2 были известны ранее по устным сведениям (рис. 1.22–1.25). Остальные памятники выявлены и осмотрены Т. Ю. Фефиловой в 2006 году [*Фефилова Л., Фефилова Т., А–2007*].

В 2008 году Л. Ю. Фефилова и О. Л. Звягин осмотрели ранее не исследованные участки в окрестностях поселка Угут, а именно: берега старицы Школьный Урий и правый берег речки Угутки. Было открыто десять новых объектов археологии: селища Угутское 13–21 и Школьный урий 1 (Комплекс ОКН «Угутский»). Кроме того, обследованы грива в устье речки Негусъях и урочище Лейковский бор. В результате обнаружено шесть новых объектов (комплекс ОКН «Когончины»): селища Лейковский бор 1, 4, 5, группы ям Лейковский бор 2, 3, 6 (рис. 1.22–1.25) [*Фефилова Л., Звягин, А–2008*].

Исследования МУ «Центр историко-культурного наследия» и ООО «НПО “Северная археология-1”» (г. Нефтеюганск). В 1997 году сотрудниками МУ «Центр историко-культурного наследия» были первые выполнены камеральные работы по анализу территории месторождений нефти в окрестностях поселка Угут. В процессе этих исследований проведено зонирование территорий Западно-Угутского, Средне-Угутского и Угутского месторождений нефти по степени вероятности нахождения на них объектов культурного наследия, а также собраны и проанализированы сведения обо всех ОКН, известных здесь на тот момент [*Карачаров, А–1997*; *Кардаш, А–1997*].

В 1999 году разведочной группой под руководством К. Г. Карачарова проведено рекогносцировочное археологическое обследование среднего течения реки Большой Юган – от юрт Ларломкиных до юрт Каюковых. В результате были получены данные о 41 ранее не известном объекте культурного наследия: 16 городищах, 9 поселениях, 3 могильниках, 2 местонахождениях, 3 археологических комплексах, 4 памятных местах, 2 промысловых объектах и 2 современных культовых местах, расположенных в бассейнах Большого и Малого Югана. Для 12 из них – поселений Ларломкино 1–4, Колсымовы 1, 2, Лоольях, городищ Вашинпеу, Манкупеу, Камси-ях, Юрты Каюковы 1, 2 – были составлены глазомерные планы и составлены описания; пять остальных памятников только осмотрены. Кроме того, составлен глазомерный план ранее выявленного городища Больничное I (рис. 1.22–1.25) [*Карачаров, А–2000*].

В 2000 году разведочной группой К. Г. Карачарова выполнено археологическое обследование среднего и нижнего течения реки Малый Юган – от юрт Каймысовых до юрт Сурламкиных. В ходе работ осмотрено 12 археологических памятников: городище Вочш-волтэ-пай, городище и селище Каймысовы 1, селища Тюмкины, Ачимовы 1, 3, Монть-ко-урий 2, Сурламкины 1–3, могильники Ачимовы 2 и Сурламкины 4. Для пяти из них составлены глазомерные планы и сделано описание. Еще об одном селище были получены устные сведения [*Карачаров, А–2001*].

В 2002 году разведочной группой под руководством Г. П. Визгалова в ходе натурного обследования участков, отводимых под строительство объектов обустройства Киняминского, Угутского и Средне-Угутского месторождений нефти, были обнаружены ОКН на реке Малый Юган: селища Ай-Мохтикми и Кельмино 1. Проверено состояние ранее выявленных археологических памятников на берегу старицы Сартым-урий

и хантыйского кладбища на берегу старицы Кельхым-урий к северу от поселка Угут. На протоке Сартым-урий сняты глазомерные планы средневековых мысовых укрепленных поселений и примыкающих к ним неукрепленных: городищ Сартым-урий 2.1, 3.1 и селища Сартым-урий 2.2, 3.2 (рис. 1.22–1.25) [*Визгалов, А–2003*].

В 2003 году в ходе обследования участка, расположенного на левобережье реки Большой Юган, на территории Западно-Угутского месторождения нефти, разведочной группой под руководством С. А. Мызникова выявлены три новых археологических объекта – селища Сухая 1, 2 и группа ям-ловушек Сухая 3, находящиеся на левом берегу речки Сухая [*Мызников, А–2004а*]. В ходе историко-культурной экспертизы Унтыгейского лицензионного участка были обнаружены памятники археологии в междуречье Кулунигыя и Куйми – группы ям Ай-Куйми 5–15 (рис. 1.22–1.25) [*Мызников, А–2004б*; *2004*].

В 2005 году разведочной группой под руководством С. А. Мызникова были выявлены городища Нексап 1–2 и могильник Нексап 3 на левом притоке Большого Югана – речки Нексап и группы впадин Акстлыгый 1–2 на одноименном правом притоке Большого Югана [*Мызников, А–2005*].

В процессе полевых работ 2006 года в урочищах юрты Когончины зимние и юрты Лейковы, расположенных на территории Средне-Угутского месторождения нефти в нижнем течении речки Кулунигый, были обследованы участки коренных террас общей протяженностью около 15 км, от 200 до 500 м в глубь террасы. В итоге был выявлен 41 новый памятник и дополнительно обследовано 9 поселений, открытых в 1996–1997 годах М. Ю. Селяниной. Среди новых памятников – 8 городищ, 31 селище и 2 грунтовых могильника [*Петрова, А–2006*].

Полевые работы были продолжены в 2007 году экспедицией под общим руководством О. В. Кардаша. При этом отмечены новые и обследованы ранее известные ОКН в окрестностях поселка Угут на территории Угутского и Средне-Угутского месторождений нефти [*Кардаш, А–2007*]. Разведки проводились несколькими группами.

Двумя разведочными группами под руководством Л. Ю. Фефиловой и С. Г. Пархимовича обследованы перспективные для археологического исследования участки в окрестностях поселка Угут – на правобережье реки Большой Юган, по берегам речки Угутки, а также на старице Сельповский урий в районе поисково-разведочной скважины № 12 Угутского месторождения нефти [*Кардаш, А–2008а*]. Проведен мониторинг ранее выявленных археологических памятников в окрестностях поселка Угут. Помимо этого, здесь картографировано 10 ранее неизвестных ОКН: селища Сельповские 3–8 и Угутские Левобережные 1–4. В междуречье Большого Югана и речки Кельсамп обнаружены 4 селища: Кельмсап 1–4. В районе зимних юрт Кымычевых зафиксированы городище Кымычевское 1, селища Кымычевское 2 и 3 (рис. 1.22–1.25) [*Кардаш, А–2008б*; *А–2008в*].

Группой под руководством М. Ю. Баранова проведена разведка в окрестностях юрт Киняминых, в бассейне речки Мохтикми Сап [*Баранов, А–2008*]. В результате обследовано и картографировано 67 археологических памятников, обнаруженных в 1988 году В. И. Семеновой (городища Мохтик 1/1–11, 2/1–4; поселения Мохтик 3/1–4, археологические объекты Киняминское 1–48), и выявлено 44 новых. Названия последних ОКН продолжили нумерацию В. И. Семеновой: поселения Мохтик 1/12–35; поселения и городища Мохтик 2/5–19, 3/4–11. В итоге обследовано 111 археологических памятников, составляющих комплекс ОКН «Киняминыы» (рис. 1.22–1.25). Кроме этого, было проведено обследование территории нижнего течения реки Малый Юган к северу от юрт Киняминых. В результате было отмечено около 52 археологических объектов, которые на данный момент не удалось объединить в поселенческие комплексы и присвоить им статус выявленных объектов археологического наследия (ОАН). В общей сложности М. Ю. Барановым было осмотрено, выявлено и картографировано более 160 археологических объектов.

Разведочной группой под руководством О. В. Кардаша проведены работы в окрестностях юрт Когончиных, расположенных в 9–11 км к югу от поселка Угут на реке Большой Юган – близ устья речки Кулунигый, по берегам старицы Атмпельурий и озера Фермовское. Обследовались археологические объекты, относящиеся к комплексу ОКН «Когончины». В правобережной части комплекса повторно обследованы три археологических памятника: городище Лоол-воч 1, поселения Лоол 1 и 2, обнаруженные в 1997 году М. Ю. Селяниной, а также выявлено 19 новых археологических объектов: селища Атмпельурий 1–4 (XVII–XVIII веков), Атмпельурий 6, 7с, 9, 11, Фермовское 1–5, Акстылигый 3, городища Атмпельурий 7, 8, 10, 13 и ямы-ловушки Атмпельурий 5. В левобережной части комплекса повторно обследовано 10 археологических памятников,

обнаруженных в 1997 году М. Ю. Селяниной (городища Пеу 1–3 и селища Пеу 1–7), а также выявлено и обследовано 23 объекта археологического наследия: городища Кулунигый 45, Когончинское 3, селища Пеу 8–15, Кулунигый 44, 45с, Когончинское 4–14 (рис. 1.22–1.25) [*Кардаш, А–2007*]. Кроме того, в междуречье Большого Югана и речки Кельсамп зафиксированы селища Кельмсап 1–4, а в районе зимних юрт Кымычевых – городище Кымычевское 1, селища Кымычевское 2 и 3 [*Кардаш, А–2008а*].

Летом 2008 года разведочные работы и топографическая съемка ОКН на территории Угутского месторождения нефти были продолжены. Обследовались участки левого коренного берега Большого Югана в районе речек Пеу и Кулунигый, а также по правому берегу реки – напротив устья Кулунигыя, вдоль стариц Атмпельурий, Сартым-урий и около озера Фермовское. В окрестностях поселка Угут выявлено два ранее неизвестных памятника археологии: селища Кымычевское 4 и 5 [*Кардаш, А–2009*].

Осенью того же года разведочной группой О. В. Кардаша южнее территории Средне-Угутского и Угутского месторождений было проведено обследование четырех перспективных зон на территории Унтыгейского лицензионного участка. В результате полевых исследований выявлено 84 новых объекта культурного наследия и обследован 21 ранее известный ОКН (рис. 1.22–1.25). Всего же на данных 105 памятниках археологии и традиционной культуры было картографировано 450 остатков сооружений – впадин жилищ и строений.

При этом в первой зоне было обследовано шесть ранее известных археологических объектов (одиночная яма-ловушка Ай-Куйми 1, группа ям-ловушек Ай-Куйми 4, 8–10, селище Унтыгигыйсап 1) и выявлено 10 новых. Это селища Унтыгигыйсап 2–4, Ай-Куйми 16 и группы ям-ловушек Унтыгигыйсап 5–6, Ай-Куйми 17–20. Из них селища Унтыгигыйсап 1–4 и группы ям-ловушек Унтыгигыйсап 5, шесть находятся в непосредственной близости от расчищенной площадки сухоройного карьера песка № К–2с. Во второй зоне зафиксировано девять новых и обследовано два ранее известных объекта традиционной культуры. Это селища Иглыурий 1–4, Чегаевское 1–3 и группы ям-ловушек Иглыурий 5, Чегаевское 4. Из них в аварийном состоянии находится селище Иглыурий 4, разрушаемое автодорогой «Пристань реки Большой Юган – К-10» и селище Чегаевское 2, поврежденное муниципальным зимником «поселок Угут – юрты Каюковы». В третьей зоне был выявлен 21 новый и обследовано пять ранее известных объекта традиционной культуры. Это городища и селища Ватьилипсап 1–12, селища Качнисап 1–6, а также ранее известные юрты и кладбище Рыскиных, летнее оленье стойбище, промысловые комплексы, звероферма. Из них в аварийном состоянии находятся городище Ватьилипсап 1 и селища Ватьилипсап 8 и 12, городище Качнисап 2 и селища Качнисап 1 и 4, разрушаемые вышеупомянутым муниципальным зимником. Селища Качнисап 3, 5 разрушаются населением поселка Рыскины. В четвертой зоне обнаружено 48 новых и обследовано 8 ранее известных памятников археологии и традиционной культуры. Из них 7 – это объекты традиционной культуры, 49 – объекты археологии: 17 городищ, 2 селища-сооружения и 24 селища, а также 5 групп ям-ловушек и 1 курган. На археологических поселениях отмечено 320 жилищ, в том числе для 160 зафиксированы координаты. Эта группа памятников получила название комплекс ОКН «Юрты Каюковы» (рис. 1.22–1.25). В настоящее время из известных комплексов ОКН, открытых в бассейне реки Большой Юган, это – четвертый по количеству памятников. Всего же на территории Унтыгейского лицензионного участка было учтено 139 объектов культурного наследия, в том числе 20 объектов традиционной культуры и 119 объектов археологии.

В 2009 году по результатам полевых исследований 2006–2008 годов начато проектирование зон охраны комплексов ОКН «Когончины», «Киняминыы», «Угутский», а также селища Кулунигый 44 [*Кардаш, А–2009*]. Параллельно были продолжены разведочные работы. Группой К. Ю. Красильниковой обследовано устье речки Негусъях на правом берегу Большого Югана в зоне Средне-Угутского месторождения нефти. В результате разведки выявлено 10 новых археологических памятников: городища Негусъях 4, 6, 8, 9, 12, селища Негусъях 5, 7, 9, 10, 11 [*Красильникова, А-2010*]. Разведочной группой П. В. Пальянова изучались окрестности юрт Лейковых в бассейне среднего течения Большого Югана [*Пальянов, А-2010*]. Выявлен один новый объект – селище Иглыурий 6.

В 2010 году в ходе натурного обследования территории в рамках работ по проекту: «Строительство ВЛ-35 кВ ПС-110 кВ «Среднеугутская» – ПС-110 кВ «Угутская» для ОАО «НК «Роснефть» разведгруппой под общим научным руководством Г. П. Визгалова выявлено 11 ОАН: селища Угутское 22–31, Чистухинский урий 2 [*Балуева, А–2010*].

В 2011 году под руководством П. С. Шульги (Открытый лист № 43, выдан МК РФ 03.03.2011 года) проведена разведка в южной части Угутского и Средне-Угутского месторождений нефти. В процессе работ открыто 13 новых памятников археологии: селища Атмпельурий 17, Негусъях 13, Пеу 18–21, памятники Кулунигый 46–50, группы ловчих ям Нексап 4 и Нексап 5. Одновременно проведен мониторинг ближайших и уже известных поселений, входящих в состав комплекса ОКН «Когончины» [*Шульга, А-2011*].

В 2012 году разведочной группой В. А. Маракулина (Открытый лист № 1408, выдан МК РФ 08.11.2012 года) под научным руководством О. В. Кардаша произведен осмотр и обследование трех ранее известных археологических памятников (селища Угутское 17, 18, 21) и выявлено семь новых (селища Угутское 32–37, группа ям-ловушек Угутское 38) [*Маракулин, А–2012*].

В 2013 году в процессе изыскательских работ по археологическому обследованию территории, отводимой под размещение кустов скважин № 45, 46, 59 Угутского месторождения нефти, разведгруппой Ю. В. Балуевой под научным руководством О. В. Кардаша были обследованы ранее известные селища Угутское 20 и 21, а также выявлено два новых памятника, получивших название селище Угутское 40 и группа ям-ловушек Угутское 39 [*Балуева, А–2013*].

Совместные стационарные исследования в окрестностях поселка Угут, проведенные уральскими и западносибирскими археологическими центрами. В 2000-х годах несколько средневековых поселений, обнаруженных в 1999 году Н. В. Шатуновым близ поселка Угут на протоке (старичном озере) Сартым-урий, были повреждены при строительстве и реконструкции нефтепроводов. Наиболее сильно пострадали городище Сартым-урий 18 и селище Сартым-урий 16. В связи с тем, что нефтепровод принадлежал ООО «Юганскнефтегаз», управление которого находилось в г. Нефтеюганске, организацию охранных раскопок взяло на себя местное Муниципальное учреждение «Центр историко-культурного наследия», позднее реорганизованное в ООО «Научно-производственное объединение “Северная археология-1”». У данной научно-исследовательской организации имелся десятилетний опыт производства аварийно-спасательных археологических мероприятий и наработанные связи с данной нефтедобывающей компанией.

Планомерные раскопки трех указанных памятников проводились с 2000 по 2012 годы объединенной экспедицией Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ), Уральского государственного университета (УрГУ, ныне – ИГНИ УрФУ) и ООО «НПО “Северная археология-1”» под общим научным руководством Ю. П. Чемякина. Кроме того, в данных исследованиях приняли активное участие сотрудники Угутского краеведческого музея им. П. С. Бахлыкова. Результаты стационарных и камеральных исследований опубликованы более чем в двух десятках информационных и аналитических работ, а также двух монографиях [*Чемякин, 2001а*; *2001б*; *2002*; *2003а*; *2003б*; *2003в*; *2003г*; *2005*; *2006*; *2008а.* С. 93–94. Рис. 89–99; *2008б*; *2008в*; *2011а*; *2011б*; *2013*; *Чемякин, Фефилова Т., 2007*; *Фефилова Т., Чемякин, 2008*; *2009*; *Зыков, 2012.* С. 46–60; *Чемякин, Борзунов, 2012*; *2013а; 2013б*; *Борзунов, Чемякин, 2012а*; *2012б.* С. 218, 246, 249–252; *2013а*; *2013б*; и др.]. Параллельно со стационарными раскопками сотрудники УрГПУ и Угутского музея получили возможность осуществлять самостоятельные археологические исследования по выявлению новых археологических объектов в среднем течении реки Большой Юган и нижнем течении реки Малый Юган, о чем было рассказано выше.

В целом, археологические исследования среднего течения реки Большой Юган и ее притоков, эпизодически происходившие с конца XIX века и получившие планомерный характер в 1980-х годах, наиболее активно проводились с начала XXI века. Главной причиной последнего стало интенсивное хозяйственное освоение нефтяной провинции среднего течения реки Обь, которое позволило выявить археологам на данной территории – в окрестностях поселка Угут, в радиусе не более 20 км – три больших комплекса объектов культурного наследия: «Угутский», «Кинямины», «Когончины». Каждый из них состоит из около сотни памятников археологии. При этом практически любой археологический объект включает от одного до нескольких десятков сооружений – остатков жилых, хозяйственных и производственных построек либо могил. Общий хронологический диапазон данных объектов культурного наследия обширен: от конца каменного века – неолита (VI–IV тысячелетия до нашей эры) до Нового времени – начала Российской империи (XVIII век) и так называемой этнографической современности.

Эти данные отражают достаточно высокую плотность населения в среднем течении реки Большой Юган, особенно в эпоху Средневековья и Нового времени. Одной из причин последнего была относительно привлекательная и комфортная природно-климатическая обстановка края, кратко охарактеризованная в начале главы.

Пространственное распределение и топографическая привязка объектов культурного наследия. Вполне очевидно, что фиксируемые нами микрорайоны («кусты») археологических объектов отмечают территории, наиболее оптимальные и эффективные в плане промысловой деятельности древнего и средневекового населения края. Кроме того, несмотря на некоторые культурные различия обитателей юганской тайги, наличие компактно расположенных комплексов поселенческих объектов предполагает определенную преемственность в развитии местных обществ. Каждый комплекс объектов культурного наследия включает памятники практически всех хронологических периодов. При этом наиболее многочисленны здесь, как уже было отмечено, поселения последних полутора – двух тысячелетий. Это создает некое впечатление относительно непрерывного проживания одного и того же коллектива – общины – на данном временном отрезке.

Отличительные особенности района. Хорошо дренированные, поросшие сосновым бором песчаные гривы и участки береговых террас Западно-Сибирской тайги наиболее удобны и комфортны для проживания и хозяйственно-трудовой деятельности. В частности, в песке намного легче выкопать котлован жилища, хозяйственную яму или охотничью яму-ловушку, чем в суглинке. Это занимает гораздо меньше времени и трудозатрат. Кроме того, прилегающие к руслу реки пойменные участки имеют смешанную растительность с преобладанием деревьев темнохвойных пород, таких как кедр и ель, что формирует некий стык локальных ландшафтных зон.

Тем не менее одни лишь ландшафтные условия были бы недостаточно значимой причиной для широкого расселения человека в древности на Севере Евразии, если бы не обеспеченность ряда его территорий, включая таежное Приобье, богатыми природными, в первую очередь пищевыми ресурсами (подробнее: см. Приложение 4.2). Совершенно очевидно, что наличие здесь, в том числе на Большом Югане, большого количества археологических памятников и поздних историко-архитектурных комплексов, которые представлены преимущественно поселениями, маркирует обеспеченность региона пищевыми ресурсами. Причем широкий хронологический диапазон обозначает некую стабильность данного положения на длительном временном промежутке. Что касается конкретных видов западносибирских ландшафтов и растительности, а также их потенциальных возможностей для обитания и воспроизводства зоофауны, то высокие, хорошо продуваемые песчаные террасы, разбросанные среди многочисленных рек, проток, стариц и озер, покрытые светлыми сосновыми борами с ягелем-«беломошником», – это идеальная территория обитания в древности, средневековье и отчасти в наше время южной популяции дикого северного оленя таежного подвида. Дело в том, что ягель, или «олений мох», а точнее лишайник рода Кладония (Cladonia rangiferina, Cladonia alpestris, Cladonia sylvatica и др.), является лучшим видом природного корма для оленей. В зимнее время он составляет до 90% рациона этих животных. Судя по обширным пространствам, поросшим этим мхом-лишайником, кормовая база была велика, что, в свою очередь, обеспечивало до недавнего прошлого проживание большой популяции этих животных. В настоящее время из-за активной промышленной деятельности на Тюменском Севере поголовье стад дикого и домашнего северного оленя резко сократилось, а во многих местах свелось к минимуму. В то же время глухие пойменные смешанные леса бассейна реки Большой Юган до сих пор обеспечивают проживание местной популяции лося, численность которой значительна и по сей день. Кроме того, водоемы бассейна Большого Югана, как и в прошлом, изобилуют рыбой, а леса – дикоросами, составляющими пищевую основу как для животных, так и для человека.

Вероятнее всего, охарактеризованные выше два фактора – стабильная обеспеченность пищевыми ресурсами и относительно комфортные ландшафтные условия – способствовали постоянному проживанию общин аборигенов тайги на данной территории в течение многих столетий и даже тысячелетий.

1.3. НАЗВАНИЕ ПАМЯТНИКА И ГОРОДКА

Прежде чем охарактеризовать историю археологического изучения самого городка, попытаемся еще раз проанализировать его название.

В своей монографии В. И. Семенова детально изучила топонимы, в особенности гидронимы, связанные с местом нахождения городища. Ученым было установлено историческое имя урочища – Мункысь урий –

и указано, что именно его предполагается использовать при описании городка. Тем не менее археологическому памятнику и книге о нем было присвоено иное наименование: «Поселение и могильник Частухинский урий» [*Семенова, 2005.* С. 6, 68, 69]. Причем на современных картах интересующая нас старица реки Большой Юган была картографирована с гидронимом «Чистухинский урий»[2]. Название, приведенное В. И. Семеновой, по-видимому, воспроизведено со слов жителей поселка Угут. Оно происходит от фамилии их земляка, который долгое время ловил рыбу в этой старице и на бытовом уровне закрепил это место как свое промысловое угодье.

Некоторое время похожим термином – «*Частухинский урей*» – пользовались авторы данной монографии [*Кардаш, А–2011*] и Н. В. Шатунов [*А–2012*]. Вместе с тем возникает впечатление некой нерешенности проблемы исторического названия урочища и, соответственно, исторической идентификации археологического объекта. По этой причине считаем уместным вернуться к вопросу о названии городка, используя материалы предшествующего исследователя, дополнив их собственными наработками.

В. И. Семенова привела в своей книге три версии названия старицы, зафиксированные в фольклорных источниках – *Монкол урий*, *Мункул уры*, *Мукут урий*, а также нашла еще один вариант – *Мункысь урий*, который относится к названию исследуемого городка.

Первая версия перевода названия основана на сказании «Об упавшем *Мэнк-ыки*», вкратце записанном ею со слов местных хантов. Суть этого рассказа такова. Близ места, где находится городище, был пойман и побит людьми за злые проделки великан *Мэнк-ыки*. «*Убегая, он запнулся и упал здесь поперек реки. Голова его осталась в виде холма на левом берегу, а на правом появились бугорки и кустарник, повторив очертания вытянутых ног*». На основании этого предания и того, что в одном из текстов легенд про Тонью говорится о сражении, произошедшем на месте, «*где голова Мэнк-ыки обросла мохом*» [Материалы по фольклору хантов…, 1978. С. 41], В. И. Семенова предложила новый вариант происхождения названия старицы от слова *мэнк* [*2005.* С. 68, 69]. В качестве дополнительного аргумента она указывает традицию использования топонимов, связанных с преданиями о *менквах* – лесных духах-великанах (они же – первые люди, неудачно созданные верховным богом Нуми-торумом из стволов лиственниц и убежавшие в лес), что зафиксировано рядом исследователей, в том числе К. Ф. Карьялайненом и С. К. Патхановым. В частности, существовали топонимы со словом *menk*: *Menkat-tor* (Менквов озеро), *Menkat-pujэt* (Менквов поселение) [*Карьялайнен, 1995.* С. 272]. В Меньше-Кондинской волости были известны *Menkin iogam* (Лес менквов), *Menkin teu* (Озеро менквов), *Menkin pugot* (Деревня менквов) [*Патканов, 1999.* С. 136]. Подобные топонимы приведены Вольфгангом Штейницем в его диалектологическом и этимологическом словаре хантыйского языка [*Steinitz, 1978.* S. 46–48]. Вместе с тем Валентина Ивановна отмечает малую вероятность данной версии, поскольку лингвисты отрицают возможность превращения «*мэнк-ыки*» в «*мункысь*» (в том числе – и в другие огласовки) [*Семенова, 2005.* С. 68, 69].

Вторая версия основана на сходстве названия старицы и городка с другим словом – *мункес*. В. И. Семенова пишет: «На реке Ляпин существовала мансийская деревня Мункес (вариант – Мунгкес). Сейчас она уже покинута, но на картах сохранилась [Мифы, предания, сказки..., 1990. С. 541]. Интересно, что предком жителей данного населенного пункта считается Хонт-Торум, божество войны. Лингвист Э. Микилиан-Рутткаи сообщила, что народная этимология связывает название деревни со словами «*мунэн*» – полукруглый и «*кес*» – *чижы* (вид местной обуви). Отталкиваясь от данных сведений, можно предложить вторую версию, учитывающую особенности расположения памятника на крутой петле Югана. Возможно, в названии «*Мункысь*» кроется скрытый намек на «круг», «кружной» (*хант.* «мэвэл»). Возможность использования такой характеристики подтверждается этимологией Мункачи, приведенной по поводу уже упомянутой деревни Мункес: «*мувлин-кес-ус*» – «круглые меховые чулки город» [*Семенова, 2005.* С. 69]. Таким образом, по второй версии старица, где находился городок, могла носить название «Полукруглых чулок».

Третья версия, предложенная В. И. Семеновой и, по-видимому, представляющаяся для нее наиболее правильной, заключается в том, что название старицы является реликтовым. Оно сохранилось в среде юганских ханты от иного, предшествующего населения: возможно, от самодийского, не связанного с обско-угорской языковой группой. В подтверждение данного варианта трактовки топонима указывается наличие на реке Верхняя Кеть селькупской фамилия Мунгаловы [*Пелих, 1980.* С. 25]. Следовательно, названия городка и старицы не имеют точного перевода с хантыйского [*Семенова, 2005.* С. 69].

[2] Урий, уры, урэ (хант.) – озеро, сформировавшееся из участка старого русла рек.

Четвертая версия. На наш взгляд, В. И. Семенова рассмотрела не все возможные варианты перевода интересующего нас топонима с хантыйского языка. В настоящее время мы зафиксировали историческое название старицы в разных огласовках: *Мункысь урий* и *Монкысь урий*. Заметим, что анализ и перевод русских транскрипций того или иного хантыйского названия зачастую не менее труден, чем анализ употребления диалектических форм у разных групп обско-угорского населения в отношении одного и того же термина. С этим мы столкнулись и в рамках данного исследования, при подборе терминов – названий предметов, долго работая со словарем и нашими друзьями с реки Большой Юган. Чтобы представить и обосновать свою версию, вернемся к фиксации в фольклоре известных названий старицы в хронологическом порядке.

Первые сведения о наименовании старицы, у которой был построен городок легендарного вождя, относятся к началу XX века. «*Остяцкий князь Танга, по сообщению юганских остяков, жил в 7 верстах от нынешних юрт Уготских, при урье Монкол, на возвышенной (до 5 сажень) сопке, расположенной выше устья этого урья на 1 версту*» [*Дунин-Горкавич, 1904.* С. 29]. Таким образом, «*Монкол урий*» – наиболее раннее известное нам название старицы. Такого словосочетания нет в словарях хантыйских диалектов, что позволяет нам – для попытки перевода – расчленить его на составляющие: *mon* и *kol*. Слово *mon* в диалектах хантыйского языка имеет однозначный перевод – мужской половой орган [*Терешкин, 1981.* С. 261]. Этот же корень *mon* формирует основы ряда других слов *monl'i* – купол церкви или *monki* – цилиндрический фрагмент дерева для сидения, а также ряда других слов, означающих «усредненно» некий полусферический или сферический объем – *кочка*, *узел*, *сверток*, *густая крона дерева* и тому подобные [*Там же*. С. 261, 264, 265]. Не думаем, что интересующий нас городок прямо назывался как мужской половой орган. Вероятно, это слово обозначало некую полусферическую доминанту. Второй термин или корень – *kol* – тоже имеет «прямой» перевод, причем не один. Из наиболее применимых к наименованию населенного пункта переводов выделим несколько и поясним их. Наиболее интересный из них – *ель*, что позволяет предположить вариант перевода «*Мон кол*», как «*Еловый холм*» или «*Мон кол урий*» «Елового холма старица» [*Там же*. С. 167]. В целом это название описательное, характеризующее как форму, так и ландшафтные условия расположения городка. Второй приемлемый для нас вариант перевода слова *kol* – это *умение что-либо делать* [*Там же*. С. 169]. Оно позволяет представить некий правдоподобный вариант перевода – «*Холм умельцев*» или «*Сопка мастеров*». Как будет видно из дальнейшего повествования, это тоже недалеко от реалий прошлого. Есть еще одно близкое по корню слово, которое могло быть, в какой-то форме, в основе названия. Это слово *kolemta* – *умереть*, *погибнуть* [*Там же*. С. 169]. Судя по истории городка, название «*Холм погибших*» или «Старица холма умерших» столь же вероятно и имеет свое право на существование. Таким образом, самое раннее зафиксированное нами название городка и старицы перевести можно, но перевод весьма вариативен.

У населения бассейна реки Васюган небольшие обособленные возвышенности называются «*monk*» – «*холмы дома*» или «*городские холмы*» [см.: *Карьялайнен, 1995.* С. 272; *Патканов, 1999.* С. 136]. Причем В. И. Семенова вскользь упомянула это сходство, но не попыталась развить попытку перевода в данном направлении. Основываясь на этом переводе, можно заключить, что название состояло из двух корневых слов, первое из которых следует однозначно перевести как *холм* или *жилой холм*, в смысле *дом в форме холма*.

Продолжим поиски вариантов перевода второй части названия, анализируя варианты из других сказаний. В некоторых легендах и былях приводятся версии названия городка, содержащие слово *кул,* которое однозначно переводится как *рыба* [*Терешкин, 1981.* С. 188]. Например: «*Тонья на урье построил город, на Мункул-уры, возле Угута, там рядом высокий бугор есть* [Материалы по фольклору хантов…, 1978. С. 42; Мифы, предания, сказки…, 1990. С. 177]. Название «*Мункул-уры*» представляется трансформированным, близким к изначальной форме, но выраженным более понятными и часто употребляемыми словами: «*Мун-кул-уры*» – «*Старица рыбы*»*?* либо «*Рыбная старица*».

Другой вариант названия: «*Между юртами Когончиными и Угутом есть Мукут-урий. Танья там с матерью обосновался*» (Прил. 2.10). Этот вариант – «*Мукут-урий*» – вряд ли адекватен, поскольку слово *kut* – это числительное *шесть* [*Терешкин, 1981.* С. 192].

Наиболее часто употреблявшееся в последних версиях сказаний название – «*Мункысь урий*», где второй корень звучит как «*кысь*». Удалось найти наиболее близкое по звучанию и смыслу слово *kic* – *сказочный*, *старинный* [*Там же*. С. 160]. Данное слово позволяет предложить вариант перевода – «*Сказочный холм*» или «*Былинный холм*».

Вполне вероятно, что сами сказители могли варьировать названия городка и изменять их на близкие по звучанию и смыслу.

В итоге мы выбрали свой вариант названия, наиболее близкий изначально записанному, а также современному звучанию, воспроизводимому информаторами: ***«Монкысь урий»***. Это название – только один из вероятных вариантов. Возможно, впоследствии удастся найти более правильный термин и его перевод, но сейчас, на наш взгляд, определение «*Монкысь урий*» наиболее близко к историческому топониму.

Вместе с тем термины «*вач*», «*воч*», «*вош*» – в обско-угорской языковой среде – обозначают слова «*город*», «*городок*», в том числе и древний [*Патканов, 2003*. С. 36–39; *Терешкин, 1981*. С. 506; *Мурзаев, 1984*. С. 114, 131]. Если рассмотреть названия других исторических городков и археологических городищ, зафиксированных в таежном Приобье, связанных с обскими уграми и их языковой средой, то очевидно, что изначально название нашего городка должно было звучать как «*Монкысь-вач*».

В целом же без хороших знатоков языка, в частности юганского говора, а также истории местных ханты общин, нам довольно сложно заниматься переводом топонимов. При этом мы ни в коем случае не считаем, что наша версия окончательная и безупречная.

Тем не менее имеется еще одно наблюдение, в какой-то степени подтверждающее воспроизведенную нами форму названия. В латинском языке имеется слово *mons – гора*. Подобный же корень лежит в основе французского термина *mont*, английского *mount* и ряда других европейских языков, составляющих индоевропейскую языковую семью. Все они также означают слова *гора*, *холм*. Если наша догадка верна, то слово *мон* в названии городка в какой-то степени маркирует близость термина в целом к индоевропейской языковой семье. Вторую часть слова или его окончание нам так и не удалось достоверно определить. Это наблюдение – лишь повод в перспективе, на следующей стадии анализа материалов исследований, задуматься над формированием и бытованием языка как жителей городка, так и их потомков – современного населения реки Большой Юган.

1.4. ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ (ГОРОДИЩА ЧАСТУХИНСКИЙ УРИЙ)

Археологическое изучение любого памятника древней истории – не только и не столько извлечение из земли предметов прошлого. Это еще и осмысление найденных материалов, а затем – «извлечение» из них исторической информации.

Раскопки городка *Монкысь урий* велись периодически на протяжении последних 35 лет, и каждый этап становился информационной базой для следующего. Нами выделено три этапа исследования памятника.

Первый этап следует охарактеризовать как краеведческий с выборочными раскопками. Городок *Монкысь урий* был обнаружен в начале 1980-х годов П. С. Бахлыковым, жителем поселка Угут, краеведом и основателем местного музея. Им были произведены первые любительские раскопки данного памятника. В дневнике исследователя имеется такая запись за 1984 год, касающаяся раскопок городища Частухинский Урий: «*Занимаюсь археологией. Мне повезло: откопал несколько сот монет «чешуек» времен Ивана III и IV. И вот большая удача: обнаружил в раскопе чашу. Похоже, иранская, ручной ковки, серебро с позолотой. К сожалению, чаша частично попорчена, позолота чуть просматривается. Как она к нам попала? Полагаю, через ордынцев, то есть где-то в XV–XVI веках досталась местному князьку в обмен на меха*» [Подвижник из Угута…, 2000. С. 98]. По данным В. И. Семеновой, раскопки городища Частухинский Урий велись Петром Семеновичем на протяжении нескольких лет. На вершине холма, в центральной части памятника, в двух впадинах – остатках средневековых жилищ – им были заложены шурфы, в каждом из которых были обнаружены коллективные захоронения с богатым инвентарем (более 650 серебряных монет, серебряные украшения, предметы быта) [*Семенова, 1997*. С. 152; *2000*. С. 416]. Кроме того, в течение ряда лет городище незаконно раскапывалось школьниками под руководством учителей Угутской школы-интерната [*Семенова, 2001*. С. 5]. Коллекция артефактов, собранная П. С. Бахлыковым и его последователями, стала основой археологических фондов созданного им Угутского краеведческого музея. Общая численность находок из двух погребений составила порядка 740 предметов, большинство из которых (около 670 штук) – это серебряные монеты Ивана IV. Первые находки с памятника появились в общественном культурном обороте и попали в поле зрения представителей профессионального сообщества.

На втором этапе были проведены первые целенаправленные научные стационарные археологические исследования в центральной части памятника. Эти работы официально были выполнены в 1990 году экспедицией Тюменского областного краеведческого музея (ТюмОКМ) под руководством В. И. Семеновой. Между тем сроки полевых изысканий в действительности могли быть иными[3]. По результатам анализа материалов раскопок в 2005 году В. И. Семеновой выпущена монография: «Поселение и могильник Частухинский урий» (рис. 1.34).

Автором этих раскопок было составлено описание памятника. Будет уместно привести его полностью, поскольку в нем содержится характеристика микрорельефа оборонительно-жилого комплекса до начала раскопок. Именно на основе этих сведений, а также графических материалов, нами была выполнена графическая реконструкция рельефа руин городка (рис. 2.2.12; 2.2.13).

В монографии В. И. Семенова пишет (курсив – наш):

«*Форма памятника повторяет вытянутый овал верхней площадки холма (рис. 3). Размеры ее с северо-запада на юго-восток и с юго-запада на северо-восток 16×27 м. Склоны крутые, высотой 4-4,5 м от напольной поверхности. С юга и юго-востока к холму подступают болота, с севера и северо-запада – озеро-старица (высота от верхней точки холма до уреза воды 6–7 м). С юго-востока от холма тянется гривка, выходящая на Бол. Юган.*

Выровненная площадка холма и крутизна северо-восточного и юго-западного склонов явно искусственного происхождения. У западной кромки городища зафиксировано подпрямоугольное понижение (впадина 1) размерами 7×3 м, глубиной до 0,7 м. Две крупные глубокие подпрямоугольные впадины, расположенные по диагонали друг к другу, отмечены в южном и северном секторах. Размеры южной ямы 6×4,5 м (впадина 2), северной – 6×5 м (впадина 3) (см. Приложение 1: рис. 28). Глубина обеих от уровня поверхности более 1 м. Неглубокая подпрямоугольная впадина 4 отмечена на восточной оконечности городища, ее размеры 6×4,5 м, глубина 0,4 м. Она выходит на юго-восточный склон памятника.

Через центр всей территории памятника с юго-запада на северо-восток проходит валообразная насыпь шириной до 2 м, образованная оплывшими обваловками впадин (см. Приложение 1: рис. 28). С востока ее прямоту нарушает впадина 4 (рис. 3)» [*Семенова, 2005*. С. 6, 7].

В 1990 году верхняя площадка оборонительно-жилого комплекса была охвачена единой координатной сеткой. Последняя была сориентирована продольно центральной валообразной насыпи, пересекавшей площадку с юго-запада на северо-восток: по оси 60° – 240°. Размеры квадратов данной сетки составляли 3×3 м. Линии участков с юго-запада на северо-восток были пронумерованы цифрами, с северо-запада на юго-восток – буквами. Из-за крупных деревьев, росших на городищенской площадке, часть квадратов не была вскрыта. Четыре раскопанные сектора оказались изолированными друг от друга. В связи с этим они получили нумерацию отдельных раскопов: №№ 1–4. Определение мест раскопов на верхней площадке холма производилось с учетом расположения краеведческих шурфов П. С. Бахлыкова. Раскоп № 1 (кв. А–В/2, Б/3, в нумерации 1990 года) находился в западной части площадки. Он включил часть впадины № 1 и первый шурф (П. С. Бахлыкова) на месте погребения № 1. Раскоп № 2 (кв. Г–Д/2–4, в нумерации 1990 года) заложен в южной части площадки. В него попала часть впадины № 2. Раскоп № 3 (кв. А/5, Б–В/5–6, в нумерации 1990 года) находился в северо-восточной части площадки. Он включил часть впадины № 3 и еще один шурф П. С. Бахлыкова, в котором ранее были обнаружены остатки погребения № 3. Раскоп № 4 (кв. Г/7–8, Д/6–8, в нумерации 1990 года) локализовался в юго-восточной части площадки. В его границы вошла часть впадины № 4. Общая площадь раскопок составила 102 кв. м [*Семенова, 2005*. С. 7–9. Рис. 3; 4].

По результатам исследований В. И. Семенова выделила три этапа существования поселения и два «ритуальных» периода, включавших погребальный комплекс из четырех захоронений и святилище.

[3] Для изучения городища Частухинский Урий В. И. Семеновой в 1990 году был получен Открытый лист № 869 (форма 4) от 02.08.1990 года. Вместе с тем научный отчет о результатах раскопок был подготовлен и сдан в Отдел полевых исследований ИА РАН только в 2002 году (рис. 1.29–1.33). Судя по информации, содержащейся в этом отчете [*Семенова, А–2002*] и впоследствии изданной монографии [*Семенова, 2005*], работы были проведены в течение одного полевого сезона. Сведения о других годах исследований и Открытых листах, выданных на изучение данного памятника, в архивных материалах отсутствуют. Тем не менее создается впечатление, что раскопки Монкысь урия велись В. И. Семеновой в течение нескольких полевых сезонов (1990–1992 годы), и все данные сведены в один отчет. Эти обстоятельства не повлияли на качество полевых работ и отчетной документации. В целом исследования проведены Валентиной Ивановной на уровне, соответствующем методике работ своего времени.

К *первому поселенческому этапу (периоду)* она отнесла разрушенный котлован 2, семь ям и одно детское погребение (? – *О. К, Г. В*).

Ко *второму поселенческому этапу* причислены три котлована и четыре ямы.

При этом первые два этапа были датированы серединой I – началом II тысячелетия нашей эры [*Семенова, 2005.* С. 9].

С *третьим поселенческим этапом* связаны четыре жилища, столько же ям и оборонительные сооружения, а также захоронение двух женщин. Хронологические рамки его определены в пределах конца XVI – начала XVII века. Следы огня, находки пуль и ядер, выявленные в культурном слое, по мнению В. И. Семеновой, являются свидетельством осады городка казаками, отправившимися из Сургута на Юган для сбора ясака [*2005.* С. 76–79].

Первый ритуальный этап состоял из захоронения (? – *О. К., Г. В.*) двух женщин (погребение № 2, в интерпретации В. И. Семеновой), обнаруженного в жилищной впадине № 2. По оценке автора раскопок, оно появилось сразу после сожжения городка. Спустя короткое время (1–2 года или несколько лет), на верхней площадке городища были совершены два коллективных погребения. В том числе: погребение № 1 состояло из 9 умерших, а погребение № 3 – из 5 человек. Этот этап был датирован началом XVII века. Последние захоронения В. И. Семенова интерпретировала как «княжеские» [*2005.* С. 91]. Помимо этого, был зафиксирован ритуальный комплекс, представлявший собой группу костяных и железных наконечников стрел, воткнутых по периметру погребения № 1.

В результате раскопок 1990 года на территории городка были обнаружены остатки средневекового поселенческого комплекса середины I – середины II тысячелетия, могильника начала XVII века и связанного с ним поминального комплекса. За поселениями второй половины I тысячелетия и могильником было сохранено наименование «Частухинский Урий». Название «Мункысь Урий» В. И. Семенова применяла только в отношении городка, связанного с легендарным временем «Тоньи-богатыря» [*2005.* С. 6, 68–79].

Собранная коллекция предметов насчитывала около 1000 единиц. Археозоологическая составила порядка 450 единиц. Точное число костных останков людей неизвестно. Можно только говорить об обнаружении костей порядка 17 индивидуумов разной степени сохранности (Прил. 4).

Подводя итог исследованиям второго этапа, отметим несколько факторов, ставших причиной продолжения исследований памятника. Совершенно очевидно, что за границами раскопов 1990 года остались периферийные участки памятника (рис. 1.26–1.28). Остатки сооружений оборонительной системы также не попали в пределы вскрытых участков. Значительная часть верхней площадки, где, собственно, располагался комплекс жилых построек, была исследована не полностью. Более того, ни одно жилое строение, отмеченное на поверхности впадиной, не было вскрыто целиком. Руины всех построек попали в раскопы лишь частично (рис. 1.28; 2.2.17). Таким образом, о полном исследовании городища говорить было явно преждевременно.

Кроме того, в техническом арсенале археологов тех лет такие приборы, как тахеометр и металлодетектор, отсутствовали. Предварительная проверка нами территории городища в начале третьего этапа археологических работ с помощью металлоискателя показала большую насыщенность культурного слоя металлическими предметами. Причем как за пределами раскопов 1990 года, так и внутри них, на всей территории памятника, в том числе периферийной. Все эти обстоятельства свидетельствовали о недостаточной степени изученности городка *Монкысь урий*, его ценности как археологического источника и вероятной перспективе новых интересных открытий.

Третий этап. Итак, в 2007 году, спустя почти десять лет после начала работ, экспедиции ООО «НПО “Северная археология-1”» в зоне Угутских месторождений нефти представилась возможность обосновать недропользователю – ООО «РН – Юганскнефтегаз» – необходимость проведения раскопок городка *Монкысь урий*. Городище находилось в центре Средне-Угутского месторождения нефти. Согласно новому – на то время (2006–2007 годы) – проекту обустройства данного месторождения, в непосредственной близости от памятника планировалось размещение кустовых площадок № К-4 и № К-13, а также коридоров коммуникаций к ним. В связи с угрозой разрушения интересующего нас археологического памятника его раскопки были включены в программу «Охранных мероприятий в отношении объектов культурного наследия, расположенных на месторождениях ОАО «НК «Роснефть», утвержденную на 2008–2015 годы Генеральным директором ООО «РН – Юганскнефтегаз» (г. Нефтеюганск) и Инспекцией по охране и использованию историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (г. Ханты-Мансийск). Данная программа предусматривала мероприятия по проведению охранных раскопок археологических объектов, частично поврежденных нефтяниками или находящихся под угрозой разрушения в результате хозяйственной деятельности на территории месторождений ООО «РН – Юганскнефтегаз».

На территории хозяйственного освоения «РН – Юганскнефтегаз» и ранее проводились мероприятия по обеспечению сохранности археологических объектов, которые подвержены потенциальной угрозе разрушения в случае производства строительных работ, при устранении аварий на объектах нефтепромысла, а также при вероятном изменении места расположения нового объекта. К примеру, такой опыт предварительных раскопок памятников, находящихся вблизи функционирующих и развивающихся производственных и иных объектов, применялся на Южно-Сургутском месторождении – для сохранения комплекса археологических объектов в урочище Сырой Аган. В ходе этих «противоаварийных» исследований селища Сырой Аган 5 и Сырой Аган 6 были раскопаны заранее, в 2000–2002 годах. В настоящее время их места уже застроены при расширении магистрального коридора нефте-коммуникаций и ЛЭП. Этот опыт был использован и для сохранения городища Монкысь урий.

Исследования городка *Монкысь урий,* проведенные в 2011–2013 годах, стали третьим этапом его изучения и были выполнены экспедицией ООО «НПО “Северная археология-1”». Все три полевых сезона раскопки велись разными сотрудниками под общим научным руководством О. В. Кардаша. Это было вызвано большим научным значением и интересом руководителей организаций, научные интересы которых совпадали с периодом функционирования городка.

В 2011 году археологические исследования «городища Частухинский Урей» выполнялись под руководством О. В. Кардаша. В соответствии с поставленными задачами первоначально была проведена инструментальная тахеометрическая съемка памятника и окружающей местности на площади 1,3 га (рис. 2.2.7). Выполнено съемочное обоснование, сооружены съемочные станции долговременного закрепления и осуществлена приборная нивелировка поверхности (рис. 2.2.12; 2.2.13). Перед началом работ с площади будущего раскопа и прилегающей территории были удалены деревья и сухостой, мешавшие проведению работ и угрожавшие безопасности их проведения. Разметка координатной сетки раскопа 2011 года осуществлялась с учетом ориентировки и размеров сетки раскопа В. И. Семеновой. Восстановить прежнюю систему координат и, соответственно, нумерацию, не представлялось возможным, поскольку на памятнике отсутствовали реперы довременного закрепления. По этой причине удалось сохранить только общее направление сетки раскопов (север-северо-запад – юг-юго-восток), соответствующее ориентации осевой линии городища. При этом новые линии квадратов (участков) получили буквенно-цифровое обозначение: с юго-юго-запада на северо-северо-восток – они были пронумерованы заглавными буквами русского алфавита, с северо-северо-запада на юго-юго-восток – арабскими цифрами. Раскоп 2011 года полностью захватил раскопы № 1 и 2 В. И. Семеновой. В начале земляных работ довольно тщательно извлекался грунт из раскопов 1990 года – с целью поиска предметов, пропущенных этим исследователем. Впоследствии была произведена тахеометрическая съемка и фотофиксация стратиграфических разрезов и стенок старых раскопов. После этого производилась разборка неповрежденного культурного слоя, а также фиксация артефактов и очертаний конструкций сооружений. В результате проведенных археологических работ была исследована южная и юго-западная часть оборонительно-жилого комплекса городища и часть юго-западной периферии памятника на площади 300 кв. м. Коллекция артефактов из этих раскопок составила 460 единиц [*Кардаш, А–2012*].

В 2012 году археологические исследования «городища Частухинский Урей» были продолжены под руководством Н. В. Шатунова. Раскоп 2012 года охватил полностью раскоп № 3 и частично – раскоп № 4 В. И. Семеновой. При этом из раскопов 1990 года тщательно извлечен грунт, собраны пропущенные артефакты, проведена тахеометрическая съемка и фотофиксация стратиграфических разрезов и стенок старых раскопов. После этого начата разборка неповрежденного культурного слоя, фиксация артефактов и очертаний конструкций сооружений. В результате проведенных археологических работ исследованы южная и юго-западная части оборонительно-жилого комплекса городища и участок юго-западной периферии памятника. Общая вскрытая площадь составила 300 кв. м. Коллекция артефактов насчитывает 906 единиц [*Шатунов, А–2013*].

В 2013 году раскопки городища были продолжены под руководством Г. П. Визгалова. В итоге были исследованы северная и восточная части оборонительно-жилого комплекса, а также оставшаяся часть раскопа

№ 4 В. И. Семеновой. Изучены участки склона холма – значительная часть системы обороны и обширный участок южной периферии. Выявлены границы котлованов сооружений № 5, 7–9. На южной периферии поселка выявлены остатки наземного сооружения № 10, очевидно хозяйственно-производственного назначения. Площадь исследований составила 300 кв. м. Коллекция артефактов включает 353 единицы [*Визгалов, А–2014*].

Основные итоги последних полевых и камеральных работ. В результате исследований 2011–2013 годов было выявлено, что городок *Монкысь урий* имел два этапа застройки, функционирование которых не выходит за рамки XV – начала XVII века. Мнение В. И. Семеновой о двух первых этапах функционирования поселения с середины I до начала II тысячелетия представляется весьма сомнительным.

При широкомасштабных для данного памятника раскопках было обнаружено несколько фрагментов керамических сосудов, относящихся к двум периодам до основания позднесредневекового городка (рис. 2.3.17 – *23–26*). Это керамика атлымской археологической культуры поздней бронзы (XII–IX веков до нашей эры) и кучиминской культуры (периода) раннего средневековья (по нашей оценке, VI–VIII веков, или, по традиционной хронологии, конца VII – начала X века [*Чемякин, Карачаров, 2002.* С. 51]). Вся эта посуда залегала в слоях оборонительно-жилого комплекса. Отдельных культурных поселенческих слоев с ней не зафиксировано. Все остальные керамические сосуды связаны с периодом функционирования городка *Монкысь урий* (рис. 2.3.17 – *1–22*).

По материалам наших раскопок достоверно выделяется котлован, как минимум, одного жилища (№ 1.9.1) неукрепленного поселения рубежа XVI–XVII веков, предшествовавшего оборонительно-жилому комплексу городка. По косвенным данным мы реконструируем еще два жилища этого периода, одно из которых у В. И. Семеновой числится под № 2. Эти сооружения были частично уничтожены и перекрыты строениями оборонительно-жилого комплекса, о чем подробнее будет сказано в следующем разделе монографии. В любом случае период функционирования этих построек вряд ли выходит за рамки XV–XVI веков. Эта группа строений непосредственно предшествовала городку и представляла собой населенный пункт, который можно именовать – юрты *Монкысь урий*. Это поселение было первым этапом заселения данного места и заложило некую архитектурно-планировочную основу для дальнейшего развития населенного пункта и строительства на следующем этапе оборонительно-жилого комплекса. Жилая зона комплекса состояла из пяти строений второго этапа №№ 2.1(2), 2.3(4), 2.5(6), 7(8), 2.9.2 (учитывая нумерацию В. И. Семеновой). Именно этот населенный пункт впоследствии получил название городок *Монкысь урий*, который существовал в конце XVI – начале XVII века.

После осады и сожжения городка в конце осени – начале зимы 1619 /1620 годов на его верхней площадке появилось кладбище, а вскоре – следы поминального культа. Некрополь и остатки заупокойных тризн, которые можно рассматривать как единый ритуальный комплекс XVII века, включали несколько коллективных захоронений, а также отдельные незахороненные останки и элементы поминальной обрядности, связанные с почитанием умерших. Отметим, что, на наш взгляд, захоронение было совершено практически сразу же после штурма и сожжения городка. При этом не все убитые при осаде и штурме люди были преднамеренно погребены. Часть из них была просто завалена конструкциями разрушенного оборонительно-жилого комплекса и не позднее 1620 года. Вместе с тем поминальные обряды в отношении специально захороненных жителей городка и случайно заваленных под его сгоревшими конструкциями совершались некоторое время спустя, но немногим позднее середины XVII века. Никаких свидетельств более поздних обрядовых действий, проводившихся на территории городка, нами не выявлено.

Таким образом, был исследован ***поселенческий комплекс,*** функционировавший *поэтапно* в XV – начале XVII века (до 1619/1620 годов), а также ***ритуальный комплекс***, включавший коллективные погребения и поминальные приношения, датируемый с 1619/1620 годов до середины XVII века. Следами посещения останца или временного проживания на нем аборигенов края в более раннее время можно считать находки керамики конца эпохи бронзы и раннего средневековья.

Общая вскрытая площадь на памятнике, включая пространство раскопов 1990 года, составила 900 кв. м. Собранная нами коллекция артефактов насчитывает не менее 1780 предметов. Археозоологическая коллекция составляет до 1450 единиц, а антропологическая – около 50 единиц. Благодаря проведенным исследованиям, городок *Монкысь урий* на сегодняшний день является единственным максимально полно раскопанным археологическим поселенческим комплексом XV – начала XVII века в Среднем Приобье.

Более того, в результате новых раскопок не просто увеличилась площадь изученной территории памятника, но появилось гораздо больше археологических источников. Как и работы 1990 г., наши изыскания имели комплексный характер, что было принципиально важно при написании данной монографии.

Сейчас, по прошествии многих лет с момента первых научных раскопок городка *Монкысь урий*, легко критиковать своих предшественников. Нам, безусловно, не хотелось бы делать это. Между тем нельзя не сказать о сложностях работ 1990 года. Дело в том, что уровень технического обеспечения археологической науки 1980-х – начала 1990-х годов, безусловно, был далек от современного. Выше мы упоминали об этом и сейчас отметим лишь главное, что работы В. И. Семеновой – это предварительный, в какой-то степени рекогносцировочный этап изучения городка *Монкысь урий*, важный для дальнейшего комплексного исследования этого объекта археологического наследия.

На сегодняшний день – в научно-теоретическом плане – изменился не только объем источниковой базы изучения городища, но и его историко-археологический контекст. В первую очередь, в результате стационарных работ, проведенных на памятниках средневековья Сургутского и Нижнего Приобья, а также в процессе анализа их материалов в специальных изданиях, в том числе монографических. Это позволяет поиному взглянуть как на результаты прежних, так и современных исследований интересующего нас городка.

Наряду с представленной выше природно-географической характеристикой района Большого Югана, экскурс в историю его археологического изучения дает нам ряд фактов для размышления. Дело в том, что городок *Монкысь урий* (городище Частухинский урий), несмотря на территориальную близость к другим объектам, открытым в окрестностях поселка Угут, не относится непосредственно ни к одному из вышеописанных комплексов археологических памятников.

– Во-первых, городище занимает промежуточное положение между группами объектов культурного наследия «Когончины» и «Угутские» (рис. 1.22–1.25).

Кроме того, можно назвать еще две особенности в локализации городка *Монкысь урий*.

– Если в «Угутском» микрорайоне присутствуют отдельные археологические поселения периода вхождения региона в состав Московского царства, то в группе ОКН «Когончины» имеется только одно городище и примыкающее к нему селище (Когончинские 45 и 45с), функционировавшие в XIV–XVII веках, то есть одновременно с городком *Монкысь урий* (рис. 1.24; 1.25).

– Другая особенность: специфические ландшафтно-топографические условия *Монкысь урия*, а именно: размещение данного укрепления в естественно защищенном месте – на высоком останце в смешанном лесу с преобладанием деревьев хвойных пород (кедр, ель), иным словами – в темнохвойном урмане, в окружении заболоченной поймы реки Большой Юган. В то время как практически все известные поселения, входящие в комплексы «Когончины» или «Угутский», за исключением нескольких самых древних стоянок, занимают песчаные коренные береговые террасы, покрытые сосновым лесом. Это – не менее полутора тысяч жилых, хозяйственных и производственных объектов. Такая ситуация вряд ли случайна.

Таким образом, особая локализация и изолированность городка *Монкысь урий*, топография его расположения и ландшафтно-топографические условия создают впечатление неординарности данного укрепления и его некой отчужденности от соседних «рядовых» поселений. Это представляется неслучайным и, безусловно, отражает характер поселения в целом, особенности его функционирования и социального состава его населения.

В заключение приведем факторы, определяющие особую историческую и научную значимость городка *Монкысь урий*. Сейчас это – единственный практически полностью изученный поселенческий археологический объект периода освоения севера Западной Сибири Московским государством. Это подлинный исторический городок, о событиях, связанных с которым, имеются не только фольклорные, но и документальные источники. При этом мы имеем практически максимально полный набор не только исторических, но и археологических данных, проанализировать которые можем, используя естественнонаучные методы. Кроме того, это – единственный археологический памятник в таежном Приобье и второй – на севере Западной Сибири, после Надымского городка, на котором имеются антропологические останки жителей городка. Иными словами, в данном случае имеется возможность напрямую связать конкретный населенный пункт, его архитектуру и материальную культуру с конкретными антропологическими характеристиками его населения. Третий этап изучения *Монкысь урия* позволил зафиксировать археологические данные на новом

научно-техническом уровне, и у нас появился материал, который можно проанализировать и представить на этом высоком уровне для более широкой аудитории. Наконец, самое важное: это степень археологической изученности территории памятника. Ее можно оценить приблизительно в 70–80%, при учете практически полного вскрытия площади оборонительно-жилого комплекса.

Таким образом, мы имеем максимум видов и категорий самых разнообразных источников, позволяющих сделать предельно обоснованные, объективные и аргументированные выводы относительно материальной культуры населения городка *Монкысь урий*, его жителей и исторических событий, связанных с ним.

По источниковедческому уровню и научному значению исследуемое городище можно сравнить с таким известным археологическим памятником, расположенным в Западно-Сибирском Заполярье, как Надымский городок – «*Надым вош*» [*Кардаш, 2013*]. Материалы исследований последнего получили большой резонанс, причем как в научном мире, так и в общественной среде. Большеюганский городок Монкысь урий («*Монкысь вош*») по праву следует охарактеризовать как действительно уникальный и особо важный археологический объект. Его значимость определяется еще и тем, что он непосредственно связан с историческим прошлым ныне живущего здесь коренного населения края.

Социально-культурный аспект. В последнее время, в связи с изменившимся общественным сознанием, в социокультурном обороте появляется все больше исторической информации. С 1990-х годов, без сомнения, многое изменилось, в том числе на севере Западной Сибири, где выросло новое поколение жителей – потомков аборигенов и мигрантов, которое считает этот регион своей малой Родиной. Все больше трактовок и оценок событий прошлого появляется в средствах массовой информации и, соответственно, в бытовой культуре.

Монография В. И. Семеновой – издание в большей степени специализированное, рассчитанное прежде всего на специалистов и профессионалов в данной области. Новые исследования привлекли внимание общественности и выявили как неоднозначность оценки современными жителями Тюменского Севера событий, связанных с историей городка, так и их полное незнание. Это показали съемки серии документальных фильмов из цикла «Родословная Югры»: «Княжества и войны», «Самаров городок – Ханты-Мансийск» и «Заговорившие памятники» (в 2-х частях). Картины были основаны на материалах комплексных исследований городища Частухинский урий (*Монкысь урий*) и прошли по региональным каналам в декабре 2013 года. По приглашению телеканала «Югра» (г. Ханты-Мансийск) в съемках приняли участие и авторы этой монографии.

В связи с этим одной из главных задач предлагаемой читателям работы является попытка осмысления реалий и событий прошлого на основе анализа фактического материала, публикации этих источников и представления собственной оценки.

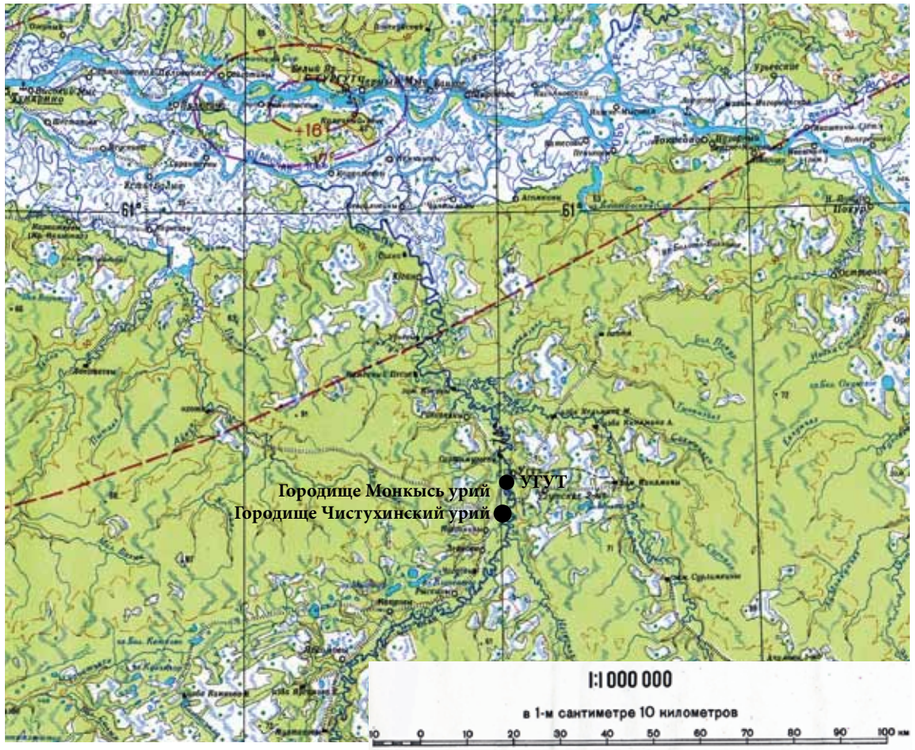

Рис. 1.1. Среднее и нижнее течение реки Большой Юган. Фрагмент географической карты

Рис. 1.2. Среднее течение реки Большой Юган. Правобережье. Поселок Угут в устье речки Угутки. Вид с юго-запада

Рис. 1.3. Среднее течение реки Большой Юган. Юрты Когончины. Вид с юга

Рис. 1.4. Среднее течение реки Большой Юган. Юрты Когончины в паводок 2007 г. Вид с запада

Рис. 1.5. Среднее течение реки Большой Юган. Судоходное русло. Вид с юга

Рис. 1.6. Среднее течение реки Большой Юган. Движение судов и грузов в «большую воду». Вид с юго-востока

Рис. 1.7. Среднее течение реки Большой Юган. Старичное озеро. Вид с юга

Рис. 1.8. Среднее течение реки Большой Юган. Заболоченное древнее старичное озеро. Вид с запада

Рис. 1.9. Среднее течение реки Большой Юган. Сосновый бор по коренным берегам реки. Вид с востока

Рис. 1.10. Среднее течение реки Большой Юган. «Беломошный» сосновый бор, покрытый ягелем – лишайником рода Кладония

Рис. 1.11. Среднее течение реки Большой Юган. «Беломошный» сосновый бор

Рис. 1.12. Среднее течение реки Большой Юган. Верховые болота на водоразделах, поросшие сфагновыми мхами

Рис. 1.13. Среднее течение реки Большой Юган. Верховые болота на водоразделах

Рис. 1.14. Среднее течение реки Большой Юган. Растительность верхового болота: сфагнум и угнетенная сосна

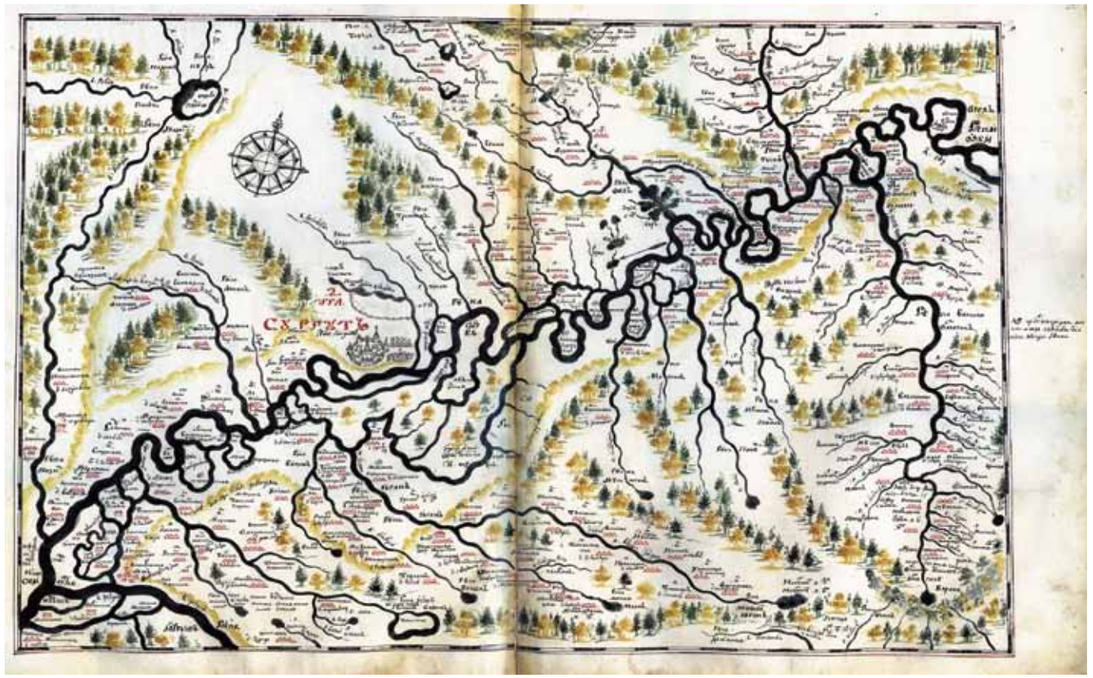

Рис. 1.15. Бассейн реки Большой Юган. «Чертеж земли Сургутского города». Лист 11 из «Чертежной книги Сибири», составленной С. У. Ремезовым и изданной в 1701 г. [Чертежная книга Сибири …, 2003. Лист. 11. С. 19, 20]

Рис. 1.16. Среднее течение реки Большой Юган. Населенные пункты Юганской волости Сургутского уезда на рубеже XVII–XVIII вв. «Чертеж земли Сургутского города». Лист 11 (фрагмент) из «Чертежной книги Сибири», составленной С. У. Ремезовым [Чертежная книга Сибири …, 2003. Лист. 11. С. 19, 20]

Рис. 1.17. Бассейн реки Большой Юган. Историческая картография. Участок бассейна р. Обь с притоками Большой и Малый Юган, Большой и Малый Балык, Тромюган и Аган. Лист 123 «Хорографической чертежной книги», составленной С. У. Ремезовым на рубеже XVII–XVIII вв.

Рис. 1.18. Среднее течение реки Большой Юган. Фрагмент Листа 123 «Хорографической чертежной книги», составленной С. У. Ремезовым на рубеже XVII–XVIII вв. [The Atlas of Siberia …, 1958. P. 116]

Рис. 1.19. «Генеральная карта Западной Сибири с киргизской степью, составлена при штабе отдельного сибирского корпуса и гравирована в военно-топографическом депо» 1848 г. Фрагмент: бассейн реки Большой Юган

Рис. 1.20. Карта Тобольской губернии. Составлена А. А. Дуниным-Горкавичем в 1903 г. Издана при материальной поддержке Императорского Русского географического общества, Министерства земледелия и Государственных имуществ в Санкт-Петербурге

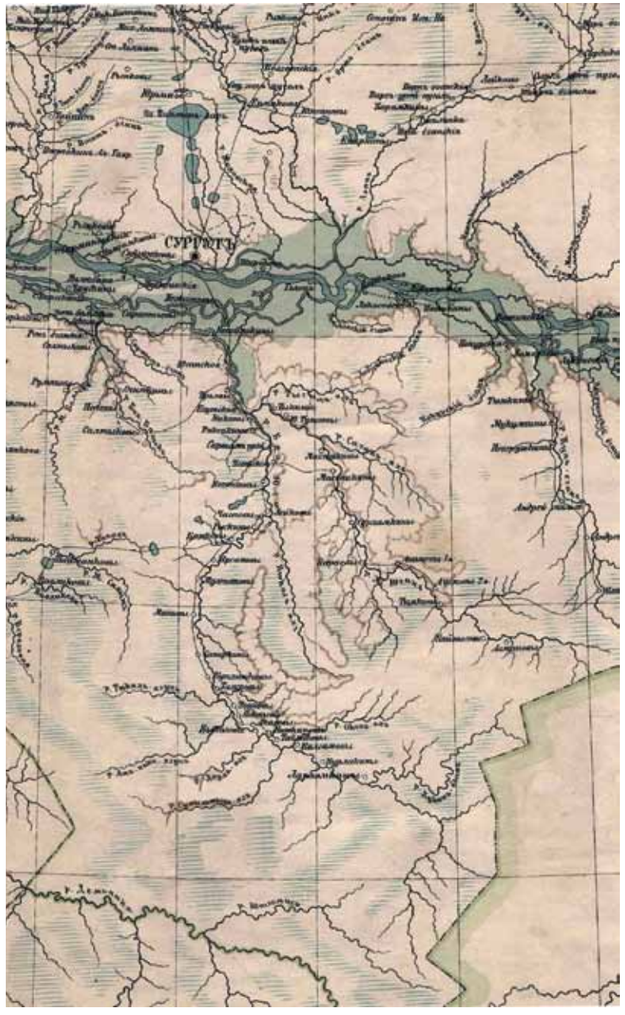

Рис. 1.21. Бассейн реки Большой Юган. Фрагмент карты Тобольской губернии, составленной А. А. Дуниным-Горкавичем (1903 г.)

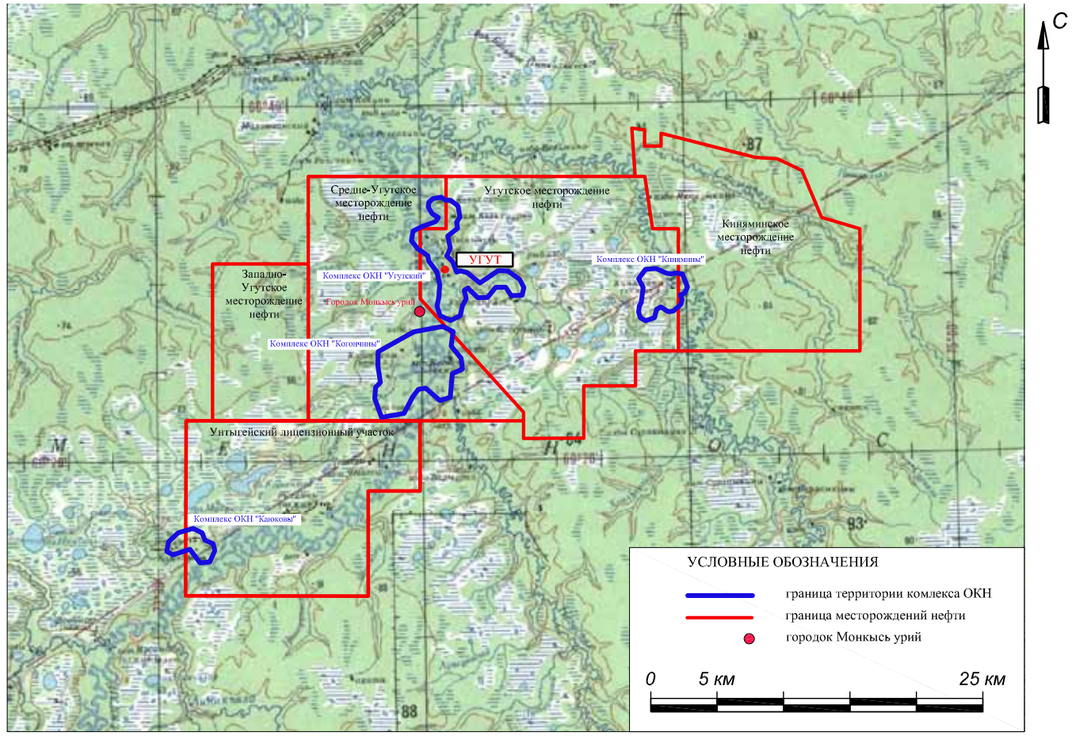

Рис. 1.22. Среднее течение р. Большой Юган. Карта-схема расположения комплексов объектов археологического наследия в окрестностях поселка Угут. М 1 : 5 000 000

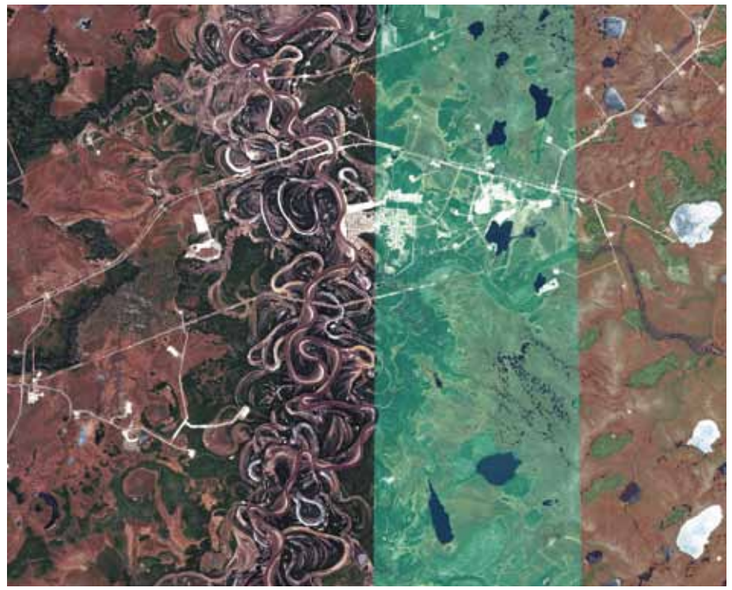

Рис. 1.23. Среднее течение реки Большой Юган. Космоснимок территории в районе поселка Угут

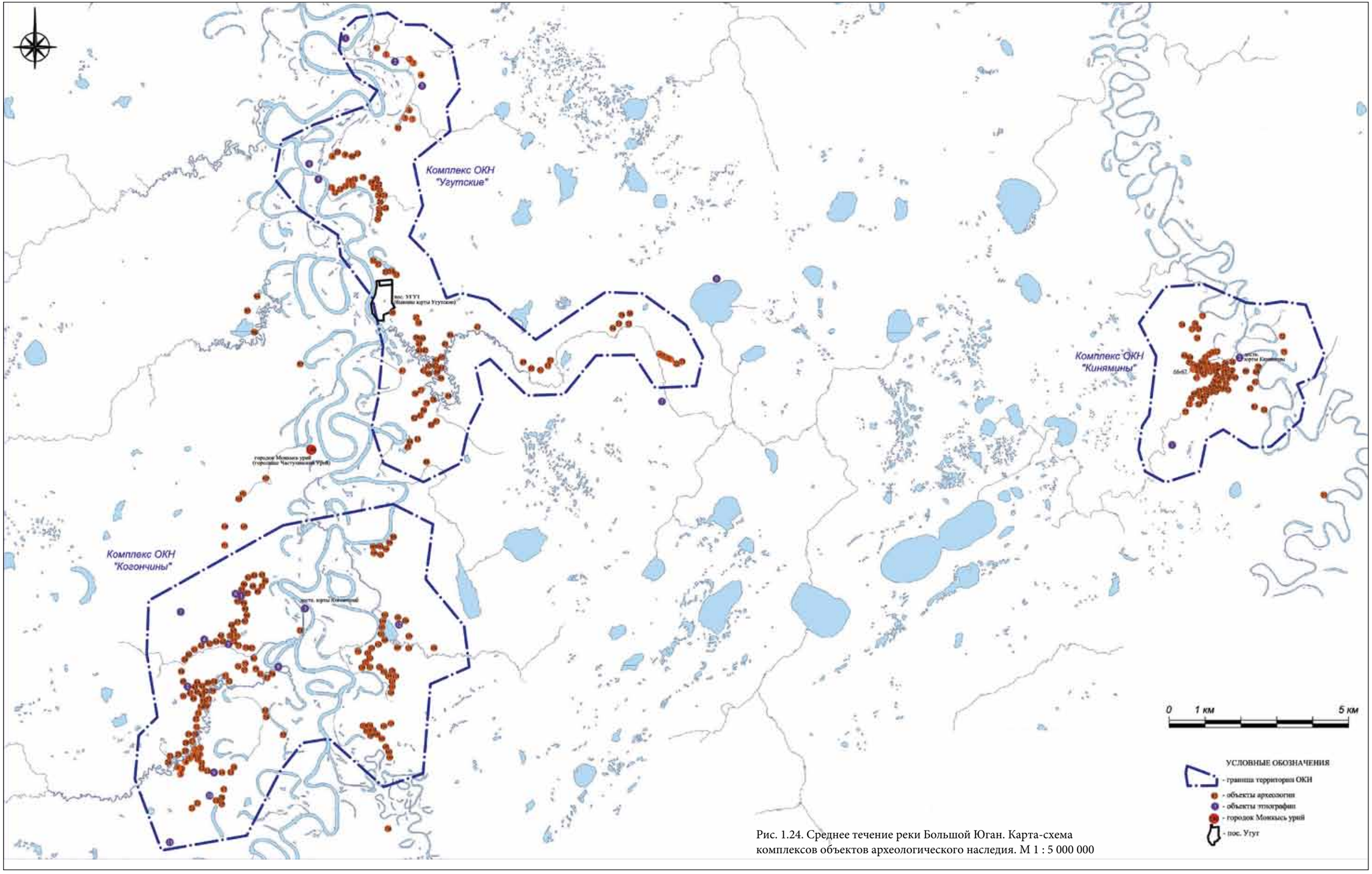

Рис. 1.24. Среднее течение реки Большой Юган. Карта-схема комплексов объектов археологического наследия. М 1 : 5 000 000

Экспликация комплекса
ОКН «Когончины». Объект археологии

1 Городище Кулунигый 2
2 Селище Кулунигый 2а
3 Селище Кулунигый 7
4 Селище Кулунигый 8
5 Городище Кулунигый 9
6 Селище Кулунигый 10
7 Селище Кулунигый 6
8 Селище Кулунигый 6а
9 Селище Кулунигый 11
10 Селище Кулунигый 12
11 Селище Кулунигый 13
12 Селище Кулунигый 14
13 Селище Кулунигый 15
14 Селище Кулунигый 16
15 Городище Кулунигый 17
16 Селище Кулунигый 18
17 Селище Кулунигый 19
18 Городище Кулунигый 20
19 Селище Кулунигый 20а
20 Селище Кулунигый 21
21 Городище Кулунигый 22
22 Селище Кулунигый 22а
23 Селище Кулунигый 23
24 Селище Кулунигый 24
25 Селище Кулунигый 25
26 Селище Кулунигый 26
27 Городище Кулунигый 27
28 Селище Кулунигый 28
29 Селище Кулунигый 29
30 Городище Кулунигый 29а
31 Селище Кулунигый 30
32 Селище Кулунигый 31
33 Селище Кулунигый 3
34 Селище Кулунигый 32
35 Селище Кулунигый 4
36 Могильник Кулунигый 4а
37 Селище Кулунигый 5
38 Городище Кулунигый 33
39 Могильник Кулунигый 43
40 Селище Кулунигый 1
41 Селище Кулунигый 34
42 Селище Кулунигый 35
43 Городище Кулунигый 36
44 Селище Кулунигый 37
45 Селище Кулунигый 38
46 Селище Кулунигый 39
47 Селище Кулунигый 40
48 Городище Кулунигый 41
49 Селище Кулунигый 42
50 Селище Кулунигый 44
51 Селище Кулунигый 45 с
52 Городище Кулунигый 45
53 Селище Кулунигый 46
54 Ловчая яма Кулунигый 47
55 Ловчая яма Кулунигый 48
56 Селище Кулунигый 49
57 Гр. лов. ям Кулунигый 50
58 Селище Пеу 8
59 Селище Пеу 9
60 Селище Пеу 10
61 Селище Пеу 11
62 Селище Пеу 12
63 Селище Пеу 13
64 Селище Пеу 14
65 Городище Пеу 1
66 Селище Пеу 1 с
67 Селище Пеу 5
68 Городище Пеу 2
69 Селище Пеу 15
70 Селище Пеу 6
71 Городище Пеу 3
72 Селище Пеу 7
73 Селище Пеу 1
74 Селище Пеу 16
75 Селище Пеу 2
76 Селище Пеу 3
77 Селище Пеу 4
78 Селище Пеу 17
79 Селище Пеу 18
80 Селище Пеу 19
81 Селище Пеу 20
82 Селище Пеу 21
83 Селище Когончинское 14
84 Селище Когончинское 13
85 Селище Когончинское 12
86 Городище Тогнгер-вантын
87 Селище Когончинское 11
88 Селище Когончинское 10
89 Городище Когончинское 2
90 Селище Когончинское 9
91 Селище Когончинское 8
92 Городище Когончинское 1
93 Городище Когончинское 3
94 Селище Когончинское 7
95 Селище Когончинское 6
96 Селище Когончинское 5
97 Селище Когончинское 4
98 Селище Кельмсап 4
99 Селище Кельмсап 3
100 Селище Кельмсап 1
101 Селище Кельмсап 2
102 Селище Лоол 1
103 Городище Лоол-воч 1
104 Селище Лоол 2
105 Селище Фермовское 1
106 Селище Фермовское 2
107 Селище Фермовское 3
108 Селище Фермовское 4
109 Селище Фермовское 5
110 Селище Атмпельурий 1
111 Селище Атмпельурий 2
112 Селище Атмпельурий 3
113 Селище Атмпельурий 4
114 Гр. лов. ям Атмпельурий 5
115 Городище Атмпельурий 8
116 Селище Атмпельурий 9
117 Городище Атмпельурий 10
118 Селище Атмпельурий 10 с
119 Городище Атмпельурий 11
120 Селище Атмпельурий 11 с
121 Селище Атмпельурий 12
122 Селище Атмпельурий 13
123 Городище Атмпельурий 14
124 Городище Атмпельурий 15
125 Селище Атмпельурий 16
126 Селище Атмпельурий 6
127 Селище Атмпельурий 7 с
128 Городище Атмпельурий 7
129 Селище Акстлыйгый 1
130 Селище Акстлыйгый 2
131 Селище Акстлыйгый 3
132 Селище Негусьях 2
133 Селище Негусьях 3
134 Городище Негусьях 4
135 Селище Негусьях 5
136 Городище Негусьях 1
137 Городище Негусьях 6
138 Селище Негусьях 7
139 Городище Негусьях 8
140 Селище Негусьях 9
141 Селище Негусьях 10
142 Селище Негусьях 11
143 Городище Негусьях 12
144 Селище Негусьях 13
145 Городище Стрелка
146 Гор. Частухинский Урий
147 Городище Нексап 1
148 Городище Нексап 2
149 Могильник Нексап 3
150 Гр. ловчих ям Нексап 4
151 Гр. ловчих ям Нексап 5

Экспликация комплекса
ОКН «Когончины». Объект этнографии

1 Юрты Когончины зимние-1
2 Юрты Когончины зимние-2
3 Юрты Когончины летние-3
4 «зарубки» Когончиных
5 Кладбище ю. Когончиных
6 Кл. ю. Когончиных зим. 1
7 Жертвенная площадка
8 Пром. шалаши Когончиных
9 Избы Лейковы
10 Избы Лейковы
11 Избы Лейковы
12 Избы Лейковы

Экспликация комплекса
ОКН «Угутский». Объект археологии

1 Селище Кельхимурий 7
2 Селище Кельхимурий 6
3 Селище Кельхимурий 5
4 Селище Кельхимурий 3
5 Городище Кельхимурий 2
6 Городище Кельхимурий 1
7 Городище Кельхимурий 4
8 Городище Кымычевское 1
9 Селище Кымычевское 2
10 Селище Кымычевское 3
11 Селище Сартым-урий 4
12 Селище Сартым-урий 5
13 Селище Сартым-урий 6
14 Селище Сартым-урий 7
15 Селище Сартым-урий 9
16 Селище Сартым-урий 10
17 Могильник Сартым-урий 8
18 Селище Сартым-урий 11
19 Городище Сартым-урий 3
20 Селище Сартым-урий 3.2
21 Городище Сартым-урий 2
22 Селище Сартым-урий 2.2
23 Городище Сартым-урий 1
24 Селище Сартым-урий 12
25 Селище Сартым-урий 13
26 Селище Сартым-урий 14
27 Селище Сартым-урий 16
28 Селище Сартым-урий 15
29 Селище Сартым-урий 17
30 Городище Сартым-урий 18
31 Городище Больничное 1
32 Селище Больничное 1а
33 Селище Больничное 2
34 Городище Больничное 3
35 Селище Больничное 4
36 Городище Угутское 12
37 Городище Угутское 11
38 Селище Угутское 10
39 Городище Угутское 8
40 Селище Угутское 9
41 Городище Угутское 7
42 Селище Угутское 6
43 Селище Угутское 5
44 Селище Угутское 4
45 Селище Угутское 3
46 Селище Угутское 2
47 Селище Угутское 1
48 Селище Угутское 13
49 Селище Угутское 14
50 Селище Угутское 15
51 Селище Угутское 16
52 Селище Угутское 17
53 Селище Угутское 18
54 Селище Угутское 19
55 Селище Угутское 20
56 Селище Угутское 21
57 Селище Угутское 22
58 Селище Угутское 23
59 Селище Угутское 24
60 Селище Угутское 25
61 Селище Угутское 26
62 Селище Угутское 27
63 Селище Угутское 28
64 Селище Угутское 29
65 Селище Угутское 30
66 Селище Угутское 31
67 Селище Угутское 32
68 Селище Угутское 33
69 Селище Угутское 34
70 Селище Угутское 35
71 Селище Угутское 36
72 Селище Угутское 37
73 Селище Угутское 38
74 Селище Угутское 39
75 Селище Угутское 40
76 Сел. Угутское Левобережное1
77 Сел. Угутское Левобережное2
78 Сел. Угутское Левобережное3
79 Сел. Угутское Левобережное4
80 Селище Сельповское 1
81 Селище Сельповское 3
82 Селище Сельповское 4
83 Селище Сельповское 5
84 Городище Сельповский Урей
85 Селище Сельповское 2
86 Селище Сельповское 6
87 Селище Сельповское 7
88 Селище Сельповское 8
89 Селище Кымычевское 4
90 Городище Сельповское 8
91 Селище Кельхимурий 1
92 Городище Кельхимурий 3
93 Селище Школьный Урий
94 Селище Сухая 1
95 Селище Сухая 2
96 Гр. лов. ям Сухая 3

Экспликация комплекса
ОКН «Угутский». Объект этнографии

1 Летние избы Кельхиурий
2 Изба
3 Дейст. хант. кладбище
4 Зимние избы Камычевы
5 Летние избы Камычевы
6 Изба рыбацкая
7 Избы Угутские 2

Экспликация комплекса
ОКН «Кинямины». Объект археологии

1 Городище Мохтик 1/1
2 Городище Мохтик 1/2
3 Городище Мохтик 1/3
4 Городище Мохтик 1/4
5 Городище Мохтик 1/5
6 Городище Мохтик 1/6
7 Городище Мохтик 1/7
8 Городище Мохтик 1/8
9 Городище Мохтик 1/9
10 Городище Мохтик 1/10
11 Городище Мохтик 1/11
12 Городище Мохтик 1/12
13 Городище Мохтик 1/13
14 Городище Мохтик 1/14
15 Городище Мохтик 1/15
16 Городище Мохтик 1/16
17 Городище Мохтик 1/17
18 Городище Мохтик 1/18
19 Городище Мохтик 1/19
20 Городище Мохтик 1/20
21 Городище Мохтик 1/21
22 Городище Мохтик 1/22
23 Городище Мохтик 1/23
24 Городище Мохтик 1/24
25 Городище Мохтик 1/25
26 Городище Мохтик 1/26
27 Городище Мохтик 1/27
28 Городище Мохтик 1/28
29 Городище Мохтик 1/29
30 Городище Мохтик 1/30
31 Городище Мохтик 1/31
32 Городище Мохтик 1/32
33 Городище Мохтик 1/33
34 Одиноч. впад. Мохтик 1/34
35 Поселение Мохтик 1/35
36 Киняминское поселение 1
37 Городище Мохтик 2/1
38 Городище Мохтик 2/2
39 Городище Мохтик 2/3
40 Городище Мохтик 2/4
41 Поселение Мохтик 2/5
42 Поселение Мохтик 2/6
43 Пл. назем. жилища 2/7
44 Пл. овальной формы 2/8
45 Поселение Мохтик 2/9
46 Поселение Мохтик 2/10
47 Поселение Мохтик 2/11
48 Поселение Мохтик 2/12
49 Поселение Мохтик 2/13
50 Поселение Мохтик 2/14
51 Поселение Мохтик 2/15
52 Поселение Мохтик 2/16
53 Городище Мохтик 2/17
54 Поселение Мохтик 2/18
55 Поселение Мохтик 2/19
56 Поселение Мохтик 3/1
57 Поселение Мохтик 3/2
58 Поселение Мохтик 3/3
59 Поселение Мохтик 3/4
60 Пл. назем. жилища 3/5
61 Поселение Мохтик 3/6
62 Поселение Мохтик 3/7
63 Поселение Мохтик 3/8
64 Поселение Мохтик 3/9
65 Поселение Мохтик 3/10
66 Поселение Мохтик 3/11
67 Современное кладбище
68 Зим. юрты Кинямины
69 Могильник Киняминский I
70 Могильник Киняминский II
71 Селище Киняминское 3
72 Селище Киняминское 4
73 Стойбище А. Кинямина (арх)
74-84 Вновь выявл. объекты

Экспликация комплекса
ОКН «Кинямины». Объект этнографии

1 Святилище Кон-пах-ики
2 Юрты Кинямины

Рис. 1.25. Среднее течение реки Большой Юган. Экспликация объектов археологического наследия к рис. 1.24

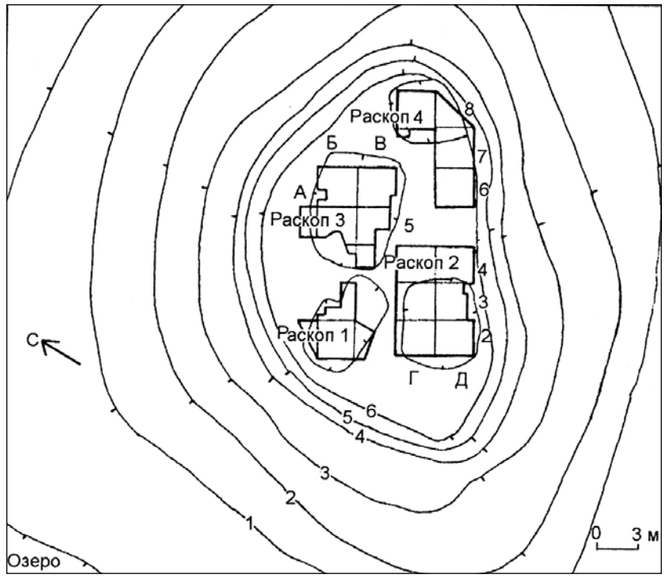

Рис. 1.26. Городок Монкысь урий (городище Частухинский урий). Ситуационный план памятника В. И. Семеновой [*2005*. С. 7. Рис. 3]

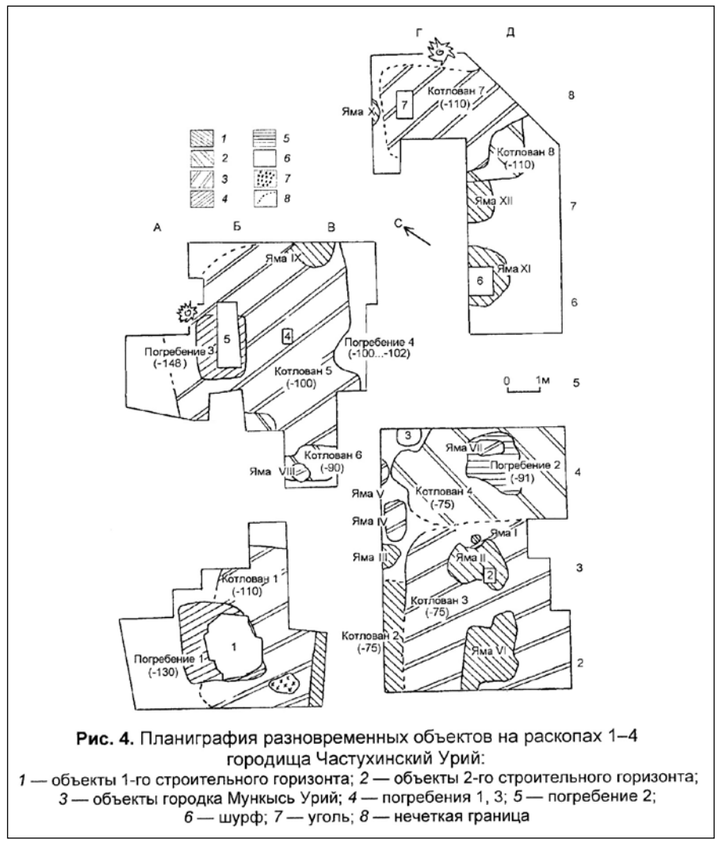

Рис. 4. Планиграфия разновременных объектов на раскопах 1–4 городица Частухинский Урий:
1 — объекты 1-го строительного горизонта; *2* — объекты 2-го строительного горизонта; *3* — объекты городка Мункысь Урий; *4* — погребения 1, 3; *5* — погребение 2; *6* — шурф; *7* — уголь; *8* — нечеткая граница

Рис. 1.27. Городок Монкысь урий (городище Частухинский урий). Планиграфия разновременных объектов на раскопах 1–4 [*Семенова, 2005*. С. 8. Рис. 4]

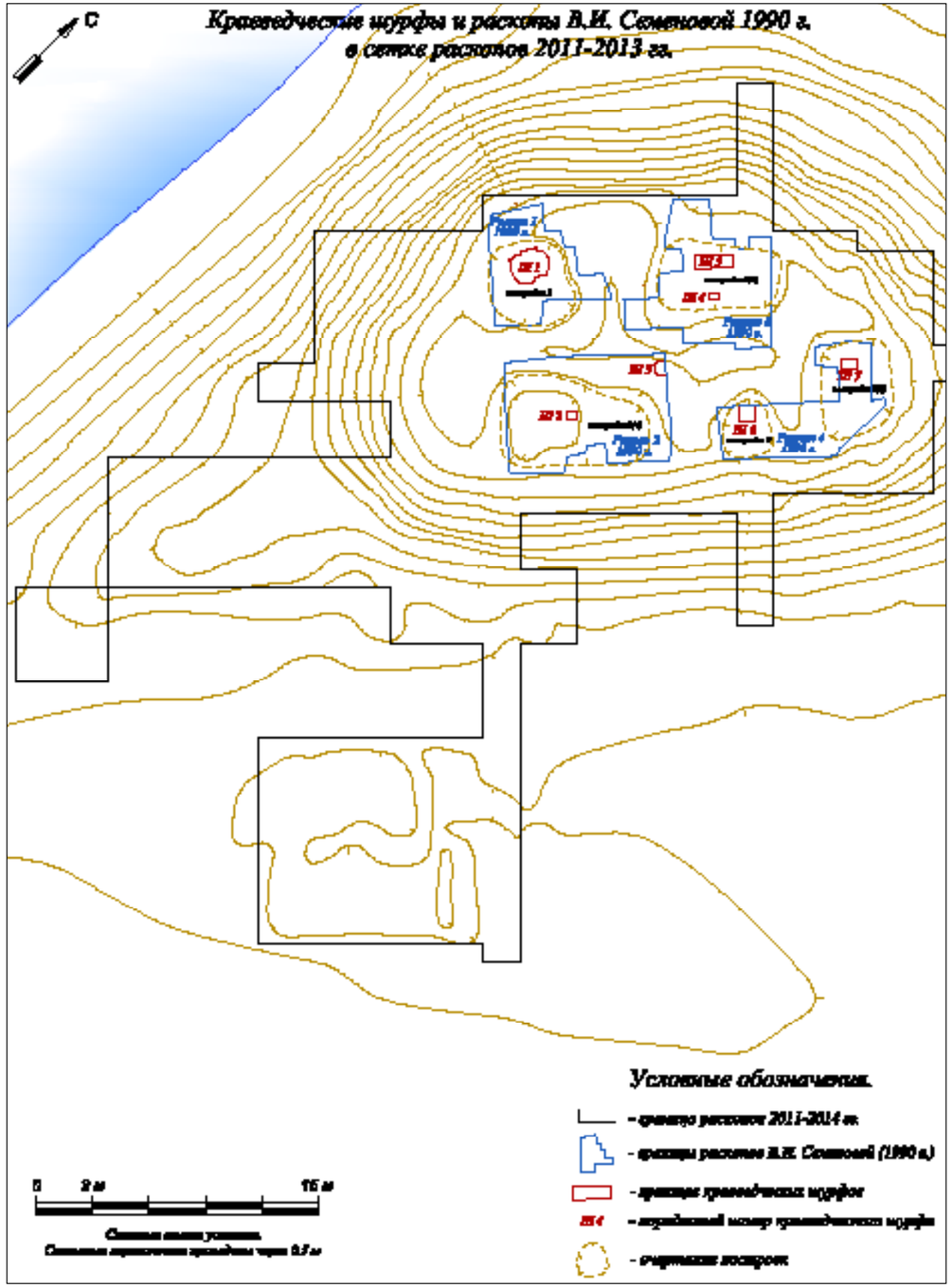

Рис. 1.28. Городок Монкысь урий (городище Частухинский урий).
Краеведческие шурфы и раскопы 1–4 (1990 г.) В. И. Семеновой в сетке раскопов 2011–2013 гг.

Рис. 1.29. Городок Монкысь урий (городище Частухинский урий). Титульный лист научного отчета В. И. Семеновой об археологических раскопках городка Монкысь урий (городища Частухинский урий), проведенных в 1990 г.

Рис. 1.30. Городок Монкысь урий (городище Частухинский урий). Вид на впадину 3 с юго-востока. Фото 1990 г. из отчета В. И. Семеновой [*А–2002.* Рис. 4]

Рис. 1.31. Городок Монкысь урий (городище Частухинский урий). Вид на впадину 3 с востока. Фото 1990 г. из отчета В. И. Семеновой [*А–2002.* Рис. 5–а]

Рис. 1.32. Городок Монкысь урий (городище Частухинский урий). Зачистка кв. Г/2 на ур. -140 см. Вид с севера. Фото 1990 г. из отчета В. И. Семеновой [*А–2002.* Рис. 24–а]

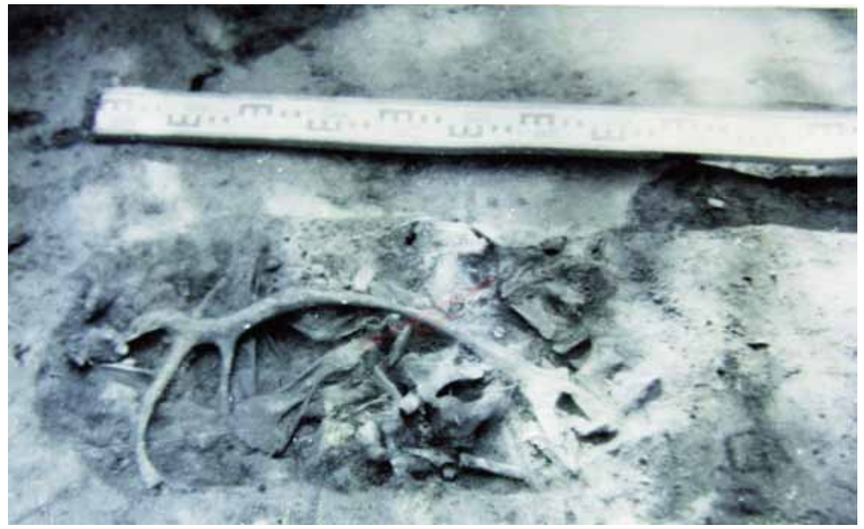
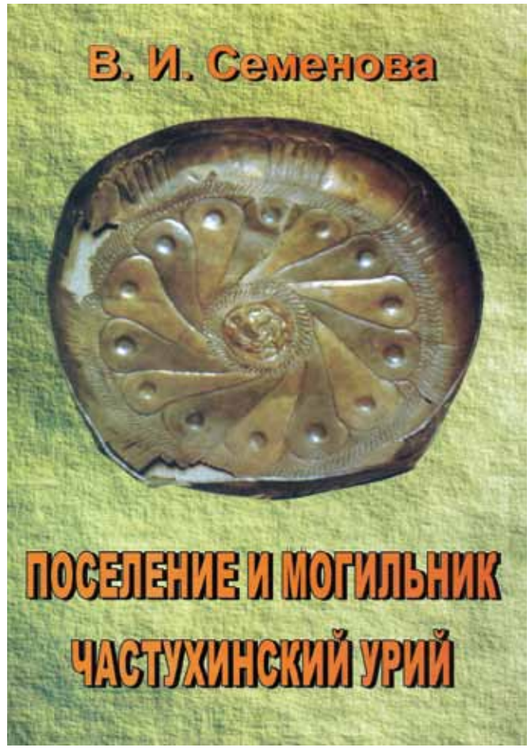

Рис. 1.33. Городок Монкысь урий (городище Частухинский урий). Яма VII. Вид с северо-востока. Фото 1990 г. из отчета В. И. Семеновой [*А–2002.* Рис. 27]

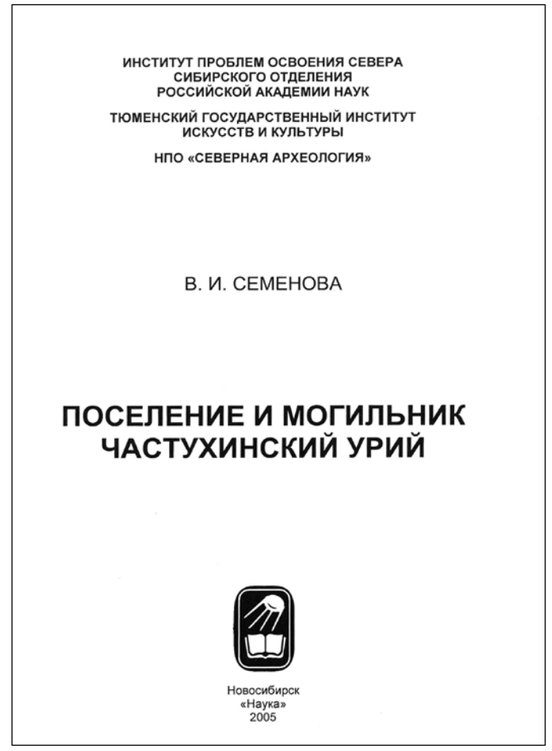

Рис. 1.34. Обложка и титульный лист монографии В. И. Семеновой «Поселение и могильник Частухинский Урий» [*2005*]

ГЛАВА 2

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ[1]

Мы уже отмечали, что городок *Монкысь урий* (городище Частухинский урий) представляет собой остатки двух функционально различных комплексов: поселения и могильника. Обычно они регистрируются как два разных археологических памятника. Заметим, что в Западной Сибири крайне редки случаи, когда на древнем или средневековом поселении археологи находят синхронные погребения. В таежном Приобье средневековые могильники были обычно удалены от действующих поселков. Среднее расстояние от городища или селища до могильника составляет от нескольких сотен метров до нескольких километров. Специальные исследования по установлению и обоснованию связи населенных пунктов и синхронных им некрополей сибирскими археологами пока не проводились. У нас же случай – неординарный и довольно очевидный: могильник принадлежит городку *Монкысь урий* и отчасти является составной частью его поселенческого комплекса.

В этой связи глава, посвященная поселенческому комплексу, состоит из четырех практически равнозначных частей. Две первые посвящены архитектуре.

В первой части (2.1) изложена основная терминология, которая будет использоваться при описании всего

Вторая часть (2.2) – самая объемная и сложная с точки зрения структуры. Построена по принципу «от общего к частному». Посвящена архитектуре средневековых поселений: архитектурным комплексам и их реконструкциям. В том числе как внешнему виду поселенческих объектов, так и методам их строительства. Данная часть состоит из нескольких разделов с подробным описанием и анализом раннего неукрепленного поселка («юрты *Монкысь урий*») и позднего укрепления («городок *Монкысь урий*»).

Раздел 2.2.1 посвящен системе расселения и региональным связям, раскрывает возможную причину выбора места размещения поселения и дальнейшего строительства городка.

Раздел 2.2.2 содержит общую характеристику раннего поселка на холме, его построек и хронологии.

Раздел 2.2.3 описывает общую планировочную структуру и архитектуру городка *Монкысь урий*: его метрические характеристики, микрорельеф, планировочную структуру и функциональное зонирование территории.

Раздел 2.2.4 включает информацию об оборонительно-жилом комплексе городка *Монкысь урий*: о его планировочной структуре, оборонительной системе, постройках и сооружениях (ямах), связанных с его функционированием.

Раздел 2.2.5 дает представление о хозяйственно-производственной территории городка: ее общей характеристике, назначении, а также о зафиксированных здесь сооружениях.

Раздел 2.2.6 представляет комплексные данные о периодах строительства и функционирования городка *Монкысь урий*.

Раздел 2.2.7 содержит общие выводы по архитектуре городка *Монкысь урий*.

Третья часть (2.3) посвящена вещевому комплексу городка *Монкысь урий*. В ней проанализирована коллекция артефактов, собранных за все годы изучения городка. При этом все находки распределены и охарактеризованы по основным функциональным группам, рассмотренным в соответствующих разделах (2.3.1–2.3.7).

В том числе: костюм – одежда, обувь, украшения (2.3.1); орудия охоты и рыболовства (2.3.2); предметы вооружения и боеприпасы (2. 3.3); орудия труда и инструменты (2.3.4); предметы быта и домашнего обихода (2.3.5); средства передвижения и упряжь (2.3.6); культовые и ритуальные предметы (2.3.7).

[1] В подготовке данного раздела принимала участие архитектор-реставратор С. А. Липс. Авторы признательны ей за помощь и большой вклад при анализе архитектурных элементов «крепости» и реконструкции общего облика городка.

В четвертой части (2.4) рассмотрен последний этап в истории городка *Монкысь урий*, точнее – события последнего периода его существования. Эта часть состоит из трех разделов (2.4.1–2.4.3), в которых представлены документальные, фольклорные и археологические материалы об осаде и штурме городка.

2.1. ТЕРМИНОЛОГИЯ

Выше уже говорилось о том, что при раскопках городка *Монкысь урий* было выявлено два основных комплекса, связанных с заселением и функционированием этого населенного пункта. Первый комплекс – собственно поселенческий, включающий несколько строительных этапов. Второй – ритуальный, находившийся на территории городка; его составляли погребения жителей городка и свидетельства поминальной обрядности, связанные с захоронениями.

Прежде чем говорить об архитектуре, следует совершить экскурс в терминологию. Тем более что речь пойдет о названиях поселков и архитектурных сооружений аборигенов края, отличающихся от известной нам терминологии русского деревянного зодчества. Причиной этого является не столько степень сохранности зафиксированных нами остатков городка и его строений, сколько их своеобразие, которое изначально не вписывалось в каноны русского зодчества.

Вместе с тем мы считаем, что рассматриваемую в рамках данного исследования терминологию аборигенов таежного Приобья следует унифицировать и – по мере возможности – соотнести с общепринятой русской.

Термин «*город*» («*град*») чрезвычайно многозначен. В письменных источниках известен с 988 года. В одном из своих значений в русской средневековой архитектуре он применялся к крупному населенному пункту, административному, торговому, промышленному и культурному центру, имеющему фортификационные сооружения в виде земляных валов, деревянных бревенчатых или каменных стен. В древности и средневековье восточноевропейский город должен был иметь систему обороны, поскольку без нее он терял значение и название города. Так же наименовались в Лаврентьевской летописи пограничные крепости, которые возводились по приказу Владимира (Святого) для защиты от печенегов. Небольшие населенные пункты, укрепленные одним кольцом защитных стен, в документах XV–XVII веков обозначены как «*городок*» («*городец*», «*городочек*»). Они отличались от города меньшими размерами, архитектурой, количеством и социальным составом населения, а также другими характеристиками. Еще один вид русских укрепленных средневековых поселений – *остроги* – отличало обязательное наличие тыновой (частокольной) стены из вертикально установленных и заостренных бревен. Первоначально, минимум с XII века, острог являлся деревянным пограничным укреплением, а также внешней крепостью города по отношению к центральному укреплению (детинцу). С XVI века – на севере и востоке Русского государства – так стали наименовать и небольшие укрепленные пункты (они же – *острожки*). Острогами наименовались и тюрьмы [Словарь русского языка XI–XVII вв. …, 1977. С. 90–91, 93–94; 1987. С. 159–161; *Ожегов, Шведова, 1995.* С. 136, 456; *Визгалов, Пархимович, 2008; Кардаш 2011*; *2013а*; *2013б*]. Безусловно, строго регламентированного употребления этих терминов в средневековье не было, да и не могло быть.

Мы считаем, что применительно к исследованному нами остяцкому (хантыйскому) населенному пункту наиболее корректно, обоснованно и приемлемо употребление русского термина «*городок*». Отметим или, скорее, напомним, что обско-угорские синонимы, бытующие в таежном Приобье, это слова *вош, воч, вож, вач, ваш, уш* [*Патканов, 1891б.* С. 13; *Терешкин*, 1981. С. 506; *Мурзаев, 1984.* С. 114, 131]. В настоящее время они используются для обозначения древних и средневековых городищ, а также современных городов и относительно крупных сельских населенных пунктов.

Между тем не все так просто. Дело в том, что до появления интересующего нас укрепленного населенного пункта – городка *Монкысь урий* – в этом месте существовал его предшественник. Это – неукрепленное позднесредневековое поселение («селение», «селище»), состоявшее, как минимум, из трех жилых строений. Кроме того, на этом же холме зафиксированы следы, как минимум, двух стоянок конца эпохи бронзы и раннего средневековья. Какой же термин в нашем случае в языке обских угров Среднего Приобья (ханты) более соответствует русским терминам «*селение*» и «*селище*»?

Возможно, это слово «*юрт*», заимствованное ханты из русского и татарского языков. В тюркских языках слово «юрт» имеет несколько значений: «семья или род, ведущие самостоятельное хозяйство», «владение этой семьи и рода», а также «область», «земля», «государство». Производное от него – слово «юрта» – является

основным типом переносного каркасного (реже – каркасно-столбового) жилища у азиатских кочевников. В русском языке понятие «*юрт*» появилось из тюркских языков, вероятно, еще в эпоху «татаро-монгольского ига» или Монгольской империи (XIII–XIV века) – как обозначение минимальной административно-территориальной единицы. С XVII века оно закрепилось, по-видимому, как официальное название территориальной единицы, прежде всего неукрепленного населенного пункта аборигенного населения ряда районов Сибири. В культуре коренного населения таежного Приобья термин «юрт» бытует по сей день – для обозначения селений, насчитывающих от одного до семи жилых строений (домов). У нижнеобских и иртышских ханты, а также кондинских манси, существуют его аналоги: *pugot* (хант.), *пауль* (манс.) [*Патканов, 2005.* С. 40; *2005.* С. 120]. У восточных обских ханты – *puhel, puhet, pushel* [*Терешкин, 1981.* С. 381]. Для такого временного и сезонного поселка (стойбища) существует термин *tau – pugot* [*Патканов, 2005.* С. 120].

Жилой дом в форме наземного бревенчатого строения у ханты звучит: *хот, хат, kat, kot* [*Патканов, 2005а.* С. 54; *Терешкин, 1981. С.* 146]. Другой тип жилища, явно архаичного, именовался *мыг-хот* – земляной дом, *mek kat* [*Патканов, 2005а.* С. 54; *Терешкин, 1981.* С. 146]. При этом имеется в виду, что каждый дом олицетворяет собственность одной семьи и используется для проживания длительное время. В отличие от кратковременных промысловых построек типа рыбацких шалашей (летних) и промысловых изб (зимних или осенних), именовавшихся *pat kat, lewes kat, kar kat* [*Патканов, 2005а.* С. 54; *Терешкин, 1981.* С. 146]. Кстати, слово, используемое для названия дома, близко по звучанию славянскому *хата* и отчасти английскому *холл* (*hall)* – терминам, означающим жилое строение или пространство в нем.

Термины, маркирующие хозяйственные строения в современных диалектах обско-угорского языка, возможно, являются заимствованиями из русского или тюркских языков. Сравним хотя бы названия хозяйственного строения на сваях у русских («*лабаз*») и хантов («*manac*», «*табас*», «*тлабас*»). О позднем заимствовании остяками слова «*лабаз*» от русских в свое время писал С. К. Патканов, который отмечал, что в остяцких былинах оно не встречается и заменяется словом «*кыма*» [*1891б.* С. 31]. В свою очередь, в русском языке термин «*лабаз*» обычно трактуется как древнерусское заимствование из тюркских языков (сравни: татарское «*лапас*» – «*навес*»), но некоторые филологи полагают, что это слово – исконно русское [*Шанский, Иванов, Шанская, 1971.* С. 230].

Терминология, связанная собственно с домостроением у ханты, в большей степени также заимствована и трансформирована. Особенно, когда речь идет о срубных постройках. Лишь в тех случаях, когда в срубный дом, построенный в русской архитектурной традиции, включены некие элементы из древнего традиционного обско-угорского жилища, такие детали сохраняют прежние названия.

К сожалению, до настоящего времени нет ни одного специального исследования, написанного архитекторами, по традиционному градо- и домостроительству коренного населения севера Западной Сибири. Подчеркнем, что исследования архитекторов-реставраторов – только специализированные историко-архитектурные. Определенным исключением в этом плане является коллективное издание археологов и этнографов по древним, средневековым и современным поселениям и постройкам народов Западной Сибири [Очерки культурогенеза…, 1994а; 1994б]. При этом по сей день все публикации на данную тему рассматривают историко-этнографические аспекты традиционного дома обско-угорских народов, нежели чисто архитектурные [*Соколова, 1971.* С. 230]. Ранее мы предпринимали попытки организации такого исследования и проводили историко-архитектурные изыскания традиционных построек коренного населения вместе со специалистами-архитекторами [*Карачаров, Сидорова, А–2002а*; *А–2002б*; *А–2002в*; *Долгов, Титова, А–2002а*; *А–2002б*; *А–2002в*; *Кардаш, Митина, А–2003а*; *А–2003б*; *А–2003в*; *Петрова, А–2007в*]. К сожалению, все наши предварительные изыскания закончились первой источниковедческой стадией, а именно: выявлением источника и его фиксацией. Введения в научный оборот массы выявленных материалов по традиционной архитектуре, за редким исключением [*Митина, 2010.* С. 40–45; *Кардаш, 2013б*; *Пальянова и др., 2013.* С. 140–170], не последовало. Дальнейший научный историко-архитектурные анализ полевых данных профильными специалистами не производился. В связи с этим мы попытаемся привести некоторые свои наблюдения и высказать соображения по поводу традиционной архитектуры аборигенов таежного Приобья, которые, возможно, будут полезны для будущих специальных исследований.

В данной книге мы будем использовать вышеупомянутую терминологию, причем в двух вариантах. Дело в том, что мы предполагаем вначале представить описание выявленных и зафиксированных материальных

остатков (археологических данных), а затем – с использованием исторических и прочих источников – представим развернутую характеристику самого городка, предшествующих неукрепленных поселений, их архитектурных объектов, а также реконструкцию жизнедеятельности их обитателей и некоторых событий, связанных с функционированием позднесредневекового укрепления.

При описании поселенческой части памятника *Монкысь урий* мы будем употреблять следующие термины: «*селище Монкысь*» и «*селище Монкысь урий*» – для остатков раннего неукрепленного поселения, «*городище Монкысь*» и «*городище Монкысь урий*» – для руинированных остатков позднего укрепленного населенного пункта, а также определение «*жилище*» – при описании остатков отдельных жилых и производственно-жилых построек (домов).

При описании реконструируемых элементов или событий раннего поселения (селища) на холме будем применять термины «*юрты Монкысь*» и «*юрты Монкысь урий*», как вариант – «*дом на старице Монкысь урий (ныне – Чистухинский урий)*». Для периода функционирования позднесредневекового городка предполагается использовать термины «*городок Монкысь*» и «*городок Монкысь урий*». В обоих случаях возможно использование обско-угорских синонимов – «*Монкысь вош*», «*Монкысь урий вош*», «*Монкысь погут*», «*Монкысь урий погут*».

В рамках настоящей главы предлагается рассмотреть только данные, связанные с функционированием поселенческого комплекса городка и юрт *Монкысь урий.* В следующем разделе представлены все материалы, связанные только с архитектурой этого ОКН.

2.2. АРХИТЕКТУРА ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ И ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО ПОСЕЛЕНИЯ

Значимость изучения архитектуры любого исторического поселения не вызывает сомнения, о чем мы уже писали ранее [*Визгалов, Пархимович, 2007*; *2008*; *Кардаш 2011*; *2013а*; *2013б*].

Важным отличием предшествующих исследований от данного является то, что ранее нами анализировались архитектура археологических памятников разной, но сравнительно большой и хорошей степени сохранности (от 15–20 до 80–90%): Мангазея, Надымский городок, Полуйский мысовой городок, городок Бухта Находка. В случае с *Монкысь урием* мы не можем говорить о полноценном анализе его архитектуры. Дело в том, что в результате раскопок нам стали доступны только отдельные детали архитектуры городка, а также некоторые параметры строений и их элементов. По этой причине мы будем оперировать в основном вероятностными характеристиками и предположениями, которые построены на анализе остатков неких строений, оставивших свой след в культурном горизонте в виде полихромных слоев («пятен») разной морфологии, мощности и состава. Тем не менее в недавнем прошлом это были сооружения, выполненные в определенной архитектурной традиции с использованием вполне конкретных строительных приемов.

В этом разделе, на основе всех имеющихся в нашем распоряжении археологических, исторических и других данных, мы попытаемся представить максимально обоснованный и близкий к реалиям прошлого вариант реконструкции оборонительно-жилого комплекса городка *Монкысь урий*. В связи с тем, что он изучен практически полностью (раскопаны все его хронологические слои), мы имеем возможность выделить его строительные горизонты и воссоздать стадии строительства данного укрепления.

Перед тем как приступить к описанию, анализу и реконструкции оборонительно-жилого комплекса городка, рассмотрим место его расположения в рамках общей системы расселения позднесредневекового коренного населения края.

2.2.1. СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

Некоторые данные о древней традиционной системе расселения в среднем течении Большого Югана и нижнем течении Малого Югана мы привели в начале нашего повествования.

Из этих материалов видно, что при определенной преемственности, которая еще не раскрыта исследователями, наблюдалось постоянное освоение данных территорий новым населением и культурное обновление состава их жителей. У нас пока нет достаточных оснований говорить о преемственности культур и народов в бассейне Югана в древности. В то время как освоение западными и южными мигрантами Севера Сибири –

то есть проникновение сюда новых народов и этносов – это то, что мы, бесспорно, наблюдаем в последнее тысячелетие, на протяжении практически всего позднего средневековья и нового времени. По этой причине данное направление в контексте нашего исследования наиболее актуально, даже если о нем рассуждать не более чем логически или теоретически.

Древнее зодчество любого коллектива, только что освоившего новую территорию или недавно ступившего на нее, находится в зависимости от иных ландшафтно-географических условий. При этом несмотря на то, что ранее этот народ обладал давней и сложившейся культурной и строительной традицией.

Любой человек или коллектив, планируя построить свой дом, озабочен несколькими обстоятельствами, а точнее – задачами.

– Во-первых, необходимостью создания укрытия от внешних неблагоприятных природных факторов (стихий) для создания комфортной среды обитания и воспроизводства потомства.

– Во-вторых, защитой этого дома от враждебного окружения: людей или хищных животных.

– В-третьих, проведением строительных работ с минимальными трудозатратами и оптимальными (не дорогими) в данных условиях материалами для строительства.

Новые условия, материалы и окружающая среда будут радикально доминировать. По этой причине любое переселение людей по какой-то причине с освоенной территории на новую всегда будет более рационально при условии попадания в аналогичную или сходную ландшафтную среду. Для мигрантов средневековья это также было правилом – размещение в относительно привычном ландшафте. Вернее, в некоем *биоценозе*, в котором они могли обеспечить себя необходимой пищей и создать в нем жилой дом. Безусловно, с помощью имеющегося у переселенцев опыта и инструментария, равно как с учетом традиций местного населения, длительное время обитавшего до них на этой территории.

Городок *Монкысь урий* находился на левобережье среднего течения реки Большой Юган и был привязан, прежде всего, к руслу этой водной артерии. Расстояние от него до реки составляло около 200 м. Данный поселок был возведен на холме-останце коренной террасы близ старичного озера Чистухинский урий, в которое впадает небольшой ручей Нексап (Нехсап) (рис. 2.2.1–2.2.4). Очевидно, по представлениям основателей данного укрепления, иного, более приемлемого, места для размещения своих жилых построек в ближайших окрестностях не существовало. Кроме того, такое расположение нового поселка, безусловно, свидетельствует о речном типе расселения мигрантов. Магистральное русло реки является одним из основных факторов, повлиявших на выбор места этого населенного пункта. В данном случае представляется, что Большой Юган воспринимался основателями городка прежде всего как транспортная магистраль, а не просто как водоем для промысла рыбы. Одним из косвенных фактов, указывающих на это, является находка в культурном слое городища заготовки грузила для калыданной сети – *калыданного камня*. Это очень редкий предмет, деталь специфической рыболовной снасти: сети-*«матни»* в сажень длины, которую волокут с челнока, задергивая, когда попадет рыба. При этом камень привязывался к *«куту»* – углу, мешку или концу – неводной *«матни»* для его осадки [*Даль, 1882.* С. 79, 231; Словарь русского языка XI–XVII вв. …, 1981. С. 146]. Такое орудие лова было рассчитано в основном на промысел крупной рыбы – типа муксуна – на Оби, Иртыше и их протоках. У коренных жителей края, в особенности живущих на удалении от этих больших водных артерий, данный способ промысла рыбы в широкий обиход вошел, вероятно, достаточно поздно – в XIX веке [*Чернецов, 1949.* С. 24–25; *Визгалов и др., 2013.* С. 201–203]. Иными словами, мы можем отметить факт начальной стадии внедрения в культуру нового способа рыболовства, который, в числе прочих факторов, повлиял на выбор места основания позднесредневекового поселка.

Другим, опять же косвенным, но, наш взгляд, не лишенным основания фактором, повлиявшим на выбор места строительства городка *Монкысь урий*, являлось наличие в непосредственной близости от останца зимнего сухопутного пути – *«зимника»*, протянувшегося вдоль русла реки Большой Юган с юга на север (рис. 2.2.1; 2.2.4). По картографическим данным известно, что он функционировал, как минимум, с XIX века, существовал в XX веке и используется по сей день. Этот путь можно охарактеризовать как своеобразный дублер водной артерии, который связывал все населенные пункты бассейна реки Большой Юган – Юганской инородческой волости Сургутского уезда Тобольской губернии – с региональным центром в городе Сургуте. Заметим, что этот административный центр Московского государства был основан в 1594 году на территории аборигенного «Бардакова княжества», приблизительно в 30 км к западу от резиденции его вождя

[*Борзунов, Стефанов, 1999*; *Солодкин, 2012*]. К сожалению, достоверных документальных данных о границах этого объединения территориальных общин нет, но то, что впоследствии вся эта территория вошла в состав Сургутского уезда, не вызывает сомнения. Таким образом, нельзя исключать более широкие временные рамки функционирования сухопутного пути вдоль русла реки Большой Юган, то есть еще до основания русскими города Сургута: в XV–XVII веках. Кроме того, вполне вероятно, что эта зимняя дорога вела не только к реке Оби, точнее к ее левому берегу, но и к вышеупомянутому административному центру объединения территориальных общин среднеобской провинции, расположенному на правом коренном берегу Оби.

Маршрут *большеюганского зимника* был проложен по заснеженным суходольным боровым террасам Югана и по льду замерзших старичных озер – непосредственно к обскому магистральному руслу. Один из его отрезков проходил по участку акватории старицы Чистухинский урий, непосредственно у городища, где функционирует и в настоящее время. В этой связи мы рассматриваем его историческое расположение так же как один, но не последний, из очевидных факторов, повлиявших на выбор места размещения населенного пункта.

Следующим основным условием для основания поселка именно в этом месте является выбор благоприятной экологической ниши – пойменного смешанного леса с преобладанием деревьев темнохвойных пород: сосны, кедра и ели, а также наличием лиственных – осины, березы, ивы (тальника), рябины (рис. 2.2.2–2.2.7). Последние обычно растут в низких местах – в сырой пойме, близ водоема. Такую растительность здесь еще называют урманом или урманной тайгой. Между тем возникает закономерный вопрос: почему же для поселения были выбраны темный урман и сырая пойма Большого Югана? Ведь совсем рядом, буквально при впадении ручья Нексап в старицу Чистухинский урий находится мыс, расположенный на высоком коренном берегу, поросшем сосновым бором на беломошном ковре. Рассуждая с точки зрения современного исследователя, в этом месте людям эпохи средневековья вполне можно было бы поместить такой же укрепленный пункт. Тем не менее этого не произошло.

Подавляющее большинство древних поселений, составляющих комплексы объектов культурного наследия «Кинямины», «Угутский» и «Когончины», на протяжении тысячелетий размещались именно на участках местности, приуроченных к краям хорошо дренированных песчаных террас, заросших светлыми сосновыми борами. Для людей, выросших в таких условиях, останец, на котором размещался городок Монкысь урий, мог представляться малопригодным местом для постоянного проживания человека. Вместе с тем следует отметить, что зимний след на снегу так или иначе привел бы опытного воина-охотника к любому городку. Даже к тому, что был намеренно спрятан на заросшем лесом холме в окружении заболоченной поймы.

По данным фольклора, остяцкие богатыри – вожди-«князья» обских угров – выбирали место для своих укреплений на возвышенностях, обычно мысах коренных террас, хорошо видимых с реки. Только проигравшие в битвах и изгнанные со своих территорий роды помещали свои городки в глубине тайги, на холмах среди болот [*Патканов, 1891а*; *1891б*]. Отметим главный принцип выбора места, характерный для обеих категорий населения: более сильные и менее успешные предпочитали строить укрепления в месте, обдающем естественными элементами защиты, затрудняющими доступ к населенному пункту. Как по археологическим, так и фольклорным материалам, критерий наличия естественных элементов защиты играет важную роль при выборе места для возведения городка. По этой причине факторы маскировки и относительной труднодоступности городка *Монкысь урий* в условиях темнохвойной тайги мы расцениваем как равнозначный с другими причинами. Наличие естественных преград имеет и вторую составляющую при выборе места строительства – это сокращение трудозатрат на возведение оборонительных сооружений. Тем не менее, как мы покажем далее, это обстоятельство не имело большого значения для зодчих данного городка.

Нам видится и другой вариант обоснования выбора этого места для постоянного проживания, а именно: маркировка населенным пунктом конкретной ландшафтной и, соответственно, охотничье-промысловой территории. Темнохвойная тайга и таежный урман – это зоны растительности, непосредственно связанные с добычей крупных парнокопытных животных, таких как лось, а также пушных зверей – белки, лисицы, соболя и других. Мясо лося – после рыбы – было одним из основных источников питания у туземного населения, особенно в зимний период (прил. 4.2). В то время как шкурки пушных зверьков были предназначены в основном для «товарообмена». Экологические условия обитания лося обусловлены, во-первых, его кормовой

базой, основу которой составляют лиственные деревья (осина, ива, береза), во-вторых, местами выведения потомства. Последние для большинства таежных популяций данного вида сосредоточены в пойменных лугах реки Оби и дельтах ее притоков. При этом если в зимнее время популяция обитала в верхнем течении или по притокам какой-либо реки – на водоразделах и в урманных массивах, то в летнее время она мигрировала в пойменную часть крупного водотока или район дельты. В нашем случае – это пойма Оби [*Тимофеева, 1974.* С. 83–85; *Визгалов и др., 2013.* С. 201-203]. Соответственно, вполне вероятно, что место расположения городка определяла его приуроченность к путям сезонных миграций лося, основного охотничье-промыслового вида таежных западносибирских животных.

Еще одним существенным фактором, повлиявшим на место расположения городка, нам представляется его непосредственная близость к беломошным сосновым борам. Это – ниша обитания дикого северного оленя – промыслового вида, практически равного по значимости лосю. Кроме того, такие боры являются пастбищными угодьями для стад домашних оленей. Их наличие подтверждается находками деталей оленьей упряжи (раздел 2.3; рис. 2.3.23). Таких предметов в нашем распоряжении пока немного. Между тем они крайне важны в плане определения способа содержания этих животных, их использования и в целом – для реконструкции хозяйственной деятельности жителей городка. Судя по местоположению поселения, точнее его удаленности от пастбищных угодий, оленеводство было не первостепенным. Скорее всего, оно являлось вспомогательным занятием в системе хозяйства обитателей городка, обеспечивающим главным образом транспортные потребности.

Подводя итог нашим размышлениям о локализации интересующего нас поселения и типе расселения его жителей, можно констатировать следующее.

– Тип расселения обитателей юрт и городка *Монкысь урий* был речной. Данные населенные пункты были приурочены к двум локальным путям, пересекающим среднеобскую тайгу: летнему, пролегавшему по основной местной водной артерии – Большому Югану, и зимней дороге, фактически являющейся дублером первого пути. Это обеспечивало связи жителей городка как с окрестными родовыми и локальными территориальными общинами, так и с дальними административными центрами. Причем как аборигенных вождеств, так и Московского государства. Особо обратим внимание на то, что в условиях отсутствия карт и навигационных приборов для подвижного населения данный – речной – фактор был весьма актуален.

– Тип расселения, в свою очередь, был обусловлен местом «стыковки» или некоего «смыкания» разных участков ландшафтных зон: пойменного урмана с темнохвойной растительностью и «беломошных» сосновых боров на суходольных гривах. В сочетании с водоемами близость данных ландшафтов обеспечивала доступ местного населения к широкому спектру природных ресурсов, в том числе к местам рыбного промысла, районам обитания и миграций крупных копытных (олень, лось) и пушных животных (соболь, лисица, белка).

– В историческом плане городок *Монкысь урий* находился в центре особой густозаселенной «провинции», расположенной на левобережье Оби, в среднем течении реки Большой Юган. Тем не менее данный укрепленный поселок был обособлен от комплексов древних селищ и укреплений, включая те, в которых существовали синхронные населенные пункты, например, городище Кулунигый 45. Это обстоятельство позволяет предполагать, что городок *Монкысь урий* не имел прямой исторической связи с населением данной территории. Тот факт, что эта крепость была обособлена от других населенных пунктов, скрыта от посторонних глаз, серьезно укреплена и находилась в малопригодном для проживания месте, позволяет предположить, что ее основатели были новым населением на данной территории. Причем пришельцами, связанными с вышеупомянутыми транспортными артериями.

Резюмируем. Выбор данного участка местности для размещения городка *Монкысь урий* соответствовал двум главным условиям: близости поселка к разными ландшафтным и промысловыми зонам, а также к транспортным артериям, обеспечивавшим связь его жителей с главными магистралями и транзитными центрами.

2.2.2. ЮРТЫ МОНКЫСЬ УРИЙ – ПРЕДШЕСТВЕННИК ГОРОДКА

Проблема поселений «догородищенского периода». Напомним, что В. И. Семенова, автор первых профессиональных исследований городища Частухинский урий, выделила два начальных этапа функционирования населенного пункта на останце у старицы Чистухинский урий с широким хронологическим диапазоном: от середины I до начала II тысячелетия нашей эры [*2005.* С. 9, 10]. В связи с этим приведем следующий отрывок из ее монографии.

«Начало функционирования поселения на холме связано с остатками котлована 2 (раскопы 1, 2), ямами II, III, VI (раскоп 2), IX (раскоп 3), X–XII (раскоп 4). Строители произвели подсыпку и разровняли верхнюю площадку холма. Заполнение котлованов и ям состояло из характерной желтой супеси с вкраплениями мелких угольков….

Во второй период функционировали котлованы 4 (раскоп 2), 6 (раскоп 3), 8 (раскоп 4), ямы I, XIII–XV (раскоп 2). Поселение, видимо, имело укрепления (столбовые ямы, остатки дерева в раскопе 4).

Оба ранних периода поселения могут быть датированы приблизительно промежутком от середины I до начала II тыс. нашей эры. К нему можно отнести мелкие фрагменты очень невыразительной керамики, которая вся обнаружена в переотложенном состоянии…» [*Там же*].

Мы не находим достаточных подтверждений данному выводу, скорее, наоборот. Совершенно очевидно, что любое поселение, непрерывно функционировавшее столь длительное время, должно было оставить ярко выраженный культурный слой и артефакты, соответствующие этому периоду. Тем не менее все предметы, датирующиеся ранее II тысячелетия нашей эры, представлены только мелкими обломками керамических сосудов периода поздней бронзы (атлымская археологическая культура XII–IX веков до н. э.), раннего железного века и средневековья (раздел 2.3; рис. 2.3.17). Каких-либо культурных слоев, насыщенных артефактами этих периодов, мы так и не обнаружили. В этой связи можем предложить специалистам самостоятельно оценить коллекцию находок, планиграфию и стратиграфические разрезы нашего памятника (рис. 2.2.18 – 2.2.23; 2.2.29–2.2.36).

Хотелось особо подчеркнуть, что, судя по зафиксированной нами стратиграфии (рис. 2.2.29–2.2.36), далеко не вся верхняя часть останца была срезана при строительстве позднесредневекового городка. Следы ранних строений под насыпью отсутствуют, и мы имеем лишь несколько ранних фрагментов керамических сосудов в переотложенных слоях, сформировавшихся при строительстве городка. Наличие их в культурном слое можно объяснить и тем, что древнее или средневековое население края могло принести сосуды с близлежащих или более удаленных долговременных поселений. Такие случаи нам известны. В частности, по материалам раскопок Надымского городка, где в слое XVII – первой трети XVIII века были найдены орнаментированные фрагменты керамики более ранних периодов [*Кардаш, 2005.* С. 168, 169. Рис. 3.38 – *1–3*]. Мы не исключаем, что на останце у протоки-старицы Чистухинский урий (Монкысь урий), близ него или у его подножья могли существовать кратковременные или сезонные стоянки рыболовов и охотников.

Для сравнения приведем несколько наблюдений. В одном из бывших хатыйских поселений – нежилых юртах Немпировых на реке Ай-Пим на правобережье Сургутского Приобья – при осмотре места домашних божеств в хозяйственном амбаре (лабазе) нам пришлось столкнуться с наличием в составе культовых вещей и прикладов небольшого глиняного сосуда, грубо выполненного по образу и подобию русских горшков XVII века [*Кардаш, А–1995.* С. 35–36. Фото 15; 16]. Более того, при раскопках одного из жилищ XIII века на городище Бухта Находка на п-ове Ямал в домашней кумирне среди «подношений» антропоморфному идолу была обнаружена керамическая «чаша», изготовленная из поддона сосуда VI–VII веков [*Кардаш, 2011.* С. 47. Рис. 58 – *2*].

Опираясь на изложенные выше факты, мы можем связать большую часть фрагментов керамических сосудов, найденных при раскопках городища Частухинский урий, с периодом функционирования юрт и городка *Монкысь урий.* Тогда как небольшую часть керамических обломков следует соотнести с кратковременными стоянками либо эпизодами посещения данного места задолго до основания здесь позднесредневекового укрепленного поселения.

Люди, решившие возвести свой укрепленный центр на холме у старицы Чистухинский урий (Монкысь урий), скорее всего, не увидели на поверхности каких-либо ярко выраженных остатков прежних жилищ. Совершенно очевидно, что строительство нового населенного пункта они начали на «чистом» месте. Причем, возможно, именно такое они искали на пространстве между речками Угутка и Кулунигый, испещренном руинами древних селищ и городищ. Дело в том, что, общаясь с нашими друзьями – юганскими ханты, нам неоднократно приходилось слышать, что новый дом нельзя строить на месте старого жилища. Более того, даже ночевать в брошенном доме опаснее, чем на кладбище. Почему же так? «Маячки будут маячить», – отвечали нам. Это много опаснее мертвых предков, поскольку может довести человека до безумия. Так это было или иначе в сознании основателей нового населенного пункта, сейчас сказать трудно.

Следующий сюжет – это нахождение в культурном слое «развалов» керамических сосудов (рис. 2.3.17), которые не вписываются не в один из выделенных ранее для территории Средней Оби культурно-хронологических типов [ср.: *Чемякин, Карачаров, 1999*; *2002*; *Зыков, 2012*]. Тем не менее эти сосуды находят аналогии среди посуды более южных территорий, прежде всего – лесной зоны Томского Приобья и Барабинской лесостепи. В частности, из раскопок курганных могильников XV–XVII веков, таких как Кыштовка 2, Абрамово 10, Козюлинский и др. [*Молодин, 1979*; *Молодин и др. 1990.* С. 34–39; *Плетнева, 1990.* С. 38–68]. Такую керамическую посуду авторы исследований связывают с культурой южных ханты и южных селькупов. То есть обнаруженные здесь крупные фрагменты и развалы сосудов были синхронны городку *Монкысь урий* и явно использовались его жителями.

Кроме того, из числа органических образцов (древесина, уголь, костные ткани), прошедших процедуру определения возраста методом радиоуглеродного датирования (C^{14}, C^{13}), ни один не показал хронологического периода ранее середины XV века (прил. 4.4).

В связи со всем выше сказанным, точку зрения В. И. Семеновой о существовании на этом месте раннесредневекового поселения мы не считаем обоснованной.

Вместе с тем констатация того, что на холме было обнаружено поселение, непосредственно предшествовавшее городку *Монкысь урий*, вполне справедливо. Противоречие заключается лишь в культурно-хронологической характеристике и определении данного объекта, который мы предлагаем именовать «*Юрты Монкысь урий*».

Общая характеристика поселения «Юрты Монкысь урий». В результате раскопок 1990 года в нашем распоряжении оказалось минимальное количество источников, позволяющих говорить о данном населенном пункте. Ранее мы лишь упоминали о его существовании, теперь же попытаемся подтвердить это заключение конкретными фактами. Только предупредим, что многие метрические характеристики и детали этого поселка будут условными, в силу ограниченности имеющихся у нас материалов.

Начнем с изучения данных о микрорельефе останца на момент начала строительства на нем первых жилых сооружений. Первоначальный рельеф холма был восстановлен по результатам анализа стратиграфических разрезов, зафиксированных в процессе раскопок 2011–2013 годов (рис. 2.2.13). Профили были ориентированы по разным направлениям и рассекали поверхность останца от основания до вершины. В результате проделанной работы стало очевидно, что изначальная форма основания останца радикально не изменилась. В то время как склоны и верхняя часть возвышенности приобрели иные очертания и размеры. Прежде останец имел форму усеченной пирамиды с пологими склонами. На его вершине имелась узкая вытянутая площадка размерами 20×10 м. Вследствие этого, без проведения специальной инженерной подготовки было крайне сложно разметить здесь большое количество построек, тем более мощный оборонительно-жилой комплекс. Верхняя площадка изначально не была идеально ровной и реконструируется, скорее всего, как выпуклая. Это потребовало ее предварительного расширения – путем удаления части почвы – и последующего и нивелирования (разравнивания). Тем не менее даже после проведения этих операций на вершине холма можно было разместить не более трех жилищ (рис. 2.2.18).

Таким образом, непосредственно перед началом возведения раннего поселка была проведена дополнительная работа по подготовке места строительства: выборка грунта и выравнивание поверхности холма – для каждого из котлованов жилища в отдельности. Дома ставились «на пошву» (на почву), без фундамента, то есть без дополнительного укрепления площадки строительства и устройства основания дома.

В дальнейшем мы будем присваивать исследованным постройкам более сложные (дробные) номера, в которых первая цифра будет обозначать этап строительства, а вторая – порядковый номер сооружения. При этом мы попытаемся сохранить, насколько это возможно, оригинальную нумерацию В. И. Семеновой, чтобы как-то унифицировать нумерацию и упростить работу с предшествующим монографическим исследованием.

Постройки раннего поселения. По результатам анализа материалов раскопок 1990 года и работ 2011–2013 годов нами были реконструированы остатки четырех построек, которые были размещены довольно плотно друг к другу. Наличие каких-либо укреплений этого периода нами не выявлено. Более того, их вряд ли вообще можно было здесь обнаружить. Дело в том, что при последующем строительстве городка была проведена глобальная инженерная подготовка, включавшая расширение площадки останца, что практически полностью уничтожило руины прежних строений. По тем остаткам, что нам удалось зафиксировать, попытаемся восстановить архитектуру юрт *Монкысь урий* и их отдельных объектов.

Постройка № 1.2.1 (№ 2 – по В. И. Семеновой.). Остатки отдельных участков ее котлована зафиксированы в южной части площадки останца (уч. Р–Х/37–42, ур. 44,50–44,80 м) (рис. 2.2.18). Форма и размеры объекта восстанавливаются гипотетически, так как постройка практически полностью была уничтожена при строительстве позднего оборонительно-жилого комплекса. Сохранились лишь небольшие участки границ ее котлована. Жилище было, вероятно, в плане подквадратным, размерами 4,6×4,5 м, и ориентировано по оси ЗСЗ – ВЮВ.

Постройка № 1.2.2. В 0,6 м к северо-востоку от предыдущего объекта, в центральной части останца зафиксирована постройка № 1.2.2 (уч. Ф–Ы/36–41, ур. 44,90–45,10 м) (рис. 2.2.18). Она практически полностью была уничтожена при строительстве оборонительно-жилого комплекса, поэтому ее форма и размеры восстанавливаются гипотетически. Сохранились лишь небольшие участки границ котлована строения. Данное жилище, как и предыдущее, вероятно, было ориентировано по оси ЗСЗ – ВЮВ, но форма его в плане близко к трапеции (около 5,9×4,8 м).

Постройка № 1.2.3. В 1,5 м к северо-западу от постройки № 1.2.1, в западной части останца зафиксированы остатки постройки № 1.2.3 (уч. Р-Х/33–36, ур. 44,90–45,00 м) (рис. 2.2.18). Она, как и предыдущие объекты, практически полностью была уничтожена при строительстве оборонительно-жилого комплекса, поэтому ее форма и размеры восстанавливаются гипотетически. В стратиграфических разрезах сохранились участки границ котлована строения (рис. 2.2.19–2.2.23). По восстановленным очертаниям постройки, вероятно, было ориентировано по оси СВ – ЮЗ, его форма в плане близка к прямоугольнику (около 4,3×3,3 м). В связи с небольшими размерами и отсутствием признаков очага, ее функциональное назначение предположительно определено как хозяйственное.

Постройка № 1.9.1 (№ 9.1 – по Н. В. Шатунову). В северо-восточной части площадки останца зафиксированы остатки котлована третьей постройки (уч. Я–Г”/36–40, ур. 45,20 м) (рис. 2.2.18). Данный объект также в значительной степени пострадал при строительстве позднего оборонительно-жилого комплекса, поэтому его форма и размеры восстанавливаются условно. По сохранившимся участкам границ котлована можно сказать, что жилище, вероятнее всего, было подквадратным, размерами около 4,7×4,5 м, и ориентировано по оси СЗ – ЮВ (рис. 2.2.18).

С северо-западной стороны к данной постройке примыкала ***яма IX*** (уч. А”–Г”/35–37, ур. 44,80 м) (рис. 2.2.18). Она была выявлена и частично раскопана В. И. Семеновой. По данным Валентины Ивановны, яма «*отмечена на плане … на уровне -120 см, частично перекрыта котлованом 5. Вскрытая часть ямы имела подпрямоугольную форму, размерами 160х84 см. На ее дне на уровне -138…-140 см отмечены следы деревянных плах… В профиле яма прямоугольной формы, с ровным дном с небольшим прогибом посередине… Заполнение ямы – темно-серая супесь с углем. По дну отмечена прослойка дерева*» [*2005.* С. 11–12]. Северо-восточная часть ямы исследована в процессе работ 2013 года. Углубление примыкало к северо-западной стене постройки № 1.9.1 и проявилось в виде аморфного «пятна» темно-серой супеси, резко контрастировавшего на фоне светло-желтой супеси. Оно было вытянуто по оси ЮЗ – СВ и частично перекрыто бурой супесью, заполнявшей котлован постройки № 2.5(6). На ур. 44,80 м яма приобрела правильные овальные очертания, но ее ориентация осталась прежней. Границы ямы были оконтурены углистыми прослойками. Размеры ямы: 1,8×1,1 м (рис. 2.2.18; 2.2.24–2.2.27). На ур. 44,60 м котлован постройки, перекрывавший яму, был полностью выбран, и яма стала четко фиксироваться на фоне материкового песка. Форма и ориентация ямы практически не изменились, но размеры ее стали больше – 2,0×1,2 м. Основное заполнение придонной части ямы составляла плотная желтая супесь с мелкими угольками, однако в центральной части ямы по-прежнему фиксировалась серая супесь, а также углистая прослойка. Дно ямы отмечено на ур. 44,45 м. В придонной части углубление было заполнено плотной желтой супесью с мелкими угольками. Размеры его здесь сократились незначительно. Дно ямы плоское (рис. 2.2.27). Артефакты в яме отсутствовали.

В итоге можно сделать вывод, что изначально на вершине холма у старицы Монкысь урий (ныне – Чистухинский урий) был построен населенный пункт, состоявший из трех жилых сооружений. Поселение не имело какой-либо специальной – искусственной созданной – системы обороны и было защищено только естественным образом – за счет крутого склона холма (рис. 2.2.18). Очевидно, что на первоначальном этапе заселения данной возвышенности это было очень важно, поскольку без дополнительных трудозатрат могло обеспечить жителей селища относительной защитой от врагов, диких животных и весенних паводков. Зимой же было достаточно полить склоны водой, чтобы создать ледяной пояс по периметру холма.

Впоследствии, в ходе инженерной подготовки площадки строительства позднего городка, то есть при расширении и разравнивании вершины холма для возведения здесь оборонительно-жилого комплекса, юрты были снесены. Постройки № 1.2.1 и № 1.2.2 были уничтожены практически без остатка. Вероятно, в связи с тем, что постройка № 2.9.1 находилась на более низком месте, чем другие два жилища, она была перекрыта грунтом при разравнивании. По этой причине некоторые ее очертания все же удалось зафиксировать.

Хронология раннего поселения. Время основания и период функционирования юрт Монкысь урий определяется по комплексу признаков. Тем не менее установить точную дату раннего поселка крайне сложно.

Для выявления хронологических рамок функционирования юрт и городка *Монкысь урий* был проведен радиоуглеродный анализ образцов древесины и костных остатков. Всего анализу подверглось 15 образцов костных тканей людей и животных, древесины и угля. Из них 6 образцов (2 – древесины и 4 – костной ткани), по данным радиоуглеродного тестирования, были признаны современными. Причиной этого, по мнению авторов, является то, что данные материалы были обнаружены в верхних слоях памятника и постоянно подвергались радиационному воздействию (прил. 4.4).

Остальные 8 образцов относятся к XVI–XVII векам. Все они происходят из культурного горизонта, связанного с функционированием оборонительно-жилого комплекса. Образцы древесины взяты из сгоревших конструкций построек и наружной стены по причине отсутствия пригодных для проведения радиоуглеродного анализа древесных остатков, относящихся к юртам. По полученным датам функционирования городка можно предположить, когда существовали юрты.

Образцы древесины, подверженные радиоуглеродному анализу, были извлечены из построек и наружной стены оборонительно-жилого комплекса. Для этой цели были выбраны наиболее крупные и хорошо сохранившиеся остатки плах. 3 образца дают практически идентичный временной интервал: от 1540 до 1635 года. Данный тест выявил средний период роста дерева. Для проведения анализа был использован целый образец бревна (плахи), представлявший собой часть ствола дерева, содержащего всю кольцевую структуру, сформировавшуюся в течение длительного времени. Вместе с тем часть наружных колец древесного образца истлела за столетия нахождения под землей. Учитывая это, мы считаем, что вправе из широкого диапазона полученных дат (95 лет) выбрать средние показатели и оперировать ими. Таким образом, можно сузить вероятный период использования дерева (деревянных конструкций): 1590–1605 годы.

Для верификации хронологии раннего поселения использованы костные остатки животных и людей. Проанализированные образцы костей животных дают практически идентичный временной интервал: от 1618 до 1682 года, что соответствует большей части XVII века (прил. 4.4). Это не противоречит датировке древесных образцов, так как древесина относится к периоду строительства городка, а кости – ко времени его функционирования.

Остатки костной ткани человека дают широкий временной интервал: в диапазоне от 1553 до 1673 года, то есть в пределах XVI–XVII веков (прил. 4.4). В целом это соответствует периоду строительства и времени существования городка. Это согласуется с данными радиоуглеродных анализов предыдущих образцов. При этом только один из образцов был датирован XVIII–XIX веками.

Таким образом, на основании результатов радиоуглеродного анализа мы можем предположить, что время строительства и функционирования городка приходится на конец XVI – XVII век.

Возможное увеличение в будущем количества проанализированных образцов может сузить эти временные рамки. При этом анализу должны быть подвергнуты только вторично использованные деревья либо фрагменты центральных древесно-кольцевых структур. Общеизвестно, что образцы, взятые для анализа от сгоревших домостроительных конструкций, дают слишком большой хронологический диапазон. Такие широкие хронологические рамки для определения возраста древних (мезолитических, неолитических, энеолитических и даже раннебронзовых) объектов не особо критичны и вполне приемлемы. В то время как для эпохи железа, особенно средневековья, когда речь идет об установлении дат в пределах нескольких десятилетий, тем более в связи с известными историческими событиями, такие временные характеристики не очень удобны. Конечно же, можно было бы уточнить датировку интересующих нас ранних объектов с помощью радиокарбонного анализа костных останков диких видов животных, но для этого необходимо большое число образцов, чтобы выборка была репрезентативной. Между тем радиокарбонное датирование пока остается в России весьма дорогостоящей и длительной процедурой. Тем более что ее результат все равно не сузит

время основания поселения даже до десятилетия. По этой причине мы считаем, что количество образцов и полученные даты вполне достаточны для определения приблизительной хронологии данного памятника.

Дополнительными источниками по оценке времени строительства и функционирования городка и его предшественника – юрт Монкысь урий – являются данные стратиграфии и морфологии культурного слоя, а также хронология предметов вещевого комплекса.

Анализ стратиграфии выявил, что слои, связанные с юртами Монкысь урий, залегают ниже слоев, относящихся к городку. Следовательно, неукрепленный поселок существовал до возведения оборонительно-жилого комплекса. Стерильные прослойки, разделяющие культурные слои юрт и городка, в стратиграфических разрезах отсутствуют (рис. 2.2.19–2.2.23; 2.2.29–2.2.36). По всей видимости, между обоими поселениями не было перерыва.

Хронология предметов вещевого комплекса (гл. 2.3) также не противоречит датировке, установленной на основании проведенного радиоуглеродного анализа. Предметы периода поздней бронзы мы, конечно, в расчет не берем. Предметы XIII–XV веков весьма малочисленны и в основном представлены украшениями костюма. Можно предположить, что они продолжали бытовать у местного населения в XVI–XVII веках, в том числе сохраняясь в атрибутах ритуального костюма. Основная же масса артефактов из культурного слоя городка относится к XVI–XVII векам и произведена в это время.

На основании представленных выше данных мы можем говорить о существовании городка *Монкысь урий* в XVI–XVII веках, а предшествующего ему селища – в пределах XVI века. Кроме того, комплексный анализ находок с данного археологического памятника, а также изучение стратиграфии и планиграфии его культурных слоев показывает, что хронологического разрыва между временем функционирования юрт и городка *Монкысь урий* не наблюдалось.

Скорее всего, юрты были временным поселением людей, принимавших участие в эскарпировании склона холма, подготовке городищенской площадки и строительстве городка. Место для возведения «крепости», вероятно, подыскивалось целенаправленно. При этом перед строительством мощного оборонительного комплекса были сооружены временные жилища – юрты. Таким образом, юрты являются прямым предшественником городка. Период их функционирования не выходит за рамки XVI века и, скорее всего, соответствует середине и концу этого столетия.

2.2.3. ОБЩАЯ ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА И АРХИТЕКТУРА ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ

Метрические характеристики. Начнем анализ и реконструкцию архитектуры городка с его метрических характеристик и описания современного микрорельефа городища.

Реконструировать планировочную структуру и архитектуру городка, причем максимально близко к реалиям прошлого, возможно на основе комплексного анализа ландшафтной ситуации и микрорельефа памятника, а также с использованием стратиграфических и планиграфических данных, полученных в результате всех полевых работ на памятнике.

Напомним, что холм, на котором был поставлен городок, изначально имел в плане овальные очертания. Форма его поверхности и, соответственно, площадки городища представляла собой вытянутый овал, ориентированный по оси юго-запад – северо-восток. Размеры основания холма – 32×44 м, площадь – около 1400 кв. м. Всю эту территорию, на наш взгляд, и следует считать площадью *оборонительно-жилого комплекса* городка *Монкысь урий*. В нее входило пространство жилых строений и наружных стен городка, приуроченное к верхней площадке холма. Размеры последней – 16×28 м, площадь – около 450 кв. м. Современная высота холма, по-видимому, немногим отличается от изначальной. От подножия до вершины в разных частях она варьируется от 5 до 9 м, в среднем – 6,0 м. Склоны холма крутые, высотой 4,0–4,5 м. С юга и юго-востока к возвышенности подступает лог, с севера и северо-запада – озеро-старица Чистухинский урий (рис. 2.2.7–2.2.13).

Общая площадь памятника и, соответственно, городка, включая пространство вокруг холма, на котором также проходила хозяйственная или иная деятельность его жителей – *хозяйственно-производственная территория*, – около 10 000 кв. м (1,0 га). Конфигурация и размер последней были определены с учетом элементов рельефа окружающей местности – естественных границ участка вокруг городка – берега водоема и края

сырого лога. В эту же территорию входит пространство на удалении 25–50 м от жилых строений, входящее в зону жизнедеятельности населения поселка (рис. 2.2.7). Данное расстояние соотносится с размерами функциональных зон за пределами домов юганских ханты, известных нам по исследованиям у современных юрт [*Кардаш, А–2002.* С. 48–49].

Микрорельеф поверхности городища содержит много информации об архитектуре и планировочной структуре некогда существовавшего сооружения. На коренных террасах таежного Приобья, сложенных в основном из песка, расположена большая часть археологических памятников, прежде всего поселенческих. Гумусный и мхово-лишайниковый покров террас очень тонкий. Кроме того, высокие дренажные свойства песчаных и супесных грунтов способствуют быстрому проникновению воды от поверхности вглубь террас, что позволяет почти в неизменном виде и очень долгое время сохраняться руинам древних строений. Вследствие этого следы древних и средневековых сооружений до сих пор прекрасно видны на поверхности. Это относится к жилым объектам неолита, бронзы и раннего железного века, не говоря уже о средневековье. С другой стороны, высокий промывной режим способствует крайне быстрому вымыванию из песчаного грунта органических остатков и разрушению предметов из органики. Это приводит к оподзоливанию и обесцвечиванию (выщелачиванию) культурного слоя и лишает нас возможности его визуального восприятия в первоначальном виде. Иногда это искажает большую часть информации о параметрах и форме того или иного сооружения, оставляя в культурном пласте с остатками этих построек лишь неорганические артефакты. Существуют и другие факторы, влияющие на сохранность слоя: например, эрозия склонов террас, поздние перекопы, норы животных, выворотни, корни деревьев, лесные пожары, современная производственная деятельность и многое другое. В этой связи, нередко часть данных о древних и средневековых постройках сохраняется только в микрорельефе поверхности. Именно поэтому мы уделяем большое внимание его фиксации, описанию и анализу.

Согласно плану городища и материалам раскопок 1990 года, до начала стационарных научных исследований на верхней площадке холма были зафиксированы остатки четырех сооружений, которые были выражены на поверхности в виде впадин или больших ям. В. И. Семенова по этому поводу сообщила следующее.

«*Выровненная площадка холма и крутизна северо-восточного и юго-западного склонов явно искусственного происхождения. У западной кромки городища зафиксировано подпрямоугольное понижение (впадина 1) размерами 7×3 м, глубиной до 0,7 м. Две крупные глубокие подпрямоугольные впадины, расположенные по диагонали друг к другу, отмечены в южном и северном секторах. Размеры южной ямы 6×4,5 м (впадина 2), северной – 6×5 м (впадина 3) (см. Приложение 1: рис. 28). Глубина обеих от уровня поверхности более 1 м. Неглубокая подпрямоугольная впадина 4 отмечена на восточной оконечности городища, ее размеры 6×4,5 м, глубина 0,4 м. Она выходит на юго-восточный склон памятника.*

Через центр всей территории памятника с юго-запада на северо-восток проходит валообразная насыпь шириной до 2 м, образованная оплывшими обваловками впадин (см. Приложение 1: рис. 28). С востока ее прямоту нарушает впадина 4 (рис. 3)» [*2005.* С. 6–7].

К сожалению, данное описание расходится с графическими материалами (чертежами), представленными в монографии [*Семенова, 2005.* С. 7. Рис. 3; С. 104–127. Прил. 1. Рис. 1–26]. Поэтому мы не только провели фиксацию микрорельефа памятника на момент начала наших раскопок (рис. 2.2.12; 2.2.14–2.2.17), но и реставрировали первоначальный микрорельеф городища с использованием материалов исследований 1990 года (рис. 2.2.13).

Представим уточненное описание остатков сооружений оборонительно-жилого комплекса на верхней площадке городища *Монкысь урий*. Отметим лишь, что некоторые детали микрорельефа памятника, как у нас, так и предшествующего исследователя, были частично искажены из-за многочисленных деревьев, диаметр которых доходил до 1,0 метра. Тем не менее мы постарались определить и представить наиболее значимые характеристики жилищных впадин и их обваловок, придерживаясь изначальной нумерации построек (1990 г.).

Всего на верхней площадке городища, размером 16×28 м, зафиксированы остатки пяти сооружений (№№ 1–5). Впадины располагались двумя рядами, относительно симметрично центральной оси городища, ориентированной в направлении по оси юго-запад – северо-восток и выраженной на поверхности в виде *валообразной насыпи* шириной до 2 м с выступами в промежутках между углублениями от строений (рис. 2.2.12; 2.2.13).

Остатки сооружения № 1 были выявлены в западной части площадки, к северо-западу от центральной оси – *вала*. На поверхности они имели вид подпрямоугольной впадины, размерами 6,0×4,5 м. С юго-восточной и северо-восточной сторон углубления прослеживались остатки обваловки, образующие осевую валообразную насыпь. С юго-западной и северо-западной сторон обваловка отсутствовала, вероятно, вследствие эрозии берегового склона. Перепад высот между дном впадины и поверхностью центральной насыпи составлял 0,7 м, между краем площадки и дном углубления – 0,2–0,3 м.

Сооружение № 3 находилось в северной части укрепленной площадки, рядом с первым, к северо-востоку от него и к северо-западу от центральной оси городища. Выглядело как впадина формы, близкой к прямоугольной, размерами 8,0×6,0 м. С юго-западной, юго-восточной и северо-восточной сторон углубления прослеживались остатки обваловки, формировавшие валообразную насыпь. С северо-запада обваловка отсутствовала – в результате эрозии склонов холма. Перепад высот между дном впадины и верхом центральной насыпи – 0,5 м, между краем площадки и дном углубления – 0,2–0,3 м.

Остальные три жилищные впадины (№№ 2, 4, 5) располагались к юго-востоку от центрального вала.

Остатки сооружения № 4 находились в северо-восточной части площадки и имели вид относительно правильной прямоугольной впадины, размерами 5,0×4,5 м. С ее юго-западной и северо-восточной сторон сохранились остатки обваловки – центральной валообразной насыпи. Северо-восточная граница котлована и обваловка отсутствовали вследствие осыпания песчаного берегового склона. Перепад высот между дном впадины и поверхностью центральной насыпи составлял 0,4 м, между краем площадки и дном углубления – 0,1–0,2 м.

Впадина № 5 примыкала к предыдущей с юго-запада. Она не была отражена в описании В. И. Семеновой, хотя отчетливо фиксировалась в разрезе ее раскопа № 4 [*2005.* С. 126. Прил. 1. Рис. 25]. Остатки сооружения № 5 представляли собой прямоугольную впадину размерами 5,0×4,5 м. С ее северо-восточной, северо-западной и юго-западной сторон сохранились остатки обваловки, образующие центральную валообразную насыпь. Северо-восточная граница котлована и обваловка отсутствовали. Перепад высот между дном впадины и поверхностью центральной насыпи составлял 0,8 м, между краем площадки и дном углубления – 0,5–0,6 м.

Остатки сооружения № 2 представляли собой прямоугольную впадину размерами 7,0×6,0 м, которая занимала практически всю южную часть площадки городища. Как у предыдущего сооружения, ее обваловка сохранилась только с северо-восточной, северо-западной и юго-западной сторон. При этом юго-западный отрезок насыпи был самый высокий, а северо-восточный отсутствовал. Перепад высот между дном впадины и поверхностью центральной насыпи – 0,7 м, между краем площадки и дном углубления – 0,3–0,4 м.

Таким образом, до начала раскопок на поверхности верхней площадки городища отчетливо фиксировались остатки пяти сооружений оборонительно-жилого комплекса, у которого частично деформировались наружные элементы (рис. 2.2.12; 2.2.13). Иными словами, осыпались или полностью были размыты участки песчаной обваловки строений по периметру всего сооружения, где ранее находился пояс наружных стен укрепления. Кроме того, в современном рельефе городища каких-либо элементов входа на верхнюю площадку городища – в виде насыпной эстакады или траншеи-лога – не прослеживалось. Это обстоятельство является предметом дальнейшего анализа, который уместнее привести после изложения результатов раскопок.

Планировочная структура памятника и его фукциональное зонирование. Планировка городка *Монкысь урий* реконструируется на основе результатов многолетних стационарных раскопок [*Семенова, А–2002*; *2005*; *Кардаш, А–2011*; *Шатунов, А–2013*; *Визгалов, А–2014*].

Напомним, что общая площадь этого населенного пункта определена нами в 10 000 кв. м (1,0 га). Относительно большая территория городка *априори* функционально структурирована. Между тем не вся она одинаково и активно использовалась его жителями. Об этом, в частности, свидетельствует состав находок и неодинаковая насыщенность культурного слоя в разных частях памятника.

Всеми исследователями изучалась наиболее активно используемая – центральная – часть городка, которая содержала максимальное число источников информации. Ниже приведено распределение находок по территории памятника. Правда, дифференциация их по отдельным архитектурным, жилым и хозяйственным зонам отчасти условна. Дело в том, что четко выраженной границы между оборонительно-жилым комплексом и периферийной территорией не фиксировалось. Эту границу мы условно проводим по периметру подножия холма, где размещался оборонительно-жилой комплекс, поскольку перепад высот на разных участках основания составлял до 2 м.

Общая исследованная площадь памятника за все годы раскопок составила 900 кв. м. В том числе на территории оборонительно-жилого комплекса вскрыто около 600 кв. м. Сюда входят вся жилая зона – 450 кв. м (100%) и около 150 кв. м (около 16%) площади инженерно-оборонительных сооружений эскарпированного склона. На прилегающей периферийной зоне раскопано около 300 кв. м (около 3,5% ее общей территории). На первый взгляд, это немного, но заметим, что данный участок населением средневекового поселка был освоен минимально. При этом наиболее активно использовалась лишь четверть всей напольной территории населенного пункта. В целом же мы изучили порядка 14% активно используемой периферии городка.

Подводя итог, отметим, что раскопами вскрыто довольно значительное пространство памятника, особенно в его основной – центральной – части. В результате мы имеем в своем распоряжении достаточный комплекс данных для всестороннего анализа планировочной структуры городка и архитектуры его оборонительно-жилого комплекса. Безусловно, речь идет о реконструкции вероятностной, так как сохранность основной массы деревоземляных сооружений городка оставляет желать много лучшего. Впрочем, это характерно практически для всех археологических поселенческих объектов таежной зоны Западной Сибири.

Некоторые аспекты этой проблемы мы обсудим позднее – при реконструкции архитектуры оборонительно-жилого комплекса. Сейчас же обратимся к характеристике общей структуры городка *Монкысь урий* середины XVI – начала XVII века и функциональному зонированию его территории.

2.2.4. ОБОРОНИТЕЛЬНО-ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ

Оборонительно-жилой комплекс городка *Монкысь урий* состоит из пяти жилых строений и оборонительной системы из нескольких взаимодополняющих элементов. Первоначально остановимся на планировочной структуре оборонительно-жилого комплекса. После этого подробно охарактеризуем жилые и оборонительные сооружения городка.

2.2.4.1. Планировочная структура. По результатам раскопок 1990 года В. И. Семенова предложила следующий вариант реконструкции планировочной структуры городка *Монкысь урий.*

«В процессе раскопок городка были вскрыты остатки четырех построек, относящихся ко времени его гибели. По всей вероятности, они были жилыми.

Основное жилище связано с остатками котлована 5. Оно занимало северный сектор холма и имело приблизительные размеры 5х6 м. Здесь отмечена наибольшая концентрация находок, включая монеты, украшения из серебра и домашнюю утварь. Котлованы 1 и 3 также относятся к жилым постройкам, но по инвентарю они значительно беднее.

Конструкция жилищ почти одинакова. Это однокамерные постройки с нарами с заглубленной центральной частью и чувалами на приподнятых площадках. Особенностью котлована 1 является то, что чувал был сделан на сохранившейся дневной поверхности. В котловане 3 для чувала была сооружена деревянная рама, засыпанная песком. В котловане 5 он был сделан на материковом останце в центре котлована. Выходы были прослежены не во всех котлованах. В котловане 1можно предположить наличие выходов в направлении к котловану 5 или 3, а также к озеру-старице. В котловане 3 зафиксировано 2 выхода. Один, угловой, выходит на центральную площадку, второй, тайный, – на склон холма со стороны озера-старицы. В котловане 5, вероятно, выходы были обращены в сторону котлованов 1 и 7, а также могли вести на крышу. На это указывает прогиб юго-восточной стенки котлована напротив чувала.

У котлована 3 справа от выхода на месте раннего котлована 4 отмечена площадка с признаками интенсивной деятельности. Здесь находился уличный чувал, в нем и возле него были сделаны находки, общие для котлованов 3 и 5 (скобели, струги, тигли и пр.).

Постройка, связанная с котлованом 7, имеет заглубленную часть, в которой обнаружены остатки квадратного сруба. Можно предположить, что он был основанием сооружения типа сторожевой башни с примыкающими помещениями-укрытиями.

Городок был очень хорошо замаскирован. Дома с низкими крышами были обложены дерном и соединялись скрытыми переходами. Защитой служили довольно крутые склоны холма, которые в зимнее время поливали водой. Можно предположить наличие оборонительной стены в юго-восточном секторе городка (там было расчищено бревно, лежавшее перпендикулярно краю холма)» [*2005.* С. 72–73].

По нашему мнению, представленная реконструкция недостаточно убедительна. Во-первых, Валентина Ивановна не обладала полным набором данных о городке, так как раскопами тогда было изучено менее четверти площади оборонительно-жилого комплекса (102 из 450 кв. м). При этом периферийная зона памятника (площадка у подножия останца), имевшая хозяйственно-производственное значение, не исследовалась совсем. Во-вторых, вследствие неполного охвата раскопами жилой зон возникло искаженное представление о каждой из исследованных построек. Это касается их параметров, конструкции, внешнего вида, расположения входов, даже количества таких жилых помещений, и многого другого. В-третьих, в данном тексте имеется довольно много не подкрепленных ничем заключений. Например, непонятно, на каком основании «котлован 7» рассматривается в качестве остатков срубной постройки «типа сторожевой башни». Также неясно, как были устроены «скрытые переходы» между домами, которые не являлись землянками, а, по мнению В. И. Семеновой, они располагались на поверхности останца. Кроме того, нет данных о том, где и как были скрыты эти переходы. Мы осветили только некоторые спорные сюжеты данной реконструкции, при необходимости их можно продолжить.

В. И. Семенова наметила три периода функционирования поселения. К первому из них, по ее представлениям, относится «котлован 2» и несколько ям, ко второму – «котлованы 4, 6, 8» и несколько других ям. «*Их общий хронологический диапазон*, – пишет она, – *от середины – второй половины I тыс. нашей эры до конца I – начала II тыс. н. э.*» [*2005.* С. 10]. Данные периоды выделены на основании стратиграфических наблюдений, как мы знаем неполных, а также находок артефактов, в частности керамической посуды, хронология которой была определена неверно (раздел 2.3.5.1). Первый период, действительно, был связан с самым ранним поселением – *юртами Монкысь урий.* Нами он датируется не ранее конца XV – XVI веком. Второй период, по нашему мнению, выделен и описан В. И. Семеновой ошибочно, в связи с отсутствием полного комплекса планиграфических, стратиграфических, хронологических и иных данных. Второй и третий строительные горизонты, установленные В. И. Семеновой, нами рассматриваются как единый период функционирования позднего городка.

Внутренняя планировка оборонительно-жилого комплекса выглядит как двухчастная: комплекс состоял из двух половин. В подтверждение этого есть важный факт, который отметила В. И. Семенова еще в начале своих исследований: «*Через центр всей территории памятника с юго-запада на северо-восток проходит валообразная насыпь шириной до 2 м, образованная оплывшими обваловками впадин*» [*2005.* С. 7]. На наш взгляд, вывод о том, что эта «насыпь» была образована оплывшими обваловками, неверна, так как эти обваловки зафиксированы по всему периметру построек. Расстояние между постройками, расположенными в обеих половинах здания, достигало полуметра, а расстояние между половинами по оси вала равнялось от 1,3 до 1,6 м. По планировочной структуре, расположению и характеру вала можно предположить, что в этом месте строителями была сооружена мощная конструкция, поддерживавшая кровлю дома-«крепости». Таким образом, вал являлся остатками конструктивного элемента оборонительно-жилого комплекса – его ***центральной продольной (внутренней) опорной стены*** (рис. 2.2.28). Причем для строительства этой стены были использованы самые разнообразные материалы: дерево, грунт[2], дерн, торф, щепа, строительный мусор и прочее. Длина стены составляла порядка 17,2 м, ширина – около 1,5 м. Центральная опорная стена была важным конструктивно-планировочным элементом оборонительно-жилого комплекса. Она не только разделяла его внутреннее пространство на две части, но и служила основной опорой для балок перекрытия, а также несла на себе основную нагрузку постоянно эксплуатируемой кровли. Наличие столь мощного конструктивного опорного элемента вполне оправдывает себя, так как именно центральная часть кровли, удерживаемая опорной стеной, несла на себе наиболее интенсивную динамическую нагрузку от перемещения и хозяйственной деятельности жителей городка. Технология строительства стены состояла из двух основных этапов: первый – установка несъемной опалубки[3], состоящей из бревен, плах и жердей, второй – заполнение (забутовка) опалубки различным материалом. Опорные столбы и элементы опалубки вкапывались в грунт и утрамбовывались. Одновременно они формировали внутреннее пространство и служили стенами жилых

[2] Геологическую основу грунта на данной пойменной части Большого Югана, помимо песка и супеси, составляют также суглинок и глина.

[3] Несъемная опалубка – это блоки или панели из различных материалов, монтирующиеся в единую опалубочную конструкцию, которая является формой для заполнения предусмотренным в конструкции материалом. Несъемная опалубка после ее заполнения становится функциональной частью конструкции готовой стены.

помещений, что фиксируется в плане по периметру очертаний построек. В качестве примера можно привести ряд столбовых ям, зафиксированных у северо-западной стены постройки № 2.3(4) на участке Ц–Щ/38–39 (рис. 2.2.28)

В качестве одной из рабочих версий можно предположить, что кровля дома могла быть не абсолютно плоской, а низкой двускатной. В этом случае центральная (внутренняя) опорная стена могла быть чуть выше стен, расположенных по периметру здания. Такие кровли известны, например, в архитектуре якутских балаганов, у которых роль продольной опоры выполняют одна или две балки из цельных бревен. В таком случае перепад высот с краем составляет 0,3–0,4 м.

В целом, на основе анализа данных археологических исследований 1990 и 2011–2013 годов, планировочная структура городка *Монкысь урий* реконструируется как двухчастная, состоящая из *двух функциональных зон: оборонительно-жилого комплекса и хозяйственно-производственной территории*.

Оборонительно-жилой комплекс являлся центром городка. Он был размещен на вершине останца, имел овальную в плане форму и ориентирован по оси северо-восток – юго-запад. Реконструируемые размеры верхней площадки оборонительно-жилого комплекса – 16×28 м, площадь – около 450 кв. м. Размеры оборонительно-жилого комплекса у основания останца – 32×44 м, площадь – около 1400 кв. м. ***Жилая зона городка***, состоявшая из пяти построек, разделялась центральной (внутренней) опорной стеной на две половины: северо-западную и юго-восточную. В северо-западной находились две постройки, в юго-восточной – три (рис. 2.2.28). В расположении построек можно проследить принцип обратной зеркальности, когда похожие постройки располагались по диагонали относительно центральной оси. В данном случае это относится к двум парам построек: №№ 2.1(2) и 2.9.2, №№ 2.3(4) и 2.5(6). Все постройки, в той или иной степени, были изолированы друг от друга за счет устройства ***внутренних поперечных стен-перегородок***, которые формировались аналогично центральной продольной опорной стене. Ширина перегородок составляла от 0,5 до 1,0 м. Подобное конструктивное решение стен и перегородок, возможно, было направлено и на обеспечение пожарной безопасности. Было ли это сделано целенаправленно или нет, но данная конструкция стен за счет грунтового заполнения предупреждает быстрое распространение пожара по всем помещениям городка, если он возникает в одном из них. Это дает время обитателям поселка на эвакуацию из горящего дома и устранение пожара. В плане раскопов каких-либо ярко выраженных коридоров между помещениями, которые однозначно можно интерпретировать как изначально построенный проем для прохода в соседний дом, – не зафиксировано. Мы можем логически лишь предполагать таковые элементы (рис. 2.2.28).

Центральная опорная стена и перегородки были возведены на специально подготовленной строительной площадке, причем,ъ поверх снесенных и снивелированных остатков жилищ раннего поселка – юрт *Монкысь урий*. Это подтверждается планиграфией и стратиграфией памятника (рис. 2.2.28–2.2.36). Единого входа в поселок со стороны фасада здания, равно как индивидуальных фасадных входов в постройки не обнаружено. Судя по всему, их здесь не должно было быть, в связи с особенностями внутренней планировки и конструкции стен дома-«крепости» (отсутствие центрального коридора в жилой зоне городка при наличии забутованных перегородок). В этом случае остается один вариант: входы в оборонительно-жилой комплекс устраивались в кровле, индивидуально – для каждого помещения (постройки).

Подробное описание самих построек представлено ниже (раздел 2.2.4.3).

На территории оборонительно-жилого комплекса выявлены объекты (ямы), связанные с функционированием городка, предназначавшиеся для хозяйственной либо ритуальной деятельности (раздел 2.2.4.4).

Хозяйственно-производственной территория, как уже отмечалось, находилась по периметру оборонительно-жилого комплекса – у основания останца. Ее очертания и размеры напрямую зависели от особенностей ландшафта данной местности. Так, например, с запада эта зона ограничивалась старицей, с юго-востока – заболоченной поймой реки. Наиболее освоенными частями данной территории являлись, по-видимому, южная и юго-восточная. Здесь выявлена одна постройка хозяйственно-производственного назначения, предположительно кузница. Вероятно, на площадке осуществлялась неспецифическая производственная деятельность, находилось место для загона оленей. Возможно, здесь же проводились религиозные обряды (раздел 2.2.5).

2.2.4.2. Оборонительная система комплекса состояла из нескольких элементов. Основными из них являлись *эскарпированный склон* и *замкнутая наружная стена.*

В процессе раскопок оборонительно-жилого комплекса было установлено, что городок *Монкысь урий* был возведен на месте более раннего неукрепленного поселения (юрты Монкысь урий). Последнее, в свою очередь, располагалось на останце коренного берега реки Большой Юган, вершина которого была заранее подготовлена (выровнена) для возведения трех построек.

Археологические исследования оборонительно-жилого комплекса, проведенные в 2011–2013 годах, выявили многослойную структуру его основания (рис. 2.2.29–2.2.36). В процессе работ на стенках участков прослеживались чередующиеся прослойки погребенного дерна, древесины, грунта, очертания которых впоследствии были перенесены на полевые чертежи (рис. 2.2.29–2.2.36). В числе прочих в «пачке» (свите) культурных напластований, отложившихся над материковым горизонтом (слой 27), выделялся слой желтой переотложенной супеси (слой 10), мощностью от 7 до 50 см, по составу и цветности практически не отличавшийся от материка. Этот переотложенный слой прослеживался почти по всей площади раскопа и был интерпретирован нами как первый строительный горизонт, связанный с поселением «Юрты Монкысь урий». На поверхности слоя 10 фиксировалась погребенная почва (слой 9), мощностью до 15 см. В прошлом она представляла собой дерн (точнее, лесную подстилку), образовавшийся на снятом с поверхности останца грунте после разравнивания площадки под юрты (рис. 2.2.28–2.2.36).

Культурные напластования, отложившиеся поверх слоев 10 и 9, были отнесены нами непосредственно к процессу подготовки строительной площадки и укреплению склона.

Слой 8 – светло-желтая переотложенная супесь толщиной от 5 до 60 см – наблюдалась по всему раскопу. Мощность этого слоя уменьшалась от центра к периферии поселка. Вероятно, это маркирует первый этап подсыпки склона.

Слой 7 – серая супесь – прерывистый горизонт погребенной почвы мощностью до 15 см. Он сформировался (или был сформирован для укрепления предыдущего слоя) поверх первой подсыпки (слой 8), а затем вновь был перекрыт переотложенной супесью.

Слой 6 – желтая переотложенная супесь мощностью от 10 до 35 см – отмечена на всей площади раскопа, за исключением юго-восточной периферии памятника. Трактуется нами как второй этап подсыпки склона.

Слой 4 – темно-желтая переотложенная супесь толщиной от 4 до 65 см – выявлена также на всей площади раскопа. Наименьшая мощность отмечена в северо-восточном профиле. Данный слой мы связываем с последним этапом подсыпки и выравниванием площадки под строительство жилищ.

На отдельных участках между переотложенными слоями (отсыпками) прослеживались прослойки углистого песка и древесного тлена, что говорит об укреплении склона деревянными конструкциями. Кроме того, местами по периметру городка сохранились остатки плах, которыми был укреплен склон холма в процессе инженерной подготовки площадки. Особенно четко плахи фиксировались на юго-восточном склоне (рис. 2.2.28; 2.2.37–2.2.42).

Таким образом, можно утверждать, что непосредственно перед возведением городка были проведены масштабные инженерные работы по подготовке строительной площадки. Первоначально склоны холма были засыпаны грунтом, взятым с основания останца и окружающего пространства (рис. 2.2.32). При этом работы проводились в несколько этапов. В ходе них склоны останца укреплялись древесиной – колотыми плахами, затем засыпались грунтом и в несколько слоев обкладывались «дерном», точнее пластами лесной подстилки с гумусом и темно-серым подзолом. Это предотвращало осыпание песчаного склона и сползание грунта и кусков «дерна». Скорее всего, инженерную подготовку выполняли проживавшие здесь же жители юрт. Учитывая это, расширение верхней площадки останца с удалением части грунта и последующей нивелировкой поверхности производилось ими в последнюю очередь. Вероятно, к этому этапу относится слой 4 (рис. 2.2.29–2.2.36).

Описание инженерной подготовки площадки под строительство городка дано в данном разделе и весьма подробно. Это обусловлено тем, что подготовка площадки и возведение оборонительной системы являлись единым процессом. Отсыпка и укрепление склонов связаны прежде всего с сооружением довольно крутого ***эскарпированного склона***, являющегося частью оборонительной системы.

Обустройство площадки городка, возведение и укрепление склонов проводилось в несколько этапов, хотя и занимало относительно малое время. На это указывает сравнительно небольшое количество артефактов, обнаруженных в процессе раскопок ***эскарпированного склона***. Скорее всего, этап инженерной подготовки

проходил в течение одного-двух сезонов (периодов без снежного покрова и с оттаявшим грунтом). Это предположение основано на том, что в слоях отсыпки практически не зафиксированы керамика и другие артефакты. Также мало здесь кухонных отходов в виде единичных костей животных и их скоплений, которые подтверждали бы долгосрочное строительство. Перед возведением построек на сформированном подиуме была необходима усадка насыпного грунта для того, чтобы исключить значительную деформацию строений или их смещение по склону. Учитывая краткосрочность инженерной подготовки и отсутствие достаточного времени на естественную усадку грунта, его нужно было дополнительно уплотнять. Вероятно, перенесенный грунт утрамбовывали, утаптывали и, возможно, увлажняли, либо формировали насыпь влажным грунтом. Последний, действительно, был влажный, так как его снимали у подножия останца – с подтапливаемой территории. Факт забора грунта именно в этом месте подтвержден археологическими исследованиями. Здесь был зафиксирован довольно мощный (40–50 см) культурный слой (рис. 2.2.101), в котором артефакты залегали только в верхней части. Грунт, по-видимому, вынимали между корней деревьев, перемещали его в сторону останца. Возвращались, снова копали в этом месте, и так происходило множество раз. В результате почва разрыхлялась, перемешивалась и местами утаптывалась по несколько раз. Вероятно, здесь же сжигали ветки и корни, отсюда – и необычная цветность слоя.

Отсыпка склона, по всей видимости, проводилась снизу вверх, по спирали вокруг останца. Песчаные ступени укреплялись деревом. На наш взгляд, это был бы самый удобный и логичный способ сооружения укрепленного склона в подобных условиях. Основной целью этих действий было создание у холма более крутого и неприступного склона, а также формирование площадки под строительство городка нужного размера. Возможно, на некоторых участках естественный склон останца отвечал требованиям строителей и там отсыпка не требовалась. Так или иначе, по нашим представлениям, сначала отсыпалась и укреплялась нижняя ступень или первый виток спирали, затем следующий и так до верхней площадки. Далее склон выравнивался и обкладывался в несколько слоев «дерном». Выявлено несколько уровней переотложенного грунта, что соответствует, на наш взгляд, количеству этапов отсыпки. На последнем этапе склон укреплялся древесиной – плахами, жердями и пластами «дерна». Такая крепида замедляла деформацию песчаного склона.

Мы попытались определить объем перемещенного грунта, расстояние, на которое он переносился, а также рассчитать площадь склона, укрепленного дерном.

Для расчета объема перемещенного грунта мы учли среднюю и максимальную мощность всех переотложенных слоев (0,65 и 1 м), среднюю протяженность склона, покрытого грунтом (около 10 м), длину периметра площадки останца на уровне 43.00 м (около 90 м). При этом средняя высота холма равнялась 6 м, а уровень подножия холма был примерно 40,0 м.

В итоге объем перемещенного грунта составил 585 м^3: примерно столько строителям городка *Монкысь урий* пришлось переместить на склоны останца[4]. Принимая во внимание, что вес 1 м^3 влажного песка в среднем составляет 1630 кг, мы получаем, что на склоны останца было перенесено около 954 т песка. Расстояние, на которое перемещался грунт, составляло, как минимум, от 10 до 50 м, иногда и более. Для предотвращения деформации и оползания насыпанного грунта со склона песчаные ступени обкладывали пластами дерна и укрепляли деревом. Площадь дернового покрытия составляла около 1000 м^2. Представленные цифры, безусловно, приблизительные, но и они дают достаточное представление о масштабе подготовительных работ.

Следует отметить, что все эти работы проводились вручную, без применения тягловой силы. Судя по большому объему работ, к строительству новой крепости, вероятнее всего, были привлечены не только обитатели юрт Монкысь урий (семьи, проживавшие в трех домах), но и другие члены общины. Кроме отсыпки склона подготовки стройплощадки, надо было еще вырубить вокруг холма деревья и кустарник, заготовить и подвезти достаточное количество древесины для сооружения домов и защитной системы городка, накормить строителей, выполнить другие работы. Следовательно, количество привлекаемых работников было значительным. Из этого можно сделать вывод, что строящийся городок принадлежал людям авторитетным и, возможно, являлся резиденцией вождя.

На первом этапе работ была подготовлена ровная овальная площадка размерами 16×28 м (около 450 кв. м) – для возведения на ней оборонительно-жилого комплекса из пяти строений, а также оформлен крутой эскарпированный склон, ставший частью защитной системы городка.

[4] Для сравнения: в настоящее время этот объем песка займет около 60 самосвалов КамАЗ с объемом кузова в среднем 10 м^3.

Вторым и наиболее значимым элементом оборонительной системы *Монкысь урия* стала замкнутая деревоземляная ***наружная защитная стена***, опоясавшая периметр площадки.

При раскопках каких-либо остатков деревянных каркасов, срубных либо заплотных стен не было обнаружено. Прямых линий и углов в очертаниях наружной стены, свидетельствующих о наличии срубных конструкций, также не зафиксировано (рис. 2.2.28). Не зафиксировано и какой либо канавы, служившей для закрепления основания ряда бревен или плах наружной стены. В целом, о наличии наружной стены и ее конструкции мы можем судить только по остаткам стеновых элементов, сохранившихся по периметру юго-восточной стороны данного комплекса. На других участках следы окружной стены не сохранились. Учитывая это и основываясь на данных стратиграфического анализа, мы пришли к заключению, что все же наружная стена была сооружена из грунта, «дерна» и вертикально установленных деревянных стеновых элементов. Фундамент наружной стены, вероятно, имел относительно сложную конструкцию. С внутренней стороны ее составляли грунтово-дерновые уступы (террасы), насыпанные по периметру верхней площадки холма и верхней части склона. С наружной стороны основание вертикально установленных элементов стены прижималось горизонтально уложенными стволами деревьев, которые, в свою очередь, фиксировали при помощи грунта и дерна при формировании верхней части эскарпированного склона. Именно поэтому мы не фиксируем канаву, а только остатки (тлен) массивных стволов, лежащих перпендикулярно один над другим (рис. 2.2.28, 2.2.37-2.2.39) В рамках этой же системы конструкций фиксируются серии ямок и остатков вертикальных опорных бревен, составлявших каркас обводной оборонительной стены. Это подтверждается наличием остатков вертикальных столбов, обнаруженных в юго-восточной и северо-западной части оборонительно-жилого комплекса, на уч. Ю–В"/42–43 (рис. 2.2.28; 2.2.52; 2.2.53; 2.2.61–2.2.63; 2.2.87–2.2.89). Иными словами, это была каркасно-столбовая двухрядная стена с деревоземляной «опалубкой» и грунтовой забутовкой.

Овальная форма площадки и наружной защитной стены, повторявшей очертания площадки, объясняется несколькими факторами. Во-первых, овальная в плане конструкция выглядит более естественно в рельефе и, соответственно, с точки зрения ее оборонительных свойств – менее заметно. Во-вторых, такая форма стены сокращает количество необходимого строительного материала и трудозатрат на ее возведение, по сравнению со стеной прямоугольного плана. В-третьих, овальная форма стены увеличивает угол обзора при обороне городка.

Судя по этнографическим данным, для обороны городка в стене были предусмотрены ***бойницы***, которые формировались за счет пропуска одного-двух вертикальных стеновых элементов (бревен, кольев). Они выглядели как узкие и высокие (от грунтовой насыпи, удерживающей стеновые конструкции, до кровли) проемы, через которые можно было стрелять из лука в вертикальном положении. Кроме того, на кровле либо у основания наружной стены укрепления – для дополнительной защиты городка от нападения и осады – подвязывались бревна. В случае атаки противника их освобождали от веревок и скатывали по склону, сбивая противника.

Входы в городок также являлись частью его оборонительной системы. В процессе раскопок фасадных входов в пространство построек не было зафиксировано. Коридоров – проходов между постройками внутри оборонительно-жилого комплекса также не зафиксировано, следовательно, проникнуть во внутреннее пространство всех помещений через один вход было невозможно. Индивидуальные фасадные входы в постройки и наличие серии лестниц значительно снижали защищенность. В индивидуальном порядке для каждой семьи собственную довольно большую и тяжелую лестницу, ведущую к основанию стены, убирать на кровлю представляется весьма трудоемкой процедурой. Коллективом же затащить наверх одну лестницу, которая вдобавок опирается на край кровли, намного быстрее и легче. Логика приоритетности обороны позволяет нам утверждать, что все входы в помещения оборонительно-жилого комплекса находились в кровле. Далее с кровли жители городка спускались в пространство своих домов и поднимались из них, вероятно, при помощи легких лестниц. Последние можно было, при необходимости, поднять на кровлю или убрать внутрь помещения. Учитывая большую крутизну склона (около 45^0) и отсутствие специальной эстакады для удобного подъема на вершину здания, входы через кровлю создавали значительное препятствие, затруднявшее проникновение врагов внутрь сооружения. Более того, в условиях отсутствия внутренних проходов между жилыми помещениями, штурмующие, попав в одно помещение, могли оказаться в ловушке.

Еще одной из составляющих оборонительной системы городка можно считать ***вырубку высокоствольного леса*** вокруг холма, предположительно в радиусе 50–60 м, что составляет среднее расстояние прицельной стрельбы из лука. Это позволяло при осаде поселка беспрепятственно отстреливаться от противника. Кроме того, любое высокое дерево, росшее у поселений, а затем срубленное и поваленное на склон площадки оборонительно-жилого комплекса, могло послужить своеобразной «лестницей», по которой враг мог сравнительно легко проникнуть на крышу городка.

Таким образом, ***система оборонительных сооружений городка Монкысь урий*** включала несколько элементов: эскарпированный склон, замкнутую деревоземляную стену с бойницами по периметру городка, кровельные входы и большую, очищенную от высокоствольного леса территорию вокруг холма. Все эти элементы дополняли друг друга и в совокупности составляли продуманную защитную систему, надежно охранявшую жителей городка от врагов. Между тем, как оказалось в действительности, – только от равного себе противника, а не от воинов, оснащенных современным огнестрельным оружием.

Для возведения городка с его масштабной оборонительной конструкцией и жилищами для нескольких семей пространства на небольшой вершине выбранного останца было явно недостаточно. В другом месте городок по каким-то причинам не стали строить. Вследствие этого, на холме у старицы первоначально была проведена огромная работа: расширена и укреплена площадка для оборонительно-жилого комплекса, досыпан и оформлен ступенями склон холма. Это отличает городок *Монкысь урий* от большинства других таежных укреплений. Последние обычно возводились без существенного изменения рельефа строительной площадки либо на месте древних заброшенных городков и поселений. Еще одним немаловажным отличием *Монкысь урия* от большинства известных средневековых городков является отсутствие оборонительного и водоотводного рва.

Подобную систему обороны нельзя назвать типичной для северных территорий Западной Сибири. Она более напоминает *монолитное многокамерное укрепленное жилище*, характерное для центральных и северо-западных районов таежного Приобья эпохи средневековья. Его ближайшие аналоги: городища Мань-Нясланг-Тур (Саранпаульское 2-е) в бассейне Северной Сосьвы [*Чернецов, 1937.* С. 254; *1957.* С. 230. Рис. 21; *Талицкая, 1953.* С. 265. № 143], Моховая 42 в Сургутском Приобье [*Борзунов, 1995.* Рис. 1 – *15*] и отчасти известные по остяцким былинам большие дома и «медные города» («*Пытыр-вах-вош*») с двумя входами – сбоку (в ограде) и сверху (в единой для всех жилых камер крыше) [*Патканов, 1891б.* С. 16–17, 30–32, 70 и др.]. В одном хантыйском сказании городок *Монкысь урий* даже назван избушкой из бревен с бойницами – как крепость (прил. 2.10). В. А. Борзунов считает, что в эпоху средневековья такие деревоземляные дома-«крепости», предшественники городищ и городов, сочетавшие функцию жилья и одиночного укрепленного пункта, являлись резиденциями верхушки аборигенного общества. Функционально-типологически они соответствовали замкам западноевропейских феодалов [*1995; 1997а*; *1999*].

Аналогий нашему укреплению известно две: городки Негусьях [*Селянина,* 1994] и Вочлор 1 на реке Пим [*Кардаш, А–1995.* С. 68–71. Рис. 40], датирующиеся XII–XV веками. До этого времени подобные объекты не известны, возможно, это является особенностью данного периода. Возможно, поселков с подобной системой обороны в западносибирской тайге существовало больше, но они пока не исследованы.

Таким образом, городок *Монкысь урий* является уникальным, с точки зрения фортификационной системы, оборонительно-жилым комплексом и реконструируется как укрепленное поселение овальной в плане формы, имеющее несколько элементов обороны. Главными из них являлись крутой (45^0) эскарпированный склон холма и обводная наружная защитная стена комплекса, сооруженная из вертикально установленных бревен или плах. В стене, вероятно, имелись бойницы, о которых упоминается в сказаниях об этом городке. Оборонительную конструкцию дополняли оригинальные входы в городок, располагавшиеся на крыше оборонительно-жилого комплекса. Спускались в помещения по приставным лестницам, которые при необходимости можно легко переместить и на склоны холма. Дополнительным элементом системы защиты поселка являлось расчищенное от леса пространство вокруг холма. В зимний период в систему фортификации включался еще один элемент защиты: ледяной панцирь по всему периметру склона, который усложнял проникновение противника на территорию городка. У городка *Монкысь урий* отсутствовал только ров, выполнявший функции элемента обороны и водоотвода. Для большинства других укрепленных поселений и жилищ таежного Приобья, начиная с раннего неолита, он был обычен. Напомним, что отличительными особенностями

городка *Монкысь урий* являлись искусственно сформированная платформа для возведения оборонительно-жилого комплекса и эскарпированный склон.

2.2.4.3. Жилые строения оборонительно-жилого комплекса. На территории раскопов 1–4 (1990 года) В. И. Семенова выявила остатки 6 котлованов, находящихся в разных строительных горизонтах. Котлованы 4, 6 и 8 были отнесены ею к объектам второго строительного горизонта и датированы широким хронологическим диапазоном: от второй половины I до конца I – начала II тысячелетия. Котлованы 3, 5 и 7 отнесены к городку *Монкысь Урий* (начало XVII века) [*2005.* С. 10–31]. По результатам археологических исследований 2011–2013 годов и анализа материалов раскопок 1991 года нами выявлен только один строительный горизонт, связанный со временем городка *Монкысь урий*, состоящий из пяти прямоугольных построек (рис. 2.2.25). Причина данных расхождений обусловлена тем, что В. И. Семенова не вскрыла полностью ни одну постройку и была вынуждена оперировать теми неполными данными, которые были в ее распоряжении. В процессе археологических работ 2011–2013 годов все постройки были исследованы полностью, выявлены их границы и формы в плане. Анализ стратиграфии памятника (с привлечением данных раскопок всех лет, в том числе 1991 года) позволил реконструировать рельеф оборонительно-жилого комплекса (рис. 2.2.13).

При характеристике сооружений городка *Монкысь урий* мы отказываемся от термина «*котлован*», который использовала В. И. Семенова в своей монографии при описании жилищ, так как он обозначает выемку в грунте, предназначенную для устройства оснований и фундаментов зданий и инженерных сооружений, а не само здание. Нами используется термин «*постройка*», что соответствует исторической действительности. В данном случае постройка – это отдельное архитектурное сооружение, но в рамках единого строения – оборонительно-жилого комплекса. Термин «котлован» не актуален еще и потому, что подиум для строительства городка был сформирован искусственно. При этом не было никакого смысла на выровненной площадке выкапывать котлованы для жилищ. Углубления в основаниях построек, которые прослеживаются на стратиграфических разрезах (рис. 2.2.29–2.2.36), были сформированы, по нашему мнению, вследствие руинирования разрушенного оборонительно-жилого комплекса. Иными словами, они появились в результате разрушения центральной опорной стены и внутренних перегородок данного комплекса, которые были сооружены из грунта, дерна, торфа и других материалов.

На стратиграфических разрезах фиксируются остатки грунтово-дернового заполнения перегородок и центральной стены. На их фоне пол жилища выглядит как котлован, но реально им не является. При описании построек мы указываем участок основания жилого сооружения и уровень его фиксации (в метрах – по Балтийской системе высот), а также отмечаем, фиксируются или нет в стратиграфическом разрезе остатки центральной стены и перегородок.

Нумерация ям, предложенная в отчетах В. И. Семеновой, нами сохранена и продолжена. Исследованные постройки обозначены дробной нумерацией, в которой первая цифра обозначает этап строительства (1 этап – юрты Монкысь урий, 2 этап – городок *Монкысь урий*), а вторая – порядковый номер сооружения, соответствующий номеру котлована, выявленного В. И. Семеновой. Напомним, что она выделила большее, чем у нас, количество этапов существования поселения и котлованов. Анализ планиграфии и стратиграфии памятника не подтвердил точку зрения В. И. Семеновой. Тем не менее в некоторых случаях при нумерации построек у нас были предусмотрены цифры в скобках. Они соответствуют номерам котлованов, присвоенным В. И. Семеновой. Таким образом, две последние цифры обозначают единую постройку, которую предыдущий исследователь связывал с двумя котлованами.

Далее постройки будут описаны по двум половинам, разделенным осевой внутренней стеной: северо-западную и юго-восточную.

Северо-западную половину оборонительно-жилого комплекса составляли две постройки: № 2.1 (2) и № 2.5 (6). Они были разделены перегородкой из несъемной опалубки, заполненной природным строительным материалом из грунта, дерна, торфа и др., но связаны между собой небольшим переходом, расположенным в юго-восточной части перегородки.

Постройка № 2.1 (2) соответствует котловану 1 в монографии В. И. Семеновой, который она связала с третьим поселенческим периодом [*2005.* С. 15]. Центральная часть постройки, а также отрезки западного угла и северо-западной стены здания, были выявлены Валентиной Ивановной в 1990 году. В процессе археологических

работ 2011 года [*Кардаш, А–2011*] были зафиксированы все очертания постройки № 2.1(2), а именно: юго-западная стена (уч. Р/32–36), отрезок юго-восточной стены (уч. С–Т/37–38), а также части северо-восточной стены и северный угол (уч. Х–Ц/31–34) (рис. 2.2.25; 2.2.38).

Постройка была расположена в западной части оборонительно-жилого комплекса (уч. З–Ц/31–37). По данным раскопок 1990 и 2011 годов, в плане она практически квадратная, размерами 6,05×5,85 м, ориентирована по оси СЗ – ЮВ. Впервые ее остатки были отмечены на уровне 45,10 м. Границы постройки неровные, линии стен ломаные, углы скругленные (рис. 2.2.28; 2.2.47). Это говорит о том, что постройка была не срубная, а имела каркасную основу. Так же это подтверждается и столбовыми ямами, зафиксированными в северном углу постройки. Столбовая яма № 15 расположена на участке Ф/32, зафиксирована на уровне 44,90 – 44,78 м, ее диаметр составляет 0,16 м (рис. 2.2.28; 2.2.47; 2.2.52; 2.2.53). Столбовая яма № 16 диаметром 0,24 м расположена на участке Ц/32, зафиксирована на уровне 45,00-44,71 м (рис. 2.2.28; 2.2.47; 2.2.52; 2.2.53). Данные ямки являются остатками опорных столбовых конструкций каркаса постройки № 2.1 (2). Крайние ямы наверняка были связаны с конструкцией наружной стены оборонительно-жилого комплекса. Вероятнее всего, стеновое заполнение каркаса было аналогично наружной стене оборонительно-жилого комплекса, то есть стена была сконструирована из вертикально установленных деревянных элементов – досок, плах и жердей. Остатки срубных построек в плане оставляют прямые линии и углы, а их форма в плане близка к идеальной. Как, например, в случае с руинированными или практически полностью выгоревшими при современном пожаре объектами юртов Когончиных, датирующихся концом XIX – XX веком (дома) и не ранее конца XVIII века (впадины) [*Пальянова, Петрова, Усолкина, 2013.* С. 150–151, 167–169. Рис. 29–34]. Очертания данных объектов четкие квадратные и подпрямоугольные, линии стен и котлованов ровные, прямые; здесь же фиксируются остатки окладных венцов, которые являются основой всей срубной постройки. Этого нельзя сказать о жилищах городка *Монкысь урий*. В постройке № 2.1 (2) не зафиксировано признаков окладных венцов, наличие которых могло бы говорить о срубной конструкции. Не выявлены и угловые опорные столбы, которые могли бы служить доказательством наличия заплотной конструкции стен. Данный вывод касается всех построек оборонительно-жилого комплекса городка *Монкысь урий*.

Северо-восточная и юго-восточная стены постройки, обращенные внутрь оборонительно-жилого комплекса, являлись частью несъемной опалубки центральной опорной стены и перегородок. Основание постройки и осыпавшиеся остатки наружных и внутренних стен зафиксированы в стратиграфических разрезах уч. Р/31–37 и Х/35. В. И. Семенова, характеризуя данное жилище, отметила его «ступенчатый пол» [*2005.* С. 15–17]. В действительности, эти остатки соответствуют земляным нарам и собственно полу. Полом, по сути дела, можно считать всю горизонтальную основу (поверхность земли или насыпную «земляную» платформу), на которой было построено жилище. Дело в том, что предметов мебели в таких помещениях не существовало, а на нарах можно было сидеть, спать, отдыхать, выполнять домашнюю и хозяйственную работу. Исходя из этого, ту часть пола, которая предназначалась преимущественно для передвижения, была углублена относительно нар на 0,2–0,3 м и чаще всего находилась перед очагом, мы будем называть «чистым полом»[5]. Пол постройки № 2.1 (2) выявлен в центральной части помещения – перед очагом-чувалом (уч. Р–У/33–36, ур. 44,70 м). Остатки нар жилища фиксировались на отметке 45,00 м.

У юго-западной стены жилища расчищены остатки чувала (уч. Р–С/33–34, ур. 44,95 м). В плане они выглядели в виде «пятна» прокаленной супеси и обожженной глиняной крошки, размером 1,28×0,65 м (рис. 2.2.28; 2.2.47; 2.2.51). Судя по описаниям В. И. Семеновой, *«очаг находился на останце дневной поверхности выше пола примерно на 0,3 м. В его основании сохранились следы двух прослоек мелкой обожженной крошки, разделенных тонкой угольной прослойкой, в центре и глины по бокам. Верхнее заполнение очага состояло из серой золистой супеси. По своей конструкции очаг напоминает чувал, известный в этнографии ханты… Очаг в виде глиняного чувала был устроен на специально оставленном с юго-запада дерновом останце подпрямоугольной формы размерами 4×1 м»* [*2005.* С. 15–17].

На уч. Р–С/34–36 (ур. 44,95 м) зафиксировано углистое «пятно» размерами 2,13×0,35 м. Оно было сориентировано параллельно юго-западной стене жилища и примыкало к «пятну» с обожженной глиняной

[5] Уровнем «чистого пола» в помещении считается верхняя видимая поверхность пола [Строительный словарь…]. Пол – нижний настил в помещении, по которому ходят. Земляной пол – утрамбованная земля в помещении, не имеющем пола [Малый академический словарь…]. Таким образом, в нашем случае уровнем «чистого пола» будет считаться самая нижняя фиксируемая поверхность помещения. Выше уровня «чистого пола» по периметру помещения располагались нары.

крошки (рис. 2.2.28; 2.2.47). Внутри постройки, на ур. 44,88–44,77 м, выявлены две столбовые ямки: № 1 – на уч. У–Ф/33, № 2 – на уч. У–Ф/35 (рис. 2.2.28; 2.2.47).

Вход в постройку со стороны фасада не выявлен. Возможно, во внутренней северо-восточной стене сооружения, на уч. Х–Ц/35–36, существовал проход в постройку № 2.5 (6).

После завершения раскопок постройки В. И. Семенова затруднилась реконструировать ее форму и размеры [*2005.* С. 17]. По совокупным данным исследований 1990 и 2011 годов нами реконструируется постройка каркасного типа, в плане близкая к квадрату (около 6×6 м). Стены жилища – из вертикально установленных досок (плах) и жердей. Вход в помещение устроен в кровле. Пол жилища, скорее всего, земляной. В западном углу помещения находился очаг-чувал. С трех сторон помещения располагались земляные нары, высотой около 0,3 м (от уровня «чистого пола»), возможно, обшитые деревом.

Постройка № 2.5 (6) соответствует котлованам 5 и 6 в монографии В. И. Семеновой, которые она связывала, соответственно, с третьим и вторым поселенческими периодами [*2005.* С. 9]. Центральная часть постройки, а также отрезки ее юго-восточной и северо-западной стен, были исследованы в 1990 году. В полевых сезонах 2011–2012 годов были выявлены все остальные очертания постройки [*Кардаш, А–2011*; *Шатунов, А–2013*], в том числе: отрезки юго-восточной стены (уч. Щ–Ы/37–38), юго-западной стены и западного угла (уч. Ц–Ш/31–34), а также северо-западной (уч. Ю–А”/31–32) и северо-восточной стен (уч. Б”/32–37) (рис. 2.2.28; 2.2.54-2.2.59).

Кроме того, в процессе первых стационарных работ на памятнике (1990 года) были зачищены и проанализированы стенки раскопа 3. Согласно полученным данным, а также исходя из реконструируемой планировочной структуры городища и хронологического единства вещевого материала, мы пришли к заключению, что котлованы 5 и 6, выявленные В. И. Семеновой, являются единой постройкой 2.5 (6).

Постройка находилась в северной части площадки оборонительно-жилого комплекса (уч. Ц–Б”/31–37, ур. 45,40–45,20 м). В плане она подпрямоугольная, размерами 8,96×6,24 м, была вытянута вдоль северо-западного склона и сориентирована по оси СВ – ЮЗ.

Точно так же, как у предыдущего жилища, границы постройки № 2.5 (6) неровные, линии стен ломаные, прямых углов нет (рис. 2.2.28; 2.2.54-2.2.59). Это говорит о том, что данная постройка имела каркасную основу. В пользу этого свидетельствуют и столбовые ямки, зафиксированные в 1990 году (столбовые ямы № 9, 10, 11). У наружной стены строения обнаружены остатки довольно мощного бревна размерами 1,8×0,22 м (уч. Ч–Ш/31–32, ур. 45,80–45,82 м) (рис. 2.2.28; 2.2.54). Рядом с плахой, на том же участке, на ур. 45,60 м, обнаружены остатки истлевшего основания вертикальной конструкции (столбовая яма № 18) диаметром 0,17 м, высотой около 0,5 м (рис. 2.2.28; 2.2.54; 2.2.61-2.2.63). Возможно, он остался от опорного столба каркаса постройки. Тем более что он находился на одной линии со столбовыми ямами № 9 и 10 (рис. 2.2.28), которые будут охарактеризованы ниже. По обе стороны от данной ямы расположены еще две столбовые ямы № 17 и 19 (рис. 2.2.28: 2.2.54). Столбовая яма № 17, расположенная на участке Ч/31, имела диаметр 0,24 м и глубину 0,35 м. Столбовая яма № 19 (уч. Щ/31, ур. 45,30 м) – диаметром 0,16 и глубиной 0,3 м (рис. 2.2.28; 2.2.54; 2.2.61; 2.2.62). Кроме того, на участке Ю/31-32 имеется столбовая яма № 20, расположенная на границе северо-западной стены постройки и на одной оси со столбовой ямой № 11 (рис. 2.2.28; 2.2.54). Диаметр ямы составляет 0,2 м, глубина – 0,08 м, зафиксирована на уровне 44,80 м (рис. рис. 2.2.28; 2.2.54). Других остатков деревянных конструкций в жилище не выявлено. По аналогии с предыдущими постройками, стеновым заполнением каркаса постройки № 2.5(6) служили вертикально установленные плахи, доски, жерди. Внутренние юго-западная и юго-восточная стены постройки являлись частью несъемной опалубки центральной опорной стены и перегородок оборонительно-жилого комплекса.

Основание постройки № 2.5 (6), а также остатки осыпавшихся наружных и внутренних стен прослеживались на стратиграфическом разрезе с северо-западной стороны – на уч. Ч/31–38, и с юго-западной – на уч. 32/Ц–Щ. Дно жилища выглядело как ступенчатое. При этом верхняя «ступень» была выявлена в юго-восточной части помещения (уч. Ш–Э/31–32, ур. 45,30 м) (рис. 2.2.28; 2.2.54). В северо-восточной части постройки, на ур. 44,80 м, В. И. Семенова расчистила углубление размерами 3,92×3,56 м. По всей вероятности, оно являлось «чистым полом» постройки, который фиксировался также на ур. 44,70 м. По периметру помещения жилища были устроены земляные нары. Судя по плану постройки, они располагались с четырех сторон жилищной камеры, что могло быть только при наличии входа в нее, расположенного

в кровле.

Очаг в постройке не зафиксирован. Как предположила В. И. Семенова, возможно, он был разрушен погребением или любительскими шурфами. У юго-восточной стены постройки – на уч. Ы–Э/37–38, на ур. 45,25 м – отмечено «пятно» обожженной глиняной крошки размерами 1,61×0,62 м. В южном углу постройки – на уч. Ч–Ш/35–36, на ур. 45,20–45,20 м – обнаружена яма VIII, которая будет охарактеризована ниже. Там же, в южном углу, на уч. Х–Ц/35–36, находился коридорчик-переход между постройками № 2.1 (2) и № 2.5 (6).

В пределах постройки В. И. Семенова обнаружила столбовые ямы №№ 9, 10 (уч. Ш/36–37, уч. 45,06–45,30 м) и 11 (уч. Ю/37, ур. 45,19–45,09 м) (рис. 2.2.28; 2.2.54).

Входов в данное помещение в стенах постройки не зафиксировано. Нары располагались, по-видимому, с четырех сторон жилой камеры, что свидетельствует о том, что вход находился на крыше.

В целом, данная постройка в плане прямоугольная, размерами около 8,96×6,24 м, со стеновым заполнением каркаса в виде вертикально установленных досок, плах и жердей. Чувал в помещении не выявлен. Вероятнее всего, он был утрачен при сооружении погребения либо при любительских раскопках. Пол жилища, скорее всего, земляной. По периметру помещения располагались земляные нары, возможно, обшитые деревом. Высота их – порядка 0,4 м от уровня ««чистого пола». «Фасадных» входов в постройку не обнаружено, вследствие чего вход реконструируется как «кровельный».

Юго-восточная половина оборонительно-жилого комплекса состояла из трех изолированных построек №№ 2.3 (4), 2.9.2 и 2.7 (8), расположенных в один ряд параллельно центральной опорной стене.

Постройка № 2.3 (4) соответствует котлованам 3 и 4 в монографии В. И. Семеновой, которые она связывала, соответственно, с третьим и вторым поселенческими периодами [*2005.* С. 9].

Центральная часть постройки, а также отрезки северо-западной и юго-восточной стен жилища, были исследованы в 1990 году В. И. Семеновой. В процессе археологических работ 2011–2012 годов выявлены общие контуры данной постройки [*Кардаш, А–2011*; *Шатунов, А–2013*], включая очертания юго-западной стены, западного и южного углов (уч. Р–С/39–44), северо-восточной стены с северным и восточным углами (уч. Щ–Э/38–44), а также отрезка юго-восточной стены (уч. Ф–Ч/43–44) (рис. 2.2.28; 2.2.64-2.2.72). Кроме того, тогда же были расчищены и проанализированы стенки раскопа 2 (1990 года). В результате мы пришли к выводу, что котлованы 3 и 4, выявленные В. И. Семеновой, являются единой постройкой № 2.3 (4).

Данное строение было расположено в южной части оборонительно-жилого комплекса (уч. Р–Э/38–44, ур. 45,40–44,80 м). В плане оно было близко к прямоугольному, размерами 11,24×5,12 м, и было вытянуто вдоль юго-восточного склона по оси СВ – ЮЗ (рис. 2.2.28; 2.2.54). Очертания границ постройки неровные, ломаные, прямых углов нет (рис. 2.2.28; 2.2.54). Это говорит о том, что постройка была не срубная, а имела каркасную основу. В пользу такой конструкции свидетельствуют и столбовые ямки, зафиксированные в 1990 году, о которых будет рассказано ниже.

В пределах данного сооружения, на уч. Р–Щ/44–45, обнаружены следы древесины. Вероятно, они остались от почти полностью сгнивших деревянных конструкций постройки или от крепиды грунтовой отсыпки склона. Помимо этого, остатки древесных конструкций отмечены на уч. Ч–Щ/37–38 (рис. 2.2.28; 2.2.54). Вероятнее всего, мы обнаружили стеновое заполнение каркаса постройки № 2.3 (4), которое состояло из вертикально установленных плах, досок, жердей. Северо-западная и северо-восточная стены постройки, обращенные внутрь оборонительно-жилого комплекса, являлись частью несъемной опалубки центральной опорной стены и перегородок.

Основание постройки зафиксировано по стратиграфическим разрезам уч. С/43–39 и Щ/39–43. Следов осыпавшихся наружных и внутренних стен на них не обнаружено. Об уровне пола помещения можно судить только по описаниям, планам и разрезам В. И. Семеновой: «*…котлован 3 спускался с северо-западной стороны двумя уступами*» [*2005.* С. 17]. Постройка состояла из двух помещений, которые, вероятно были разделены перегородкой. В. И. Семенова выделила два котлована построек разных периодов. Анализируя стратиграфию и планиграфию памятника, мы выделили в этом месте одну постройку с двумя помещениями, то есть двухкамерную. Стоит заметить, что перегородка в постройке № 2.3 (4) расположена на одной оси с внутренней перегородкой между постройками № 2.1.2 и № 2.5 (6), расположенными в северо-западной половине оборонительно-жилого комплекса.

Первое помещение (котлован 3 – по В. И. Семеновой) находилось на уч. Р–Ц/38–43. В центре его обнаружено ступенчатое углубление (ур. 45,00 и 44,70 м). Самая глубокая его часть располагалась в центре помещения. Это, вероятно, был уровень «чистого пола» данной постройки (рис. 2.2.28; 2.2.64). На уровне 45,00 м зафиксированы земляные нары, расположенные с трех сторон по периметру помещения (рис. 2.2.28; 2.2.64). Второе помещение (котлован 4 – по В. И. Семеновой) выявлено на уч. Ц–Э/38–44. В центре его, как и у предыдущего, находилось углубление, которое зафиксировано на уровне 45,00 м. Узким коридорчиком, проходившим вдоль юго-восточной стены на уч. Ц–Ч/42–43, оно соединялось с первым помещением (рис. 2.2.28; 2.2.64). С юго-западной, северо-западной и северо-восточной сторон помещения располагались земляные нары (рис. 2.2.28; 2.2.64).

В 1990 году у юго-восточной стены первого помещения, на уч. С–Ф/43–44, было расчищено прямоугольное «пятно» золистой супеси с вкраплениями углей. Оно было оконтурено деревянной «рамой» и интерпретировано В. И. Семеновой как очаг. «*В юго-западном углу*, – отмечала Валентина Ивановна, – *находился чувал на песочной подсыпке, ограниченной деревянной рамой*» [*2005.* С. 21], (рис. 2.2.28; 2.2.64). Размеры «очага»: около 2,5×1,0 м. Предполагаемый «очаг» находился напротив углубленной части «котлована», то есть была возможность свободного доступа к нему. Это косвенно подтверждает интерпретацию В. И. Семеновой.

Во втором помещении, ближе к его западному углу (уч. Ч–Ш/40–41, ур. 45,00–45,30 м), также были обнаружены остатки чувала. Здесь они выглядели в виде «пятна» прокаленной супеси и обожженной глины, размерами 1,45×1,15 м. Так же как и в первом помещении, чувал фиксировался напротив углубленной части пола постройки. За чувалом, у северо-западной стены (уч. Ш/39, ур. 45,40 м), обнаружено золистое «пятно» с вкраплениями угольков, размерами 0,7×0,55 м. На уч. Щ–Э/39–40 (ур. 45,35 м) зафиксировано другое аморфное «пятно», размерами около 1,94×0,85 м, заполненное обожженной глиняной крошкой (рис. 2.2.28; 2.2.64).

Кроме того, В. И. Семеновой выявлено 6 столбовых ямок, связанных с постройкой 2.3 (4): № 3 и 4 (уч. Ш–Ч/38–39, ур. 45,35–45,13 м), № 5 (уч. Ч–Ш/38, ур. 45,35–45,14 м), № 6 и № 7 (уч. Ш/40, ур. 45,35–45,21 м), № 8 (уч. Ц/40, ур. 45,40–45,30 м) (рис. 2.2.28; 2.2.64) [*2005.* С. 12–13]. В постройке и на линии северо-западной границы стены зафиксированы еще три небольших углубления диаметром до 0,3 м, которые мы интерпретируем как столбовые ямы №№ 12–14, основываясь на их размерах и на том, что они находятся практически на одной оси со столбовыми ямами №№ 16–18 (рис. 2.2.28; 2.2.54; 2.2.2.95).

Характеризуя котлован 3, В. И. Семенова отметила два выхода из жилища: «*первый размещался в СЗ углу и вел на центральную площадку городища. Второй в виде узкого коридора-лаза выходил на южный склон холма*» [*2005.* С. 21]. Раскопами 2011–2012 годов наличие фасадных входов в постройку не подтверждено. Из этого следует, что единственный вход в постройку находился на кровле, над наиболее углубленной частью в центре помещения.

Таким образом, данная постройка реконструируется нами как двухкамерная, каркасная, в плане прямоугольная, размерами ориентировочно 11,24×5,12 м. Стеновое заполнение ее каркаса было выполнено из вертикально установленных досок, плах и жердей. В первом помещении, вероятно, находился открытый очаг, заключенный в прямоугольную деревянную раму, а во втором – чувал. Помещения были разделены легкой перегородкой, по-видимому, сооруженной из жердей. Пол жилища, скорее всего, был земляной. По периметру помещения располагались невысокие (0,4 м) земляные нары, возможно, обшитые деревом. Фасадных входов в постройку не обнаружено, следовательно, вход располагался на кровле.

Постройка № 2.9.2 на поверхности практически не прослеживалась: в этом месте было видно только небольшое углубление. Раскопом 1990 года была вскрыта юго-восточная половина постройки, но общие ее контуры не были зафиксированы. Вследствие этого В. И. Семенова представила только характеристику отдельных «пятен» ямы и деревянных конструкций.

В 2012 году раскопки были продолжены, в результате чего была выявлена вся оставшаяся часть постройки № 2.9.2 [*Шатунов, А–2013*]. Иными словами, северо-западная часть жилища и его южный угол: юго-западная и северо-западная стены, а также отрезок северо-восточной стены (рис. 2.2.28; 2.2.73-2.2.80).

В целом постройка располагалась в юго-восточной части оборонительно-жилого комплекса, между помещениями 2.3(4) и 2.7(8), на уч. Ю–В”/38–43 (ур. 45,40–45,30 м). В плане она подквадратная, размерами 4,27×4,00 м, ориентирована по оси СЗ – ЮВ.

Очертания постройки, как и других сооружений, неровные, линии стен ломаные, прямых углов не выявлено (рис. 2.2.28; 2.2.73). Кроме того, на уч. Ю/42–43 и, возможно, на уч. В”/40–41 отмечены фрагменты стены с остатками деревянных конструкций (рис. 2.2.28; 2.2.73). В восточном углу постройки, на уч. Б”–В”/ 42,

В. И. Семеновой зафиксированы нижние части двух опорных столбов. При этом «*…основание первого столба отмечено на плане на уровне -142 см. Диаметр 20 см, высота 44 см… Основание второго столба отмечено на уровне -140 см. Длина 42 см, диаметр верхней части 14 см, нижней – 12 см*» [*2005.* С. 14]. Еще два столба, диаметром 12–14 см, обнаружены в 2011–2013 годах в южном углу постройки (уч. Ю/43, ур. 44,89 и 44, 93 м) (рис. 2.2.28; 2.2.73). Это говорит о том, что данная постройка, как и весь оборонительно-жилой комплекс, имела каркасную основу. Вышеупомянутые следы столбов остались от опорных элементов каркаса оборонительно-жилого комплекса и – в то же время – постройки № 2.9.2. По аналогии с предыдущими постройками, стеновым заполнением каркаса данного жилища служили вертикально установленные плахи, доски, жерди.

Основание постройки зафиксировано по стратиграфическим разрезам на уч. Б”/33–40. Как и в остальных постройках оборонительно-жилого комплекса, в данном жилище дно – «ступенчатое». «Чистый пол» прослеживался в центре помещения (уч. Я–Б”/40–42, ур. 44,95 м) (рис. 2.2.25; 2.2.62). Очертания ямы XI (по нумерации В. И. Семеновой) в действительности совпадали с углубленной частью дна постройки. По данным работ 1990 и 2012 годов, углубление в плане квадратное, размерами 1,55×1,50 м (рис. 2.2.28; 2.2.73). Верхняя ступень, соответствующая земляным нарам жилища, выявлена на ур. 45,30–45,40 м. Нары прослеживались со всех четырех сторон помещения, и высота их в среднем составляла 0,35–0,40 м. Возможно, они были покрыты деревянным настилом. На дне постройки расчищены остатки сгоревших деревянных конструкций: плах шириной до 15 см, сориентированных в разных направлениях. Не исключено, что они остались от сгоревшего и упавшего на пол перекрытия постройки (рис. 2.2.28; 2.2.73).

В северном углу помещения (уч. Б”–В”/39–40, ур. 45,65 м) выявлены остатки основания чувала – в виде «пятна» обожженной глиняной крошки с линзой прокаленной супеси в центре (рис. 2.2.28; 2.2.73; 2.2.81–2.2.84). Контуры «пятна» близки к овалу размерами 1,89×1,11 м. В придонной части очага зафиксирована углистая прослойка. Дно чувала отмечено на ур. 45,40 м. С юго-восточной стороны к чувалу примыкало большое овальное (1,75×0,84 м) золистое «пятно» с вкраплениями углей.

Чувал. Остановимся подробнее на этом элементе архитектуры и интерьера, поскольку он является наиболее ярким объектом, выявленным в данном помещении городка Монкысь урий. Чувалы, зафиксированные в остальных постройках, сохранились гораздо хуже. Причиной этого, возможно, являлось использование для их сооружения меньшего количества деревянных элементов и глиняной обмазки.

В ходе анализа стратиграфии и планиграфии постройки № 2.9.2 мы зафиксировали глиняное «основание» овальной формы с прокаленной супесью посередине, расположенное в северном углу жилища. По стратиграфическим разрезам постройки № 2.9.2 можно увидеть, что чувал был приподнят над уровнем пола на высоту 0,35–0,40 м. Конфигурация дна глиняного основания чувала имеет аналогичный профиль, что и яма, расположенная под ним. Возможно, чувал существовал еще в постройке № 2.9.1, а затем был приподнят и переустановлен в постройку № 2.9.2 в процессе строительства городка. Кроме того, можно предположить, что в процессе эксплуатации очаг просел, и его пришлось приподнимать для удобства приготовления пищи.

Чувал – это вид печи открытого типа или камина с нависающим над кострищем дымоходом. Он представляет собой приподнятое над уровнем пола основание, где разводится огонь и готовится пища, над которым в виде колпака нависает труба для дымоудаления, выходящая на кровлю жилища. Конструкция чувала состоит из деревянного каркаса, устроенного из жердей и обмазанного слоем глины (рис. 2.2.92; 2.2.106). Такие очажные сооружения до настоящего времени изредка используются хантыйским населением таежного Приобья. Ранее мы совместно с архитекторами провели изучение и обмеры чувала подобной конструкции на водоразделе бассейнов Большого Салыма и Большого Югана – в современном (1970-е годы XX в.) хантыйском доме Е. Д. Каюкова в юртах Пунси [*Кардаш, А-2005*]. В результате была получена важная информация о конструкции и параметрах традиционного чувала, необходимая археологам для анализа очажных объектов позднего средневековья, которую мы представляем в данном исследовании (рис. 2.2.106).

В качестве других ближайших аналогов камина из постройки № 2.9.2 и других очагов *Монкысь урия*, следует назвать чувалы в жилищах долганов и северных якутов (рис. 2.2.92). Они сконструированы в основном из дерева, а глиняная обмазка на них нанесена очень тонким слоем. Сооружения такой конструкции весьма пожароопасные в эксплуатации. Возможно, именно это объясняет плохую сохранность чувалов *Монкысь урия* после пожара, а также наличие в культурном слое крайне малого количества обожженной глины и глиняной крошки. Ни под одним из чувалов не было обнаружено мощного глиняного основания, обычного для

очагов-каминов такой конструкции. По всей видимости, в этом случае глина была использована только для обмазки каркаса дымохода, и ее было мало. Для заполнения основания чувала использовался песок или супесь (рис. 2.2.92).

В современной историографии существует мнение, что появление у ханты очагов-каминов подобной конструкции фиксируется около XIV–XVI веков, как один из результатов влияния татар на культуру обских угров, что было связано с расширением на север восточного улуса Монгольской империи (Золотой Орды) – государства Шейбанидов, и обособления по Тоболу и Иртышу Сибирского ханства. Специальные исследования по генезису хантыйских чувалов отсутствуют. На наш взгляд, зачастую археологи ошибочно интерпретируют очаги на глинистом основании как остатки чувала. По нашим данным, чувалы – камины, конструктивно идентичные объекту из юрт Пунси, достоверно появляются в таежном Приобье у аборигенного населения с рубежа XVI–XVII веков [*Кардаш,* 2013б. С. 115–125, рис. 2.53–2.63]. По материалам Надымского городка (конца XII – первой трети XVIII века) даже угловые очаги на глиняных основаниях заменяют центральные – открытые, причем не ранее конца XVI века.

Те же данные свидетельствуют, что появлению в интерьере жилого дома глиняного чувала, аналогичного современным, предшествует минимум 50-летний период адаптации и трансформации, выражавшийся в перемещении центрального очага в угол (к стенам), и формирование для него глиняной подложки [*Кардаш,* 2003. С. 88–90; *Кардаш,* 2013а. С. 53–56. Рис. 2.40–2.76]. Интерпретация более ранних подобных очагов как чувалов зачастую спорна. В то же время раскопки Мангазеи, бесспорно, свидетельствуют о появлении на западносибирском Севере чувала, как элемента сеней – прируба русского дома начала XVII века [*Визгалов, Пархимович,* 2008, С. 40, 41, отд. прил. – Лист 13. *Чертеж 10*, Лист 23. *Чертеж 20*]. Причем размещение чувала аналогично тому, что зафиксировано нами в хантыйских домах юрт Пунси.

В целом, печи из глины для приготовления пищи имеют древнюю южно-азиатскую историю происхождения, в том числе связанную с генезисом европейских земледельческих народов, и использовались на всем пространстве их расселения вплоть до Северной Америки. Тюркское название – чувал – не является подтверждением факта заимствовании самих таких объектов. Начиная с «монгольского времени», в русский язык вошло множество слов тюркского происхождения, которые использовались в XIII–XVII веках и продолжают бытовать поныне. Пока не существует подтверждений тому, что появление у остяков глиняных каминов и подовых печей было связано именно с тюркскими народами. Мы придерживаемся мнения, что данные элементы домашнего интерьера проникали в регион с XIII–XIV веков, но с Европейского Северо-Запада. Более того, их прочная «адаптация» местным населением была связана с освоением таежного Приобья Московским государством.

Кроме чувала, в западном углу того же жилища (уч. Ю–Я/39–41, ур. 45,17–45,20 м) выявлена яма XVII, близкая в плане к овалу, размерами 2,68×1,22 м.

Фасадного входа в постройку не обнаружено. Планировка жилой камеры – с земляными нарами по всему периметру – свидетельствует о том, что вход находился на крыше.

Таким образом, по данным раскопок 1990 и 2012 годов, реконструируется каркасная постройка квадратной в плане формы, размерами около 4,27×4,0 м. Каркас ее стен – в виде вертикально установленных досок, плах и жердей. В северном углу помещения находился чувал. Перед чувалом зафиксировано углубление – «чистый пол» помещения, по периметру которого на высоте около 0,4 м располагались нары, возможно, обшитые деревом. Фасадных входов в постройку не обнаружено, вследствие чего вход реконструируется как кровельный.

Постройка № 2.7 (8) соответствует котлованам 7 и 8 в монографии В. И. Семеновой, которые она связывает, соответственно, с третьим и вторым поселенческими периодами [*2005.* С. 9].

Центральная часть постройки, частично юго-восточная стена и южный угол были обнаружены в 1990 году В. И. Семеновой. В 2013 году были вскрыты ранее не исследовавшиеся участки с этой постройкой [*Визгалов, А–2014*] и зафиксированы все оставшиеся контуры постройки № 2.7 (8): часть юго-западной стены (уч. Г”–Д”/37–40), северо-западная стена, северный и западный углы (уч. Г”–З”/37), северо-восточная стена (уч. Ж”–З”/37–40) и восточный угол (уч. Ж”–З”/41–42) (рис. 2.2.28; 2.2.85-2.2.91). Кроме того, были расчищены и проанализированы профили стенки старого раскопа 4 (1990 года). Учитывая это, а также общую планиграфию городка, мы пришли к выводу, что котлованы 7 и 8 являются камерами единой постройкой № 2.7 (8). Данное

строение располагалось в северо-восточной части оборонительно-жилого комплекса (уч. Г”–З”/37–42, ур. 45,30–45,10 м) и было вытянуто вдоль северо-восточной стороны склона, то есть по оси СЗ – ЮВ. Основание постройки в плане подпрямоугольное, размерами 5,33×3,70 м.

Границы очертания постройки, как и других сооружений, неровные, линии стен ломаные, прямых углов нет (рис. 2.2.28; 2.2.85). Это говорит о том, что постройка явно имела не срубную, а каркасную основу. В пользу этого предположения также свидетельствуют обнаруженные в 1990 и 2013 годах остатки столбов, расположенных на линии с северо-восточной и юго-восточной стен постройки (рис. 2.2.28; 2.2.85). В 2013 году выявлен ряд столбовых ям по контуру северо-восточной стены – №№ 21, 22, 23, которые были выстроены по одной линии, на расстоянии 1,13–1,3 м друг от друга (рис. 2.2.28; 2.2.85; 2.2.95). Столбовая яма № 21 – диаметром 1,6 м, глубиной 0,2 м (уч. Ж”–З”/38, ур. 44,90 м), № 22 – диаметром 0,2 м, глубиной 0,14 м (уч. Ж”–З”/39, ур. 44,80 м), № 23 – диаметром 0,2 м, глубиной 0,12 м (уч. Ж”–З”/42, ур. 44,80 м) (рис. 2.2.87–2.2.89). По всей видимости, это остатки каркаса несъемной опалубки стен постройки № 2.7 (8), одновременно – наружной стены оборонительно-жилого комплекса. По аналогии с предыдущими жилищами, данная опалубка сооружалась из горизонтально уложенных плах, досок и жердей. Анализ расстояния между столбовыми ямами (среднем – 1,20 м), позволяет сделать вывод об использовании строителями футовой системы измерений[6]. То есть расстояние между вертикальными элементами каркаса, вероятнее всего, измерялось ступнями (футами) и должно было составлять 4 фута – ступни.

Основание постройки было зафиксировано по стратиграфическому разрезу с ее юго-западной стороны (уч. 41/Г”–Д”) (рис. 2.2.30; 2.2.86). Дно жилища ступенчатое. Верхняя «ступень» соответствует нарам, расположенным, предположительно, с трех сторон. Вторая «ступень» – углубление в центральной части помещения (уч. Д”–Ж”/38–40, ур. 44,80 м) – соответствует «чистому полу» постройки (рис. 2.2.28; 2.2.85). В плане оно близко к прямоугольнику, размерами 2,24×1,70 м. Особенностью данной постройки является то, что практически по всему периметру «чистого пола» зафиксированы остатки деревянных сооружений, напоминающие раму или опалубку. Юго-западная часть углубления с остатками деревянной конструкции была зафиксирована в 2013 г. (рис. 2.2.28; 2.2.85; 2.2.89). Возможно, эта конструкция являлась остатками крепиды, удерживавшей стенки песчаных нар. Это было весьма актуально, особенно в связи с малыми размерами углубления (пола) постройки.

В свое время В. И. Семеновой было выявлено «*гумусированное пятно размерами 80 х 68 см с углем в середине*», оконтуренное углистым слоем [*2005.* С. 14–15]. Сейчас установлено, что оно находилось в помещении постройки № 2.7 (8), на уч. Е’–Ж”/41. Данный объект был интерпретирован нами как остатки очага или чувала, который располагался у юго-восточной стены жилища (рис. 2.2.28; 2.2.85).

В том же помещении, у его северо-западной стены (уч. Е’–Ж”/37–38, ур. 44,90 м) обнаружена овальная яма размерами 0,77×0,57 м. Часть ее была зафиксирована еще В. И. Семеновой и названа «яма Х». В ходе раскопок 2011–2013 годов разобрана северо-западная часть данного углубления. Заполнение ямы состояло из серо-желтой пятнистой супеси с вкраплениями углей (рис. 2.2.28; 2.2.85; 2.2.86)

Ранее упоминались столбовые ямы, связанные с данной постройкой. В. И. Семеновой они были нанесены на план раскопа и охарактеризованы как остатки оборонительных сооружений. «*Основание первого столба… представляло собой часть истлевшего, но с сохранившимися волокнами бревна диаметром 11 см, высотой 40 см*». Второй столб подобен предыдущему. Диаметр его – 0,1 м, высота 0,3 м [*2005.* С. 14–15]. В сетке раскопа 2013 г. первый из них находился на уч. Е”/42 (ур. 44,93–44,63 м), второй – на уч. З”/40 (ур. 45,04–44,68 м) (рис. 2.2.28; 2.2.85; 2.2.86).

Входа в постройку ни с одной из сторон не обнаружено. Планировка жилища свидетельствует о том, что вход располагался на крыше.

В целом, по обобщенным данным исследований 1990 и 2013 годов, данная постройка реконструируется как прямоугольная (5,33×3,70 м), каркасная со стенами в виде вертикально установленных досок, плах и жердей. В восточной части помещения отмечено большое углистое «пятно», возможно, оставшееся от очага. Перед ним фиксировался углубленный «чистый пол» постройки, скорее всего, земляной. По периметру помещения находились земляные нары высотой около 0,3 м, возможно, обшитые деревом. Фасадных входов в

[6] Фут (от англ. foot – ступня) – историческая единица измерения расстояния, применяемая для измерения длины в Англии и ряде других стран, не входящая в Международную систему мер и весов. Современный английский фут равен 0,3048 м или 12 дюймам.

постройку не обнаружено. По-видимому, в помещение попадали через проем в крыше.

Кровля городка *Монкысь урий* была единой для всех построек и всего оборонительно-жилого комплекса в целом. Как и у других археологических объектов, при реконструкции любого жилого, хозяйственного или производственного строения она является одним из самых спорных элементов. В большинстве случаев остатки перекрытия у поселенческих объектов западносибирской тайги не сохраняются либо фиксируются фрагментарно, в сильно деформированном состоянии. У городка *Монкысь урий* в археологических остатках кровля также практически не фиксируется. Не исключено, что среди найденных в оборонительно-жилом комплексе истлевших остатков домостроительных конструкций сохранились элементы перекрытия. Тем не менее достоверно определить их принадлежность невозможно. В связи с этим мы реконструируем конструкцию кровли на основании остатков стеновых конструкций каркаса оборонительно-жилого комплекса, его параметров и общей планировки сооружения.

Первым признаком наличия единой кровли у оборонительно-жилого комплекса являются остатки, определенные нами как центральная (осевая) внутренняя опорная стена. Расположение и массивность последней – это косвенное подтверждение ее функции как конструктивного элемента, несущего кровлю. Судя по размерам площадки оборонительно-жилого комплекса (16×28 м) и расположению опорной стены, лаги кровли были сориентированы перпендикулярно оси здания (рис. 2.2.28; 2.2.93; 2.2.94). Расстояние между боковыми наружными стенами составляло 16 м. Оно равно длине части дерева без комля и верхушки, которая пригодна для изготовления конструкций перекрытия. Возможен вариант использования цельного 16-метрового ствола дерева для сооружения плоского перекрытия. Наличие в ближайшей округе высоких деревьев позволяло это сделать. Правда, переносить целиком такие большие бревна, тем более укладывать их на стены было весьма затруднительно. Кроме того, Кроме того, такие массивные бревна могли быстро разрушить стены. Возможно также, что каждое большое бревно разрубали для изготовления балок перекрытия по частям, либо использовали смешанный вариант перекрытия. Кровля, скорее всего, состояла из нескольких слоев: сначала укладывались балки (лаги) перекрытия, затем сооружался настил из жердей, после этого – сшитые в полотнища куски бересты (для гидроизоляции) и, наконец – сверху – грунт и «дерн».

По нашему мнению, балки перекрытия опирались на опорные столбы каркаса наружной стены городка с одной стороны и на центральную опорную стену – с другой, таким образом перекрывая пространство шириной от 4 до 6 м. Во втором варианте – при использовании бревна длиной 16 м – центральная часть балки опиралась на осевую внутреннюю стену, а два ее конца – на опорные столбы наружных стен оборонительно-жилого комплекса. Промежуток в 4–6 м (ширина построек) можно перекрывать бревнами без дополнительных опор[7]. В постройке № 2.1.2 выявлен самый большой пролет, составлявший около 6 м. В центре помещения того же жилища были зафиксированы столбовые ямы. Расстояние между стенами постройки и столбовыми ямами составляло около 2 м. Вероятно, здесь были установлены дополнительные опорные столбы: для подстраховки либо для предупреждения перелома несущей балки. В остальных помещениях центральных опорных столбов не зафиксировано, что не требовалось в связи с возможностями перекрытия пролета без дополнительных опор. На балки плотно друг к другу укладывались жерди диаметром не менее 7–8 см. Длина их могла быть разной, но кратной 0,5–0,6 м – для перекрытия расстояния между несколькими балками. Перекрытие каждого жилища было плоское горизонтальное или с небольшим наклоном. Примерно по центру его оставляли промежуток без жердей, который служил входом в постройку. По допустимому конструктивному расстоянию между балками можно вычислить ширину входа: это примерно 0,5–0,6 м. Длину входа-лаза в крыше можно было оставить любую, удовлетворяющую требованиям жильцов. Сверху на жерди укладывался «ковер» из бересты, служивший защитой от проникновения влаги. Вряд ли возможно было сшить цельный берестяной ковер на всю площадь кровли. Впрочем, этого и не требовалось. Вероятно, это были отдельные полотнища, перекрывающие постройку. При этом стыковочные швы, вероятно, помещали над перегородками и центральной опорной стеной. Сверху швы гидроизоляции для первоначального удержания при укладке фиксировали плахами. Следом укладывали «гнет» из жердей и колотых плах. Завершающий слой конструкции кровли – «дерн» (гумус с лесной подстилкой) и грунт – также служил для гидро- и теплоизоляции

[7] В современном деревянном зодчестве допускается максимальная длина пролета, перекрываемая балками из бревен без дополнительных опор в 7,5 м. При этом диаметр бревна должен составлять не менее 0,29 м. При длине пролета в 6 м диаметр бревна должен быть 0,23 м, при расстоянии между бревнами – 0,6 м [СНиП II-25-80; Дом и деревянные балки перекрытий…].

помещения дома. Мы предполагаем наличие в кровле над каждой постройкой двух отверстий: прохода-лаза, выполнявшего одновременно функцию светодымового, а также специального дымового. Дело в том, что в постройках зафиксированы чувалы, а для каждого из них должно быть отдельное отверстие – для выхода трубы. В традиционных жилищах обских угров светодымовые проемы в крышах на ночь закрывались крышками, сконструированными их обрубков жердей, досок и бересты. В постройках на Крайнем Севере Сибири входное отверстие зимой закрывалось льдиной для того, чтобы удержать тепло и пропускать дневной свет, о чем имеются этнографические свидетельства [*Зуев,* 1999. С. 147–148]. То есть оно выполняло еще и функции светового окна. В качестве световых окон и для проветривания помещения служили также «бойницы», которые при необходимости могли закрыть листами бересты, шкурами и плахами.

Таким образом, в оборонительно-жилом комплексе городка *Монкысь урий* нами реконструируется единая плоская, либо с небольшими уклонами относительно центральной опорной стены, кровля, перекрытая по балкам из бревен, состоящая из нескольких функциональных слоев. Балки перекрытия могли быть длиной до 16 м. Они перекрывали главное здание городка во всю ширину либо были разделены пополам, перекрывая обе половины комплекса, разделенные осевой опорной стеной. Учитывая конструктивные возможности балок из бревен, дополнительных опор внутри построек не требовалось. Подобное устройство кровли, единой для всего оборонительно-жилого комплекса, нами также реконструировано на памятниках Крайнего Севера Западной Сибири – в городках Полуйском мысовом, Надымском и Бухта Находка [*Кардаш, 2009*; *2011*; *2013*]. Кроме того, устройство плоской кровли подобной конструкции характерно и для отдельных традиционных жилищ.

В целом, в 1990 и 2011–2013 годах на территории оборонительно-жилого комплекса городка *Монкысь урий* были выявлены и исследованы 5 построек, размещенных в половинах, разделенных центральной опорной стеной. Северо-западную половину составляли постройки № 2.1.2 и № 2.5 (6). В юго-восточной половине располагались 3 постройки: № 2.3 (4), № 2.9.2 и № 2.7 (8). Все постройки разных размеров, в плане подквадратные или подпрямоугольные, ориентированы по оси СВ – ЮЗ и перекрыты единой кровлей. Кроме того, все они – каркасные. Это заключение было сделано на основании очертаний построек в плане – с неровными, ломаными линиями границ и скругленными углами.

Интерьеры жилищ состояли из стандартного набора элементов: земляного пола, земляных же нар, размещенных с одной или с нескольких сторон по краям помещения, а также чувала или открытого очага. Нары невысокие (0,3 – 0,4 м), возможно, покрытые деревянным настилом. Не исключено также, что они были примерно такими же, что были зафиксированы этнографами у обских угров, то есть были огорожены досками, застелены берестой, камышовыми циновками или оленьими шкурами [ср.: *Соколова, 1998.* С. 37]. Признаки подобного устройства нар можно увидеть в постройке № 2.7 (8), где с трех сторон зафиксированы остатки деревянной конструкции, огораживающей нары и пространство очага.

Вывод о том, что постройки имели каркасную конструкцию и охарактеризованный выше интерьер согласуется с этнографическими данными. По описаниям З. П. Соколовой, древним типом жилища у ханты являлись каркасно-столбовые землянки и полуземлянки, которые могли быть углублены в землю до 4–5 м [8]. Вход в постройку осуществлялся через крышу [*Там же*].

Внутри оборонительно-жилого комплекса постройки не сообщались. Иными словами, были изолированы друг от друга, в связи с устройством центральной опорной стены и внутренних перегородок, заполненных грунтом, дерном, торфом и другим природным строительным материалом. Соответственно, единого фасадного входа в оборонительно-жилой комплекс не существовало. В каждую из построек попадали через специальные отверстия-лазы, специально оборудованные в кровле. Кроме того, на крыше над некоторыми помещениями имелись отверстия для трубы чувала.

Кровля городка опиралась на каркас, который покоился на вертикальных столбах-опорах и на верхней бревенчатой «обвязке», расположенной по периметру наружной стены и на внутренних стенах. Огромную роль в поддержании каркаса, несущего на себе кровлю, играла центральная (осевая) внутренняя опорная стена.

[8] Это явная ошибка или преувеличение, зафиксированное со слов информанта. Ни этнографам, ни археологам, работавшим на севере Западной Сибири, не было выявлено ни одной землянки с котлованом глубже 3 м от поверхности. При этом самые глубокие жилища, по-видимому, относились к ранним эпохам – неолит, энеолит, бронзовый век. Землянки были известны и малосалымским остякам, но воспроизводился ими лишь в экстремальных ситуациях. Например, при уничтожении наземного жилого дома пожаром летом или осенью, когда для строительства такого же нового сооружения не было необходимого времени.

На нее приходилась основная нагрузка, как статическая – удержание веса кровли и снежного покрова в зимний период, так и динамическая – при передвижении по кровле и выполнении жителями городка ежедневных хозяйственных работ. Скорее всего, сначала строителями городка была возведена центральная стена оборонительно-жилого комплекса. Возможно, параллельно с ней устанавливалась наружная стена городка, и только после этого были сконструированы перегородки. Таким образом, формировалось пространство жилищ.

2.2.4.4. Сооружения (ямы), связанные с функционированием оборонительно-жилого комплекса. В помещениях оборонительно-жилого комплекса открыто множество разнообразных ям, большая часть которых была зафиксирована еще В. И. Семеновой. О ямах, которые находились в центре старых раскопов (1990 года), мы можем судить только по описаниям и чертежам. Между тем есть углубления, вскрытые Валентиной Ивановной частично. Их изучение было продолжено в 2011–2013 годах. При этом некоторые из таких ям оказались естественного происхождения, то есть выворотнями[9].

Итак, все ямы, зафиксированные на площадке оборонительно-жилого комплекса, можно разделить на естественные и искусственные. Ямы, созданные человеком, подразделены нами на хозяйственные и ритуальные.

Проблематична ***яма XII***, выявленная и частично исследованная В. И. Семеновой в раскопе 4 (уч. В”–Г”/41–42, ур. 45,10 м) (рис. 2.2.95). В раскопе 2013 года она не фиксировалась – ни в плане, ни в профиле.

К углублениям естественного происхождения относятся ямы III и V, выявленные и частично вскрытые В. И. Семеновой. Полностью они исследованы раскопами 2011–2013 годов. Нами они определены как выворотни.

Яма III зафиксирована на уч. Ф–Х/38–39, на ур. 45,60 м (рис. 2.2.95). В. И. Семенова писала, что она «*… примыкала с «севера» к котловану 2, отмечена в плане на уровне -60 см. Вскрытая восточная часть имела овальную форму, размеры 94 х 60 см. В профиле яма подпрямоугольной формы, дно уплощенное, ровное*» [*2005.* С. 11].

Яма V выявлена на уч. Ш/38, на ур. 45,70 м (рис. 2.2.95). По словам В. И. Семеновой, яма была «*…отмечена на уровне -40…-60 см по угольному пятну… На уровне -110 см пятно уменьшилось… Основное заполнение состояло из черной супеси с заплывами более ранних слоев в средней части. Полностью яма не вскрыта. Дно, уходящее в бровку, отмечено на глубине -120 см*» [*2005.* С. 24].

Ямы, связанные с ритуальной деятельностью, выделены по наличию в их заполнении скелетов, черепов, рогов северного оленя, костей и зубов таких животных, как медведь, бобр, лось, а также артефактов в виде монет, украшений, наконечников стрел. К таковым объектам, бесспорно, относились ямы VII и VIII. В свою очередь, ямы XIII, XIV и XV, находившиеся рядом с ямой VII, под погребением 2, «отмечали» углы погребения.. Границы этих ям, зафиксированные под погребением, практически совпадают с ним. Описание ямы VII дано в тексте монографии В. И. Семеновой. Ямы XIII, XIV и XV помещены на чертежи, но не охарактеризованы в тексте. Заполнение ям и наличие в них артефактов не известно. Тем не менее, учитывая их местонахождение под погребением и практически идентичный уровень фиксации с ямой VII, мы предположили, что данные углубления относятся к сооружениям, связанным с ритуальной деятельностью.

Яма VII зафиксирована В. И. Семеновой на уч. Ш–Щ/41–42, на ур. 44,70 м (рис. 2.2.95). Она «*…овальной формы, размерами 96 х 50 см, выявилась в плане под захоронением двух женщин. Заполнение ямы почти не отличалось по цвету от общего заполнения раннего котлована 4, но имело более однородный оттенок. Яма ориентирована по оси северо-запад – юго-восток… Полная расчистка ямы сделана на уровне -140…-153 см. Размеры ямы 89 х 46 см… Дно ямы в профиле ровное, стенки вертикальные, плавно закругляющиеся у дна. Уровень максимальной фиксации дна –153 см*» [*2005.* С. 24]. В заполнении углубления залегали рога, фрагменты черепа, кости и зубы нескольких особей северного оленя. Здесь же находилось восемь подвесок из белого металла (оловянистая бронза?) и серебра. Нами были проанализированы очертания ямы и погребения, зафиксированного над ней. Выяснилось, что их внешние контуры практически совпадают. С учетом погрешностей фиксации объектов в 1990-е годы, были возможны неточности при нанесении их на план. Кроме того, в заполнении ямы найдены артефакты и костный материал, свидетельствующий о ритуальной или погребальной деятельности. Таким

[9] *Выворотень* – это углубление от дерева, вывороченного с корнями, а также иногда и само дерево. В таежном Приобье – это главным образом сосны, растущие на песчаных почвах. В процессе падения деревьев часть корневой системы выворачивается наружу, раскрывая почву, и захватывает с собой часть грунта. При этом почвенные слои, подзолы, суглинки и пески (в том числе – материковые), находившиеся под корнями деревьев, частично перемешиваются. Происходит перемещение грунта с корней и стенок в образовавшуюся яму. Со временем дерево сгнивает, а яма «оплывает» в результате дальнейшей деформации ее стенок, и «зареновывается», точнее, покрывается горизонтом новой лесной подстилки.

образом, мы пришли к выводу, что данная яма была частью захоронения: по-видимому, она была приготовлена заранее – для того, чтобы уложить в нее определенные вещи, связанные с обрядом захоронения.

Яма VIII находилась на уч. Ч–Ш/35–36 и была картографирована на ур. 45,30 м (рис. 2.2.95). По данным В. И. Семеновой, она была «*…отмечена в плане на уровне -90 см в виде подпрямоугольного выступа юго-западной границы котлована 5, заполненного серовато-золистой супесью и ориентированного по оси юго-восток – северо-запад. Размеры выступа составляли 55 х 64 см. На уровне -100 см фиксировалось уже обособленное от котлована почти круглое пятно диаметром 46 см. На уровне -106 см яма имела почти квадратную форму, размеры 57 х 50 см. Она была заполнена измельченными костями животных. Основная их часть располагалась по краям ямы… В профиле яма имела подпрямоугольную форму, ровное дно и прямые стенки*» [*2005.* С. 28]. В яме обнаружены кости оленя (верхняя часть черепа, фрагмент верхней челюсти и другие), а также отдельные кости лося и бобра. На дне ямы сохранились следы деревянного настила, угольки и куски обожженной глины.

Яма XIII выявлена В. И. Семеновой в котловане 4 под погребением 2 (раскоп 2, уч. Ш–Щ/41, ур. 44,80 м) (рис. 2.2.95). Зафиксирована на плане раскопа, но в тексте не описана. В плане углубление круглое, диаметром 36 см. В профиле дно ямы ровное, также округлой формы. Как и яма VII, находилась под погребением и, вероятно, являлась его углубленной частью. Состав заполнения ямы не известен.

Яма XIV отмечена В. И. Семеновой в котловане 4 под погребением 2 (раскоп 2, уч. Ш/41, ур. 44,80 м) (рис. 2.2.95). Зафиксирована на плане раскопа, но в тексте ее описание отсутствует. Яма овальная, размерами 29×41 см. В профиле дно ямы ровное, округлой формы. Как и предыдущие ямы VII и XIII, она являлась углубленной частью погребения. Заполнение ее не известно.

Яма XV зафиксирована В. И. Семеновой в котловане 4 под погребением 2 (раскоп 2, уч. Ш/42–43, ур. 44,80 м) (рис. 2.2.95). Зафиксирована на плане раскопа, но в тексте ее описания нет. Углубление овальной формы (1,98×0,45 м), ориентировано по оси СЗ – ЮВ. В профиле дно ямы ровное, округлой формы. Лишь северо-западный край ямы находился под погребением. Большая часть углубления выступала за его пределы и была перекрыта остатками постройки 2.3(4). Не исключено, что яма, как и все остальные, являлась частью погребения 2. Заполнение ямы не охарактеризовано.

Углубления, связанные с хозяйственной деятельностью. К данной категории объектов мы условно отнесли все остальные ямы, которые не обладали признаками ритуальных: №№ I, IV, IX, X, XVII и XVIII.

Яма I зафиксирована на уч. Ц/41 (ур. 44,80 м) (рис. 2.2.95). Была выявлена В. И. Семеновой «*…под полом котлована 3 на уровне -130 см. Имела округлую в плане форму… Заполнение состояло из темно-бурой супеси, смешанной с темно-желтой супесью. На дне ямы отмечены фрагменты погребенной почвы*» [*2005.* С. 14].

Яма II находилась на уч. У–Х/41–43 (ур. 44,70 м) (рис. 2.2.95). Выявлена В. И. Семеновой. «*Яма имела гантелеобразную форму, ориентирована с «запада» на «восток», ее размеры 190 х 105–174 см. На уровне -180 см фиксировалась уже яма овальной формы размерами 44 х 40 см (нарушена шурфом). Заполнение состояло из плотной желтой супеси с углем. На дне отмечены фрагменты погребенной почвы. В профиле дно неровное*» [*2005.* С. 11].

Яма IV картографирована на уч. Х–Ч/38–39 (ур. 45,20 м) (рис. 2.2.95). Выявлена В. И. Семеновой. Отмечена «*на уровне -46 см по светло-желтому заполнению с остатками истлевшего дерева и вкраплениями обожженной глины в центре. На уровне -60…-70 см яма приобрела четкую подпрямоугольную форму, вытянутую с «юга» на «север», имела размеры 126х74 см, заполнение черного цвета с вкраплениями пятен желтой супеси и дерева… На уровне -100 см от ямы остались два разделенных материковым песком донных углубления… Глубина ямы от уровня фиксации 50 см. Общее заполнение ямы состояло из черной супеси с желтыми пятнами, в верхней его части видны заплывы слоя городища, угольные прослойки*» [*2005.* С. 23–24].

Яма VI выявлена В. И. Семеновой на уч. С–У/41–43 (ур. 44,70 м) (рис. 2.2.95). Ее «*…полные очертания прослежены на уровне -160 см под поздним котлованом 3. Она имела форму прямоугольника, вытянутого с «юга» на «север», с двумя коридорообразными торцевыми выступами, расположенными по диагонали. «Южный» коридор совпал с коридором котлована 3. Общие размеры камеры 220х170 см. Заполнение ямы состояло из плотной темной супеси с углем. В профиле она имела довольно ровное дно, пологие прямые стенки*» [*2005.* С. 11].

Яма X зафиксирована на уч. Е”–Ж”/37–38 (ур. 44,90 м) (рис. 2.2.95). Как свидетельствует В. И. Семенова, данная яма «*…появилась на плане на уровне -130 см, отмечена по прогибу бурого слоя городища… На уровне -140 см очертания ямы в виде полосы шириной 82–84 см фиксировались между стенкой раскопа и котлованом 7. В профиле яма имела подпрямоугольную форму, ровное, слегка наклоненное к «югу» дно… Заполнение*

состояло из серо-желтой супеси с вкраплениями угля» [*2005.* С. 12]. В 2011–2013 годах вскрыта оставшаяся, северо-западная, часть углубления. Таким образом, яма была изучена полностью. Нижняя отметка ямы была зафиксирована на уровне 44,68 м. Дно ямы ровное.

Яма XVI выявлена в процессе исследований 2011–2013 годов в западном углу котлована постройки 2.5(6), на уч. Ш–Щ/31–32 (ур. 45,30 м) (рис. 2.2.95; 2.2.96). Первоначально проявилась как аморфное «пятно» темно-серой супеси с вкраплениями углей, резко контрастировавшее на фоне окружающей более светлой супеси. «Пятно» было вытянуто по оси ЮЗ – СВ и частично перекрыто бурой супесью, являющейся заполнением котлована постройки 2.5 (6). На ур. 45,40 м яма приобрела очертания, близкие к овалу, но ориентация осталась прежней. Границы ямы были оконтурены углистыми прослойками. Размеры ямы на этом уровне: 1,13×0,86 м (рис. 2.2.95; 2.2.96). Придонная часть ямы зафиксирована на ур. 45,20 м. Ее размеры здесь – 1,0×0,55 м. Основное заполнение придонной части ямы составляла темно-серая супесь с мелкими угольками. Дно ямы неровное бугристое (рис. 2.2.96). Артефакты в яме отсутствовали.

Яма XVII зафиксирована в 2011–2013 годах под западным углом котлована постройки 2.9.2 (уч. Ю–Я/39–41, ур. 45,40 м) (рис. 2.2.95; 2.2.97). От котлована отличалась более темным заполнением. Первоначально прослеживалась как аморфное «пятно», оконтуренное углистыми включениями. Границы юго-восточной половины ямы были размыты и не поддавались фиксации. На ур. 45,20 м углубление приобрело более отчетливые контуры и выделялось по желто-серой супеси с вкраплениями углей. Следует отметить, что юго-восточная часть ямы выходила за пределы раскопа 2013 г., но ее окончание в раскопе В. И. Семеновой не выявлено. На профиле стенки раскопа 4 (1991 года) яма также не была выделена. Предположительные размеры ямы – 2,70×1,22 м, ориентировка – по оси СЗ – ЮВ. Дно ямы неровное, бугристое. В заполнении углубления обнаружено скопление чешуи рыбы.

Яма XVIII выявлена в процессе исследований 2011–2013 годов у западного угла постройки 2.3 (4) – по «пятну» темно-серой углистой супеси, резко выделявшейся на фоне светло-желтой супеси (уч. О–Р/38–39, ур. 45,50 м) (рис. 2.2.95; 2.2.98). В верхнем горизонте яма подпрямоугольная, размерами 1,60×1,30 м. На ур. 45,40–45,30 м она уменьшилась, приобрела более правильные прямоугольные очертания (1,47×1,08 м) и ориентирована по оси ЮЗ – СВ. Придонная часть ямы зафиксирована на ур. 45,20 м. Глубина ямы – около 0,65 м. Дно ямы ровное. В придонной части заполнение ямы состоит из темно-серой углистой супеси с вкраплениями более крупных угольков. В яме обнаружен развал керамического сосуда (рис. 2.2.98).

Яма XI. Помимо перечисленных выше ям, нами выделена яма XI, выявленная еще В. И. Семеновой. В ходе раскопок 2011–2013 годов выяснилось, что данный объект, судя по его форме, месту расположения и заполнению, не является ямой. Это была углубленная часть («котлован») постройки № 2.9.2. Об этом упоминалось при описании данного жилища.

Таким образом, в процессе археологических работ 1990 и 2011–2013 годов на площадке оборонительно-жилого комплекса городка *Монкысь урий* были выявлены и исследованы 18 сооружений (ям), 15 из которых были выявлены В. И. Семеновой. Большая часть этих углублений, вероятно, была связана с хозяйственной деятельностью людей, проживавших в разное время на холме. При этом невозможно сказать наверняка: какие ямы существовали здесь параллельно с юртами, а какие – с городищем, какие появились раньше, а какие – позже.

Четыре ямы (VII, XIII, XIV, XV), по нашему мнению, относились к погребению 2. Ритуальные комплексы, скорее всего, существовали здесь и до начала существования городка и во время его функционирования.

Яма XI, в конечном счете, оказалась углубленной частью котлована постройки № 2.9.2.

Ямы XII, скорее всего, не было вообще: в ходе раскопок 2013 г., несмотря на тщательное изучение в этом месте культурного слоя, она не была зафиксирована.

2.3.4.5. Общая характеристика стратиграфии жилой зоны оборонительно-жилого комплекса. Мощность культурного слоя на руинах строений оборонительно-жилого комплекса в среднем составляла 1,2 м (рис. 2.2.29-2.2.36). Основная часть его по механическому составу представляла собой легкие супеси. Материковые слои представлены песками.

Ниже представлен перечень почвенных, культурных и геологических (материковых) слоев, зафиксированных на данном памятнике: от верхних к нижним.

Поверх средневековых горизонтов местами фиксируется *слой 1* – переотложенная желтая супесь мощностью до 40 см (рис. 2.2.29–2.2.36). Этот слой является отвалами из любительских шурфов 1980-х годов и раскопов 1990 года.

Слой 2 – горизонт «дерна», точнее лесной подстилки (гумус, лишайники, мхи, хвойный опад), с темно-серым подзолом толщиной от 6 до 20 см. Он покрывал всю поверхность комплекса, был нарушен норами, грабительскими ямами и местами перекрыт отвалами из старых шурфов и раскопов.

Нижележащий культурный горизонт памятника состоял в основном из слоев, связанных с заполнением котлованов построек и ям, остатками очагов, чувалов, а также органических остатков – сгнивших и сгоревших деревянных конструкций оборонительно-жилого комплекса. Содержал артефакты и остеологический материал (рис. 2.2.29–2.2.36).

Слой 3 – бурая или темно-желтая, местами черная, супесь с локальными прослойками переотложенной супеси разных оттенков (*3а, 3б, 3в*) – культурный слой мощностью до 40 см. Залегал под лесной подстилкой и темно-серым подзолом по всей территории оборонительно-жилого комплекса. Нарушен шурфами и могильными ямами. Содержал археологический вещевой материал и кости животных. Связан с последним периодом существования городка.

Слой 4 – темно-желтая переотложенная супесь с включениями углей и древесного тлена, мощностью от 5 до 17 см. Подстилала слой 3 на поверхности средневековых впадин. Местами в нем прослеживалась прослойка белого переотложенного песка – *слой 4а*.

Слой 5 – золистая серая супесь (темно-серый погребенный подзол) – погребенная почва. Фиксировалась над слоем глины в постройке 2.5 (6).

Слои 14, 14а, 14б – серо-желтые супеси. Различались между собой плотностью и цветностью (оттенками серо-желтого цвета). Заполняли котлован постройки 1.

Слой 15 – темно-серая супесь, мощностью до 10 см. Заполнение котлованов построек и ям.

Слой 16 – желтая плотная супесь с мелкими угольками. Заполнение котлованов построек и ям.

Слой 16а – серо-желтая супесь – верхнее заполнение котлованов построек. Отделен от слоя 16 прослойкой древесного тлена и плотными углистыми прослойками.

Слой 17 – серо-золистая супесь – прослойка, составляющая верхнее заполнение очага.

Слой 18 – обожженная мелкая глиняная крошка. Остатки (развалы) глиняных очагов (чувалов) построек оборонительно-жилого комплекса.

Слой 19 – глина – остатки обмазки очагов (чувалов) построек оборонительно-жилого комплекса.

Слой 20 – прокаленная супесь. Заполняет линзы, фиксирующиеся вместе со слоем обожженной глиняной крошки. Маркируют места разрушенных очагов (чувалов) в постройках.

Слой 25 – углистые прослойки и линзы, мощностью до 10 см. Последние прослеживались в разных культурных слоях (3, 4, 16) в виде многочисленных прерывистых включений. Локализовались в основном на центральной площадке оборонительно-жилого комплекса.

Слой 26 – прерывистые прослойки и линзы рыжеватого древесного тлена, мощностью до 15 см. Часто ассоциированы со слоем 25. Фиксировались в слоях 3, 4, 16, главным образом на центральной площадке оборонительно-жилого комплекса.

Слой 10 – желтая переотложенная супесь, мощностью 10–30 см, но местами до 1 м. Иногда плавно переходит в материковый песок и почти не отличается от материка.

Слой 11 – белая рыхлая супесь (белый погребенный подзол) – погребенная древняя почва мощностью до 6 см.

Слой 27 – материковый белый песок.

Таким образом, на памятнике фиксируется мощный культурный слой, состоящий в основном из темных супесей, заполняющих котлованы построек. Локально в нем прослеживались прослойки обожженной глиняной крошки, глины, прокаленной супеси, маркирующие очаги и чувалы. Равно как прослойки древесного тлена с остатками сгнившей древесины и углистых супесей с крупными углями, относящимися к остаткам конструкций построек и оборонительно-жилого комплекса в целом.

На стратиграфических разрезах, зафиксированных во время раскопок, прослеживаются два разновременных культурных горизонта. Первый из них связан с инженерной подготовкой площадки строительства городка. Второй образовался при строительстве и функционировании городка.

В процессе археологических работ 1990 и 2011–2013 годов была полностью изучена территория оборонительно-жилого комплекса городка Монкысь урий. Выявлена и проанализирована структура укрепления. Она реконструируется как двухчастная, состоящая из двух функциональных зон: оборонительно-жилого комплекса и хозяйственно-производственной территории. Оборонительно-жилой комплекс являлся центром укрепленного поселения, состоял из жилой зоны и системы фортификаций. Жилая зона городка, включавшая пять жилищ, была разделена центральной (осевой) опорной стеной на две половины: северо-западную и юго-восточную. В северо-западной находились 2 постройки, в юго-восточной – 3. Центральная (осевая) опорная внутренняя стена оборонительно-жилого комплекса состояла из несъемной опалубки, заполненной грунтом, дерном, торфом и другими природными материалами. У построек в обеих половинах комплекса можно проследить принцип обратной зеркальности: похожие жилища располагались по диагонали относительно центральной оси. Все постройки были изолированы друг от друга за счет устройства внутренних перегородок-стен, которые формировались аналогично центральной опорной стене.

Оборонительная система городка состояла из нескольких элементов. Основой фортификации городка служил искусственно сформированный эскарпированный склон, сооруженный под углом 45^0. Его дополняли деревянная наружная стена обронительно-жилого комплекса, состоящая из вертикально установленных плах, а также кровельный вход (входы). Кроме того, по данным этнографических наблюдений, защитную систему городка дополняли вертикальные бойницы, оборудованные в наружных стенах, и довольно обширная, расчищенная от леса территория вокруг городка. В зимний период в эту систему был включен еще один элемент: ледяной панцирь, покрывавший всю площадь склона. Наличие искусственно сформированного эскарпированного склона и отсутствие системы «вал-ров» является важной отличительной чертой данного городка.

Жилая зона оборонительно-жилого комплекса состояла из 5 построек, размещенных в двух половинах комплекса, разделенных центральной опорной стеной. Постройки разных размеров, в плане подквадратные и подпрямоугольные, ориентированы по оси ЮЗ – СВ. Они представляли собой каркасные сооружения со стеновым заполнением каркаса в виде вертикально установленных бревен, плах и жердей.

Интерьеры построек состояли из стандартного набора элементов: земляного пола, таких же нар, расположенных вдоль одной или нескольких сторон жилой камеры, а также чувала либо открытого очага. Нары были приподняты над уровнем пола примерно на 0,3–0,4 м. Возможно, они были покрыты деревянным настилом, либо застеленны берестой, камышовыми циновками, оленьими шкурами. Чувалы, вероятно, сконструированы из колотых плах и обмазаны тонким слоем глины.

Оборонительно-жилой комплекс городка *Монкысь урий* был перекрыт единой плоской кровей. Балками перекрытия служили бревна, которые опирались с двух сторон на несущие элементы каркаса. То есть одними концами бревна опирались на столбы наружной стены комплекса, другими – на центральную опорную стену, перекрывая собой расстояние от 4 до 6 м без дополнительных центральных опор. На балки было уложено перекрытие, состоявшее из нескольких функциональных слоев: настил из жердей, берестяной «ковер» для гидро-изоляции и «дерн», служивший гнетом для берестяного ковра и слоем теплоизоляции помещения. В кровле были оборудованы вышеупомянутые входы-лазы в помещения (каждый – в одно), а также проемы для труб чувалов.

Кроме того, на территории жилого комплекса городка зафиксированы сооружения (ямы), связанные с хозяйственной и ритуальной деятельностью. Невозможно установить точную хронологию этих объектов. Можно лишь утверждать, что все они так или иначе были связаны с жизнедеятельностью населения данного места. Одни из них появились до строительства городка, вторые – вместе с ним, третьи – вскоре после его разрушения.

Предложенная нами общая реконструкция оборонительно-жилого комплекса является только одним из возможных вариантов. Безусловно, наша интерпретация может вызвать много вопросов и возражений, к примеру, по конструкции внутренних стен и перегородок, а также наружных стен. На взгляд современного человека, тем более сложившегося со знанием истории архитектуры и, в частности, русского деревянного зодчества, наша реконструкция может выглядеть не слишком логично. И действительно, в тайге, где нет дефицита строевого леса, возводить бутовую стену из грунта... Тем не менее наличие строевого леса не является фактом, доказывающим владение технологией срубного домостроения, точно так же, как присутствие руды на поверхности не свидетельствует о наличии металлургии у людей каменного века. Следуя такой логике можно пойти дальше и выстроить из городка *Монкысь урий* любое сооружение. Ведь были же у них топоры, такие

же как у русских зодчих, ведь росло же вокруг много хорошего строевого леса – значит, могли они построить срубные дома и башни. Звучит вполне логично – могли, но не строили, и это факт не вызывающий сомнений. По крайней мере, у нас как авторов исследований. В связи с этим следует заметить, что логика современного человека и людей прошлого явно отличались. Ошибочно делать ретроспекцию современных технологических знаний. Чем руководствовались зодчие *Монкысь урия*, еще предстоит понять. Поэтому мы допускаем другие интерпретации представленных в монографии археологических данных, на основании которых возможны иные варианты и нюансы в восстановлении внешнего вида городка, его конструктивного решения и технологии строительства.

2.2.5. ЮЖНАЯ ПЕРИФЕРИЯ ГОРОДКА: ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Сфера жизнедеятельности людей из населенного пункта у старицы Монкысь урий (ныне – Чистухинский урий) не ограничивалась только пространством жилых помещений.

В теплые летние и осенние месяцы жители поселков основное время проводили, как правило, за пределами жилищ, а зимой – в помещениях, выполняя те или иные виды хозяйственных, производственных и социально значимых работ. Причем женская половина населения и дети, вероятно, большую часть времени проводили в поселке. Мужчины же, занятые разнообразными промыслами и военными делами, могли довольно долго находиться в лесу и на реке. Примыкающая к домам территория также использовались, но избирательно и с меньшей интенсивностью. При этом для стадии функционирования юрт Монкысь урий нам крайне сложно определить границу хозяйственно-производственной территории. Мы полагаем, что в этом случае она вряд ли далеко выходила за границы холма. В период существования городка эта зона, наоборот, могла быть более обширной. Тем более что округа вокруг крепости была очищена от леса.

Периферийная территория с южной стороны городка была насыщена артефактами середины XVI – начала XVII века. В какой-то степени это маркирует границы синхронной укреплению хозяйственно-производственной зоны.

Общая характеристика периферийной зоны. Изучение периферийной части памятника является задачей, требующей больших трудозатрат, в том числе при не особо эффектном и информативном результате. Тем не менее для нашего исследования важно было решить ее, причем опираясь на результаты раскопок небольшой ее части.

Для того чтобы получить максимально возможный комплекс данных при ограниченной площади вскрытия, перед началом земляных работ нами была проведена проверка всей территории объекта с помощью металлодетектора – для определения мест залегания средневековых металлических предметов. Обозначим наиболее важные итоги этого обследования.

– Максимальная концентрация сигналов была зафиксирована с юго-западной, южной и юго-восточной сторон от укрепленного объекта.

– В остальных местах вокруг укрепления количество сигналов радикально снижалось или отсутствовало (с северной и северо-восточной сторон).

– Полученные данные о концентрации металлических артефактов «промаркировали» территорию наиболее вероятной интенсивной орудийной деятельности обитателей средневекового поселка за пределами жилищ.

Южный «сектор» концентрации находок вполне объясним с точки зрения преобладающих в этих местах ветров и в целом погодных условий, а также при учете инсоляции – облучения поверхности холма и его округи солнечным светом. Южная сторона памятника и прилегающие к ней участки наиболее освещены солнцем и потому являются самыми теплыми. Массив сопки защищает южную площадку от холодных северных и северо-восточных ветров, с которыми связаны неблагоприятные погодные явления – ливень, пурга, град и прочие. Кроме того, именно у подножия с южной стороны холма поверхность относительно ровная. Это особенно важно, если иметь в виду, что существуют многие виды деятельности, требующие наличия относительно плоского и обширного пространства. К ним, в частности, можно отнести распрямление и сушку шкур крупных копытных животных перед выделкой, сушку и хранение запасов дров, содержания в загонах-«краалях» у жилья домашних оленей, равно как некоторые виды деревообработки, в том числе изготовление лодок-обласов. Использование относительно небольшой, но наиболее удобной для разнообразной хозяйственно-производственной деятельности, территории особенно проблемно при учете того, что в населенном пункте проживало несколько семей. Всем им была нужна данная зона рядом с жилищами.

Все эти виды деятельности не формируют мощного культурного слоя с большим количеством артефактов, которые могли бы сохраниться длительное время. Тем не менее по результатам проведенной разведки и первичного анализа данных нами были определены наиболее перспективные места раскопов в южной периферии памятника.

Правда, наши предположения были подкорректированы в процессе раскопок, но в целом результаты превзошли ожидания. По материалам раскопок периферийной части памятника удалось выявить несколько функциональных зон и установить ряд фактов, отражающих некоторые исторические события, зафиксированные в фольклорных и письменных источниках. Из наиболее важных результатов нашего поиска можно назвать открытие здесь остатков строения, не выраженного в рельефе, – весьма важной для нас постройки № 10.

Постройка № 10. Данный объект был обнаружен в ходе раскопок на уч. Г–К/65–69, на ур. 39,40 м. Его очертания в плане были близки к прямоугольнику (около 7,10×4,20 м). Ориентировано сооружение по оси ЮЮЗ – ССВ (рис. 2.2.100).

Постройка фиксировалась по «пятну» серой углистой супеси, резко контрастировавшей на фоне гумусной основы лесной подстилки и нижележащей темно-серой подзолистой супеси – верхнего подзола (рис. 2.2.102). На уч. Г–К/65–70, на ур. 39,30 м проступили очертания остатков наземного сооружения. Они имели вид вытянутого подпрямоугольного в плане «пятна» серой, насыщенной углем супеси. В пределах этого слоя прослеживались линзы прокаленной красно-оранжевой супеси, а также «пятна», насыщенные древесным углем и истлевшим деревом. Кроме того, на уч. Ж/66 выявлено скопление металлургического (железного?) шлака. За пределами сооружения, у его юго-восточной границы, отмечены «пятна» углистого слоя и прокаленной супеси. На ур. 39,20 м размеры сооружения слегка уменьшились (6,7×3,3 м), однако форма углубления осталась практически такой же. Внутри котлована постройки прослеживались многочисленные «пятна» прокаленного слоя, угля и древесного тлена, а за его пределами – материковая серо-желтая супесь. На следующем уровне фиксации – 39,10 м – под слоем серой углистой супеси проступила желтая переотложенная супесь, перекрывавшая древнюю дневную поверхность. Следы столбовых ям и другие остатки стеновых сооружений отсутствуют.

Стратиграфия на территории постройки № 10 следующая (рис. 2.2.101; 2.2.104; 2.2.105).

Слой 2 – «дерн» (лесная подстилка) с нижележащей темно-серой подзолистой супесью толщиной от 6 до 20 см. Покрывал всю поверхность объекта.

Слой 32 – темно-серая углистая супесь – культурный слой мощностью до 37 см. Основное заполнение котлована постройки № 10.

Слой 10 – переотложенная желтая супесь, мощностью до 35 см, подстилавшая серую углистую супесь и перекрывавшая древнюю дневную поверхность.

Слой 33 – серо-коричневая супесь – древний погребенный подзол, мощностью до 25 см.

Слой 27 – серо-желтая супесь – материковый слой.

В котловане постройки № 10 найдено 5 железных ядер картечи, обломок корродированного железного ножа, железный гвоздь, большое количество кусков металлургического шлака, глиняной обмазки и ошлакованной глины.

В пределах сооружения, а также на прилегающей территории, была обнаружена масса следов металлургического производства (железные шлаки, ошлакованная глина, глиняная обмазка), что может указывать на то, что наземное сооружение, расположенное за пределами оборонительно-жилого комплекса, функционировало как кузница. В пользу этого косвенно свидетельствуют и некоторые фольклорные источники.

Согласно одному из вариантов легенды о Тонье, записанному В. И. Семеновой в юртах Когончиных со слов И. А. Когончина, при городке *Мункысь урий* имелась кузнечная мастерская, расположенная за пределами оборонительно-жилого комплеска. Это следует из описания осады городка: «*Они построили дом без окон, в крыше была дыра, а в стенах отверстия для стены. Враги стреляли пулями. Стреляло 3 человека – один метил, второй держал, третий зажигал. После выстрелов отверстия в стенах закрывали топорами. Зимой обливали склоны водой и подвешивали бревна. Осталось два брата*, ***железа (наконечников стрел) не стало. Делали их на стороне, а это место захватили***» (выделено нами – *О. К., Г. В.*) [*Семенова, 2005*. С. 162; Прил. 2.4].

Таким образом, отсутствие следов стеновых и столбовых конструкций позволяет предположить, что данный объект представлял собой легкую постройку из жердей, опиравшуюся на тонкие колья или даже растущие деревья. Незначительная мощность культурного слоя и его малая насыщенность артефактами, причем исключительно соответствующими рубежу XVI–XVII веков, позволили связать данное строение с периодом функционирования городка и обозначить его ***как кузницу***, упоминавшуюся в фольклорных источниках.

На исследуемой периферийной территории была зафиксирована яма, получившая номер XIX.

Яма XIX находилась за пределами постройки 10, на уч. З–К/61–62. Ее верхние очертания были зафиксированы на ур. 39,30 м, под слоем темно-серой супеси. Границы ямы маркированы углистым слоем, резко контрастировавшим на фоне окружающей темно-серой супеси. Углубление неправильной в плане формы, размерами 2,1×0,8 м, ориентировано по оси СВ – ЮЗ (рис. 2.2.100).

Разрез ямы показал следующую стратиграфию (рис. 2.2.105).

Слой 31 – темно-серая супесь – линзы культурного слоя, мощностью до 8 см, лежащие на углистом слое.

Слой 25 – углистый слой мощность до 10 см, подстилавший темно-серую супесь.

Слой 27 – серо-желтая супесь – материковый слой.

За пределами постройки № 10 на основании анализа разрезов слоев, запечатленных на стенках и бровках раскопов, установлена следующая стратиграфия (рис. 2.2.33; 2.2.101).

Слой 2 – «дерн» (лесная подстилка) с нижележащей темно-серой подзолистой супесью толщиной от 6 до 20 см. Покрывал всю поверхность объекта.

Слой 31 – темно-серая супесь – культурный слой мощностью от 4 до 25 см, залегавший сразу под «дерном» на всей площади раскопа за пределами постройки № 10.

Слой 27 – серо-желтая супесь – материковый слой.

Анализ данных колонок слоев показал, что к югу от оборонительно-жилого комплекса сформировался довольно мощный культурный горизонт. Основная причина его появления – работы по забору в этом месте грунта для возведения фундамента оборонительно-жилого комплекса и сооружению ступенчатого эскарпированного склона. Кроме того, здесь велась хозяйственная деятельность, связанная с животноводством (оленеводство и собаководство), а также с производством транспортных средств (изготовление нарт, обласов). Данное предположение основано на археологических артефактах, извлеченных из культурного слоя. Кроме того, по этнологическим данным, на этой территории производилась сушка шкур.

Таким образом, в ходе археологических исследований 2011–2013 годов была выявлена хозяйственно-производственной зона, располагавшаяся в радиусе около 50 м от оборонительно-жилого комплекса. Данная территория была оконтурена естественными границами: с южной и юго-восточной сторон – заболоченной поймой, с западной – старицей, с северо-западной – периодически подтопляемой территорией, с северной и северо-восточной – лесным массивом. В границах этой хозяйственно-производственной зоны была открыта постройка, которая определена нами как кузница. Этот объект представлял собой легкую постройку из жердей, опиравшуюся на тонкие колья или даже, возможно, растущие деревья.

2.2.6. ХРОНОЛОГИЯ ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ

Время основания и период функционирования городка *Монкысь урий* определяются по комплексу разнообразных данных: радиоуглеродному анализу, стратиграфии и морфологии культурного слоя, хронологии предметов вещевого комплекса, а также материалам документальных и фольклорных источников.

Радиоуглеродный анализ. Для выявления хронологических рамок функционирования городка *Монкысь урий* было проведено тестирование 15 образцов древесины и костных остатков. В результате 6 из них (2 образца древесины и 4 – костной ткани) были определены как современные. Причиной этого, по нашему мнению, является то, что данные органические материалы находились в верхних слоях археологического памятника и были подвержены наиболее активному радиационному воздействию (прил. 4.4). Большинство (8) проанализированных образцов относится к XVI–XVII векам (раздел 2.2.2). Следовательно, мы можем предположить, что время строительства и функционирования городка приходится на конец XVI – XVII век.

Анализ стратиграфии выявил, что стерильные прослойки, отделяющие слои, относящиеся к юртам, от культурного горизонта, соответствующего городку, в стратиграфических разрезах отсутствуют (рис. 2.2.29–2.2.36). Таким образом, между временем существования юртов и городка перерыва не было.

Хронология предметов вещевого комплекса в целом также не противоречит полученной датировке по радиоуглеродному анализу (см.: гл. 2.3). Предметы периода поздней бронзы мы во внимание не принимаем. Вещи XIII–XV веков также весьма малочисленны и в основном представлены украшениями костюма. Можно предположить, что они сохранились в атрибутах и деталях ритуального костюма как особо почитаемые реликвии и продолжали бытовать в XVI–XVII веках. Это обычно для культуры остяков-ханты позднего средневековья и нового времени. Основная масса артефактов из культурного слоя городка относится к XVI–XVII векам.

Анализ документальных источников. По данным русских документов начала XVII века, сопоставленных с результатами археологических исследований, достоверно установлено, что все индивидуумы, обнаруженные на развалинах городка *Монкысь урий*, причем как захороненные, так и просто оказавшиеся под завалами разрушенной крепости, погибли в конце осени – начале зимы, то есть в одном сезоне (прил. 4.3). Судя по этому, а также насыщенностью культурного слоя городка свинцовыми пулями и артиллерийскими ядрами, их смерть была связана с боевыми событиями. Единственным – в связи с изучением истории городка *Монкысь урий* – заинтересовавшим нас событием, известным по письменным источникам того периода в Сургутском уезде, была военная операция московских властей по возврату денежной казны служилых людей томского гарнизона. Последняя была накануне похищена отрядом восставших остяков во главе с сыновьями сургутского князя Бардака (прил. 1.7). Поскольку отписка о завершении операции была направлена великому князю Московскому в январе 1620 года, то правомерно определить месяц боевых действий не ранее конца ноября или даже декабрем 1619 года. Это согласуется с результатами анализа дентоскопии зубов умерших индивидуумов.

Большинство фольклорных источников описывают штурм крепости Монкысь урий с использованием огнестрельного оружия, происходящий в зимний период. Таким образом, год и сезон прекращения функционирования городка, а также время гибели части его жителей, на наш взгляд, определены достаточно точно: декабрь 1619 года.

Кроме того, существует ряд косвенных данных, позволяющих определить годы строительства оборонительно-жилого комплекса городка *Монкысь урий*. Прежде всего, это находки серебряных русских монет в составе ритуального комплекса (№ 10), обнаруженного под южным углом крепости. Эти монеты, как и все остальные, найденные на городище, принадлежали к одному комплексу. Точнее, сумме из 11–12 рублей[10], сформированной в последнее десятилетие XVI века, но не ранее 1594 года. Наиболее обоснованным, на наш взгляд, является вывод о попадании такой суммы воинам городка *Монкысь урий* в качестве государева жалования за участие в походе летом 1597 года на нарымского князя Воню и обосновавшегося у него царя Кучума (Глава 2, раздел 2.4; Глава 3, раздел 3.2). Дети князя Бардака, прежде всего легендарный Тонема – Кинема (*«Бордаков»*), кроме нарымского похода, участвовали и в других походах сургутских служилых людей. В частности, на пуровских самоедов в 1602 году (прил. 1.3). Вполне вероятно, что Тонему могли принять на службу в качестве детей боярских, как это, например, происходило в нижнеобском «княжестве» Кода с представителями рода князей Алачевых, и назначить ему денежное жалование. Таким образом, время начала строительства оборонительно-жилого комплекса может быть определено не ранее 1598 года.

На основании всех представленных выше данных мы можем говорить о существовании городка в конце XVI – начале XVII века.

В целом, на основании комплексного анализа материалов юрт и городка *Монкысь урий* можно сделать вывод, что хронологического разрыва между данными поселениями не существовало. Скорее всего, юрты были временным поселением людей, принимавших участие в подготовке площадки и строительстве городка, а также сооружении на холме эскарпированного склона. Вероятно, целенаправленно подыскивалось место для возведения городка, и накануне его строительства были сооружены временные жилища – юрты. Таким образом, юрты, существовавшие в этом месте в середине – конце XVI века, являются прямым предшественником городка. На

[10] Данная сумма в конце XVI – начале XVII века была равна жалованию служилого человека – казака или стрельца – за 4 года.

месте юртов и вместо них был возведен городок, существовавший до начала XVII века. Время строительства городка приходится, скорее всего, на рубеж XVI–XVII веков. Его разрушение – на декабрь 1619 года.

2.2.7. АРХИТЕКТУРА ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ: ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Городок *Монкысь урий* представлял собой укрепленный населенный пункт, состоявший из двух функциональных зон: оборонительно-жилого комплекса и хозяйственно-производственной территории.

Оборонительно-жилой комплекс являлся центром городка. Он размещался на вершине останца, имел овальную в плане форму, был ориентирован по оси СВ – ЮЗ и условно делился на две части: жилую зону и систему фортификаций. Последние были неразрывно связаны друг с другом, как функционально, так и конструктивно.

Жилая зона городка состояла из пяти построек, которые были разделены центральной (осевой) внутренней опорной стеной на две половины. В северо-западной находились 2 постройки, в юго-восточной – 3. Постройки (жилые камеры) не сообщались между собой и были изолированы друг от друга центральной опорной стеной и внутренними перегородками. Осевая стена и стены-перегородки формировались из несъемной опалубки, заполненной грунтом, дерном, торфом и другими природными материалами. В расположении построек в обеих половинах комплекса относительно оси центральной опорной стены можно проследить принцип обратной зеркальности. Все постройки оборонительно-жилого комплекса городка *Монкысь урий* представляют собой каркасные сооружения со стеновым заполнением каркаса в виде вертикально установленных бревен, плах и жердей.

Интерьеры построек состояли из стандартного набора элементов: земляной пол и земляные нары по периметру жилища, устроенные с одной или с нескольких сторон помещения, а также глинобитный чувал с вертикальной трубой-дымоходом либо открытый очаг. Нары в жилище были приподняты над уровнем пола примерно на 0,3–0,4 м. Возможно, они были покрыты деревянным настилом, либо застеленные берестой, камышовыми циновками, оленьими шкурами.

Помимо построек, на территории жилой зоны городка зафиксированы сооружения (ямы), связанные с ритуальной и хозяйственной деятельностью жителей поселка. Невозможно сказать наверняка о времени существования этих объектов. Можно лишь утверждать, что все они, так или иначе, были связаны с жизнедеятельностью населения данного места.

Основой фортификаций городка служил искусственно сформированный эскарпированный ступенчатый склон, сооруженный под углом 45^0. Наверху он завершался наружной защитной стеной оборонительно-жилого комплекса, выполненной из вертикально установленных бревен или плах. В стене устраивались бойницы, сведения о которых сохранились в местном фольклоре. Данную оборонительную конструкцию дополняли входы в городок. Внутрь комплекса можно было попасть через специальные проемы в кровле по мобильным лестницам, которые при необходимости могли легко переместиться со склона на крышу комплекса. Еще одним элементом фортификации являлась свободная территория вокруг городка, расчищенная от леса. В зимний период в систему фортификации был включен еще один элемент защиты: ледяной панцирь по всему периметру склона, который еще более усложнял подъем на кровлю.

Оборонительно-жилой комплекс городка *Монкысь урий* был перекрыт единой плоской кровлей либо невысокой двускатной крышей. Балками остова перекрытия служили бревна, которые опирались на несущие элементы каркаса. Каждое из бревен было уложено одним концом на опорные столбы наружной стены городка, другим – на центральную (осевую) опорную стену. Таким образом – без дополнительных центральных опор – перекрывалось расстояние от 4 до 6 м. На балках каркаса покоилось перекрытие, состоявшее из нескольких функциональных слоев: настила из жердей, берестяного «ковра» – для гидроизоляции и, наконец, грунта и «дерна», служивших гнетом для берестяного ковра и слоем теплоизоляции помещения.

Хозяйственно-производственная территория располагались вокруг оборонительно-жилого комплекса в радиусе около 50 м. Она была ограничена элементами окружающего ландшафта: старицей – с западной стороны, поймой протоки – с южной и юго-восточной сторон, периодически подтапливаемой территорией – с северо-западной стороны, а также лесным массивом – с северной и северо-восточной сторон.

На данной территории проходила часть хозяйственной и производственной деятельности жителей городка. К хозяйственной деятельности мы относим животноводство, точнее, содержание и разведение оленей и собак, равно как деревообработку, связанную с производством транспортных средств, таких как нарты и лодки-обласы. В пользу этого свидетельствуют находки из культурного слоя на данной территории. Кроме того, судя по этнологическим данным, в этой хозяйственно-производственной зоне производилась сушка шкур. С производственной деятельностью связаны остатки постройки, которую мы определили как кузницу.

Здесь же первоначально находился «карьер-полигон» по забору грунта для возведения фундамента оборонительно-жилого комплекса и подсыпки ступенчатого эскарпированного склона.

Данная реконструкция городка *Монкысь урий*, построенная на комплексном анализе разнообразных источников, позволяет провести сравнительный анализ с другими оборонительными и жилыми объектами на широком региональном и хронологическом фоне. На севере Западной Сибири не так уж много раскопанных средневековых городищ, еще меньше – введенных в научный оборот. Тем не менее они существуют. В первую очередь, это исследованные нами приполярные и заполярные городки позднего средневековья – Надымский, Полуйский мысовой и Бухта Находка [*Кардаш, 2009*; *2011*; *2013а*; *2013б*; *2013в*], в меньшей степени – другие городки. При их сравнении с нашим памятником можно выделить несколько уникальных элементов городка *Монкысь урий*. В первую очередь, это ***искусственно созданное (насыпанное) основание*** – фундамент городка. Ни для одного из упомянутых укреплений этого не делалось. Большинство подобных городков были возведены на естественном рельефе либо на месте ранее существовавших городков и поселений, что не требовало проведения масштабных дополнительных работ по подготовке территории.

Об уникальности ***фортификационной системы*** *Монкысь урия* свидетельствует наличие ступенчатого эскарпированного склона, который заменял защитную систему типа «ров-вал» (либо несколько валов и рвов), известную у других средневековых укреплений.

Систему обороны Монкысь урия нельзя назвать типичной для Севера Сибири. Она более напоминает *монолитное многокамерное укрепленное жилище*, характерное для центральных и северо-западных районов таежного Приобья эпохи средневековья. Его ближайшие аналоги: городища Мань-Няслан-Тур (Саранпаульское 2-е) в бассейне Северной Сосьвы [*Чернецов, 1937*. С. 254; *1957*. С. 230. Рис. 21; *Талицкая, 1953*. С. 265. № 143], Моховая 42 в Сургутском Приобье [*Борзунов, 1995*. Рис. 1 – *15*] и отчасти известные по остяцким былинам большие дома и «медные города» («*Пытыр-вах-вош*») с двумя входами – сбоку (в ограде) и сверху (в единой для всех жилых камер крыше) [*Патканов, 1891б*. С. 16–17, 30–32, 70 и др.]. В одном хантыйском сказании городок *Монкысь урий* даже назван избушкой из бревен с бойницами – как крепость (прил. 2.10). В. А. Борзунов даже считает, что в эпоху средневековья такие деревоземляные дома-«крепости», предшественники городищ и городов, сочетавшие функцию жилья и одиночного укрепленного пункта, являлись резиденциями верхушки аборигенного общества. Функционально-типологически они соответствовали замкам западноевропейских феодалов [*1995; 1997а*; *1999*].

Ближайшим *Монкысь урию* синхронным археологическим объектом можно считать городище Когончинское 45 [*Кардаш, А–2008*]. Оно находится на вершине пойменного острова – останца коренной террасы в дельте (устье) реки Кулунигый, впадающей через старичные озера в реку Большой Юган. Весной, в паводок, оборонительно-жилой комплекс данного городища, дополненный внешним рвом, бывает полностью окружен рекой и выглядит как возвышающийся из воды холм. Вместе с тем, система обороны у него абсолютно иная – «ров-вал». Преемственности архитектурно-строительных традиций в рассмотренных городках не наблюдается. Крайне редки случаи среди известных городков, когда не фиксируются в системах обороны рвы и валы.

Из известных нам городищ с эскарпированным склоном – в качестве основного элемента обороны – это городищ Негусьях 1, на речке Негусьях (*«Соболиная река»*, правый приток Большого Югана) [*Селянина, А–1997*]. Городище Негусьях внешне выглядит как городок *Монкысь урий*. Он находится в аналогичных топографических условиях – на берегу старицы, в промежутке между старицей и основным руслом реки, а главное – имеет аналогичные размеры и форму. Правда, возраст этого городища не установлен. По его внешним признакам мы можем предположить, что этот памятник датируется серединой II тысячелетия, но это не факт. В любом случае, топография памятника в связке с внешней формой его оборонительно-жилого комплекса заставляет задуматься об истоках такой архитектуры. Представляется, что такая форма укреплений была не только экономичной и функциональной, но даже только своим внушительным внешним видом могла производить сильное впечатление на жителей окрестных населенных пунктов – юрт. Возможно, холм – *«архи-*

тектура холма» – должна была олицетворять первозданную землю в окружении воды и, соответственно, связь жителей этого городка с изначальным населением. Это, хотя и косвенно, тем не менее эмоционально закрепляло исторические права обитателей крепости на землю и власть в округе.

Еще одной аналогией таких оборонительно-жилых сооружений, как у городка *Монкысь урий*, следует назвать городище Вочлор 1, открытое на правобережье Сургутского Приобья, в бассейне среднего течения реки Пим, на озере Вочлор. Топография и параметры памятников идентичны. Последний объект датирован приблизительно XII–XV веками [*Кардаш, А–1995.* С. 68–71. Рис. 40]. Вполне вероятно, что городков с подобной фортификацией существует больше, но они пока не выявлены и полноценно не обследованы. До XII–XVII веков подобные городки достоверно не известны. Возможно, такая конструкция фортификаций, основанная полностью на искусственной подготовке фундамента и эскарпированного склона, является особенностью развитого и позднего средневековья Сургутского Приобья. Особо отметим, что так называемые «укрепленные жилища» или городища, остатки которых выглядят как холмы, известны с периода поздней бронзы. Тем не менее на данной территории они не формируют единой непрерывной линии развития. Более того, важным отличительным признаком позднейших городков является искусственно сформированный на основании естественного элемента ландшафта (останца, холма) фундамент, а также отсутствие рва как элемента обороны.

Планировочная структура городка также уникальна. Обращаясь к практически полностью изученным памятникам, заметим, что нам известны городки с внешне похожей планировочной структурой: Надымский, Полуйский мысовой, Бухта Находка. При внешней схожести планировки оборонительно-жилого комплекса всех этих укреплений, мы видим, что у них по продольной оси пролегала своеобразная «улица». Более того, все постройки в городках были связаны между собой как раз через систему «коридоров-проходов», ведущих к центральной «улице», а от нее – к любой из построек городка. В постройках этих городков, как и в оборонительно-жилом комплексе в целом, имелись как фасадные входы, так и, предположительно, входы через кровлю. Тем не менее существует принципиальное различие в планировке данных городков и Монкысь урия. Об уникальности в данном случае нам позволяет говорить наличие в последнем укреплении пяти изолированных друг от друга построек, а также наличие центральной (осевой) опорной стены. При этом все жилые помещения М*онкысь урия* были изолированы друг от друга, а вход в них осуществлялся только через кровлю. Центральная улица также отсутствовала: на ее месте находилась центральная (осевая) опорная стена.

В качестве особенности *Монкысь урия* можно указать также наличие чувалов в его жилых помещениях, а не центральных открытых очагов, как например, в городке Бухта Находка. Наличие чувала в жилищах Крайнего Севера Сибири не имеет древних корней. Как говорилось выше, по данным раскопок Надымского и Полуйского мысового городков, чувалы как минимум на крайнем Севере появляются с рубежа XVI–XVII веков и существуют в традиционной хантыйской архитектуре вплоть до современности [*Кардаш, 2003; 2013а; 2013б; Визгалов, Пархимович, 2008*]. У остяков южного и среднего таежного Приобья чувалы могли появиться, по-видимому, раньше – в XIII–XIV веках – и под тюркским влиянием. В то же время распространение их на Крайнем Севере Сибири мы связываем, прежде всего, с миграцией на данную территорию выходцев с Европейского Северо-Востока. На других известных нам средневековых городищах, расположенных на Большом Югане близ городка Монкысь урий и датирующихся вплоть до XII–XIII веков, зафиксированы центральные очаги (городище Стрелка) [*Кардаш, Пономарева, 2010*].

Конструктивные решения, примененные при строительстве городка *Монкысь урий* также можно назвать уникальными. Прежде всего это касается устройства центральной опорной стены и перегородок с применением несъемной опалубки. Подобные перегородки можно встретить в городке Бухта Находка, где зафиксировано торфо-дерновое заполнение стен. Между тем в последнем городке эти перегородки служили скорее элементом теплоизоляции оборонительно-жилого комплекса, а не являлись опорными элементами каркаса, несущими кровлю, как это было в случае с центральной опорной стеной городка *Монкысь урий*. Конструктивное решение наружных стен этого укрепления также является оригинальным, по сравнению с тем же городком Бухта Находка, где по всему периметру – от основания до кровли – стена была обложена торфо-дерновыми брикетами. В городке Монкысь урий грунтом и «дерном» было укреплено только основание стен (возможно, до середины их высоты) по периметру оборонительно-жилого комплекса. Основным

же элементом защитного пояса являлись сами стены, сооруженные из вертикально установленных бревен, плах и жердей. В стенах оставлены вертикальные проемы, которые служили вентиляционными и световыми окнами, а также бойницами – в случае нападения на городок.

Подводя итог, еще раз заметим, что городок *Монкысь урий* является уникальным населенным пунктом на севере Западной Сибири, с точки зрения фортификационной системы, планировочной структуры и конструктивных решений устройства оборонительно-жилого комплекса в целом. Совокупность всех оригинальных элементов городка дает нам единственный инновационный вариант существования подобной архитектуры на данной территории. Мы можем говорить о появлении новых архитектурных традиций, наиболее близкими которым мы находим домостроительные традиции дошедших до нашего времени якутских балаганов.

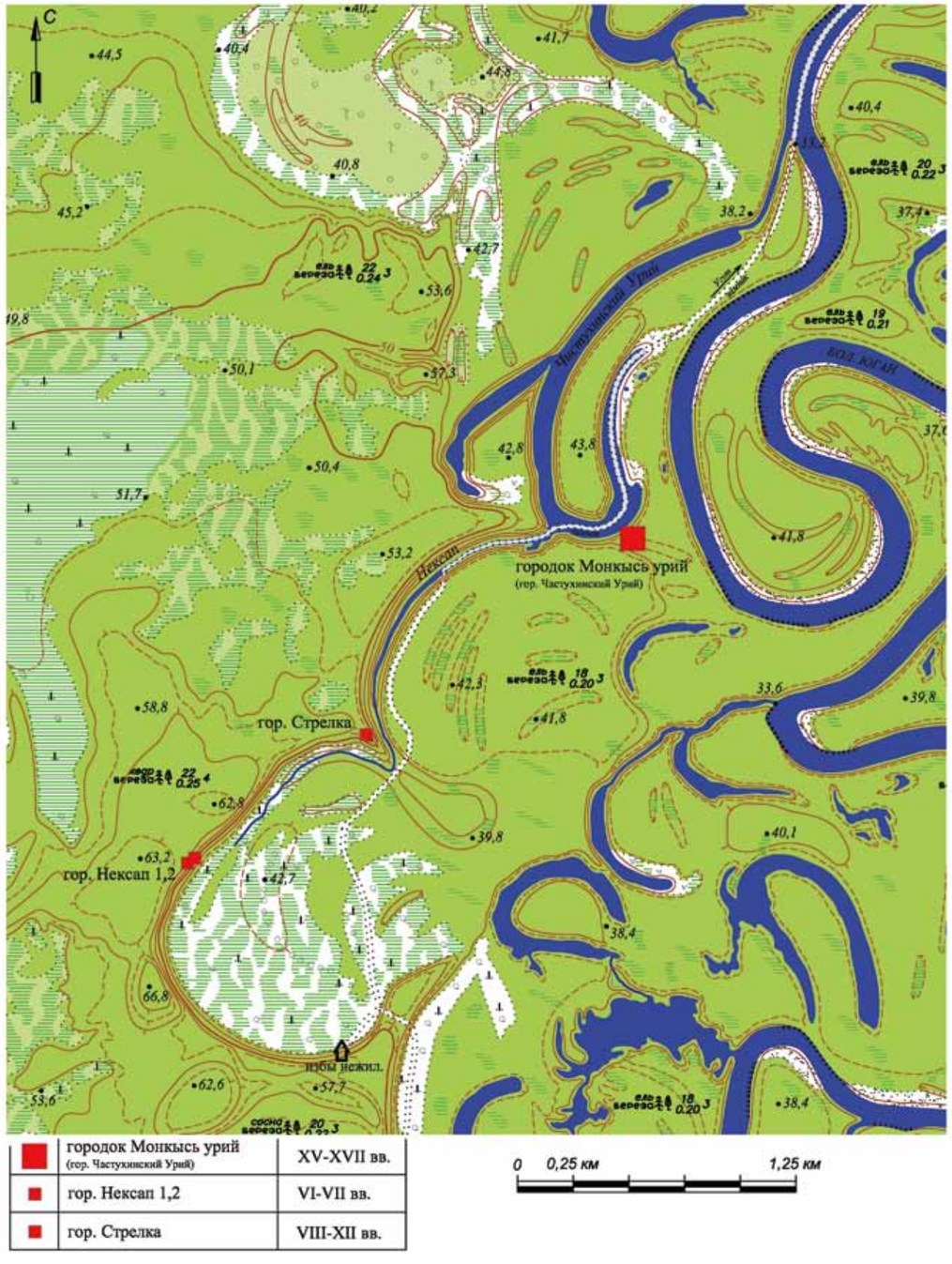

Рис. 2.2.1. Городок Монкысь урий. Участок левого берега реки Большой Юган. Ситуационный план. М 1 : 25 000

Рис. 2.2.2. Городок Монкысь урий. Участок левого берега реки Большой Юган. Место расположения памятника. Фото. Вид с юго-востока

Рис. 2.2.3. Городок Монкысь урий. Участок левого коренного берега реки Большой Юган. Место расположения памятника. Фото. Вид с запада

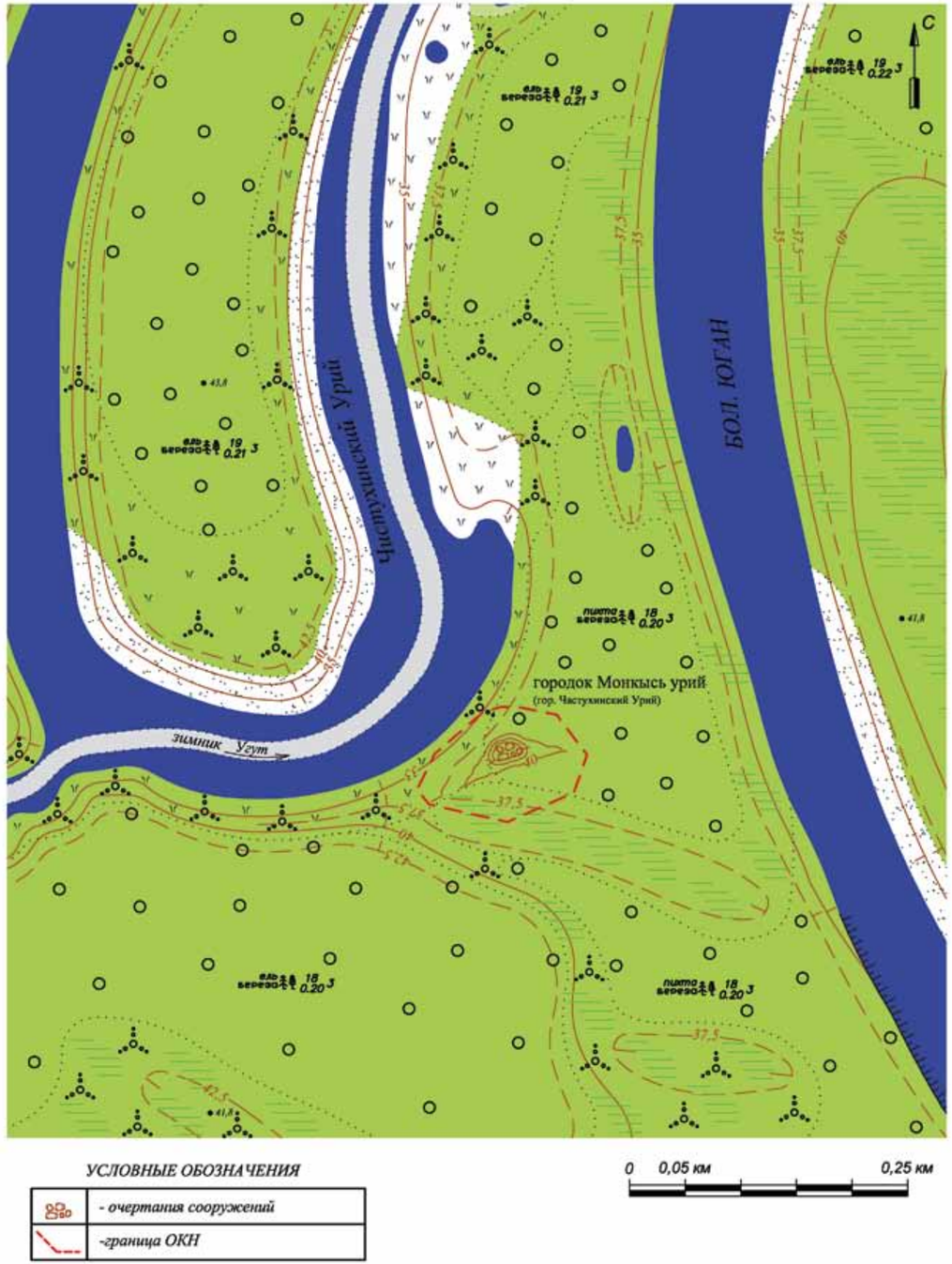

Рис. 2.2.4. Городок Монкысь урий. Участок левого берега реки Большой Юган и берега старичного озера Чистухинский урий. Ситуационный план. М 1 : 5 000

Рис. 2.2.5. Городок Монкысь урий. Место расположения памятника на берегу старичного озера Чистухинский урий. Фото. Вид с запада

Рис. 2.2.6. Городок Монкысь урий. Место расположения памятника на берегу старичного озера Чистухинский урий. Фото. Вид с северо-запада

Генеральный план памятника.

ТАБЛИЦА КООРДИНАТ УГЛОВЫХ ТОЧЕК

№	Координаты угловых поворотных точек			
	МСК-86		WGS-84	
	X (Север)	Y (Восток)	С.Ш.	В.Д.
1	897403,32	3607494,11	60,473429	74,003470
2	897375,65	3607530,13	60,473171	74,004109
3	897339,77	3607527,48	60,472850	74,004042
4	897298,77	3607476,82	60,472495	74,003099
5	897295,46	3607404,92	60,472485	74,001791
6	897305,89	3607390,90	60,472582	74,001542
7	897340,77	3607398,02	60,472893	74,001690
8	897387,28	3607429,16	60,473302	74,002281
9	897396,69	3607443,55	60,473383	74,002548
10	897400,94	3607460,01	60,473416	74,002849
1	897403,32	3607494,11	60,473429	74,003470

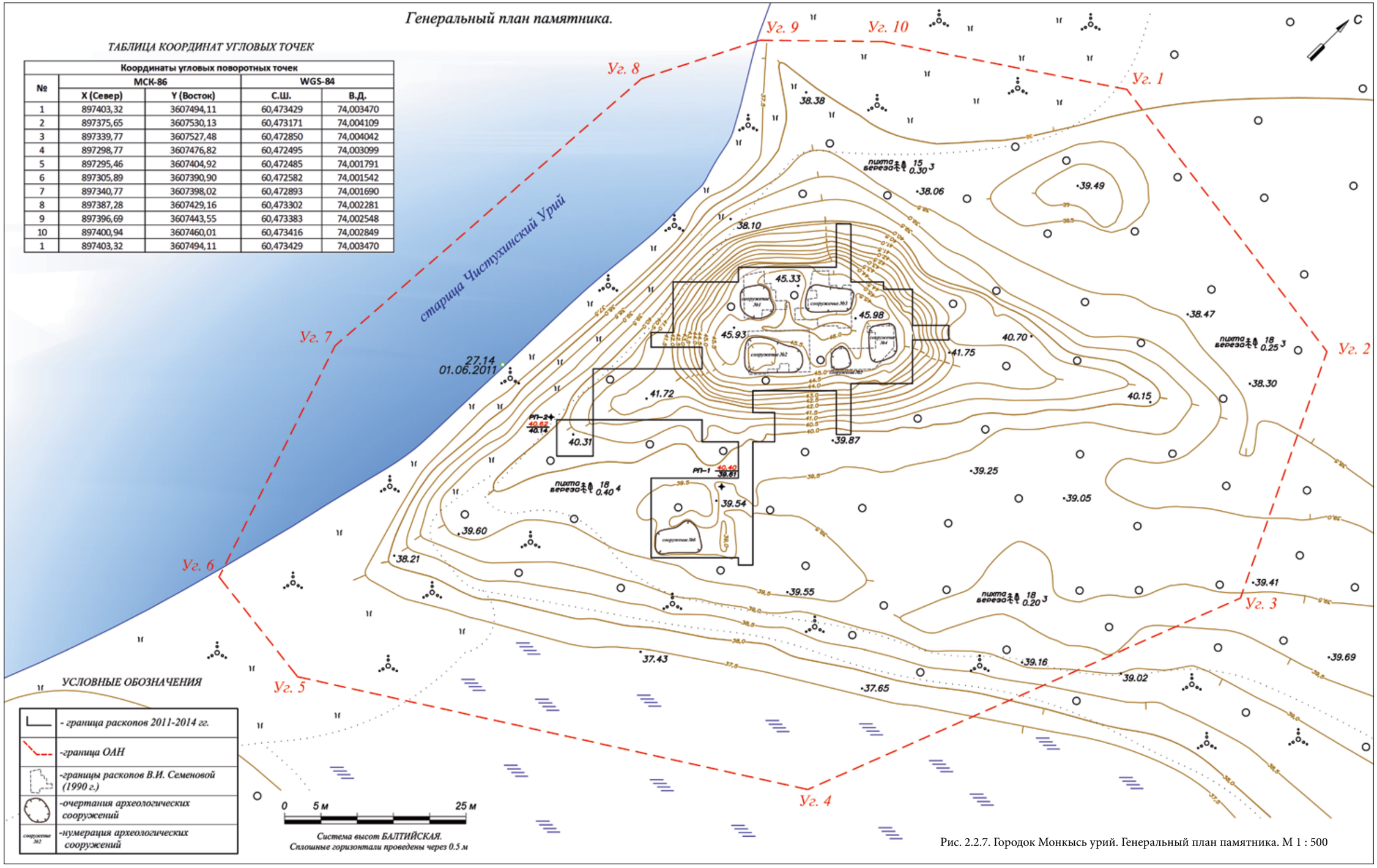

Рис. 2.2.7. Городок Монкысь урий. Генеральный план памятника. М 1 : 500

Рис. 2.2.8. Городок Монкысь урий. Руины оборонительно-жилого комплекса. Фото. Вид с северо-запада

Рис. 2.2.9. Городок Монкысь урий. Руины оборонительно-жилого комплекса. Фото. Вид с запада

Рис. 2.2.10. Городок Монкысь урий. Руины оборонительно-жилого комплекса. Фото. Вид с юго-запада

Рис. 2.2.11. Городок Монкысь урий. Руины оборонительно-жилого комплекса. Фото. Вид с юга

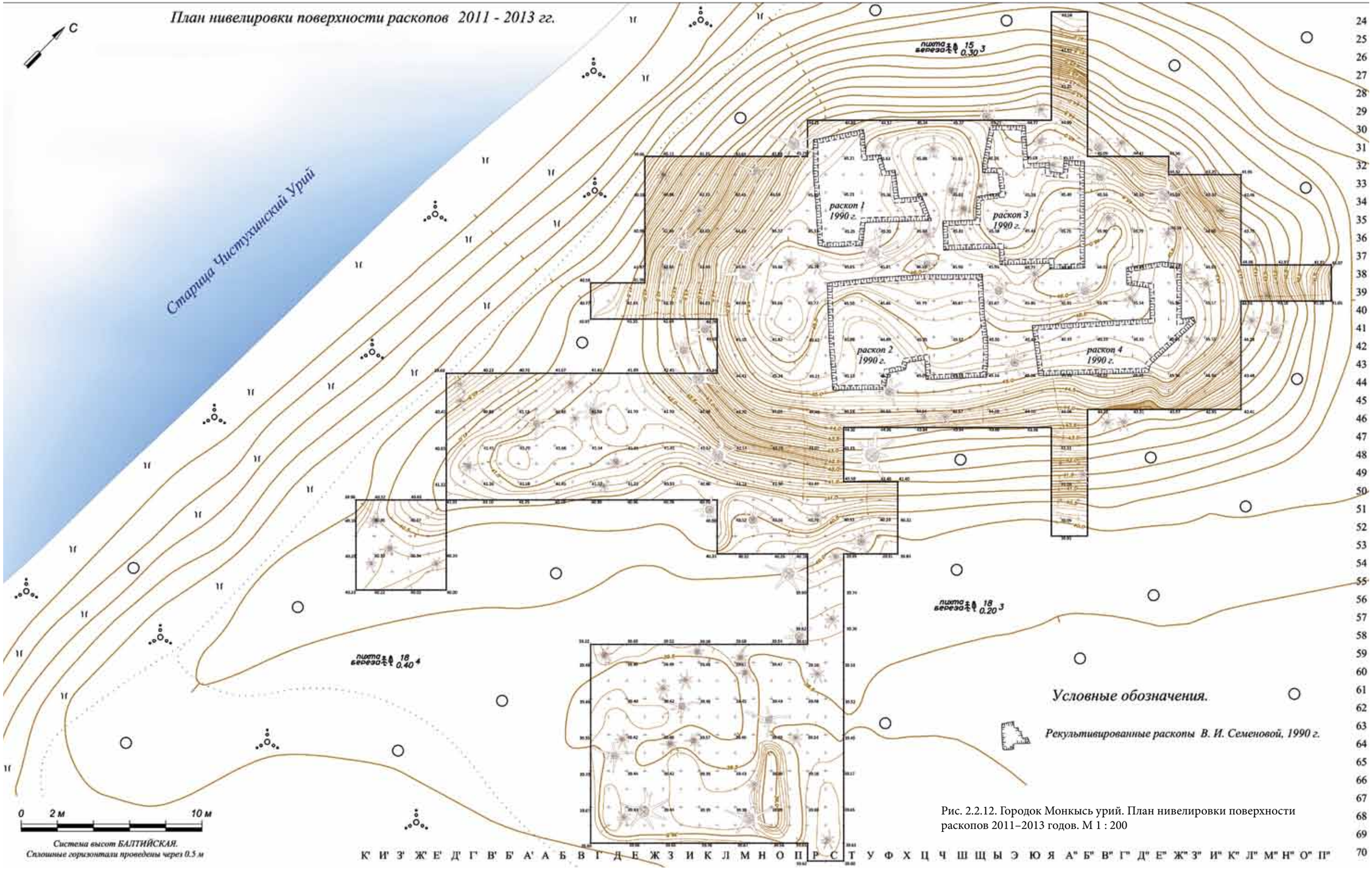

Рис. 2.2.12. Городок Монкысь урий. План нивелировки поверхности раскопов 2011–2013 годов. М 1 : 200

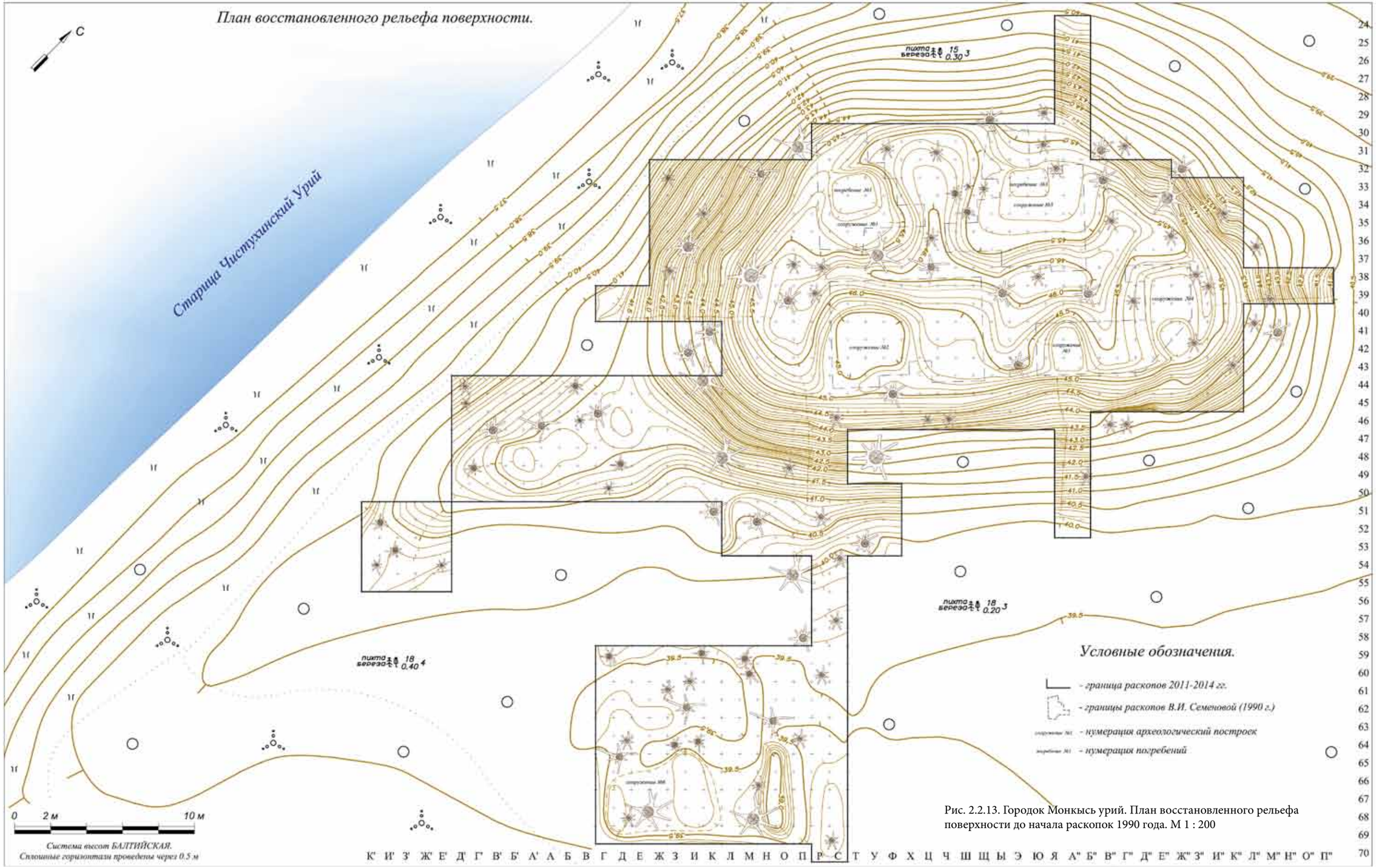

Рис. 2.2.13. Городок Монкысь урий. План восстановленного рельефа поверхности до начала раскопок 1990 года. М 1 : 200

Рис. 2.2.14. Городок Монкысь урий. Верхняя площадка оборонительно-жилого комплекса до начала раскопок 2011–2013 годов. Северо-восточный участок. Фото. Вид с запада

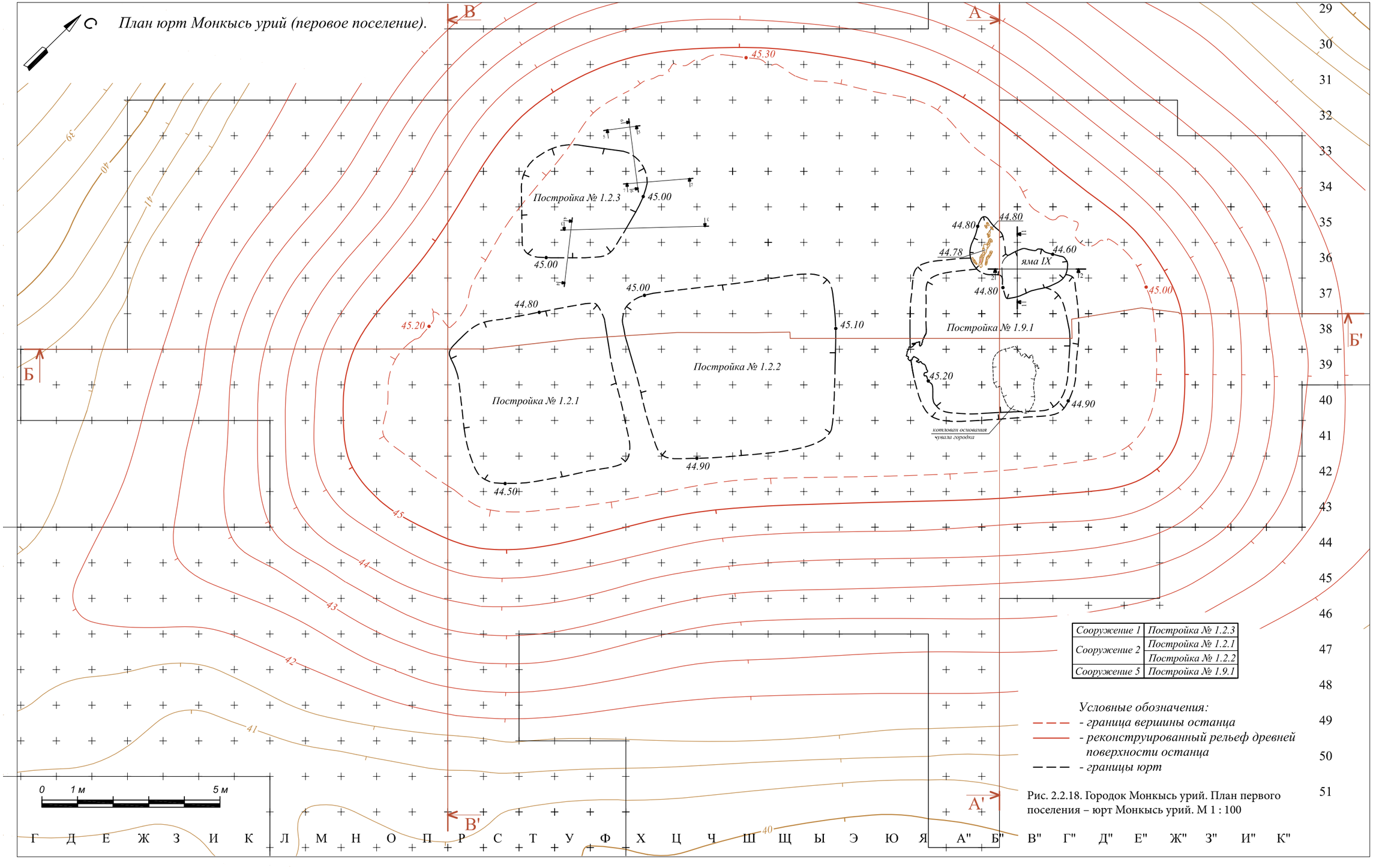
Рис. 2.2.15. Городок Монкысь урий. Верхняя площадка оборонительно-жилого комплекса после расчистки. Центральный участок. Вид с юга

Рис. 2.2.16. Городок Монкысь урий. Верхняя площадка оборонительно-жилого комплекса после расчистки. Центральный участок. Фото. Вид с юго-востока

Рис. 2.2.17. Городок Монкысь урий. Верхняя площадка оборонительно-жилого комплекса после расчистки. Центральный участок. Фото. Вид с севера

Сооружение 1	*Постройка № 1.2.3*
Сооружение 2	*Постройка № 1.2.1*
	Постройка № 1.2.2
Сооружение 5	*Постройка № 1.9.1*

Условные обозначения:

- *граница вершины останца*
- *реконструированный рельеф древней поверхности останца*
- *границы юрт*

Рис. 2.2.18. Городок Монкысь урий. План первого поселения – юрт Монкысь урий. М 1 : 100

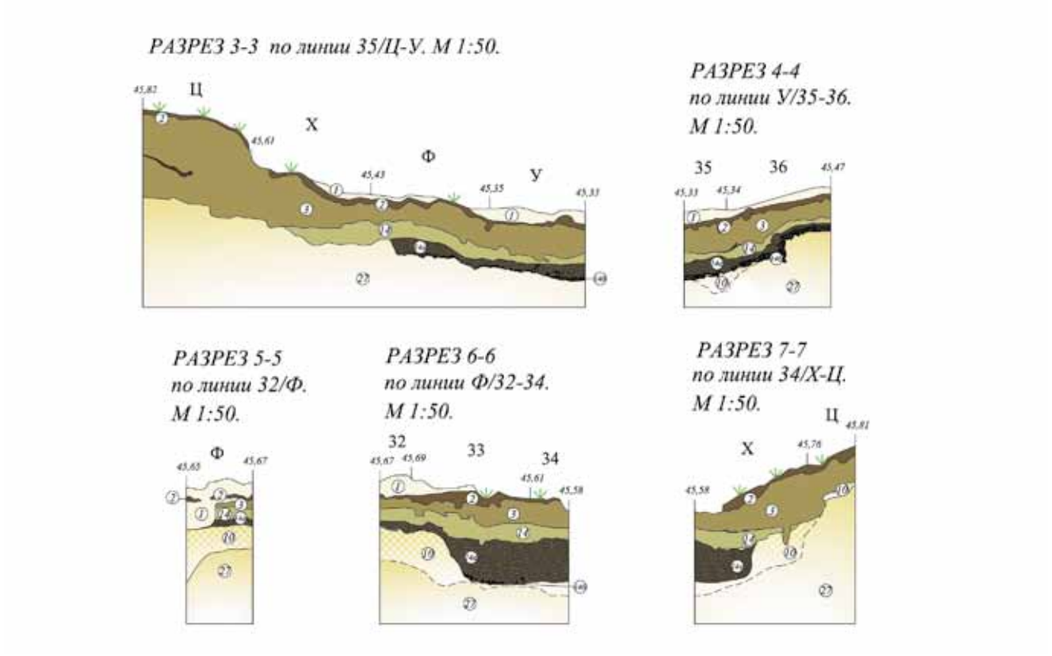

Рис. 2.2.19. Городок Монкысь урий. Стратиграфические разрезы постройки № 1.2.3. Чертежи. М 1 : 50

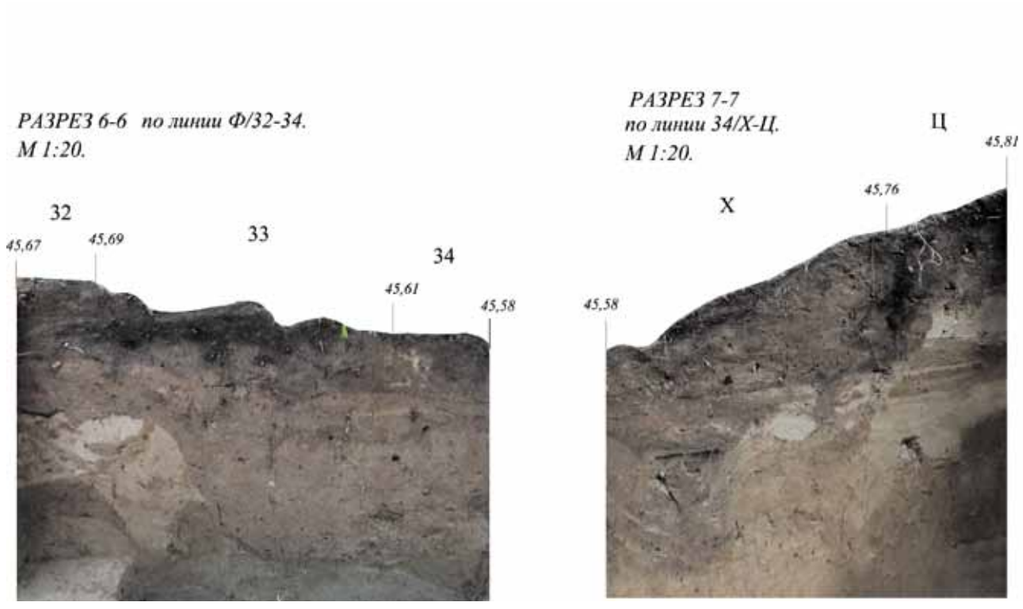

Рис. 2.2.20. Городок Монкысь урий. Стратиграфические разрезы постройки № 1.2.3. Фото. М 1 : 20

Рис. 2.2.21. Городок Монкысь урий. Стратиграфический разрез 3–3 постройки № 1.2.3 по линии 35/Ц–У. Фото. Вид с северо-запада

Рис. 2.2.22. Городок Монкысь урий. Стратиграфический разрез 4–4 постройки № 1.2.3 по линии У/35–36. Фото. Вид с юго-запада

Рис. 2.2.23. Городок Монкысь урий. Стратиграфический разрез 5–5 постройки № 1.2.3 по линии 32/Ф. Фото. Вид с юго-востока

Рис. 2.2.24. Городок Монкысь урий. Яма IX. План северо-восточной части (участок Б”–Г”/36–37, уровень 44,80 м). Фото. Вид с юго-запада

Рис. 2.2.25. Городок Монкысь урий. Яма IX. Стратиграфический разрез 1–1 по линии В”/37–36. Фото. Вид с северо-востока

Рис. 2.2.26. Городок Монкысь урий. Яма IX. План северо-восточной части ямы (участок Б”–Г”/36–37, уровень 44,70 м). Фото. Вид с юго-запада

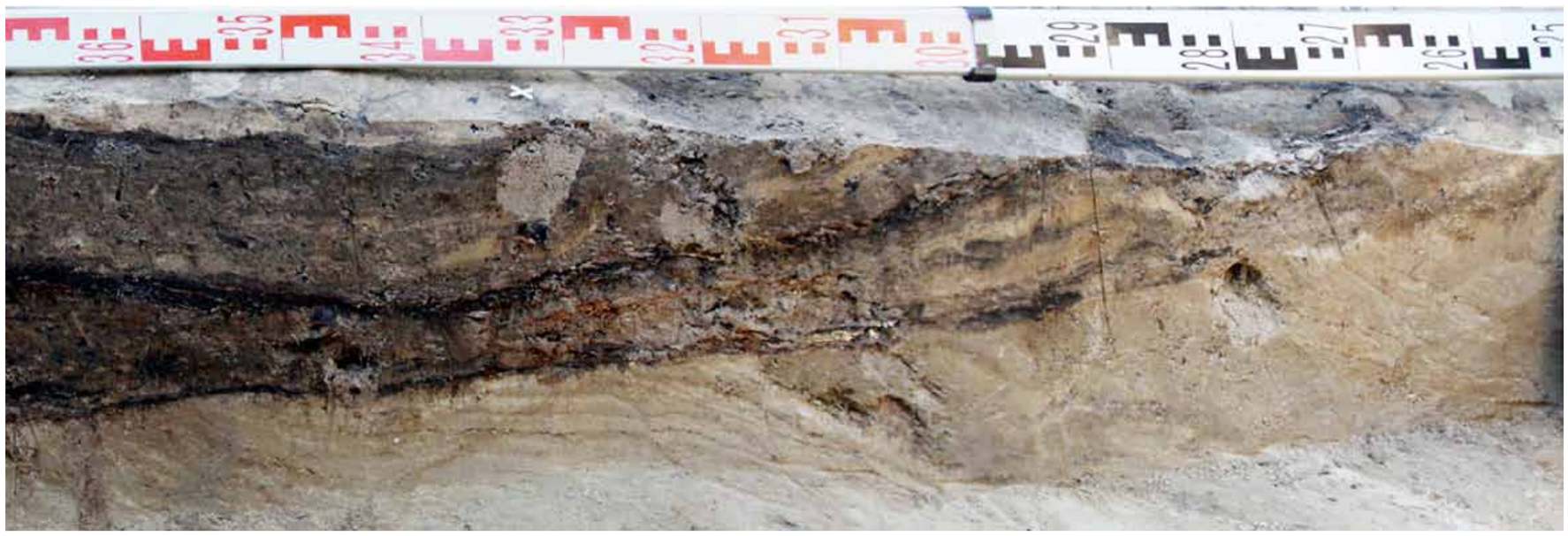
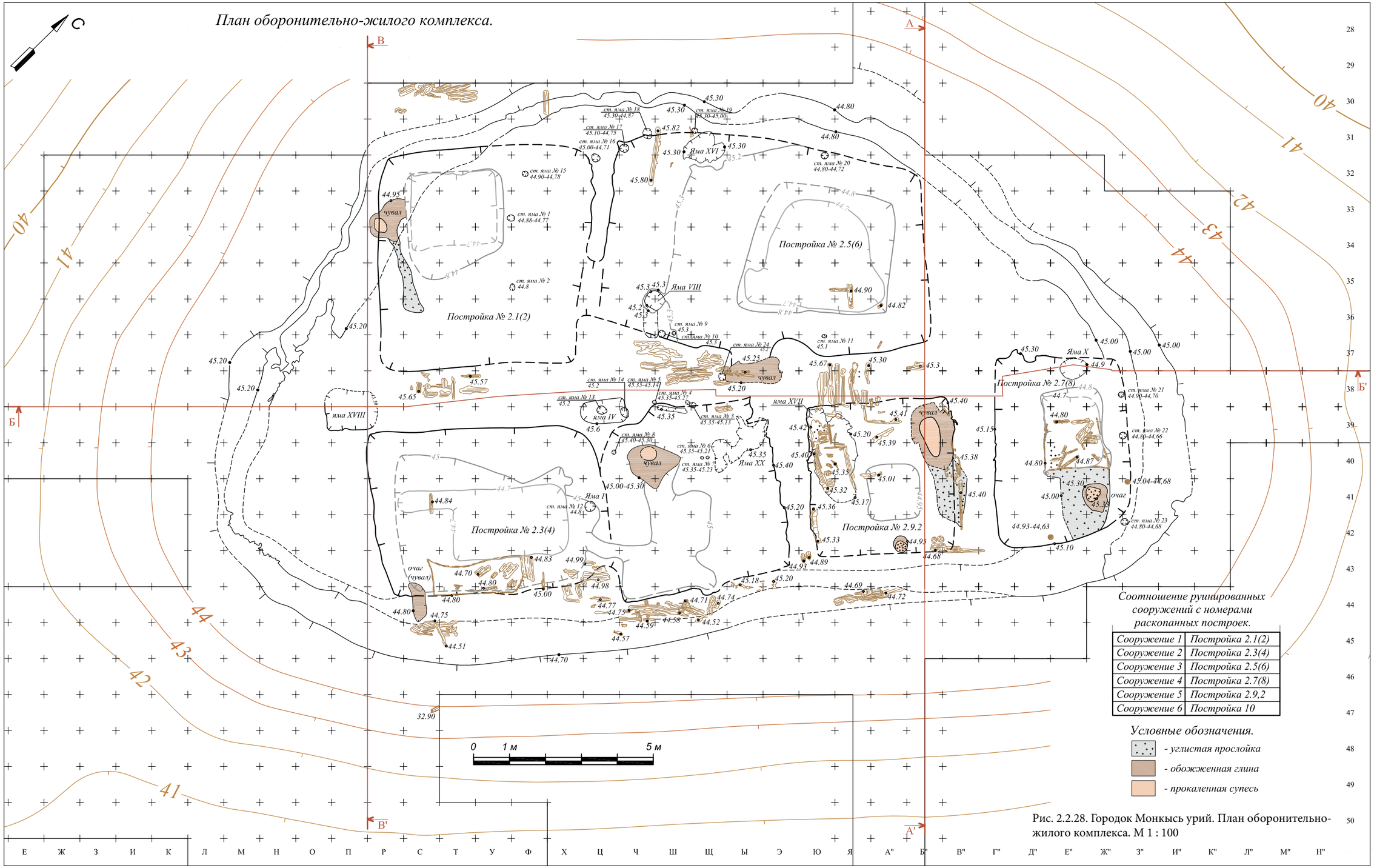

Рис. 2.2.27. Городок Монкысь урий. Яма IX. Стратиграфический разрез 2–2 по линии 36/В”–Г”. Фото. Вид с юго-востока

Соотношение руинированных сооружений с номерами раскопанных построек.

Сооружение 1	*Постройка 2.1(2)*
Сооружение 2	*Постройка 2.3(4)*
Сооружение 3	*Постройка 2.5(6)*
Сооружение 4	*Постройка 2.7(8)*
Сооружение 5	*Постройка 2.9,2*
Сооружение 6	*Постройка 10*

Условные обозначения.

- *углистая прослойка*
- *обожженная глина*
- *прокаленная супесь*

Рис. 2.2.28. Городок Монкысь урий. План оборонительно-жилого комплекса. М 1 : 100

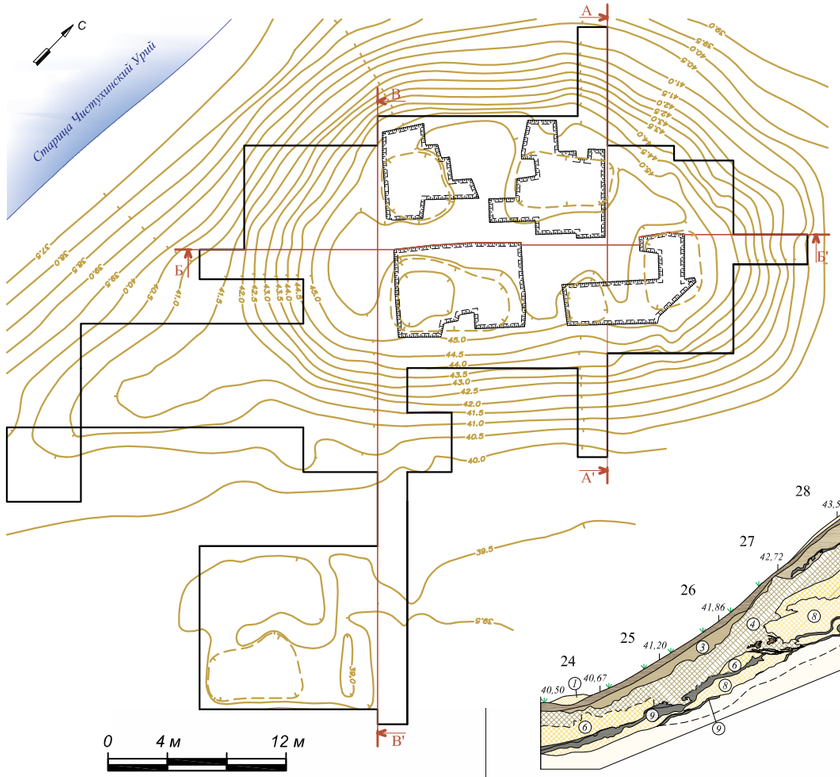
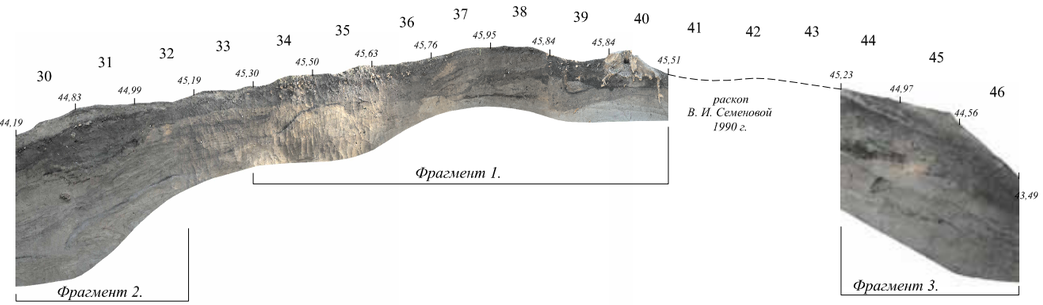
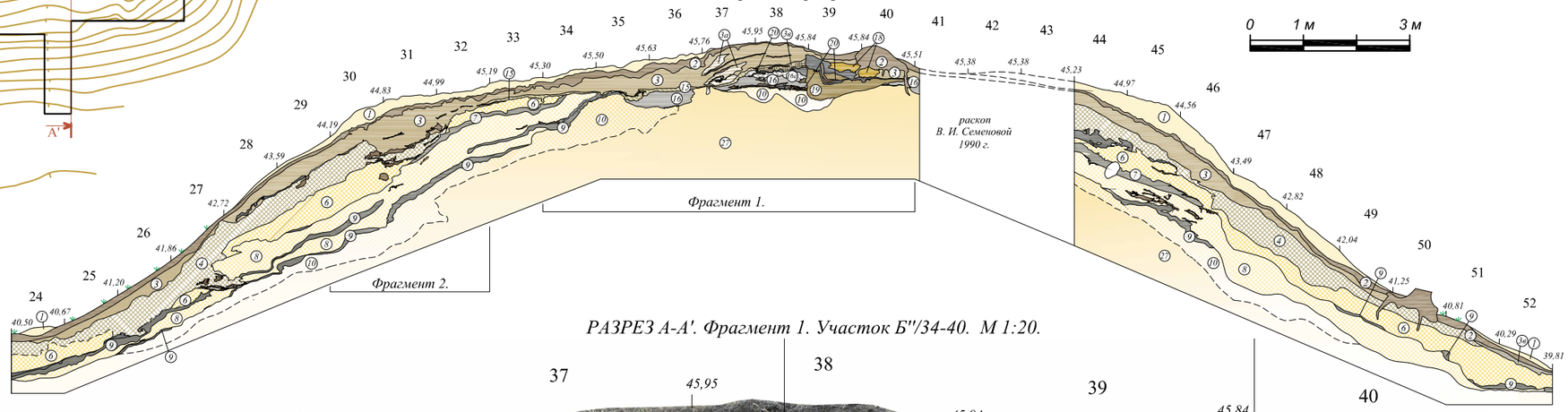

Рис. 2.2.29. Городок Монкысь урий. Схема генеральных разрезов на топографическом плане памятника. М 1 : 400

РАЗРЕЗ А-А'. Основной поперечный разрез по линии Б"/30-46. Фото. М 1:100.

РАЗРЕЗ А-А'. Основной поперечный разрез по линии Б"/24-52. М 1:100.

РАЗРЕЗ А-А'. Фрагмент 1. Участок Б"/34-40. М 1:20.

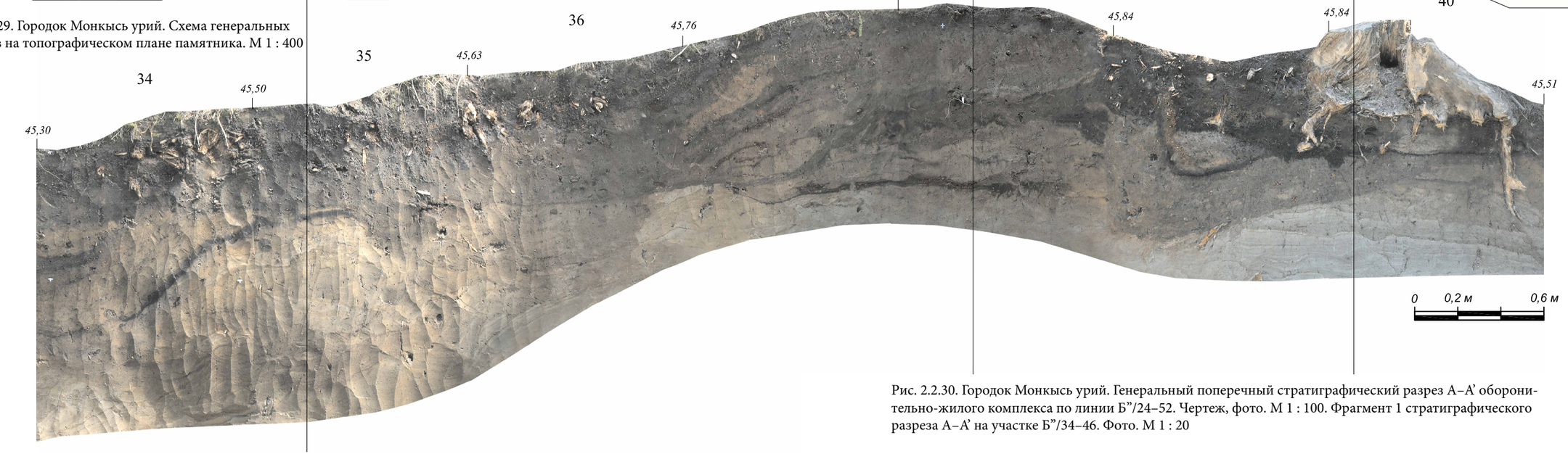
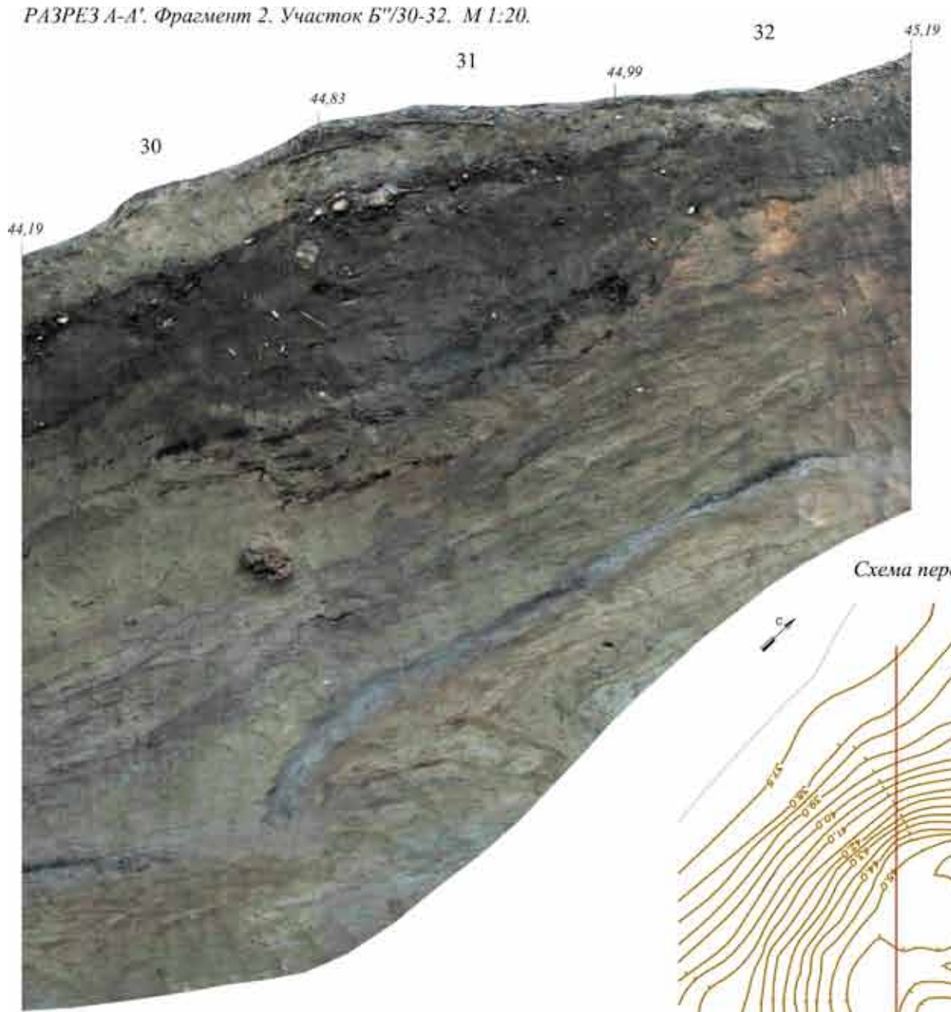
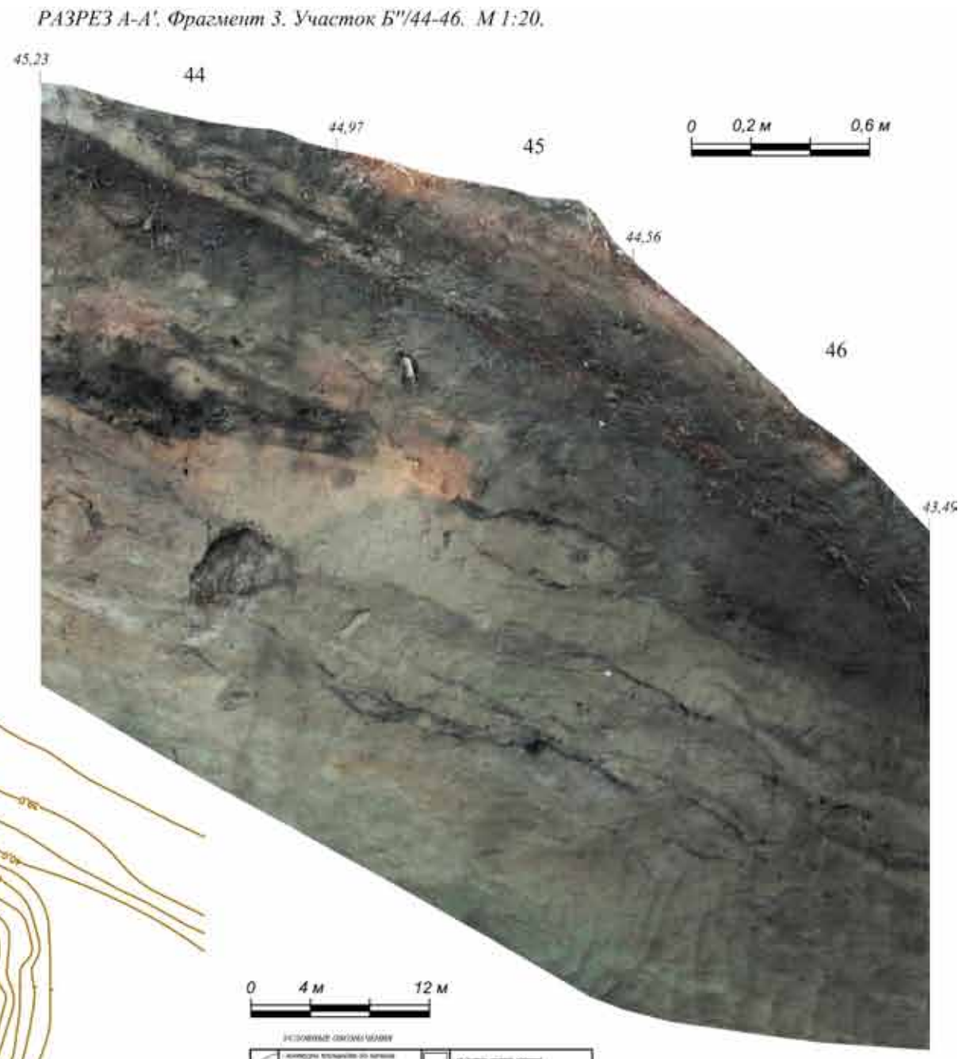

Рис. 2.2.30. Городок Монкысь урий. Генеральный поперечный стратиграфический разрез А–А' оборонительно-жилого комплекса по линии Б"/24–52. Чертеж, фото. М 1 : 100. Фрагмент 1 стратиграфического разреза А–А' на участке Б"/34–46. Фото. М 1 : 20

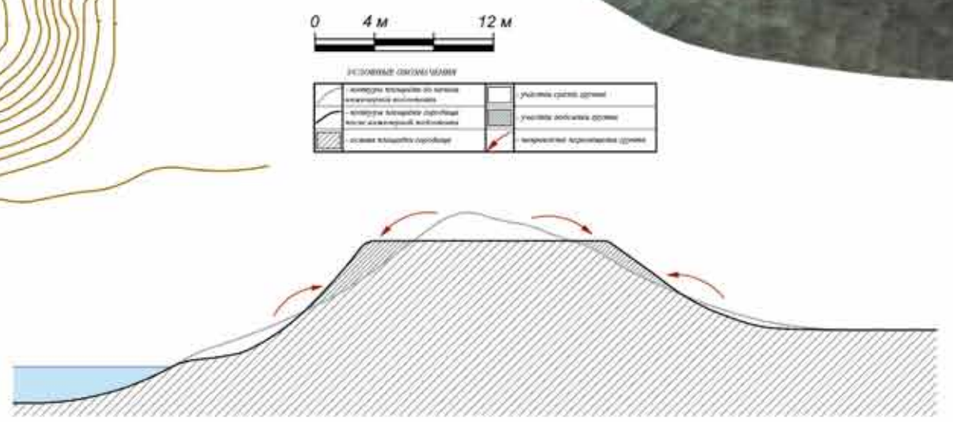
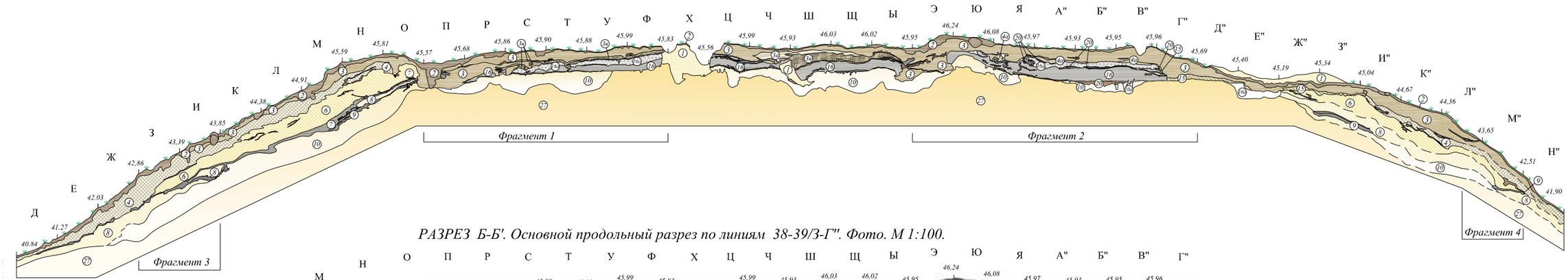

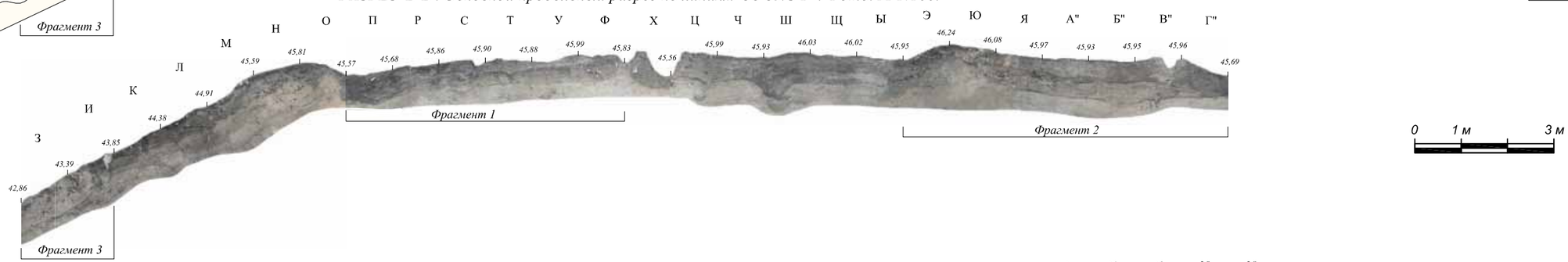
Рис. 2.2.31. Городок Монкысь урий. Генеральные стратиграфические разрезы. Фрагмент 2 стратиграфического разреза А–А' на участке Б"/30–32. Фрагмент 3 стратиграфического разреза А–А' на участке Б"/44–46. Слоистая структура отсыпки фундамента оборонительно-жилого комплекса. Фото. М 1 : 20

Рис. 2.2.32. Городок Монкысь урий. Схема перемещения грунта при подготовке строительной площадки для сооружения оборонительно-жилого комплекса. Топографический план памятника и разрез холма. М 1 : 400

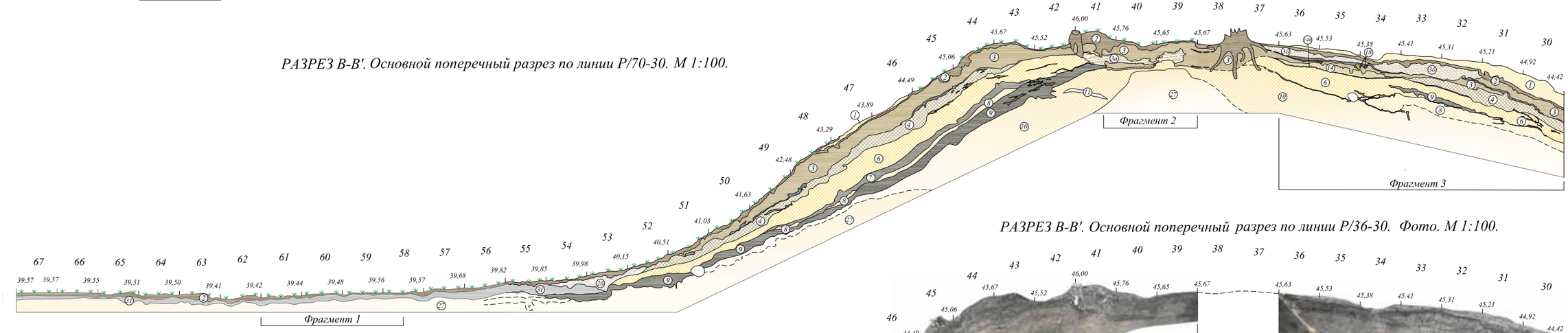
РАЗРЕЗ Б-Б'. Основной продольный разрез по линии 38-39/Д-Н". М 1:100.

РАЗРЕЗ Б-Б'. Основной продольный разрез по линиям 38-39/З-Г". Фото. М 1:100.

РАЗРЕЗ В-В'. Основной поперечный разрез по линии Р/70-30. М 1:100.

РАЗРЕЗ В-В'. Основной поперечный разрез по линии Р/36-30. Фото. М 1:100.

Рис. 2.2.33. Городок Монкысь урий. Генеральные стратиграфические разрезы оборонительно-жилого комплекса. Продольный стратиграфический разрез Б–Б' по линии 38–39/Д–Н". Поперечный стратиграфический разрез В–В' по линии Р/70–30. Чертежи, фото. М 1 : 100

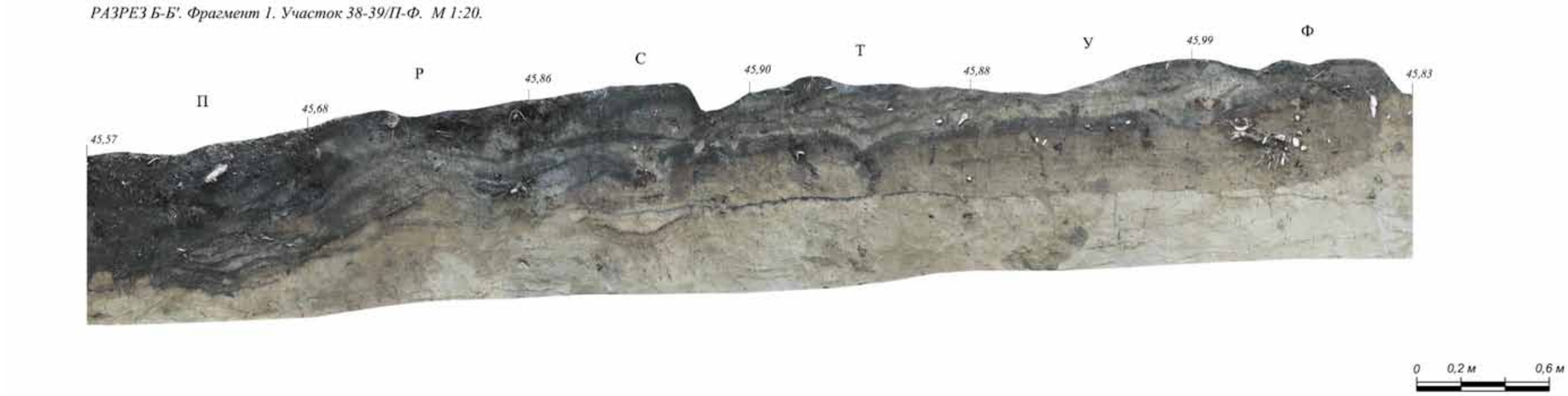

Рис. 2.2.34. Городок Монкысь урий. Генеральные стратиграфические разрезы. Фрагмент 1 стратиграфического разреза Б–Б', постройка № 1.2.1. Фрагмент 2 стратиграфического разреза Б–Б', постройка № 1.9.1. Фото. М 1 : 20

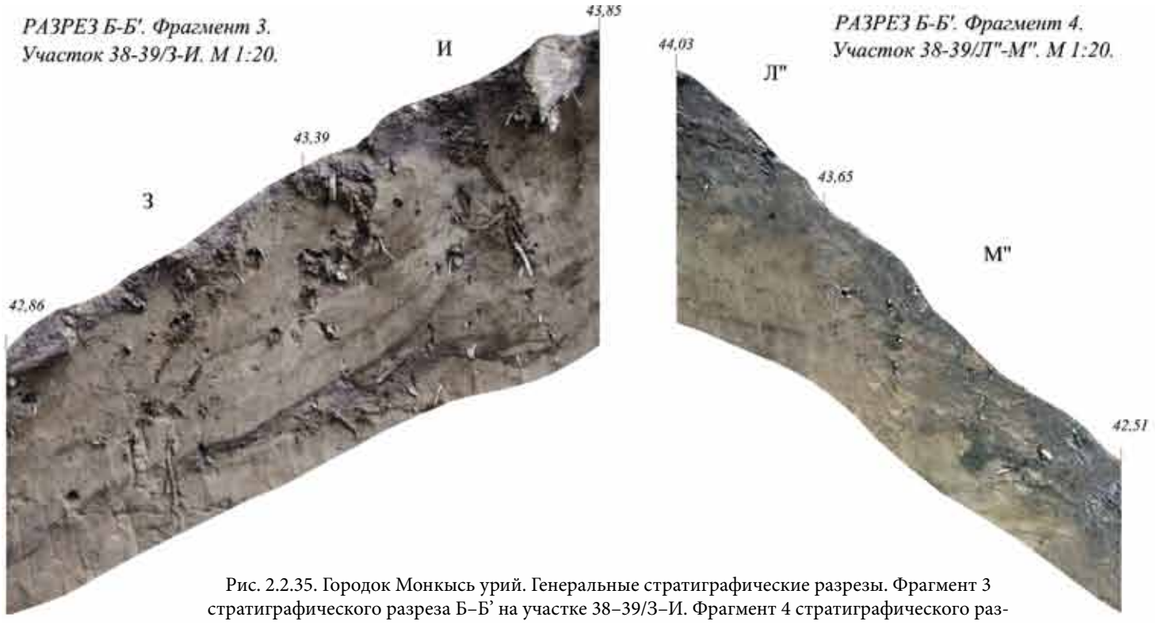

Рис. 2.2.35. Городок Монкысь урий. Генеральные стратиграфические разрезы. Фрагмент 3 стратиграфического разреза Б–Б' на участке 38–39/З–И. Фрагмент 4 стратиграфического разреза Б–Б' на участке 38–39/Л"–М". Слоистая структура отсыпки фундамента оборонительно-жилого комплекса. Фото. М 1 : 20

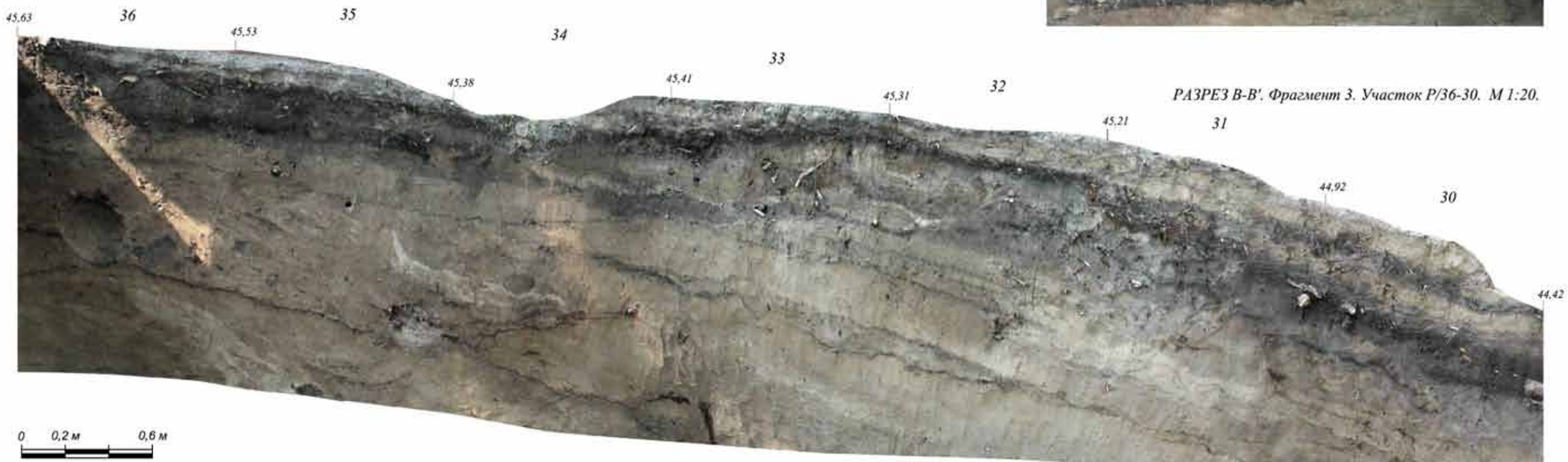

Рис. 2.2.36. Городок Монкысь урий. Генеральные стратиграфические разрезы. Фрагмент 1 стратиграфического разреза В–В' на участке Р/61–58, культурный слой у подножия останца. Фрагмент 2 стратиграфического разреза В–В' на участке Р/41–39, западный угол постройки № 2.3 (4). Фрагмент 3 стратиграфического разреза В–В' на участке Р/36–30, слоистая структура отсыпки фундамента оборонительно-жилого комплекса. Фото. М 1 : 20

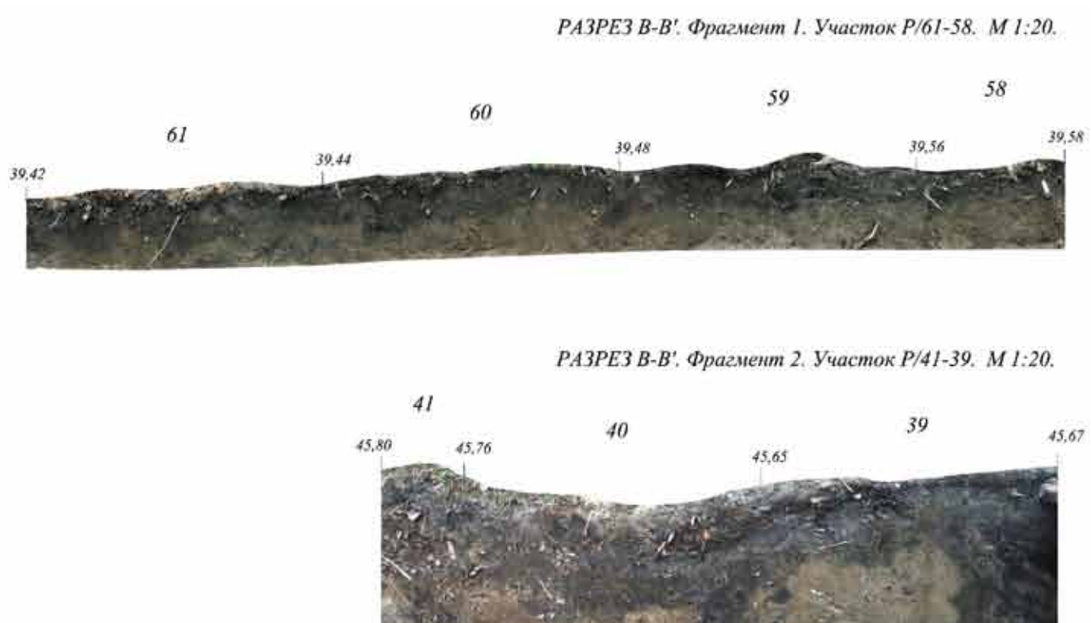

Рис. 2.2.37. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Остатки деревянных горизонтальных элементов основания наружных оборонительных сооружений (участок Ц–Щ/43–45, уровень 44,70 м). Фото. Вид с северо-запада

Рис. 2.2.38. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Остатки деревянных элементов основания наружных оборонительных сооружений: сопряжение вертикальных и горизонтальных конструкций (участок Ц–Щ/43–45, уровень 44,60 м). Фото. Вид с северо-запада

Рис. 2.2.39. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Остатки деревянных элементов основания наружных оборонительных сооружений (участок Ц–Щ/43–45, уровень 44,50 м). Фото. Вид с северо-запада

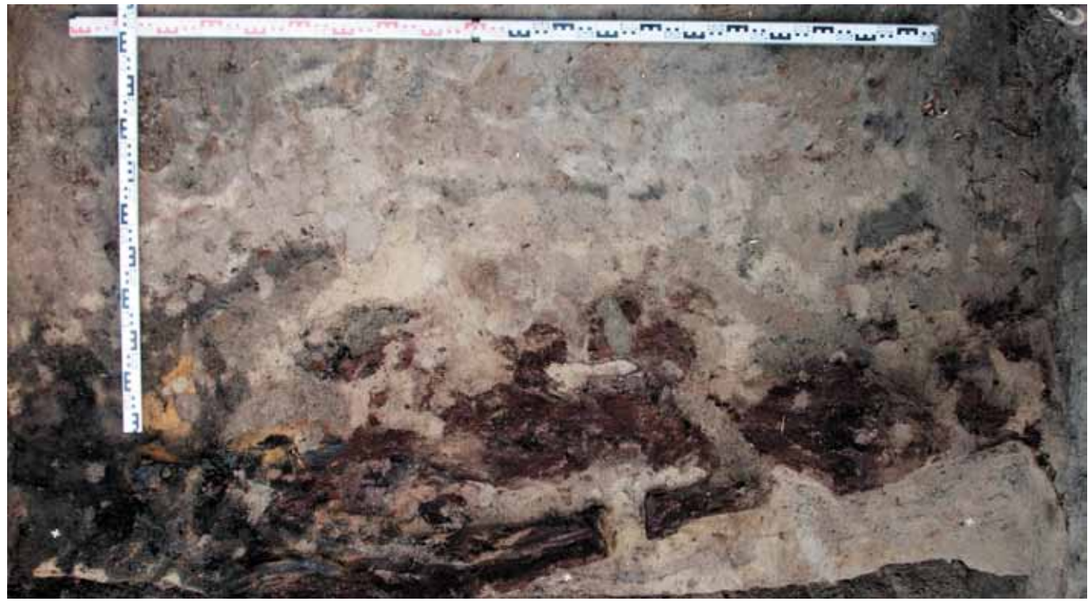

Рис. 2.2.40. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Остатки деревянных горизонтальных элементов основания наружных фортификационных сооружений со следами пожара (участок Я–А”/44, уровень 44,70 м). Фото. Вид с северо-запада

Рис. 2.2.41. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Остатки сгоревших деревянных элементов основания наружных фортификационных сооружений: сопряжение горизонтальных и вертикальных конструкций (участок С–У/45–46, уровень 44,70 м). Фото. Вид с северо-запада

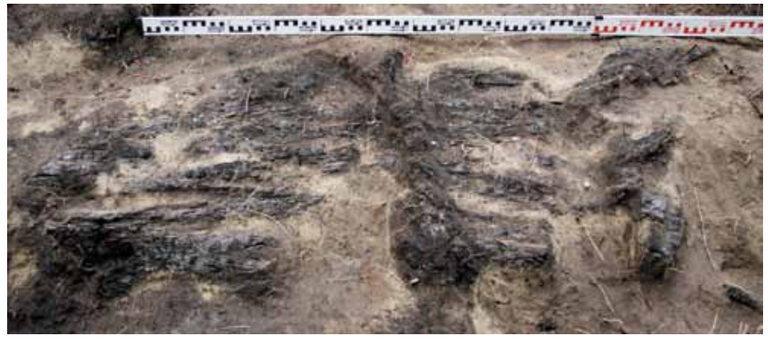

Рис. 2.2.42. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Сгоревшие конструкции основания фортификационных сооружений: сопряжение горизонтальных и вертикальных конструкций (участок С–Т/45, уровень 44,70 м). Фото. Вид с северо-запада

Рис. 2.2.43. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Результат инженерной подготовки площадки строительства городка: слоистая структура отсыпки склона в стратиграфическом разрезе по линии 46/Ы–Б”. Фото. Вид с северо-запада

Рис. 2.2.44. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Результат инженерной подготовки площадки строительства городка: слоистая структура отсыпки склона в стратиграфическом разрезе по линии 44/С–У. Фото. Вид с северо-запада

Рис. 2.2.45. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Результат инженерной подготовки площадки строительства городка: слоистая структура отсыпки склона в стратиграфическом разрезе по линии Б”/30–31. Фото. Вид с юго-запада

Рис. 2.2.46. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Результат инженерной подготовки площадки строительства городка. Слои отсыпки склона в стратиграфическом разрезе по линии 38/Л”–П”. Фото. Вид с юга

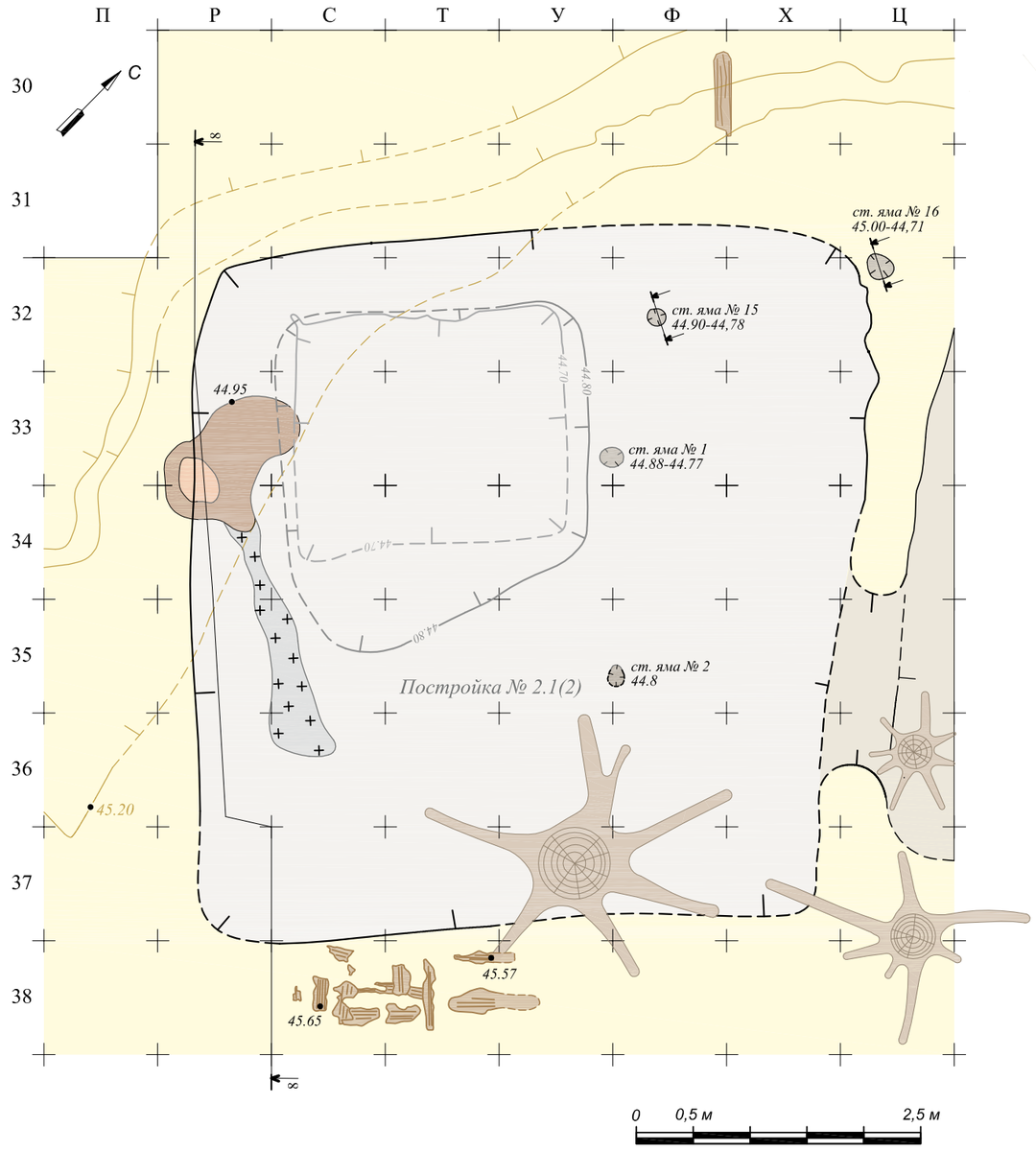

Рис. 2.2.47. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.1(2). План. М 1 : 50

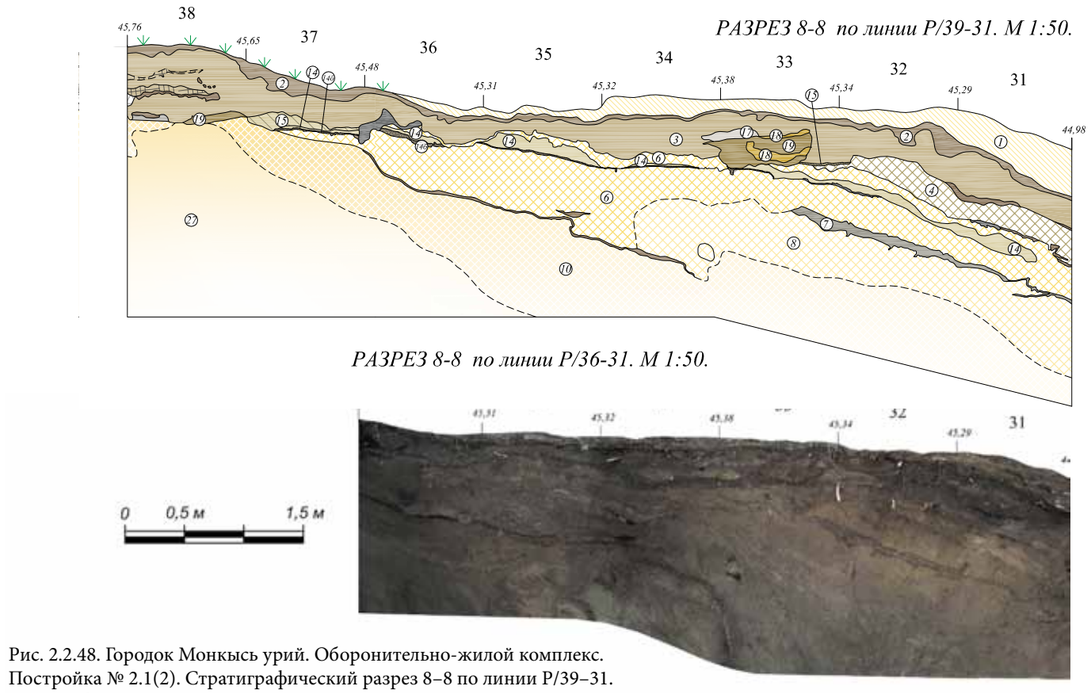

Рис. 2.2.48. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.1(2). Стратиграфический разрез 8–8 по линии Р/39–31. Чертеж, фото. М 1 : 50

Рис. 2.2.49. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Забутованная перегородка между постройками № 2.1(2) и № 2.5(6). Сверху – фрагмент северо-восточной стены постройки № 2.1(2), снизу – фрагмент юго-западной стены постройки № 2.5(6) (участок Х–Ц/33–34, уровень 45,00 м). Фото. Вид с северо-востока.

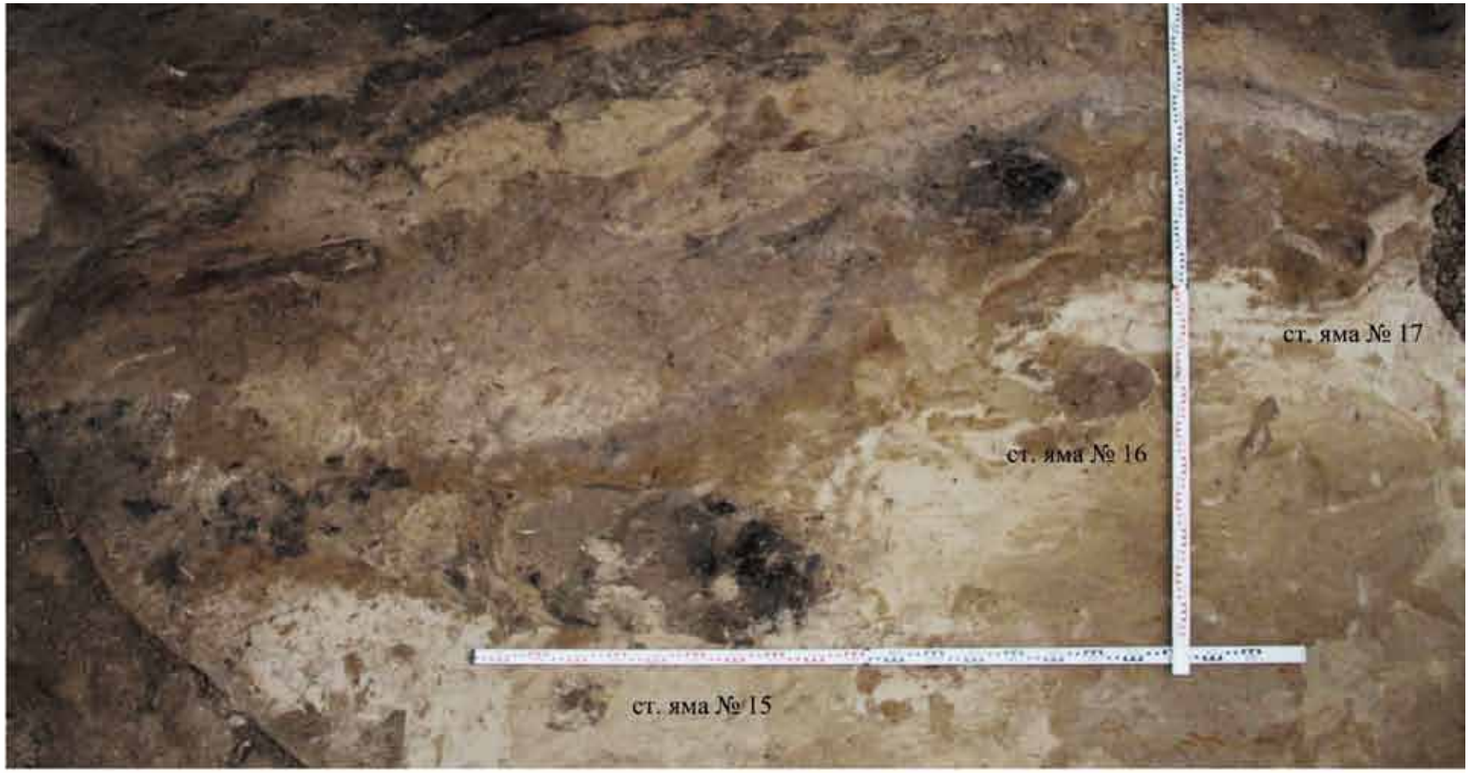

Рис. 2.2.52. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.1(2). Столбовые ямы №№ 15–17 (участок Ф–Ч/30–32, уровень 44,90 м). Фото. Вид с юго-востока

Рис. 2.2.50. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.1(2). Фрагмент юго-восточной стены (участок С–Т/37–38, уровень 45,30 м). Фото. Вид с юго-запада

Рис. 2.2.51. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.1(2). Очаг. А – план очага (участок Р/33–34, уровень 44,90 м). Фото. Вид с юго-запада. Б – стратиграфический разрез очага по линии Р/33–34. Фото. Вид с северо-востока

Рис. 2.2.53. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.1(2). Стратиграфические разрезы столбовых ям. А – столбовая яма № 15. Фото. Вид с северо-востока. Б – столбовая яма № 16. Фото. Вид с северо-северо-востока

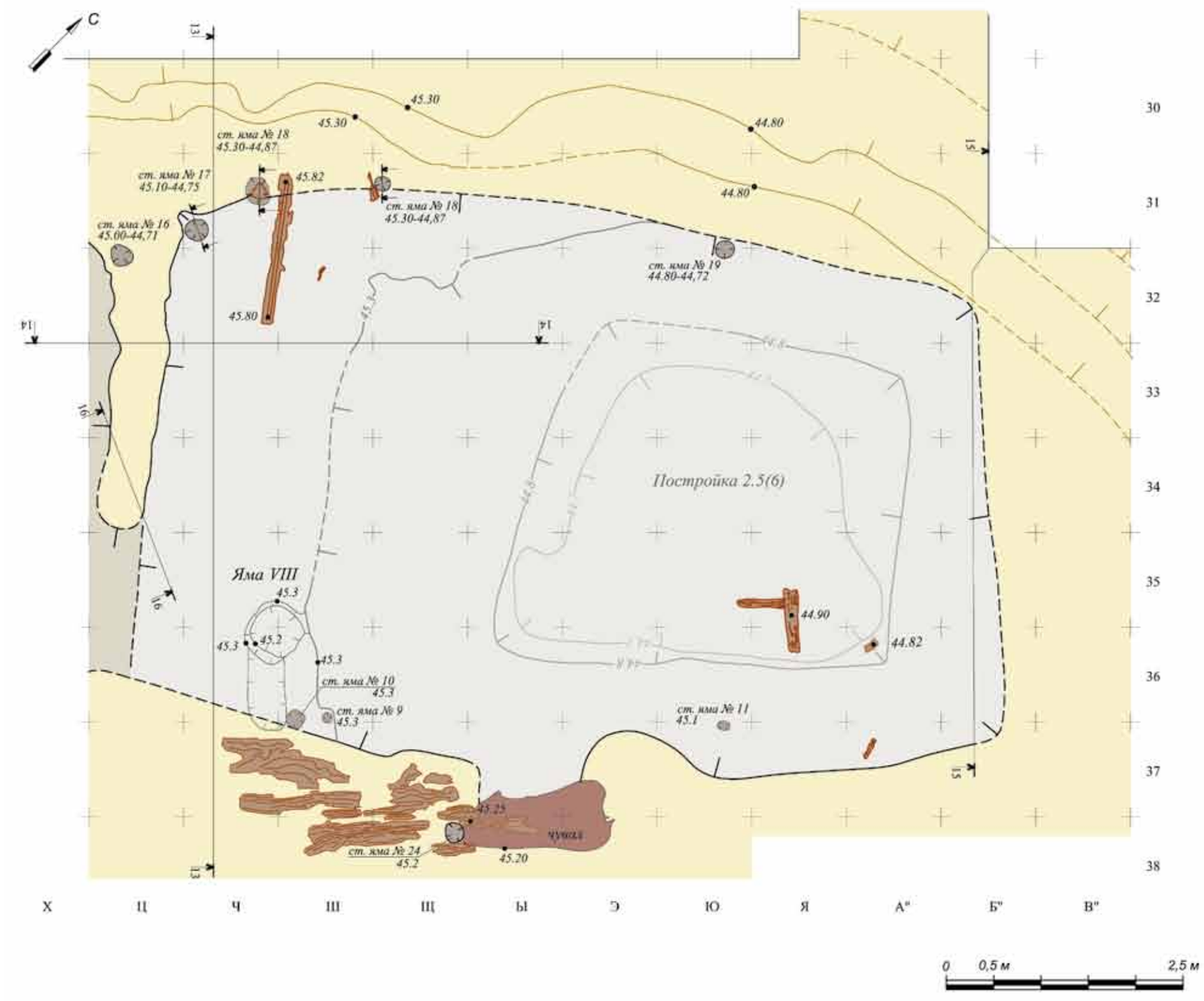

Рис. 2.2.54. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.5(6). План. М 1 : 50

Рис. 2.2.55. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.5(6). Фрагмент северо-западной стены с остатками элемента деревянной конструкции (участок Ч–Щ/30–32, уровень 45,70 м). Фото. Вид с юго-запада

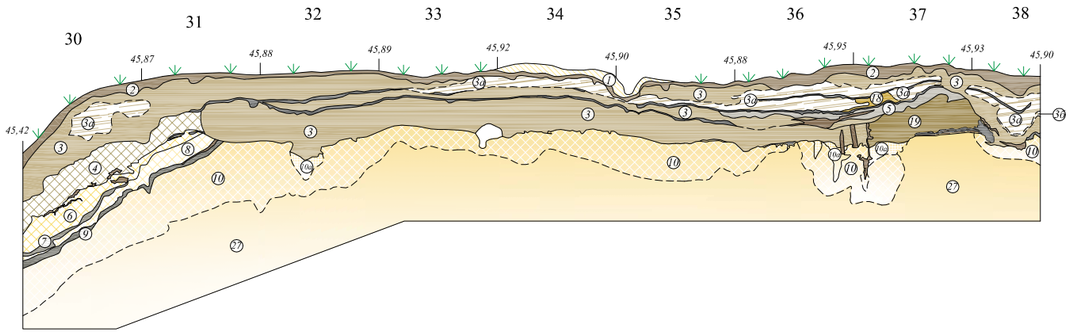

Рис. 2.2.56. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.5(6). Стратиграфический разрез 16–16 по линии Ц/34–35. Фото. Вид с юга

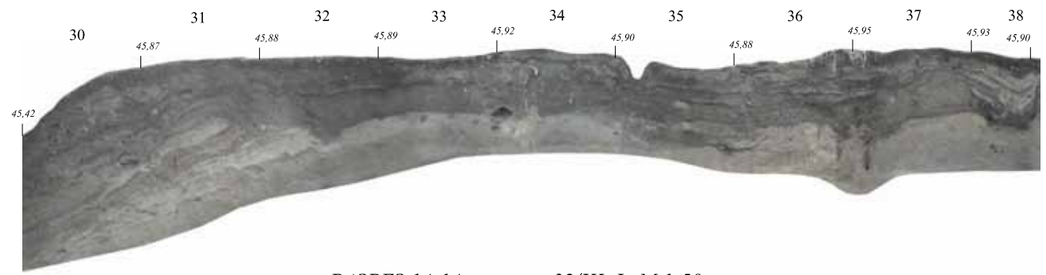

Рис. 2.2.57. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.5(6). Стратиграфический разрез по линии Ч/32–30. Основание постройки. Фото. Вид с северо-востока

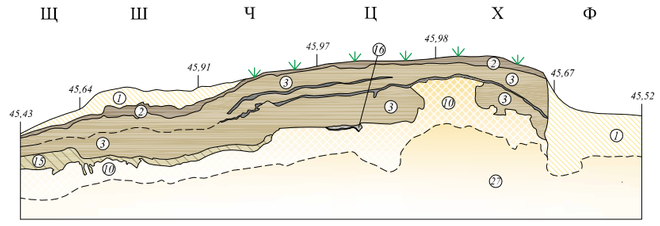
РАЗРЕЗ 13-13 по линии Ч/30-38. М 1:50.

РАЗРЕЗ 13-13 по линии Ч/30-38. М 1:50.

РАЗРЕЗ 14-14 по линии 32/Щ-Ф. М 1:50.

РАЗРЕЗ 14-14 по линии 32/Щ-Ф. М 1:50.

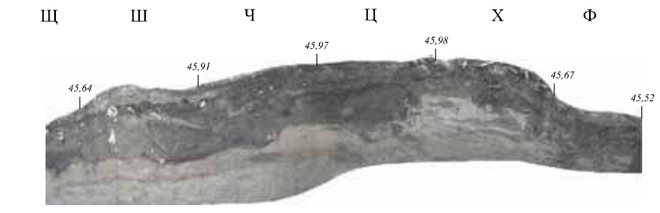
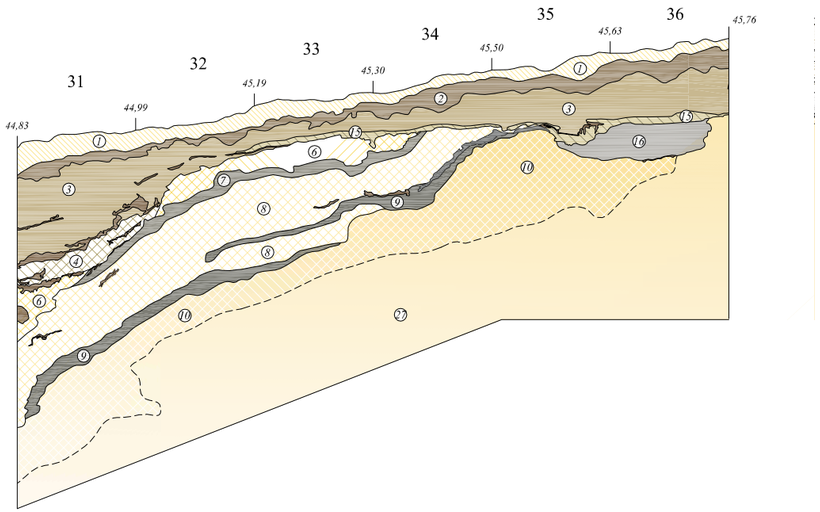

Рис. 2.2.58. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.5(6). Стратиграфические разрезы. Стратиграфический разрез 13–13 по линии Ч/30–38. Чертеж, фото. Стратиграфический разрез 14–14 по линии 32/Щ–Ф. Чертеж, фото. Стратиграфический разрез 15–15 по линии Б”/31–36. Чертеж, фото. М 1 : 50

РАЗРЕЗ 15-15 по линии Б"/31-36. М 1:50.

РАЗРЕЗ 15-15 по линии Б"/31-36. М 1:50.

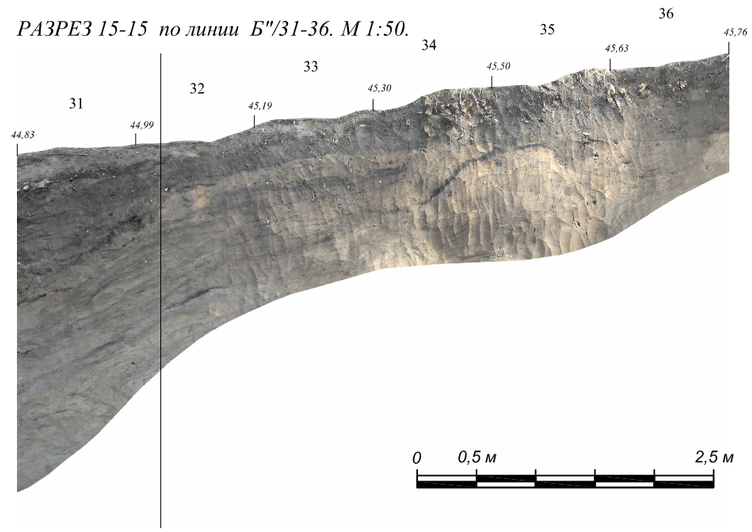

Рис. 2.2.59. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Забутованная перегородка между постройками № 2.3(4) и № 2.5(6). Слева – северо-восточная стена постройки № 2.1(2), справа – юго-западная стена постройки 2.5(6) (участок Х–Ц/33–35, уровень 45,30 м). Фото. Вид с юга

Рис. 2.2.60. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.5(6). Стратиграфический разрез по линии Б”/34–37. Фото. Вид с юго-запада

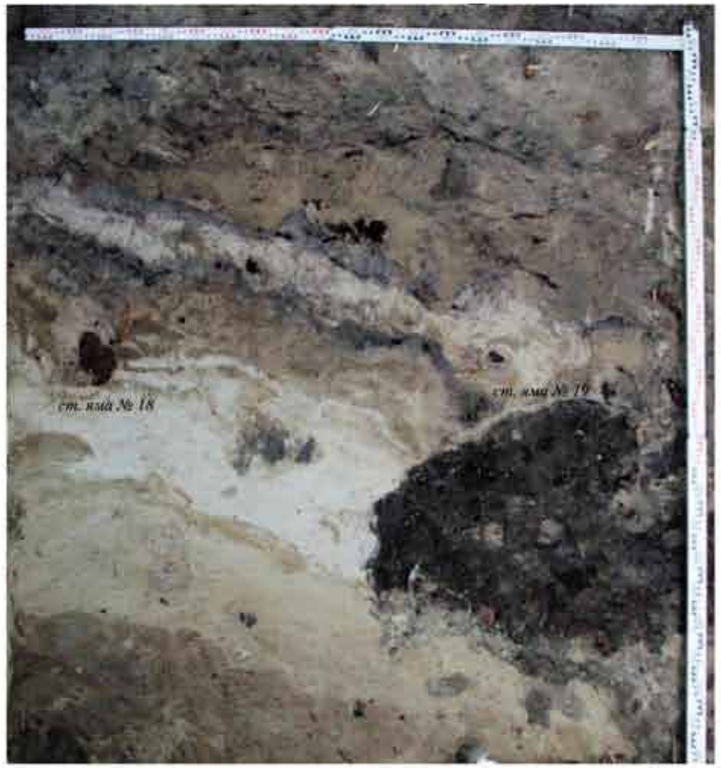

Рис. 2.2.61. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.5(6). Столбовые ямы №№ 18, 19 (участок Ч–Ш/31–32, уровень 45,30 м). Фото. Вид с юго-востока

Рис. 2.2.62. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.5(6). Столбовые ямы. А – стратиграфический разрез столбовой ямы № 18. Фото. Вид с северо-востока. Б – стратиграфический разрез столбовой ямы № 19. Фото. Вид с северо-востока

Рис. 2.2.63. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.5(6). Стратиграфический разрез столбовой ямы № 17. Фото. Вид с северо-востока

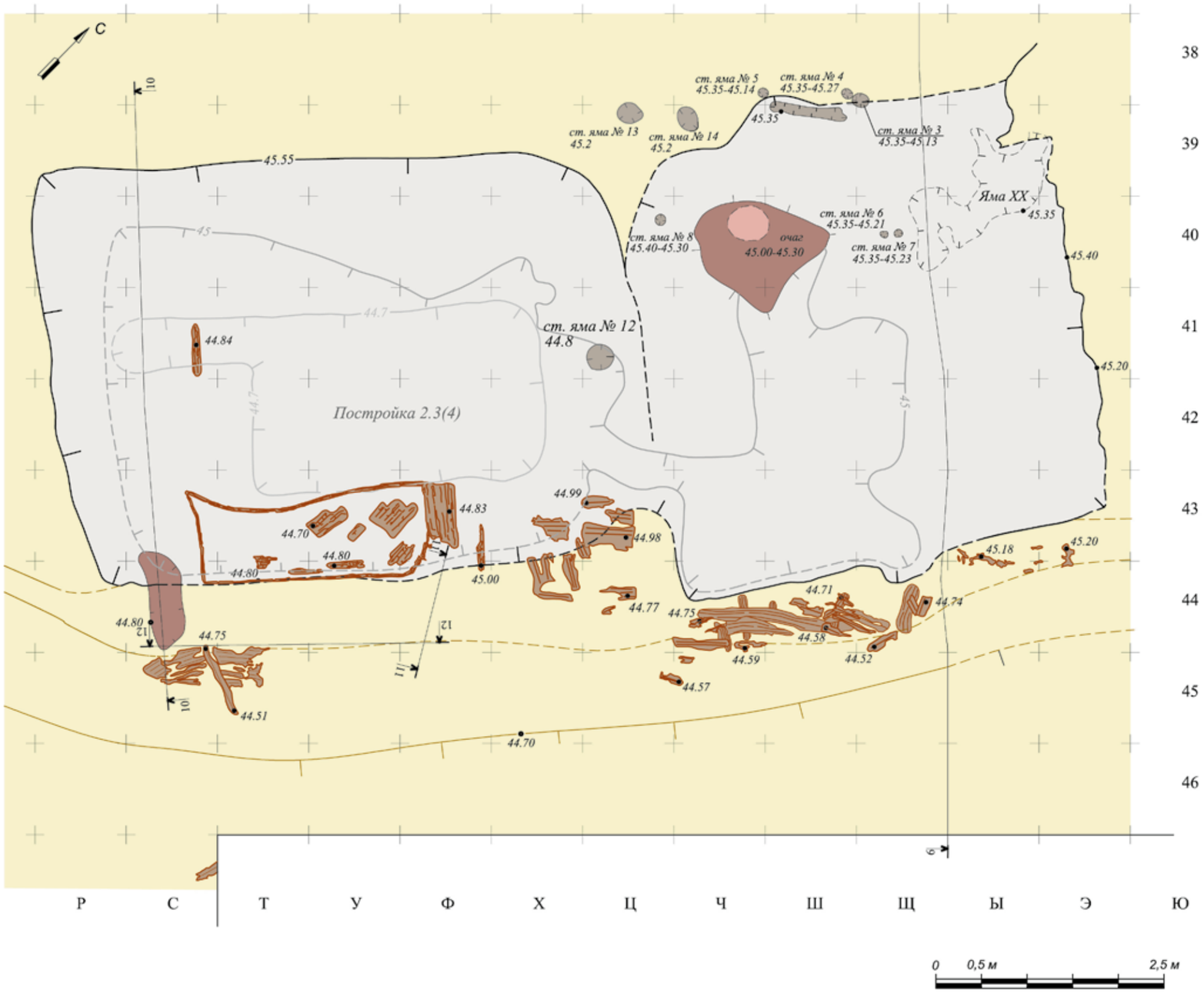

Рис. 2.2.64. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.3(4). План. М 1 : 50

Рис. 2.2.65. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.3(4). Юго-западная стена постройки (участок Р–С/39–44, уровень 45,70–45,50 м). Фото. Вид с северо-востока

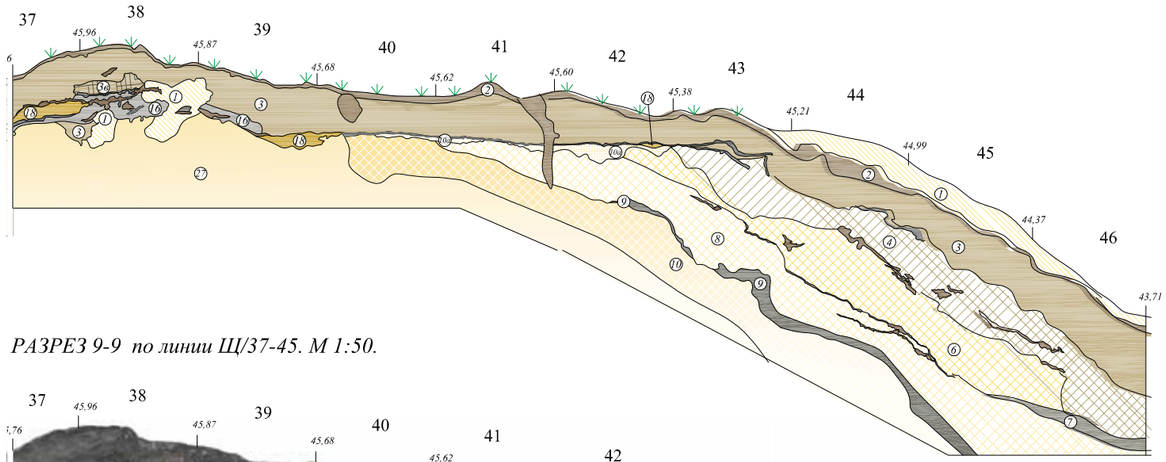

Рис. 2.2.66. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.3(4). Юго-западная стена постройки (участок Р–С/39–44, уровень 45,10 м). Фото. Вид с севера

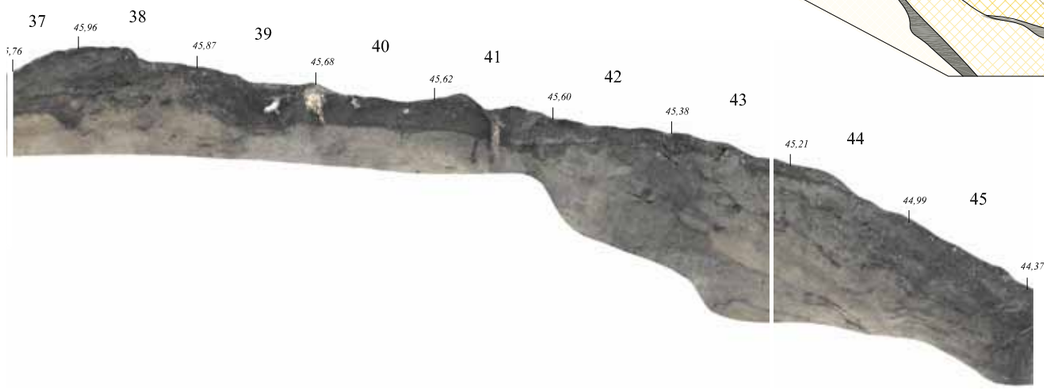

Рис. 2.2.67. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.3(4). Юго-западная стена постройки (участок Р–С/39–44, уровень 45,00 м). Фото. Вид с юго-запада

РАЗРЕЗ 9-9 по линии Щ/37-46. М 1:50.

РАЗРЕЗ 9-9 по линии Щ/37-45. М 1:50.

ЗРЕЗ 10-10 по линии С/44-39. М 1:50.

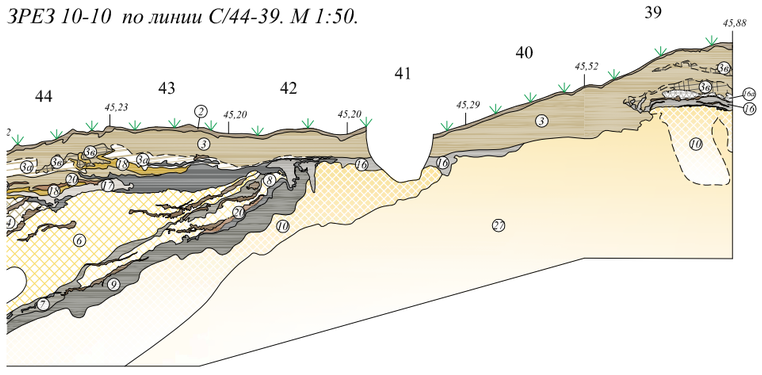
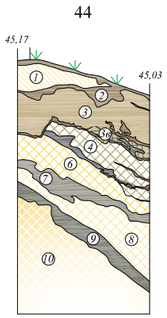
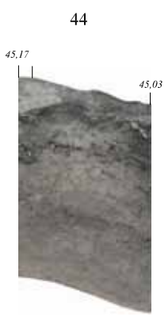

Рис. 2.2.68. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.3(4). Стратиграфические разрезы. Разрез 9–9 по линии Щ/37–46. Разрез 10–10 по линии С/44–39. Разрез 11–11 по линии Ф/44. Разрез 12–12 по линии 44/Ф–С. Чертежи и фото. М 1 : 50

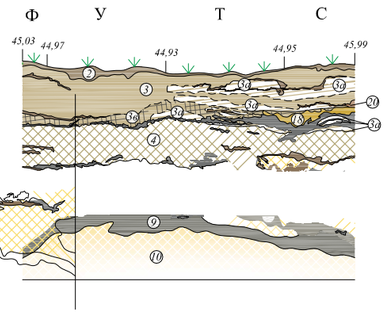
РАЗРЕЗ 11-11
по линии Ф/44. М 1:50.

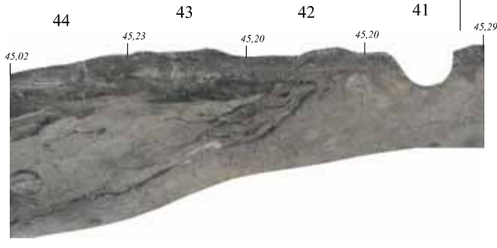
РАЗРЕЗ 11-11
по линии Ф/44. М 1:50.

РАЗРЕЗ 12-12
по линии 44/Ф-С. М 1:50.

РАЗРЕЗ 10-10 по линии С/44-41. М 1:50.

РАЗРЕЗ 12-12
по линии 44/Ф-С. М 1:50.

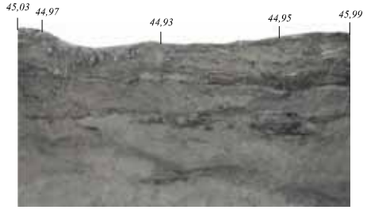

Рис. 2.2.69. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Соотношение построек № 2.3(4) и № 2.5(6). В центре – забутованная перегородка между постройками, сверху – постройка № 2.9.2, снизу – северо-восточная стена постройки № 2.3(4) (участок Ы–Э/38–43, уровень 44,70 м). Фото. Вид с юга

Рис. 2.2.70. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Соотношение построек № 2.3(4) и № 2.5(6). В центре – забутованная перегородка постройки, сверху – юго-западная стена постройки 2.9.2, снизу – северо-восточная стена постройки № 2.3(4) (участок Ы–Э/38–43, уровень 45,50 м). Фото. Вид с юга

Рис. 2.2.71. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.3(4). Слева – забутованная перегородка между постройками № 2.3(4) и № 2.9.2, справа – фрагмент северо-восточной стены постройки № 2.3(4) (участок Ы–Э/41–42, уровень 45,20 м). Фото. Вид с юго-запада

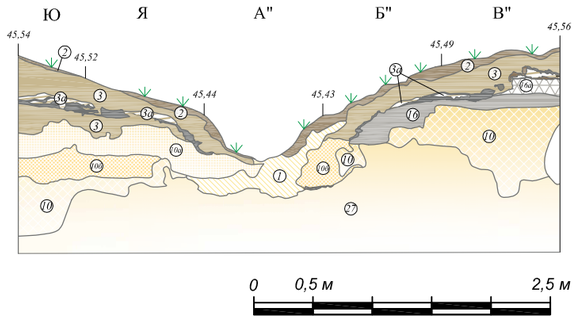

Рис. 2.2.72. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.3(4). Стратиграфические разрезы. А – разрез по линии Х–Ц/43. Фото. Вид с северо-запада. Б – разрез по линии Х/44–43. Фото. Вид с юго-запада

Рис. 2.2.73. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.9.2. План. М 1 : 50

РАЗРЕЗ 22-22 по линии 41/Ю-В". М 1:50.

РАЗРЕЗ 23-23 по линии Ю/44-41". М 1:50.

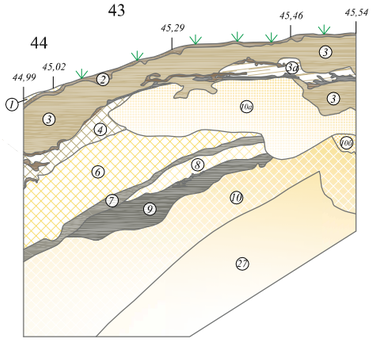
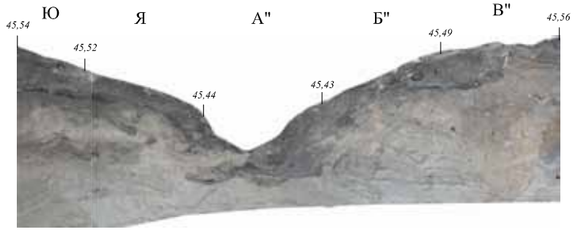

Рис. 2.2.74. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.9.2. Северо-западная часть (участок Ю–В"/38–42, уровень 45,70 м). Фото. Вид с юга

РАЗРЕЗ 22-22 по линии 41/Ю-В". М 1:50.

РАЗРЕЗ 23-23 по линии Ю/44-41". М 1:50.

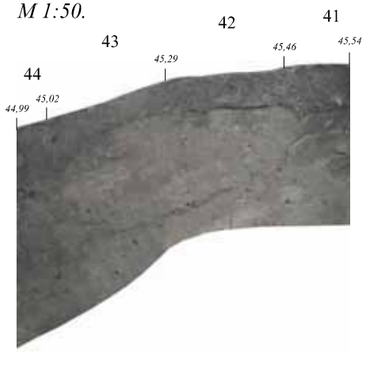

Рис. 2.2.75. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.9.2. Стратиграфические разрезы. Разрез 22–22 по линии 41/Ю–В". Разрез 23–23 по линии Ю/44–41. Фото. М 1 : 50

Рис. 2.3.76. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Соотношение построек № 2.3(4) и № 2.9.2. В центре – забутованная перегородка между постройками, снизу – фрагменты стены постройки 2.3(4), сверху – фрагмент западной части постройки 2.9.2 (участок Ы–Б”/39–41, уровень 45,50 м). Фото. Вид с юга

Рис. 2.2.77. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.9.2. Уровень «чистого пола» и берестяное покрытие пола возле чувала (участок Ю–Б”/39–40, уровень 45,20 м). Фото. Вид с северо-запада

Рис. 2.2.78. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.9.2. Опорные столбы каркаса у южного угла постройки (участок Ю/43, уровень 44,85 м). Фото. Вид с юго-запада

Рис. 2.2.79. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.9.2. Фрагмент юго-западной части (участок Ю–Б”/38–40, уровень 45,40 м). Фото. Вид с севера

Рис. 2.2.80. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.9.2. Стратиграфический разрез 26–26 по линии 39/Я–Б”, стратиграфический разрез 25–25 по линии Б”/39–40. Фото. Общий вид с юга

Рис. 2.2.81. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.9.2. Чувал. Фото. Общий вид с юга

Рис. 2.2.82. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.9.2. Чувал. Фото. Общий вид с юго-востока

Рис. 2.2.83. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.9.2. Чувал. Стратиграфический разрез 24–24 по линии 39/Б". Фото. Вид с юго-востока

Рис. 2.2.84. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.9.2. Чувал. Стратиграфический разрез 25–25 по линии Б"/39–40. Фото. Вид с юго-запада

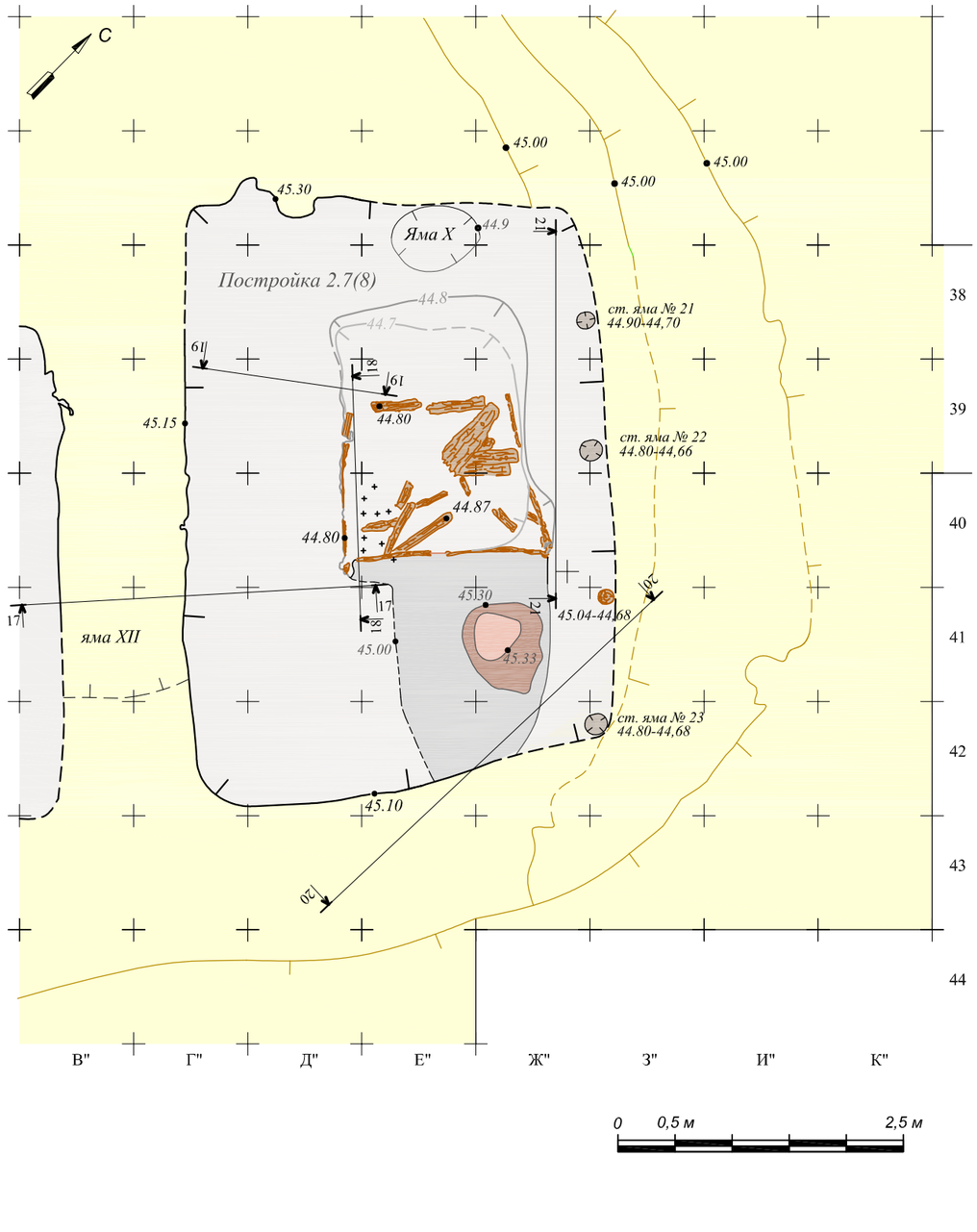
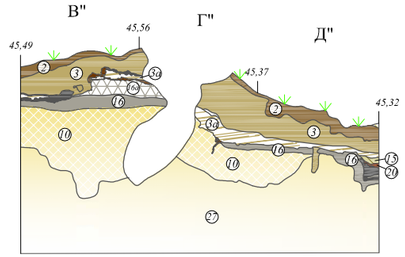
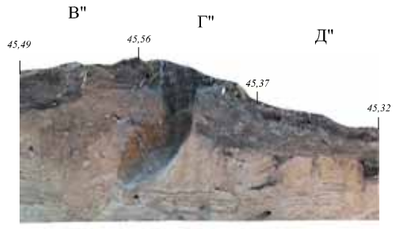

Рис. 2.2.85. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.7(8). План. М 1 : 50

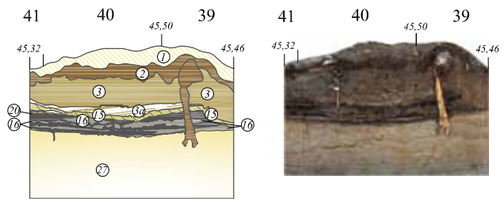
РАЗРЕЗ 17-17 по линии 41/В"-Д". М 1:50.

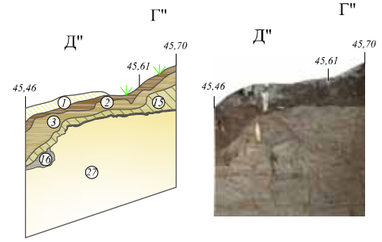
РАЗРЕЗ 17-17 по линии 41/В"-Д". М 1:50.

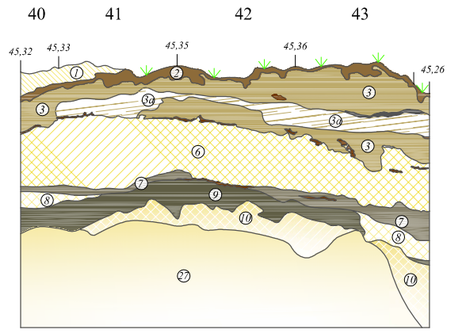
РАЗРЕЗ 18-18 по линии Д"/41-39. М 1:50.

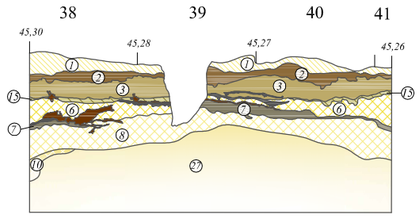
РАЗРЕЗ 19-19 по линии 39/Д"-Г". М 1:50.

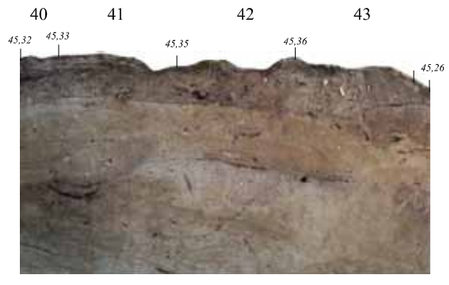
РАЗРЕЗ 20-20 по линии И"-Ж"/40-43. М 1:50.

РАЗРЕЗ 21-21 по линии Ж"/38-41. М 1:50.

РАЗРЕЗ 20-20 по линии И"-Ж"/40-43. М 1:50.

РАЗРЕЗ 21-21 по линии Ж"/38-41. М 1:50.

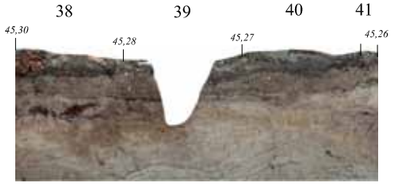

Рис. 2.2.86. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.7(8). Стратиграфические разрезы. Разрез 17–17 по линии 41/В"–Д", разрез 18–18 по линии Д"/41–39, разрез 19–19 по линии 39/Д"–Г", разрез 20–20 по линии И"–Ж"/40–43, разрез 21–21 по линии Ж"/38–41. Чертежи и фото. М 1 : 50

Рис. 2.2.87. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.7(8). Фрагмент северо-восточной стены и столбовые ямы №№ 21, 22 (участок Ж”–З”/38–40, уровень 45,00 м). Фото. Вид с юго-запада

Рис. 2.2.88. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.7(8). Фрагмент северо-восточной стены и столбовые ямы №№ 21, 22 (участок Ж”–З”/38–40, уровень 44,90 м). Вид с юго-запада

Рис. 2.2.89. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.7(8). Столбовые ямы №№ 22, 23 (участок Ж”–З”/38–40, уровень 44,80 м). Фото. Вид с юго-запада

Рис. 2.2.90. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.7(8). Фрагмент юго-западной стены (участок Г”–Д”/39–40, уровень 45,15 м). Фото. Вид с юго-востока

Рис. 2.2.91. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.7(8). Фрагмент юго-западной части центрального углубления жилой камеры постройки (участок Д”/39–40, уровень 44,80 м). Фото. Вид с северо-востока

Рис. 2.2.92. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Остатки обгоревших деревянных конструкций кровли (участок Ю–Я/37–38, уровень 45,80 м). Фото. Вид с северо-запада

Рис. 2.2.93. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Остатки деревянных конструкций кровли (участок Ю–Я/38, уровень 45,70 м). Фото. Вид с юго-востока.

Рис. 2.2.94. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Остатки конструкций кровли (участок Ч–Щ/37–38, уровень 45,80 м). Фото. Вид с юго-запада

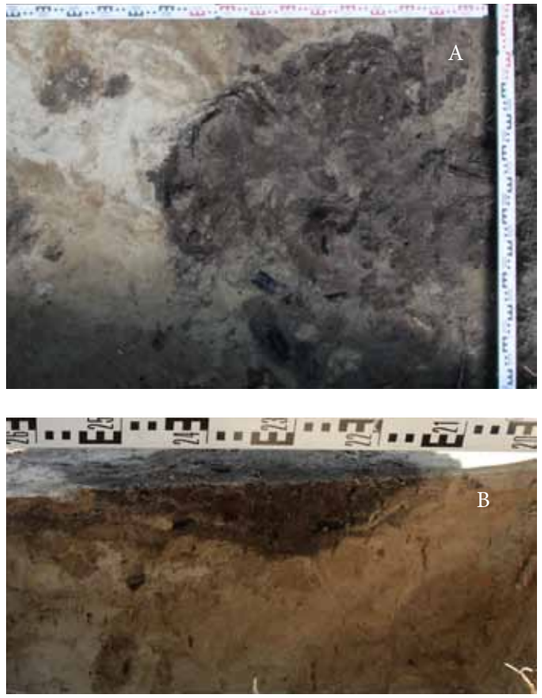

Рис. 2.2.95. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Яма XVI. А – план (участок Ш–Щ/31–32, уровень 45,50 м). Фото. Вид с юго-востока. Б – план (участок Ш–Щ/31–32, уровень 45,30 м). Фото. Вид с юго-востока. В – стратиграфический разрез ямы по линии Щ/31–32. Фото. Вид с юго-запада

Рис. 2.2.96. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Яма XVII. А – план (участок Ю–Я/39–41, уровень 45,20 м). Фото. Вид с юга. Б – план (участок Ю–Я/39–41, уровень 45,10–45,00 м). Фото. Вид с северо-востока. В – стратиграфический разрез ямы по линии Я/40. Фото. Вид с северо-востока

Рис. 2.2.97. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Яма XVIII. А – план (участок О–Р/38–39, уровень 45,40 м). Фото. Вид с юго-запада. Б – план (участок О–Р/38–39, уровень 45,40 м). Фото. Вид с юго-запада. В – стратиграфический разрез ямы по линии П/38–39. Фото. Вид с юго-запада. Г – стратиграфический разрез ямы по линии 39/О–Р. Фото. Вид с юго-востока

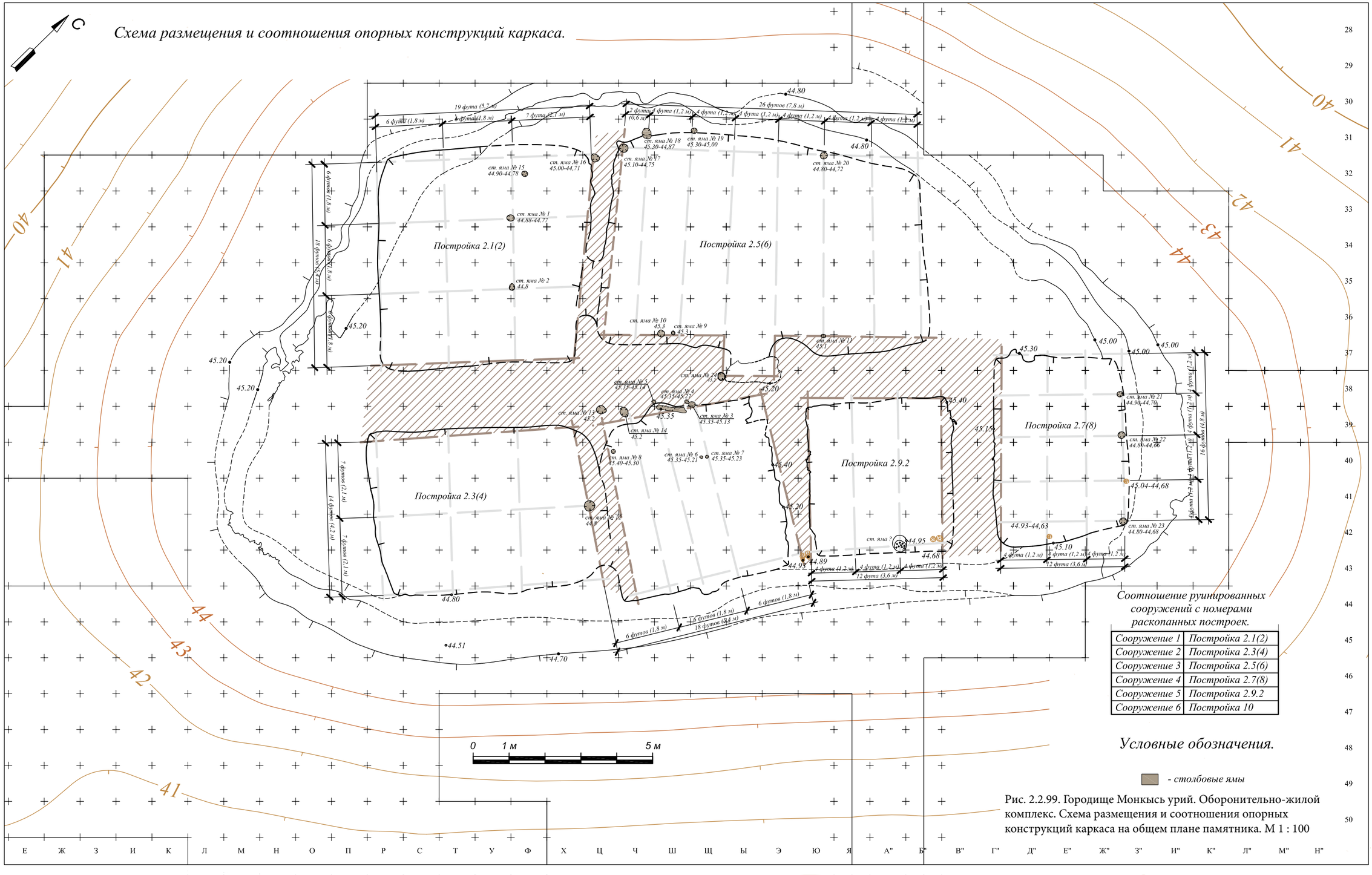
Не подписаны рисунки А-Б-В

Рис. 2.2.98. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Яма XX. А – план на участке Щ–Ы/39–40, уровень 45,40 м. Фото. Вид с юго-востока. Б – план (участок Щ–Ы/39–40, уровень 45,20–45,10 м). Фото. Вид с северо-востока. В – общий вид (участок Щ–Ы/40, уровень 45,20 м). Фото. Вид с севера. Г – стратиграфический разрез ямы по линии 40/Щ–Ы. Фото. Вид с северо-запада

Схема размещения и соотношения опорных конструкций каркаса.

Соотношение руинированных сооружений с номерами раскопанных построек.

Сооружение 1	*Постройка 2.1(2)*
Сооружение 2	*Постройка 2.3(4)*
Сооружение 3	*Постройка 2.5(6)*
Сооружение 4	*Постройка 2.7(8)*
Сооружение 5	*Постройка 2.9.2*
Сооружение 6	*Постройка 10*

Условные обозначения.

- столбовые ямы

Рис. 2.2.99. Городище Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Схема размещения и соотношения опорных конструкций каркаса на общем плане памятника. М 1 : 100

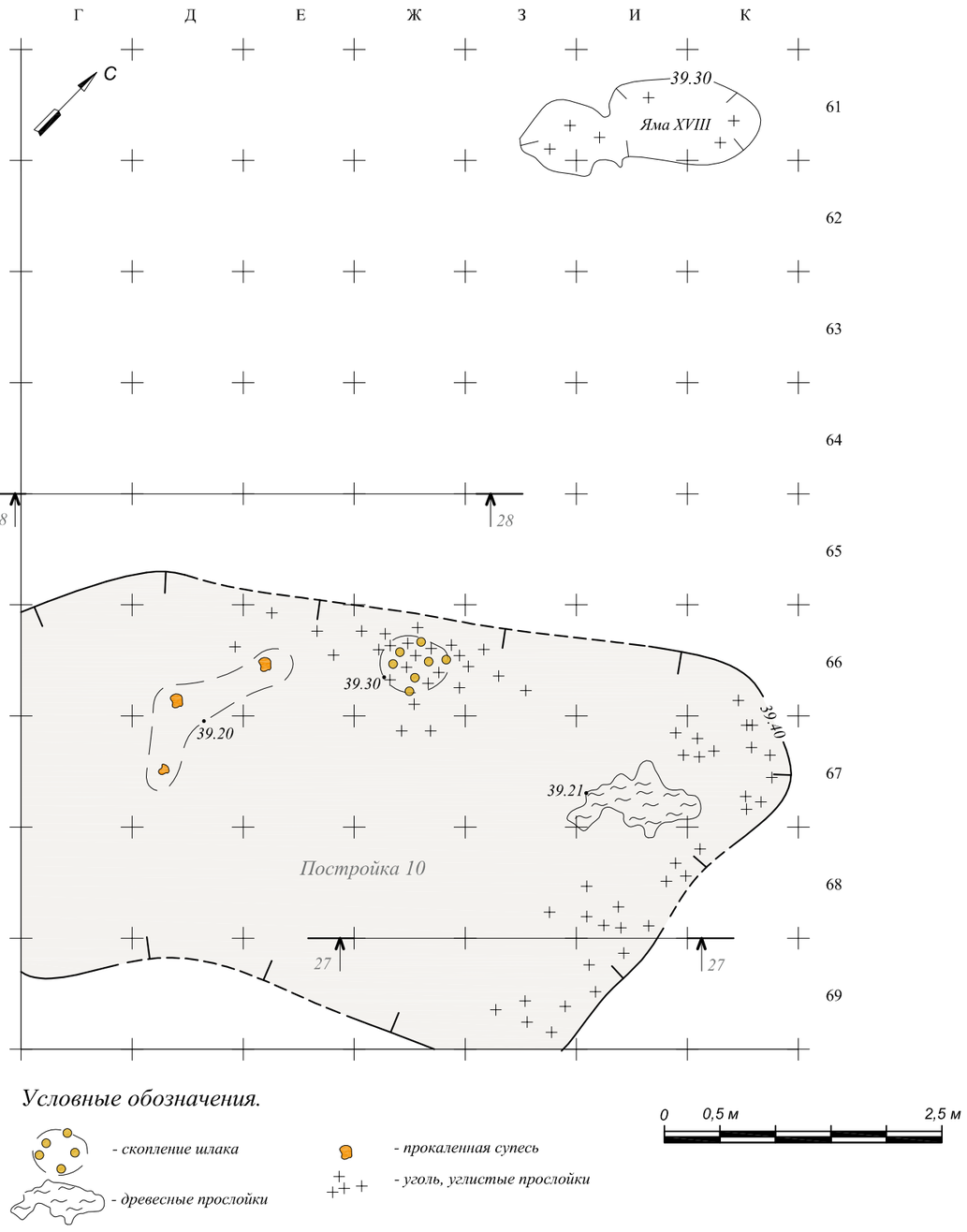
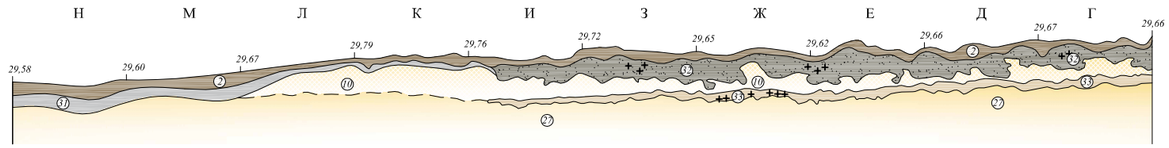

Рис. 2.2.100. Городок Монкысь урий. Хозяйственно-производственная территория. Постройка № 10. План. М 1 : 50

РАЗРЕЗ по линии 69/Н-Г.

РАЗРЕЗ по линии Г/69-65.

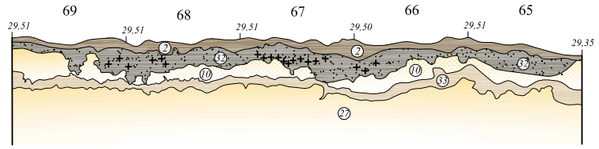
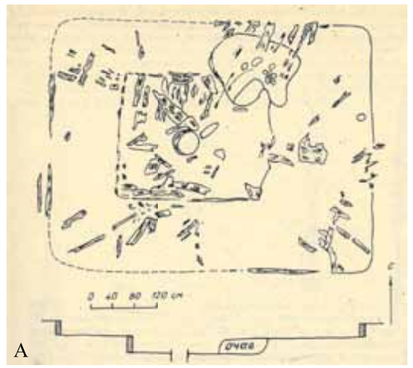

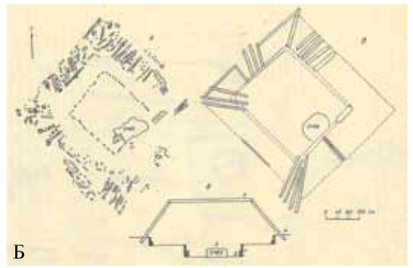
Рис. 2.2.101. Городок Монкысь урий. Хозяйственно-производственная территория. Постройка № 10. Стратиграфические разрезы. Чертежи. М 1 : 50

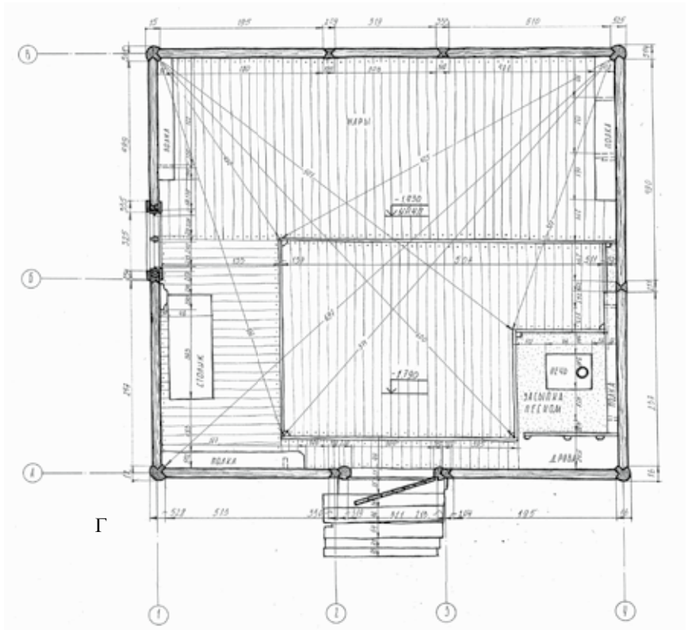

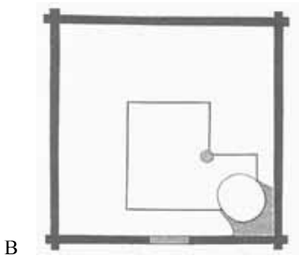
Рис. 2.2.102. Городок Монкысь урий. Хозяйственно-производственная территория. Постройка № 10. А – план (участок Г–К/61–69, уровень 39,40 м). Фото. Вид с запада. Б – скопление обожженной глины (участок Ж/66, уровень 39,50 м). Фото. Вид сверху. В – стратиграфический разрез 27–27 по линии 69/Ж–И. Фото. Вид с юго-востока. Г – стратиграфический разрез 28–28 по линии 65/Г–Ж. Вид с юго-востока. Д – стратиграфический разрез по линии 69/К–Г. Фото. Вид с северо-запада

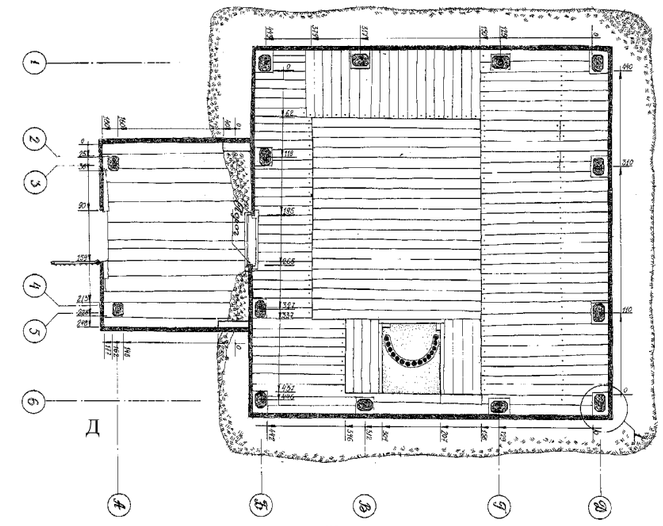

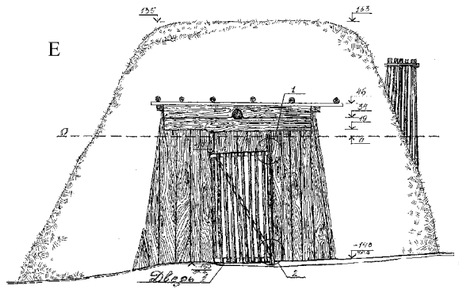
А

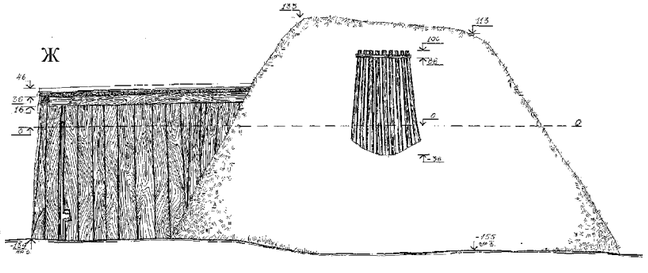

Б

Г

В

Д

Е

Ж

З

И

К

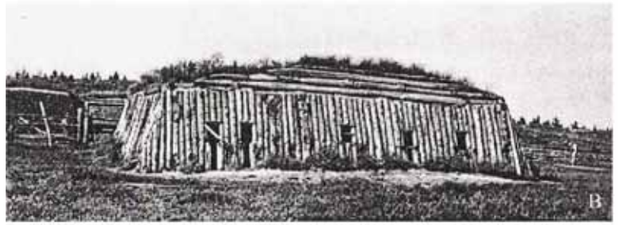

Л

М

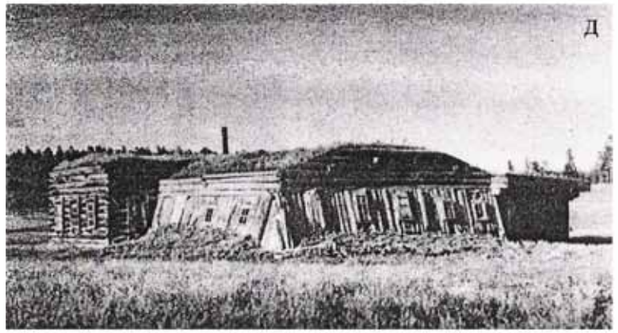
Рис. 2.2.103. Аналоги конструктивных решений и планировки построек архитектурным объектам городка Монкысь урий. А – план жилища 4 поселения Могильницкое [*Плетнева, 1990.* С. 25. Рис. 20]. Б – план и реконструкция жилища 23 поселения Могильницкое [*Там же.* С. 20. Рис. 16]. В – план старой юрты в Соболиных юртах [*Мартин, 2004.* С. 22. Рис. 17]. Г – план избы Айпиных в поселке Варьёган [*Селезнева, Визгалов, А–2003*]. Д – план дома рода Сардаковых (*мых кот*) в поселке Варьёган [*Там же*]. Е – фасад 1 дома рода Сардаковых (*мых кот*) в поселке Варьёган [*Там же*]. Ж – фасад 2 дома рода Сардаковых (мых кот) в поселке Варьёган [*Там же*]. З – *мыг кот* на реке Юккунъеган, фасад [*Там же*], И – *мыг кот* на реке Юккунъеган, вид сзади [*Там же*]. К – *мыг кот* на реке Юккунъеган, вид сбоку [*Там жее*]. Л – *мыг кот* на реке Юккунъеган, вид сбоку [*Там же*]. М – *мыг кот* на реке Юккунъеган, вид изнутри [*Там же*]. А–Е – чертежи; З–М – фото

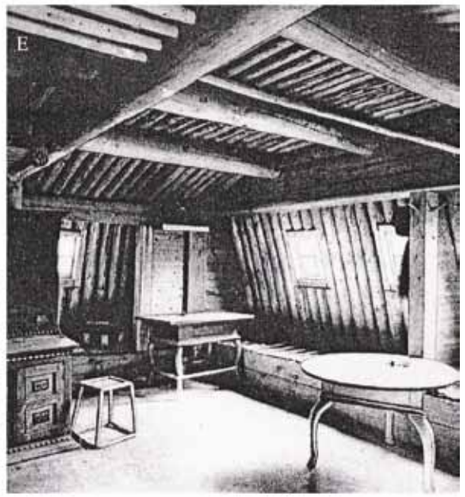

А

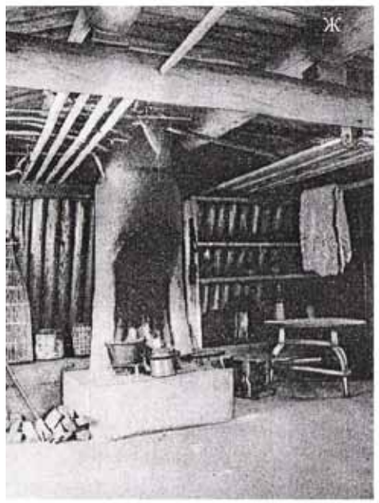

Б

В

Г

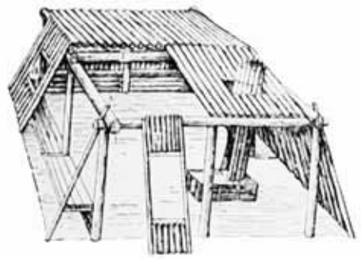

Д

Е

Ж

З

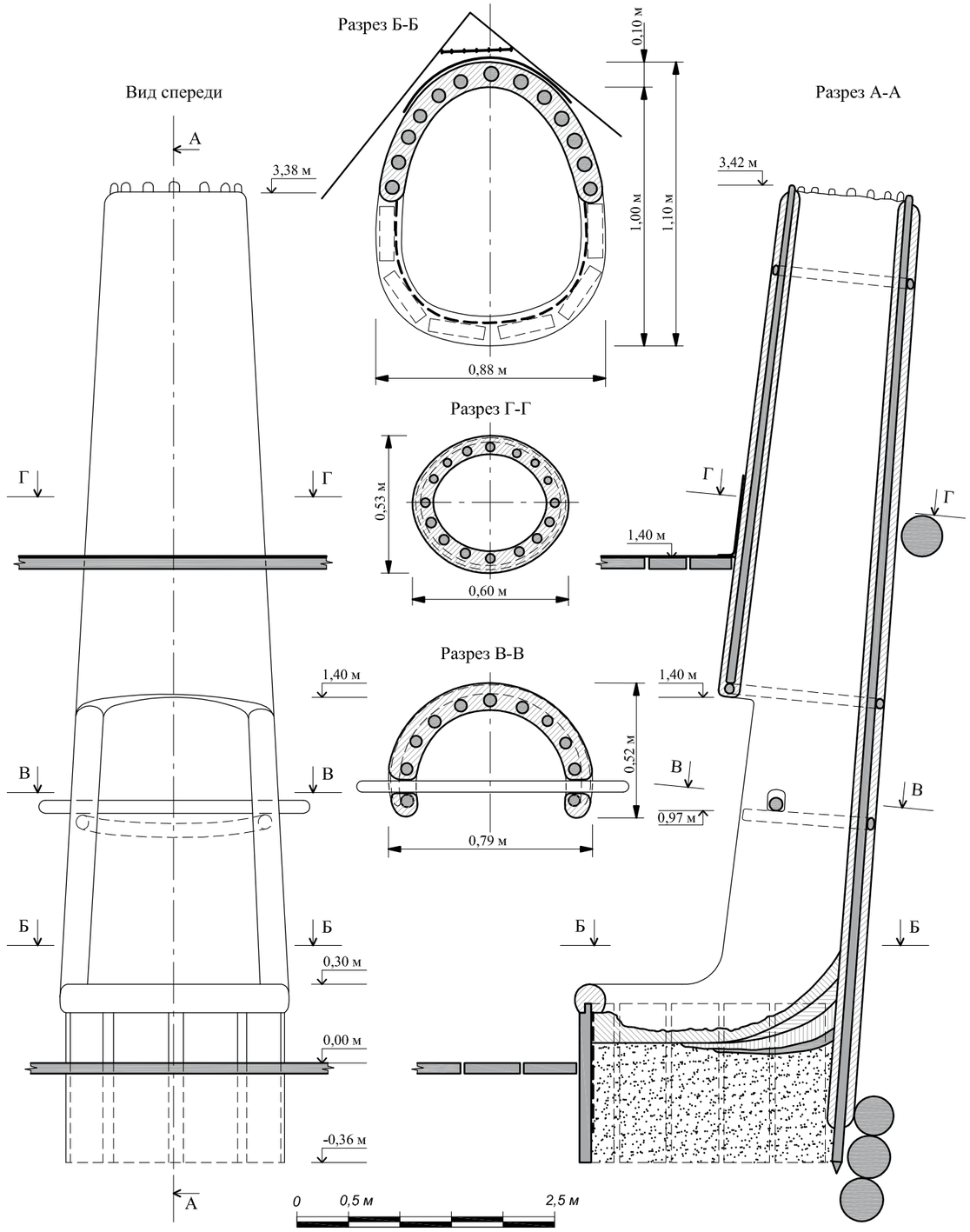
Рис. 2.2.104. Этнографические аналогии архитектурным сооружениям городка Монкысь урий: А – якутская юрта-балаган [*Ополовников, Ополовникова. 1998.* С. 302]. Б – жилище в форме усеченной пирамиды с чувалом [Историко-этнографический атлас Сибири…, 1961. С. 207. Табл. X]. В – якутская юрта-балаган [*Ополовников, 1983.* Рис. 40]. Г – якутская юрта-балаган, «немецкий» угол [*Там же.* Рис. 41]. Д – одна из разновидностей летних якутских усадеб [*Там же.* Рис. 43]. Е – интерьер юрты [*Там же.* Рис. 35]. Ж – камелек в юрте П. А. Ойунского [*Там же.* Рис. 34]. З – камелек якутского балагана [*Там же.* рис. 31]. И – жилище в форме усеченной пирамиды с чувалом [Историко-этнографический атлас Сибири…, 1961. С. 208. Табл. XI]. К – печь-камелек в якутском балагане [*Ополовников, Ополовникова. 1998.* С. 301]. Л – печь-камелек в юрте-балагане. Музей под открытым небом в поселке Черкёх [Ykt.ru. Путешествия по Якутии]. М – печь-камелек в юрте-балагане. Музей под открытым небом в поселке Черкёх [*Там же.*]. А, В–З, К–М – фото; Б, И – рисунки

И

К

М

Л

А

Рис. 2.2.106. Этнографические аналогии архитектурным сооружениям городка Монкысь урий. Юрты Пунси на оз. Большое Каюково. Чувал в прирубе дома Е. Д. Каюкова: А – чувал в интерьере (фото К. Г. Карачаров, 1993 г.). Б – чувал в интерьере прируба дома Е. Д. Каюкова. Обмеры архитектора Н. А. Митиной [*Кардаш, А-2002*, граф. прил. 13]

Б

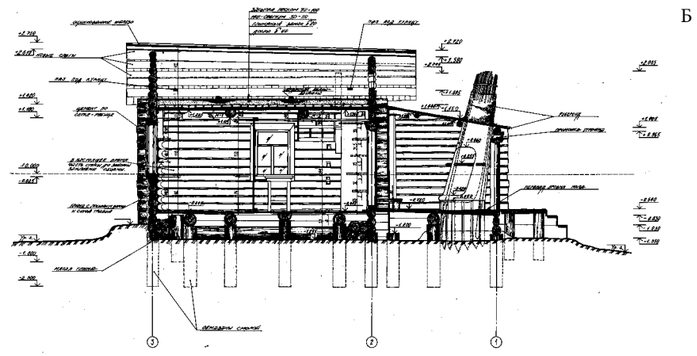

Рис. 2.2.105. Этнографические аналогии архитектурным сооружениям городка Монкысь урий. Юрты Пунси на оз. Большое Каюково. Чувал в прирубе дома Е. Д. Каюкова. Обмерный чертеж. План, вид спереди, разрезы. М 1 : 50. Обмеры архитектора Н. А. Митиной, полевые материалы 2001 г. (слева)

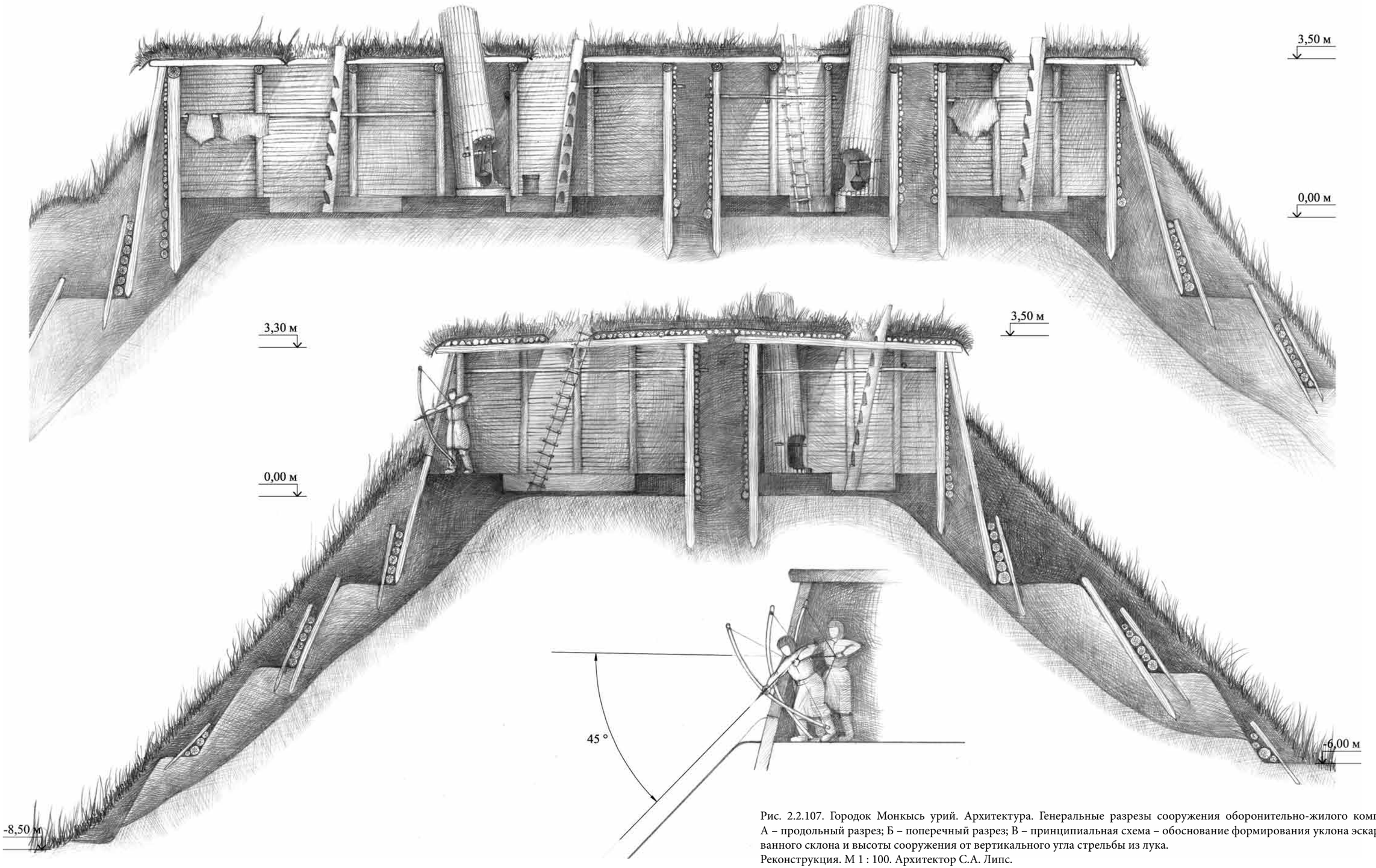

Рис. 2.2.107. Городок Монкысь урий. Архитектура. Генеральные разрезы сооружения оборонительно-жилого комплекса: А – продольный разрез; Б – поперечный разрез; В – принципиальная схема – обоснование формирования уклона эскарпированного склона и высоты сооружения от вертикального угла стрельбы из лука.
Реконструкция. М 1 : 100. Архитектор С.А. Липс.

Рис. 2.2.108. Городок Монкысь урий. Архитектура. Внешний вид. Реконструкция по материалам археологических и историко-архитектурных исследований. Архитектор С.А. Липс.

2.3. ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ

Имеющийся в нашем распоряжении комплекс предметов является важнейшим источником по культуре и истории населения изучаемого археологического памятника. Анализируя эти артефакты, исследователь в первую очередь определяет культурно-хронологическую принадлежность объекта исследований, моделирует и воспроизводит историческое прошлое, исследуя основные аспекты жизнедеятельности общества, оставившего этот поселок.

Коллекция артефактов, обнаруженных за все годы изучения городка *Монкысь урий*, имеет *свои специфические черты*.

Первая – это сырьевая составляющая, а именно: виды материалов, из которых изготовлены найденные вещи. Подавляющее большинство предметов (около 90%) выполнено из неорганических материалов: металлов и их сплавов (железо, медь, серебро, бронза), а также из камня и глины. Изделия из органических материалов (дерево, кость, растения, кожа, ткани) в этом списке составляют не более 10%.

Вторая черта – это специфическое соотношение групп предметов, характерное для средневековых археологических объектов таежной зоны Западной Сибири. В качестве примера из памятников, относительно близких по хронологии, вскрытой площади и количеству вещевого материала *Монкысь урию*, можно назвать городище Ендырское 1 – легендарный хантыйский городок Эмдер, расположенный на реке Ендырь, на границе Среднего и Нижнего Приобья. Соотношение вещей, изготовленных из неорганических и органических материалов, на нем практически аналогично нашему [*Зыков, Кокшаров, 2001*]. Анализируя причины такой специфики, мы приходим к закономерному выводу о том, что большая часть предметов из органических материалов ныне утрачена. Вследствие этого мы обладаем далеко не полным комплексом материальных источников по культуре населения изучаемого исторического объекта. Самым убедительным подтверждением сказанному является сравнительный анализ материалов таежных поселений и вещевых комплексов археологических памятников субарктической зоны Западной Сибири, таких как Надымский и Полуйский мысовой городки. В результате исследований первого укрепления на площади 650 кв. м было обнаружено около 5,9 тысячи артефактов, а на территории второго (1142,5 кв. м) – около 2,5 тысячи [*Кардаш, 2009.* С. 133. Прил. 1; *2013а.* С. 27, 132. Прил. III. Табл. I; *2013б.* С. 51, 170, 285]. На данных памятниках предметы представлены, соответственно, 170 и 260 категориями. При этом вещей из неорганических и органических материалов в коллекции находок Надымского городка, соответственно, 61 и 39%, а Полуйского мысового – 93 и 7%. Таким образом, «ущербность» коллекции источников *Монкысь урия* очевидна. Безусловно, каждый археологический памятник, в том числе поселенческий таежного Приобья, имеет свою специфику. Тем не менее, в среднем, количество предметов из органических материалов, попавших в культурный слой, в подавляющем большинстве случаев будет превышать остальные. В особенности это характерно для «посткерамического (бескерамического) периода» позднего средневековья XIV–XVI веков, предпосылкой которого стало появление в конце XI – начале XII века в таежном Приобье единичных импортных медных котлов и их глиняных реплик, а затем – массовый импорт бронзовой посуды, начиная с XIII века. Таким образом, можно предположить, что собранный в ходе разведок и раскопок вещевой комплекс городка *Монкысь урий* составляет примерно от 10 до 40% предметов, некогда попавших в его культурный слой, но большей частью не сохранившихся.

Третья черта – это представительность анализируемого материала. Количество имеющихся в нашем распоряжении артефактов, на первый взгляд, может показаться относительно небольшим для полноценного анализа и характеристики материальной культуры жителей городка. Тем не менее общее количество предметов коллекции городка *Монкысь урий*, собранной за все годы исследований, составляет около 3190 предметов, не считая примерно такого же количества оловянных и стеклянных бисерин. Если исключить из этого количества неординарные предметы – серебряные монеты (1237 экз.), свинцовые и железные боеприпасы (242 экз.) и костяные изделия (85 экз.), то оставшееся количество вещей из металла, камня и керамики (1626) вполне сопоставимо с числом изделий из неорганических материалов коллекции Надымского городка. В целом же имеющийся у нас вещевой комплекс *Монкысь урия* вполне пригоден для полноценного рассмотрения основных аспектов материальной культуры жителей городка, а также реконструкции их быта и занятий. Кроме того, даже само количество предметов подчеркивает неординарность этого памятника.

Четвертой специфической чертой коллекции городка *Монкысь урий* является наличие значительного количества предметов, крайне редких для других средневековых поселенческих объектов таежного

Приобья. К таковым категориям вещей относятся, в первую очередь, вышеупомянутые монеты и боеприпасы (Прил. 3.2, 3.3). Данные артефакты маркируют неординарность событий, связанных с историей городка, и, соответственно, определяют специфику вещевого комплекса в целом. В то время как для синхронного арктического города Мангазея наличие в его культурном слое большого количества монет и боеприпасов – явление обычное, характерное для памятников культуры русских поселенцев. В свою очередь, специфика коллекции *Монкысь урия* требует специального комплексного подхода и изучения.

В качестве пятого специфического признака памятника и его коллекции следует отметить наличие в культурном слое городка специальных ритуальных предметов, а также обычных бытовых вещей, происходящих из поминальных мест и погребений, устроенных на руинах городка (подробнее – см.: глава 3). Это также делает вещевой комплекс неординарным, в сравнении с другими поселенческими памятниками, на которых культовые объекты не зафиксированы. Напомним, что в результате краеведческих раскопок на *Монкысь урии* были почти полностью вскрыты два коллективных захоронения, и в настоящее время довольно сложно разделить предметы из поселенческого и ритуального (погребального и поминального) комплексов. По этой причине в данном разделе вещевой комплекс всего памятника – городка, могильника, следов тризн – мы рассматриваем полностью. Исключением являются только несколько специфических категорий предметов, таких как боеприпасы (Прил. 3.2), монеты (глава 3, Прил. 3.3) и отчасти – наконечники стрел (см.: глава 3). Последние, также за редким исключением, составляют достаточно ярко выраженный ритуальный комплекс, связанный с поминальной обрядностью.

Систематика материала. При описании и классификации предметов вещевого комплекса мы применили собственные типологические схемы, отработанные при описании подобных синхронных археологических памятников, таких как Надымский и Полуйский мысовой городки [*Кардаш, 2009*; *2013а*; *2013*; *Визгалов, Пархимович, 2008*]. Тем более что такая систематика материалов будет особо важна при последующем сравнительном анализе коллекций в целом. Безусловно, разрабатывая свою систему описания и классификации находок, мы опирались на опыт предшественников. В том числе использовали описания и типологию В. И. Семеновой, в тех случаях, когда взгляды этого автора не противоречили нашим и согласовывались с разработками других коллег [*Кирпичников, 1966*; *1976*; *Белов, Овсянников, Старков, 1981*; *Соловьев, 1987*; *Зыков, Кокшаров, 2001*; *Семенова, 2005*]. Кроме того, при описании материалов раскопок мы учли этнографические работы, содержащие характеристику и систематизацию материальной культуры аборигенов Западной Сибири [*Мартин, 2004*; Историко-этнографический атлас Сибири…, 1961; *Лукина, 1985*; и др.].

Исходным признаком при классификации и описании предметов вещевого комплекса городка Монкысь урий послужила их функция. Вторым по значимости классификационным признаком является материал, из которого они изготовлены. Следующими категориями систематики являются общая форма, далее – детали и, наконец, орнаментика изделий.

Основная масса артефактов соответствует времени функционирования городка (конец XV – начало XVII века), связанных с ним захоронений (ноябрь – декабрь 1619/1620 года[1]) и ритуального комплекса (не позднее середины XVII века). Несколько изделий, главным образом украшений, относится к более раннему периоду (XIII–XIV векам). Впрочем, эти раритетные предметы – в качестве реликвий или особо ценных металлических вещей – могли использоваться и населением позднесредневекового поселка.

Безусловно, далеко не все предметы удалось идентифицировать по найденным обломкам и частям. Такая фрагментарность в ряде случаев затрудняла идентификацию вещей и разделение их по функции. Между тем количество изделий неопределенного назначения не превышает 7% от общего числа предметов вещевого комплекса. Те артефакты, которые были достоверно идентифицированы, составили *восемь основных функциональных групп:*

– украшения тела человека (нательные съемные украшения);
– детали костюма (одежда, обувь, головной убор) и его украшения;
– орудия охоты и рыболовства;

[1] Указаны оба года, поскольку при пересчете старой системы летоисчисления (от сотворения мира) на новую, современную, в документальных источниках зачастую фигурирует год, начинавшийся – по русской традиции – с 1 сентября либо с 1 марта (в основном в летописях и церковной литературе). Начало нового года с 1 января установлено Указом Петра I от 15 декабря 1699 года [*Сюзюмов, 1968.* С. 27–29]. В связи с этим в некоторых современных научных работах при пересчете старых дат на новые имеет место хронологическая путаница.

– предметы вооружения и боеприпасы;
– орудия труда и инструменты;
– предметы быта и домашнего обихода;
– средства передвижения и упряжь;
– культовые и ритуальные предметы.

Две первые категории нами рассмотрены в одном разделе, остальные – по отдельности.

2.3.1. КОСТЮМ: ОДЕЖДА, ОБУВЬ, УКРАШЕНИЯ

Данная группа предметов рассматривается первой, поскольку при описании и анализе коллекции вещевого комплекса городка реализуется некий вариант «принципа антропоцентризма». В его рамках мы пытаемся представлять артефакты, начиная от человека и двигаясь в окружающее его пространство. Насколько такой подход удачен и информативен, покажет будущее.

Артефакты, связанные с костюмом жителя городка *Монкысь урий* и его украшениями, представляют собой довольно многочисленную группу – 779 экз. (ок. 22%), не считая порядка 3,5 тыс. бисерин из олова и стекла (рис. 2.3.1–2.3.9). Тем не менее о самой одежде и обуви по археологическим материалам мы можем сказать немного, кроме того что она была.

В коллекции имеется только три небольших лоскута суконной цветной ткани. Два из них сохранились от изделия, сшитого из темно-зеленого, серо-желтого и красного сукна. Последние были декорированы мозаичным геометрическим орнаментом, образованным зеркальным повторением элементов, но в другом цвете (рис. 2.3.1 – *15,16*). Третий лоскут (фрагментированный) – из темно-зеленого сукна с оловянным бисером, который когда-то был пришит сухожильной нитью (рис. 2.3.3 – *6–8*). Благодаря данным находкам, можно констатировать следующее. Во-первых, наличие у некоторых жителей поселка одежды из сукна. Во-вторых, лоскутки подобной суконной одежды встречаются в культурных слоях археологических памятников Крайнего Севера Западной Сибири, начиная с XIII века [*Кардаш, 2010.* С. 23–24. Рис. 29 – *5, 6*]. На некоторых памятниках XVI–XVII веков, таких как Надымский городок, были обнаружены большие фрагменты одежды, что позволяет реконструировать некоторые ее виды [*Кардаш, 2013б.* С. 132–135. Рис. 3.1–3.8]. Это, в свою очередь, дает возможность говорить о том, что на обширных пространствах севера Западной Сибири бытовала суконная одежда, сходная с той, что была зафиксирована по археологическим и этнографическим данным у населения реки Большой Юган на рубеже XIX/XX веков и в XX–XXI веках [*Мартин, 2004.* С. 17, 21, 58, 61. Рис. 4, 16. Табл. 3, 4; Салымский край…, 2000. С. 165–183].

В силу лучшей сохранности металлических изделий, первую и основную группу находок составляют украшения человеческого тела: 32 экз. (рис. 2.3.1–2.3.2). Систематизации данной категории артефактов в археологической науке посвящено много работ. Прежде всего потому, что украшения являются наиболее ярким и знаковым проявлением материальной культуры практических всех народов и эпох. Они обладают как множеством этноопределяющих элементов, так и признаков, позволяющих судить о межэтнических связях. В своем исследовании мы опирались на несколько наиболее приемлемых, с нашей точки зрения, работ по систематизации такого археологического материала. В первую очередь тех, в основе систематизации которых лежит функциональное назначение предмета [*Седова, 1981.* С. 7–9; *Щапова и др., 2007.* С. 6–11]. Кроме того, поскольку мы анализируем достаточно поздние материалы, а культура населения, оставившего городище, существует до сих пор, причем в традиционной системе природопользования, для нас было важно учитывать классификации, предлагаемые этнологами. В частности, последние работы по систематике материалов Западной Сибири [*Михайлова, 2005*; *Федорова, 2005*; *Ермолова, 2005*].

Вторая группа – это универсальные шейно-нагрудные украшения.

Основываясь на результатах работ наших коллег, археологов и этнологов, а также на имеющемся в нашем распоряжении археологическом материале из раскопок городка *Монкысь урий*, мы предлагаем следующую классификацию и схему описания позднесредневековых украшений. Она включает три основные группы предметов.

Группа 1. Съемные нательные украшения. В нее входят украшения головы, головного убора, волос (налобные очелья, украшения височные, ушные, накосные и ложно-накосные) и рук (перстни, кольца, браслеты).

Группа 2. Съемные украшения костюма: шейно-нагрудные и поясные.

Группа 3. Нашивные украшения одежды (ажурные пластины, бисер, подвески).

Особо отметим, что имея дело с археологическим материалом, то есть главным образом с отдельными предметами и их фрагментами, мы с трудом идентифицировали универсальные (полифункциональные) украшения, которые населением *Монкысь урия* могли быть использованы в любой из трех представленных групп. С учетом этого, для удобства последующего этнографического сравнительного анализа мы постараемся придерживаться данной классификации, хотя и отчасти условной. Кроме того, мы все же попытаемся выделить предметы еще одной группы.

Группа 4. Универсальные украшения (бусины, подвески, пуговицы-подвески, бусины, бисер). При этом отнесем к ней предметы, которые не удается достоверно идентифицировать и отнести к одной из трех предыдущих групп.

Насколько верна и пригодна для работы на более обширном материале наша систематика – покажет время.

2.3.1.1. Нательные съемные украшения

В рамках данной функциональной группы достоверно определены наголовные (очелья, височные кольца, серьги) и наручные украшения (браслет, перстень, кольцо), которые носились непосредственно на теле человека.

Очелья. Данные изделия, обычно сложносоставные, представлены в нашей коллекции только подвесными деталями – ***привесками и цепочками***, изготовленными из серебра.

Привески – 4 экз. (рис. 2.3.1 – *1–4, 5а, 5б*).

Три из них – птицевидные, в форме плывущих уточек или гусей. Две фигурки идентичные: размерами 2,7×2,3×0,6 см, объемные, полые, выполнены в технике басмы из двух спаянных между собой половинок. Нижняя часть шеи и свернутые крылья птиц покрыты рельефным орнаментом, иных декоративных элементов нет.

Каждая привеска крепились к основе очелья при помощи серебряной ***цепочки***, присоединенной к ушку, расположенному между спиной и шейкой уточки. Одна цепочка собрана из крупных плоских сомкнутых звеньев в две проволочные нити. Звенья имеют вид восьмерки, соединение подвижное. На конце одной цепочки находится кольцо, которое, вероятно, крепилось к основе – кольцу очелья. Длина цепочки – 5,5 см. Вторая цепочка фрагментирована, имеет сложное плетение, которое по современной ювелирной типологии имеет название «Бисмарк». Данные привески с цепочками найдены в пространстве постройки № 2.5(6) близ погребения № 3 (уч. Ю/33, ур. 45,00 м), а также в постройке № 2.9.2 (уч. Я/39, ур. 45,60 м).

Третья привеска, размером 2,4×1,5–0,1 см, представляет собой плоское изображение, вырезанное из листа. Она обнаружена без цепочки в пространстве постройки № 2.3(4), раскоп 2 (1990 года).

Четвертая привеска – в форме рыбы с фрагментом цепочки из крупных сомкнутых звеньев – соединена с серебряной полусферой. Рыбка декорирована «резной» косой сеткой, полусфера снаружи по краям – пирамидками-треугольниками из зерни. В музее поселка Угут детали привески хранятся нанизанными на височном кольце (рис. 2.3.1 – *5а, 5б*). Совершенно очевидно, что изначально они были прикреплены к очелью. Возможно, позднее такая сложносоставная привеска стала дополнительным украшением височного кольца. Впрочем, не исключено, что изначально оба предмета находились в разных местах. По крайней мере, В. И. Семенова упоминает данную привеску отдельно – в числе находок из захоронения № 3 [*2005.* С 41]. Выяснить, как предметы в действительности лежали в культурном слое, теперь невозможно, поскольку все они были извлечены из погребения № 3 краеведом П. С. Бахлыковым без точной фиксации.

Фрагмент еще одной цепочки – длиной 10,5 см (рис. 2.3.1 – *4*), сплетенной из тонкой серебряной проволочки [*Семенова, 2005*. С. 65], найден в котловане постройки № 2.5(6), на полу центрального углубления, близ погребения № 3. Возможно, эта цепочка также служила для крепления привесок к налобной пластине очелья.

Цепочки с привесками относятся к так называемым «шумящим» подвескам.

Прямых аналогий охарактеризованным изделиям и, соответственно, серебряным очельям, бытовавшим у жителей городка *Монкысь урий*, известно немало. В том числе украшения в виде очелий разных типов у населения среднего течения реки Оби фиксируются, как минимум, с конца VII – начала X веков [*Борзунов, Зыков, А–2004.* Раздел. 1.2.1]. Их прототипы и аналоги производились в обширном финно-угорском мире – в Приуралье и на севере Восточной Европы. В Прикамье широкие бронзовые очелья – «кокошни-

ки» – известны с конца I тысячелетия до нашей эры [*Голдина, 1999.* Рис. 101 – *25*; 104]. Серебряные очелья в виде узкой цельнометаллической пластины, орнаментированные в технике чеканки, чернения и позолоты, снабженные дополнительными декоративными элементами, появляются на севере Западной Сибири в XIII–XIV веках [Восточный художественный металл…, 1991. С. 22. № 5; *Зыков и др., 1994.* С. 113, 152. № 271; Сокровища Приобья…, 1996. С. 102. № 42]. Данные украшения были изготовленные в Волго-Камье, точнее в Болгарских производственных центрах периода Монгольской империи – Золотой Орды, и датируются XIII–XIV веками [*Федорова, 2003.* С. 144].

В XV веке на Севере появляется новый тип серебряных очелий – с основой в виде широкой пластины. Важным хронологическим признаком этих украшений является наличие нескольких (10–15 шт.) привесок в форме птиц и рыб. Привески подвешивались на серебряные цепочки, концы которых прикреплялись к отверстиям, находящимся в центральной части пластины очелья. Каждое отверстие декорировалось серебряной полусферической накладкой, украшенной в технике зерни и скани. Известно восемь целых очелий такого типа. Наиболее близкое по месту находки и хронологии происходит из погребения 195 могильника Усть-Балык, расположенного в низовьях реки Большой Балык [*Семенова, 2001.* С. 80. Рис. 18]. Второе очелье известно по сборам на Эсском могильнике в верховьях Конды [Югорск…, 1997. С. 52]. Третье, хранящееся в частной коллекции И. Л. Истомина, найдено в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа [Сокровища Приобья…, 2003. С. 73]. Фигура казымского духа-покровителя из святилища на реке Казым, по сведениям А. В. Бауло, была украшена пятью аналогичными серебряными пластинами-очельями [*2004.* С. 137]. Серебряные очелья данного типа изготавливались в ювелирных мастерских Прикамья и бытовали в XV–XVII веках [*Шутова, 1992.* С. 31].

Судя по условиям нахождения привесок от очелий, попали они в культурный слой городища в результате естественной утраты в разное время. Совершенно очевидно, что данный тип украшений был в составе некоего статусного костюма. Причем, вероятнее всего, не одной женщины, проживавшей в этом городке. В целом же, данные находки позволяют подтвердить высокий статус не только отдельных лиц *Монкысь урия*, но и поселка в целом.

Височные украшения (кольца, подвески) – 9 экз. (рис. 2.3.1 – *5–12*). Основная функция данных колец и подвесок – височных украшений – хорошо известна по условиям их нахождения в женских погребениях многих средневековых могильников, изученных раскопками, и не вызывает сомнений [*Семенова, 2001.* С. 81. Табл. 50, *Чемякин, Карачаров, 2002.* С. 51, 54. Рис. 16 – *15, 19, и др.*]. Вместе с тем известны случаи их употребления в качестве накосных украшений – *накосников*, в том числе мужских [*Карачаров, 2001.* С. 30–41. Рис. 6–17]. В любом варианте данные предметы входили в группу наголовных украшений.

По материалу их можно разделить на две группы: оловянные и серебряные. Каждая из них представлена двумя типами.

Группа 1. Оловянные височные подвески.

Тип I. Височные кольца – 3 экз. (рис. 2.3.1 – *10–12*). Изготовлены из проволоки круглого сечения. Имеют вид разомкнутого кольца, один конец которого загнут петлей. Целое изделие, размером 3,5×3,1 см, обнаружено на уч. Ч/42 у черепа индивидуума X (погребение № 2, костяк «б», 1990 года). Фрагмент аналогичного кольца, размером 1,6×0,3×1,2 см, был найден в переотложенном слое раскопа № 2 (1990 года); вероятно, он принадлежал тому же индивидууму. Обломок еще одного такого изделия, размером 3,5×2,4×0,2 см, обнаружен на северной периферии городка, за пределами жилой зоны (уч. К"/34, ур. 43,23 м).

Тип II. Височные кольца (подвески) со щитком – 1 экз. (рис. 2.3.1 –*14*). Височное украшение, размером 4,0×2,5×0,2 см, имеет вид овального несомкнутого кольца с длинной вертикальной петлей для крепления к головному убору и плоским щитком в форме полумесяца. Предмет цельнолитой, с рельефным орнаментом. Поверхность щитка декорирована прямыми линиями-канавками, расходящимися от центрального отверстия. Данный артефакт найден в пространстве постройки № 2.5(6) (раскоп 3, 1990 года) и, вероятно, мог быть связан с погребением № 3.

Группа 2. Серебряные височные кольца.

Тип I. Височные кольца витые – две пары – 4 экз. (рис. 2.3.1 – *5–8*). Украшения представляют собой разомкнутые кольца, размерами 8,7–8,0×8,0–9,6 см, изготовленные из относительно тонкого и круглого в сечении дрота. Каждое изделие до половины окружности витое, один конец заканчивается S-образной петлей, другой – тупой или заостренный, возможно, здесь ранее находилась петля. Первая пара происходит из погребения № 1, вторая – из погребения № 3. Кольца из погребения № 1 были соединены между собой и лежали

между индивидуумами [*Семенова, 2005.* С 39]. Одно из колец второй пары (погребение № 3) фрагментировано. Другое – целое, декорировано привеской к очелью, состоящей из серебряной полусферы, украшенной зернью и филигранью, а также соединено цепочкой с подвеской-рыбкой (рис. 2.3.1 – *5а, 5б*).

Обе пары колец очень близки серебряному экземпляру с S-образной плоской петлей на одном конце, изготовленному в Верхнем Прикамье в XIII–XIV веках и найденному в Сайгатинском I могильнике [*Зыков и др., 1994.* С. 110, 151. № 265].

Тип II. Височное кольцо однобусинное – 1 экз. (рис. 2.3.1 – *9, 13*). Дрот предмета – круглого сечения, концы его разомкнуты. Изначально изделие было украшено бусиной, спаянной из двух штампованных полусфер (утраченной в прошлом), и дополнительно – сканой проволочной намоткой, декорировавшей кольцо и фиксировавшей бусину. Украшение обнаружено в постройке № 2.3(4) (раскоп 2, 1990 года). Относится к височным украшениям, бытовавшим в XII–XIV веках, о которых расскажем ниже.

Височные украшения, в частности кольца и подвески с кольцеобразным креплением, снабженные декоративным щитком, имеют большой хронологический диапазон и обширную территорию распространения. В Западной Сибири, в первую очередь в Сургутском Приобье, этот тип украшений появляется в раннем железном веке, в «кулайскую эпоху», скорее всего, в I веке до нашей эры – III веке нашей эры. С этим периодом связано несколько импортных височных колец со спиральным завершением на одном из концов, изготовленных из серебряной и золотой проволоки [*Борзунов, Зыков, 2003.* С. 104. Рис. 2 – *3, 4*; *Борзунов, Чемякин, 2006.* Рис. 16 – *5*; *Чемякин, 2008.* С. 89. Рис.83 – *5*; *Баранов, 2008.* С. 233. Рис. 14 – *1*]. Иногда их определяют как серьги [*Карачаров, 2011.* С. 86–87. Ил. 4]. Такие украшения, наряду с массой других привозных изделий, стали поступать в западносибирскую тайгу по пушным путям – ответвлениям Великого шелкового пути [*Борзунов, Чемякин, 2006.* С. 71–72].

В массе височные украшения и, главным образом, несомкнутые височные кольца (бронзовые, реже – серебряные) в Среднем Приобье распространяются в VIII–IX веках, в период, отмеченный новой активизацией торгово-обменной деятельности, военной активности и формированием комплекса местных изделий так называемого «обского стиля» [*Чемякин, Карачаров, 2002.* С. 51, 54. Рис. 16 – *15, 19*; *Борзунов, Зыков, А–2004.* Разд. 1.2.2; *Семенова, 2008.* Рис. 39 – *7*; *Яковлев, 2011.* С. 69–70. Ил. 135–137]. Наиболее ранние средневековые височные кольца, найденные в Сургутском Приобье, изготовлены из серебра и бронзы. Они не имеют привесок, относятся к типам проволочных (дротовых) гладких, псевдовитых и псевдовитых с обмоткой нитью и проволокой. Выполнены из проволоки, загнутой в один или полтора оборота. В XI–XV веках кольца этого типа были распространены на обширной территории Древней Руси [*Седова, 1997.* С. 63–64]. В среднем течении Оби, на территории бывшего Сургутского уезда, самые поздние находки таких колец относятся к концу XVI – началу XVII века и происходят из погребений могильника Усть-Балык [*Семенова, 2001.* С. 81. Табл. 50]. Аналогичные тонкие витые кольца с характерной S-образной петлей на одном конце найдены на севере Западной Сибири – в Надымском городке, существовавшем до начала XVIII века [*Кардаш, 2013а.* С. 140. Рис. 3.12 – *7*].

Объемные и уплощенные височные подвески и серьги с широким дуговидным ушком и «месяцевидным» щитком (в том числе так называемого «харинского типа») известны у кочевников Южного Урала VI–VIII веков (турбаслинская культура) и IX – начала X века (караякуповская культура) [Степи Евразии…, 1981. С. 23, 81. Рис. 12 – *16*; 56 – *11, 12*]. У финно-угров лесного Приуралья ранние варианты плоских литых височных подвесок со щитком в виде стилизованного полумесяца, иногда называемые «калачевидными», распространились со второй половины X – первой половины XI века. В XI веке они сменились здесь коваными вариантами. Их щитки начали украшаться зернью [*Голдина, 2004.* С. 357. Рис. 166 – *11, 12*; 181 – *18–91*; *Белавин, Крыласова, 2013.* С. 79–81. Рис. 2 – *5–8*; 3 – *1*]. Более сложные варианты серебряных с позолотой и зернью «калачевидных» подвесок производились в XII–XIV веках в Волжской Болгарии [*Зыков и др., 1994.* С. 109, 151. № 261]. Из Волго-Камья украшения этого типа – с орнаментом и без такового – попадали в Большеземельскую тундру [*Мурыгин, Усолкина, 2013.* Рис. 3 – *35*] и таежное Приобье [ср.: *Федорова и др., 1991.* Рис. 3А – *42*]. Найденная на городище Монкысь урий подвеска с простым рельефным декором является, по-видимому, очень поздней местной копией прикамских образцов.

Кроме того, из Волжской Болгарии в XII–XIII веках, а затем Золотой Орды в XIII–XIV веках, по Камскому торговому пути и через Припечорье в Западную Сибирь начинают завозиться и другие разнообразные высококачественные серебряные и бронзовые височные украшения. В том числе: височные кольца с нанизанными на них металлическими цилиндрическими бусинами, изготовленными из спаянных полусфер, украшенными

сканью и зернью. В довольно большом количестве такие височные кольца и их детали – бусины – сохраняются в быту и культовой практике местного населения Среднего Приобья вплоть до позднего средневековья [см.: *Терехова, А–1986.* Рис. 55; *Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 110. Рис. 33 – *3*; *Борзунов, 2003а.* С. 146. *Ил.* 5 – *7*; *Стефанов, 2003.* С. 198, 200. *Ил.* 15 – *5, 6*].

К таким предметам, вероятно, относится фрагмент одной серебряной бусины, найденный на данном памятнике.

Бусина-пронизь[2], декорированная сканью и зернью, – 1 экз. (рис. 2.3.1 – *13*). Представляет собой фрагмент полой серебряной с позолотой бусины, декорированной припаянными треугольниками зерни и жгутами скани, опоясывающими нижнюю часть бусины и ее устье. Предмет найден на юго-западной периферии оборонительно-жилого комплекса (уч. М/35, ур. 44,37 м), близ постройки № 2.1(2). Возможны три варианта использования этого изделия: в качестве элемента однобусинного височного кольца (рис. 2.3.1 – *9*), многобусинного височного кольца либо иного сложносоставного украшения костюма.

Примеров использования импортных бусин в первом качестве, в том числе в Нижнем и Сургутском Приобье, довольно много. Об этом свидетельствуют материалы местных могильников XII–XV веков [*Федорова, 1990.* С. 132–135. Рис. 3 – *2, 4, 11*; *Карачаров, 1991.* Рис. 1 – *31, 32*; *Зыков и др., 1994.* С. 106–109, 150, 151. Рис. 244–251, 261. №№ 244–251, 261; *Чемякин, Карачаров, 1999.* С. 58–62. Рис. 19 – *10*; 20 – *4*; *2002.* С. 60–64. Рис. 19 – *7, 9*; 20 – *3*; *Приступа, 2012.* С. 88–89. *Ил.* 17]. В вымских погребениях, датированных XI веком, бусины-пронизки украшали костюм покойного [Финно-угры…, 1987. С. 128. Табл. LVIII – *20, 21*]. Между тем, в разновременных некрополях сайгатинского этапа и начала нового времени (XI–XIII, XVI – начало XVII века) эти более ранние импортные изделия могли входить в состав однобусинных височных колец [*Чемякин, Карачаров, 2002.* Рис. 19 – *7*; *Стефанов, 2003.* С. 198, 200. *Ил.* 15 – *5, 6*]. Кроме того, отдельные бусины, когда-то снятые с височных колец, выступали в качестве самостоятельных украшений [*Терехова, А–1986.* Рис. 55; *Чемякин, Карачаров, 2002.* Рис. 19 – *9*; *Борзунов, 2003а.* С. 146. *Ил.* 3 – *11*; 5 – *7*]. Нередко встречаются на памятниках западносибирской тайги, в том числе в поздних могильниках и святилищах Нижнего Прииртышья и Сургутского Приобья, многобусинные серебряные височные кольца и височные подвески, произведенные в XII–XIV веках в Волжской Болгарии [*Зыков и др., 1994.* С. 106–108. №№ 244, 242–251; 2012. Рис. 29 – *6*; *Чемякин, Карачаров, 2002.* Рис. 20 – *3*; *Приступа, 2012.* С. 88–89. *Ил.* 17; *Зайцева, Кузина, 2014.* С. 92. *Ил.* 2 – *30*].

Серьги – 16 экз. (рис. 2.3.2 – *1–16*). Изготовлены из меди, олова, камня и стекла. Их главный элемент – большое разомкнутое металлическое кольцо, украшенное декоративными элементами (элементом). По конструкции и форме декоративного элемента данные изделия подразделены на два типа:

Серьги в виде разомкнутого кольца с декорированным бусинами стержнем (серьги в форме знака вопроса) – 7 экз. (рис. 2.3.2 – *1–7*). Основа изделия изготовлена из тонкой медной проволоки. Украшения имеют вид разомкнутого металлического кольца диаметром 2,0–2,5 см, переходящего в длинный вертикальный стержень, заканчивающийся петлей. На стержень нанизывались разной величины бусины, которые сейчас по большей части утрачены. Декоративные элементы сохранились только на одном изделии. Изначально стержень каждой серьги был украшен бусиной, которая находилась в его средней части и фиксировалась с обеих сторон несколькими (2–4) мелкими оловянными бусинками. Остальная часть стержня, также с обеих сторон от бусины, была оплетена тонкой медной проволокой. Нижняя часть стержня завершалась петлей-фиксатором. Общие размеры изделий: 5,5–6,9×2,0–2,5 см. Все украшения относятся к поселенческому комплексу памятника. Три серьги лежали в женской сумке, найденной в пространстве постройки № 2.3(4), близ останков двух женщин (индивидуумы IX, X). Еще три находились в заполнении котлована постройки № 2.5(6). Последняя серьга, без декоративных элементов, обнаружена у подножия холма, на южной периферии городища (уч. З'/54).

Самые древние металлические цельнолитые и проволочные серьги в виде знака вопроса с конической

[2] *«Пронизь»* – слово женского рода, обозначающее бусину или бисерину с отверстием для нанизывания либо украшение, нитку из таких бусин и бисера [*Даль, 1882.* С. 514, 515; *Ефремова, 2000.* С. 844, 845]. Термин считается устаревшим, но, несмотря на это, он имеет однозначную смысловую трактовку. Это обстоятельство отличает его от часто используемого археологами термина – *«пронизка»*, имеющего два смысловых значения: действие (глагол) и синоним слова «пронизь». Считаем, что в данном сочетании логичнее использовать термин «пронизь», что будет наиболее точно отражать форму и конструктивные особенности данного предмета и ему подобных.

трубицей или стержнем с крестовидным концом на Севере Евразии фиксируются в Приуралье и на Южном Урале – на позднеананьинских, чегандинских, пьяноборских и худяковских памятниках (IV/III века до нашей эры – IV век нашей эры) [*Генинг, 1970.* С. 91, 92, 142. Табл. I – *1, 2*. Рис. 20 – *21, 22*; *1988.* С. 141. Рис. 4; 9 – *3*; 17 – *1*; 32 – *3*; *Агеев, 1981.* С. 102–104. Рис. 1; 2 – *тип 4*; *1992.* С. 31, 111–112. Табл. 1 – *12, тип 5*; *1993.* Рис. 3 – *5, 11, 13*; *Борзунов, 1997б.* Рис. 5 – *19*; *Голдина, 2004.* Рис. 101 – *8, 9*; *113– 8, 9*; 114 – *5*; 116 – *7*; 123 – *11*]. Отсюда они завозятся в Западную Сибирь и ныне изредка встречаются на памятниках кулайской культурно-исторической общности, в том числе в Сургутском Приобье [*Чемякин, 1997*; *Борзунов, Стефанова, 2001.* С. 100. Рис. 2 – *1*; *Чемякин, Карачаров, 2002.* Рис. 123 – *11*; *Ширин, Яковлев, 2010.* С. 41, 47. *Ил.* 35, 36, 52]. Помимо этого, в первой половине I тысячелетия нашей эры в Прикамье появляются серьги в виде разомкнутого кольца и длинного витого стержня. На одну из таких серег была нанизана большая импортная стеклянная «глазчатая» бусина [*Голдина, 2004.* Рис. 103 – *6*; 123 – *13*].

Хронология и распространение металлических средневековых серег, выполненных из проволоки в виде вопросительного знака, в том числе с нанизанными на них стеклянными и каменными бусинами, детально рассмотрел А. П. Зыков. Основные выводы его анализа таковы.

– Массовое распространение такие украшения получают в погребениях золотоордынских кочевников второй половины XIII – XIV века в Восточной Европе, на Южном Урале и в Казахстане. При этом наиболее поздние такие серьги встречаются в могилах их северных потомков – барабинских и сибирских татар XVII века.

– На Руси серьги в виде знака вопроса фиксируются в курганах (XIII–XIV века), а затем – в городских слоях (XV–XVI века). Наиболее поздние русские их варианты – XVII века – найдены при раскопках Мангазеи.

– В средневековом Прикамье эти серьги появляются в конце XIII – середине XIV века и бытуют в удмуртских могильниках до середины XIX века.

В таежном Приобье серьги в виде знака вопроса единично встречаются в конце XIII – XIV веке, а более массово – со второй половины XIV века. Здесь они сохраняются до XVII века [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 166–167].

В целом же можно заключить, что в развитом средневековье – со второй половины XIII – начале XIV века – серьги типа «знак вопроса» разных вариантов получают распространение на многих территориях центра и севера Евразии, включая Восточную Европу, Южный Урал, Казахстан и юг Западной Сибири [Степи Евразии…, 1981. С. 198, 222. Рис. 72 – *96–98*; 89 – *115, 116*; *Седова, 1981.* С. 16]. В Северной Барабе такие украшения бытуют до начала XVIII века [*Молодин, 1979.* С. 178. Табл. XLVI]. В Среднем Приобье эти находки происходят из комплексов конца XVI – начала XVII века могильника Усть-Балык [*Семенова, 2001.* С. 82. Табл. 51]. Подобные украшения найдены у аборигенов Крайнего Севера – в слоях конца XVI – начала XVIII века Надымского городка [*Кардаш, 2013б.* С. 140. Рис. 3.12 – *8, 9*]. Серьги, наиболее близкие по форме и конструкции обнаруженным на городке *Монкысь урий*, также найдены при раскопках Мангазеи [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* С. 47. Табл. 49 – *6, 7*].

Серьга в форме кольца с декоративной пластиной – 1 экз. (рис. 2.3.2 – *14*). Изделие плоское, литое, вероятнее из сплава меди и олова (?). Общий размер серьги: 3,6×2,9×0,3 см. Изделие имеет сложную форму: к плоскому разомкнутому кольцу, диаметром 1,8 см. снизу примыкает фигурная пластина (щиток) в виде совмещенных малого круга и большого овала, снабженных симметричными выступающими декоративными «ответвлениями». Пластина украшена двумя припаянными кольцами – малым и большим, которые могли служить кастами под стеклянные вставки. По контуру нанесен узор из мелких «перлов». Предмет найден на северной периферии городища (уч. З"/39, ур. 44,97 м).

Бусины-подвески (хрустальные?) – детали сережек? – 5 экз. (рис. 2.3.2 – *8–13*). Представлены одним целым изделием и пятью фрагментами. Целая бусина – овального сечения с граненой треугольниками поверхностью – нанизана на металлический (медный?) стержень, который вверху имеет петлю, а внизу снабжен конусообразным фиксатором (рис. 2.3.2 – *13*). Как уже упоминалось, серьги в виде знака вопроса, наоборот, заканчивались петлей в нижней части стержня, которая предназначалась для фиксации подвижной привески. В особенности это могло касаться разновидностей серег, стержни которых были украшены только оплеткой из тонкой медной проволоки и имели массивную петлю [*Кардаш, 2013б. С. 140.* Рис. 3.12 – *9*]. Данное изделие является частью более сложного украшения, например, серьги. Тем не менее нельзя исключать, что это составная часть какого-то другого нательного или шейно-нагрудного украшения.

Целое изделие найдено в пространстве постройки № 2.3(4), близ останков двух женщин (индивидуумы IX, X). Четыре фрагмента граненых бусин, возможно, от одного изделия, собраны в пространстве постройки № 2.1(2).

Половинка похожей граненой ***стеклянной бусины*** (рис. 2.3.2 – *12*) обнаружена в постройке № 2.7(8) (уч. Г/8).

Стеклянные бусины-пронизи – детали сережек (?) – 2 экз. (рис. 2.3.2 – *15, 16*). Небольшое количество таких находок позволяет рассматривать их не в качестве отдельного типа изделий – универсальной формы, который мог иметь широкое употребление, а как деталь составного украшения, вероятнее всего – серьги. Бусины со сквозным отверстием изготовлены из непрозрачного светло-голубого стекла (стеклянной пасты). Одна из них, размером 1,4×1,0 см, в плане имеет форму вытянутого асимметричного овала, в поперечном сечении – круга. Место находки – межжилищное пространство западной части жилой площадки (уч. Ф/31, ур. 45,18 м). Вторая бусина – размером 1,7×0,6 см, в плане – уплощенная овальная, в поперечном сечении – круглая, – найдена в постройке № 2.1(2) (раскоп 2, 1990 года).

Стеклянные бусы-пронизи на севере Западной Сибири периодически встречаются в погребальных комплексах и на святилищах со второй половины раннего железного века («кулайский период»). В Нижнем и Сургутском Приобье, равно как и на юге Западной Сибири, все эти вещи – привозные, произведенные в ремесленных центрах Средней Азии, Причерноморья, а также Ближнего Востока, Восточного Средиземноморья и Египта [*Чиндина, 1984.* С. 62; Табл. 4; Рис. 22 – *9, 15*; *Корякова, 1988.* С. 80–81. Рис. 18 – *112–118*; 19 – *16–18*; 20 – *12*; 21 – *14, 18*; *Борзунов, Зыков, 2003.* С. 104. Рис. 1; 2 – *1, 2, 5, 6, 8, 9*; *Борзунов, Чемякин, 2006.* С. 70–71. Рис. 16 – *1, 4, 27–32; Перевалова, Карачаров, 2006.* С. 63, 70]. Нередки одноцветные и полихромные бусы и в западносибирских средневековых комплексах, в которые они попадали в основном из Средней Азии и Восточной Европы.

В XVII веке особенно широко были распространены голубые бусины европейского производства (Венеция, Голландия). Такие же украшения, произведенные в малороссийских и московских центрах стеклоделия, в большом количестве обнаружены при раскопках Заполярной Мангазеи, на острове Фаддея и берегу залива Симса [*Порфиридов, 1951.* С. 156; *Белов, Овсянников, Старков, 1981.* С. 48–50; *Визгалов, Пархимович, 2008.* С. 78. Рис. 115 – *4, 10*]. Причем бусы, найденные в двух последних местах, входили в состав нескольких ожерелий, которые, судя по всему, предназначались для обмена [*Порфиридов, 1951.* С. 156, 243. Табл. XIII – *16–22*]. Учитывая, что голубые бусины отсутствуют в слое городища Ендырское I [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 120–121], функционирование которого прекратилось в конце XVI века, можно установить время их появления на севере Западной Сибири: рубеж XVI–XVII веков. С учетом этого, данные изделия могут выступать как хронологический маркер, соответствующий периоду колонизации Сибири Московским царством. Бусы из голубого, темно-синего, молочно-желтого, белого и разноцветного стекла в большом количестве обнаружены в слоях конца XVI – начала XVIII века в Надымском городке [*Кардаш, 2009.* С. 141; *2013а.* С. 141]. Немного голубых и молочно-белых бус (13 экз.) собрано на синхронном памятнике Крайнего Севера Сибири – Полуйском мысовом городке [*Кардаш, 2013б.* С. 176].

Перстни – 9 экз. По материалу подразделяются на две группы: бронзовые и оловянные.

Группа 1. Бронзовые перстни. Представлена только одним предметом.

Тип I. Перстень с круглым щитком – 1 экз. (рис. 2.3.2 – *28*). Изделие цельнолитое. Щиток овальный с гравированным изображением дракона с трезубцем – геральдическим знаком, аналогичным родовому знаку Рюриковичей. Шинка перстня овального сечения, шириной 0,3 см, с ребром на внешней стороне и рельефным орнаментом (типа «косички») на участках, примыкающих к щитку. Внутренний диаметр кольца – около 2,2 см. Перстень найден в восточной части оборонительно-жилого комплекса, в слое, связанном со стеновыми конструкциями (уч. Б”/44).

Точных аналогов данному изделию нам не известно. Между тем подобные бронзовые перстни с круглым или овальным плоским щитком, на котором размещалось гравированное изображение, получают широкое распространение на севере Сибири с конца XVI века. Здесь они известны по находкам на большой серии археологических памятников, как русских, так и аборигенных, в том числе на таких как Мангазея и Надымский городок [*Порфиридов, 1951.* С. 153–154, 244. Табл. XIV – *1–7*; *Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – С. 47–48. Рис. 8 – *1–3*; *Кардаш, 2013б.* С. 140–141. Рис. 3.12 – *28–32*].

Группа 2. Оловянные перстни. Данная категория предметов подразделяется на четыре типа, различающихся по форме щитков.

Тип I. Перстень с круглым кастом под кобашен – 8 экз. (рис. 2.3.2 – *18–25*). Все перстни фрагментированы. От пяти изделий сохранились только касты. Три из них представлены кастами под кобашен, в том числе два – с фрагментами стеклянных вставок. Три украшения – это обломки шинок. Все пять кастов таких перстней имеют идентичную – круглую – форму и схожий декор. Основу композиции составляет круглая вставка из органического материала, остатки которой сохранились внутри двух перстней. Каст выполнен в форме восьмилепестковой розетки, с орнаментом в виде восьми крупных «перлов», попарно обрамленных «жемчужинами» меньшего размера. Все перстни имеют плоский обруч шириной 0,7 см, который декорирован диагональными линиями, образующими треугольники с разнонаправленными вершинами. Точный диаметр перстней не определен. Три предмета происходят, вероятно, из погребения № 3. Три другие обнаружены в северо-западной части жилого комплекса и, возможно, связаны с постройками 7 и 9.

Перстни со вставками известны на Белом озере (XIII век) [*Голубева, 1973.* С. 142]. На территории Центральной Руси они получили наибольшее распространение в крупных городах с конца XI до XV века [*Седова, 1981.* С. 139]. Перстни с круглыми вставками встречаются в культурных слоях Новгорода середины XII – конца XIV века [*Там же.* С. 140, 142]. Массовое производство таких изделий в Европейской части России началось в конце XVI – XVII веке – с появлением собственного стекольного производства. По аналогии с украшениями, происходящими с археологических памятников Среднего и Нижнего Приобья (городища Березовское I, Нялинское I) [*Кузина, 2013.* С. 244. Рис. 1, 7–9], перстни, найденные в городке *Монкысь урий*, могут быть датированы XVI – началом XVII века.

Тип II. Перстень с восьмигранным щитком – 1 экз. (рис. 2.3.2 – *26*). Изделие целое литое, размерами 3,2×1,4×1,3 см. Его восьмигранный щиток декорирован рельефным (гравированным либо литым) изображением животного или птицы. Шинка перстня на участках, примыкающих к щитку, украшена рельефным орнаментом («косичка»). Внутренний диаметр кольца – около 2 см. Предмет обнаружен в пространстве постройки № 3(4) близ останков двух женщин (индивидуумы IX, X), и, возможно, принадлежал одной из них.

Аналогичный по форме и сходный орнаменту перстень найден в погребении № 296 Усть-Балыкского могильника конца XVI – начала XVII века [*Семенова, 2001.* С. 88. Табл. 54 – *2, 3*].

Тип III. Перстень с шестигранным щитком – 1 экз. (рис. 2.3.2 – *17*). Предмет представлен фрагментом щитка, декорированного по периметру маленькими «жемчужинами». В середине углубления расположена крупная «жемчужина».

Тип IV. Перстень с четырехгранным (квадратным) щитком – 1 экз. (рис. 2.3.2 – *27*). Изделие цельнолитое, сильно коррозированное. Размеры перстня – 1,7×1,7×1,5 см, внутренний диаметр кольца – 1,3 см. Украшение имеет плоский обруч и прямоугольный щиток, образованный расширением обруча. Щиток обрамляет рамка из коротких насечек, остальной декор не восстанавливается. Предмет обнаружен на южной периферии оборонительно-жилого комплекса (уч. М/42, ур. 45,15 м).

Аналогичные украшения найдены в слое конца XVI – начала XVIII века Надымского городка [*Кардаш, 2013б.* С. 141. Рис. 3.10 – *38*].

Браслеты – 3 экз. Различаются по форме и декору, каждый из них представляет отдельный тип.

Тип I. Браслет в форме разомкнутой пластины (пластинчатый) с зооморфными головами на концах (рис. 2.3.2 – *32*). Представлен фрагментом (3,4×1,8×0,3 см) литой бронзовой пластины шириной 1,8 см. Длина обломка – 3,4 см. В поперечном разрезе украшение первоначально представляло собой несомкнутый овал. На одном конце пластины сохранилось рельефное изображение головы какого-то животного, неопределимого до вида. Между тем не исключено, что это традиционное для таежного Приобья и Приуралья изображение медведя в «жертвенной» позе. Хорошо видны широкий нос зверя, два больших круглых глаза с надбровьями, за которыми изображены длинные уши. Обломок найден на южной периферии городка. Вероятнее всего, это часть литого широкопластинчатого браслета, который относится к так называемому «обскому художественному стилю», объединяющему целый ряд украшений западносибирского производства, декорированных изображениями животных.

Браслеты этого типа были распространены в XI–XIV веках в Нижнем и Среднем Приобье, Среднем Прииртышье и таежной зоне Восточно-Уральского пенеплена [*Чернецов, 1957.* С. 201–202, 224, 230. Табл. XXXI – 2 – *6*; XIV – *11*; *Могильников, 1968.* Рис. 6 – 3; *Викторова, 1973.* С. 64, 165, 167. Табл. XV – *1, 5, 7, 10*; *Коников, 1987.* Рис. 3 – *54*, 6 – *12*; Финно-угры…, 1987. С. 212. Табл. XCI – *11, 21*; *Яковлев, 1993*; *Зыков и др., 1994.* С. 87–

88; *Морозов, Пархимович, Шашков, 1995.* Фото на с. 146; *Чемякин, Карачаров, 2002.* Рис. 18 – *6*; *Арне, 2005.* С. 81, 85, 86, 106. Рис. 9, 33, 39, 129; *и др.*].

Тип II. Браслет (?) в форме разомкнутой пластины (рис. 2.3.2 – *31*). К категории браслетов отнесен предположительно. Представлен фрагментом (4,2×2,0×0,2 см) литой бронзовой пластины, имеющей небольшой изгиб. У длинных краев пластины прослеживается едва заметный рельефный валик. На конце изделия – круглое (0,5 см) отверстие. Аналогии предмету не известны.

Тип III. Браслет в форме разомкнутого стержня с петлями (рис. 2.3.2 – *30*). Браслет цельнолитой, толщиной 0,5–0,6 см, изготовлен из светлой оловянистой бронзы, в сечении овальный. С лицевой стороны у него прослеживается рубчатый (псевдовитой) орнамент. Один конец изделия обломан и утрачен, на втором сохранилась петля, декорированная у основания округлым выступом с двусторонним углублением в центре. Размер обломка – 6,5×4,0 см. Предмет обнаружен в постройке № 3(4).

Аналогичные браслеты найдены при раскопках русских стоянок на острове Фаддея и в заливе Симса. Изделия были определены как ручки от деревянных ларчиков, хотя никаких иных сундучных металлических деталей – обивочных гвоздей, жестяных полос, петель, личин замков и врезных замков – на памятнике не обнаружено [*Станкевич, 1951.* С. 169, 170. Табл. VIII. Рис. 21, 22]. Данные находки принадлежали русским промышленникам, направлявшимся в Восточную Сибирь и потерпевшим кораблекрушение между 1615 и 1617 годом [*Окладников, Пинхенсон, 1951.* С. 211, 212]. Интерпретация Я. В. Станкевича имела в большей степени предположительный характер. Период изготовления и бытования данных изделий определен концом XVI – началом XVII века.

Кольцо – 1 экз. Целое ***бронзовое кольцо*** в форме обруча, сечение которого близко к сегменту. Диаметр кольца – 2,2 см, ширина – 0,5 см (рис. 2.3.2 – *29*). Предмет найден в переотложенном слое раскопа 3 (1990 года). Он мог принадлежать жителям постройки № 5(6) или относится к погребению № 3.

2.3.1.2. Съемные шейно-нагрудные и поясные украшения, многофункциональные украшения костюма

К этой группе изделий относятся украшения одежды, а также предметы, которыми в том или ином виде декорировали костюм. В данном разделе охарактеризованы различные типы полифункциональных украшений, точное назначение которых установить сложно. В любом случае, это изделия, которые были предусмотрены для декора самой одежды или ее элементов (бусины-пронизи, бусины-пуговицы, бисер), и те, что носились поверх одежды (шейно-нагрудные украшения, пронизки[3], подвески и детали поясной гарнитуры).

В этом же разделе, как отдельную хронологическую группу, мы рассматриваем украшения XIII–XIV веков, причем вне зависимости от близости их форм к некоторым изделиям XVI – начала XVII века. На наш взгляд, они представляют некий реликтовый элемент, который продолжал использоваться в составе более позднего костюма.

Более многочисленная группа таких украшений известна по находкам на Надымском городке. Жители данного населенного пункта продолжали использовать «древние» украшения до первой трети XVIII века, в первую очередь, в ритуальном костюме [*Кардаш, 2013б.* С. 143–146. Рис. 3.13 – *1–24*]. С середины XVIII века такие изделия в быту аборигенов Западной Сибири фиксировались крайне редко. Обычно их находят на культовых объектах (святилищах), куда они попадали в качестве подношений божествам местного пантеона.

По форме, способу крепления к одежде и возможному изначальному предназначению мы разделили предметы этой группы на три категории.

Первая категория – бусины. Последние представляют собой относительно многочисленную и разнообразную категорию изделий. Такие *объемные* украшения одежды, как бусины, по способу крепления можно разделить на две основные группы:

– бусины-пронизи, то есть изделия со сквозным отверстием для крепления;

– бусины-пуговицы, изделия с ушком (петлей) для крепления.

Бусины-пронизи использовались не только для украшения одежды. Чаще всего они входили в состав

[3] Слово «*пронизка*» происходит от глагола «пронизывать» [*Ефремова, 2000.* С. 844]. В археологических классификациях – это разновидность украшения костюма или нательного украшения в форме трубочки, то есть цилиндра с продольным отверстием, через которое продевается нить. Известно множество типов и разновидностей пронизок, в том числе в виде объемных изображений животных и птиц.

сложносоставных, в том числе так называемых «шумящих», украшений – головных, косных, шейно-нагрудных (с нашивными бусинами или бисером), поясных, а также выступали как элемент височных колец (раздел 2.3.1.1).

Бусины-пуговицы, имевшие петлю для подвешивания, как и бусины-пронизи, являлись полифункциональными украшениями. В отличие от подвесок, они были более универсальными. При этом многие разновидности таких бусин, особенно крупные формы, спустя некоторое время после своего появления перестали использоваться собственно как пуговицы и производились исключительно для украшения одежды.

Бусины-пронизи. По размеру и способу использования подразделяются на бисер (бусины диаметром до 0,3 см) и собственно бусины (диаметром до 2,5 см). Последние по причине малочисленности отнесены нами к деталям составных украшений – серег – и охарактеризованы выше (раздел 2.3.1.1). Бисер по материалу подразделяется на стеклянный и металлический.

Бисер стеклянный – 160 экз. (рис. 2.3.3 – *1–3*). В коллекции бисер шарообразной формы, диаметром около 0,2–0,3 мм, белого (141 экз.), зеленого (13 экз.) и голубого (19 экз.) цветов. Основная часть его лежала в женской сумке для рукоделия [*Семенова, 2005.* С. 85]. Кроме этого, пять белых и голубых бусин найдены в погребении № 3, две бусины – белая и голубая – обнаружены рядом с женским погребением № 1.

Бисер металлический (рис. 2.3.4 – *4–16*). Количество его не установлено. Общий вес составляет около 700 г При весе бисерины в 0,15–0,25 г общее количество изделий может составлять от 2,8 до 4,6 тыс., то есть около 3,5 тыс. Бисер из олова имеет форму, близкую к цилиндрической, и диаметр 0,2–0,3 см. Часть бисера хранилась в женской сумке, обнаруженной в постройке № 2.3(4) [*Семенова, 2001.* С. 37–39]. Помимо этого, бисер был найден в погребении № 1, а также у останков одной из двух женщин (индивидуум X) (рис. 3.1.15). Важно отметить, что при расчистке было установлено расположение самих бисерин. Они залегали в районе ключиц и груди умершей несколькими (около 10) параллельными рядами, при этом ряды были сориентированы параллельно плечевому поясу. Совершенно очевидно, что на женщине было надето какое-то шейно-нагрудное украшение, состоявшее из рядов нашитого металлического бисера. Более того, судя по находке в кожаной сумке, лежавшей в 1 м от этой женщины, лоскутков суконного изделия с нашитым таким же бисером, правомерно предположить, что на умершей было надето шейно-нагрудное украшение из металлического бисера, нашитое на основу из сукна или ровдуги.

Такие украшения известны по этнографическим материалам XX века. Согласно этнографической типологии, они относятся к первому типу шейно-нагрудных женских украшений в форме полукруга или полумесяца, которые крепились на шее и закрывали верхнюю часть груди. Эти изделия выполнялись на основе из ровдуги либо сукна и декорировались параллельными концентрическими рядами бисера, пуговиц или других деталей [*Михайлова, 2005.* С. 19–20. Рис. 2].

Стеклянный бисер и бусы-пронизи изготавливались в производственных центрах Европы и Азии. Тогда как происхождение оловянного бисера следует связывать, скорее всего, с ремесленными центрами Восточной Европы, то есть Московского царства. Безусловно, такие центры и отдельные мастерские имелись также в Казанском и Сибирском ханствах. Вместе с тем на рубеже XVI–XVII веков все они уже вошли в состав Московии и стали ее частью. В принципе, появление оловянных изделий, особенно в большой массе, является неким культурно-хронологическим признаком, маркирующим эпоху активного административного закрепления за Русским государством территорий севера Сибири.

По организационно-техническим причинам в процессе раскопок промывка культурного слоя не производилась[4]. В этой связи, бисера могло бы быть найдено больше, прежде всего стеклянного, но не считаем, что это радикально изменило бы наши представления о данном типе украшений. В целом же находка большого количества бисера, как металлического, так и стеклянного, является неординарным случаем для археологического памятника таежного Приобья. Единичные бисерины изредка попадаются в погребальных и поселенческих комплексах данного региона. Между тем такого количества бисера на других памятниках XVI–XVII веков севера Западной Сибири пока не найдено. Данное обстоятельство можно расценивать как признак высокого социального статуса жителей, в частности, женщин, проживавших в городке *Монкысь урий*.

[4] Контрольные промывки образцов грунта, взятых из культурного слоя, причем как из переотложенного в процессе раскопок 1990 года, так и исследованного в 2011–2013 годах, не дали эффективного результата. Большинство предметов, хотя и единичных, попавших в отвал, были произведены из металлов. Благодаря этому они легко извлекались – при помощи металлодетектора – из концентрата, включавшего разнообразную органику.

Бусины-пуговицы металлические с ушком-петлей относятся к универсальной категории украшений. По металлу они подразделяются на три группы: медные, серебряные и оловянные.

Группа 1. Бусины-пуговицы из серебра – 2 экз. (рис. 2.3.4 – *74, 75*). Представлены одним типом изделий.

Тип I. Многогранные бусины – 2 экз. Предметы имеют форму объемного многогранника – неправильного икосаэдра. Изделия полые, снабжены ушком, закрепленным внутри. Размер каждого предмета: 1,5×1,0 см.

Две одинаковые целые бусины были найдены в постройках № 2.3(4) и № 2.5(6). Прямых аналогий им нам не известно. Тем не менее, судя по форме и размерам, эти предметы изначально использовались в качестве пуговиц и пришивались к суконной одежде. Изделия явно импортного производства. Скорее всего, они были оторваны от какой-то верхней одежды (однорядка, кафтан) и впоследствии утеряны.

Группа 2. Бусины-пуговицы из меди – 14 экз. (рис. 2.3.4 – *12–24, 76*). По форме подразделяются на два типа.

Тип I. Бусины-пуговицы в форме эллипсоида (плода крыжовника) – 13 экз. (рис. 2.3.4 – *12–24*). Изделия полые, снабжены ушком в верхней части, декорированы насечками, формирующими ребристую поверхность, а также маленьким шариком на конце. Размер каждой целой бусины – около 2,5×1,3×1,3 см.

Большую часть бусин (9 экз.) нашли в постройке № 2.3(4), пять из них были нанизаны на шнур. Две бусины обнаружены в переотложенном слое раскопа № 3 (1990 года), вероятно, они были связаны с постройкой № 2.5(6). Еще три происходят с южной периферии городка. В погребениях городка *Монкысь урий* таких украшений не найдено.

Подобные бусины имели довольно широкое распространение на севере Западной Сибири. В том числе, они были найдены в погребальных комплексах Сургутского Приобья (могильники Усть-Балык, Моховая 45), в устье Иртыша (могильник Байлаковский), в южной части Нижнего Приобья (могильник Ендырский 1), а также в Нарымском Приобье (могильники Тискинский, Иготкинский) [*Чиндина, 1975.* С. 70. Табл. 10, 12, 14; *Боброва, Торощина, 1999.* С. 53, 64, 71, 72, 76. Рис. 4, 10, 11, 16; *Борзунов, Стефанов, 1999.* С. 240–242; *Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 171–177. Рис. 51–79; *Семенова, 2001.* С. 69, 224. Табл. 46; *Борзунов, 2003а.* С. 148. Ил. 5 – *4, 5*; *Приступа, 2012.* С. 90. Ил. 21].

А. П. Зыков провел анализ подобного типа бусин, найденных на территории Западной Сибири и в ряде областей Восточной Европы. Исследователь установил, что все бусины – импортные, среднеазиатские, произведены по одной технологии: спаяны из двух половинок, штампованных из тонких листов медного сплава (возможно, латуни). Продольные швы от пайки хорошо различимы. К верхней части изделия припаивалось медное ушко, к нижней – стерженек. В таежном Приобье и Приуралье такие украшения появились не ранее второй половины XV века и прекратили массово поступать в конце XVI века [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 171, 172, 176–177]. Одним их самых ранних прототипов таких украшений считались бусины из состава Симферопольского клада, датированные концом XIV – началом XV века [*Мальм, 1980.* С. 2], которые были произведены в Золотой Орде в первой половине XIV века [Сокровища Золотой Орды…, 2000. С. 320–321]. Сходные бусины найдены в Надымском городке, в слоях конца XVI – начала XVIII века. Изделия сильно истертые, возможно, они бытовали здесь с XV века и передавались из поколения в поколение [*Кардаш, 2103б.* С. 142. Рис. 3.12 – *13, 15*].

Тип II. Сферические бусины-пуговицы – 1 экз. (рис. 2.3.4 – *76*). Изделие цельнолитое. Имеет форму шарика, снабженного петлей, причем относительно большой. Диаметр бусины – 0,6 см, размер частично изношенной петли – 0,4×0,5 см.

Медные полые сферические бусины без декора периодически встречаются на севере Западной Сибири в комплексах развитого и позднего средневековья. В частности, они были найдены в слоях конца XVI – начала XVIII века Надымского городка [*Кардаш, 2013а.* С. 142]. По всей видимости, эта и подобные бусины-пуговицы имели импортное происхождение и попадали в регион вместе с суконной одеждой.

Группа 3. Бусины-пуговицы из олова – 219 экз. (рис. 2.3.4 – *27–73*, 2.3.5, 2.3.6). Одна из самых многочисленных групп данной категории украшений костюма. Из указанного числа 40 – это фрагменты или оплавленные предметы, явно относящиеся к данной группе (рис. 2.3.6 – *19–58*). По геометрической форме и особенностям декора подразделяются на три основных типа.

Тип I. Сферические (шаровидные) – 40 экз. (рис. 2.3.4 – *27–63, 71–73*). Почти все они происходят из слоя поселенческого комплекса и обнаружены в постройках № 2.3(4) и № 2.5(6). По размерам, технологии изготовления и элементам декора составляют три подтипа.

Первый подтип (малые) – 22 экз. (рис. 2.3.4 – *27–48*). Литые бусины с небольшим ушком и – довольно часто – с припаянным снизу шариком. На некоторых экземплярах прослеживается декор, состоящий из одной – трех рельефных горизонтальных полосок. Наличие его, по-видимому, зависело от качества отливки. Размеры изделий: 1,1–1,3×0,5 см. 19 бусин найдено в вышеупомянутой женской сумке [*Семенова, 2005.* С. 63. Рис. 52 – *3*].

Второй подтип (средние) – 15 экз. (рис. 2.3.4 – *49–63*). Полые, диаметром 0,8–1,0 см, снабжены петлями. Некоторые из них спаяны из двух полусфер, возможно, медных, луженых снаружи и изнутри. Украшения имеют гладкую поверхность. Обнаружены на территории оборонительно-жилого комплекса, причем большинство из них залегало в постройке № 2.3(4). Три бусины, изготовленные из двух спаянных половинок, происходят из постройки № 2.9.2.

Третий подтип (большие) – 3 экз. (рис. 2.3.4 – *71–73*). Имеет форму шара диаметром 1,5 см, снабженного петлей. Поверхность предметов гладкая. Нижняя часть бусины украшена пирамидкой из четырех мелких шариков. Все они найдены на территории оборонительно-жилого комплекса.

Привозные сферические полые медные бусины без декора, с простейшим «рифленым» орнаментом и без такового периодически встречаются на севере Западной Сибири в комплексах развитого и позднего средневековья. В частности, они были найдены в слоях конца XVI – начала XVIII века Надымского городка [*Кардаш, 2013а.* С. 142], а также в погребениях и культовых комплексах известного Сайгатинского IV могильника XI–XV (XVI?) веков [*Чемякин, Карачаров, 2002.* Рис. 19 – *8*; *Борзунов, Корочкова, Стефанов, 2013.* Ил. 24 – *3, 4*]. По всей видимости, украшения из городка *Монкысь урий* также импортные: по форме они идентичны более ранним серебряным и бронзовым изделиям из ремесленных центров Волжской Болгарии, Золотой Орды и Предуралья [ср.: *Чемякин, Карачаров, 2002.* Рис. 19 – *6*; *Белавин, Крыласова, 2013.* С. 77. Рис. 1 – *51*]. Малые шаровидные бусины с большим ушком известны по грабительским раскопкам неизвестного памятника в районе протоки Горная Суббота на правобережье нижнего течения Иртыша [*Яковлев, 2011.* С. 73. Ил. 149–151].

Тип II. Эллипсоидные (в форме древесного плода или цветочного бутона) – 158 экз., включая 40 фрагментов (рис. 2.3.4 – *64–70*, 2.3.5, 2.3.6). Предметы данного типа объединяет единая технология производства и конструкция. Все они изготовлены из оловянных литых элементов, спаянных между собой. Подвески полые. По особенностям формы и декору среди них можно выделить три основных подтипа.

Первый подтип – шишковидные – 105 экз. (рис. 2.3.5 – *1–91*). Изделия имеют форму асимметричного эллипсоида, сужающегося к нижней части. Поверхность всех бусин ребристая, верхняя часть – у петли – покрыта выпуклыми «чешуйками», спускающимися несколькими ярусами. Размеры бусин: 2,0–3,5×1,4×2,0 см. Изделия данного подтипа имеют варианты по особенностям декора. Их довольно подробно описала В. И. Семенова, хотя и ошиблась в определении материала:

«Тип 6. Шишковидные ребристые серебряные полые, сверху у петли спускающиеся ярусы из выпуклых чешуек, различаются по количеству долей, ярусов и размеру: 1) 8-дольные, 3-ярусные (3,5×2,0 см), 1 экз., из ямы VII (№ 204, рис. 58, 8); 2) 8-дольные, 4-ярусные (3,5×2,0 см), 21 экз. (1 – из ямы VII (№ 204, рис. 58, 9), 17 – из погр. 1 (№ 100), 2 – из котлована 5 (№ 237, рис. 44, 2; № 312), 1 – из культурного слоя городища (№ 175)); 3) 6-дольные, 3-ярусные (2,7×1,5 см), 20 экз. (16 – из погр. 1 (№ 100); 4 – из погр. 3 (№ 216, рис. 44, 3)); 4) 6-дольные, 4-ярусные (2,7×1,5 см), 6 экз. (из котлована 5 — № 160, рис. 44, 5; № 270, рис. 44, 4; № 263, 276, 317; из шурфа 5 – № 198)» [*Семенова, 2005.* С. 63. Рис. 44].

Кроме того, на наш взгляд, многие подвески этого подтипа явно напоминают желуди.

Данные предметы были найдены как в погребениях (№ 1 – 55 экз., № 3 – 31 экз.), так и в помещениях построек, в частности на полу постройки № 2.5(6) – 12 экз. Особо отметим, что две такие подвески найдены в яме № VII – ритуальном захоронении двух особей северного оленя под полом постройки № 2.3(4). Остальные предметы происходят из переотложенного слоя раскопов 1990 года, но подавляющее большинство их явно было связано с погребениями № 1 и № 3, либо с помещениями построек № 2.1(2) или № 2.5(6).

Второй подтип – ореховидные – 9 экз. (рис. 2.3.4 – *64–70*). Изделия имеют форму четырехгранного эллипсоида с уплощенными гранями, разделенными четырьмя вертикальными ребрами. Сверху тела бусины-пуговицы припаяна петля, снизу – маленький шарик. Изделия украшены растительными розетками, напоминающими так называемые орнаментальные «волюты». Размер бусин: 2,9×1,9×1,8 см.

Предметы были найдены в разных местах. Четыре – в женской сумке из постройки № 2.3(4), две – рядом, в том же котловане. Две бусины, возможно, происходят из погребения № 3. Последняя обнаружена у южного подножия холма (уч. 3’/54).

Третий подтип – грушевидные (бутоновидные) – 27 экз. (рис. 2.3.6 – *1–18*). Имеют форму асимметричного эллипсоида с расширением нижней части. В горизонтальном сечении – шестигранные, с поперечным ребром в нижней трети. Сверху тулова припаяна петля, снизу выступает шишечка на стерженьке. Изделия сильно корродированны. Тем не менее на поверхности просматривается мелкий, едва различимый рельефный орнамент в виде сетчатых кругов и псевдошнура, спускающегося по ребрам и между ними. Бусины сходны как с плодом груши, так и с цветочным бутоном. В. И. Семенова предположила, что данное растение было близко тюльпану. В целом это довольно крупные изделия – средним размером 3,5×2,0×1,5 см, которые можно определить как «большие». Единственный экземпляр, размером 2,4×1,3×1,2 см (рис. 2.3.6 –*18*), можно отнести к «малым» бусинам.

Большинство этих украшений было найдено в ходе краеведческих раскопок и археологических исследований 1990 года. Бусины-пуговицы обнаружены в погребениях № 1 (7 экз.) и № 3 (1 экз.), в помещении постройки № 2.5(6) (1 экз.), в культурном слое городища (1 экз.) [*Семенова, 2005.* С. 63–64. Рис. 44 – *7*]. Остальные залегали в переотложенном слое раскопов № 2 и № 3 1990 года (соответственно, 8 и 3 экз.), на территории постройки № 2.9.2 (2 экз.), а также на других участках оборонительно-жилого комплекса (4 экз.).

Наибольшее количество эллипсоидных бусин-подвесок третьего подтипа входило в состав вещевого комплекса погребений № 1 и № 2. Последнее позволяет связать данные находки с погребальным костюмом, в первую очередь, женским. Логично предположить, что данные подвески-пуговицы являлись элементами нагрудных украшений и были нашиты на суконную основу.

Форма данных изделий, технология их изготовления, орнаменты не оставляют сомнений, что они являются продукцией европейских производственных центров. Тем не менее точные аналогии таким изделиям нам пока не известны.

Впрочем, две «шишковидные» полые бусины из светлого металла, близкие находкам из *Монкысь урия*, были найдены в Байлаковском могильнике, расположенном в устье Иртыша. Они были определены не совсем точно как литые пуговицы яйцевидной формы, украшенные рельефной сеткой, изготовленные из серебра или олова, датированы XVI–XVII веками и определены как предметы русского импорта [*Приступа, 2012.* С. 90. Ил. 20].

Кроме того, узор с «волютами», зафиксированный на «ореховидных» подвесках-пуговицах, сходен с орнаментацией целого ряда украшений прикамских и евразийских степных изделий VI–VIII веков со сложным растительным декором, а также с орнаментом на двух овальных оловянных бляшках, обнаруженных в погребении 6 могильника Моховая XLVI (46), датированного началом XVII века [ср.: *Стефанов, 2003.* С. 188–189. Ил. 11 – *6, 7*].

Вторая категория – пластинчатые (плоские) подвески из олова (либо сплава на основе олова). Все оловянные украшения этой категории мы относим к подвескам по следующим признакам:

– они изготовлены из мягкого металла белого цвета с серым оттенком;
– отлиты в плоских односторонних формах;
– большинство из них имеет ажурную структуру (декор);
– все снабжены специальной петлей либо отверстием для подвешивания;
– удобны для крепления к одежде.

Данную группу составляют 39 предметов (рис. 2.3.8), которые подразделяются на четыре основных типа.

Тип I. Подвески оловянные орнитоморфные, в форме лапки водоплавающей птицы («лапчатые») – 12 экз. (рис. 2.3.8 – *1–13*). Представляют собой плоские ажурные отливки из олова, с литым рельефным декором на лицевой стороне. Изделия имитируют перепончатую лапку водоплавающей птицы – скорее всего, гуся, либо утки, гагары, лебедя (?). Представлены двумя вариантами.

Первый подтип – 8 экз. (рис. 2.3.8 – *1–9*). Ажурные подвески с двумя полукруглыми отверстиями в закругленной верхней части и парными треугольными прорезями, окаймленными «жемчужинами», – в нижней, ромбовидной. Шесть целых подвесок, каждая размером 6,0×4,0 см, происходят из ритуального захоронения двух особей северного оленя – в яме VII под полом постройки № 2.3(4). Три обломка от двух подобных изделий найдены в женской кожаной сумке вместе с другими украшениями, на полу той же постройки [*Семенова, 2005.* С. 81. Рис. 52 – *6*].

Второй подтип – 4 экз. (рис. 2.3.8 – *1–13*). Ажурные подвески с ромбовидной верхней частью и ромбовидным отверстием для подвешивания. В нижней части отливки находятся два параллельных продольных

прямоугольных отверстия, в средней части – еще одно – поперечное, также прямоугольное, но короткое и более широкое. Весь щиток украшен «перлами». Подвески целые, размером 4,6×2,0×0,2 см, отлиты в одной форме. Обнаружены в северном углу жилого комплекса (уч. Б”/32, ур. 45,23 м) и, возможно, связаны с погребением № 3.

«Лапчатые» подвески из олова являются относительно редкой находкой. Прямых аналогий им известно немного. Это – артефакты, обнаруженные в слое XVII – первой трети XVIII века Надымского городка, но и там их известно только две [*Кардаш, 2013а.* С. 140. Рис. 3.10 – *26, 29*].

Серебряные и бронзовые прототипы таких подвесок, как монолитные, так и ажурные, украшенные сканью и зернью, были широко распространены на территории Западной Сибири, в том числе в Среднем Приобье. Первоначально, в XII–XIII веках, их производили только в Волжской Болгарии, в середине XIII века ставшей Булгарским улусом Золотой орды. Причем этот тип украшений восходил к «утиным лапкам», чьи бронзовые изображения встречались в Прикамье еще в пьяноборское время. В XIII–XIV веках «лапчатые» подвески в числе прочих украшений целенаправленно копировали в мастерских финно-угров Приуралья – для северных и восточных «потребителей» с целью обмена на пушнину. Затем бронзовые, медные и оловянные копии волго-камских «лапчатых» подвесок начали производиться обскими уграми в таежном Приобье, а самодийцами – в Западносибирском Заполярье. Время массового бытования в Западной Сибири как оригиналов, так и их «первоначальных» копий, приходится на конец XIII – XV век [*Хлобыстин, Овсянников, 1973.* С. 255–257. Рис. 2 – *19–22*; *Чемякин, Карачаров, 2002.* С. 60–65. Рис. 20 – *7, 8*; *Савельева, 1987.* С. 106. Рис. 31, 31, 33–35, 38, 40; Восточный художественный металл..., 1991. С. 23. №№ 10–12; *Зыков и др., 1994.* С. 98, 108, 142, 150. №№ 147–150, 252, 254–256; *Федорова, 1990.* С. 134, 135. Табл. I. Рис. 2 – *12–14*; *Федорова и др., 1991.* Рис. 3Б – *13*; *Зыков, 2012.* Рис. 67 – *7, 8*; 69 – *4; и др.*]. Тем не менее, приуральские украшения, изготовленные в XIII–XIV веках, продолжают бытовать в таежном Приобье и в XV–XVI веках, наряду с более поздними репликами [*Федорова и др.,1991.* Рис. 3Б – *12*; *Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 115–116. Рис. 41 – *22, 24*; *Носкова, 2010.* Ил. 3 – *2–8*; 4; 5 – *3*; *Приступа, 2010.* Ил. 8 – *5*; *2012.* Ил. 3; 29; 30; *Зыков, 2012.* Рис. 67 – *7, 8*; 69 – *4*; *Кардаш, Пономарева. 2010.* С. 320–321. Ил. 12; *Кардаш, 2013а.* С. 145. Рис. 3.13 – *10, 14–21*; *Борзунов, Корочкова, Стефанов, 2013.* Ил. 11 – *3, 4*; 12 – *10, 11*; 16 – *2*; 17 – *2–4*; *Зайцева, Кузина, 2014.* Ил. 2 – *33, 34, 38–40*; *и др.*]. Самое позднее время их использования зафиксировано археологами у самодийско-угорского населения Надымского городка – по находкам в культурном горизонте первой трети XVIII века [*Кардаш, 2013а.* С. 145. Рис. 3.13 – *10, 14–21*]. Между тем некоторые подобные украшения – наряду с другими древними изделиями – до сих пор встречаются на святилищах обских угров [см.: *Гемуев, Сагалаев, 1986.* Рис. 49, 98 – *7*; *Гемуев, Сагалаев, Соловьев, 1989.* Рис. на с. 9].

Обнаруженные в *Монкысь урии* оловянные «лапчатые» подвески могли быть изготовлены как в самом городке, так и в другом населенном пункте таежного Приобья. В последнем случае они приобретались в обмен на другие местные товары. Такие оловянные изделия, по всей видимости, являлись традиционными украшениями парадного костюма аборигенов западносибирской тайги XVI – начала XVII века. Более того, они служат явным свидетельством сохранения в хантыйской среде более древней культурной традиции украшений костюма. Последняя в среде обских угров продолжала соблюдаться, несмотря на прекращение функционирования приуральских и впоследствии – местных бронзолитейных мастерских.

В целом же замена западносибирскими литейщиками серебра и светлой оловянистой бронзы медью, оловом, а ныне – свинцом, была вызвана дефицитом хорошего металла. В свою очередь, наличие плохо выполненных реплик, в том числе «копий с копий», отлитых из олова и низкокачественных бронз, является характерным отличительным признаком предметов позднего средневековья и нового времени (XV–XVIII века).

Тип II. Подвески оловянные орнитоморфные, в форме геральдического изображения птицы – 22 экз. (рис. 2.3.7 – *1–22*). Каждая из них представляет собой плоское ажурное схематическое изображение птицы (возможно, тетерева) в геральдической позе: в фас с распростертыми крыльями и ногами. Голова птицы выполнена в виде ромба с таким же отверстием посередине. По бокам вытянутого овального тела симметрично расположены крылья и ноги, снизу – раздвоенный волютообразный хвост. На лицевой стороне изделий – рельефный орнамент. Накладки представлены тремя подтипами.

Первый подтип – 12 экз. (рис. 2.3.7 – *1–11*) – крупные ажурные подвески, размером 7,5×3,5 см, в форме птицы с эллипсовидным телом, разведенными ногами и раздвоенным хвостом. Контуры частей тела переданы «ячеистой» полосой, имитирующей или напоминающей углубления для инкрустации (вставки камня, стекла

или эмали). Голова птицы обозначена ромбом с отверстием посередине. В центре тулова фигуры тремя поперечными и одной продольной прямыми линиями сформирована сетка. В другом варианте – это ажурный «крест в рамке», по-видимому, имеющий символическое значение, подчеркивающее сакральный статус изображаемого животного. В коллекции еще два обломка, подходящие по размеру и элементам декора к изделиям данного варианта (рис. 2.3.7 – *20, 22*). Фрагментарность не позволяет их точно идентифицировать.

Второй подтип – 8 экз. (рис. 2.3.7 – *12–19*) – орнитоморфные ажурные подвески размером 4,3×2,2 см. Изображения птиц – еще более схематичные, чем у первого подтипа. Голова птицы передана ромбом с округлым отверстием посредине, туловище – эллипсом с элипсовидным отверстием. Крылья и ноги обозначены короткими опущенными вниз отростками. Хвост – раздвоенный, волютообразный. Орнамент упрощенный – в виде коротких поперечных валиков и «птичек». У пяти фигурок хвосты обломаны.

Третий подтип – 1 экз. (рис. 2.3.7 – *21*) – орнитоморфная подвеска размером 4,7×1,9 см. Отличается крайним схематизмом и плохим качеством исполнения. Голова птицы вытянутая овальная с мелким круглым отверстием. Тело вытянутое эллипсовидное без прорези в центре. Крылья и ноги обозначены короткими опущенными вниз отростками. Хвост – раздвоенный. Декор отсутствует. Верхняя часть фигурки, обозначающая голову, загнута крючком.

Подвески первого и второго вариантов (рис. 2.3.7 – *1–19*) лежали в сумке (кошеле) из телячьей кожи, найденной в северо-восточной части постройки 2.3(4) (уч. Ц/42, ур. 44,91 м) [*Семенова, 2005.* С. 62, 63. Рис. 53, 54]. Подвеска третьего варианта и два обломка (рис. 2.3.7 – *20–22*) найдены в разных частях оборонительно-жилого комплекса, что указывает на использование данного типа украшений всеми жителями поселка.

Нам известны только две сходные подвески данного типа, которые найдены на одном из разграбленных памятников в районе деревни Согом Ханты-Мансийского района ХМАО. Они практически идентичные (парные) и от наших изделий второго типа отличаются только более вытянутыми пропорциями и подтреугольной верхней частью с округлым отверстием [ср.: *Зайцева, Кузина, 2014*. Ил. 2 – *35, 36*].

Между тем В. И. Семенова интерпретирует данные изделия как фигуры рыб, ссылаясь на их сходство с серией подвесок XII–XIV веков [*2001.* С. 66. Табл. 45 – *6; 2005.* С. 63, 81–85. Рис. 53, 54]. Действительно, форма тех и других фигурок близка, за исключением ажурности и наличия плавников, которые не изображались. Из большого количества медных подвесок нам известно только несколько отливок XIII–XIV веков в виде рыб с плавниками либо хвостами [ср.: *Могильников, 1987.* С. 337. Табл. LXXXIX – *17*; *Зыков и др., 1994.* С. 98,142. №№ 151–153]. Единственная поздняя оловянная подвеска (XVI – начало XVII века) передает рыбу с двумя симметричными плавниками [*Кардаш, 2013а.* С. 139, 205. Рис. 3.10 – *25*]. Если бы сравнительный анализ касался только изображений третьего варианта, то сомнений у нас бы не возникло. Тем более что все ранние орнитоморфные изображения – профильные. Сомнение в правильности интерпретации данных фигурок из *Монкысь урия*, предложенной В. И. Семеновой, относится главным образом к подвескам первого варианта – наименее схематичным и наиболее точно передающим форму птицы. Во-первых, это раздвоенные нижние «плавники», каковых в природе не бывает. Во-вторых, наличие крестовидного изображения в центре эллипсовидной фигуры – солярного знака у представителя «Нижнего мира».

Из всех таежных животных и птиц, которые могли бы послужить прообразом данных фигурок, наиболее вероятен тетерев, особенно – по форме хвоста. Кроме того, на наших фигурках птица изображена не в профиль, как большинство водоплавающих, а в плане: «в полете», «жертвенной позе» или в условной геральдической. Мы полагаем, что это не случайно. Особо подчеркнем семантическое и сакральное значение данного вида птицы. Дело в том, что тетерев изображался в виде тамги («тамга тетеря»), родового или кланового знака «лучших людей» – глав общин («сотников») населения Юганской Подгородней (Балыкской) волости, в которую входили бассейны Большого и Малого Балыка, нижнее течение Большого Югана, а также отрезок Оби близ г. Сургута [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1299. Л. 23 об., 24 об.; ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 2. Л. 358; Ф. 427. Оп. 1. Д. 29. Л. 1, 8 об.]. Наиболее ранние изображения этих орнитоморфов – XVII века – профильные. В то время как фигуры XIX – начала XX века имеют характерные черты: эллипсовидное тело, выделенные характерными парными выступами крылья и лапы, а также особый раздвоенный хвост. То есть в изобразительной традиции обских угров некий близкий образ тетерева существовал, и вряд ли он случаен.

Как известно из фольклорных источников, родиной местного героя Тоньи (Таньи, Тонемы, Танги) была река Балык (см.: раздел 2.2.4; Прил. 2.1–2.11). Более того, согласно преданию, в момент гибели Тоньи его душа покинула тело в виде «черного косача» – тетерева. Связь главного персонажа героического предания и

сакрально-символического образа тетерева именно с городком Монкысь урий, на наш взгляд, имела место и также не случайна. Мы не утверждаем безоговорочно, но допускаем, с большой степенью вероятности, правомерность интерпретации данных орнитоморфных подвесок как геральдических изображений тетерева. По-видимому, эти фигурки являлись знаками, маркирующими не только высокий социальный статус их владельцев, но и их общинно-родовую принадлежность. Кроме того, логично допустить, что у представителей аборигенного вождеского рода Среднего Приобья с приходом на их земли представителей администрации Московского царства мог возникнуть собственный геральдический образ, *подобный* гербу русских монархов. Не исключено, что такое явление могло быть уникальным.

В целом для данного периода (XVI–XVII веков) можно констатировать большую редкость использования в составе украшений костюма каких-либо металлических украшений, изображающих животных и птиц. Особенно это заметно при сравнении со временами развитого средневековья (X–XIV века), когда употребление металлических стилизованных изображений местной фауны было массовым явлением. Причину этого еще предстоит осмыслить.

Тип III. Подвески оловянные круглые – 3 экз. (рис. 2.3.8 – *14–16*). Составляют небольшую группу украшений в форме плоского диска, снабженного сверху петлей для крепления. Отлиты в односторонних плоских формах. По декоративному оформлению подразделены на три подтипа.

Первый подтип – подвеска в форме ажурного «солярного» диска, диаметром 2,2 см, с петлей для подвешивания (рис. 2.3.8 – *16*). В центре большой окружности изображено малое кольцо, от которого исходят семь «лучей». Обращает на себя внимание неточность исполнения солярного знака: некоторые из лучей исходят не из центра фигуры, а от края малого солярного знака и соединены в пары. Общий размер предмета: 3,5×2,2×0,2 см. Подвеска найдена в постройке № 2.5(6).

Второй подтип – отливка диаметром 3,0 см, в форме монолитного диска с рельефным орнаментом и выступающей петлей для подвешивания (рис. 2.3.8 – *15*). В центре орнаментальной композиции находится круг, внутри которого размещен ромб с ромбической сеткой. От круга к краям украшения расходятся многочисленные «лучи» в виде коротких прямых валиков. Размер предмета: 4,3×3,0×0,2 см. Подвеска найдена в районе западного угла оборонительно-жилого комплекса.

Третий подтип – мелкая подвеска или, скорее всего, привеска к более сложному украшению (рис. 2.3.8 – *14*). Имеет вид миниатюрного диска, снабженного декоративным шариком внизу и петлей вверху. Щиток подвески декорирован двумя параллельными продольными канавками. Внешне данное изделие напоминает уменьшенный плоский вариант «крыжовниковидной» бусины-пуговицы. Размер находки: 2,0×0,9×0,2 см. Как и предыдущий, данный артефакт обнаружен в районе западного угла оборонительно-жилого комплекса.

Данный тип подвесок в таежном Приобье встречается довольно редко. Украшения с солярной символикой более характерны для Восточной Европы, в первую очередь, для обществ с земледельческой или комплексной земледельческо-скотоводческой экономикой. Подвески круглой формы, отлитые из меди, бронзы, серебра, биллона и других сплавов, были чрезвычайно популярны из-за своей солярной символики. В частности, были широко представлены в погребальных комплексах славянских курганов и городских слоях X–XV веков [ср.: Древняя Русь…, 1997. С. 67]. Для обществ Востока, Центра и Севера Евразии была предпочтительна лунная символика. По-видимому, по этой причине точных аналогий «солярные» украшения из Монкысь урия среди славяно-русских древностей не находят. Между тем, учитывая материал, из которого оно было выполнено (олово), и явно славянский характер орнамента в его центральной части («засеянное поле», хорошо известное по русским подвескам из Прикамья [*Агафонова, Белавин, Крыласова, 1996*. Рис. 31] и северорусским вышивкам), можно предположить, что это местное подражание какому-то импортному русскому изделию. Впрочем, не с меньшей степенью вероятности, ажурная солярная подвеска из Монкысь урия первого типа может являться позднейшей репликой известных бронзовых ажурных «колесовидных» подвесок из Волго-Камья IX–XI веков, восходящих к более ранним образцам VI–VII веков [ср.: *Голдина, 1985.* Табл. XIX – *1, 2, 6, 8*; *Голдина, Кананин, 1989.* Рис. 53 – *27, 31–33*; *Голдина, Водолаго, 1990.* Табл. LXVIII – *53, 58*; *Голдина, 2004.* Рис. 151 – *12*; *2012.* С. 44. Табл. 38 – *8*; 68 – *2*; 111 – *7, 9*; 135 – *7*; 142 – *11*; 157 – *11, 12*; 170– *1–5*; 213 – *5–7*; *Белавин, Крыласова, 2013.* С. 78. Рис. 1 – *21*] и даже V века [ср.: *Голдина, 2012.* Рис. 117 – *11*].

Третья категория – плоские и объемные подвески из бронзы и меди. Данная категория выделена условно: с тем чтобы рассмотреть в комплексе украшения развитого средневековья (XIII–XIV веков). Предметы

этого периода из городка *Монкысь урий* немногочисленны, точнее, единичны. Тем не менее они довольно часто встречаются на культовых и погребальных памятниках таежного Приобья этого и более позднего времени.

В нашей коллекции представлено семь типов таких украшений.

Тип I. Подвески, имитирующие лапку водоплавающей птицы («лапчатые») – 3 экз. Одно изделие ажурное, с парными прорезями (рис. 2.3.4 – *5*), два других – монолитные, но со следами литейных дефектов, имитирующих прорези (рис. 2.3.4 – *3, 4*). Отлиты из «белой оловянистой» бронзы в односторонних формах. Представлены фрагментами от нижней (2,4×1,4×0,2 см; 2,5×1,7×0,2 см) и верхней (3,0×2,5×0,2 см) частей украшений. На внешней стороне подвесок – рельефный декор, состоящий из валиков и «перлов». В нижней части двух отливок углублениями переданы «перепонки», у одной в верхней части имеется овальное отверстие для подвешивания. Судя по четким следам срезов на двух первых предметах, все подвески были сломаны преднамеренно, что характерно для многих вещей погребального инвентаря обских угров. Все предметы найдены в разных частях оборонительно-жилого комплекса городка.

Как уже упоминалось ранее – при анализе изделий из олова – прототипами западносибирских «лапчатых» подвесок являются болгарские и золотоордынские серебряные с позолотой украшения Волго-Камья, орнаментированные зернью и сканью, которые встречаются на средневековых памятниках Западной Сибири XII–XV веков, включая Сургутское Приобье. Еще более часто в таежном Приобье находят упрощенные бронзовые копии данных изделий XIII–XVI веков, причем как прикамского, так и местного производства. Единичные экземпляры бронзовых «лапчатых» подвесок известны в Северном Приуралье – в могильниках вымской культуры [*Савельева, 1987.* С. 106. Рис. 31, 32, 33–35, 38, 40]. Бытуют такие украшения довольно долго – до конца средневековья и начала нового времени, а также входят в состав «прикладов» на современных святилищах ханты и манси. В Сургутском Приобье позднейшие упрощенные бронзовые копии волго-камских и ранних западносибирских «лапчатых» подвесок входили, в частности, в погребальный инвентарь могильников Усть-Балык, Киняминский II [*Семенова, 2001.* С. 62. Табл. 43], Сайгатинский IV [*Носкова, 2010.* Ил. 3 – *2–8*; 4; 5 – *3*; *Борзунов, Корочкова, Стефанов, 2013.* Ил. 11; 12; 16; 17]. В Нижнем Прииртышье подобные подвески происходят из разграбленного кладоискателями Байлаковского могильника, содержавшего материалы XIII–XVII веков [*Приступа, 2012.* Рис. 29; 30].

Данные украшения входили в состав наголовных, накосных и поясных украшений. В мужских погребениях могильника Усть-Балык они встречались исключительно в составе поясной гарнитуры, а в женских и детских – во всех вариантах [*Семенова, 2001.* С. 63]. Все материалы Сайгатинского IV могильника пока не опубликованы, однако из тех данных, что нам доступны, известно следующее. В мужском погребении № 333 (раскоп 7) бронзовая лапчатая подвеска найдена чуть выше колен покойного [*Носкова, 2010.* С. 335–339. Ил. 4; 5 – *3*]. В другом не менее богатом мужском погребении № 287 (раскоп 5) того же некрополя два комплекта бронзовых ажурных «лапчатых» подвесок входили в состав украшений поясного набора. В детском погребении № 289 «лапчатая» подвеска и обломок второй были найдены в центре могильной ямы. В детском погребении № 295 три «лапчатых» подвески обнаружены в центре, северной и южной частях могилы. К сожалению, кости детей не сохранились [*Борзунов, Корочкова, Стефанов, 2013.* С. 160–165, 169–174. Ил. 11; 12; 16; 17]. Тем не менее, судя по преимущественной ориентации взрослых индивидуумов данного некрополя головами на юг, можно предположить, что в погребении № 295 одна из подвесок лежала в районе полностью истлевшего черепа.

Тип II. Бронзовая круглая подвеска – 1 экз. (рис. 2.3.4 – *6*). Представляет собой цельнолитое украшение, отлитое из «белой» бронзы в односторонней плоской форме. На внешней стороне изделия – рельефный орнамент. Нижняя – круглая – часть подвески украшена «жемчужиной», оконтуренной кольцевой канавкой, по краям – таким же валиком. Средняя, прямоугольная, часть изделия декорирована поперечными желобками. Вверху подвески – частично срезанная округлая петля. Размеры находки: 2,2×0,6–1,2 см. Изделие было найдено на западном склоне оборонительно-жилого комплекса. Подобные подвески известны в комплексе могильника Киняминский II [*Семенова, 2001.* С. 65. Табл. 45] и в переотложенном слое в раскопе 5 Сайгатинского IV могильника [*Борзунов, Корочкова, Стефанов, 2013.* Ил. 20 – *2*].

Тип III. Крестовидная бронзовая подвеска – 1 экз. (рис. 2.3.4 – *11*). Сохранилась небольшая центральная часть украшения, размер фрагмента – 2,0×1,5×0,3 см. Изделие отлито в односторонней форме, декорировано рельефными кольцевыми желобками, окружающими центральный умбон, а также отчасти – округлые (?) лопасти накладки. Украшение обнаружено в северной части оборонительно-жилого комплекса городка.

Крестовидные подвески с округлыми лопастями и рельефными кольцевыми желобками появляются в Западной Сибири в конце XII – XIII веке. Массово такие изделия с различным декором встречаются на памятниках XII–XV веков [*Федорова и др., 1991.* Рис. 3А – *14*; *Чемякин, Карачаров, 2002.* Рис. 20 – *8*; *Зайцева, Кузина, 2014.* – Ил. 1 – *11*]. Подобная накладка происходит из переотложенного слоя Эмдерского городища [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 115. Рис. 33 – *7*]. В более позднее время они известны в погребении 26 Ендырского 1 могильника второй половины XV – XVI века, погребении 9 могильника Моховая XLVI (46) конца XVI – первой половины XVII века [*Стефанов, 1997.* Ил. 15 – *9, 10*] и на поселении первой половины XVIII – начала XIX века Урочище Бала 1 на правобережье Оби близ устья Иртыша [*Баранов, 2014.* С. 251–253. Ил. 2 – *30*].

Тип IV. Бронзовая многочастная комбинированная подвеска *с «привесками»* – 2 экз. (рис. 2.3.22 – *4, 5*). Представлена деталями многочастного изделия, отлитого по восковой модели. Данное изделие типологически близко так называемым «шумящими подвескам», представляющим собой плоскую основу с прикрепленными к ней при помощи восьмеркообразных стержней или цепочек привесками [ср.: *Година, 2012.* С. 44. Табл. 169]. Одна из найденных деталей представляет собой предмет в форме рельефного овала – крупной «жемчужины» с плоской окантовкой, снабженной двумя фронтальными петлями снизу и одной поперечной сверху. Функционально его можно определить и как трехпетельный разделитель. К нижним петлям подвески прикреплены вытянутые бубенчики – две полые «каплевидные» привески с крестовидными прорезями. Общий размер изделия: 3,4×1,2×0,9 см. Предмет обнаружен в постройке № 2.5(6) (уч. Ч/33, ур. 44,38 м). Другой фрагмент такого же бубенчика, размером 2,3×1,1×0,9 см, найден на территории постройки № 2.3(4), в переотложенном слое раскопа 1990 года.

Трехпетельные элементы подвесок – звенья-разделители – служили основным составным элементом, формирующим подвижные части подвесок. Целая подвеска состояла, как минимум, из трех таких звеньев. В нижние петли верхнего (первого) элемента крепились два аналогичных трехпетельных звена; в нижние петли каждого из этих звеньев монтировались по две привески в форме бубенчика или лапки водоплавающей птицы. Аналоги таким украшениям зафиксированы среди материалов ранних погребений могильника Усть-Балык, датирующихся XIII–XIV веками [*Семенова, 2001.* С. 71. Табл. 47 – *7*; 59]. Данный временной интервал следует определить как время их изготовления и массового завоза в Западную Сибирь. Кроме того, сильно изношенные подобные изделия встречаются в более поздних комплексах, например в слоях XVI – первой трети XVIII века Надымского городка [*Кардаш, 2013а.* С. 44, 208. Рис. 3.13 – *7, 8*].

Сама же форма вытянутого бубенчика («колокольчика»), равно как трехпетельного «распределителя», входящих в состав «шумящих» височных бронзовых украшений, известна в Прикамье, как минимум, с VI–VIII веков [ср.: *Голдина, 1985.* Табл. III – *22, 24, 26*; XV – *7*; XVII – *48–52*; *Голдина, Кананин, 1989.* Рис. 45 – *37, 39, 40*; 51 – *12, 13*; *Голдина, Водолаго, 1990.* Табл. LXVIII – *59*; *Голдина, 2004.* Рис. 135 – *11*; *2012.* С. 44. Рис. 16 – *9, 11*; 169 – *6, 7*]. Отсюда она проникла и в Западную Сибирь. Не исключено, что подвеска из Монкысь урия также прикамская.

Длительное бытование таких изделий – до нескольких сотен лет – мы связываем с употреблением их в составе украшений некого ритуального костюма – свадебного или, возможно, жреческого. С учетом этого, найденные украшения мы предположительно поместили на реконструированном жреческом посохе (рис. 2.3.22 – *3*).

Еще один предмет, который мог служить деталью бронзовой комбинированной «шумящей» подвески: это фрагмент цепочки из трех звеньев (рис. 2.3.4 – *10*). Размеры звеньев – 0,9×0,2 см. Предмет найден в северной части оборонительно-жилого комплекса (уч. Б”/32).

Тип V. Подвески-пронизки объемные бронзовые зооморфные – 3 экз. (рис. 2.3.4 – *1, 2, 9*). Они отличны друг от друга и объединены в данный тип условно.

Первое украшение – целое, размерами 3,7×2,0×1,5 см, выполнено из меди или бронзы невысокого качества в технике полого объемного литья: в двусторонней форме с сердечником. Является крайне стилизованным изображением зверя, стоящего на земле – прямом горизонтальном постаменте. Вид животного установить не представляется возможным. В плане изделие полукруглое, в основании – узкое овальное. Голова, спина и задние ноги животного соединены в полукруг, по бокам разделены прорезями. На дуговидной спине зверя – отверстие для подвешивания. Тело животного украшено узкими валиками, идущими вдоль края открытой полости и по центральной оси изделия, а также орнаментом типа «рубчик», повторяющим изгиб спины животного. Предмет обнаружен на северном склоне оборонительно-жилого комплекса.

Вторая подвеска представлена небольшим (3,0×1,9×1,1 см) фрагментом изделия, отлитого из хорошего качества «белой оловянистой» бронзы. Судя по срезам, предмет был распилен в древности намеренно.

Третья фигурка, обнаруженная в той же части городка, представляет собой цельнолитое миниатюрное (1,9×1,4×0,6 см) изображение птицы неопределимого вида. Фигурка объемная, без прорезей, но на спине птички имеется вертикальное отверстие для крепления. Полость внутри фигуры отсутствует. Относительно реалистично переданы объем тела птицы, сложенные на спине крылья, хвост, клюв.

Зооморфные подвески-пронизки разных типов, отлитые из «светлой оловянистой» бронзы, характерны для таежных культур Западной Сибири первой половины IX – XII века [Басандайка…, 1947. Табл. 86; *Коников, 1980.* С. 51; *Зыков и др., 1994.* С. 95. № 132]. В. И. Семенова датирует их XIII–XIV веками [*2001.* С. 75. Табл. 48 – *5, 10–12*].

На поздних сайгатинских памятниках Сургутского Приобья встречаются – и в большом количестве – бронзовые изделия, аналогичные первому. В частности, они известны в погребениях XIII–XVI веков Сайгатинских III и IV могильников [ср.: *Зыков и др., 1994.* С. 97, 141, 142. №№ 140, 141; *Чемякин, Карачаров, 2002.* Рис. 20 – *12*; *Борзунов, Корочкова, Стефанов, 2013.* Ил. 9 – *9–12*; 11 – *5, 6*; 20 – *3, 5*]. Все они являются местными «копиями с копий» вышеупомянутых более ранних предметов, отлитых из «светлых оловянистых» бронз. На одной из таких фигурок XI–XII веков из Барсовского I могильника запечатлен заяц [*Зыков и др., 1994.* С. 95, 141. № 132], на других – более реалистичных, того же времени – медведи (могильники Барсовский I и Сайгатинский I) [*Там же.* С. 95, 140, №№ 128, 129]. Сходная стилизованная фигурка медведя (?), отнесенная к кинтусовскому этапу (конец IX – начало XIII века), найдена на городище Барсов городок I/31–32 [*Федорова и др., 1991.* Рис. 3А – *46*].

Тип VI. Подвеска-пронизка трубчатая – 1 экз. (рис. 2.3.4 – *8*). Бронзовое литое изделие имеет вид уплощенной трубочки с двумя обращенными книзу серповидными выступами по бокам. Последние можно интерпретировать как крылья птицы. На верхнем конце пронизки намечается голова и шея некого существа. На это указывают сильно затертый рельеф на трубочке, а также два выступа, похожие на ушки животного или зверя, оконтуренные едва заметным валиком. В целом данное изделие можно интерпретировать как крайне стилизованное зоо-орнитоморфное. Размеры предмета: 3,9×2,0×0,4 см. Пронизка найдена на южной периферии городка. Подобные птицевидные пронизки находят аналогии в погребальном инвентаре Ликинского могильника X–XIII веков [Финно-угры…, 1987. С. 319. Табл. LXXI – *6*; *Викторова, 1973.* Табл. XIII – *7*], а также в погребениях XIII–XIV века могильника Усть-Балык [*Семенова, 2001.* С. 72, 76. Табл. 48 – *19,* 59].

Тип VII. Круглое плосконическое нашивное (накладное) украшение – 1 экз. (рис. 2.3.4 – *7*). Изделие бронзовое, литое, имеет форму уплощенного литого конуса, декор отсутствует. Лицевая сторона отшлифована. В полости оборотной стороны стержнем сформирован проем (петля) для крепления. Размер: 2,5×2,5×0,6 см. Предмет найден в юго-западной части оборонительно-жилого комплекса (уч. С/38, ур. 45,62 м).

Разнообразные плосконические гладкие накладки с петлей на оборотной стороне периодически встречаются в таежном Приобье на памятниках VIII–XIII веков [*Викторова, 1973.* Табл. XIV – *9, 10, 13, 14*; *Федорова и др., 1991.* Рис. 3Б, 37; *Карачаров, 1993.* С. 115. Рис. 2 –*8*; *Семенова,* 2001. С. 78, табл. 49 – *8*; *Чемякин, Карачаров, 2002.* Рис. 16 – *4*; *Зыков, 2012.* Рис. 43 – *4*].

Подобные изделия использовались как нашивные украшения одежды и как съемные – браслеты. Известны случаи, когда из нескольких изделий с подобным креплением на плоском кожаном ремешке формировался наборный браслет [Ушедшие в холмы…, 1998. С. 33, 44. Рис. 18 – *2*].

Тип VIII. Медная объемная подвеска – бубенчик – 3 экз. (рис. 2.3.4 – *25, 26, 77*). Бубенчик представлял собой полое шарообразное изделие с уплощенной верхней и нижней частями, а также рельефным стыковочным швом в средней части. Предмет изготовлен из двух полусферических половин, спаянных между собой. Диаметр изделий: 2,3–2,6 см. К верхней крепилась петля, в нижней части имелась линейная прорезь, концы которой завершались круглыми отверстиями. Полусферическая половинка с тонким кожаным ремешком отнесена к данному типу предположительно (рис. 2.3.4 – *77*). Фрагменты (половинки) медных бубенчиков найдены на территории оборонительно-жилого комплекса и идентифицированы как случайные потери, связанные с функционированием поселения.

Аналогичные изделия были широко распространены на севере Восточной Европы, в Прикамье и Западной Сибири в XII–XV веках. В частности, они известны по материалам раскопок Новгорода Великого (слои второй половины XIII–XIV веков), погребальных комплексов Перми Вычегодской (XII–XIV веков) и Среднего Приобья (XIV – начало XV века) [*Савельева, 1971.* Рис. 33 – *15*; *Седова, 1981.* С. 156. Рис. 62 – *12*; *Карачаров, 1991.* Рис. 1 – *10*; *Семенова, 2001.* С. 68, 69. Табл. 45 – *20-3*, *20-4*].

Четвертая категория изделий: ременная (поясная) гарнитура. Составляет отдельную, но относительно малочисленную группу находок на городище *Монкысь урий*, относящуюся к съемным украшениям костюма. Она представлена предметами двух групп.

Группа 1. Пряжки ременные – 4 экз. (рис. 2.3.2 – *33–36*). В коллекции имеется три изделия двух типов, а также отдельный подвижный фиксатор ремня – кованый язычок, из медного листа, длиной 2,6 см (рис. 2.3.2 – *36*), который типологически не рассматривается.

Тип I. Пряжка в форме вертикального овала – 1 экз. (рис. 2.3.2 – *33*). Изделие литое, имеет вид вертикальной овальной рамки размерами 3,2×2,8 см. Правая сторона рамки, предназначенная для крепления ремня, – узкая вертикальная, шириной не более 2 см. Левая сторона рамки – округлая, шириной около 0,8 см, украшена концентрическим рельефным валиком.

Тип II. Пряжки в форме прямоугольной рамки – 2 экз. (рис. 2.3.2 – *34, 35*). Обе практически одинаковые: бронзовые, литые, в виде прямоугольных рамок размерами 1,5×1,3 и 2,0×1,6 см. Декор и язычки отсутствуют.

Одна пряжка *типа II* , вероятно, происходит из погребения № 3. Остальные и медный язычок найдены на северном склоне холма. Судя по размерам данных предметов, ремни были неширокими, возможно, что даже и не поясными, а, например, портупейными.

Бронзовые пряжки в форме прямоугольной рамки, с декором или без него, появляются на севере Сибири с рубежа XVI–XVII веков. Они довольно многочисленны и встречаются на памятниках как русского, так и аборигенного населения [*Станкевич, 1951.* С. 170, 243, табл. XIII – 27; *Белов, Овсянников, Старков,* 1981. С. 47–48. Рис. 8 – *8*; *Кардаш, 2013а.* С. 134. Рис. 3.1 – *15, 16*].

Группа 2. Накладки ременные – 5 экз. (рис. 2.3.2 – *37, 38,* 2.3.4 – *78–80*). Представлены одним ***типом (I)***. Это объемные полусферические накладки из медного листа с центральным отверстием для крепления к основе. Среди них выделено два подтипа.

Подтип 1. Два предмета близкой к овалу форме, с заостренным нижним концом и усеченным верхним (рис. 2.3.4 – *37, 38*). Размер каждого изделия: 1,8×1,3×0,3 см. Найдены в постройке № 2.3(4).

Подтип 2. Три полусферических предмета, с центральным отверстием, на одном из которых сохранились следы позолоты (2.3.4 – *78–80*). Их использование в качестве ременных накладок неочевидно, поскольку такую же форму могли иметь изначальные детали бусин. Тем не менее ряд подобных находок в погребальных памятниках южной тайги и лесостепи, в частности, в Среднем Приобье, на реке Томь (могильник Тоянов городок), и Среднем Прииртышье, на реке Омь (могильник Абрамово-10), позволяет говорить о наличии традиции декорирования разных вещей (ремней, сумок, колчанов) медными рельефными элементами [см.: *Молодин, Соболев, Соловьев, 1990.* С. 64–67. Рис. 48; *Яковлев, 2009.* С. 106, 107, 280–281. №№ 33, 386]. Это наблюдение позволяет определить время изготовления таких накладок в пределах XVI–XVII веков. В целом же петельчатые украшения такой формы появились в евразийских степях и на юге Западной Сибири еще в конце эпохи бронзы. В раннем железном веке они встречались на Южном Урале и в Притоболье. Интересующие нас позднесредневековые медные накладки из таежного Приобья воспроизводят более ранние образцы (VIII–XIII веков), завезенные из Волго-Камья, а также их местные западносибирские копии, в том числе вышеупомянутые петельчатые сферические с уплощенными краями, изготовленные из бронзы и серебряной фольги [ср.: *Голдина, Кананин, 1989.* Рис. 49 – *15, 23*; *Голдина, Водолаго, 1990.* Табл. XXXI – *26*; *Голдина, 2012.* С. 47. Табл. 35 – *7*; 182 – *8, 9, 11*; *Федорова и др., 1991.* Рис. 3Б – *37*; *Карачаров, 1993.* С. 115. Рис. 2 –*8*; *Зыков, 2012.* Рис. 43 – *4*; *Чемякин, Карачаров, 2002.* Рис. 16 – *4*].

2.3.1.3. Нашивные (накладные) украшения одежды[5]

Нашивные (накладные) ажурные металлические пластины из олова – 435 экз. (рис. 2.3.8 – *17-22,* 2.3.9). Являются наиболее многочисленной группой нашивных элементов украшения костюма на данном памятнике.

[5] В археологических исследованиях сложилась историографическая традиция украшения костюма в форме плоских ажурных пластин именовать *накладками*, очевидно, по причине отсутствия ярко выраженного крепления и вариативности использования. Возможно, в тех случаях, когда мы не имеем прямой аналогии функционального назначения и способа крепления, такой термин будет справедлив. Однако в нашем случае такие данные имеются. В контексте традиционного определения категорий украшений по способу крепления (например, для подвесок), на наш взгляд, правильнее представляемую группу предметов именовать также по способу крепления – *нашивки*. Использование термина *«накладки»* более справедливо в отношении украшений, которые наклеивались либо крепились иным способом к одежде и ее элементам. Вместе с тем мы не исключаем использование и последнего термина.

Их функциональное назначение не вызывает сомнения, поскольку имеются прямые этнографические аналоги. Даже нам, во время полевых сезонов в начале 1990-х годов, удалось зафиксировать факты, возможно, последние, изготовления и использования таких украшений местными ханты. Практически все данные украшения являлись так называемыми «элементами линейного декора» и служили для формирования или оформления бордюра. Их, в частности, использовали для украшения женской верхней одежды, пришивая по ее краям. В результате формировался орнаментальный фриз, в котором иногда чередовались разные варианты накладок [*Мартин, 2004.* С. 59–61. Табл. 4 – *1*].

Безусловно, известны факты иного, своеобразного, использования таких предметов: например, в качестве лицевой пластины деревянного изображения духа-покровителя. Тем не менее это, скорее, исключение, чем правило. Мы же отталкиваемся от традиционного изначального назначения вещи.

Выделено два типа таких изделий с несколькими вариантами и разновидностями.

Тип I. Ажурные нашивные пластины в форме арки, предназначенные для точечного (локального) декора – 6 экз. (рис. 2.3.8 – *17–22*). Размеры их варьируются от 2,5×2,0 до 5,1×4,3 см. Каждое из них – это украшение в виде ажурной подпрямоугольной отливки с двумя скругленными углами и выступом на противоположной стороне (возможно, остатком литника), оформленным в качестве декоративного элемента. Внутри контура арки располагалась ажурная орнаментальная композиция, в каждом случае – оригинальная. В двух случаях в его основе была ромбическая сетка, в двух других растительная – древовидный декор – «древо жизни», а на остальных узор плохо различим либо отсутствовал вообще.

Систематизация таких изделий по орнаментальной композиции возможна лишь на более широком материале, поэтому мы ограничимся общей характеристикой. Изделия данного типа определены В. И. Семеновой, как «поясные пряжки» [*2005.* С. 64, Рис. 43 – *4–7*]. Мы не можем принять данную точку зрения, поскольку физические свойства олова не позволят функционировать такому типу изделия. Расположение их изображения плоской частью вверх также считаем малообоснованным, поскольку форма «щита», интересная, но все же – более поздняя форма геральдической основы.

В слое городка *Монкысь урий* находки подобных накладок, за исключением одной, связаны с погребениями или костяками отдельных индивидуумов. Три накладки связаны с человеческими останками индивидуумов № IX и X (погребение № 2, по В. И. Семеновой), найденных незахороненными в пространстве постройки № 2.3(4). Две из них лежали на тазобедренных костях женских индивидуумов № IX и X. Третья, меньшая, находилась с внешней стороны правой конечности индивидуума № IX (рис. 3.1.7). Четвертая, вероятно, была связана с погребением № 3. Пятая, размерами 4,3×3,3 см, происходит из постройки 2.5(6), и, возможно, также была связана с погребением (рис. 3.1.5). Шестая обнаружена в постройке 2.9,2.

Прямые аналогии таким изделиям имеются в коллекциях Надымского городка и могильника Усть-Балык конца XVI – первой трети XVIII века [*Кардаш, 2013а.* С. 138, 205, 206. Рис. 3.10 – *1–6*; 3.1 – *2, 3*]. Их также отличает вариативность декоративной композиции внутри арки. Местное изготовление данных предметов не вызывает сомнения, поскольку подтверждается находками литейных форм [*Там же.* С. 206. Рис. 3.11]. Одна оловянная подквадратная пластина с двумя скругленными углами, прямоугольным выступом-«язычком» и ажурным «древовидным» декором найдена в погребении 3 могильника Моховая XLVI (46) в окрестностях Сургута. Она лежала под левой бедренной костью левой ноги умершего взрослого индивида (по-видимому, женщины с монголоидными чертами), ближе к тазу. Данный некрополь относится к первой половине XVII века [*Стефанов, 2003.* С. 175, 208–209. Ил. 5 – *6*]. Еще две оловянные ажурные нашивки, датированные XVI–XVII веками, входят в состав находок разграбленного Байлаковского могильника близ устья Иртыша. Одна из них украшена сходным древовидным декором, другая четырехлепестковым цветком с круглым отверстием посредине [*Приступа, 2012.* С. 91–92. Ил. 26; 27].

Ажурные нашивные пластины из белого металла, на наш взгляд, ошибочно определенные В. И. Семеновой как поясные пряжки, находились, скорее всего, на поясах-повязках (*вэрып),* ношение которых женщинами-хантыйками наблюдалось повсеместно [*Прыткова, 1953.* С. 167–168; *Абрамов, 1857.* С. 334; *Мартин, 2004.* С. 60, 61, 130. Табл. 4; *Лукина, 1985.* С. 37]. По мнению В. И. Семеновой, такой пояс носился прямо на теле – на талии. К пояснице крепилась полоса из бересты, кожи или стеганой ткани, имитировавшая фаллос, на другом конце которой была прикреплена «пряжка» с язычком, цеплявшимся за пояс спереди [*2005.* С. 64]. При характеристике воропа В. И. Семенова пользуется его поздними описаниями (XIX–XX веков). По нашим материалам, изначально, как минимум с XIII века, это был пояс, к которому пришивалось ре-

рестяное, а впоследствии кожаное, изделие в форме мужского полового органа, которое расшивалось и орнаментировалось [*Кардаш, 2011.* С. 22. Рис. 29 – *12–15*; *2013а.* С. 176. Рис. 3.56 – *1–3*; *2013б.* С 172. Рис. 3.03 – *10, 11*]. При этом даже его конец (головку) выделяли особым декором. Позднее, в XIX веке, когда появилось много цветной металлической продукции, этот предмет заменил круглый тройной «разделитель», но никак не пряжка. С двух сторон к нему привязывался пояс, а снизу, вертикально – полоска бересты или кожи.

Мы считаем, что оловянные украшения в форме арки являются специфическим ажурными нашивками-накладками, элементами декора *воропа (ворупа, вэрыпа).* По всей видимости, такие металлические украшения нашивались на центральный овальный или округлый медальон воропа или декорировали его нижний конец.

Тип II. Полиморфные нашивные пластины для формирования бордюров линейного декора – 429 экз. (рис. 2.3.9). Каждое из них – это изделие в виде стандартной фигурной плоской отливки, иногда ажурной, с отверстием в центре. Размеры предметов варьируются 1,0×1,0 до 3,3×1,9 см. По форме и декору пластины подразделяются на три основных подтипа с соответствующими вариантами.

Первый подтип – крестовидные нашивные пластины – 273 экз. (рис. 2.3.9 – *1–217*). Представлены четырьмя вариантами.

Первый вариант – пластины с квадратными лопастями – 8 экз. (рис. 2.3.9– *1–8*). Изделия в виде равностороннего креста с квадратными лопастями, орнаментированными узкими поперечными валиками. В центре каждого изделия – квадратное отверстие. Размеры находок: 2,2×2,2 см.

Второй вариант – пластины со скругленными лопастями – 265 экз. (рис. 2.3.9 – *9–217*). Изделия в виде равностороннего креста с лопастями, закругляющимися на концах. В центре изделия – округлое отверстие, форма которого отчасти зависела от качества отливки. Отверстие и лопасти оконтурены узкими валиками. В центре каждой лопасти – мелкая «жемчужина». Размеры изделий варьируются от 1,0×1,0 до 2,2×2,2 см.

В рамках этого варианта выделяются *разновидности* украшений с гладким контурным валиком (рис. 2.3.9 – *18–63, 69–217*), «рубчатым» валиком, украшенным поперечными насечками (рис. 2.3.9 – *9–17*), а также ажурные изделия с гладким валиком и отверстием в каждой лопасти (рис. 2.3.9 – *64–68*). Вероятно, в результате некачественной отливки некоторые лопасти у данной группы пластин получались подквадратными (рис. 2.3.9 – *166, 168, 182, 184, 189, 190, 206 и др.*).

Второй подтип – фигурно-ромбические нашивные пластины – 111 экз. (рис. 2.3.9 – *218–291*). В основе композиции таких украшений расположен ромб с примыкающими к нему сверху и снизу треугольниками.

Изделия данной формы определены В. И. Семеновой как накладки «Тип 1. Ж-образные» [*2005.* С. 64. Рис. 43 – *2*]. Такая трактовка пластин также вызывает сомнение. Мы считаем, что при определении элементов орнамента следует исходить из геометрических или естественных форм, либо из общепризнанных, обоснованных видов семантических основ. Тем более, известно, что в общехантыйском фонде элементов, слагаемых в прерывистые бордюры, основополагающими являются геометрические фигуры – *ромб*, *косой крест*, *шевроны* и *зигзаг* [Очерки культурогенеза …, 1995. С. 207], но никак не буквы русского алфавита. Наша сложная фигура – именно сложно-ромбическая со взаимопроникающими ромбами и двумя перемещенными половинками ромба [ср.: Там же. С. 180. Рис. 7 – *16*].

Украшения представлены тремя вариантами изделий, различающимися по размеру и декору.

Первый вариант – фигурно-ромбические пластины с ромбическим «медальоном» и центральным отверстием в обрамлении шести «жемчужин» – 104 экз. (рис. 2.3.9 – *218–284*). Наиболее массовые нашивки данного варианта изображают ромбическую фигуру с отверстием в центре, декорированным по контуру шестью «жемчужинами». Отверстия ромбические, круглые и неправильные овальные. Треугольники, примыкающие сверху и снизу к ромбу, украшены параллельными валиками. Размер таких накладок варьируется от 2,0×1,8 до 1,7×1,2 см.

Отметим наличие двух разновидностей. Одну характеризует рельефный валик по контуру центрального ромбического медальона (рис. 2.3.9 – *218–227*), вторую – отсутствие такового (рис. 2.3.9 – *228–284*).

Второй вариант – фигурно-ромбические пластины с ромбическим медальоном и центральным отверстием, к которому сверху и снизу примыкают симметричные Г-образные парные отростки (точнее, уголки) – 4 экз. (рис. 2.3.9 – *285–288*). Изделия декорированы мелкими «жемчужинами» и узким валиком, идущим по краю. Размеры их не превышают 2,3×1,9×0,3 см.

Третий вариант – фигурно-ромбические пластины с ромбическим «медальоном», оконтуренном валиком, и «перлом» в центре; сверху и снизу к ромбу примыкают симметричные треугольники – 2 экз.

(рис. 2.3.9 – *289, 291*). Оба изделия различаются. У большего (3,3×1,6 см) валик ребристый, а основание каждого треугольника заканчивается четырьмя «зубцами» или жемчужинами (рис. 2.3.9 –*289*). У второго такие выступы отсутствуют, но треугольники декорированы крупными «перлами» – по три на каждом (рис. 2.3.9 – *291*).

Третий подтип – «солярные» нашивные пластины – 39 экз. (рис. 2.3.9 – *292–331*). В основе формы и орнаментальной композиции таких украшений лежит круг, точнее широкое плоское кольцо. В разных вариантах орнамент или декоративные элементы размещены либо на самой плоскости диска, либо примыкают по периметру. Такие украшения представлены тремя вариантами изделий, различающимися по размеру и декору.

Первый вариант – круглые нашивки в виде кольца (диска с круглым отверстием в центре), декорированного рельефными валиками-«лучами», исходящими от центрального отверстия – 9 экз. (рис. 2.3.9 – *290, 292–298, 315*).

К данному варианту нами отнесено еще четыре изделия, каждое из которых – при большей численности предметов – можно было бы выделить в отдельный вариант (рис. 2.3.9 – *290, 292, 293, 315*). Тем не менее мы рассматриваем их как разновидности данного варианта нашивок, поскольку они имеют очень близкую основу композиции – диск, декорированный лучами, и орнаментальные элементы, примыкающие по периметру диска. Первая разновидность украшений имеет форму диска с «жемчужиной» в центре, обрамленной расходящимися лучами, к которому сверху и снизу примыкают треугольники с тремя «жемчужинами». По форме и композиции она занимает промежуточное положение между вторым и третьим подтипами (рис. 2.3.9 – *290*). Ей близка вторая разновидность бляшек – умбоновидная с «перлом» и двумя отростками («лучами»?), заканчивающимися крупными «жемчужинами» (рис. 2.3.9 – *293*). Третья разновидность – десятилучевая розетка с отверстием в центре, окруженная десятью лепестками-жемчужинами (рис. 2.3.9 – *315*). Четвертая разновидность близка кольцеобразностью формы и отличается декором из перлов и примыканием по окружности четырех лучей (рис. 2.3.9 – *292*).

Второй вариант – круглые ажурные диски с декором, образованным семью отверстиями: центральным круглым и шестью трапециевидными, расположенными вокруг него – 19 экз. (рис. 2.3.9 – *316–331*). Эту композицию можно интерпретировать и как внутреннее центральное кольцо с шестью лучами, примыкающими к наружному. Размеры нашивок – около 1,5×1,5×0,2 см.

Третий вариант – семилучевые нашивки, каждая из них представляет собой розетку с отверстием-центром и отходящими от нее семью лучами, оканчивающимися «жемчужинами» –16 экз. (рис. 2.3.9 – *316–331*). Размеры нашивок – около 1,5×1,5×0,2 см.

Подавляющее большинство (около 90%) нашивных пластин было обнаружено в кожаной женской сумке-кошеле, найденной в постройке № 2.3(4) [*Семенова, 2005.* С. 64]. Поскольку в ней находились другие материалы – украшения и орудия труда, описание содержимого приведено при характеристике самой сумки и условий ее нахождения (раздел 2.3.5.2). На остальной территории оборонительно-жилого комплекса найдены только единичные экземпляры нашивок или их небольшие скопления, которые можно идентифицировать как случайные потери. В целом же, все подобные украшения могут быть отнесены к бытовой деятельности жителей поселка. Возможно, исключение составляют нашивки в форме арки, которые могли попасть в культурный слой во время культовых обрядов, в том числе вместе с воропами. Впрочем, их все же довольно много для сравнительно небольшого ритуального комплекса.

Оловянные нашивные пластины, аналогичные найденным в городке *Монкысь урий*, выполненные в технике одностороннего плоского литья, известны в относительно больших сериях по материалам могильника Усть-Балык, в группах погребений датированных концом XVI – началом XVII века [*Семенова, 2001.* С. 77, 85. Табл. 49, 52, 59], культурным горизонтам конца XVI – первой трети XVIII века Надымского городка [*Кардаш, 2009.* С. 140. Рис. 3.10 – *25–27, 29, 30*], а также по единичным находкам с других археологических памятников Западной Сибири XVII–XVIII веков (могильники Байлаковский, Моховая 45 и др.).

Большие серии таких изделий предназначались именно для декорирования суконной одежды – в виде линейных орнаментальных композиций. Мы попытались представить вероятные варианты таких композиций, которые могли быть сформированы из обнаруженных нами нашивных пластин (рис. 2.3.9 – *332–338*). Получившиеся в итоге сложно-фигурные композиции из ромбов и треугольников, сформированные из полиморфных нашивных пластин, находят общее сходство в декоре средневековых украшений Волго-Камья, Средней Азии и Северо-Восточной Европы (бляхи и бляшки крестовидные, солярные «колесовидные» и лепестковые, круглые с умбонами и «перлами). Некоторые из этих элементов имеют довольно древние прототипы. В частности, считается, что образцом приуральских, южноуральских и зауральских «колесовидных» блях раннего железного века послужили предметы скифо-сарматского степного мира. Форма лепестковых украшений известна в Поволжье и на Южном Урале с эпохи бронзы (абашевская и баланбашская культуры). Имеются и более древние аналогии, вернее – сходство, которое можно трактовать, как минимум, как архетип, раскрывающий изначальное содержание орнаментальной композиции. В частности, для реконструкции орнамента, изображенного на рис. 2.3.9 – *332–338*, можно привлечь бордюрное изображение на керамическом сосуде XI–VIII тысячелетий до нашей эры из Северной Месопотамии (рис. 2.3.9 – *339*) [ср.: *Корниенко, 2014.* С. 52. Рис. 1 – *2*]. Ариэль Голан, к примеру, интерпретирует изначальное значение изображения косого креста как символа (эмблемы) верховного божества древнеземледельческих культур Передней Азии, Юго-Восточной Европы и Кавказа [*Голан, 1992.* С. 119. Рис. 1 – *2*]. Такой символ, и композиция в целом, имели древнюю изобразительную и семантическую основу, но формировалась она у народов Европы, Передней Азии и ближайших сопредельных регионов [*Там же.* С. 242–249]. Вместе с тем отметим, что близость формы далеко не всегда является доказательством культурно-изобразительной преемственности.

В задачи настоящего исследования не входит анализ семантики украшений и их изображений. Однако мы считаем уместным поделиться своими наблюдениями по данному поводу. В настоящее время в историографии сформировалось мнение, что в целом сходство элементного набора хантыйского декора с орнаментикой, распространенной на обширных территориях Западной Сибири, Урала, Средней Азии, Кавказа, Восточной и отчасти Западной Европы, «… имеющее под собой евразийскую почву, объясняется унаследованием многими народами древнего искусства, которое повсеместно отличалось единообразием и простотой форм, четкостью и ясностью рисунка» [Очерки культурогенеза…, 1995. С. 208]. Мы разделяем данную точку зрения и считаем ее созвучной нашим наблюдениям и выводам. Вместе с тем хотелось бы еще раз обратить внимание на ряд фактов и обстоятельств.

На широком фоне орнаментальных традиций коренных народов Крайнего Севера Сибири, таких как нганасаны, юкагиры, эскимосы и ряд других, декоративные особенности украшений, найденных при раскопках городка *Монкысь урия*, явно тяготеют к европейской основе. Большинство орнаментов этих народов, нанесенных на их вещи, не имели заметного «европейского влияния», несмотря на распространение в их среде в течение нескольких столетий импортных, в том числе русских, украшений [Историко-этнографический атлас Сибири…, 1961. С. 369–434; *Иванов, 1963*]. В этой связи следует заметить, что как раз в культуре народов Севера Сибири, находящихся в условиях относительной изоляции, любые изобразительные новации приживаются долго, хорошо заметны на местном архаичном фоне и всегда будут являться свидетельством межэтнических контактов и влияний.

Прямых аналогий данному «остяцкому» принципу и форме декорирования одежды, бытовавшему у жителей городка *Монкысь урий*, нам пока не известно. Массово украшения из олова различных типов, особенно вышеописанных форм, появляются на данной территории не ранее конца XVI века. Особо важен факт, что такие изделия – детали, предназначенные для создания орнаментальных или декоративных композиций, появляются в сформировавшемся виде и для конкретных орнаментов. Большая часть форм в неизменном виде просуществовала вплоть до конца XX века. Особо следует подчеркнуть, что ни украшения костюма такого типа, ни орнаментальные композиции из них, не имеют в таежной зоне Западной Сибири более ранних (до XII–XIII веков) местных прототипов, тем более прямых аналогов. Бронзовые литые декоративные изделия, близкие по форме ряду оловянных украшений *Монкысь урия*, массово появляются в регионе лишь после XII–XIII веков. На наш взгляд, такая технологическая традиция – в сочетании с орнаментальной символикой – не имеет древних корней на севере Сибири. Мы полагаем, что она сформировалась на основе «европейской традиции» украшения костюма и была привнесена на территорию региона в готовом виде из Северо-Восточной Европы в последний период освоения региона Московским царством, то есть в конце XVI – XVII веке.

2.3.2. ОРУДИЯ ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА

Охота и рыболовство для современного коренного населения региона, сохраняющего традиционный образ жизни, имеют важнейшее значение. Эти промыслы не только обеспечивают людей пищей, но и формируют уклад и алгоритм жизни в целом. В свою очередь, таежное оленеводство в Западной Сибири, даже в недавнем прошлом, не имело приоритетной пищевой направленности и удовлетворяло лишь транспортные

нужды аборигенов края [Салымский край…, 2001. С. 79]. В историческом прошлом у жителей западносибирской тайги практически полностью отсутствовали какие-либо значимые альтернативные источники обеспечения пищей, кроме присваивающих форм хозяйства.

Насколько полно и объективно мы можем судить о данных видах хозяйственной деятельности населения городка *Монкысь урий* по археологическим находкам? Пожалуй, весьма условно и ограничено. Дело в том, что охотничье оружие универсально и в особых обстоятельствах может быть использовано как вооружение воина. Кроме того, деревянные детали орудий охоты и рыболовства, в том числе разнообразных ловушек, в культурном слое городка не сохранились. Основным источником в нашем анализе будут служить находки костей животных (Прил. 4.2). Тем не менее кое-что о самих орудиях охоты и рыболовства все же можно сказать. Тем более что в нашем распоряжении имеются, хотя единичные, но довольно значимые находки.

2.3.2.1. Охотничье оружие – орудия охоты на животных

Древнейшим и основным охотничьим оружием, вплоть до позднего средневековья и начала нового времени, оставался лук и стрелы. Другими орудиями охоты, прежде всего пассивной, являлись различного вида ловушки. По материалам раскопок городка *Монкысь урий* мы имеем данные о двух типах охотничьего вооружения (орудий охоты).

Детали лука, боеприпасы для стрельбы и снаряжение лучника – 181 экз. (рис. 3.2.1–3.2.8). Каких-либо деталей лука, например, костяных пластин, на городище пока не обнаружено. Исходя из этого, можно заключить, что охотники использовали луки, изготовленные из одного куска дерева (цельнодеревянные) или из нескольких деревянных деталей (составные). Иных элементов снаряжения лучника, таких как щитки для защиты запястья от удара тетивы, костяные элементы рубанков для оцилиндровки древков стрел, крюков колчана или чего-то подобного, при раскопках городка *Монкысь урий* не найдено. Вполне вероятно, что все пригодные к дальнейшему применению предметы вооружения, включая охотничье оружие, были реквизированы победителями после взятия городка, поэтому никакого целого оружия в нем не осталось. Однако странно, что археологи не нашли даже обломков деревянных и костяных деталей оружия. В связи с этим мы не исключаем, что все предметы снаряжения местного охотника-лучника могли быть только деревянными.

Все охотничье оружие представлено изделиями только одной группы: боеприпасами для стрельбы, а именно: стрелами, вернее, их деталями – металлическими наконечниками.

Наконечники стрел – 181 экз. (рис. 3.2.1–3.2.8). В ходе раскопок на руинах городка обнаружено 50 медных (рис. 3.2.1); 70 железных (рис. 3.2.3 – 3.2.6) и 61 костяной наконечник стрел (рис. 3.2.7; 3.2.8). Из этих трех групп только медные листовые наконечники, вырезанные из сломанных котлов, интерпретируются нами, безусловно, как ритуальные – по своему изначальному предназначению (рис. 3.2.1). Наконечники из железа и кости первоначально имели чисто утилитарное назначение – как основная деталь охотничьего или боевого оружия, но впоследствии были использованы в погребальных и поминальных ритуалах. При этом некоторые стрелы с такими наконечниками могли попасть в культурный слой при штурме и обороне городка.

Стрелы с разнообразными по форме и материалу наконечниками, на наш взгляд, составляли основную часть ритуального комплекса, связанного с поминальной обрядностью. Вместе с тем в них «заложено» достаточно много охотничье-промысловой, хозяйственно-бытовой и иной информации.

В данном разделе мы приведем общую классификацию всех наконечников стрел, найденных на данном памятнике, а также осветим их использование в охотничье-промысловой и хозяйственно-бытовой сферах. Подробное описание стрел и их культовое назначение будет рассмотрено при анализе ритуального комплекса, обнаруженного на руинах городка *Монкысь урий* (раздел 3.2).

Систематизируя наконечники стрел, мы не могли опираться на типологию В. И. Семеновой, поскольку данная система построена на признаках (например, таких как форма сечения наконечника), которые для орудия не являются основными. Принципы нашей систематизации мы обозначили в начале данного раздела (2.3). Они едины для всех категорий вещевого комплекса и основаны на функциональном назначении предмета и его форме.

По материалу наконечники стрел подразделяются три группы: медные, железные и костяные.

Группа 1. Наконечники стрел из медного листа – 50 экз. (рис. 3.2.1 – *1–48*). Среди них выделено три типа.

Тип I. Треугольные – в форме криволинейного треугольника *(curvilinear triangle)* – 21 экз. (рис. 3.2.1 – *24–47*).

Тип II. Треугольные с выделенным черенком и шипами – 28 экз. (рис. 3.2.1 – *1–23*).

Тип III. Ромбические – 1 экз. (рис. 3.2.1 – *48*).

Ряд исследователей, в частности В. И. Семенова, А. П. Зыков и С. Ф. Кокшаров, отрицают ритуальное употребление таких стрел, аргументируя это вероятностью периодического дефицита железа в западносибирской тайге [*Семенова, 1995.* С 72. Табл. 3; *2001.* С. 40, 42. Табл. 18; *2005.* С. 46, 47. Табл. 8; *Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 73. Рис. 33 – *20*].

Мы, напротив, считаем, что наконечники стрел, изготовленные из котлового медного листа, изначально были предназначены для ритуального использования. Наиболее многочисленные их типы не имеют прямых аналогий среди наконечников, использовавшихся жителями городка Монкысь урий на охоте и во время военных действий. Имеется только несколько медных форм, относительно близких железным. Мы считаем, что это – следствие того, что форма медных наконечников была обусловлена не утилитарным, а неким знаково-мифологическим назначением. Стрелами с такими наконечниками очень трудно поразить противника, животного или зверя, и они не были предназначены для этого. Стрелы с наконечниками, вырезанными из медного котлового листа, являются одной из основных, *маркирующих*, категорий вещей ритуально-поминального комплекса, связанного с захоронениями и ритуалами, совершенными на территории разрушенного оборонительно-жилого комплекса городка. Кроме того, в разделе 3.2 мы представили детальное обоснование того, что наконечники из медного листа являлись копиями-моделями кованых железных наконечников, предназначенных для самострелов. При этом утилитарное использование таких медных стрел не исключено, но вряд ли оно было изначальным. Почему для ритуальных целей моделировали стрелы именно для сторожевых луков – сюжет, который еще предстоит проанализировать и понять.

Группа 2. Железные наконечники стрел – 70 экз. (рис. 3.2.3–3.2.6). В нее входят 65 целых изделий и 5 фрагментов, не подлежащих полной типологической идентификации. По функциональным признакам все наконечники подразделены на две подгруппы, а по особенностям формы – на семь типов.

Первая подгруппа. Специализированные охотничье-промысловые типы наконечников стрел – 27 экз. (рис. 3.2.3 – 3.2.4). В данную подгруппу включены наконечники стрел с самыми широкими (от 1,5 до 4,5 см и более) проникателями (боевыми головками), что обеспечивает нанесение объекту охоты или противнику достаточно большой раны. Кроме того, в эту подгруппу входят комбинированные типы наконечников, способные при планировании стрелы после выстрела нанести максимально большую рану – длиной от 5,5 до 6,0 см и более.

Тип I. Наконечники стрел комбинированные (комбинированный томар?) *– из дерева с железными поражающими деталями* – 3 экз. (рис. 3.2.3 – *1–3*).

Мы предполагаем, что такие стрелы появились в начале XVII века и стали частью промысловой культуры аборигенов Севера.

Тип II. Наконечники стрел с поражающей (боевой) частью в форме широкой вилки *(«вильчатый срезень») с заточенным внутренним (вогнутым) краем* – 9 экз. (рис. 3.2.3 – *1–12*). По деталям формы выделено два их подтипа.

Первый подтип – 6 экз. Каждый наконечник представляет собой железную пластину в форме вытянутого равнобедренного треугольника. Боевая часть – в виде широкой двузубой вилки. Узкий конец пластины служит черенком-насадом (рис. 3.2.3 – *4–9*).

Второй подтип – 3 экз. Наконечник с одной широкой «вильчатой» поражающей частью, которая, сужаясь вниз, образует форму вытянутого треугольника, переходящего в два перпендикулярных его плоскости серповидных ответвления – дополнительные поражающие части. Наконечники такой формы можно определить как комбинированные «вильчатые» или двухуровневые «вильчатые» с двумя уровнями поражающих частей, из которых вторая – нижняя – в форме якоря, хвоста ласточки или двойного серпа (рис. 3.2.3 – *10–12*).

Тип III. Наконечники стрел («срезни») пластинчатые, в форме вытянутого равнобедренного треугольника с прямым лезвием и узким насадом – 2 экз. (рис. 3.2.3 – *13–14*).

Тип IV. Наконечники стрел плоские, пластинчатые, асимметрично-ромбической формы с боевой частью в виде острия с плечиками – 3 экз. (рис. 3.2.4 – *10–12*).

Тип V. Наконечники стрел асимметрично-ромбической формы *(kite[6]), расширяющиеся к боевой (поражающей) части (верхней трети)* – 5 экз. (рис. 3.2.4 – *13–25*).

[6] *"Kite"* – геометрический термин, используемый в английской геометрии, происходящий от понятия *«fly a kite»* – *«воздушный змей»* [*Мюллер, 2010.* С. 528]. Равнозначен понятию *«асимметричный ромб»*, но фиксирует сочетания тупого (или прямого) угла ромба в верхней части и острого в нижней.

Тип VI. Наконечники стрел с проникателем криволинейно-треугольной формы *(curvilinear triangle[7]), снабженным шипами и вытянутым черешком* – 5 экз. (рис. 3.2.4 – *1–7*).

Вторая подгруппа. Универсальные (охотничье-боевые) типы наконечников стрел – 37 экз. (рис. 3.2.5; 3.2.6). В данную подгруппу включены наконечники стрел с боевой головкой шириной до 1,5 см. Как известно по материалам археологических исследований на севере Западной Сибири, в том числе городка *Монкысь урий* (раздел 2.3.3.3), диаметр кольчужных колец в XVI–XVII веках варьировал от 0,9 до 1,5 см. Наконечники стрел с узкой боевой головкой изначально были рассчитаны для пробивания воинского доспеха, прежде всего кольчуг, наиболее распространенных на севере Восточной Европы и в Сибири, особенно в позднем средневековье. Такие наконечники специалисты определяют как бронебойные. Вместе с тем это не исключало спорадическое использование стрел с такими наконечниками и в охотничьем промысле. По нашему мнению, они особо эффективны при охоте на крупных копытных (северный олень, лось), поскольку были способны пробивать кость и глубоко застревать в теле животного.

Тип VII. Наконечники стрел стержневидные (бронебойные) – 37 экз. (рис. 3.2.5; 3.2.6).

Первый подтип – 8 экз. (рис. 3.2.5 – *14–25*). Стержневидные, квадратного сечения с проникателем (боевой головкой), сформированным сужением и плавным заострением поражающей части.

Второй подтип – 14 экз. (рис. 3.2.6 – *1–15*). Стержневидные, квадратного сечения с криволинейно-треугольной *(curvilinear triangle)* боевой головкой ромбического сечения, снабженной двумя тонкими шипами.

Третий подтип – 2 экз. (рис. 3.2.6 – *16, 17*). Стержневидные, квадратного сечения с боевой головкой ромбического сечения, криволинейно-треугольной формы *(curvilinear triangle)* и скошенным основанием, образующим один короткий шип (острый выступ).

Четвертый подтип – 13 экз. (рис. 3.2.5 – *1–13*). Стержневидные, квадратного сечения с поражающей частью в форме асимметричного ромба (асимметрично-ромбической), овального сечения.

Без комплексного анализа технологии изготовления наконечников *Монкысь урия* сейчас крайне сложно определить место их производства. Особенно учитывая возможность копирования исходных форм, изобретенных задолго до основания этого городка и далеко за пределами Западной Сибири.

Мы можем лишь предположить, что некоторые типы железных наконечников в таежном Приобье и на севере Сибири появились в конце XVI – начале XVII века, что было связано с новым этапом освоения Севера Сибири Московским царством. К этому периоду, возможно, относятся отдельные типы универсальных охотничье-боевых (тип VII) и комбинированных (тип I, второй подтип типа II) наконечников. Впрочем, стержневидные (шиловидные) бронебойные могли появиться и значительно раньше. Часть таких наконечников могли изготавливать и в городке *Монкысь урий*.

Группа 3. Наконечники стрел из кости и рога – 61 экз. (рис. 3.2.7 – 3.2.8). В данную группу входит 40 целых изделий, а также 21 обломок, типологическая идентификация которого затруднена. Многие наконечники имеют плохую сохранность и распределены по типам условно.

Тип I. Стержневидные наконечники стрел – 32 экз. (рис. 3.2.8). В зависимости от формы сечения они подразделяются на следующие подтипы.

Первый подтип – наконечники с трехгранным сечением – 5 экз. (рис. 3.2.8 – *1–5*).

Второй подтип – наконечники с овальным сечением – 17 экз. (рис. 3.2.8 – *6–15*).

Третий подтип – наконечники с круглым в сечением – 11 экз. (рис. 3.2.8 – *16–27*).

Тип II. Ромбические наконечники стрел с острым концом и тупым насадом – 7 экз. (рис. 3.2.7 – *17–20*).

Тип III. Эллипсовидные наконечники стрел с острым концом и притупленым насадом – 9 экз. (рис. 3.2.7 – *1–9*).

Наконечники типов II и III, как ромбические, так и эллипсовидные, известны на других археологических памятниках севера Западной Сибири. В частности, они имеются в коллекции Надымского городка (слой конца XVI – первой трети XVIII века), но здесь имеют размеры не более 9,2×2,0 см [*Кардаш, 2013а.* С. 149. Рис. 3.16 – *10*]. Находки таких наконечников на других средневековых поселениях единичны и относятся преимущественно к XVI–XVII векам [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 79. Рис. 40 – *17*; *Семенова, 2001.* С. 40. Табл. 17].

[7] *Curvilinear triangle* – «криволинейный треугольник» – фигура, ограниченная тремя линиями и имеющая три угла (то есть треугольной формы, похожая на треугольник), или криволинейный треугольник (треугольник Рело) [*Яглом, Болтянский, 1951.* С. 90–105; *Мюллер, 2010.* С. 250, 932; Academic Dictionaries… (электронный ресурс)].

Стрелы с наконечниками из кости и рога – один из самых распространенных с древности видов боеприпасов охотничьего оружия у аборигенного населения Западной Сибири.

Следует отметить большие размеры и массивность наконечников стрел из *Монкысь урия*, по сравнению с аналогичными вещами из синхронных комплексов Крайнего Севера Сибири, таких как Надымский и Полуйский мысовой городки [*Кардаш, 2013а.* С. 148, 149. Рис. 3.16 – *1–18*; *2013б.* С. 177. Рис. 3.06 – *3–13*]. Наконечники стрел из *Монкысь урия* в среднем в полтора-два раза больше северных аналогов. Тем не менее даже при таких значительных размерах и особой форме костяных наконечников, обеспечивавших их высокую «проникательную способность», они вряд ли могли пробить железную броню воинского доспеха. Скорее всего, они производились для охотничьего промысла и были рассчитаны, прежде всего, для поражения крупного копытного животного (лось, олень) и даже зверя (медведь).

Кроме того, костяные наконечники, в отличие от железных, не могли являться предметом импорта. Следовательно, мы имеем дело с формами, характеризующими именно традиционный охотничий промысел. У жителей Надымского и Полуйского мысового городков основным объектом охоты был северный олень. Заметные отличия костяных наконечников *Монкысь урия* от серии аналогичных предметов из северных поселений позволяет говорить о том, что вооружение таежных охотников бассейна Большого Югана было рассчитано главным образом на добычу более крупного копытного – лося. Это также подтверждают данные остеологического анализа (Прил. 4.2).

Лось – очень крупное и очень сильное животное. Взрослые особи этого вида по размерам и массе в несколько раз превосходят северного оленя, даже таежного подвида. Добыча такого животного, даже сейчас, при помощи огнестрельного оружия, непростое занятие. Убийство такого животного требовало охотничьего оружия соответствующей эффективности. Ее, на наш взгляд, могли обеспечить поражающие элементы, способные нанести большую рану и причинить животному значительные кровопотери. Мужчины городка *Монкысь урий* с этой целью использовали стрелы с массивными наконечниками, которые в среднем достигали длины 20–24 см.

Стрелы с такими наконечниками могли использовать как во время активной, так и пассивной охоты. В последнем случае зверя добывали при помощи специальных самострелов.

Наконечник – поражающий элемент (деталь) «кляпца» – ловушки ударно-натяжного действия – 1 экз. (рис. 3.2.3 – *17*). В коллекции имеется большой (7,8×0,8×0,4 см) корродированный железный стержень прямоугольного сечения с шипом на острие. Судя по этнографическим материалам (рис. 3.2.3 – *18*), данное изделие являлось поражающим элементом ударного механизма ловушки-«кляпца», предназначавшейся для добычи лисиц, песцов и зайцев [*Сирелиус, 2001.* С. 314].

Аналоги этому предмету можно найти только в материалах более ранних средневековых памятников Приуралья и Западной Сибири [Археология Республики Коми…, 1997. – С. 680. Рис. 9 – *8*; *Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 65. Рис. 33 – *11*]. Одно такое изделие имеется среди находок конца XVI – первой трети XVIII века Надымского городка [*Кардаш, 2013а.* С. 151. Рис. 3.18 – *20*]. Находку в *Монкысь урии* этого поражающего элемента можно рассматривать как случайную. Находки таких предметов на археологических поселениях коренных жителей единичны. Не исключено, что этот предмет жителями данного поселения на рубеже XVI – XVII веков использовался не в качестве детали кляпца, а как наконечник стрелы.

2.3.2.1. Орудия рыболовства

Рыболовство для коренного населения таежной зоны Западной Сибири и по сей день особо значимая отрасль хозяйства. В некоторые сезоны оно дает возможность практически полностью удовлетворять потребность людей в пище. Археологические предметы, так или иначе связанные с рыболовством, являются важным источником, позволяющим охарактеризовать данную отрасль хозяйства в прошлом и воссоздать экономику древнего общества.

К орудиям рыболовства, найденным на памятнике *Монкысь урий*, отнесено 16 предметов, изготовленных из металла и камня. Они представляют три функциональных типа орудий.

Тип I. Крюки рыболовные – 8 экз. (рис. 2.3.11 – *1–8*). Деталь рыболовной снасти в виде асимметричного полукольца с шипом на одном конце и расширением – плоским ушком или петлей (?) – на другом. Изготовлены из железного стержня круглого сечения. По размерам подразделяются на два варианта.

Первый вариант – большие рыболовные крюки – 7 экз. (рис. 2.3.11 – *1–7*). Крупные крюки размерами от 6,5×1,5×0,3 до 5,0×3,0×0,5 см. Такие орудия предназначались для *«перемета»* – стационарной многокрючковой наживляемой снасти, которая использовалась для ловли больших рыб. Не исключено их индивидуальное использование – в качестве стационарной однокрючковой снасти типа удочки-донки. Самый ранний крючок такого типа найден в Среднем Приобье на памятнике VIII–IX веков [*Федорова и др., 1991.* Рис. 2В – *15*]. Многочисленны находки подобных крюков в Мангазее [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* С. 84–85. Рис. 18 – *1–3, 9*]. Кроме того, обнаруженные нами крюки по своей форме и размерам близки деталям «осетрового перемета», зафиксированного этнографами [*Варпаховский, 1998.* С. 40–42. Рис. 8].

Второй вариант – малые рыболовные крюки – 1 экз. (рис. 2.3.11 – *8*). Предмет размером 3,0×1,1 см был изготовлен из проволоки диаметром около 0,1 см. Подобные ему изделия предназначались для однокрючковой наживляемой снасти: удочки, которая использовалась для ловли разных рыб небольшого размера. Такие снасти, например, удочка с крючком, леской и поплавком, известны по этнографическим материалам, зафиксированным на реке Вах в конце XIX века [*Сирелиус, 2001.* С. 308]. Подобные крючки продолжают бытовать до сих пор в культуре многих коренных народов Западной Сибири.

Тип II. Крюки – наконечники багров – 7 экз. (рис. 2.3.11 – *10–16*). Представляют собой железные четырехгранные дроты размерами от 5,5×3,5 до 14,0×10,0 см, дополненные острием без шипа. Стержень крюка плавно переходит в короткий насад, отогнутый перпендикулярно стержню. Насад предназначался для закрепления крюка к деревянной рукояти. Часть таких орудий была найдена при раскопках городка *Монкысь урий* в 1990 году [Семенова, *2005.* С. 56. Рис. 37 – *2, 3*]. Кроме того, они известны по раскопкам городищ Ендырское 1 [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 105. Рис. 44 – *7, 8, 12*] и Шеркалы I в Нижнем Приобье, а также могильника Усть-Балык 1 в Сургутском Приобье [*Семенова, 2001.* С. 99. Рис. 24 – *3*].

Правда, исследователями последних памятников такие крючья называются очажными [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 105; *Семенова, 2005.* С. 56. Рис. 37 – *2, 3*]. Между тем такая функция данных предметов представляется явно сомнительной. Дело в том, что использование в качестве надочажного приспособления крюка с острием является делом крайне травмоопасным. В традиционных поселениях ханты нам неоднократно приходилось сталкиваться с деревянными очажными крюками – *«таганами»*, снабженными металлическим элементом – крюком. Во всех случаях это была железная деталь, не имевшая острого конца.

У нас не вызывает сомнения, что обнаруженные в городке *Монкысь урий* крюки – это детали хорошо известных по этнографической литературе багров, бытующих у приобских угров по сей день. К примеру, орудия такого облика с рукоятью длиной до 70 см – *«venaahvf»* (рис. 2.3.11 – *17*) – остяки использовали в конце XIX века для добычи рыбы [*Сирелиус, 2001.* С. 310]. Более того, багры для ловли рыбы имели широкое распространение и в таежном Приуралье, в частности у коми-зырянского населения (рис. 2.3.11 – *17*). В настоящее время ханты продолжают добывать с помощью багров крупную щуку, стоящую у речного запора.

Судя по количеству найденных в *Монкысь урии* крюков, можно предполагать активное использование жителями городка запорного рыболовства. Находка одного такого крюка в женской сумке (раздел 2.3.5.2), указывает на то, что в данной отрасли хозяйства могли быть задействованы и женщины. Такая ситуация известна и в наши дни. В этнографических поездках нам иногда приходилось видеть, как женщины зимой сами извлекают рыбу, стоящую у запора (*«котца»).* Это происходило при длительном отсутствии мужчин во время их охоты на лося.

Тип III. Грузило калыданной сети (ловушки) – 1 экз. (рис. 2.3.11 – *19*). В коллекции имеется заготовка грузила для калыданной сети – так называемый *«калыданный камень»*. Это прямоугольная плитка из лимонита (13,0×8,5×3,5 см) с тремя отверстиями. Два из них – круглые сквозные, диаметром 1,0–1,5 см, просверлены в нижней части камня, третье только намечено. Поверхность камня гладкая, хорошо зашлифованная темно-коричневого, почти черного цвета. Грузило найдено в постройке 2.1(2).

Единичные находки больших каменных грузил различной формы содержатся в материалах начала эпохи бронзы поселения Коим 1 в Сургутском Приобье [*Сергеев, Погодин, 2008.* С. 186; Рис. 18], в кулайском комплексе городища Няксимволь I в Нижнем Приобье [*Стародумов, 2012.* С. 151. Ил. 21 – *5*], а также в коллекции широко известного памятника Усть-Полуй в окрестностях Салехарда, представленной в основном материалами раннего железного века, отчасти – раннего средневековья [*Гусев, Федорова, 2012а.* Рис. 37 – *1, 2*]. Насколько они были связаны с калыданной сетью, утверждать сложно. Единственный факт, которым мы можем бесспорно оперировать при идентификации того или иного грузила как принадлежности калыданной сети, является прямая аналогия предметам, зафиксированным на севере Западной Сибири этнографами.

Таковых в коллекциях из археологических раскопок немного. Известные нам средневековые грузила для калыданных сетей в таежном Приобье происходят из слоя XVI века Ендырское 1 городища (рис. 2.3.11 – *20, 21*) [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 95–97. Рис. 47 – *4, 5*], из раскопок Самарова городка на территории города Ханты-Мансийска, поздние слои которого датируются от XI до XIX веков [*Приступа, 2010.* С. 357. Ил. 10], из неизвестного памятника на реке Северная Сосьва [*Гемуев, 1990.* С. 113. Рис. 98], а также с городища Аксеново II в Среднем Прииртышье [*Коников, 1993.* С. 132. Рис. 7 – *18*].

Аналогичные детали рыболовной снасти были широко распространены на севере Западной Сибири в XIX – начале XX веков и фиксируются этнографами в наши дни [*Варпаховский, 1998.* С. 66–69. Рис. 10, *Федорова, 2000.* С. 40]. *Калыданная сеть* – это специфическая рыболовная снасть, предназначенная для придонной ловли рыбы ценных пород, таких как осетр, нельма, муксун и других сиговых. В толковых словарях и этнографической литературе утверждается, что это была остяцкая рыболовная сеть, бытовавшая в Тобольской губернии[8]. Ловля осетра (рис. 2.3.10 – *24*) калыданной сетью на Оби изображена на рисунке Н. Шахова первой половины XIX века (г. Санкт-Петербург, МАЭ им. Петра Великого – Кунсткамера, инв. № 5753–5).

Интересен такой исторический факт, связанный с началом сезонной рыбной ловли в низовьях Оби – в Обдорской волости. Начало сезона ловли муксуна и осетра открывал обдорский князь Тайшин, проплывая на своей лодке с калыданной сетью и привлекая рыбу. На иллюстрации (рис. 2.3.11 – *22, 23*) приведены детали, вероятно, именно этой калыданной снасти, в каком-то смысле ритуальной, которые нам удалось зафиксировать при работах в поселке Горнокняжевск у потомков князей Тайшиных.

Подобное обрядовое действие существовало и у салымских остяков в XIX – начале XX века. В священном амбаре *«Сотым-тэ-ики»* – главного божества, хранителя реки Салым – как один из атрибутов хранился железный бердыш. По преданию, он обладал чудесным свойством. В случае, когда с Оби в реку Салым заходило мало рыбы (возможно, она просто плохо ловилась), хранитель святилища, явно потомок представителей общинной элиты, привязывал бердыш к лодке и проплывал от Оби в реку Салым, чтобы рыба пошла вслед за ним [*Шульц, 1924.* С. 192–193; *Городков, 1913.* С. 51–52]. Возможно, все эти отрывочные сведения свидетельствуют о некой особой функции общинного вождя, связанной с открытием рыбного промысла и его особых способностях привлекать и ловить особо ценные породы рыбы, которые не являлись повседневной пищей местного рядового населения.

Не исключено, что использование калыданной сети с XVI века каким-то образом было связано с формированием статуса общинных вождей. Возможно, представители (лидеры) нового населения, появившегося в регионе в XVI веке, принесли с собой этот новый вид рыболовной снасти. Возможно, именно поэтому среди археологических находок, датирующихся до XIX века, так мало калыданных камней, и последние сосредоточены лишь на городищах – бывших общинных центрах и вождеских резиденциях. Мы предполагаем, что до XIX века калыданная сеть не получила широкого распространения, поскольку была неким исключительным, полумагическим средством лова редких пород рыбы, используемым лишь представителями общинных элит.

Примечателен еще один факт. В русских селениях и городах XVI–XVIII веков находки грузил калыданных сетей пока не известны. Новое пришлое население осетра и разные виды сиговых постоянно вылавливало, но другими снастями [*Белов, Овсянников, Старков, 1981*; *Ясински, Овсянников, 2000*; *Визгалов, Пархимович, 2008*; *Визгалов и др., 2013*]. Это обстоятельство позволяет задуматься о происхождении лова калыданной сетью, причинах и путях проникновения данной снасти в бассейн Оби. Для нас представляется совершено очевидным, что данный способ ловли и орудие не могли появиться на территории Севера Западной Сибири эволюционным путем. Ловля рыбы калыданной сетью – это способ добычи рыбы, при котором кроме самого орудия используется еще и специфическая калыданная лодка – дощатая с нашивными бортами. Происхождение таких плавсредств, а главное – почти полное исчезновение их из культуры аборигенов вместе с рыболовной снастью, требует специального изучения. Подготовка к процессу такого промысла рыбы предполагает наличие специального набора орудий и, следовательно, довольно развитого, как минимум, с начала средневековья, кузнечного производства.

[8] *«Калыдан»* – «муж., тоб. остяцкая рыболовная сеть: матня в сажень длины, которую волокут с челнока, задергивая, когда попадет рыба. Калыданный, к этой сети относящийся – камень, привязываемый к куту матни калыдана, для осадки его. Ка(о)лыданить, ловить калыданом. Калыданщик муж. калыданный рыбак» [*Даль, 1882.* С. 79]. Специальных исследований по истории возникновения лова калыданной сетью нам найти не удалось. По сей день наиболее полным описанием данного способа рыболовства остается работа Н. А. Варпаховского [*1998*].

Судя по материалам раскопок средневековых памятников севера Западной Сибири, мы не располагаем фактами повсеместного распространения кузнечного производства, причем более высокого уровня, чем домашние ремесла [*Могильников, 1997*; *Чернецов, 1957*; *Зыков, А–2008*, *2012*; *Чемякин, 2013*]. Да и вряд ли такое возможно только на привозном сырье, вдали от развитых металлургических центров, приуроченных обычно к рудным месторождениям. Также мы не располагаем находками, доказывающими наличие технологии сверления камня у средневекового населения, проживавшего в среднем и нижнем течении реки Оби. Кроме того, хороший камень – вплоть до Уральских гор – крайне редко встречается на севере Западносибирской равнины. В итоге, вопросов и противоречий больше, чем ответов. Пока мы можем лишь предположить, что калыданная сеть могла появиться у населения, связанного с промыслом рыбы в бассейнах больших рек, расположенных в лесной зоне Восточной и Северо-Восточной Европы.

2.3.3. ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И БОЕПРИПАСЫ

Данную группу составляют предметы вооружения, военное снаряжение, в том числе детали воинского костюма. Несмотря на их относительную многочисленность (314 экз.), собственно о вооружении жителей городка и, соответственно, аборигенного населения края, мы можем сказать немного. В первую очередь, в связи со спецификой этой коллекции, о которой говорилось выше. В частности, наличия большого количества находок боеприпасов, выпущенных из огнестрельного оружия при осаде и штурме городка (см.: глава 2.4. Прил. 3.2). С другой стороны, подавляющее большинство остальных предметов вооружения также имеют импортное происхождение.

2.3.3.1. Предметы наступательного вооружения и боеприпасы: холодное оружие

Данная категория предметов в коллекции отсутствует. О тех или иных типах холодного оружия, имевшегося у населения городка, мы можем судить лишь по косвенным артефактам, а также некой исторической и событийной логике.

Исходя из данных документальных и фольклорных источников (Прил. 1 и 2), равно как принимая во внимание находки использованных боеприпасов для огнестрельного оружия, о которых будет сказано ниже, мы предполагаем, что военное противостояние и конфликт вряд ли были бы возможны, не обладай жители городка оружием. Таковое у защитников «крепости», безусловно, было, но какое и в каком количестве – вопрос сложный, поскольку данных для анализа крайне мало. Из интересующих нас объектов позднего средневековья, находящихся на левобережье Сургутского Приобья в относительной близости от *Монкысь урия*, известно только несколько воинских захоронений XV–XVII веков, обнаруженных при раскопках могильника Усть-Балык [*Семенова, 2001*. С. 42–44, 111, 251. Рис. 5 – *2*; 6 – *1, 2*; 12]. Судя по их материалам, помимо лука и стрел основным наступательным оружием в Среднем Приобье были слабоизогнутые сабли пешего воина. Другим, но крайне редким видом оружия были копья. Наличие такого оружия в могилах свидетельствовало об относительно высоком социальном статусе их владельца [*Кардаш, 2010б*. С. 363–371].

Косвенным фактом использования сабель воинами городка *Монкысь урий* можно считать находки наконечников ножен. В. И. Семенова при раскопках 1990 года обнаружила на памятнике два оригинальных медных предмета, которые она интерпретировала как «воронковидные сосуды». По предположению исследователя, эти изделия являлись прототипами современных хантыйских берестяных воронок для разогревания клея [*Семенова, 2005*. С. 60. Рис. 41]. В качестве доказательства использования данных металлических предметов в таком качестве В. И. Семенова привела факт нахождения внутри одного из них небольшой деревянной лопаточки [*Семенова, 2005*. Рис. 41 – *1*]. На наш взгляд, это не является бесспорным фактом и может рассматриваться только в качестве одного из вариантов интерпретации, тем более что деревянный предмет мог быть простой щепкой.

Наконечники ножен (?) – 4 экз. (рис. 2.3.11 – *57–60*). Это – три предмета конусообразной формы, овального сечения, изготовленные из листа меди, свернутого в виде воронки. Возможно, для этого был использован кусок пришедшего в негодность медного котла. В двух случаях края листа плотно совмещены в технике фальцовки, в одном случае – в виде зубчатого соединения. Самое большое изделие (15,5×10,0×1,8 см) найдено на южном склоне оборонительно-жилого комплекса (уч. Р/47). Два других – размерами 15,5×8,7×5,1 и 10,7×9,2×3,4 см – обнаружены рядом, в постройке № 2.3(4). Четвертый наконечник найден в переотложенном

слое раскопа № 4 (1990 года). Предмет собран из трех тонких медных листов, причем, вероятно, из специально подготовленного для данной цели металла. Наконечник пятиугольный, размерами 6,0×5,0×0,8 см. На лицевой стороне предмета точками изображен прямоугольный щит с полукруглым низом, который под углом слева направо пересекает двойная линия чеканных точек. В уголках и на лицевой стороне наконечника прослеживается несколько отверстий – от мелких гвоздиков или штифтов крепления металла к деревянной основе.

Наконечник до сих пор является неотъемлемой деталью ножен. В случае потери этой детали ее могли воспроизводить из подручных материалов, в том числе – из медного листа от вышедшего из употребления медного котла. Все находки данных изделий из городка *Монкысь урий* были сосредоточены в южной части его оборонительно-жилого комплекса. Возможно, это была та часть средневековой «крепости», где происходил активный обстрел городка.

Кроме того, возможно иное, но именно военное использование таких наконечников. В том числе в качестве втоков сошек для стрельбы из бердыша либо для преодоления нападавшими «ледяного панциря» городка.

Лук и стрелы. Использование лука с боевыми стрелами, причем обеими сторонами конфликта, зафиксировано в хантыйских преданиях об осаде *Монкысь урия*. Много сюжетов из этих сказаний посвящено высоким навыкам в стрельбе из лука их главного персонажа – защитника городка, хантыйского богатыря Тоньи (Прил. 2.1–2.11). При раскопках городища было обнаружено 132 «утилитарных» наконечника стрел из железа (82 экз.) и кости (50 экз.). Из железных наконечников стрел к боевым формам можно отнести не менее 50 экз. Из костяных в качестве боевых мог использоваться только один тип костяных наконечников – стержневидной формы: таких найдено 29 штук. При этом около 70% всех наконечников были найдены в составе поминальных комплексов, связанных с погребениями, открытыми на руинах разрушенного городка. Принадлежность стрел с такими наконечниками к поминальным воинским комплексам сомнения не вызывает. Археологами зафиксировано, что эти стрелы были воткнуты вертикально в грунт по периметру могил [*Семенова, 2005*. С. 76]. Помимо чисто «утилитарных» наконечников стрел, обнаружено 50 экз., выполненных из медного листа, – они явно ритуального назначения.

Типологическому анализу значительной части наконечников стрел *Монкысь урия* посвящен специальный раздел монографии В. И. Семеновой [*2005*. С. 43–47. Табл. 6–8]. Большую обобщающую работу по систематизации средневековых наконечников стрел по северным памятникам Западной Сибири выполнил А. П. Зыков [*А–2008*. С. 131–163]. Мы же посчитали важным в рамках своего исследования рассмотреть не только формальную сторону предметов, но также особенности их бытового и ритуального использования. Поэтому все наконечники стрел представлены в следующей главе – в контексте ритуального комплекса городища Монкысь урий (раздел 3.3.2).

2.3.3.2. Предметы наступательного вооружения и боеприпасы: огнестрельное оружие

Кремень ружейный – 1 экз. (рис. 2.4.12 – *61*). При раскопках 1990 года в постройке № 2.5(6) была найдена четырехугольная каменная пластинка (2,3×2,0×1,1 см) с зазубринами от высекания искры [*Семенова, 2005*. С. 55. Рис. 16 – *5*]. Предмет мог быть потерян нападавшими при штурме. Впрочем, не исключено его приобретение жителями городка задолго до этих событий и использование в качестве части огнива.

Боеприпасы для огнестрельного оружия – 242 экз. (рис. 2.4.6–2.4.8). В коллекции имеются боеприпасы трех категорий:

– артиллерийские чугунные ядра диаметром от 3,0 до 4,0 см – 15 экз.;
– железные пули диаметром 1,4–1,8 см – 16 экз.;
– свинцовые пули диаметром 1,2–1,4 см – для ручного огнестрельного оружия – 211 экз.

Все они детально охарактеризованы в специальном приложении (3.2).

Форма литейная для пуль («пулелейка») – 2 экз. (рис. 2.4.7 – *65, 66*). Первая форма представлена одной керамической створкой Г-образной в плане формы (в виде симметричного угла). Ее общие габариты: 4,0×3,6×2,0 см. С одной стороны в ней прослеживается полусферическая выемка диаметром 1,0–1,4 см, снабженная каналами для заливки металла (литник) и для оттока лишнего металла (выпор). Торец формы декорирован орнаментом в виде повторяющегося мотива «уголок с отростком» и двух параллельных линий, идущих по краям изделия. На лицевой части формы изображены два зигзага, асимметрично вписанных друг в друга. Створка найдена в северной части оборонительно-жилого комплекса (уч. Ж”/37, ур. 45,76 м) у северного угла постройки № 2.7(8).

Обломок створки другой литейной формы сходен по форме и размерам (4,6×3,0×2,7 см). Диаметр полусферического углубления у нее – 1,5–1,7 см. Артефакт залегал в переотложенном слое раскопа № 4 1990 года и, вероятно, ранее находился в постройке № 2.9,2 или 2.7(8).

Были связаны или нет данные литейные формы с материальной культурой населения городка – точно не известно. Они могли попасть в городок случайно, например, с захваченным ханты огнестрельным оружием и боеприпасами казаков, убитых при транспортировке казны Томского гарнизона (см.: глава 2.3.4). Другой вариант: они могли быть потеряны стрельцами при осаде и штурме городка. По крайней мере, никаких *иных археологических* свидетельств использования жителями городка пищалей при раскопках обнаружено не было. Кроме того, в западносибирских городках XVI–XVII веков, принадлежавших аборигенному населению, литейных форм археологи пока не находили. В отличие от форм для изготовления оловянных украшений, которых обнаружено достаточно много [*Кардаш, 2103а.* С. 139. Рис. 3.11 – *1–4*]. В целом же, принцип отливки изделий в формах был известен населению западных и центральных областей таежного Приобья с энеолита (III тысячелетие до н. э.) и начала эпохи бронзы (первая треть II тысячелетия до н. э.).

2.3.3.3. Предметы защитного вооружения

Звенья кольчуги (кольчужного панциря) – 55 экз. (рис. 2.4.11 – *1–55*). Остатки кольчуг представлены отдельными железными кольцами-звеньями и фрагментами полотна. Диаметр колец варьируется в пределах 0,9–1,5 см. Кольца изготовлены из проволоки округлого или овального сечения. На некоторых экземплярах прослеживается соединение проволочных колец при помощи заклепок. Некоторые кольца были явно разорваны (рис. 2.4.11 – *49–55*), что может являться результатом их намеренного повреждения в ходе боевых действий. Находки были распределены относительно равномерно по всей площади оборонительно-жилого комплекса городка. Девять экземпляров обнаружены на южной периферии поселка.

Особо примечательны детали кольчужного доспеха, которые мы склонны интерпретировать как **застежки** (рис. 2.4.11 – *1–5*). На это указывает сходство данных изделий с известными медными кольцами – элементами застежек доспеха. *Застежка ворота (лицевого разреза)* представляет собой, в одном случае, медный вытянутый крюк с шипом длиной 5,5 см, снабженный цепочкой медных колец диаметром 0,8 см (9 шт.). Два других – это фрагменты длиной не менее 4,1 см, с явно обломанным крюком, но также снабженные цепочками из медных кольчужных колец. Две из них были связаны с постройкой № 2.1.(2), одна – с постройкой № 2.5(6).

Такие находки крайне редки на археологических памятниках аборигенов Западной Сибири. Для сравнения: в слое XVII – первой трети XVIII века Надымского городка, где железные кольца и фрагменты полотна кольчужного панциря являются рядовой находкой, таких медных застежек вообще не обнаружено [*Кардаш, 2013а.* С. 160]. Относительно большое количество оторванных застежек в городке *Монкысь урий* создает впечатление некой неординарной («поспешной») деятельности. При этом вряд ли она могла относиться ко времени задолго до осады и штурма данного поселка. Кроме того, такие артефакты были обнаружены вблизи погребений № 1 и № 2, в которых были захоронены погибшие при осаде жители городка. Последнее приводит нас к мысли о том, что эти элементы доспеха могли попасть в культурный слой при снятии кольчуг с погибших воинов, причем, вероятнее всего, с защитников крепости.

В целом же, совершенно очевидно, что кольчуги принадлежали как осаждавшим, так и оборонявшимся воинам. В любом случае эта специфическая военная экипировка, на наш взгляд, относилась к категории импортного доспеха, скорее всего, русского. Защитный доспех типа «кольчатого панциря» был характерным элементом русского вооружения на протяжении XIII–XVII веков [*Кирпичников, 1976.* С. 40–41].

Деталь пластинчатого панциря (?) – 1 экз. (рис. 2.4.11 – *56*). Изделие имеет вид прямоугольной железной пластины (5,0×1,5 см) с парными отверстиями по краям. Судя по единичности находки, данная пластина могла служить частью дополнительного усиления кольчужного доспеха или бармицы шлема. Прямые аналогии ей в таежном Приобье нам не известны.

2.3.4. ОРУДИЯ ТРУДА И ИНСТРУМЕНТЫ

Среди вещевого комплекса городка *Монкысь урий* достаточно четко выделяется группа предметов, в которую входят орудия труда, в том числе инструменты. Особые условия формирования культурного слоя городка, особенно конца его функционирования (осада, штурм, взятие «крепости», гибель жителей), сохранили

для нас, вероятно, максимальный набор разнообразных инструментов, в том числе целых. Последний – в обычных обстоятельствах, то есть после ухода людей из обветшавшего жилища, – вряд ли был оставлен в доме. Анализ данных находок позволяет сделать ряд важных выводов о ремеслах и хозяйственных занятиях жителей городка.

Выделяются три группы орудий труда. Первая из них: орудия многофункционального назначения (универсальные). Вторая и третья группы – это орудия, связанные, соответственно, с мужскими и женскими хозяйственными занятиями (домашними ремеслами).

2.3.4.1. Универсальные орудия: железные ножи

Ножи хозяйственные (бытовые). Образуют отдельную группу универсальных орудий. Они представлены железными клинками, деталями рукоятей, а также принадлежностями для заточки лезвия – каменными точильными брусками. Бытовые ножи отличает изначальная форма лезвия, предназначавшегося для хозяйственно-бытового использования. Очевидно, что при их изготовлении в первую очередь учитывалась их главная – режущая – функция, связанная с разделкой туш животных, обработкой древесины или кости и тому подобное. Кроме этого, постоянное ношение при себе хозяйственного ножа обуславливало его приемлемые размеры и вес. Специализированные боевые ножи отличала колюще-режущая характеристика изделия, его массивность и высокая прочность. По мнению А. П. Зыкова, железные хозяйственные ножи таежного Приобья III–XVII веков всегда были однолезвийными и короткими, с длиной клинка от 5 до 20 см. От боевых ножей их отличала колюще-режущая форма клинка и длина лезвия более 20 см [*Зыков, А– 2008.* С. 84].

Кроме того, все эти предметы универсальны: как в плане их использования, так и по гендерной принадлежности. В традиционной культуре коренного населения реки Большой Юган, зафиксированной краеведами и этнографами в XIX веке, а также на рубеже XX–XXI веков, дифференциация ножей на мужские и женские обозначалась только при помощи декора ножен. Так ли это было у жителей городка *Монкысь урий* в XVI–XVII веках – сказать сложно. Из-за отсутствия на памятнике остатков ножен мы представляем описание только клинков ножей, рассматривая их в первой группе орудий труда.

Ножи – 42 экз. (рис. 2.3.12 – *1–49*). В коллекции имеются как целые ножи, так и их обломки, которые крайне сложно систематизировать (рис. 2.3.12 – *35–49*). Целые изделия и ряд больших фрагментов – по форме рукояти и ее монтажа – подразделяются на два типа.

Тип I. Ножи черенковые – 32 экз. (рис. 2.3.12 – *1–32*). Изделия размерами от 6,2×1,0 до 25,6×2,4 см, при длине лезвия 3,8–15,6 см. Данный тип выделен по основному конструктивному признаку: способу насада рукояти при помощи длинного узкого черенка. По форме и размерам лезвия, способу оформления перехода спинки клинка к насаду (черенку), а также по размерам и форме черенка ножи делятся на три подтипа.

Первый подтип – 6 экз. (рис. 2.3.12 – *1–12*). Большая часть этих ножей имеет длинный четырехгранный насад, длинный клинок с прямым обухом, а также четко выраженный переход от лезвия к черенку, то есть коленчатые уступы с обеих сторон клинка при переходе к черенку. Последнее определено особенностями крепления рукояти к насаду-черенку. Несколько ножей именно этого подтипа были снабжены металлическими элементами обкладки торцевых частей рукояти. На двух ножах – в месте перехода от клинка к черенку – сохранились детали таких элементов: на первом – оловянная обойма, на втором – железный упор (рис. 2.3.12 – *1, 2*). Помимо этого, в коллекции имеются оловянные детали обкладок рукояток ножей и их железные элементы (рис. 2.3.12 –*3–8*). Все лезвия ножей имели двустороннюю заточку.

К данному подтипу отнесен ряд других ножей: с коротким широким клинком, коротким насадом и четко выраженными коленчатыми уступами при переходе от клинка к черенку (рис. 2.3.12 – *9–12*). Такую форму имели клинки Падракурского посада XVII века города Холмогоры. Данный населенный пункт еще в первой половине XVI века стал одним из крупнейших северорусских центров металлообработки Московского государства, наряду с Великим Устюгом [*Ясински, Овсянников, 1998.* С. 14. Рис. 1 – *7*]. Совершенно очевидно, что такая форма ножей имела широкое распространение в разных ремесленных центрах. Судя по данным русских письменных источников, около 90% ножей, ввезенных в Сибирь, были произведены в мастерских Мезени, Соли Вычегодской и Устюга Великого [*Зиняков, 2005.* С. 74]. Такие предметы, найденные в городке *Монкысь урий*, безусловно, можно отнести к кругу импортных изделий.

Второй подтип – 12 экз. (рис. 2.3.12 – *13–25*). Ножи среднего размера с прямообушными клинками и плавным переходом от клинка к черенку. Такой переход также отражает конструктивные особенности

монтажа рукояти. По-видимому, рукояти ножей с такими клинками не предусматривалось снабжать металлическими элементами. Все лезвия этих клинков имели двустороннюю заточку. Вполне возможно, что эти ножи изготавливались в ремесленных центрах Восточной Европы и поставлялись в Сибирь без рукоятей.

Третий подтип – 7 экз. (рис. 2.3.12 – *22–26, 49*). Клинки с прямым обухом, коротким прямым или слабо-изогнутым лезвием, переход от клинка к черенку выделен плавным уступом со стороны лезвия. Лезвия клинков сильно сточены. Вариантом ножей третьего подтипа являются орудия с переходом от клинка к черенку в виде плавного равностороннего сужения. Зачастую у таких ножей грань между клинком (лезвием) и черенком определяется местом завершения заточки. Все лезвия клинков имели двустороннюю заточку. В *Монкысь урии* найден один нож этого подтипа с рукоятью, вырезанной из рога северного оленя. Причем рукоять была изготовлена очень грубо и представляла собой обычный обрубленный кусок рога. Насад ножа, скорее всего, был просто забит в один из торцов этого обломка. Судя по небольшим размерам (6,2×1,0 см), такие ножи производили сами жители городка в домашних условиях – способом так называемой «ковки на обухе» топора.

Тип II. Ножи цельнометаллические («безченковые») – 2 экз. (рис. 2.3.12 – *33, 34*). Каждый из них представлял собой изделие с узким клинком, прямой или слегка выгнутой спинкой и плавным – без резкого уступа – переходом от обуха клинка к его началу. Переход от лезвия к рукояти также плавный. Черенок специально не был выделен и фактически являлся частью клинка, противоположной острию. Рукоять цилиндрическая, монтировалась на данной части клинка при помощи заклепок, обойм и клея. Выделяются два подтипа таких ножей.

Первый подтип (рис. 2.3.12 – *33*). Нож с деревянной рукоятью, состоящей из двух половинок, прикрепленных к клинку при помощи заклепок. Найден один сильно корродированный обломок ножа, по которому размер изделия не восстанавливается. Можно лишь сказать, что это было небольшое изделие с шириной лезвия и рукояти, соответственно, 1,5 см и 1,2 см.

Второй подтип (рис. 2.3.12 – *34*). Нож с цилиндрической рукоятью, диаметром 1,2–1,4 см, изготовленной из жестяного листа и прикрепленной к клинку при помощи пайки или, возможно, клея. Общая длина ножа – 16,8 см, лезвия – 9,3 см.

Прямых аналогий этому изделию не выявлено. Тем не менее ножи данного типа имеют много конструктивно близких аналогий, особенно в материалах раскопок русских городов XVII века, в частности Мангазеи [*Визгалов, Пархимович, 2008.* С. 162; рис. 3.30 – *10–15*]. По всей видимости, данные ножи были привезены из Восточной Европы. Определить точное место их производства пока невозможно.

Целые ножи и их обломки залегали по всей территории городка. Больше всего их было в пределах оборонительно-жилого комплекса. Определить, какие из ножей входили в погребальный инвентарь, за исключением одного клинка (рис. 2.3.12 – *13*), не представляется возможным. Впрочем, часть целых клинков, обнаруженных в переотложенном слое раскопов № 1 и 3 (1990 года), явно происходит из погребений № 1 и № 3.

Точильные бруски – 64 экз. (рис. 2.3.12 – *50–67*). Данные абразивы представляют собой каменные бруски с участками гладкой отшлифованной поверхности, то есть со следами использования. Почти все изделия представлены целыми экземплярами. Размеры самого большого: 16×11,5×4,0 см. Два бруска изготовлены из песчаника, остальные – из сланцевых пород.

Единичные орудия залегали на периферии поселка, но основная их масса была распределена по всей территории памятника, в основном – пространстве оборонительно-жилого комплекса. В том числе треть (около двух десятков) брусков была найдена в постройке № 2.5(6). Вряд ли это случайно. Именно в этом производственно-жилом помещении было сосредоточено самое большое количество инструментов. Это отражает интенсивность производственной деятельности ее обитателей. Остальные точильные бруски были распределены по постройкам относительно равномерно.

При анализе материалов раскопок ряда «вождеских резиденций» аборигенов Севера Сибири, таких как Надымский и Полуйский мысовой городки, было установлено, что количество точильных брусков в какой-то степени коррелируется с количеством режущих инструментов. В частности, на синхронном Полуйском мысовом городке – с приблизительно такой же вскрытой площадью – точильных брусков и ножей найдено в два раза меньше, чем при раскопках Надымского городка [*Кардаш, 2013а.* С. 161–163; *2013б.* С. 180–182]. По находкам таких предметов городок *Монкысь урий* занимает промежуточное положение между данными памятниками.

В целом же обе эти категории предметов довольно многочисленны, что свидетельствует о достаточно интенсивной хозяйственно-бытовой деятельности населения городка.

2.3.4.2. Инструменты для обработки дерева и металла. Мужские ремесла

Обработка дерева, а также изготовление деревянных изделий, за исключением производства берестяной посуды, в традиционной культуре коренного населения таежного Приобья по сей день остаются преимущественно сферой деятельности мужчин. В свою очередь, металлообработка ныне почти полностью исчезла из системы домашних ремесел обских угров. Тем не менее некоторые оставшиеся у них процессы, связанные с обработкой металлов, также являются чисто мужским занятием.

В нашей книге орудия, характеризующие эти виды деятельности, мы выделили в отдельный раздел. Это сделано для того, чтобы попытаться реконструировать ремесла, существовавшие у жителей городка *Монкысь урий*. На наш взгляд, гендерная дифференциация этих ремесел необходима для сравнительного анализа между современной традиционной культурой юганских ханты и культурой их предков.

Первая группа орудий. Ее составляют железные и стальные инструменты, применявшиеся при деревообработке.

Топоры – 9 экз. (рис. 2.4.13 – *1–4*). Представлены в коллекции обломками и целыми предметами. Большинство топоров, в том числе целые формы, были обнаружены в процессе раскопок 1990 года и достаточно детально охарактеризованы [*Семенова, 2005.* С. 48–50. Рис. 28; 29]. Мы используем это описание, снабдив его своими комментариями, дополнениями и уточнениями.

Все топоры отнесены нами к одному типу. Это клиновидные орудия с асимметричным лезвием, треугольными проушинами и выступами обуха в сторону топорища (рис. 2.3.13 – *1–4*). Три топора имеют слегка выгнутую спинку обуха, один – прямую, слегка скошенную книзу и лезвию.

Таблица обмера топоров (по методике Б. А. Колчина) [Семенова, 2005. С. 49. Табл. 9]

№№ пп	Длина топора (*мм*)	Ширина (*мм*)		Высота обуха (*мм*)	Ширина (*мм*)		Высота проушины (*мм*)	Вес (*г*)
		Лезвие	Основание лезвия		Обух	Основание проушины		
1	142	99	55	71	40	20	50	1200
2	151	87	45	68	39	19	62	1100
3	143	87	45	58	33	25	52	1200
4	153	87	42	64	33	19	60	1050

Еще три обломка – небольшие, не позволяют восстановить форму и параметры топоров. Между тем один из них представлен лезвием изогнутой формы (рис. 2.4.13 – *5*). Скорее всего, обломок был переточен в новый инструмент – **типа тесла**. Принимая во внимание большую ширину лезвия, можно предположить, что данный инструмент был предназначен для первичной выборки осиновой колоды при изготовлении легкой лодки типа «обласа».

Клинья железные – 4 экз. (рис. 2.3.13 – *7–10*). Предназначены для фиксации (расклинивания) рукояти топорища в проушине топора. Два из них – это железные стержневидные клинышки, находившиеся в проушине одного из топоров. Идентифицировать их как клинья по формальным признакам, без нахождения в топоре, было бы невозможно. Вероятно, такие предметы были неспециализированными формами, какие и сейчас применяются при расклинивании топорищ. Два клинышка – в плане прямоугольные, треугольного сечения, размерами 3,9×3,4×0,5 и 3,9×3,0×0,5 см. На их торцах прослеживаются следы «забитости» – типа площадки с заусенцами от ударов. По данным признакам В. И. Семенова ошибочно интерпретировала один из этих предметов как зубило [*Семенова, 2005.* С. 51. Табл. 8 – *1*].

Найденные в *Монкысь урии* клинья близки современным. А. П. Зыков, специалист по кузнечному ремеслу населения Западной Сибири, изучивший большое количество средневековых проушных топоров, о наличии клиньев в своей диссертационной работе вообще не упоминает [*Зыков, А–2008.* С. 144–157]. По его мнению, большой приток русской кузнечной продукции в конце XVI – начале XVII века сильно повлиял на местное производство и радикально изменил облик данного типа изделий, сблизив их с привозными образцами. По всей видимости, способ расклинивая топорища железной пластиной или стержнем до XV–XVI веков не

был известен аборигенному населению таежного Приобья. В этой связи находки клиньев в топорах городка *Монкысь урий* наводят на мысль об исключительно импортном происхождении таких топоров. Последние, вероятно, поступали к аборигенам Сибири в качестве одной из категорий русских товаров, причем уже расклиненными. У современных ханты Большого Югана и Западной Сибири в целом такие топоры до настоящего времени снабжаются топорищами в форме вытянутой прямоугольной в плане и овальной в сечении пластины. Вполне вероятно, что такая форма прямых топорищ могла сохраниться с XVI–XVII веков.

Один из четырех целых топоров найден в погребении 1 (рис. 2.3.13 – *1*). Остальные целые изделия и их фрагменты залегали в постройках оборонительно-жилого комплекса: второй топор и обломок лезвия – в постройке № 2.3(4) (рис. 2.3.13 – *4, 5*), третий топор и фрагмент лезвия – в постройке № 2.5(6) (рис. 2.3.13 – *2*), четвертый топор – в постройке № 2.9.2 (рис. 2.3.13 – *3*). Клинья обнаружены в постройках № 2.1(2) и 2.3(4). В целом топоры и их детали были распространены по территории городка относительно равномерно. При этом количество топоров и их обломков равно числу построек. Имея такие данные, логично предположить, что в каждом доме хранился, как минимум, один топор, причем универсального назначения. Уместно заметить, что археологи вряд ли нашли в городке целые экземпляры таких орудий, если бы он не был разрушен в ходе карательной экспедиции.

Самые ранние топоры данного типа были найдены в Новгороде (III тип), в слоях XIII–XVI веков [*Колчин, 1959.* С. 26]. В Сибири они имели хождение в XVI–XVII веках и были обнаружены на поздних памятниках Барабы, Нижнего Приобья, острове Фаддея и в заливе Симса [*Молодин, 1979.* С. 65; *Молодин, Соболев, Соловьев, 1990.* С. 39, 40, 43. Рис. 35 – *3, 4*; *Станкевич, 1951.* С. 167. Табл. VIII – *1–4*; *Соловьев, 1987.* С. 90–97. Рис. 30–33].

Тесло – 1 экз. (рис. 2.3.13 – *7*). Помимо вышеупомянутого орудия, изготовленного из сломанного острия топора, имеется одно целое специализированное изделие. Оно имеет короткое и широкое лезвие дугообразного сечения, размером 6,0×2,5 см, образованное загнутыми почти под прямым углом треугольными боковыми окончаниями. Лезвие снабжено цилиндрической втулкой длиной 8,0 см, диаметром 3,0 см. Орудие найдено в северной части постройки № 2.5(6).

В своей диссертационной работе А. П. Зыков не упоминает о подобных теслах ранее XVI века [*А–2008.* С. 144–157]. Находка железного тесла на городище *Монкысь урий* является первым и наиболее ранним свидетельством использования данного специфического инструмента в таежном Приобье, а также косвенным аргументом изготовления легких лодок аборигенным населением реки Большой Юган. Тесла данного типа, а именно с втульчатым креплением рукояти, известны лишь на более поздних археологических памятниках, в частности конца XVIII века [*Шорин, Баранов, 2002.* С. 76–78. Рис. 9 – *4*].

Близкие аналогии данному типу орудий можно найти в этнографической литературе и современном наборе инструментов (рис. 2.3.13 – *12, 13*), причем связанных в первую очередь с производством «обласов» [Салымский край…, 2000. С 154–156; Сургутский краеведческий музей…, 2014. С. 98–107]. Заметим лишь, что в конце XX века и в настоящее время большинство тесел для изготовления лодок перековывалось из топоров [Сургутский краеведческий музей…, 2014. С. 103–106]. Дополнительно отметим, что нам нередко приходилось слышать в разговорах с юганскими ханты, что далеко не каждый мужчина вырабатывал навыки изготовления долбленой лодки – «обласа». Проблемы возникали именно на последней стадии, когда при помощи тесла выводилась единая толщина корпуса судна. В этой связи находка на городке *Монкысь урий* только одного тесла может свидетельствовать о том, что не в каждой семье этого поселка был мужчина, способный изготовить долбленую лодку-однодревку. Вполне возможно, что такими навыками обладал один из обитателей постройки № 2.5(6).

Наструги-скобели[9] (лезвия) – 5 экз. (рис. 2.3.14 – *1–5*). Сечение изделий – П-образное или U-образное. Каждое орудие имеет вид широкой прямоугольной пластины (лезвие) с симметрично загнутыми под прямым углом двумя заостренными концами (черенки). Черенки в сечении – клиновидные, а в плане имели форму вытянутого треугольника. Они предназначались для крепления лезвия к деревянной основе – рукояти. Рабочий край каждого лезвия заточен только с одной стороны. Размеры целых и реконструированных скобелей приблизительно одинаковые: 7,2×4,6×1,2 см; 8,0×2,7×3,5 см; 7,0×1,8×3,5 см; 5,7×3,2×0,4 см; 5,5×1,4×3,5 см.

[9] *Наструг (струг)* – инструмент для строгания дерева [*Даль, 1882.* С. 348, 349; *Ефремова, 2000.* С. 651]. По значению и форме близок к такому инструменту, как рубанок. *Скобель* – инструмент, представляющий собой нож с двумя поперечными ручками. Предназначен для снимания коры, первичного обстругивания бревен, досок и т. п. Такое же назначение имеет термин струг плотницкий [*Даль, 1882.* С. 205; *Ефремова, 2000.* С. 1092]. Мы используем двойной термин для обозначения таких орудий (*наструг-скобель*), поскольку даже в современном традиционном хозяйстве возможно использование данного инструмента в разных операциях с деревом. Такое двоякое использование, вероятно, имеет давнюю традицию. Она связана с импортным характером таких орудий и их дефицитом у аборигенов приобской тайги.

Такое орудие предназначалось для вторичной обработки поверхности древесины или доводки заготовки предмета до нужной кондиции после ее вырубки топором.

Три надструга-скобеля были найдены В. И. Семеновой в 1990 году, два – в процессе наших раскопок. В том числе два орудия обнаружены в северо-восточной части постройки № 2.3(4), по одному – в постройке № 2.5(6), у стены постройки № 2.1(2) и на склоне холма близ южного угла постройки № 2.3(4). Распространение находок по городку неравномерное. Вместе с тем количество этих предметов соответствует числу построек оборонительно-жилого комплекса. С учетом находок топоров намечается некий набор мужских инструментов для обработки дерева, имевшийся в каждом доме и семье данного поселка.

Надструги и скобели широко представлены в материалах в средневековых памятников Евразии и в быту обских угров [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 94. Рис. 44 – *1*]. Данному типу инструментов соответствуют два образца орудий (*volttouh* и *voltovfh* – хант.), опубликованных У. Т. Сирелиусом [*2001.* С. 268, 310] (рис. 2.3.14 – *6, 7*).

Сверла (для ручной дрели или бура) – 2 экз. (рис. 2.3.14 – *8, 9*). Представляют собой цилиндрические железные стержни размерами 5,7×0,8×0,8 и 12,2×1,0×1,0 см. Один конец каждого орудия заострен и имеет полукруглое сечение, средняя часть – круглая, насад уплощен и имеет прямоугольное сечение. Для какого инструмента – дрели или бура – использовались эти сверла, определить сложно. Этнографически зафиксировано, что, как минимум, с XIX века у коренного населения Западной Сибири параллельно бытовали как ручные лучковые дрели, так и ручные рукояти – буры (рис. 2.3.14 – *10, 11*). Оба этих типа орудий применялись для изготовления круглых отверстий в дереве и кости. На городище *Монкысь урий* сверла были обнаружены в восточной части постройки 2.3(4) и в постройке № 2.5(6).

На археологических памятниках северо-западных районов таежного Приобья сверла для ручной дрели или бура зафиксированы в слоях XV–XVI веков [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 94. Рис. 44 – *1*]. Массово такие инструменты начинают появляться не ранее XVII века, что было связано с поставками в регион русской кузнечной продукции. Тем не менее, судя по археологическим находкам, у коренного населения данных территорий импортные железные сверла широкого распространения не получили. В Надымском городке их довольно много, но причина этого заключается, скорее всего, в близости данного населенного пункта к развитой торговой магистрали. В Надымском городке такие сверла вставляли в рукоять бытового ножа [*Кардаш, А–2007.* С. 71. Рис. 205 – *1*]. Имеется еще один способ их использования аборигенами Сибири: в качестве наконечников стрел [*Кардаш, Соколков, 2015.* С. 87. Рис. 11 – *10*]. Судя по материалам раскопок позднесредневековых археологических объектов аборигенного населения, таких как Надымский, Полуйский мысовой и Войкарский городки, ручные дрели аборигенами севера Сибири не применялись. Причем даже тогда, когда русское население их активно использовало, как, например, жители Мангазеи [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* С. 82, 83. Табл. 74; *Визгалов, Пархимович, 2008.* С. 69, 70. Рис. 97].

Тем не менее этого мы не можем сказать в отношении населения городка Монкысь урий. Набор инструментов, найденный в постройке № 2.5(6), позволяет нам предположить, что в ней когда-то жил мастер, способный изготавливать речные суда типа обласа. Однако вырезать такие суда из единого бревна, применяя ручной бур, крайне затруднительно. В этой связи мы допускаем вероятность использования ручной дрели только одним-двумя мастерами этого городка.

Резцы. Представлены находкой одного лезвия «ложкореза» (рис. 2.3.16 – *13*). Клинок резца снабжен листовидным обоюдоострым лезвием, загнутым полукольцом, и длинным черенком четырехгранного сечения. Размеры предмета: 7,8×1,7×0,5 см. Резец обычно вставляли в деревянную рукоять. Обиходное название инструмента – *«ложкорез»*. Это специальное орудие, предназначенное для вырезания вогнутых поверхностей в древесине при изготовлении посуды и столовых приборов, в первую очередь, ковшей и ложек. Резец в городке *Монкысь урий* найден в западном углу постройки № 2.5(6).

Аналогичные изделия в Древней Руси были распространены с XI века [Древняя Русь..., 1985. С. 258. Табл. 98 – *7, 8*]. В Сибири такие орудия находили только на русских памятниках XVII века [*Станкевич, 1951.* С. 169. Рис. 2]. В последнее десятилетия единичные железные резцы обнаружены при широкомасштабных раскопках слоев конца XVII – первой трети XVIII века на поселениях аборигенов Севера Западной Сибири – в Надымском и Полуйском мысовом городках [*Кардаш, 2013а.* С. 164. Рис. 3.33 – *10, 11*; *2013б.* С. 182. Рис. 3.13 – *10*].

Вторая группа орудий. В нее входят используемые при металлообработке инструменты с основной железной рабочей частью. Кузнечное ремесло являлось исключительно мужским занятием. Находки инструментов

кузнечного производства на памятниках севера Западной Сибири крайне редки, поэтому каждый из этих предметов имеет особое значение.

Щипцы (клещи) кузнечные – 1 экз. (рис. 2.3.14 – *16*). Представляют собой две вытянутые пластины, соединенные между собой шарниром. Рукояти заканчиваются шарообразными утолщениями. Инструмент относится к разряду малых шарнирных одноручных щипцов, используемых при кузнечной или слесарной обработке металла. Общие размеры предмета: 24,3×3,2×2,0 см. Артефакт обнаружен в северной части постройки № 2.5(6).

А. П. Зыков отнес данный предмет к типу 2: малые клещи-плоскогубцы с шарнирным заклепочным соединением частей и прямыми ручками. Как полагает этот исследователь, столь короткие одноручные клещи годились только для слесарных работ с холодным металлом [*А–2008.* С. 59]. Мы не можем полностью согласиться с таким мнением. Для горячей ковки небольших ножей и наконечников стрел, найденных при раскопках городка *Монкысь урий*, данные щипцы вполне пригодны, так как они способны обеспечить фиксацию обрабатываемого предмета и его термоизоляцию. Безусловно, ковка топора или сабли с использованием таких щипцов маловероятна. Единственная аналогия описанным щипцам происходит из случайных сборов со средневекового городища Ус-Нел [*Чернецов, 1957.* С. 242; Финно-угры… , 1987. Табл. LXXXV – *18*]. Деревянные модели подобных изделий имеются среди материалов Надымского городища [*Кардаш, 2013а.* С. 184, 185. Рис. 3.67 – *10–13*; *2013б.* С. 211. Рис. 3.58 – *16*].

Напильники – 2 экз. (рис. 2.3.14 – *14, 15*). Имеют форму длинных узких пластин прямоугольного сечения с черенком-насадом, выраженным в виде сужения одного конца изделия. Деревянные ручки у них не сохранились. Рабочая сторона каждого напильника покрыта тонкими параллельными насечками (желобками), которые нанесены под небольшим углом (около 20–25^0) к оси инструмента. Это позволяет определить данные орудия как напильники с одинарной насечкой. Размеры изделий: 18,6×1,4×0,5 и 19,7×1,1×0,5 см. Соотношение длины рабочей части и черенка у первого – 15,2:5,5 см, у второго – 14,2:5,4 см. Судя по плотности насечек (порядка 12–13 на 1 см), данные инструменты занимают промежуточное положение между драчевыми напильниками (№ 1) для первичной обработки металла и личными напильниками (№ 2) для вторичной обработки поверхности. По сечению они относятся к категории плоских, предназначенных для обработки плоских и выпуклых поверхностей. В. И. Семенова отнесла эти находки к группе железных изделий неопределенного назначения, предположительно, к заготовкам наконечников стрел [*2005.* С. 51. Рис. 18 – *5*; 33 – *5*]. Первый напильник был найден в северной части постройки № 2.5(6), вместе с кузнечными клещами и другими инструментами. Второй напильник находился в восточной части постройки 2.9,2.

Находка напильника, как и любого другого специализированного инструмента, является крайне редкой, в особенности для памятников коренного населения Западной Сибири. На поселениях Крайнего Севера данного региона нам приходилось находить деревянные модели таких инструментов, предназначавшиеся для детских игр – имитаций занятий взрослых [*Кардаш, 2013а.* С. 184, 185. Рис. 3.67 – *10–13*; *2013б.* С. 211. Рис. 3.58 – *16*].

Нам известен один железный напильник из состава инвентаря воинского погребения-кенотафа XVII – середины XVIII века ритуального комплекса Холято-1 в бассейне реки Юрибей на полуострове Ямал. Напильник плоский, односторонний с поперечными насечками. Размеры его: 16,0×1,8×0,5 см [*Руденко, Станкевич, 1951.* С. 99. Рис. 5; *Кардаш, Соколков, 2015.* С. 85–89. Рис. 11 – *11*]. В таежном Приобье найдено 5 напильников, которые происходят с городища Искер конца XV – XVI века [*Пигнатти, 1915.* Табл.III – 7]. Четыре из них – плоские, прямоугольного сечения, пятый имеет уплощенно-ромбическое сечение. Насечки нанесены на все плоскости предметов. Размеры первых четырех: 10,8–17,5×0,8–1,5×0,2–0,4 см. А. П. Зыков провел металлографический анализ изделий и пришел к выводу, что по своим физическим свойствам четыре напильника могли быть использованы для работы с металлом, один (третий) – только для обработки кости [*А–2008.* С. 62–63].

Ножницы универсальные – 1 экз. (рис. 2.3.14 – *12*). Состоят из двух одинаковых частей – фигурных пластин, соединенных заклепкой, что позволяет отнести их к категории шарнирных. Каждая пластина имеет форму вытянутого острого треугольника, соединенного с узкой рукоятью, которая завершается кольцом. Размеры инструмента: 14,0×5,5×0,7 см, длина лезвий – 7,1 см, рабочей части лезвий – 5,8 см, максимальная ширина – 1,5 см. Ножницы были найдены в северной части постройки № 2.5(6), где были обнаружены кузнечные клещи, напильник и ряд других инструментов. На этом основании данные ножницы условно отнесены нами к группе орудий, связанных с кузнечным ремеслом. Конечно, этими ножницами железо разрезать нельзя. Тем не менее для резки на части медных котлов, особенно истертых и вышедших из употребления, в

процессе производства украшений, они вполне пригодны. Тем более что в коллекции Монкысь урия имеется много обрезков листовой меди (рис. 2.3.16 – *13–100*). Ножницы могли использоваться не только в производстве, но также в хозяйстве и быту, что делает их универсальным инструментом.

Такие же ножницы, длиной 12,8 см, зафиксированы в слое второй половины XVI века Надымского городка [*Кардаш, А–2009.* С. 78, 254. Рис. 138]. Три экземпляра подобных ножниц найдены в погребениях могильника Абрамово–10 XVI–XVII веков в Барабинской лесостепи [*Молодин, Соболев, Соловьев, 1990.* С. 91, 92. Рис. 68 – *5*]. Единственные ножницы, достоверно идентифицированные как инструмент для резки листового металла, обнаружены при раскопках городища Шеркалы I. Они также шарнирные, с заклепкой; их общая длина – 24,6 см, длина лезвий – 7,2 см, ширина – 1,5 см [*Зыков, А–2008.* С. 30]. За исключением размеров, рабочие части всех инструментов идентичны.

Третья группа артефактов: заготовки и отходы кузнечного производства – 22 экз. Их реальное количество, собранное на памятнике, довольно условно, поскольку много железных предметов сильно корродировано или представлено очень мелкими обломками. К данной группе находок мы отнесли металлические пластины или бруски со следами ковки и резки, имеющие некую законченную форму, часто – правильную геометрическую. Возможно, это заготовки изделий. Кроме того, В. И. Семеновой была выделена группа железных изделий «неясного назначения», в которую были включены фрагменты пластин и заготовки, напоминающие по форме ножи и наконечники стрел [*2005.* С. 51]. Некоторые из этих предметов нам удалось идентифицировать, в частности напильники. Остальные же остатки следует считать заготовками или отходами кузнечного производства.

Шлаки – 25 экз. Небольшие куски оплавленной пустой породы, размерами от 1,8–7,1×4,2×1,3 до 4,7×2,6×0,9–2,9 см. По территории памятника распределены относительно равномерно, но с преобладанием в пространстве оборонительно-жилого комплекса. В нашем распоряжении нет никаких фактов, свидетельствующих о металлургическом производстве у населения городка, и мы не склонны даже предполагать это.

Лимониты в таежной зоне Западной Сибири, в частности в Среднем Приобье, крайне бедны железом и не имеют магнитных свойств. В этой связи их металлургическая переработка потребовала бы значительных усилий и сопровождалась большим количеством отходов производства в виде шлако-криц[10], шлаков и просто необогащенной руды. Ничего подобного ни на одном участке памятника не зафиксировано. О вынесенном на дальнюю периферию производстве также говорить не приходится. В этом случае первичный продукт – крица или шлако-крица – должен был приноситься на городок для вторичной обработки в большом количестве. Судя по объему мелких фрагментов, кричных заготовок на памятнике было немного. Их распространение указывает на то, что кузнечная обработка происходила не только в специализированном помещении (постройка 10), но частично – в жилых строениях. Мы полагаем, что все шлаки являются обломками металлургических криц, поступавших в регион в качестве готового продукта.

Итог. По результатам анализа охарактеризованных выше орудий мы можем реконструировать в общих чертах ремесленные производства, практиковавшиеся жителями городка *Монкысь урий*.

Не вызывает сомнения, что «градостроительством», домостроительством и производством изделий из дерева и кости занималось все взрослое мужское население городка с привлечением в качестве вспомогательной рабочей силы других членов общины.

Среди узкоспециализированных занятий выделяется производство средств передвижения. У мужчин *Монкысь урия*, по-видимому, имелись все категории инструментов, необходимые для изготовления лыж, нарт и легких лодок. Подобные инструменты используются и сейчас. По всей видимости, население городка обеспечивало себя всеми таежными видами транспорта. Можно даже предположить, что искусство изготовления лодок могло иметь своеобразную товарную направленность. Что указывает на это? В первую очередь то, что *Монкысь урий* на сегодняшний день является единственным археологическим памятником, на котором найден самый древний *комплект* инструментов для изготовления лодки-обласа. Обладание секретом и навыками такого ремесла могло способствовать поднятию общественного статуса мастера и даже определять его общинное лидерство. В свою очередь, это могло обеспечить, как минимум, рентабельный внутриобщин-

[10] Шлако-крица – продукт металлургического сыродутного производства с низким содержанием железа, не позволяющим дальнейшую обработку кузнечной ковкой для получения металлической заготовки.

ный обмен продукции на результаты промыслов или вообще обеспечение продуктами и товарами как общинного вождя.

То же самое можно сказать и о кузнечном производстве. Простейшая обработка металлов («ковка на обухе топора у очага») из чисто домашних хозяйственных занятий выделяется в отдельное производство. На данном археологическом памятнике это выразилось в строительстве отдельной кузницы, что подтверждается фольклорными (Прил. 2.4; 2.6; 2.9) и археологическими источниками. Наиболее полный набор как деревообрабатывающих, так и кузнечных инструментов, был обнаружен только в одной постройке оборонительно-жилого комплекса – № 2.5(6). Отдельные инструменты найдены и в других домах. В этой связи мы не можем исключать того, что многие мужчины или главы семей имели полный набор инструментов, который после штурма и гибели городка был большей частью вывезен. Указание на то, что кузнечное производство не было узкоспециализированным, нередко встречаются в фольклоре. В частности, в былинах обских угров можно найти упоминания о том, что князья и богатыри сами куют себе наконечники стрел [*Патканов, 1891.* С. 104; Мифы, предания, сказки..., 1990. С. 177, 181].

В целом же деревообрабатывающее и кузнечное производства у аборигенов таежного Приобья даже в конце средневековья – начале нового времени были на уровне домашнего ремесла, обеспечивающего, в первую очередь, нужды каждой большой семьи. Вместе с тем создается впечатление, что мы фиксируем некую начальную стадию перехода домашнего ремесла к общественному (общинному) и даже, возможно, товарному.

2.3.4.3. Инструменты для обработки кожи и ткани. Женские ремесла

Хорошо идентифицируемые металлические детали инструментов для обработки кожи, а также для изготовления одежды и других предметов из разных материалов, дают нам возможность не только представить описание и типологию данных специализированных орудий. Сравнительный анализ находок и изучение этнографических материалов позволяет реконструировать домашние ремесла, быт и хозяйство юганских ханты конца средневековья – начала нового времени, а также определить гендерную принадлежность ремесленного производства, его терминологию, уровень развития и объемы.

Группа 1. Инструменты для обработки шкур животных. Представлены одной категорией изделий – скребками, которые образуют в коллекции отдельную яркую и информативную ***подгруппу, представленную только железными лезвиями скребков*** – 16 экз. (рис. 2.3.15). Рукояти скребков, изготовлявшиеся из дерева и кости, не сохранилась. По форме лезвий орудия можно разделить на три типа.

Тип I. Лезвия скребков в виде вытянутой прямоугольной (трапециевидной) железной пластины с заточенными и загнутыми в противоположные стороны рабочими торцами. В профиле каждый предмет напоминает латинскую букву S. Всего найдено 7 таких изделий: 5 целых и 2 обломка. Их размеры варьируются от 5,0×2,1×1,9 до 8,7×3,3×2,4 см. Вариации форм скребков представлены на иллюстрациях (рис. 2.3.15 – *1–7*).

Целые предметы обнаружены в постройках 1 (1 экз.), 2–3 (1 экз.) и 5–6 (3 экз.). Обломки лезвий скребков происходят из постройки 7–8 и с периферии поселка (по 1 экз.).

Данные скребки различаются по форме и другим деталям, но все они относятся к предметам одного функционального назначения. В. И. Семенова обозначила их термином «*струг S-видной формы*», который был предназначен для снятия со шкуры животного мездры [*2005.* С. 50, 134. Рис. 32 – *3, 4*]. Такое определение явно неверное, так как стругом обозначается совсем другой инструмент, предназначенный специально для обработки дерева. Кроме того, «S-видная» (точнее, «эсовидная») – это форма не плана, а профиля скребка. В этой связи попытаемся подобрать и обосновать иной термин.

Способ применения подобных изделий известен по этнографическим материалам. Лезвие вставляли в центральную часть длинной деревянной рукояти, поперек ее продольной оси [*Мартин, 2004.* С. 78–79. Рис. 73. Табл. 13 – *2*; *Сирелиус, 2001.* С. 278]. Такой инструмент использовали для первичной обработки шкур животных – снятия мездры.

Для понимания функционального назначения данного типа орудий и анализа других предметов из этой группы было бы уместно напомнить технологию обработки шкур крупных копытных животных (лось, олень), основываясь на этнографических материалах. Судя по публикациям [Салымский край…, 2000. С. 134–136] и собственным исследованиям, общая технологическая схема, характерная для культуры южных и восточных хантов, такова.

Шкура животного имеет трехслойную структуру. Наружный тонкий слой – *эпидермис*, средний слой – *собственно кожа*, нижний слой – подкожная клетчатка, прилегающая к мышечной ткани, которую называют *мездрой*. Для изготовления меховой одежды, а также иных изделий из меха, со шкуры удаляется только подкожная клетчатка. Для производства изделий из кожи и замши («*ровдуга*») кроме нижнего слоя удаляется еще и верхний – *эпидермис*. При первичной обработке кожи снятую с животного шкуру первоначально распрямляют и сушат. Способ сушки зависит от времени года и погоды. Наиболее подходящим временем года для таких операций считается конец зимы – начало весны. Шкуру распрямляют на снегу, закрепив по периметру деревянными колышками. После сушки с кожи начинают снимать слой мездры. Состояние подкожной клетчатки не везде равномерно. Та ее часть, которая примыкает к мышцам, может быть более жирной, а другая, что примыкает к коже, является более сухой. Это связано с состоянием подкожного жира, наличие которого зависит от времени года, возраста животного и других факторов. Процесс снятия мездры и обезжиривания кожи имеет две стадии. На первой подкожная клетчатка удаляется не полностью. Для ее полного снятия внутренняя часть шкуры смазывается слоем рыбьего жира, иногда с добавлением вареной печени, потрохов или икры, либо оленьей печенью – вареной или измельченной. После этого шкуру сворачивают и дают ей пропитаться жиром (печенью) 1–2 дня. На следующей стадии обработки шкуры – для окончательного удаления с нее мездры – используется скребок иной формы, который рассмотрим ниже (тип II). Окончательная обработка шкуры, которая заключается в придании коже эластичных свойств, производится еще одним скребком (тип III). Завершающей стадией можно назвать процесс изготовления *«ровдуги»*. Он имеет свою специфику, которая заключается в удалении шерсти и подшерстка. Эта операция производится просто руками или с применением скребка, причем тип его не всегда строго регламентирован.

Поскольку охарактеризованный нами первый тип лезвий и, соответственно, скребков в целом имеет прямые этнографические аналогии, то в дополнение к технологическому процессу представим связанную с ним терминологию. Исследователи конца XIX века и современные этнографы отмечали употребление ханты одного и того же названия этого орудия (рис. 2.3.15 – *8*). В восточно-хантыйских диалектах – это термины *«ol'vei(h)» («ол'вэйх»)* или *«ol» («ол»)»* или *«ol'sh» («ол'щ»)*, где собственно *«ol» («ол»)* имеет значение *двойной* [*Сирелиус, 2001.* С. 278; *Мартин, 2004.* С. 138; *Терешкин, 1981.* С. 326]. Юганские ханты Каюковы из юрт Пунси[11] данный тип скребка (рис. 2.3.15 – *9*) называют *«notek-setshe-wach» («нотек-сетще-вах»)* или *«nottap–set'ek–wach» («нотман-сет'ек-вах»)*. Этот термин дословно переводится как *«железный скребок на прямой палке»*, что, по сути, является морфологическим описательным названием [*Терешкин, 1981.* С. 292, 427, 514]. Несколько иное определение для такого скребка используют ненцы: *«ядалбць'-ессей»*. Первое слово в нем означает собственно скребок для шкуры. Второе, образное, происходит от слов *«есе»* – *«покрыть нюками»* (чум) и *«еседе»* – *«натянуть на шестах»* (чума). Последнее подчеркивает отношение к первичной стадии обработки шкуры, которая в зимнее время расправлялась для сушки внутри чума под шестами [*Хомич, 1995.* С. 83–84; *Терещенко, 2008.* С. 108, 827]. В итоге отметим, что ненецкий термин отражает главным образом технологическое применение орудия, а не его форму.

Заканчивая терминологический экскурс, предлагаем для обозначения этой категории орудий следующие термины: «скребок двулезвийный для снятия мездры» – «*нотек-сетще-вах» (хант.)* или короткий вариант – «скребок двулезвийный» – «*ол'щ*» (*хант.*).

Тип II. Лезвия скребков в виде железной пластины в форме сегмента («узкого полумесяца») – 4 экз. (рис. 2.3.15 – *10–13*). Их размеры варьируются от 7,3×6,5 до 8,1×3,5 см, при ширине лезвия 1,1–1,5 см.

Один скребок найден в постройке 1, второй – в постройке 2 (3). Еще два находились в постройке 5(6), один из которых, вероятно, был связан с погребением № 3.

В. И. Семенова определила данные изделия как скребки и отнесла к типу 2 («месяцевидные»). Она реконструировала их как составное орудие с железным лезвием, вставлявшимся в рукоять в виде лопатки, вырезанной из рога [*2005.* С. 48, 52. Рис. 32 – *6*]. Данная атрибуция не вызывает сомнений, но может быть дополнена и расширена.

Как известно по этнографическим материалам (рис. 2.3.15 – *14*), данный тип скребка применялся для вторичной обработки кожи. Иными словами, для окончательного снятия слоя подкожной клетчатки (*мездры*) после пропитки (увлажнения) ее специальным составом. Названия таких скребков, зафиксированные разными

[11] Юрты Пунси находятся в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Они расположены на водоразделе среднего течения реки Большой Юган и верхнего течения реки Большой Салым, на южном побережье озера Большое Каюково (Пунси).

исследователями, следующие: «*muurohy*», «*muuru(h)*» («*мууроxи*», «*мууру(x)*)» или «*murew*», «*murep*» («*мурев*», «*муреп*»). Они происходят от корня «*mur*» («*мур*») – «*расправлять*», «*разглаживать*» [*Сирелиус, 2001.* С. 278; *Мартин, 2004.* С. 138; *Терешкин, 1981.* С. 269–270]. Еще один вариант названия записан нами у жителей поселка Таурово[12]: «*pilin wah*» («*пылын вах*») – «*железная лопатка*». Это слово, как и у жителей юрт Пунси, является морфологическим описательным, а не специальным термином, обозначающим функцию инструмента.

Предлагаем использовать в отношении этого и подобных орудий название «скребок расправляющий» – «*murep*» *(хант.)* или его синоним – «скребок-лопаточка» – «*pilin wah*» (*хант.*).

Тип III. Лезвия скребков в виде длинной узкой железной слабо изогнутой пластины («коса»). Обнаружено 5 деталей таких орудий (рис. 2.3.15 – *15–19*). Их размеры варьируются от 20,7×2,5×1,5 до 35,0×7,7×2,5 см.

Один скребок найден в постройке 3 (4) и связан с останками женщины, погребенной под конструкциями помещения (по В. И. Семеновой – «погребение 2»). Остальные орудия относятся к постройке 5(6).

По этнографическим материалам – это железная часть (лезвие) скребка, которая вставлялась в деревянную основу (рис. 2.3.15 – *20, 21*). Она – также изогнутой формы, овального сечения и снабжена с обоих концов ручками [*Сирелиус, 2001.* С. 279; *Мартин, 2004.* С. 79. Табл. 13 – *1*]. В. И. Семенова определила данные изделия, как «скобели первого типа для окончательного снятия мездры» [*2005*. С. 48, 52. Рис. 30 – *1–4*]. Без сомнения, что этот инструмент был предназначен для обработки кожи. Между тем название орудия и способ работы им требуют уточнения.

Главной целью завершающей стадии обработки шкуры, а также изготовления замши-ровдуги, является придание коже эластичности за счет ее разминания и в меньшей степени – удаления мездры. Исследователи конца XIX века именовали этот предмет «*tenlehsenttavah* («*тенлехсенттавах*»), а его функциональное назначение определили как инструмент «*для размягчения кожи оленя и лося, с которой удалена мездра и которая высохла после увлажнения*» [*Сирелиус, 2001.* С. 279]. Наименование длинное, трудно переводимое и не имеет прямого терминологического соответствия словам, приведенным в словаре восточно-хантыйских диалектов Н. И. Терешкина [*1981*]. Наиболее близкие по звучанию и смысловому значению определения (группы слов): «*tenlehseta*», «*tenlehteta*», «*tenelta*», «*tentta*», что означает «*мять шкуру*», а также «*julehsehelta*», «*julehtenta*», «*jutteta*», «*jutitta*» – «*разминать шкуру при обработке*» [*Там же.* С. 88, 483]. В настоящее время у коренного населения реки Большой Юган бытует еще один вариант названия, зафиксированный нами и фигурирующий в этнографической литературе как «*юхтэп юх*». Он имеет довольно странный дословный перевод – «*древесно деревянный*» (возможно, понятийно – «*твердо деревянный*»), но как специальный термин отсутствует в словарях [*Мартин, 2004.* С. 138; *Терешкин, 1981*]. Ненецкое название аналогичного орудия – «*пиделць*» или «*пидерць'*» – означает «*широкая «коса», которой разминают шкуры*» (*размять «косой»*). Функционально, как и в хантыйском понятии, это – инструмент для окончательной обработки шкуры [*Хомич, 1995.* С. 84; *Терещенко, 2008*. С. 462– 463].

Хантыйский термин «*юхтэп юх*» представляется нам наиболее интересным для анализа. В отличие от названий двух предыдущих типов скребков, он не имеет описательного морфологического названия инструмента. Кроме того, в нем не обозначается металлическая составляющая орудия, а только функциональное назначение. Логично предположить, что это термин, который изначально использовался для обозначения орудия аналогичного функционального назначения, которое изготавливалось из цельной деревянной пластины, имевшей повышенную твердость. Такие орудия известны по материалам раскопок археологических памятников субарктических регионов Западной Сибири. Наиболее ранние образцы (XIII–XIV века) происходят из городища Бухта Находка, самые поздние (конец XVI – первая треть XVIII века) найдены при исследовании Полуйского мысового городка [*Кардаш, 2011.* С. 30–31. Рис. 42 – *1–3*; *2013а.* С. 183. Рис. 3; 13 – *13*]. Это прямые пластины с серией нарезок в средней части и двумя рукоятями на концах. Скребки вырезаны из твердой древесины, в одном случае – из кремлевой пластины сломанного лука. Их функциональное назначение – орудия для обработки (разминания) шкуры – не вызывает сомнения. Таким образом, хантыйский термин «*юхтэп юх*» следует признать архаичным, перешедшим на новую форму орудия в связи с идентичным функциональным назначением.

С учетом вышеизложенного предлагаем для использования в отношении такого и подобных орудий название «*скребок разминающий*» – «*yhtep yh*» *(хант.)*.

[12] Национальный поселок Таурово находится в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в верхнем течении реки Большой Юган.

Завершая описание скребков *Монкысь урия*, отметим, что, исходя из их состава и количества, нами обнаружены *наборы инструментов* для поэтапной обработки шкур крупных животных, в первую очередь, лося и северного оленя. Таких наборов пять. Это соответствует количеству построек-помещений, составляющих оборонительно-жилой комплекс городка. Очевидно, это неслучайно и, по-видимому, отражает количество семей и взрослых женщин в этих семьях, занимавшихся данным ремеслом. Три набора находились в постройке 5(6), а остальные были рассредоточены по другим помещениям, но вряд ли это отражает специфику данного дома или семьи. Данный случай рассматривается нами, скорее всего, как следствие неординарной ситуации, сложившейся в момент гибели поселка, то есть во время его военной осады и вследствие убийства его жителей. По этой же причине в культурном слое городка сохранилась большая часть металлических инструментов и их деталей, которыми пользовались в последние годы мужчины поселка. В свою очередь, женские орудия труда вообще не заинтересовали победителей и не были забраны в качестве боевых трофеев.

Из охарактеризованных выше скребков только орудия первого типа зафиксированы в материалах поселенческих памятников севера Западной Сибири конца XVI – XVII веков, принадлежавших аборигенному населению, причем далеко не всех. В частности, такие скребки были найдены в последнем, 9-м, строительном горизонте городища Эмдер, а также в культурных горизонтах конца XVI – первой трети XVIII века Надымского городка [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 94–95. Рис. 44 – *3–4*; *Кардаш, 2013б.* С. 165. Рис. 3.34 – *1, 2*]. В связи с этим отметим следующее.

На средневековых памятниках севера Западной Сибири, датирующихся ранее конца XVI века, то есть до начала последнего этапа вхождения этого региона в состав Московского государства, таких орудий не найдено [*Чернецов,* 1957. С. 136–245; *Чемякин, 2008*; *Зыков, 2012*]. Логично предположить, что в то время аборигенное население пользовалось иными типами орудий обработки кожи – деревянными и костяными, изготовленными по другой технологии.

Аналогии скребкам второго типа известны только в погребальных памятниках южных районов Западной Сибири, в частности в материалах могильника Абрамово-10 (погребение № 64) Барабинской лесостепи [*Молодин, Соболев, Соловьев, 1990.* С.89–91. Рис. 67]. [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990. С. 89–91. Рис. 67]. Особо подчеркнем, что речь дет о предмете, идентичном по форме, размерам и материалу. Находки таких изделий здесь единичны и датируются также XVI–XVII веками. Таким образом, можно констатировать, что появление таких типов инструментов так или иначе было связано с периодом освоения данных территорий Московским государством. Вследствие этого юг Сибири вряд ли может рассматриваться как место генезиса скребков второго типа.

Существует мнение, что данный тип орудий является архаичным, бытовавшим на территории Западной Сибири с раннего железного века, точнее с его второй половины – в период развития так называемой «усть-полуйской культуры» [*Там же*. С 89–90]. Отметим, что речь шла о сходных по форме, но изготовленных из кости предметах – орудиях.

Результаты новых исследований позволяют внести корректировку в это наблюдение. Дело в том, что само существование данной археологической культуры в Нижнем Приобье, не говоря уже о ее происхождении, остается окончательно нерешенной проблемой. Первые исследователи связывали ее генезис с таежными культурами юга Западной Сибири и Европейского Северо-Востока [*Чернецов,* 1953. С. 121–178, *Мошинская,* 1953. С. 107–120, 179–188]. Свердловские археологи пересмотрели периодизацию культур конца бронзового – начала железного веков Нижнего и Среднего Приобья, предложенную В. Н. Чернецовым [*1953а*; *1953б*], дополненную томскими коллегами – Л. А. Чиндиной [*Чиндина, 1984; Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990. С. 38–42*] и Е. А. Васильевым [*1982*]. В частности, было установлено следующее. Ранний железный век данных территорий делится на два этапа: белоярско-васюганский (VIII/VII–IV века до нашей эры) и кулайский (IV/III века до нашей эры) – III векм нашей эры)). Культурные образования начала раннего железного века данных территорий (белоярские, васюганские, перегребнинские, кульминские, отчасти – вагильские и другие памятники) сформировались и развивались на местной, позднебронзовой, основе (атлымская, лозьвинская, барсовская и другие культуры). Причем в условия общего этнокультурного сдвига части носителей таежных культур на юг Западной Сибири и отчасти – на Европейский Северо-Восток в начале I тысячелетия до н.э., в результате очередного плювиала. В дальнейшем это происходило при участии групп мигрантов, переселившихся в VI–IV веках до нашей эры) на север Западной Сибири из южно-таежной полосы (калинкинская культура). Во второй половине раннего железного века, в период климатического оптимума, формируется обширная кулайская

культурно-историческая общность (КИО), частью которой являлись саровские племена Томско-Нарымского Приобья, активно осваивавшие лесостепное Обь-Иртышье, а также общества сургутского, кондинского и нижнеобского (усть-полуйского?) вариантов кулайской КИО. Этот период характеризуется началом резкой социально-экономической дифференциации местных обществ в результате кардинального сдвига в развитии товарообменных отношений между севером Западной Сибири и южными территориями Евразии. Последнее проявилось в формировании «пушных» путей, пролегавших через Северное Приуралье, Волго-Камье, западносибирские лесостепи и урало-казахстанские степи в Среднюю Азию, где такие «торговые дороги» соединялись с Великим шелковым путем. В западносибирской тайге и в низовьях Оби в это время появилась масса импортной (прикамской, среднеазиатской, причерноморской, даже китайской и египетской) продукции. В конце этой эпохи в Нижнем Приобье кулайские группы трансформировались в ярсалинские, которые, в условиях нового плювиала, начали продвигаться в тоболо-иртышскую лесостепь [*Федорова и др., 1991.* С. 126–131; *Стефанова, Борзунов, 2002.* С. 20; *Чемякин, Карачаров., 2002.* С. 30–44; *Борзунов, Чемякин, 2006*; *Чемякин, 2008а.* С. 48–94; *2012б.* С. 246–248; *2013в.* С. 111–115].

Сам археологический памятник Усть-Полуй, который первоначально рассматривался как городище [*Чернецов, 1953а*; *Мошинская, 1953а.* С. 72; *1953б; 1953в*], последними его исследователями определен как древнее святилище, что было закреплено в его официальном названии [Археологическая карта…, 2011. С. 15; *Федорова, Гусев, 2008*; *Гусев, Федорова, 2012а*; *2012б*]. Тем не менее, судя по находкам керамической посуды и другим материалам, Усть-Полуй является многослойным памятником, а находящееся на его месте кулайское святилище («жертвенное место»), вероятно, сформировалось на месте кулайского городища и стоянок более раннего времени [*Чемякин, 2013б.* С. 51–55]. Такую мысль в свое время высказывали В. Н. Чернецов [*1953б.* С. 228] и В. И. Мошинская [*1965.* С. 14]. Основная масса материалов Усть-Полуя связана с местным вариантом кулайской культуры, часть керамики относится к перегребнинскому типу (середина – третья четверть I тысячелетия до н. э.) и даже раннесредневековой бичевницкой культуре Приуральского Севера (вторая половина I тысячелетия н. э.) [*Мурыгин 1992.* С. 139; *Малоземова, Морозов, 1997*; *Стефанова, Борзунов, 2002.* С. 20; *Борзунов, Чемякин, 2006.* С. 77; *Морозов, Чемякин, 2008.* С. 208; *Данченко, 2012.* С. 87–89].

Для нас важно то, что среди материалов раскопок городища Усть-Полуй имеется серия предметов из кости [*Бородовский, 2012.* Рис. 3 – *4, 5*; *Гусев, Федорова, 2012а.* Рис. 26], близких по форме скребкам второго типа городка *Монкысь урий*. На основании результатов трасологического анализа, их функциональное назначение было определено как «орудия для обработки кожи» [*Алексашенко, 2005.* С. 9–18; *Алексашенко, Скакун, 2012.* С. 56–61]. Данное сходство формы и функционального назначения со скребками *Монкысь урия* является интересным фактом. Особенно в контексте участия археологических культур западных склонов Уральских гор в формировании населения Нижней Оби периода существования кулайской культурно-исторической общности. В свою очередь, обратим особое внимание на то, что на протяжении всего средневековья, вплоть до XVI века, данный тип орудий в вещевых комплексах археологических памятников на севере Западной Сибири вообще отсутствует. Не известны такие орудия и на памятниках с мерзлотными культурными слоями XI–XVIII веков, где органика сохраняется прекрасно. В том числе – на долговременных поселениях, принадлежавших аборигенам Крайнего Севера: на городищах Ярте 6 и Бухта Находка, а также на Войкарском, Надымском и Полуйском мысовом городках, [*Брусницына, 2003.* С. 45–52; *2005.* С. 22–32; *Кардаш, 2011*; *2013*; *2013б*]. Таким образом, можно констатировать, что для данного типа предметов у нас нет никаких оснований говорить об их прямой связи (преемственности) с орудиями раннего железного века и раннего средневековья. Тем не менее все же подчеркнем возможную связь «усть-полуйских» нижнеобских материалов начала эпохи железа с синхронными приуральскими, точнее восточноевропейскими.

В составе вещевых комплексов русских археологических памятников конца XVI – XVII века, в том числе в материалах хорошо изученного стационарными раскопками города Мангазеи, такие орудия также отсутствуют [*Белов, Овсянников, Старков, 1981*; *Визгалов, Пархимович, 2008*]. Нет упоминаний о них и в специальном исследовании о мангазейских кожаных изделиях и обработке кожи [*Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011.* С. 65–70]. Следовательно, данный орудийный набор и ремесленная технология явно не имеет прямого отношения к русскому кожевенному ремеслу.

Таким образом, опираясь на вышеизложенные факты, можно констатировать, что при раскопках городка *Монкысь урий* были обнаружены специфические наборы инструментов для выполнения процесса поэтапной обработки кожи. Данные орудия и своеобразная технология их использования, по-видимому, не были присущи ни средневековому аборигенному населению других таежных и приполярных территорий Западной Сибири, ни переселившимся на них русским ремесленникам. В то же время очевидно, что такой оригинальный набор орудий мог сформироваться только у населения лесной полосы Северной Евразии, экономика которого тесно связана с охотой на крупных копытных животных (лось, олень).

В качестве рабочей гипотезы можно допустить, что исходной территорией формирования данного типа орудий и охарактеризованной выше технологии обработки кожи является Европейский Северо-Восток – Западно-Уральский пенеплен и западные склоны Уральских гор. Отсюда они распространились на север Западной Сибири.

Обнаруженный в городке *Монкысь урий* орудийный набор для обработки кожи вряд ли мог быть просто предметом импорта. Как уже сказано, его использование было составной частью достаточно специфической технологии, передачу которой без непосредственного контакта – в устной опосредованной форме и без прямого обучения ее носителями – сложно себе представить. Тем более что, как и сейчас, так и на рубеже XVI–XVII веков, это занятие рассматривается прежде всего как женское ремесло. Соответственно, в наше время и в недавнем прошлом (XIX–XX века) передача этой технологической традиции осуществлялась по женской линии, главным образом – от матери к дочери. Очевидно, то же самое наблюдалось у жителей городка *Монкысь урий*. Такие обстоятельства позволяют нам говорить не просто о торгово-промысловом освоении Западно-Сибирского региона в XVI веке западными соседями, а о переселении с запада на восток новых этнических групп и расселении их по таежному Приобью, в частности по бассейну реки Большой Юган. Такое переселение могло осуществляться различными по численности группами, по разным причинам и в разных условиях: в системе функционирования средневекового Камского торгового пути, в рамках межкультурных контактов, в том числе брачных связей, захватов пленников, полонения женщин для последующего брака с ними, а главное – в общем потоке народов при освоении Московией Сибири.

В завершение необходимо заметить, что при всей оригинальности инструментов из *Монкысь урия*, на обширной территории Севера Сибири у разных местных народов (ханты, манси, ненцы, долганы, нганасаны, юкагиры и другие), как минимум, с XIX века существовал схожий технологический процесс обработки шкур крупных копытных животных, при котором использовались близкие типы и формы орудий [Салымский край…, 2000. С. 134–136; *Хомич, 1995.* С. 82–84; *Иохильсон, 2005.* С. 605–606. Рис. 67; *Саввинов, 2005*. С. 163–166, 289. Табл. 7]. Вряд ли это случайно и, вероятнее всего, также связано с отмеченным выше культурным взаимодействием аборигенов Сибири с населением, продвигавшимся по тундре, тайге и лесостепи с запада на восток.

Группа 2. Швейные принадлежности. Представлены двумя категориями предметов: железными швейными иглами и шильями.

Иглы швейные железные – 81 экз. (рис. 2.3.15 – *1–125*). До нас дошли преимущественно их обломки и несколько целых предметов. Кроме того, из-за сильной корродированности орудий очень трудно определить, какая часть от каждого из них сохранилась. Длина предметов варьируется от 2,4 до 4,8 см, диаметр – от 0,1 до 0,15 см. Иглы найдены в основном на территории оборонительно-жилого комплекса, в том числе в его жилых помещениях. Меньше этих предметов за пределами жилого сооружения – на склонах холма. Из этого можно заключить, что швейным ремеслом занимались в домашних условиях, в помещениях, возможно, на кровле дома в весенний период, когда сходит снег.

Судя по обнаруженным украшениям, особенно оловянным, женщины городка *Монкысь урий* сами занимались изготовлением и декорированием своего костюма. Этнографы свидетельствуют, что шитье мужского костюма тоже было преимущественно женским занятием.

Вероятнее всего, большинство игл попало в культурный слой в процессе их обычного использования.

Количество игл, найденных в городке Монкысь урий, может служить своеобразным показателем как социального статуса его населения, так и продолжительности существования поселка. Для сравнения: в Надымском городке, который был немногим меньше оборонительно-жилого комплекса *Монкысь урия*, за 130–150 лет его функционирования в культурный слой попало около 250 железных швейных игл и их фрагментов [*Кардаш, 2013б.* С. 166]. В то время как в Полуйском мысовом городке в слоях того же времени при близкой вскрытой площади была найдена только одна швейная игла и три шила [*Кардаш, 2013а.* С. 342]. Полуйский мысовой городок являлся одной из основных резиденций Обдорских князей из хантыйского

рода Тайшиных, возведенной в устье реки Обь, основного водного пути Западной Сибири. По-видимому, в силу своего высокого социального статуса проживавшие в нем женщины не занимались домашним швейным производством. В периферийном Надымском городке, являвшемся зимней резиденцией ненецких князей Большой Карачеи, шитье, наоборот, постоянно практиковалось. Учитывая все вышеизложенное, можно предположить, что при ординарном функционировании городок *Монкысь урий* вряд ли функционировал более 100 лет.

Шилья железные – 2 экз. (рис. 2.3.15 – *126, 127*). Представлены двумя железными фрагментами длиной 4,9 и 2,6 см. Сечение шильев круглое, диаметром 0,3–0,4 см. Предметы отнесены к данной категории предположительно. Они отличаются от черенков ножей и стрел, но крупнее относительно стандартных швейных игл. Шилья – не частая, но обычная находка на археологических памятниках Западной Сибири. В таежном Приобье железные шилья появляются в кулайский и карымский периоды [см.: *Чемякин, 2008а.* Рис. 79 – *17*; 99 – *2*]. В раннем железном веке и начале средневековья они заменяют аналогичные изделия из кости, а главным образом – шилья из дефицитного привозного цветного металла.

Итог. Кожевенное и швейное производство у населения городка *Монкысь урий*, являвшееся одним из домашних ремесел, было способно обеспечить жителей необходимой продукцией. При этом уровень его развития можно охарактеризовать как достаточно высокий, сравнимый с уровнем развития современного традиционного женского ремесла ханты реки Большой Юган.

2.3.5. ПРЕДМЕТЫ БЫТА И ДОМАШНЕГО ОБИХОДА

Данная категория изделий представлена небольшим количеством находок и их типов. В данном разделе, как и в других, рассматриваются все предметы, обнаруженные на памятнике Монкысь урий, то есть происходящие как из погребений, так и жилых помещений.

Среди этих предметов выделяется две довольно условные функциональные группы:

– посуда и кухонная утварь;

– предметы домашнего обихода.

2.3.5.1. Посуда и кухонная утварь

Это наиболее многочисленная, разнообразная и относительно полно представленная группа предметов, объединенная одним функциональным назначением: хранением, приготовлением и употреблением пищи.

Найденные на памятнике артефакты представлены преимущественно фрагментами изделий из неорганических материалов. При этом посуда из дерева или бересты, наиболее многочисленная на традиционных поселениях аборигенов Западной Сибири, а также в мерзлотных культурных слоях на поздних археологических памятниках Крайнего Севера Сибири, в *Монкысь урии* практически полностью отсутствует. Это и не удивительно для памятников таежного Приобья: органика в их культурных слоях сохраняется крайне плохо и редко. Поэтому мы имеем возможность анализировать в основном импортные предметы, опосредованно связанные с традиционной культурой жителей городка. По материалу они подразделяются на три группы.

Группа I. Металлическая посуда. Наиболее многочисленная по количеству находок. В 1990 году было обнаружено около десятка обломков котлов [*Семенова, 2005.* С. 58], но последующие раскопки значительно пополнили коллекцию. Ее представляют бытовые котлы из меди с железными деталями, в основном в виде фрагментов, а также обломки ритуальной (статусной) серебряной посуды. По материалу и по функциональному назначению в составе металлической посуды выделено две подгруппы.

Подгруппа 1. Медная бытовая посуда с железными деталями – 100 экз. (рис. 2.3.16 – *1-100*). При этом не учтены изделия, выполненные из пришедших в негодность медных котлов[13].

Котлы представлены фрагментами медных и железных дужек, обломками ушек, разнообразными аморфными медными пластинами и заклепками. Размеры большинства медных пластин не превышают 5×3 см.

Единственный целый с небольшими утратами медный бытовой котел был обнаружен в погребении № 1.

[13] В число этих предметов, изготовленных старых медных котлов, входят 3 наконечника ножен, 14 держателей фитиля и 48 ритуальных наконечников стрел (рис. 2.3.11 – *57, 58, 60*; 2.3.18 – *1–14*; рис. 3.2.2 – *1–48*).

Он был извлечен при краеведческих раскопках П. С. Бахлыкова и, по сведениям В. И. Семеновой, хранился в краеведческом музее поселка Угут[14]. Приведем сведения о нем по опубликованному описанию [*Семенова, 2005.* С. 58]. Форма бытовавших у жителей городка котлов воспроизводится именно по этому изделию. Котел имеет усеченно-коническую форму с расширяющимися к устью стенками, железные ушки и дужку. Край устья отогнут наружу под прямым углом. Диаметр устья котла – 20 см, диаметр дна – 15 см, высота – 9 см. Судя по размерам ушек и дужек, обнаруженных при раскопках, остальные котлы имели приблизительно такие же или немногим большие размеры.

Важным хронологическим признаком, а также маркером, позволяющим установить место производства такого изделия, являются ушки и рукояти котлов, прежде всего, особенности их формы. В этой связи рассмотрим их более детально. Всего в коллекции 9 целых и фрагментированных предметов, которые составляют 2 типа медных и 3 типа железных ушек.

Тип I. Медное ушко – 1 экз. (рис. 2.3.16 – *6*). Изготовлено из дрота, раскованного на каждом конце под две заклепки в виде двух овалов. Размеры находки: 3,2×2,5×0,1 см. Ушко найдено на западном склоне оборонительно-жилого комплекса (уч. Н/35, ур. 44,35 м).

Единственный предмет, имеющий относительно ранние аналогии. Такие ушки соответствуют котлам типа М-4, бытовавшим в XII–XIII веках и рудиментарно сохранявшимся в XIV веке [*Руденко, 2000. С.* 31–32. Рис. 9 – *1*; 12 – *7*; 10 – *20–22*].

В коллекции имеется также небольшой (4,4×4,4×0,1 см) фрагмент *медной дужки* котла, явно того же периода. Предмет изготовлен из дрота прямоугольного сечения. Обнаружен там же – на западной периферии памятника.

Тип II. Медное ушко – 1 экз. (рис. 2.3.16 – *4*). Изготовлено из дрота, раскованного на каждом конце под одну заклепку в форме асимметричного овала. Не имеет ранних аналогий и, очевидно, относится к XVI – началу XVII века.

Тип III. Железные ушки – 2 экз. (рис. 2.3.16 – *3, 7*). Каждое изготовлено из дрота, раскованного на концах под заклепку в форме асимметричного овала с заостренным концом или перевернутой под углом капли. Ранних аналогий изделия не имеют и, по-видимому, относятся к XVI – началу XVII века.

Тип IV. Железные ушки – 2 экз. (рис. 2.3.16 – *5, 9*). Предметы выполнены из дротов, раскованных на одном конце в виде широкой овальной пластины под две заклепки; второй конец дрота загнут в форме асимметричной овальной петли. Ранних аналогий ушки не имеют и, скорее всего, относятся к XVI – началу XVII века.

Тип V. Железные ушки – 3 экз. (рис. 2.3.19 – *5, 9*). Изготовлены из дротов, раскованных на каждом конце в форме широкого прямоугольника с закругленными углами под одну заклепку. Ранних аналогий не имеют и, очевидно, относятся к XVI – началу XVII века.

Обломки котлов залегали по всей площади памятника, но наибольшая их концентрация наблюдалась в помещениях оборонительно-жилого комплекса.

Части и детали медных котлов являются одной из самых массовых категорий вещей на поселенческих памятниках севера Западной Сибири XIII – середины XVIII века. Количество фрагментов медных котлов из городка *Монкысь урий* и с городища Ендырское 1 близко, соответственно 100 и 150 единиц. Последний укрепленный поселок существовал до конца XVI века [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 106]. Вместе с тем этих предметов на двух данных памятниках в несколько раз меньше, чем с половины вскрытой площади Надымского городка из слоя конца XVI – первой трети XVIII века (513 единиц) [*Кардаш, 2013а.* С. 168].

Обрезки, появившиеся вследствие утилизации медных котлов, являются особой категорией находок, на которую в перспективе стоит обратить особое внимание. До настоящего времени на севере Сибири не известно ни одного достоверного факта наличия кустарного «медницкого производства». По этой причине вся медная посуда, бытовавшая в данном регионе, считается импортной, привезенной из ремесленных центров, прежде всего Восточной Европы. Судя по находкам в средневековых погребальных памятниках севера Западной Сибири (в основном из раскопанных могильников Сургутского Приобья), медная посуда появляется здесь не ранее середины XII века и активно начинает использоваться в XIII–XV веках, в том числе в таежном Приобье [*Чемякин Карачаров, 2002.* С. 66. Рис. 20 – *2*; *Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 94. Рис. 44 – *1*; *Труфанов, Поплевин, 2003.* С. 79–80. Ил. 1 – *1*; *Морозов, Шатунов, 2003.* С. 269. Ил. 4 – *3*; *Носкова, 2008.* С. 339.

[14] Котел из погребения № 1 нам увидеть не удалось, так же как найденную в нем деревянную ложку и ряд других предметов. Возможно, они были утрачены или записаны в музейной коллекции под другими названиями.

Ил. 6 – *1*; *Гордиенко, 2009.* С. 99. Ил. 14; *Кардаш, 2011.* С. 31, 38, 39. Рис. 46; *Приступа, 2010.* С. 354. Ил. 8 – *1, 2*; *2012.* С. 95. Ил. 37, 38; *Зыков, 2012.* Рис. 77; *Борзунов, Корочкова, Стефанов, 2013.* С. 164. Ил. 11 – *1, 9, 10*]. В последующие периоды медная посуда поступала сюда, безусловно, из разных иноземных производственных центров, прежде всего из Московского царства [Таможенные книги…, 2003. С. 94–95]. Вместе с тем определить достоверно место производства можно только у целых емкостей.

В целом же медную посуду следует считать важным хронологическим, даже «эпохальным», признаком: «эпоха медных котлов», «бескерамический период», «период без керамической посуды аборигенов Сибири». Она же является важным свидетельством торгово-меновых отношений: ее количество на том или ином памятнике указывает на интенсивность и объемы меновых операций.

Медная посуда в жизни коренного населения края конца средневековья – начала нового времени стала играть значительную роль. Почти полностью вытеснив в XII–XVI веках керамическую посуду [*Зыков, 2012. С. 111*], она стала постоянно используемым бытовым предметом. При этом медные котлы высоко ценились аборигенами и передавались из поколения в поколение. По свидетельству хантыйки из поселка Русскинские (Сургутский район ХМАО – Югры) А. С. Сопочиной, котел мог быть принесен на могилу в том случае, когда его обладатель умирал и был последним в роду, либо был при жизни уважаемым человеком. [*Труфанов, Поплевин, 2003.* С. 80].

В то же время особо ценная посуда из серебра у обских угров всегда была исключительно ритуальным и статусным предметом. Она редко использовалась в быту.

Подгруппа 2. Серебряная ритуальная (статусная) посуда с железными деталями – 9 экз. (рис. 2.3.16 – *101–109*). Представлена в коллекции *Монкысь урия* целой чашей и 8 фрагментами малых блюд. Точнее емкостей, похожих на небольшие блюдца, но функционально таковыми не являвшихся. Таким образом, подгруппу составляют два типа изделий.

Тип I. Чаша серебряная – 1 экз. (рис. 2.3.19 – *109*). Извлечена из погребения № 1 П. С. Бахлыковым и ныне хранится в краеведческом музее поселка Угут. В. И. Семеновой опубликованы детальное описание и анализ этой находки. Приведем их полностью.

«Чаша … изготовлена способом холодной ковки из серебра 920-й пробы... Диаметр 16,5 см, высота 2 см. Стенки тонкие. Дно чаши чеканено плоскими изогнутыми «ложками», расходящимися к устью от центрального медальона-мишени. В верхней части «ложек» имеются выпуклые «жемчужины». «Ложки» позолочены через одну. По краю дна вокруг «ложек» и по периметру центрального медальона нанесен чеканный бордюр из наклонных палочек с точками-зернышками на концах. Стенки чаши украшены чеканенными зонами, состоящими из семи вытянутых вверх и сгруппированных по пять арок, и из такого же числа широких золоченых арок. Зоны чередуются.

Центральный медальон выполнен в технике басмы. В центре круга изображено фантастическое существо с львиным телом и человеческой головой с кудрявыми волосами, сочетающее в себе черты византийского кентавра и восточного сфинкса. Сфинкс-кентавр опирается на задние полусогнутые лапы, передние чуть подняты, голова повернута в профиль, S-видный хвост задран. Тиснение было сделано с матрицы. От нее вокруг центральной фигуры остался несплошной след края бордюра.

Чаша выполнена на низком ремесленном уровне. Оттиснутый медальон скошен и не совпадает с внешней чеканной окантовкой, «ложки» асимметричны, тиснение фигуры кентавра-сфинкса сделано некачественно. Чаша, скорее всего, изготовлена в русской среде, так как для русской торевтики XV–XVI вв. характерен мотив плоских «ложек».»[*2005.* С. 58–58. Рис. 61].

Возможно, это была какая-то мастерская из Пермского Приуралья (русско-пермский центр). Сходные с нашим изделием чаши, вероятно, прикамского производства, известны в Нижнем Приобье [ср.: *Яковлев, 2011.* С. 30–35. Ил. 19–23, 25]. На Каме практически на протяжении всего средневековья изготавливались реплики вещей, произведенных в Средней Азии, Византии, Волжской Болгарии, зачастую рассчитанные для обмена с аборигенами тайги на пушнину. Через эту территорию пролегал известный Камский торговый путь [*Белавин, 2000*], предшественником которого являлся один из «пушных» торговых маршрутов раннего железного века, связывавших Западную Сибирь с Великим шелковым путем [*Борзунов, 2002.* С. 93–95; *Борзунов, Чемякин, 2006.* С. 72].

Тип. II. Блюда серебряные – 8 экз. (рис. 2.3.16 – *101–108*). Изделия представлены фрагментарно – в виде тонких серебряных пластин. У двух из них сохранились округлые края, свидетельствующие о круглой форме самих блюд. На трех фрагментах имеются сквозные отверстия (рис. 2.3.16 – *101, 102, 106*). Это свидетельствует о том, что тонкие серебряные пластины – при вторичном использовании блюд или только их разрезанных частей – по-видимому, крепились к некой твердой основе. Самый крупный фрагмент (9,2×4,4 см) представляет собой часть дна и стенок чаши диаметром 11–12 см (рис. 2.3.16 – *106*). Судя по следам, данную емкость неоднократно чистили и весьма небрежно, а в конце концов распрямили и грубо разрезали на части. Из-за этого орнамент, украшавший с наружной стороны дно чаши, «читается» с трудом. Он представлял собой концентрическую линию (кольцо), нанесенную при помощи циркуля. Внутри и вдоль нее были вырезаны две переплетающиеся «волны», шириной 0,5 см, каждая из которых состояла из трех параллельных узких канавок. Пластины найдены в разных частях оборонительно-жилого комплекса.

Данные импортные чаши в хантыйской среде, безусловно, не были простой кухонной утварью, хотя по формальным признакам относятся к ней. По форме они напоминают блюдца (точнее, блюда), выполненные из тонкого листового серебра, которые достаточно часто встречаются на святилищах и в могильниках севера Сибири. Наиболее близкое по времени изготовления изделие было найдено в Надымском городке [*Кардаш,* 2013а. С. 167. Рис. 3.37 – *2*]. Другие аналоги: тонкое медное посеребренное блюдо XIII–XIV веков из могильника Сайгатинский IV [*Зыков и др., 1994.* С. 155. № 301] и большое блюдо из тонкой серебряной фольги XII–XIII веков из ритуального комплекса могильника Кинтусовский IV [Сокровища Приобья…, 1996. С. 110–112]. Время изготовления таких изделий – не ранее XIII века, период бытования – до первой трети XVIII века. Высокая стоимость серебряных чаш и очень тонкий металл вряд ли предполагали использование этих емкостей в качестве повседневной посуды. Наличие отверстий на фрагментах явно указывает на крепление этих предметов к какой-то жесткой (деревянной?) основе. Скорее всего, эти серебряные блюда использовали в качестве статусного (знакового) элемента костюма, так же как «зерцала» в костюме воина. Косвенным подтверждением этого является факт нахождения такого блюда на груди одного из погибших мужчин, захороненных в погребении № 1. В перспективе представляется более логичным помещать описание подобных изделий в раздел деталей костюма или предметов боевого вооружения, то есть вместе с защитным доспехом. Дело в том, что «зерцало» имело не только знаково-символическое назначение, но и некую защитную функцию.

Группа II. Керамическая посуда. Вторая группа емкостей связана с постоянным хранением, приготовлением и употреблением пищи. Она неоднородна и подразделяется на две хронологические группы: ранняя посуда, произведенная до начала функционирования городка *Монкысь урий*, и посуда населения городка.

Детально рассматривать посуду первой группы, представленную четырьмя фрагментами (рис. 2.3.17 – *23–26*), не имеет смысла. Эти обломки попали в культурный слой городка случайно. Они представляют собой мелкие осколки керамических сосудов атлымской культуры периода поздней бронзы (XII–VIII века до нашей эры).

Возможно, к той же ранней группе относятся пять мелких черепков с гребенчатым декором (рис. 2.3.20 – *7–12*).

Наличие на поселениях раннего железного века и средневековья слоев с более ранними материалами – обычное явление для таежного Приобья, в том числе – для Сургутского. В этом можно легко убедиться, ознакомившись, например, со списком памятников, открытых в урочище Барсова Гора под Сургутом [*Чемякин, Зыков, 2004.* С. 180–186]. Это же характерно для некоторых районов Крайнего Севера Сибири. В частности, в ходе исследования Надымского городка нам приходилось сталкиваться с фактом, когда в мерзлом культурном слое XVI–XVII веков находили фрагменты сосудов бронзового века или раннего средневековья [*Кардаш,* 2013а. С. 168, 169. Рис. 3.38 – *1–3*]. В кумирнях жилых домов XIII века городища Бухта Находка обнаружены обломки керамики VI–VII веков – низких поддонов, использовавшихся в качестве ритуальной посуды для «кормления» изображения божества в [*Кардаш, 2010.* С. 47, 48. Рис. 58 – *2*; 59 – *5*].

Фрагменты ранних сосудов могли быть принесены в городок *Монкысь урий* его жителями с сакральной целью, либо эти черепки остались здесь от древних кратковременных стоянок. Впрочем, никаких иных следов последних на данном памятнике не зафиксировано.

Более перспективно для нашего исследования проанализировать вторую группу сосудов: ту, которой пользовалось население городка. Она делится на две подгруппы, представленные разными культурными традициями.

Подгруппа 1. Русская керамика. Сосуды керамические черноореные – 4 фр. (рис. 2.3.17 – *1–4*). По обломкам с венчиками реконструируются четыре горшка с раздутым туловом, зауженной и слегка отогнутой горловиной. Сосуды лепные. Диаметр их устьев варьировался от 10 до 15 см. Все фрагменты найдены в северной части оборонительно-жилого комплекса, но определить, с каким конкретным помещением они связаны, не представляется возможным.

Имеется еще один керамический предмет: часть емкости, близкой по технике исполнения посуде данной группы (рис. 2.3.17 – *22*). К сожалению, точную форму и назначение его идентифицировать крайне сложно. Черепок был найден в 1990 году в постройке № 2.5(6). В. И. Семенова назвала его фрагментом изделия «неизвестного назначения», представляющим собой «…половину эллипсоидной чашечки с плоским расширенным дном со сквозным отверстием на дне. Размеры 2,0×2,2×1,3 см» [*2005.* С. 62. Рис. 5 – *5*]. Мы можем лишь предположить, что это – фрагмент подсвечника или светильника (лампады).

Нахождение керамических черномореных сосудов на памятниках коренного населения является симптоматичным признаком. Обломки, как минимум, от пятнадцати подобных сосудов были найдены в Надымском городке [*Кардаш, 2009.* С. 169]. По аналогии с материалами из раскопок Мангазеи такие черномореные лепные сосуды датируются концом XVI – первой третью XVIII века [*Белов, Овсянников, Старков, 1981*. С. 37–39. Табл. 38]. На памятниках Сургутского Приобья эта посуда явно привозная.

Подгруппа 2. Аборигенная керамика. Сосуды керамические орнаментированные – 28 фр. (рис. 2.3.20 – *5–21*). Данная подгруппа представлена обломками, как минимум, пяти емкостей.

Сосуд № 1 – 5 фр. (рис. 2.3.17 – *5–5д*). Полусферическая чаша с плоским венчиком, прямыми вертикальными стенками и округлым дном. Украшена под венчиком пояском наклонных оттисков гребенчатого штампа. Высота сосуда – 7 см, диаметр – 8 см, толщина стенок – 0,5–0,6 см. Обломки найдены в постройке № 2.5(6).

Сосуд № 2 – 9 фр. (рис. 2.3.17 – *6–6в*). Горшечно-баночный сосуд с короткой вертикальной шейкой, уплощенно-округлым венчиком, широкой горловиной, раздутым туловом и округлым дном. Шейка под венчиком орнаментирована пояском вертикальных оттисков гребенчатого штампа. В основании шейки – треугольные ямки, нанесенные в шахматном порядке. Плечики и тулово орнаментированы семью горизонтальными (концентрическими) рядами из плотно поставленных вертикальных оттисков гребенчатого чекана. Поверхность сосуда залощена, отчего нижний ряд плохо виден. Дно горшка не орнаментировано. Высота сосуда – около 11,5 см, диаметр по венчику – 13,5 см, толщина стенок – 0,7–0,8 см. На одном черепке в месте треугольных ямок прослеживаются овальные вдавления, расставленные также в шахматном порядке (рис. 2.3.20 – *6а*). Все обломки данного сосуда найдены в постройке № 2.5(6).

Сосуд № 3 – 4 фр. (рис. 2.3.17 – *18–21*). Аналогичный предыдущему горшечно-баночный сосуд с короткой вертикальной шейкой, уплощенно-округлым венчиком, широкой горловиной, раздутым туловом и округлым дном. Верхняя часть шейки украшена пояском вертикальных оттисков гребенки, нижняя – овальными вдавлениями. Плечико выделено небольшим уступом (ребром) от края которого начинается орнамент из семи горизонтальных (концентрических) рядов, составленных из наклонных оттисков гребенчатого штампа. В каждом ряду наклон оттисков разный, что образует декор в виде горизонтальной «елочки». Придонная часть и дно емкости – гладкие и без орнамента. Высота сосуда – около 12,5 см, диаметр по венчику – 14,5 см, толщина стенок – 0,9–1,1 см. Черепки найдены в постройке № 2.7(8).

Сосуд № 4 – 2 фр. (рис. 2.3.17 – *16, 17*). Вероятно, близкий предыдущим сосуд с округлым венчиком, короткой вертикальной шейкой, широкой горловиной и раздутым туловом. Форма дна не ясна. Шейка орнаментирована пояском круглых ямочных вдавлений. Плечико и стенки украшены горизонтальными рядами из вертикальных и плотно поставленных оттисков гребенчатого штампа. Высота сосуда – не менее 5 см, диаметр по венчику – около 7 см, толщина стенок – 0,4–0,5 см. Сосуд обнаружен в постройке № 2.2(3).

Сосуд № 5 – 2 фр. (рис. 2.3.17 – *14, 15*). Черепки мелкие. Форма и размеры емкости восстанавливаются с определенной долей вероятности. Сосуд имел форму, близкую к полусферической чаше, то есть вертикальные стенки с приостренным венчиком и округлым дном. Под венчиком нанесен поясок полуовальных вдавлений. Ниже него, на тулове, следуют горизонтальные (концентрические) ряды вертикальных оттисков гребенчатого штампа. Высота сосуда – порядка 7 см, диаметр около 8 см, толщина стенок – 0,5–0,6 см. Обломки найдены в постройке № 2.2(3).

Все охарактеризованные выше орнаментированные сосуды Монкысь урия были выделены В. И. Семеновой, но интерпретированы как емкости, относившиеся к ранним объектам, то есть «от середины – второй половины I тыс. н. э. до конца I – начала II тыс. н. э.» [*2005.* С. 10, 11, 62. Рис. 5]. Тем не менее мы не находим им прямых аналогов среди керамической посуды с археологических памятников Средней и Нижней Оби второй половины IV – XII века [*Чемякин, Карачаров, 2002.* С. 44–74. Рис. 14–20, *Чемякин, 2010*. С. 195–205. Рис. 89–99; *Зыков*, 2012. С. 44–97, 147–202. Рис. 8–15, 21–29, 34, 35, 47–51, 55–63]. Можно отметить только некоторое сходство сосудов Монкысь урия с посудой сайгатинского этапа (культуры), выделенного по материалам исследований в Сургутском Приобье, но не более [*Зыков, 2012.* С. 98–111, 212–215. Рис. 73–76]. Вместе с тем наиболее близкие сосудам Монкысь урия емкости встречаются, на наш взгляд, в погребальных комплексах южной тайги и лесостепной полосы Западной Сибири. В том числе: в Томском Приобье – в курганном Козюлинском могильнике XVI–XVII веков и в Барабинской лесостепи – в курганном могильнике Абрамово-10 XVI–XVIII веков [*Плетнева, 1990.* С 38–101. Рис. 33 – *2*; 41 – *10,* 43 – *1*; *Молодин, Соболев, Соловьев*, *1979.* С 13–39. Рис. 33].

Таким образом, обнаруженные при раскопках городка Монкысь урий керамические сосуды с гребенчатым орнаментом относятся ко времени его функционирования, а именно – к концу XVI – началу XVII века. Также явно, что они были связаны с культурой жителей этого городка, как минимум, некоторых из них. Вполне возможно, что они маркируют прямые контакты обитателей городка с населением южно-таежной и лесостепной зон Западной Сибири, поскольку такая же посуда входила в состав погребального инвентаря некрополей этих территорий. В то же время среди инвентаря соседних позднесредневековых могильников Усть-Балык и Киняминский такой посуды не обнаружено [*Семенова, 2001*; *2008*]. Первое, что можно предположить, как следствие появления таких сосудов на Большом Югане, это – брачные связи. Одно из возможных назначений этой посуды на поселении, по-видимому, ритуальное, хотя это и не подтверждается археологически.

Остается еще одно предположение. Количество орнаментированных «местных» сосудов совпадает с количеством жилых строений городка. Случайно это или нет? Мы уже упоминали о древней традиции снабжать изображение божества в домашней кумирне керамической посудой [*Кардаш, 2010.* С. 47, 48. Рис. 58 – *2.* Рис. 59 – *5*]. Более того, в этнографических экспедициях нам иногда приходилось сталкиваться с наличием небольшого лепного керамического сосуда, хранящегося рядом с божком в бытовом амбаре. В частности, в нежилых юртах Немпировых на реке Ай-Пим. Ранее этот амбар принадлежал Я. Н. Немпирову [*Кардаш, А–1995*. С. 47, 48. Рис. 59 – *5*]. Следует также отметить, что на родовых общинных святилищах обских угров, где в обрядах участвовало большое количество местного населения, в священных амбарах керамических сосудов обычно не было [*Кардаш, А–1994*; *А–1995*; *Карьялайнен, 1994*; *1995*; *Визгалов, Кардаш, 2010*].

Небольшое количество сосудов, обнаруженных в городке Монкысь урий, также свидетельствует о том, что большая и чисто утилитарная необходимость в данных емкостях явно отсутствовала. Логично предположить, что такие сосуды были принадлежностью именно кумирен каждой семьи, которые находились в каждом жилом помещении.

Группа III. Деревянная посуда. Представлена только двумя предметами. Остальные емкости просто не сохранились. Хотя такой посуды у коренных жителей Западной Сибири было, безусловно, много, и она была очень разнообразна. В пользу этого свидетельствуют этнографические материалы конца XIX века и нашего времени, а также находки на раскопанных памятниках со слоями, находящимися в условиях «вечной мерзлоты» (Надымский, Полуйский мысовой, Войкарский городки и др.) [*Мартин, 1994*, *Кардаш, 2013а*; *2013б*; *Брусницына, Федорова, 1994*; *1995*].

Ложка большая котловая – 1 экз. Единственная целая котловая ложка была обнаружена П. С. Бахлыковым: она лежала внутри медного котла в погребении № 1. По сведениям В. И. Семеновой, этот предмет хранился в краеведческом музее поселка Угут. К сожалению, нам не удалось увидеть ее среди экспонатов, поэтому приведем необходимые сведения о ней по публикации. «Ложка для ухи из дерева, аналогична подобным ложкам, известным по этнографическим материалам. На черпаке сохранился узор в виде расходящихся лучами пунктирных линий» [*Семенова, 2005.* С. 62].

Второй предмет представляет собой *фрагмент деревянной рукояти*, характерной для котловых ложек XVI–XVIII веков. Такие находки известны по материалам раскопок Надымского городка и описаниям этнографов [*Кардаш, 2013а.* С. 170, 171. Рис. 3.43 – *1–3*; 3.44 – *1–3*]. Обломок был обнаружен среди остатков обгоревших конструкций постройки 2.9,2.

2.3.5.2. Предметы домашнего обихода

Вещей данной категории немного, а функциональное назначение некоторых из них может быть довольно разнообразным. Тем не менее в данном разделе мы объединили предметы, так или иначе связанные с бытовой деятельностью человека и домашним обиходом.

Сундук (железные детали) – 1 экз. (рис. 2.3.19). В 1990 году были обнаружены остатки практически целого изделия, от которого в коллекцию были взяты металлические (железные) детали. Часть таких же предметов была извлечена в 2011 году – из переотложенного слоя раскопа № 1 (1990 года). Приведем их описание по типам.

Ручка – 1 экз. (рис. 2.3.19 – *2*). Изделие из круглого в сечении железного стержня диаметром 0,5–0,7 см. Имеет вид широкой П-образной в профиле скобы, загнутые концы которой заканчиваются заостренными короткими выпусками, ориентированными в противоположные стороны. Размеры рукояти 3,5×9,3 см. Вероятно, фиксация ее к крышке сундучка была подвижной – при помощи небольших скоб (рис. 2.3.19 – *51*).

Замок – 1 экз. (рис. 2.3.19 – *1*). Представляет собой железную пластину («личину»), размерами 10,0×7,0×0,8 см, близкую по форме к вытянутой вертикальной трапеции. На пластине имеются отверстие для ключа и крепления. На ее внутренней стороне смонтировано замочное устройство – секретная часть замка (ригель и прочее). Данный замок относится к врезным («нутряным»).

Ключ – 1 экз. (рис. 2.3.19 – *3*). Снабжен плоской округлой головкой, в верхней части которой имеются выступ и сквозное отверстие. Шейка ключа – в форме цилиндрического стержня – отделена от головки воротником (валиком). Нижняя часть стержня имеет полость и снабжена уплощенной L-образной бородкой. Упорный бурт и вступающий хвостовик отсутствуют. Общие размеры предмета: 5,5×1,5 см.

Петли (навесы) сундучные – 2 экз. (рис. 2.3.19 – *4, 5*). Одна – в виде разомкнутого кольца, диаметром 1,4 см, с двумя прямыми отростками, острые концы которых загнутыми под прямым углом. Вторая, состоящая из двух деталей, ныне деформирована, а сами петли фрагментированы. Очевидно, первоначально оба предмета были одинаковыми, размерами 3,5×2,5 см. Таким образом, крышка сундука с оборотной стороны держалась на двух кольцеобразных петлях-навесах, которые были забиты в деревянную основу задней стенки и крышки. Концы-острия петель внутри сундука были загнуты и забиты в технике потайного гвоздевого соединения. Толщина стенок сундука, судя по данным петлям, была около 1,6–1,8 см.

Полосы обивки – 22 фр. (рис. 2.3.19 – *6–28*). Представляют собой фрагменты жестяных полос шириной 1,6–1,8 см. Полос было немного. Возможно, ими были оббиты с наружной стороны только стыки стенок сундука.

Гвозди обивочные – 29 экз. (рис. 2.3.19 – *29–50*). Все они – железные, четырехгранные, кованные, с широкой полусферической шляпкой. Средняя длина гвоздей: от 0,9–1,2 см до 1,7–1,8 см. Лишь один гвоздь имеет длину 0,6 см. По-видимому, он предназначался для фиксации «личины» замка. Два гвоздя – длиной 3,6 см. Диаметр шляпок гвоздей варьировался от 1,2 до 1,6 см.

Остатки сундука (деревянные стенки, дно, крышка, металлические детали) находились в постройке № 2.1(2), на уровне пола (39,34 м), у юго-восточного края погребения № 1, близ голов погребенных. Размеры дна сундука: 40×30 см [*Семенова, 2005.* С. 61, 62. Рис. 42 – *4–6*]. По деталям сделана реконструкция внешнего вида изделия (рис. 2.3.19 – *51*).

Интересен сам факт обнаружения такого предмета. На археологических памятниках аборигенного населения таежного Приобья и Крайнего Севера Западной Сибири, в том числе с мерзлотными культурными слоями, иногда находили различные детали сундуков (ключи, врезные замки, декоративные «личины», обивочные гвозди), но самих сундуков не сохранилось [*Кардаш, 2013а.* С. 175. Рис. 3.54 – *7–13*]. Скорее всего, такие детали попадали сюда как лом: железо предназначалось для кузнечной переработки. Не исключено, что некоторые такие предметы использовались коренными жителями как украшения. Таким образом, сундук как бытовой предмет и традиционная часть мебели русских домов, в отличие от многих других привозных вещей, на тот период еще не стал элементом материальной культуры коренного населения. Это случилось позднее, возможно, в конце XVIII – начале XIX века.

Среди вещевого комплекса городка *Монкысь урий* окованный жестью сундук выглядит как чуждый элемент, брошенный за ненадобностью. В момент обнаружения он был пуст, то есть никак не использовался. Кроме того, он не стоял у стены или в углу. Современные ханты довольно часто используют сундуки и чемоданы в качестве своеобразных «реликвариев» – для хранения пантеона домашних божеств, а также связанных с ними атрибутов и приношений. Как правило, они находятся на чердаках своих домов русской или русско-хантыйской постройки (у традиционных жилищ потолков нет), в священных «амбарах» на святилищах или в других потайных местах [*Визгалов, Кардаш, 2010.* С. 175. Рис. 3.54 – *7–13*].

Учитывая неординарность событий, связанных с городком, вполне вероятно, что это мог быть именно тот сундук, который использовали казаки, перевозившие казенное жалование для служилых людей Томского гарнизона. Судя по габаритам, в нем могло поместиться 400 рублей серебряной монетой (не менее 40 000 медных монет достоинством в одну копейку). Монет в сундуке не было, но стоял он у края погребения, в котором монеты находились россыпью. Причем именно это помещение подверглось наиболее плотному обстрелу при штурме, и здесь погибло больше всего жителей. Возможно, сундук, был сломан (отломана крышка). Хранившиеся в мешках или кожаных кошелях монеты были изъяты. Затем сундук был брошен за ненадобностью.

Сумка (кошель) – емкость для переноски и хранения мелких предметов – 3 экз. (рис. 2.3.20 – *1–3д*). В коллекции имеется один целый предмет и два фрагмента, предположительно от такого же изделия. Сумка кожаная, прямоугольной формы, размером 20,5×16,0 см. С учетом усадки материала, первоначальные размеры ее могли быть больше на 1 см. Сумка была сшита из четырех деталей. Основная, широкая (20,5 см), часть – из прямоугольного согнутого фрагмента, надставленного с одной стороны меньшим куском. С обеих боковых сторон (торцов) вшиты овальные вставки, максимальной шириной в средней части 4,5–5,0 см.

В целом же кошель изготовлен из довольно толстой телячьей кожи. Все сохранившиеся края его деталей прошиты. В связи с этим возникает вопрос: кошель ли это, а если кошель, то в каком месте и каким образом у него был сформирован проем внутрь. По мнению В. И. Семеновой, сумка запиралась «на вздержку»[15]. Однако на представленном исследователем рисунке [*2005.* С. 62. Рис. 51] данная застежка не отражена. Мы сомневаемся, что такая застежка вообще была. Сумка найдена в северной части постройки № 2.3(4), в одном метре от индивидуума X.

Два фрагмента других сумок были обнаружены в ходе раскопок 1990 года. Один из них – прямоугольной формы (5,3×3,0 см) – был прошит с трех сторон (рис. 2.3.20 – *4*). Найден в северном углу постройки 2.3(4), рядом с медными пластинами – частями котла. Второй фрагмент (8,0×3,0 см) состоял из двух слоев; у него был прошит только один край (рис. 2.3.20 – *5а, 5б*). Предмет находился в северной части постройки 2.5(6), рядом с медной пластиной и куском древесины [*Семенова, 2005.* С. 62. Рис. 10 – *7*; 15 – *9*]. Обе сумки были изготовлены из толстой телячьей кожи и имели прошивку, близкую вышеописанному целому кошелю.

На поверхности целой сумки прослеживается фактура тиснения *«под овсянку»*. Такой технологический прием был широко распространен на Руси с XII века. По мнению А. В. Курбатова, местом изготовления такой кожи следует считать городские центры Северной Руси. Кожевенное производство на всей европейской части Руси было развитой отраслью ремесленного производства. Об этом свидетельствуют не только сами изделия, но и ремесленные мастерские, обнаруженные при раскопках всех древнерусских городов [Древняя Русь…, 1985. С. 269; *Курбатов, 2010.* С. 447–452]. Форма сумки из *Монкысь урия* – в виде прямоугольного кошеля, сшитого из телячьей кожи, не имеет этнографических параллелей. Нет у нее и сходства с женскими сумками из оленьей кожи, изготовлявшимися обскими уграми, как минимум, с XIX века. Традиционная форма таких сумок – это овальная (асимметрично-овальная) торба с проемом (устьем), затягивающимся ремнем – *«вздержкой»*. Исходя из этого, не вызывает сомнения, что интересующая нас сумка является импортным русским предметом.

Не совсем понятно назначение такого предмета. Сумка была наполнена металлическими женскими украшениями – преимущественно оловянными или свинцовыми отливками местного производства, а также некоторыми бытовыми предметами. Тем не менее это не было ее изначальным предназначением. У нас есть два предположения. Это изделие могло быть подсумком для боеприпасов, который принадлежал одному из убитых казаков томского гарнизона, везшим денежное довольствие. Из свинцовых пуль или дроби, найденных в сумке, аборигены могли отлить украшения. Однако более вероятно, что это был один из кошелей, в которых перевозили серебряные монеты. Такие кошели полностью зашивались и не имели проема: во избежание даже случайного их вскрытия и потери денег. Есть еще одно совпадение – это размер кошеля, сопоставимый с габаритами сундука. Судя по размерам заполненных кошелей, в сундуке их могло поместиться приблизительно 20 штук: в 4 ряда по 5 кошелей в каждом ряду. Исходя их суммы перевозимого жалования (400 рублей), в каждом кошеле находилось 20 рублей – около 200 монет (копеек). Приблизительный объем такого числа монет (30 куб. см) немного меньше, но близок к объему найденного целого кошеля.

Все выглядит довольно стройно и идеально, особенно, когда речь идет о деньгах, которые всегда «любили» счет и порядок. Сумки с монетами грабители могли разрезать, деньги раздать, а кошели приспособить под другие нужды. В том числе подарить своим женщинам для хранения украшений и других аксессуаров.

[15] *Вздержка* – застежка в виде шнура, которой снабжаются мягкие рюкзаки, торбы и подобные изделия. Последние имеют один верхний проем, который затягивается (закрывается) с помощью ремня или веревки.

Содержимое сумки. Все предметы, находившиеся в сумке в момент обнаружения ее археологами, систематизированы и охарактеризованы выше, причем раздельно по категориям и типам. Для нас же в данном случае важен общий состав находок. Для этого воспользуемся исчерпывающим описанием, опубликованным В. И. Семеновой, дополнив его некоторыми деталями.

«Найденная сумка из кожи со всем содержимым представляет собой женский набор для рукоделия (хранения заготовок и готовых изделий).

Центральная часть сумки была заполнена нанизанным бисером (неясно, сколько было низок – одна или несколько, скорее всего, последнее; сохранились небольшие фрагменты ткани с нашитым бисером), здесь же лежали серебряные круглые гладкие пуговицы (8 шт., рис. 52, 3, 4), 2 бронзовые серьги «знак вопроса» (к одной серьге прикипел кусочек ткани, рис. 52, 7), ореховидная подвеска-пуговица (рис. 52, 7), цельнолитые мелкие подвески-пуговки (рис. 52, 2), мелкие крестовидные накладки (рис. 56), круглые ажурные накладки (рис. 57, 2) и семилучевые накладки-розетки (рис. 57, 1). Такое смешение вещей наблюдалось только в центре. Возможно, здесь находилось готовое украшение. Остальные предметы представлены сериями и лежали упорядоченно (описание расположения предметов идет со стороны устья сумки). Сразу под верхней стенкой слева лежали Ж-образные накладки (рис. 55) трех разновидностей (по размерам): 62 накладки (средних размеров – 56 шт., меньших – 6) находились сверху, ниже 30 накладок (среди них только 1 средняя накладка), 10 крупных накладок лежали ниже, они были перемешаны с меньшими накладками и бисером. Ближе к устью сумки обнаружены два столбика (были нанизаны?, верхний столбик из 20 шт., нижний из 14 шт.) крестовидных накладок 2×2 см, слева у устья сумки лежали 3 ореховидные подвески-пуговицы.

Столбики мелких крестовидных накладок (70 шт.) лежали в правой части сумки снизу. Столбик из 12 крупных рыбовидных[16] подвесок обнаружен на дне сумки справа и 8 подвесок меньшего размера находились у самого устья сумки также справа (рис. 53, 54). Фрагменты лапчатых подвесок (рис. 52, 6) и слиток оловянистого металла (переплавленные украшения, сохранился частично луч крестовидной накладки, рис. 52, 5), кусочек минерала желтого цвета (смола?) лежали у устья сумки слева. Из бытовых предметов обнаружены железный очажный крюк[17] (рис. 52, 8), лежал под бисером, и фрагменты железного кольца.

Таким образом, предметы из сумки представлены тремя группами: 1) утварь, материалы для домашних ремесел; 2) импортные украшения; 3) отливки, изготовленные на городище.

К первой группе можно отнести очажный железный крюк, слиток белого металла в виде овальной плоской пластины с отверстием, фрагменты железного кольца, комочек рыхлого минерального вещества зеленовато-желтого цвета.

В группу импортных изделий входят ореховидные подвески, шаровидные гладкие полые подвески с петелькой из белого металла, стеклянный бисер белого (не более 5 экз.), зеленого (16 экз.) и голубого (14 экз.) цвета, бронзовые серьги «знак вопроса» с напускными бусами.

Предметы, изготовленные на месте, представлены плоскими односторонними отливками из белого металла (исключение составляют цельнолитые шаровидные пуговицы и бисер): крестовидные накладки разных размеров и вариантов, Ж-образные накладки, семилучевые розетки, круглые ажурные накладки с центральным отверстием и шестью отверстиями по кругу, подвески цельнолитые шаровидные белого металла с петлями и шаровидными отростками снизу, 19 шт. (диаметр 1,1 см), фрагменты лапчатых подвесок, металлический бисер, рыбовидные подвески [*Семенова, 2005.* С. 80–85. Рис. 52–57].

Интересен сам факт нахождения такого большого набора украшений различных типов. Судя по редкости таких комплексов на поселенческих памятниках конца XVI – середины XVIII века, они представляли большую ценность. Состав и нахождение предметов вблизи останков внезапно погибших женщин не оставляют сомнения в гендерной принадлежности данного набора. Украшения лежали в сумке, готовые к употреблению, и были предназначены для праздничного (ритуального) костюма. Возможно, сумка служила емкостью, в которую собирались предметы декора. Умершие женщины, по меркам XVI – начала XVII века, были среднего и пожилого возраста: индивидуум IX (погребение 2, индивид «а», по В. И. Семеновой) – 45–55 лет, индивидуум X (погребение 2, индивид «б», по В. И. Семеновой) – 35–45 лет (Прил. 4.1; табл. 2). С учетом этого, вряд ли эти украшения могли предназначаться исключительно для свадебного костюма. Вполне возможен вариант и

[16] По нашему мнению данную форму подвесок правильнее интерпретировать как орнитоморфную: изображение тетерева (см. раздел 2.3.1.2. Универсальные украшения).

[17] Ошибочная идентификация железной части багра для ловли и извлечения рыбы (см.: раздел 2.3.2.1. Орудия рыболовства).

погребального облачения. Тем более что Ф. Р. Мартин в конце XIX века зафиксировал использование богато украшенного женского костюма в погребальной практике [*2004.* С. 80. Рис. 52]. Не исключено, что именно по этой причине столь дорогой набор вещей был оставлен в развалинах городка. При этом использование дорогой одежды в погребальных ритуалах XVI–XVII веков вряд ли являлось обычной и широкой практикой. Скорее всего, богато декорированный ритуальный костюм был уделом привилегированных слоев населения – местной элиты. Таким образом, обнаруженный в сумке набор декоративных деталей можно воспринимать как один из маркеров высокого социального статуса жителей городка *Монкысь урий*.

Лампы (светильники и держатели фитиля). Представлены 14 деталями (рис. 2.3.18 – *1–14*). Каждое изделие представляет собой грубо изготовленную из обрезка стенки медного котла небольшую емкость в форме вытянутой воронки, открытой с одной стороны. Размеры их варьируются от 2,9×1,4×1,7 до 6,5×6,5×3,0 см. Внешне данные предметы напоминают небольшие ложечки со втулкой. Вероятно, по этой причине часть изделий, найденных в 1990 году, была интерпретирована В. И. Семеновой как тигли для олова [*2005.* С. 59. Рис. 40].

Мы категорически не согласны с таким мнением. Форма большинства этих предметов не позволяет удержать расплавленный металл внутри емкости, тем более проводить аккуратно его разливку. Вместе с тем сходство материала и конструкции данных находок с лампами, известными у юкагиров, не оставляет сомнения в их назначении. Юкагирские лампы имели вид небольших чаш. Они выполнялись из медного листа, один конец которого свертывался по принципу рожка (конуса). В чашу наливали рыбий или олений жир, сюда же помещали фитиль, изготовленный из мха-сфагнума или ткани. Конусообразный конец лампы закреплялся в щели между бревнами стены [*Иохельсон, 2005.* С. 583–584. Рис. 52]. Иными словами, у юкагиров весь предмет служил лампой.

Самые крупные экземпляры подобных изделий из городка *Монкысь урий*, вероятно, также могли служить масляными светильниками. Тем не менее большинство пластин были небольшими, и у них не было емкостей для удержания жира. Скорее всего, малые формы использовались только как держатели фитиля лампы. При этом емкость для жира производилась из дерева или бересты. Не исключено, что держатели могли монтироваться прямо в край небольшого деревянного корыта-лампы.

Время бытования таких светильников не выходит за рамки XVI–XVIII веков. Среди большого количества обрезков медных котлов из слоя XIII века городища Бухта Находка нет ни одного подобного предмета [*Кардаш, 2011.* С. 174]. Не выделено таких предметов и среди 150 фрагментов медных котлов из слоя XIII–XVI веков городища Эмдер [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 106]. В то же время из слоя конца XVI – первой трети XVII века Надымского городка происходит 17 таких изделий [*Кардаш, 2013а.* С. 174. Рис. 3.54 – *6*]. Это позволяет связать появление светильников или держателей фитиля такой формы с началом русской колонизации Крайнего Севера Сибири. В любом случае, остается вопрос: почему потом, в XIX веке, такие лампы исчезли из обихода?

Кресальный набор – комплект приспособлений и материалов для добывания огня. Представлен в *Монкысь урии* только одним типом изделий – кресалами.

Кресало – 2 экз. (рис. 2.3.18 – *16, 17*). В коллекции имеется одно целое изделие и фрагмент второго кресала. Оба изготовлены из железных пластин. Целое кресало – так называемое «калачевидное», имеет форму разомкнутого овала размерами 6,2×2,0×0,4 см. В нижней части орудия, с внутренней стороны ударной площадки имеется вытянутый треугольный выступ – «язычок». Концы рукояти, загнутые сверху навстречу друг другу, заканчиваются сужением. Такие форма и размеры орудия позволяли удерживать его пальцами одной руки, ударяя предмет о камень (кремень) для высекания искры. Второй предмет – это небольшой фрагмент рукояти кресала, по-видимому, такого же типа. Отличие – конец рукояти заканчивался спиральным завитком. Целое кресало найдено в постройке 2.7(8), обломок – в постройке 2.5(6).

«Калачевидные» кресала имели широкое территориальное и хронологическое распространение. По данным Б. А. Колчина, «калачевидные» с язычком кресала известны на древнерусских археологических памятниках, датирующихся, как минимум, концом X века [*1982.* Рис. 4]. Бытовали такие предмет вплоть до XVII века и, очевидно, позднее [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* С. 83. Табл. 69 – *7*; *Визгалов, Пархимович, 2008.* С. 95 Рис. 156 – *6*].

«Огнивных камней» в нашей коллекции достоверно идентифицировать не удалось. Ранее мы приводили описание ружейного кремня, который мог также использоваться в качестве огнивного. Впрочем, это только предположение. Во время раскопок было найдено около десятка камней твердых мелкозернистых пород, в том числе целые и расколотые кварцевые гальки, сколы серого халцедона. Вместе с тем ни на одном из них не было замечено следов систематических ударов, то есть участков интенсивной забитости и мелких сколов. Мы полагаем, что все кресальные наборы хранились в специальных мешочках. После захвата и разрушения

городка иноземцами все эти приспособления для добывания огня были взяты и унесены с собой оставшимися жителями, как большая ценность. Археологами были обнаружены лишь потерянные вещи.

Гребень – расческа – 1 экз. (рис. 2.3.18 – *15, 15а*). Предмет прямоугольной формы, размером 5,6×4,3 см, изготовлен из кованного медного листа. Гребень односторонний. Его верхняя часть – рукоять – оформлена тремя круглыми сквозными вырезами, примыкающими к краям и образующими проем. С одной стороны изделие орнаментировано по периметру циркульными кругами с точкой в центре и двумя зигзагообразными горизонтальными линиями, выполненными широким резцом, следы которого напоминают орнамент керамических сосудов типа «шагающая гребенка». На оборотной стороне «шагающим» резцом выполнено два параллельных ряда. Циркульный орнамент отсутствует.

Предмет обнаружен в пространстве постройки № 2.3(4) в северо-восточном углу у стены (уч. Ш/43). Нахождение гребня буквально в метре от изголовья индивидуумов № IX и X позволяет предполагать связь находки с погибшими женщинами.

На сегодня нам известно два практически идентичных гребня. Один из них происходит из погребения первой половины XVII века Кинтусовского 4.3 могильника на реке Большой Салым [*Карачаров, А–1992*]. Второй обнаружен при раскопках Козюлинского могильника на реке Томь [*Плетнева, 1990.* С. 60, 61. Рис. 46 – *20*]. Оба предмета имеют сходные размеры и орнамент. Возможно, они были изготовлены в одно время и в одной ремесленной мастерской.

2.3.6. СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И УПРЯЖЬ

Как уже упоминалось, плохая сохранность предметов из дерева и другой органики, содержащихся в культурном слое городка *Монкысь урий* (как, впрочем, и подавляющего количества археологических памятников таежного Приобья), не позволяет детально рассмотреть многие стороны материальной культуры его населения. Не исключение в этом плане и средства передвижения. Об этой части материальной культуры и экономики аборигенного общества мы можем судить в основном по косвенным фактам и весьма скудным археологическим остаткам. Тем не менее считаем большой удачей, что они вообще имеются в нашем распоряжении.

2.3.6.1. Наземный транспорт

О приоритетной значимости сухопутного транспорта в холодное время года в аборигенных обществах севера Западной Сибири мы уже писали в предшествующих исследованиях [*Кардаш, 2013б.* С. 27]. Основываясь на имеющихся у нас очень ограниченных археологических материалах, мы мало что сможем сообщить о его специфике и уровне развития. Тем не менее попытаемся обозначить его основные черты.

Наземный транспорт у средневековых лесных ханты представлен в основном нартами, которые обычно везли домашние олени, и лыжами.

Нартенный транспорт. В коллекции *Монкысь урия* имеются костяные детали нарт и недоуздка оленя – 12 экз. (рис. 2.3.21 – *1, 4–12, 15, 16*). К этой же категории вещей отнесены 5 железных колец, которые ханты могли использовать в качестве деталей упряжи (рис. 2.3.21 – *18–21*).

Детали нарты достоверно представлены только двумя предметами, причем парными.

Блоки крепления нарты к упряжи – 2 экз. (рис. 2.3.21 – *14, 15*). Они представляли собой массивные бруски, вырезанные из рога северного оленя или лося, имеющие два отверстия разных размеров. Параметры найденных блоков: 12,5×5,5×1,8 и 13,5×6,0×2,0 см. Данные находки однозначно отнесены нами к деталям крепления нарты к оленьему недоуздку. Это были не незаконченные изделия, которые находились на финальной стадии изготовления и ни разу не были использованы по своему назначению. Необычна форма самих блоков и их деталей. Предметы асимметричные, отверстия для крепления ремней имеют неправильную форму. Все известные нам блоки, в том числе ныне используемые в нартенном транспорте, имеют симметричную форму [Историко-этнографический атлас Сибири…, 1961. С. 11–14. Рис. 1, 2; *Кардаш, 2009.* С. 176–179. Рис. 3.57–3.60; *Кардаш, 2013б.* С. 196. Рис. 3.45 – *4–7*]. Возможно, со временем будет установлено, что блоки из городка Монкысь урий являются локальной разновидностью таких изделий.

Блоки были обнаружены у северо-западной стены постройки 1 (уч. У/31–32). Это позволяет связать данные предметы с жилищем 1, где они были вырезаны. Находка двух незаконченных блоков может предполагать использование жителями *Монкысь урия* двух тягловых животных (оленей) – передового и пристяжного.

Данный блок имеет специальное название: «*avellonki*» – «*нартовая проушина*». Он предназначен для крепления и скольжения тяговых ремней запряженных оленей [*Терешкин, 1981.* С. 235; *Мартин, 2004.* С. 87, 139. Табл. 17 – *5*].

Детали недоуздка – 7 экз. (рис. 2.3.21 – *1, 4–13*). Все целые предметы и фрагменты данной категории изделий, за исключением железных разделительных колец, выполнены из рога, вероятнее всего, северного оленя. Они представляют собой два типа изделий, соответствующих деталям комплекта сложного недоуздка: с четырьмя пластинами – для передового оленя и с двумя пластинами – для пристяжного животного [Историко-этнографический атлас Сибири…, 1961. С. 13, 21, 22, 44. Рис. 3, 4. Табл. II].

Нащечные пластины – 9 экз. (рис. 2.3.21 – *6–13*). Имеют в плане форму узкой и слегка изогнутой пластины с тремя отверстиями (в месте изгиба и по краям) для крепления. Размеры изделий варьируются от 15,2×1,8×0,7 до 20,5×3,0×0,8 см. По пропорциям радикально не различаются. При этом одна часть пластины (до изгиба) длиннее второй. Согласно этнографическим данным, подобные пластины использовались в качестве элементов недоуздка «*передового оленя*» – «*sarwali avelnen*» *(хант.)* [*Мартин, 2004.* С. 86–87, 139. Табл. 17 – *1*].

Налобные пластины – 3 экз. (рис. 2.3.21 – *1, 4, 5*). Каждое изделие имеет вид асимметричной, изогнутой почти под прямым углом пластины с тремя отверстиями, предназначенными для соединения ее с другими деталями недоуздка. При этом на нижнем конце предмета имеются два отверстия, а на верхнем конце – только одно. Две пластины сильно повреждены и отнесены нами к элементам недоуздка условно, поскольку их общая форма и размеры (10,0×5,0×1,7 см) соответствуют данному типу изделий. Одна пластина особо примечательна, поскольку имеет четко выраженный практически прямой наружный угол. Конец изделия обломан и утерян. Размер сохранившейся (почти целой) части: 8,6×7,5×2,0 см. В связи с этим следует уточнить, что все костяные налобные пластины, известные нам по этнографическим данным и материалам раскопок других археологических памятников, имеют дугообразную форму и максимально «сглаженные» углы [Историко-этнографический атлас Сибири…, 1961. С. 13, 44. Рис. 3, 4. Табл. II; *Кардаш, 2009.* С. 176–179. Рис. 3.57–3.60; *2013б.* С. 195–196. Рис. 3.45; 3.46]. Данная налобная пластина практически аналогична деталям комплекта оленьего недоуздка для пристяжного оленя, бытовавшего у ханты на реке Большой Юган [*Мартин, 2004.* С. 86–87, 139. Табл. 17 – *3*]. Недоуздок пристяжного оленя имеет название «*waliavelnen*» *(хант.)* [*Там же.* С. 139]. Находка такой детали недоуздка позволяет утверждать об использовании некоторыми жителями городка двух оленей в упряжке.

Кольца разделительные – 4 экз. (рис. 2.3.21 – *18–22*). В эту категорию предметов входят железные изделия диаметром от 2,5 до 4,5 см, изготовленные из круглого в сечении прута толщиной 0,3–0,5 см. Мы предполагаем, что их могли использовать в качестве разделителей ремней упряжи, причем как у недоуздка, так и у тягловых, а также в креплении упряжи к нарте. Такое использование колец зафиксировано этнографами [Историко-этнографический атлас Сибири…, 1961. С. 13, 44, 45, 70, 73. Рис. 3, 4; 5 – *3.73*. Табл. II; III – *6–8*]. В одном кольце из *Монкысь урия* сохранился небольшой фрагмент кожи. Последнее не оставляет сомнений в применении колец в качестве разделителей. Косвенным указанием на их использование в составе оленьей упряжи можно рассматривать нахождение двух из четырех предметов на южной периферии памятника (уч. Л/50, ур. 40,73 м; уч. Н/48, ур. 41,63 м). Между тем утверждать однозначно, что оно применялось именно в составе *оленьей* упряжи, мы не можем.

Ближайшие аналоги костяным деталям оленьей упряжи и нарт, найденным при раскопках *Монкысь урия*, имеются в материалах из раскопок Мангазеи, Надымского и Полуйского мысового городков [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* С. 69, 70. табл. 60 – *1–6*; *Визгалов, Пархимович, 2008.* С. 108. Рис. 170; *Кардаш, 2009.* С. 176–179. Рис. 3.57–3.60; *2013б.* С. 195–196. Рис. 3.45, 3.46].

В целом же все эти артефакты сходны с такими же предметами нартенного транспорта позднего средневековья и нового времени, распространенными на обширных территориях севера Евразии. В перспективе, когда число таких находок будет достаточно представительным для полноценного сравнительного анализа, стоит задаться вопросом о причинах типологической близости этих форм на севере Сибири. В частности, рассмотреть вероятность распространения их прототипов из некоего единого центра, а также проанализировать возможность торговли на Севере нартенным транспортом и тягловыми животными.

Как выглядели нарты жителей *Монкысь урия*, и к какому типу они относились – ответить пока сложно. Дело в том, что их основных деталей при раскопках не обнаружено. Можно лишь попытаться реконструировать их приблизительный вид.

Судя по природному окружению, а также поразительной близости формы налобной пластины из *Монкысь урия* и пластины для пристяжного оленя конца XIX века, опубликованной Мартином, можно заключить, что у жителей городка *Монкысь урий*, вероятнее всего, существовал таежный вариант *косокопыльных* нарт, аналогичный тому, что был зафиксирован у ханты на реке Большой Юган в конце XIX века [*Мартин, 2004.* С. 85. Табл. 16 – *86*; 17 – *3*]. Это так называемые «*собачьи нарты*», но с большим клиренсом, соответствующим высоте тела тяглового животного, в данном случае – оленя. Кроме того, с большой степенью вероятности можно утверждать, что в такую нарту запрягалось два оленя – передовой и пристяжной. Судя по наличию деталей оленьей упряжи практически во всех помещениях оборонительно-жилого комплекса городка, мы полагаем, что каждая семья в *Монкысь урии* имела свой нартенный транспорт. В свою очередь, этот вывод позволяет предполагать – с известной долей осторожности – наличие «*краалей*» – загонов для содержания ездовых оленей. Таковые могли размещаться близ «крепости», вероятнее всего, на ее юго-восточной периферии. Кроме того, наличие таких загонов диктует, хотя и гипотетически, необходимость разделения между семьями собственности за пределами пространства жилых помещений.

Лыжи. Данный вид транспорта, точнее средств передвижения, появился и использовался на территории Западной Сибири с глубокой древности. Их поздние модификации, распространенные у обских угров и самодийцев в конце средневековья и новом времени (XVI–XIX века), известны по материалам этнографических исследований и археологических раскопок [Историко-этнографический атлас Сибири…, 1961; *Визгалов, Пархимович, 2008*; *Кардаш, 2013а*; *2013б*].

Наличие лыж у населения городка *Монкысь урий* не вызывает сомнений, хотя прямых (археологических, фольклорных и документальных) доказательств этому нет. Мы располагаем лишь косвенными данными. В числе таковых, помимо длительной снежной зимы, следует указать наличие костей промысловых животных (мясных и пушных). Добыча зверя крайне затруднительна и мало эффективна без использования лыж, самого удобного и простого средства передвижения охотника по высокому снежному покрову. Кроме того, имеется еще один косвенный факт: наличие специализированных инструментов для деревообработки – *стругов* (глава 2, раздел 2.3.5). Наблюдения этнографов показывают, что струги аборигенами западносибирской тайги использовались главным образом для изготовления транспортных средств – нарт, лыж и лодок, в меньшей – в домостроительстве.

2.3.6.1. Водный транспорт

В коллекции находок из Монкысь урия нет ни одного предмета от какого-либо судна. Все факты, на основании которых мы предполагаем наличие у жителей городка водного транспорта, также косвенные. Тем не менее при характеристике общей системы их хозяйства считаем необходимым высказать свое мнение относительно данного вида транспорта.

Лодки – малые речные и озерные суда. В Западной Сибири они появились, по-видимому, еще в каменном веке. В связи с этим не вызывает сомнения, что они использовались ханты и в интересующий нас период. Наличие разнообразных видов легких лодок, а также широкое употребление в культуре их названий, известно по документальным источникам: «*облас*», «*облас остяцкой*» [*Панин, 1985.* С. 97–105], равно как по былинам ханты, сложившимся в эпоху средневековья [*Патканов, 1891б*], и другому фольклору. Остатки остяцких лодок, обнаруженные в процессе археологических раскопок на памятниках Крайнего Севера Сибири, позволяют их идентифицировать с вышеупомянутыми «*обласами*», известными по этнографическим материалам [Историко-этнографический атлас Сибири…, 1961; *Кардаш, 2013а*; *2013б*].

Судя по имеющимся у нас документам, отряд Тонемы (Кинемы) нападал на промышленников и торговцев, останавливавшихся на ночлег на берегах Оби (Прил. 1.5). Успех таких операций вряд ли был возможен без использования малых речных судов, способных обеспечить оперативное перемещение членов отряда, таких как грабительский набег и последующий отход по реке.

Кроме того, есть и другие, но также косвенные, указания на использование лодок жителями городка *Монкысь урий.* Это находки на городище специализированных инструментов, необходимых для изготовления малой речной и озерной лодки, наподобие вышеупомянутого «обласа». Технология изготовления таких лодок известна и продолжает успешно применяться современным коренным населением таежного Приобья [*Лукина, 1985.* С. 18. Рис. 2, 5; Салымский край…, 2000. С. 131, 154–155]. Специальными инструментами, о которых идет речь, являются тесло, топор с дугообразно изогнутым лезвием, струги и сверло (глава 2, раздел 2.3.5). В этой связи

примечательно, что в отличие от широко распространенных стругов, топоров и ножей, количество которых соотносится с числом жилых домов и малых семей в городке *Монкысь урий*, комплект орудий для изготовления лодки найден только один. Возможно, что в поселке жил только один человек, обладавший наиболее глубокими знаниями по технологии изготовления лодок. Скорее всего, это был глава одной из семей. «Комплект» деталей от вышеупомянутых специальных орудий для производства лодок обнаружен при раскопках в постройке 5(6). Не исключено, что такой «мастер» делал лодки для всех жителей поселка. Это предположение основано на косвенном факте: незавершенное каменное грузило для калыданной сети было найдено в пространстве другой постройки (1), что вряд ли предполагало товарообмен между семьями. Находка данного «калыданного камня» указывает на наличие у обитателей городка специфической сети, применение которой невозможно без малой лодки (глава 2, раздел 2.3.3).

Таким образом, не только использование, но и изготовление, малых речных и озерных судов в городке *Монкысь урий* можно считать доказанным фактом. Мы считаем, что это были лодки, аналогичные современному «*обласу*». Такие суда, как уже отмечалось, хорошо известны у аборигенов сибирской тайги и охарактеризованы многими исследователями [например: Историко-этнографический атлас Сибири…, 1961. С. 107–129]. При этом отметим большую вероятность производства таких судов в данном поселке, его жителями, а также важную находку здесь специализированных инструментов. В то же время, для сравнения, заметим, что в мерзлом культурном слое более мощного укрепления того же периода – Надымского городка – расположенного в западносибирской тундре, при наличии большого количества обломков самих лодок, не было найдено ни одного специального орудия или приспособления для их изготовления, а главное – отходов производства таких «*обласов*» [*Кардаш, 2013а.* С. 180–182].

В этой связи открывается определенная перспектива дальнейшего анализа развития технологий, производств и товарообмена на севере Западной Сибири.

По результатам анализа источников, представленных в этом небольшом разделе, можно констатировать, что население городка *Монкысь урий*, вероятнее всего, производило и использовало разнообразные транспортные средства. По всей видимости, они были такими же, что зафиксированы в культуре хантыйского населения реки Большой Юган в конце XIX века и бытовали здесь до конца XX века. Последние мы наблюдали и фиксировали в процессе своих полевых исследований. При этом заметим, что – в плане анализа средств передвижения жителей данного исторического поселка – ретроспекция этнографических материалов до рубежа XVI–XVII веков будет правомерна, но только для данного региона.

2.3.7. КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ И РИТУАЛЫ

Находки предметов, связанных с ритуальной религиозной практикой, на поселенческих объектах таежной зоны севера Западной Сибири, крайне редки. В основном исследователи находят на руинах поселений металлические предметы – бронзовые антропоморфные личины и различные украшения, иногда – керамические фигурки [*Чернецов, 1957.* С. 136–245; *Чемякин, 2000*; *2008а*; *2013б*; *Чемякин, Зыков, 2004*; *Зыков, 2013*]. Особая категория находок – захоронения на городищах и остатках древних селищ «кукол-ыттарма» с бронзовыми и деревянными «личинами», символизирующих души воинов, погибших на чужбине [*Терехова, 1986*; *Зыков, Федорова, 2001.* С. 60–61; *Карачаров, 2002*; *Борзунов, 2003б*]. Крайне редки на поселениях находки костяных, и тем более, деревянных ритуальных предметов. Их известны единицы, и сохраняются они лишь в особых условиях. Причиной тому является низкая степень сохранности изделий из органических материалов в песчаных супесчаных почвах данного региона. Тем не менее это не означает, что таких вещей совсем не было в городке, а его жители не проводили ритуальных действий. По материалам раскопок синхронных археологических памятников с мерзлым культурным слоем в субарктической зоне Западной Сибири известно, что на поселениях находилось довольно много культовых предметов из дерева, и имела место различная ритуальная практика [*Кардаш, 2011.* С. 46–49. Рис. 55–60; *2013а.* С. 188–194. Рис. 3.75–3.82; *2013.* С. 200–210. Рис. 3.51–3.56; *Федорова, 2012*].

Одним из источников, свидетельствующих о религии и культовой деятельности жителей городка *Монкысь урий*, являются найденные здесь религиозные артефакты. Напомним, что погребальная и культово-поминальная обрядность рассмотрена в отдельной главе. Археологические материалы по ритуальной практике (захоронение вождя, членов его семьи и их родственников) были обнаружены на территории оборонительно-жилого

комплекса. Между тем это является следствием уникальной исторической ситуации, а не традиционной ритуальной практики, которая должна была происходить в другом месте.

В данном разделе мы рассмотрим лишь те артефакты, которые являются свидетельством культово-обрядовой деятельности на городке в период его функционирования. В нашей коллекции таких предметов немного, но среди них есть и довольно оригинальные.

Навершие шаманского жезла (посоха) – 1 экз. (рис. 2.3.22 – *1, 2*). Изготовлено из рога северного оленя. Размеры изделия – 12,9×6,8×0,9 см, ширина места крепления к деревянной основе – 2,0–2,1 см. Навершие представляет собой стилизованное изображение головы птицы с длинной шеей, плавно переходящей в голову с заостренным клювом. По форме – это подпрямоугольная пластина с двумя наклоненными вниз короткими прямоугольными «отростками» на одном конце и серповидным завершением на противоположном.

С обеих сторон предмет украшен плотным и сложным резным и точечным орнаментом, состоящим из чередующихся и окаймляющих рядов прямых линий и точечных углублений (рис. 2.3.22 – *7*). Шея птицы декорирована перемежающимися рядами точек и сгруппированных по три линий. Глаз обозначен ромбом, в центре которого вставлена металлическая заклепка. Голова с клювом декорирована индивидуально: геометрическими (треугольными) резными зонами, оконтуренными точечным декором. Нижняя половина навершия уплощена и покрыта нарезками, образующими косую сетку, местами покрытую поперечными линиями-царапинами. Последнее сделано, по-видимому, для улучшения соединения навершия с помощью клея с деревянной основой жезла. Судя по размерам этой части, посох должен быть овального сечения, размером 2,0–2,1×1,5–1,6 см.

Нижняя часть навершия заканчивается двумя плоскими чуть опущенными вниз симметричными выступами-«петлями» с округлыми отверстиями на концах. Длина выступов и размеры отверстий разнятся. От данных отверстий вниз (но не вертикально, а под небольшим углом) к краям выступов идут тонкие желобки: по два симметричных с каждой стороны навершия. Они были специально вырезаны «мастером» и затем дополнительно протерты толстыми нитями в процессе использования данного изделия, точнее всего посоха. По всей видимости, к петлям выступов – при помощи нитей – крепились некие увесистые подвески. Последние могли быть наподобие тех, что изображены на рис. 2.3.22 – *4, 5*: возможно, это большие перья, имитирующие крылья птицы (рис. 2.3.22 – *3*), либо какие-то другие элементы.

Навершие обнаружено на западной оконечности оборонительно-жилого комплекса (кв. Н/36). Это место можно охарактеризовать как участок юго-западной наружной стены, с разрушившимися конструкциями которой связано его стратиграфическое местонахождение (рис. 2.3.22 – *6*). Кроме того, этот участок соприкасался с юго-западной стеной постройки № 1. На территории этого разрушенного жилого помещения было совершено коллективное захоронение жителей городка, имевших высокий социальный статус (погребение № 1). Его маркировали, прежде всего, дорогие и престижные вещи: серебряная чаша, металлические украшения, сундучок, серебряные монеты (см.: глава 3. Рис. 3.1.2). Учитывая это, следует считать вполне обоснованным не только высокий социальный статус умершего из захоронения № 1, но и его связь с постройкой № 1, а также найденным в непосредственной близости от погребения и постройки № 1 жреческим жезлом. Данный особый сакральный предмет мог быть брошен (спрятан) в снег близ дома вождя во время осады городка зимой 1619–1620 года либо специально «захоронен» неподалеку от вышеупомянутого богатого погребения.

Ритуальные или статусные посохи (жезлы) вождей или жрецов, без сомнения, являются редкой и довольно ценной находкой. Даже бронзовых наверший, явно статусных жреческих атрибутов, на археологических памятниках таежной зоны Западной Сибири найдено относительно мало [*Зыков и др., 1994.* С. 92. Рис. 112, 113. С. 138, 139 № 112, 113; *Степанова, 1994.* С. 61; *Крыласова, 2012.* С. 182–186. Рис. 1]. Правда, в последние годы появилась иная точка зрения, согласно которой данные предметы являются навершиями рукоятей плетей [*Крыласова, 2012.* С. 182–184]. Мы не разделяем данную точку зрения, поскольку в этнографии коренных народов Сибири имеется больше аналогий в подтверждение ритуального, чем утилитарного назначения данных предметов [На грани миров …, 2006. С. 178, 183]. Кроме этого, посохи (жезлы), статусная и ритуальная функция которых несомненна, известны в коллекции находок Надымского городка [*Кардаш, 2010а.* С. 51–61].

Форма навершия, обнаруженного нами при раскопках *Монкысь урия*, уникальна, в то время как предполагаемые характеристики деревянной основы жезла, на наш взгляд, практически идентичны надымским. На рисунке мы представили нашу версию реконструкции жреческого посоха жреца городка *Монкысь урий* (рис. 2.3.22 – *3*). При этом если предлагаемая нами форма предмета в определенной степени дискуссионна, то сам факт наличия статусного жреческого жезла можно считать доказанным. В этой связи можно предполагать наличие у жителей

городка *Монкысь урий* (или даже у всего населения реки Большой Юган) на рубеже XVI–XVII веков религиозной традиции, в которой ритуальный посох был основным магическим орудием жреца. Кроме того, вполне вероятно, что жреческие и управленческие функции совмещал вождь общины или его ближайший родственник.

Находка посоха – не единственный предмет, связанный с ритуальной деятельностью. Есть другие. В целом же можно отметить, что ритуальная практика осуществлялась, прежде всего, в пределах оборонительно-жилого комплекса. Специального ритуального места вблизи оборонительно-жилого комплекса городка *Монкысь урий* пока не зафиксировано. Такого, как, например, южная ритуальная площадка Надымского городка [*Кардаш, 2013а.* С. 59–60. Рис. 2.4–2.6; 2.37–2.39, 2.98–2.100] или же небольшая, покрытая щепой площадка с черепами северного оленя с южной стороны оборонительно-жилого комплекса Полуйского мысового городка [*Кардаш, 2013б.* С. 120–122. Рис. 2.3; 2.4; 2.69–2.73]. Видимо, рядом с городком *Монкысь урий* не проводились большие общинные сборы. Община периодически собиралась на праздники, но это происходило где-то в другом месте – далеко за пределами городка.

Иные свидетельства, связанные с ритуальной деятельностью, рассматриваются в тех разделах монографии, где речь идет о контексте, в котором они обнаружены.

Следы ритуальной деятельности, связанные с домостроительной традицией (так называемые «строительные жертвы»), рассматриваются в разделе архитектуры (см.: раздел 2.2).

Другими артефактами, позволяющими реконструировать религиозную ритуальную деятельность жителей городка, являются находки костей животных. Все данные остеологические остатки описаны и проанализированы в отдельном Приложении (4).

Артефактам и находкам, связанным с погребальной и поминальной обрядностью, посвящена следующая глава.

В целом, анализ вещевого комплекса городка позволил сделать ряд основных выводов. Специфика комплекса отмечена в самом начале данного раздела. Напомним о некоторых ее составляющих. Прежде всего о том, что коллекция *Монкысь урия* состоит из четырех групп предметов, связанных *с тремя функционально и хронологически различными памятниками*, тем не менее тесно связанными между собой. Хронологические различия этих памятников незначительны, поскольку данные культурные комплексы формировались последовательно и в рамках одного довольно узкого временного интервала.

Предметы первой группы отложились в культурном слое и сформировали его в процессе жизнедеятельности населения городка.

Предметы второй группы, попали в культурный горизонт в результате неординарных событий, а именно: в ходе осады и штурма городка.

Вещи третьей группы – это остатки и артефакты, составляющие погребальный инвентарь двух преднамеренных захоронений.

Четвертая группа вещей – это поминальный комплекс.

Сочетание в одном месте разных типов археологических памятников – явление нередкое и даже традиционное для таежного Приобья и культуры местных аборигенов: это, например, многочисленные могильники, святилища и поминальные места раннего железного века, средневековья и нового времени, основанные на руинах древних поселений. Несмотря на это, городок *Монкысь урий* (городище Частухинский урий), обладающий чертами многослойных и комплексных археологических памятников, все же довольно оригинален на общем фоне. Прежде всего тем, что все перечисленные типы объектов принадлежали одному и тому же населению. Выделяется он и составом своего населения, обладавшего неординарным положением и высоким социальным статусом в рамках аборигенного общества того времени. Кроме того, данный археологический памятник обладает чертами памятника историко-культурного объекта, так как финал существования городка отражен в письменных исторических документах Московского государства и многочисленных местных хантыйских преданиях.

Рис. 2.3.1. Элементы костюма и украшения. Съемные нательные украшения и детали одежды: *1* – деталь очелья – серебряная привеска в форме птицы на цепочке; *2* – деталь очелья – серебряная привеска в форме птицы на цепочке; *3* – деталь очелья – серебряная привеска в форме птицы; *4* – деталь очелья – серебряная цепочка; *5* – височное серебряное кольцо из погребения № 3 в постройке № 3.5(6) [*Семенова, 2005*. С. 37] с двумя надетыми на него серебряными деталями очелья (в таком виде хранятся в музее пос. Угут): *5а* – полусфера с фрагментом цепочки, *5б* – привеска в форме рыбы на цепочке; *6* – височное серебряное кольцо из погребения № 3 в постройке № 3.5(6) [*Семенова, 2005*. С. 37]; *7, 8* – височные серебряные кольца из погребения № 1 в постройке № 1 (найдены сцепленными между собой [*Семенова, 2005*. С. 41]); *9* – височное серебряное «однобусинное» кольцо XIII–XIV вв.; *10–12* – височные оловянные кольца; *13* – фрагмент бусины-пронизки из светлой оловянистой бронзы – деталь «однобусинного» височного кольца (?) XIII–XIV вв.; *14* – височная оловянная подвеска в форме полумесяца («лунница»); *15, 16* – фрагменты одежды из цветного сукна

Рис. 2.3.2. Элементы костюма и украшения. Съемные нательные украшения и детали декора одежды: *1–7* – серьги из медной проволоки в виде кольца с декорированным стержнем (в форме «знака вопроса»); *8–12* – бусины (привески) из хрусталя (кварца) – детали серег (?); *13* – привеска к серьге (?) из меди и хрусталя (кварца); *14* – фрагмент медной серьги в виде кольца с декоративной пластиной; *15, 16* – бусины-пронизи из голубого непрозрачного стекла (пасты) – детали серег; *17–27* – перстни оловянные различных типов (фрагменты и целые изделия); *28, 28а* – перстень щитковосрединный из бронзы; *29* – перстень пластинчатый (кольцо) из бронзы; *30* – обломок браслета из белой оловянистой бронзы; *31* – фрагмент пластины (пластинчатый браслет?) XIII–XV вв.; *32* – обломок бронзового браслета с зооморфными изображением XIII–XV вв.; *33–35* – бронзовые пряжки; *36* – медный язычок от пряжки; *37, 38* – ременные накладки (?) из меди

Рис. 2.3.3. Элементы костюма и украшения. Детали декора одежды. Нашивные: *1* – бисер из цветного стекла (погребение № 3); *2, 3* – бисер из цветного и белого стекла из кожаной сумки (кв. Ц/42, ур. 44.91 м) (в сумке – 166 стеклянных бисерин, в том числе: 137 – белых, 13 – зеленых, 16 – голубых); *4, 5* – бисер оловянный из декора нагрудного украшения индивидуума X; 6–8 – бисер оловянный на фрагментах суконной одежды; *9–16* – бисер оловянный, нанизанный на нити, из кожаной сумки (кв. Ц/42, ур. 44.91 м) (в сумке – около 3,7 тыс. оловянных бисерин общим весом 700 г)

Рис. 2.3.4. Элементы костюма и украшения. Детали декора одежды. Украшения XIII–XV (*1–26*) и XVI – начала XVII в. (*27–80*): *1* – подвеска зооморфная объемная ажурная; *2* – фрагмент зооморфной объемной ажурной подвески; *3–5* – обломки орнитоморфных подвесок в форме лапки водоплавающей птицы; *6* – подвеска с округлым рельефным щитком; *7* – многофункциональное нашивное полусферическое украшение; *8* – пронизка уплощенная трубчатая с двумя роговидными отростками; *9* – подвеска цельнолитая в виде фигурки птицы; *10* – цепочка – деталь подвески, *11* – фрагмент плоской крестовидной подвески; *12–24* – полые бусины-пуговицы в форме эллипсоида («крыжовника»); *25, 26* – фрагменты полых шарообразных бубенчиков; *27–48* – цельнолитые шарообразные бусины-пуговицы; *49–63* – полые шарообразные бусины–пуговицы малого размера без декора; *64–70* – полые эллипсоидные бусины-пуговицы с декором (по В. И. Семеновой [*2005*. С. 82. Рис. 52 – 1]); *71–73* – полые шарообразные бусины-пуговицы среднего размера без декора; *74, 75* – полые бусины-пуговицы в форме объемного многогранника (неправильного икосаэдра); *76* – цельнолитая шарообразная бусина-пуговица; *77–80* – обломки полых шарообразных бусин-пуговиц, спаянных их двух половинок, со стыковочным кантом. *1–26* – медь, бронза; *27–73* – олово, оловянистые сплавы; *74, 75* – серебро; *76–80* – бронза

Рис. 2.3.5. Элементы костюма и украшения. Детали декора одежды XVI – начала XVII в. Бусины-пуговицы и подвески из олова и сплавов на основе олова: *1–35* – полые эллипсоидные, большого размера, с декором, придающим изделию форму желудя, плода или цветочного бутона, *36–88* – аналогичные украшения малого размера.

Примечание: В. И. Семеновой данные предметы ошибочно определены как серебряные и отнесены к типу 6 – «шишковидные ребристые серебряные полые» пуговицы-подвески [*2005*. С. 63. Рис. 44 – *1–5*]

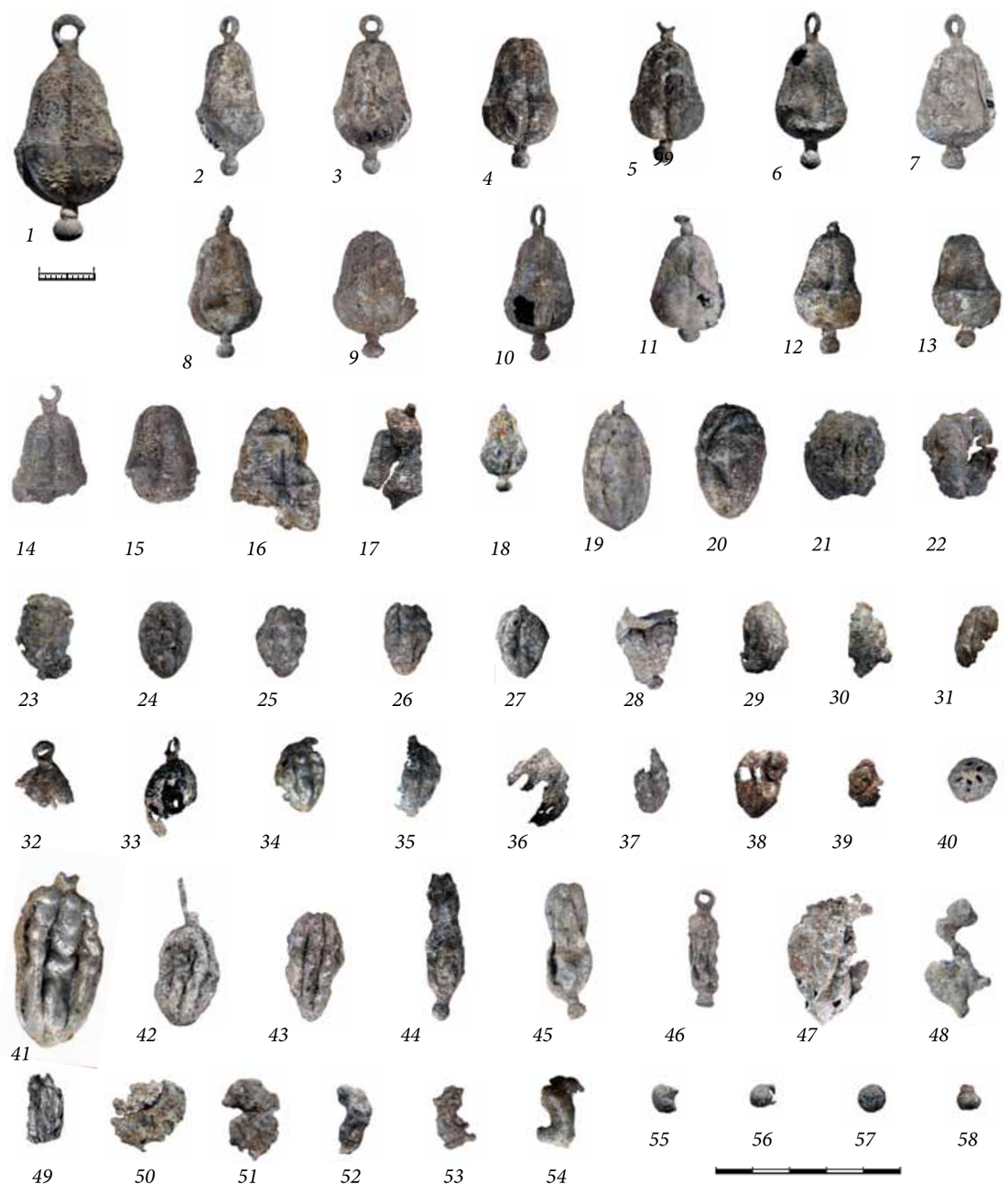

Рис. 2.3.6. Элементы костюма и украшения. Детали декора одежды XVI – начала XVII в. Бусины-пуговицы и подвески из олова и сплавов на основе олова: *1–17* – полые ассиметрично-эллипсоидные, грушевидной формы (или в виде цветочного бутона), декорированные, большого размера; *18* – аналогичное украшение малого размера; *19–58* – бусины–пуговицы и подвески эллипсоидной формы, различных размеров, оплавленные, деформированные и фрагментированные.

Примечание: В. И. Семеновой №№ 1–18 ошибочно определены как серебряные и отнесены к типу 7 – «тюльпановидные ребристые 6-дольные серебряные полые» пуговицы-подвески [*2005*. С. 63–64. Рис. 44 – 7]

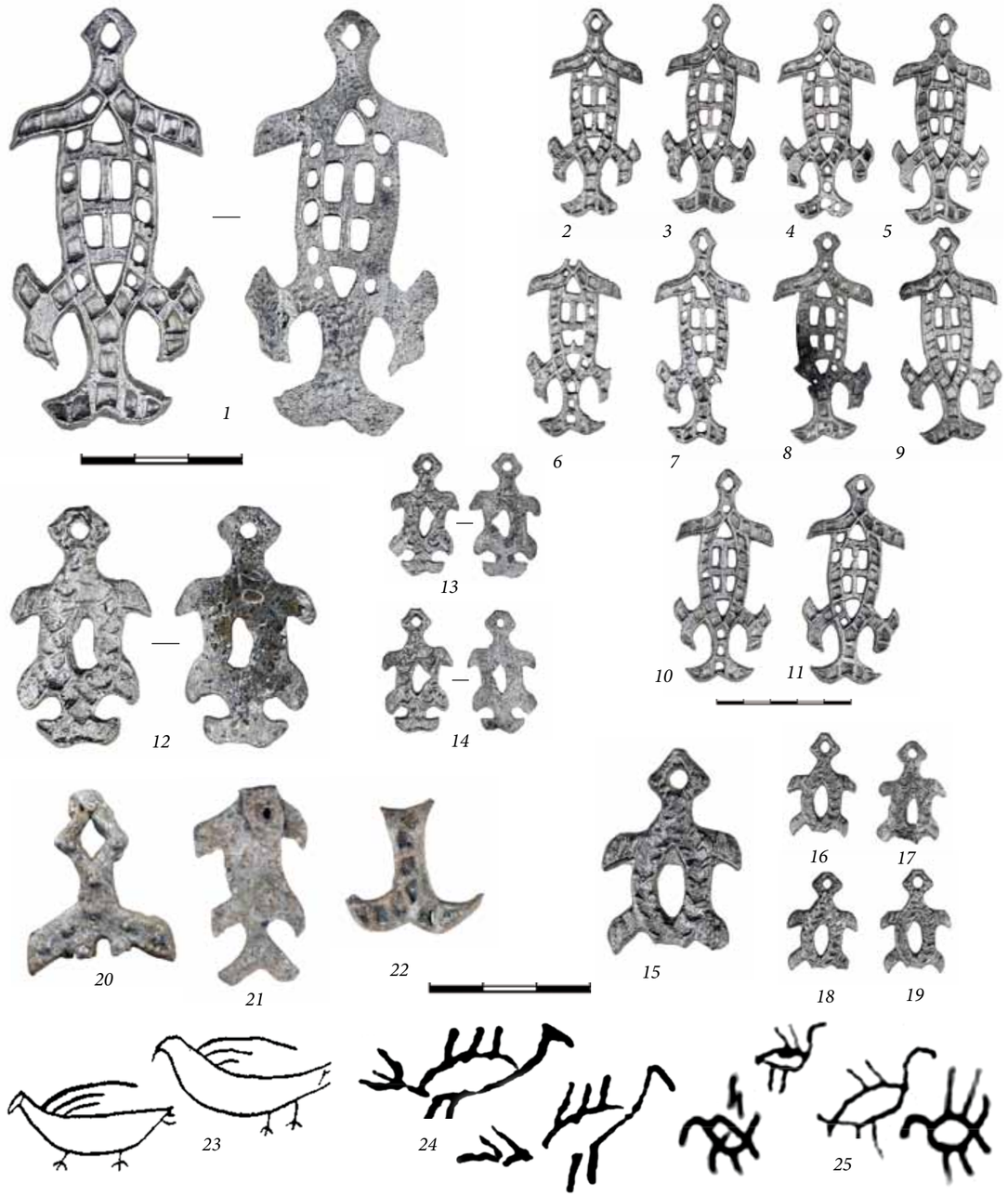

Рис. 2.3.7. Элементы костюма и украшения. Детали декора одежды XVI – начала XVII в. Плоские ажурные подвески из олова (*1–19*) и их графические аналоги из письменных (документальных) источников (*23–25*). Подвески птероморфные – в форме стилизованного тетерева (?): *1–11* – подтип 1; *12–14* – подтип 2; *15–19* – подтип 3; *20–22* – фрагменты, подтипы 4–6; *23–25* – тамга «тетеря»: *23* – лучших людей Юганской Подгородной волости 1692 г. [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1299. Л. 23 об., 24 об.]; *24* – сотников Юганской Подгородней (Балыкской) волости Василия Печина и Ивана Каркатеева в реестре 1802 г. [ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 2. Л. 358]; *25* – жителей р. Большой Балык Сарантеевых и Мумраковых 1914 г. [ТФ ГАТО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 29. Л. 1, 8 об.]

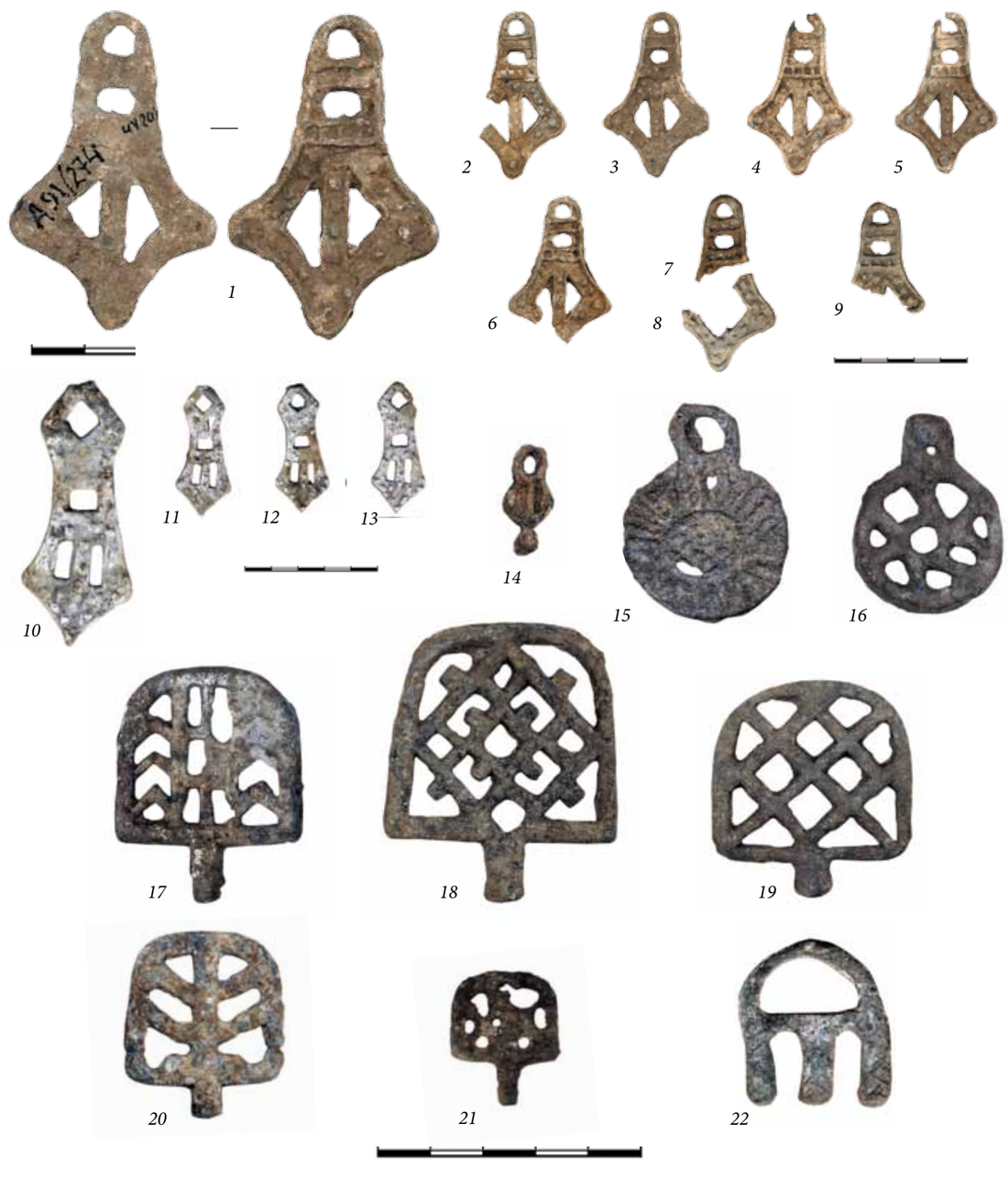

Рис. 2.3.8. Элементы костюма и украшения. Детали декора одежды XVI – начала XVII в. Изделия из олова. Плоские ажурные зооморфные подвески и нашивные (накладные) пластины: *1–9* – подвески в форме лапки водоплавающей птицы («лапчатые»), подтип 1 (*1–6* – из ритуального захоронения двух особей северного оленя под полом постройки № 2.3(4), уч. Ш,О/41–42 – яма VII, ур. 44,97–45,12 м); *10–13* – подвески «лапчатые», подтип 2 (комплекс из северного угла постройки № 2.4(5), уч. Б”/32, ур. 44,44 м). Подвески плоские округлые: *14* – маленькая цельнолитая (подтип 1); *15* – большая цельнолитая (подтип 2); *16* – большая ажурная (подтип 3). Плоские ажурные нашивные (накладные) украшения: *17–22* – элементы декора центрального медальона женского ритуального пояса – воропа

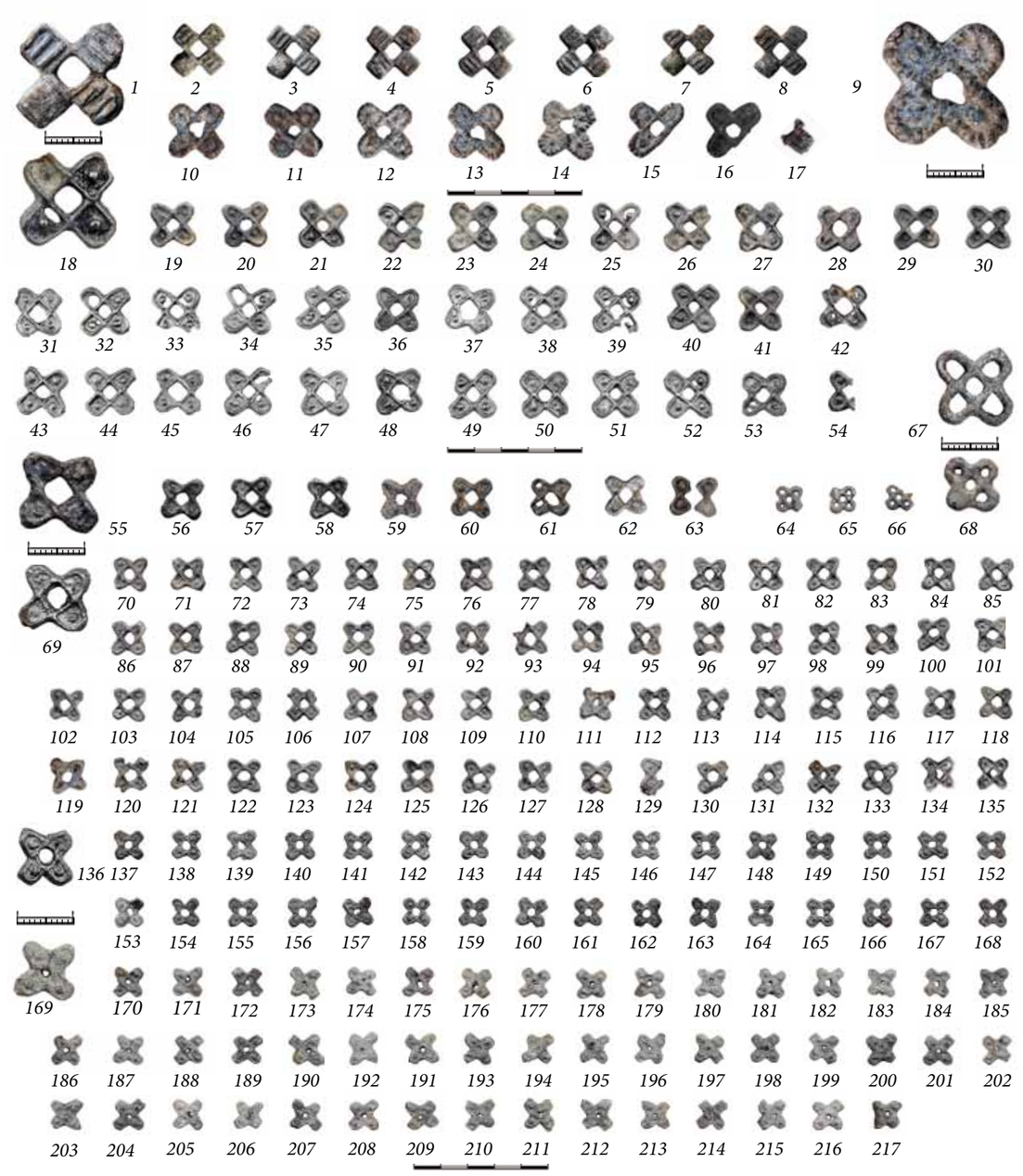

Рис. 2.3.9. Элементы костюма и украшения. Детали декора одежды XVI – начала XVII в. Изделия из олова. Нашивные (накладные) крестовидные пластины с отверстием в центре (*1–217*): *1–8* – подтип 1; *9–17* – подтип 2; *18–54* – подтип 3; *55–63* – подтип 4; *64–68* – подтип 5; *69–135* – подтип 6; *136–168* – подтип 7; *169–217* – подтип 8. Нашивные (накладные) пластины фигурно-ромбические с отверстием в центре (*218–288*) и без такового (*289–291*): *218–227* – подтип 1; *228–284* – подтип 2; *285–288* – подтип 3; *289–291* – подтипы 4–6. Нашивные (накладные) округлые пластины с отверстием в центре и без такового: *292, 293* – подтип 4, 5; *294–298* – подтип 2; *299–314* – подтип 3 («лепестковые», «солярные»); *315* – подтип 3, вариант 1 («лепестковая», «солярная»); *316–331* – подтип 1 (ажурные «солярные»). Варианты реконструкции орнаментальных композиций декоративных бордюров женской одежды – сака (*332–338*). Предполагаемый прототип орнаментальных композиций: *339* – фрагмент керамического сосуда XI–VIII тыс. до н. э. из Северной Месопотамии [*Корниенко, 2014.* С. 52. Рис. 1 – *2*]

Рис. 2.3.10. Орудия рыболовства. Детали орудий рыболовства из железа и камня XVI – начала XVII в. и их этнографические аналоги: *1–8* – рыболовные крючки; *9* – удочка с крючком, леской и поплавком, р. Вах, конец XIX в. [*Сирелиус, 2001.* С. 308]; *10–16* – крюки багров для ловли и извлечения рыбы; *17* – багор для ловли рыбы (*venaahvf* – хант.), р. Вах, конец XIX в. [*Сирелиус, 2001.* С. 310]; *18* – багор для извлечения рыбы, коми-зыряне XIX в. (коллекция РЭМ, г. Санкт-Петербург); *19* – заготовка грузила для калыданной сети; *20, 21* – заготовки грузил для калыданной сети из слоя XVI в. городища Эмдер [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 96. Рис. 47 – *4, 5*]; *22, 23* – ритуальные (?) грузило и поплавок для калыданной сети обдорских князей Тайшиных, XIX в.; *24* – калыданная сеть и ловля осетра калыданной сетью на р. Обь – фрагмент рисунка Н. Шахова, первая половина XIX в. (г. Санкт-Петербург, МАЭ. Инв. № 5753–5)

Рис. 2.3.11. Предметы боевого вооружения XVI – начала XVII в. Детали доспеха (*1–56*) и оружия (*57–61*): *1* – застежка ворота (?) – крючок с кольчужными кольцами (медь); *2* – застежка ворота (?) – крючок с кольчужными кольцами (железо, медь); *3* – фрагмент застежки ворота – кольчужные кольца (железо, медь); *4* – застежка ворота (?) – крючок с кольчужными кольцами (железо); *5–9* – фрагменты полотна кольчуги (железо); *10–55* – кольчужные кольца (железо); *56* – железная пластина от панциря (?); *57–60* – наконечники ножен (медь); *61* – ружейный кремень [*Семенова, 2005.* С. 55. Рис. 16 – *5*]

Рис. 2.3.12. Универсальные орудия. Ножи и принадлежности для их заточки XVI – начала XVII в.: *1, 2* – клинки импортных ножей (тип 1, подтип 1) с оловянными и железными элементами рукояти; *3–8* – железные и оловянные фрагменты и детали рукоятей; *9–13* – клинки ножей без оловянных элементов (тип 1, подтип 1); *14–24* – клинки ножей (тип 1, подтип 2); *25* – условия залегания в культурном слое (in situ) клинка железного ножа (постройка № 9.2, северный угол, близ чувала, уч. А"/39, ур. 45,57 м); *27–32* – клинки ножей местного изготовления (тип 1, подтип 3); *33* – фрагмент цельнометаллического ножа с деревянной рукоятью (тип 2, подтип 1); *34* – нож цельнометаллический с оловянной рукоятью (тип 2, подтип 2); *35–41* – фрагменты клинков – лезвия, не идентифицируемые до типа; *42–49* – обломки железных клинков: кончики

лезвий, не идентифицируемые до типа, устойчивая фрагментация – как результат систематических действий (резьба, расщепление кости или дерева?); *50–67* – точильные бруски из камняподтип 3); *27–32* – клинки ножей местного изготовления (тип 1, подтип 3); *33* – фрагмент ножа цельнометаллического с деревянной рукоятью (тип 2, подтип 1); *34* – нож цельнометаллический с оловянной рукоятью (тип 2, подтип 2); *35–41* – фрагменты клинков – лезвия, не идентифицируемые до типа; *42–49* – фрагменты клинков – кончики лезвий, не идентифицируемые до типа, устойчивая фрагментация систематических действий (резьба, расщепление кости или дерева?); *50–67* – точильные бруски из камня

Рис. 2.3.13. Универсальные орудия и инструменты. Орудия обработки дерева. Топоры и тесла из железа XVI – начала XVII в., их детали и этнографические аналоги XX в.: *1–4* – целые топоры с прямым или слабо изогнутым лезвием, *5* – фрагмент топора с сильно изогнутым (дуговидным) лезвием; *7* – фрагмент лезвия топора; *6, 8* – железные пластинчатые клинья для фиксации рукояти топора; *9, 10* – железные стержневидные клинья для фиксации рукояти топора [*Семенова, 2005*. С. 48, 49. Рис. 28]; *11* – тесло втульчатое, специализированное – для изготовления лодки (обласа); *12, 13* – тесла проушенные, перекованные из топоров, – для изготовления лодок-обласов, XX в., река Пим (г. Сургут, СКМ. Инв. № КП–5851; КП–4416); *14* – тесло проушенное, XX в., река Самоновка (бассейн реки Демьянка) (г. Нефтеюганск, НГМАУК, инв. КП–779)

Рис. 2.3.14. Универсальные орудия и инструменты. Орудия и детали инструментов из железа XVI – начала XVII в. для обработки металла и дерева, а также их этнографические аналоги XIX в.: *1–5* – лезвия скобелей (стругов); *6* – скобель (volttouh – хант.) [*Сирелиус, 2001.* С. 268]; *7* – струг (voltovfh – хант.) [*Там же.* С. 310]; *8, 9* – сверло ручного бура или дрели; *10* – буравчик (*purh* – хант.) [*Там же.* С. 268]; *11* – дрель ручная с «лучковым» приводом [*Мартин, 2004.* С. 76. Табл. 12 – *2*]; *12* – ножницы универсальные; *13* – лезвие резца-«ложкореза»; *14, 14а* – напильник и детали его рабочей поверхности; *15, 15а, 15б* – напильник и детали его рабочей поверхности; *16* – щипцы (клещи) малые кузнечные

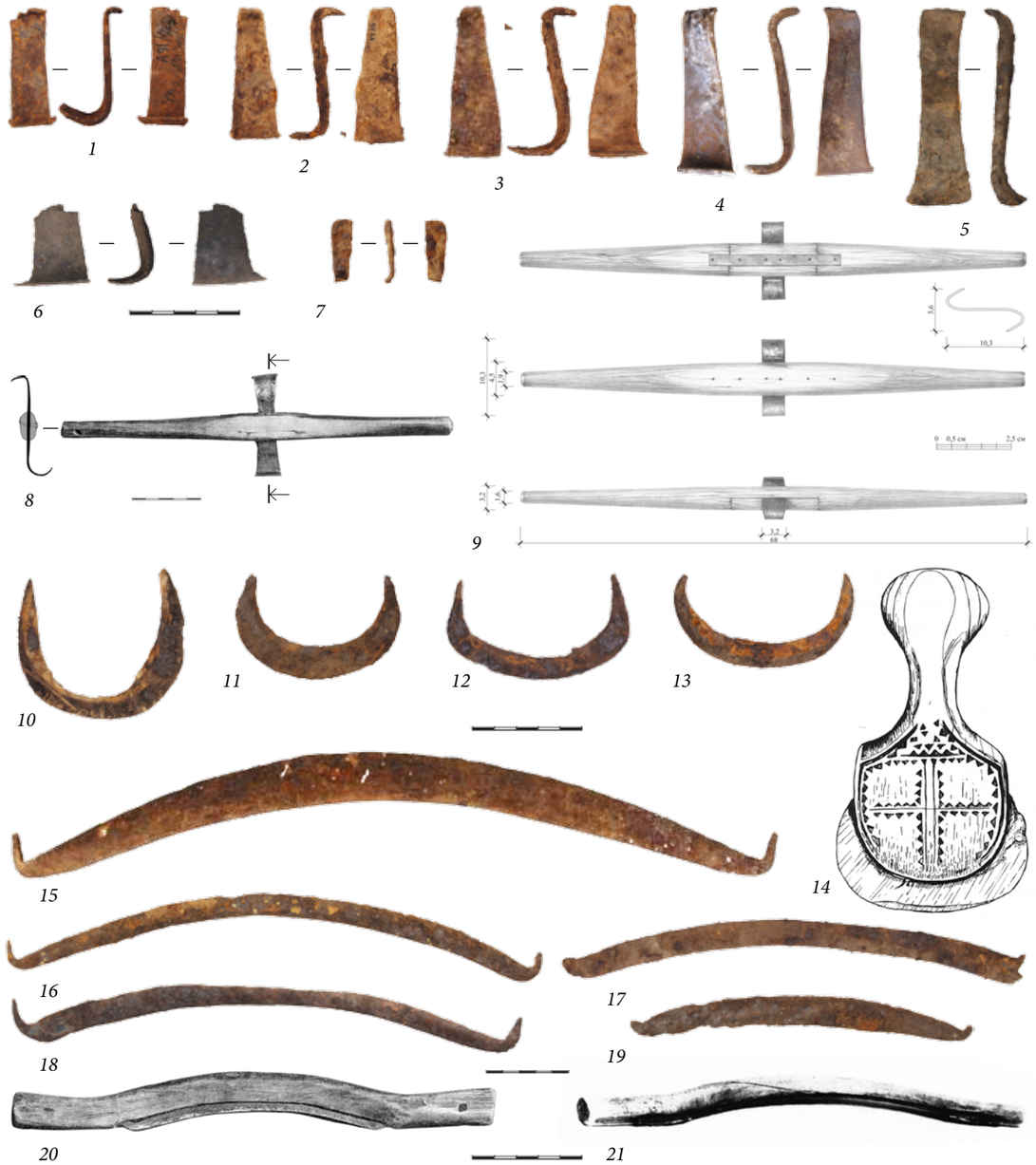

Рис. 2.3.15. Универсальные орудия и инструменты. Детали орудий труда из железа и дерева XVI – начала XVII в. для обработки кожи, а также их этнографические аналоги. Скребки: *1–7* – железные лезвия «скребка двулезвийного» (*ол'щ* – хант.); *8* – скребок *ол'щ*, конец XIX в., р. Большой Юган [*Мартин, 2004.* С. 78–79. Рис. 73. Табл. 13 – *2*]; *9* – чертеж скребка *ол'щ* (*notek-setshe-wach* – хант.), конец XX в., юрты Пунси (юганские ханты Каюковы), оз. Большое Каюково; *10–13* – железные лезвия «скребка лопаточка» (*pilin wah* – хант.); *14* – «скребок лопаточка» или скребок расправляющий (*murep* – хант.) [*Сирелиус, 2001.* С. 278]; *15–19* – железные лезвия «скребка разминающего» (*yhtep yh* – хант.); *20* – «скребок разминающий» (*yhtep yh* – хант.), конец XIX в., р. Большой Юган [*Мартин, 2004.* С. 79. Табл. 13 – *1*]; *21* – скребок

tenlehsenttavah, конец XIX в., р. Вах [*Сирелиус, 2001.* С. 279]. Швейные принадлежности из железа XVI – начала XVII в.: *22–125* – швейные иглы и их фрагменты; *126–127* – острия шильев; *128* – Современные орудия и приспособления для обработки шкуры в процессе использования

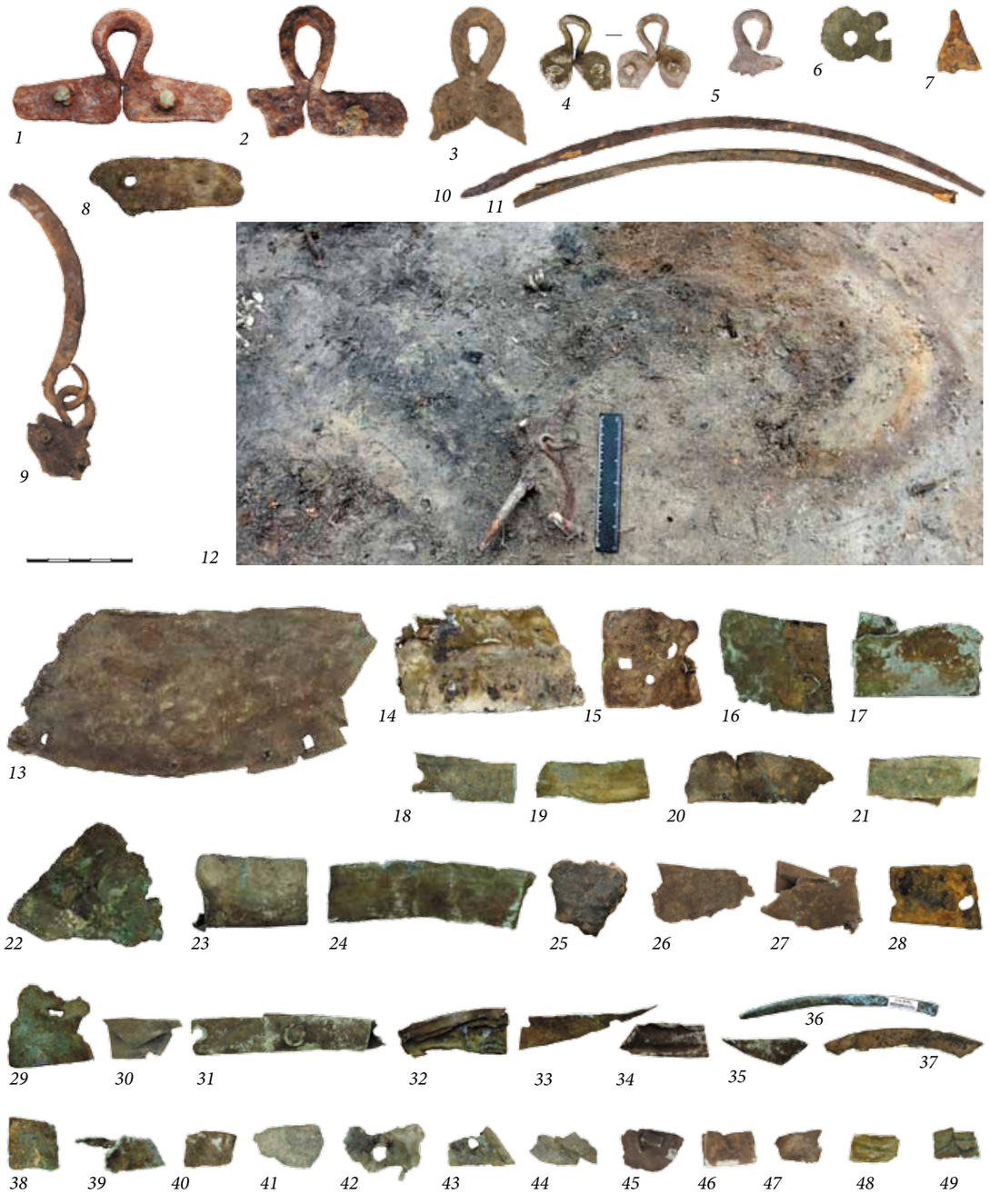

Рис. 2.3.16. Предметы быта и домашнего обихода. Посуда XVI – начала XVII в. Металлическая посуда: *1–3, 7, 8* – железные петли-«ушки» для крепления рукояти («дужки») котла; *4* – медное «ушко» котла; *6* – фрагмент медной петли для крепления рукояти («дужки») котла; *9* – железная «дужка» с петлей крепления («ушком») и частью стенки котла; *10, 11* – рукояти («дужки») медных котлов; *12* – фрагмент котла, в момент его нахождения in situ в культурном слое (пространство к югу от оборонительно-жилого комплекса, на берегу старицы, очаг ритуального комплекса (?), уч. З'/53,

ур. 40,22 м); *13–100* – фрагменты (обрезки) стенок медных котлов, предназначенные для вторичного использования; *101–108* – фрагменты серебряных чаш и блюд («блюдец»); *109* – серебряная чаша из погребения № 1; *109а* – центральный медальон серебряной чаши из погребения № 1 (увеличено)

Рис. 2.3.17. Предметы быта и домашнего обихода. Керамическая посуда разных хронологических периодов: *1–4* – фрагменты русских черноморенных сосудов конца XVI – начала XVII в.; *5–5д* – фрагменты орнаментированного сосуда № 1 XVI – начала XVII в.; *6–6д* – фрагменты орнаментированного сосуда № 2 XVI – начала XVII в.; *14, 15* – фрагменты орнаментированного сосуда № 5 XVI – начала XVII в.; *7–10* – фрагменты керамических сосудов, достоверно не идентифицируемые; *16, 17* – фрагменты орнаментированного сосуда № 4 XVI – начала XVII в.; *18–21* – фрагменты орнаментированного сосуда № 3 XVI – начала XVII в.; *22* – керамическое изделие неизвестного назначения (сосуд?, тигель?) [*Семенова, 2005.* С. 62. Рис. 5 – *5*]; *23–26* – фрагменты керамических сосудов атлымской культуры периода поздней бронзы (XII–VIII вв. до н. э.)

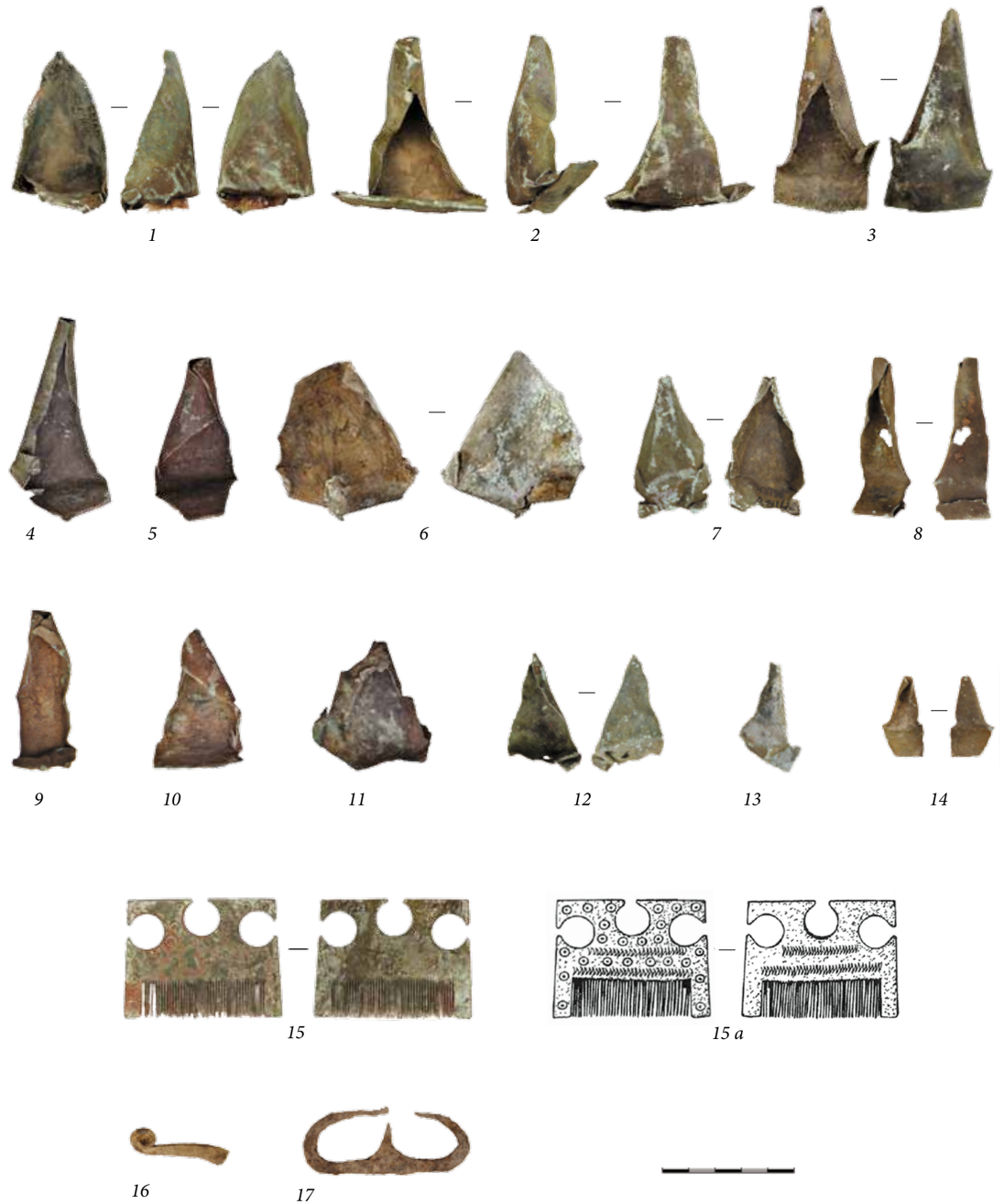

Рис. 2.3.18. Предметы быта и домашнего обихода конца XVI – начала XVII в.: *1–14* – держатели фитиля жирового светильника, изготовленные из листовой меди утилизированных котлов; *15* – гребень из меди; *15а* – рисунок медного гребня [*Семенова, 2005.* С. 61. Рис. 42 – 2]; *16* – фрагмент рукояти железного кресала; *17* – железное кресало

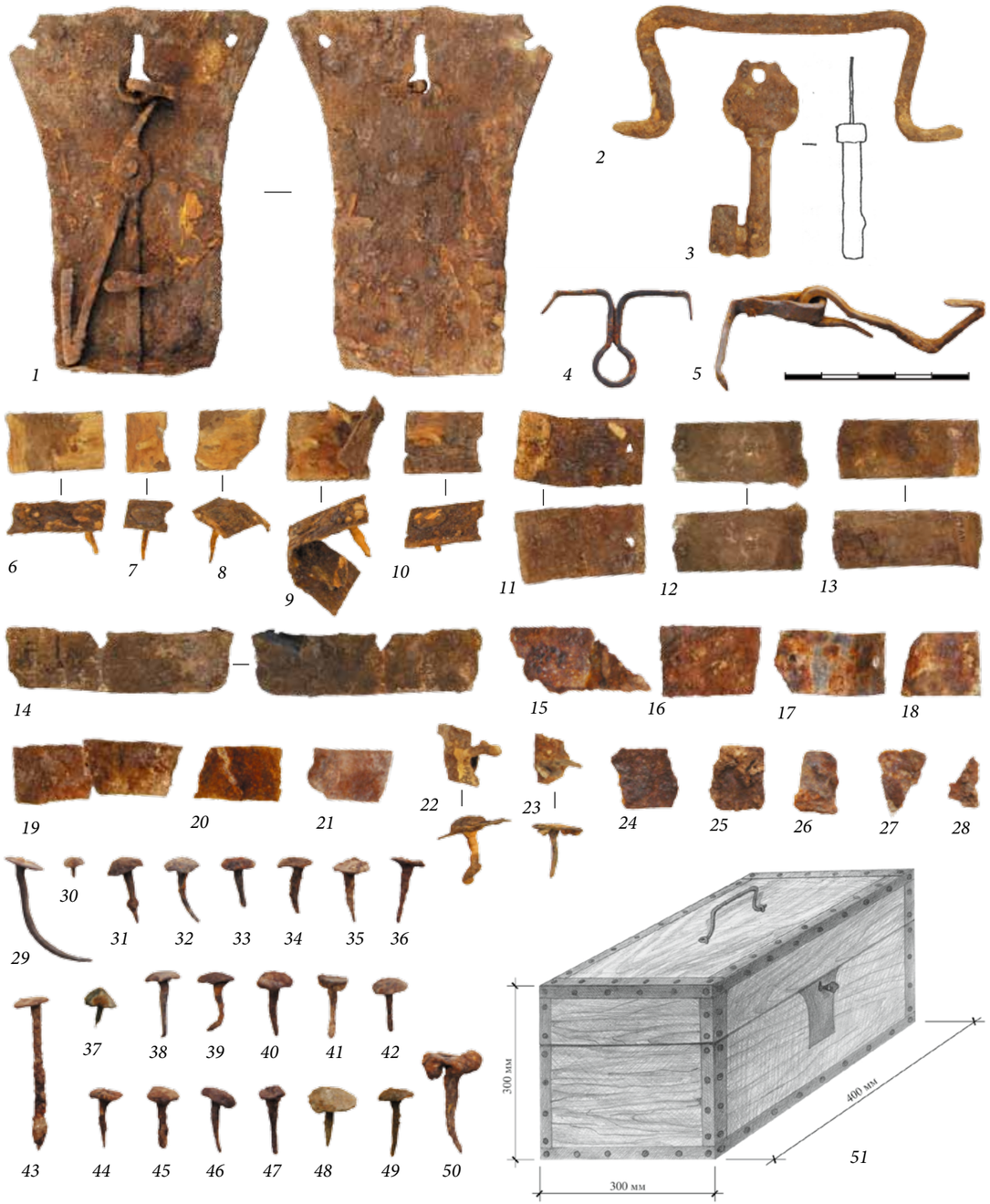

Рис. 2.3.19. Предметы быта и домашнего обихода. Железные детали и реконструкция сундука конца XVI – начала XVII в. из пространства постройки № 1 (погребение № 1?): *1* – врезной замок, *2* – ручка; *3* – ключ; *4, 5* – петли крепления крышки (навесы сундучные); *6–28* – обломки полос жестяной обивки (от мест угловых соединений?); *29–50* – гвозди обивочные (для крепления жестяной обивки, элементов и угловых соединений сундука); *51* – графическая реконструкция сундука.
Примечание: в этом или подобном сундуке могли перевозить жалование служилых людей для Томского гарнизона, похищенное остяками

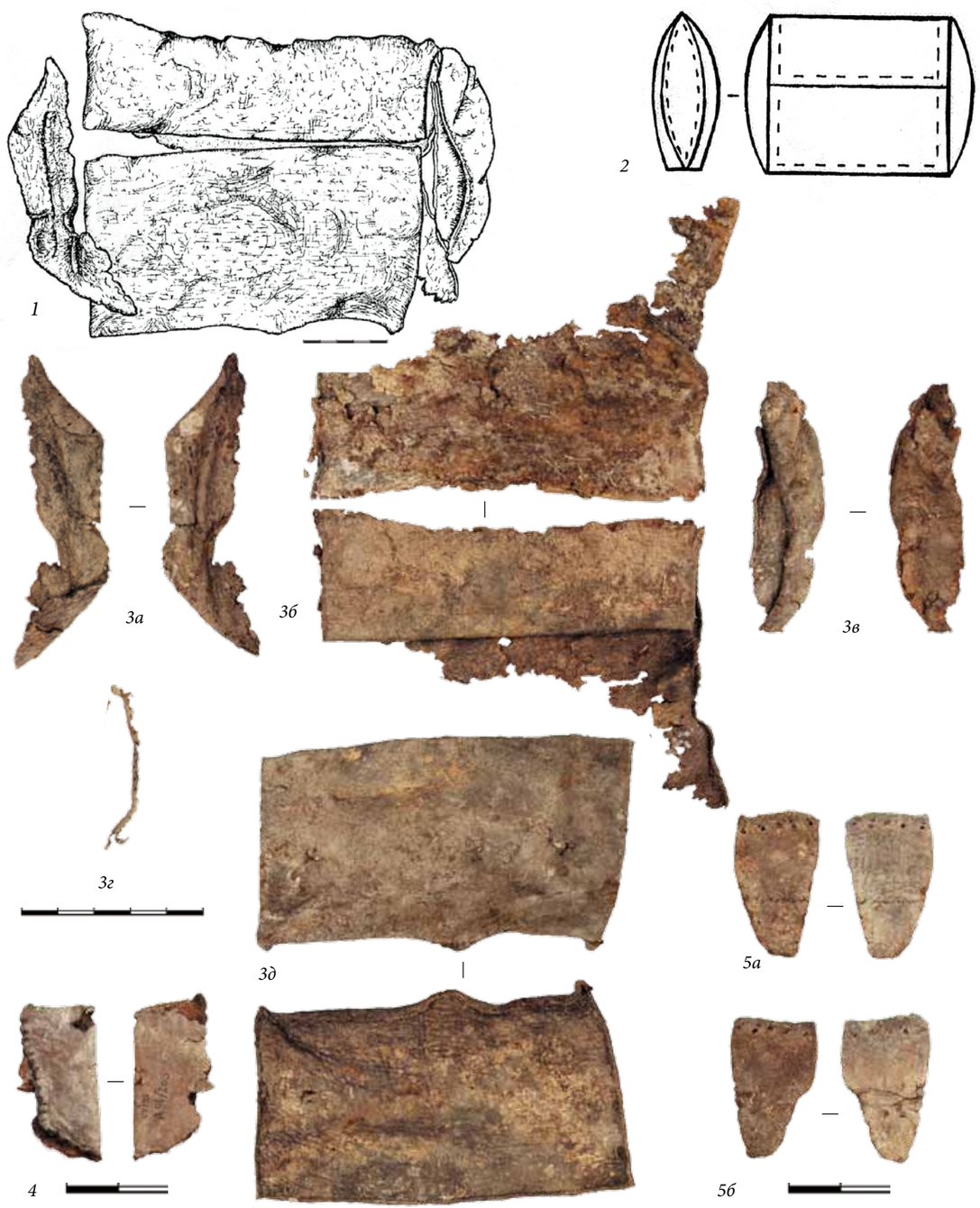

Рис. 2.3.20. Предметы быта и домашнего обихода. Сумка (кошель) конца XVI – нач. XVII вв. *1* – сумка (кошель), графический рисунок и *2* – конструктивная схема [*Семенова, 2005*, с. 62; рис. 51]; *3 а–д* – детали сумки (кошеля) из телячьей кожи, найденного на уч. Ц/42, ур. 44,91 в северо-восточной части постройки 2.3(4); *4* – фрагмент сумки (?) из телячьей кожи, найденного в северном углу постройки 2.3(4); *5 а, б* – фрагмент сумки (изделия ?) из телячьей кожи, найденного в северной части постройки 2.5(6).

Рис. 2.3.21. Средства передвижения. Нартенный транспорт. Детали недоуздка оленьей упряжи (*avelnen* – хант.) XVI – начала XVII в. (*1, 4–11*) и этнографические аналоги недоуздка (*2, 3, 22, 23*): *1* – налобная пластина; *2, 3* – недоуздки пристяжного оленя (*wali avelnen* – хант.) и передового оленя (*sar wali avelnen* – хант.), конец XIX в., р. Большой Юган [*Мартин, 2004.* С. 86–87, 139. Табл. 17 – *1, 3, 4*]; *4, 5* – пластины налобные (?); *6–12* – пластины нащечные (*puvlem low* – хант.); *13* – парные нащечные пластины в момент обнаружения (in situ) в культурном слое в северном углу постройки № 5(6)

(уч. А"/32, ур. 43,60 м); *14, 15* – блоки крепления нарты; *16* – блоки крепления нарты (*avel lonki* – хант.), конец XIX в., р. Большой Юган [*Там же.* С. 86–87, 139. Табл. 17 – *5*]; *17–21* – кольца (разделители ремней упряжи?); *22, 23* – упряжки обских остяков – фрагменты рисунков Н. Шахова, первая половина XIX в. (г. Санкт-Петербург, МАЭ. Инв.5753–6, 5753–4). *1, 2–15* – рог северного оленя; *2, 3, 16* – рог и кожа северного оленя; *17–21* – железо

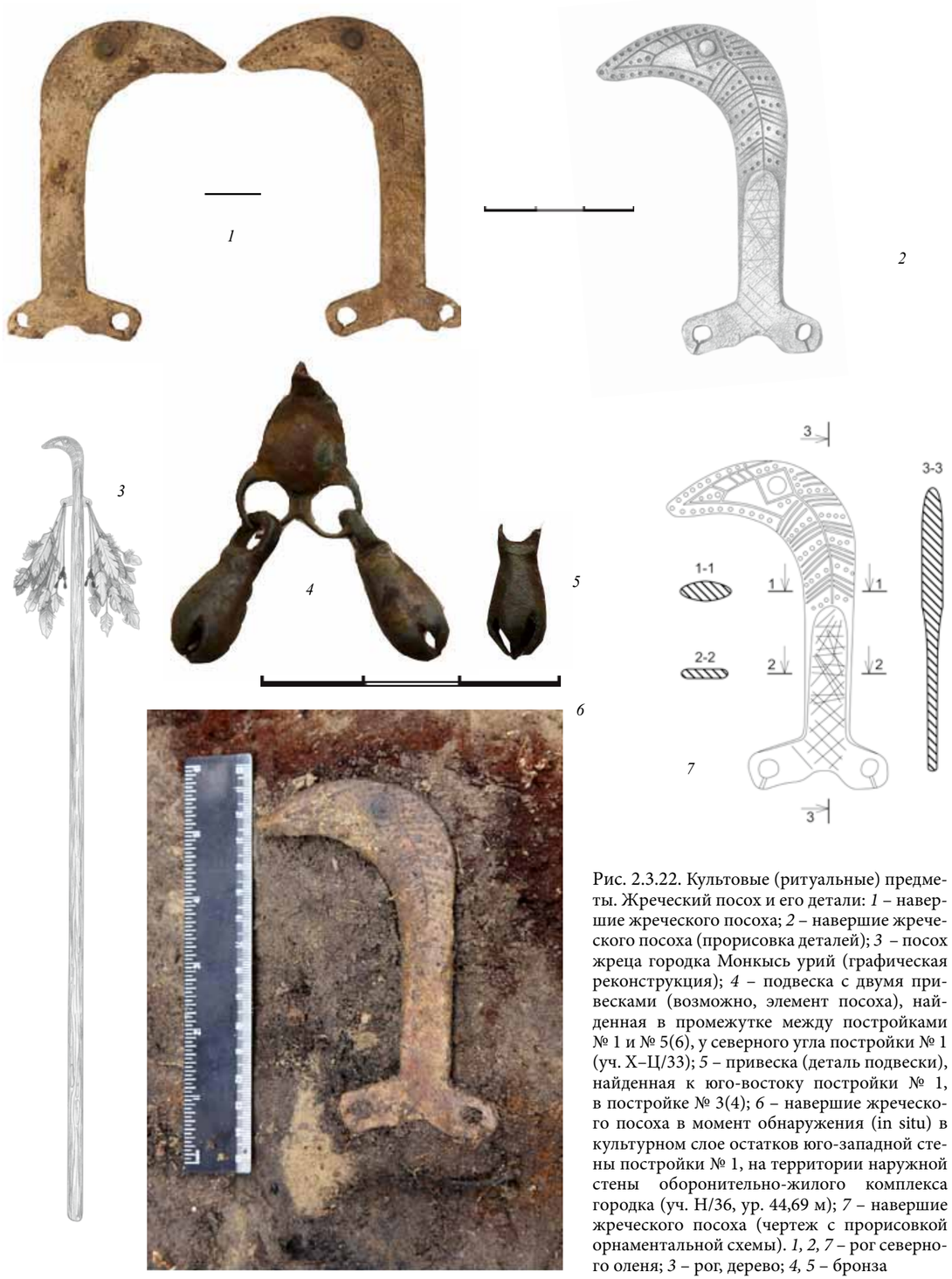

Рис. 2.3.22. Культовые (ритуальные) предметы. Жреческий посох и его детали: *1* – навершие жреческого посоха; *2* – навершие жреческого посоха (прорисовка деталей); *3* – посох жреца городка Монкысь урий (графическая реконструкция); *4* – подвеска с двумя привесками (возможно, элемент посоха), найденная в промежутке между постройками № 1 и № 5(6), у северного угла постройки № 1 (уч. Х–Ц/33); *5* – привеска (деталь подвески), найденная к юго-востоку постройки № 1, в постройке № 3(4); *6* – навершие жреческого посоха в момент обнаружения (in situ) в культурном слое остатков юго-западной стены постройки № 1, на территории наружной стены оборонительно-жилого комплекса городка (уч. Н/36, ур. 44,69 м); *7* – навершие жреческого посоха (чертеж с прорисовкой орнаментальной схемы). *1, 2, 7* – рог северного оленя; *3* – рог, дерево; *4, 5* – бронза

Таблица I

Городок Монкысь урий (городище Частухинский урий).
Статистические данные по категориям артефактов конца XVI – начала XVII века

Название изделия	Материал	Целые	Фрагменты	Всего
I. ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕДИ И СПЛАВОВ				
Котел	медь	1	–	1
Котел, стенка	медь	–	89	89
Котел, ушко	медь	2	–	2
Котел, дужка	медь	–	1	1
Пряжка ременная	бронза	–	4	4
Бусина-пуговица в форме эллипсоида (плода крыжовника)	медь	14	–	14
Бусина-пуговица сферическая	медь	1	–	1
Кольцо	бронза	1	–	1
Подвеска, имитирующая лапку водоплавающей птицы («лапчатые»)	бронза	3	–	3
Подвеска круглая	бронза	1	–	1
Подвеска крестовидная	бронза	–	1	1
Подвеска многочастная комбинированная	бронза	–	2	2
Подвеска-пронизка объемная зооморфная	бронза	2	1	3
Подвеска-пронизка трубчатая	бронза	1	–	1
Накладка ременная	медь	5	–	5
Украшение круглое плосконическое нашивное (накладное)	бронза	1	–	1
подвеска – бубенчик объемная	медь	–	3	3
Серьги в виде разомкнутого кольца с декорированным бусинами стержнем (серьги в форме знака вопроса)	медь	1	6	7
Серьга в форме кольца с декоративной пластиной	медь, олово(?)	1	–	1
Перстень с круглым щитком	бронза	1	–	1
Браслет в форме разомкнутой пластины (пластинчатый) с зооморфными головами на концах	бронза	–	1	1
Браслет (?) в форме разомкнутой пластины	бронза	–	1	1
Браслет в форме разомкнутого стержня с петлями	бронза	–	1	1
Наконечник ножен (?)	медь	4	–	4
Лампа (светильник и держатель фитиля)	медь	–	14	14
Гребень – расческа	медь	1	–	1
Наконечник стрелы треугольный	медь	49	–	49
Наконечник стрелы ромбический	медь	1	–	1
Кольчуга, застежка	медь	1	2	3
Всего по разделу I		90	127	217
II. ИЗДЕЛИЯ ИЗ СЕРЕБРА				
Очелье, привеска	серебро	4	–	4
Очелье, цепочка	серебро	1	2	3
Височное кольцо витое	серебро	3	1	4
Височное кольцо однобусинное	серебро	–	1	1
Бусина-пронизь	серебро	–	1	1
Бусина-пуговица (многогранная) тип I	серебро	2	–	2
Монета русская XV- XVI вв.	серебро	1236	–	1236
Монета шведская	серебро	1	–	1
Чаша	серебро	1	–	1
Блюдо	серебро	–	8	8
Всего по разделу II		1248	13	1261
III. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЖЕЛЕЗА				
Наконечник стрелы	железо	22	–	22
Наконечник стрелы с проникателем	железо	5	5	10

Наконечник стрелы стержневидный (бронебойный)	железо	37	1	38
Нож бытовой в рукояти	железо, рог	1	–	1
Клинок ножа бытового	железо	26	15	41
Резец-ложкорез	железо	1	–	1
Сверло, наконечник	железо	2	–	2
Игла швейная	железо	11	70	81
Шило	железо	–	2	2
Кресало	железо	1	1	2
Крюк рыболовный большой	железо	7	–	7
Крюк рыболовный малый	железо	1	–	1
Наконечник багра	железо	7	–	7
Ядро артиллерийское	чугун	15	–	15
Пуля	железо	16	–	16
Звено кольчуги (кольчужного панциря)	железо	55	–	55
Панцирь пластинчатый, деталь (?)	железо	1	–	1
Топор	железо	4	5	9
Клин для фиксации топорища	железо	4	–	4
Тесло	железо	1	–	1
Наструг-скобель (лезвие)	железо	5	–	5
Щипцы (клещи) кузнечные	железо	1	–	1
Напильник	железо	2	–	2
Ножницы универсальные	железо	1	–	1
Заготовки и отходы кузнечного производства	железо	22	–	22
Шлаки	крица	25	–	25
Лезвие скребка тип I	железо	5	2	7
Лезвие скребка тип II	железо	4	–	4
Лезвие скребка тип III	железо	5	–	5
Котел, ушко	железо	7	–	7
Сундук, деталь, ручка	железо	1	–	1
Сундук, деталь, замок	железо	1	–	1
Сундук, деталь, ключ	железо	1	–	1
Сундук, деталь, петли (навесы)	железо	2	–	2
Сундук, деталь, полосы обивки	железо	–	22	22
Сундук, деталь, гвозди обивочные	железо	–	29	29
Кольца разделительные	железо	4	–	4
Всего по разделу III		304	152	456
IV. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ОЛОВА И СВИНЦА				
Пластина ажурная нашивная в форме арки	олово	6	–	6
Пластина полиморфная нашивная крестовидная	олово	273	–	273
Пластина полиморфная нашивная фигурно-ромбическая	олово	110	–	110
Пластина полиморфная нашивная «солярная»	олово	48	–	48
Височное кольцо	олово	1	–	3
Височное кольцо (подвеска) со щитком	олово	1	–	1
Перстень с круглым кастом под кобашен	олово	–	–	8
Перстень с восьмигранным щитком	олово	1	–	1
Перстень с шестигранным щитком	олово	–	–	1
Перстень с четырехгранным (квадратным) щитком	олово	1	–	1
Бисер[1]	олово	~3500	–	~3500
Бусина-пуговица сферическая малая подтип I	олово	22	–	22
Бусина-пуговица сферическая средняя подтип II	олово	15	–	15
Бусина-пуговица сферическая большая подтип III	олово	3	–	3
Бусина-пуговица эллипсоидная шишковидная	олово	92	30	122

Бусина-пуговица эллипсоидная ореховидная	олово	9	-	9
Бусина-пуговица эллипсоидная грушевидная (бутоновидная)	олово	17	10	27
Подвеска в форме лапки водоплавающей птицы «лапчатая»	олово	10	2	12
Подвеска орнитоморфная, в форме геральдического изображения птицы (?)	олово	20	2	22
Подвеска круглая	олово	3	–	3
Пуля пищальная	свинец	211	–	211
Всего по разделу IV		843	55	898
V. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ				
Наконечник стрелы стержневидный	кость	30	14	44
Наконечник стрелы ромбический	кость	5	3	8
Наконечник стрелы эллипсовидный	кость	5	4	9
Недоуздок, деталь, пластина	рог	7	–	7
Недоуздок, деталь, нащечная пластина	рог	9	–	9
Недоуздок, деталь, налобная пластина	рог	1	2	3
Блок крепления нарты	рог	4	–	4
Навершие шаманского жезла (посоха)	кость	1	–	1
Всего по разделу V		62	23	85
VI. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДЕРЕВА				
Ложка большая (котловая)	береза	1	1	2
Всего по разделу VI		1	1	2
VII. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОЖИ И ТКАНИ				
Сумка (кошель) женская	Кожа	1	2	3
Всего по разделу VII		1	2	3
VIII. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КЕРАМИКИ СТЕКЛА И КАМНЯ				
Сосуд керамический (черномореный)	керамика	–	5	5
Сосуд керамический (орнаментированный)	керамика	–	28	28
Бусина-подвеска – деталь сережки(?)	хрусталь (?)	1	4	5
Бусина-подвеска – деталь сережки(?)	стекло	–	1	1
Бусины-подвески – детали сережек (?)	стекло	2	–	2
Бисер	стекло	160	–	160
Точильный брусок	камень	64	–	64
Кремень ружейный	камень	1	–	1
Форма литейная для пуль («пулелейка»)	керамика	2	–	2
Грузило калыданной сети (ловушки)	камень	1	–	1
Всего по разделу VIII		231	37	268
ИТОГО		2780	410	3190[2]

[1] Точное количество не установлено. Общий вес составляет около 700 гр. При весе бисерины в 0,15–0,25 г общее количество изделий может составлять от 2,8 до 4,6 тыс., то есть около 3,5 тыс.

[2] Итоговое количество предметов дано без учета числа оловянного бисера, поскольку его количество является приблизительным и составляет около 3,5 тыс. экземпляров.

2.4. ОСАДА И ОБОРОНА ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ

В работах предшествующих исследователей воссозданию и анализу реальных событий в истории данного городка посвящено несколько сюжетов [*Миллер, 2000.* С. 43, 664; *Бахрушин, 1955.* С. 141–142; *Семенова, 1990.* С. 3–4; *2005.* С. 74–79, *Вершинин, 2002.* С. 98–110]. Безусловно, мы также не можем оставить без внимания эту тему. Хотя бы потому, что сейчас в нашем распоряжении имеется целый комплекс разнообразных источников: документальных, фольклорных и, естественно, археологических (прил. 1–3). Ранее они в таком объеме и составе не были доступны и, соответственно, не могли быть проанализированы другими авторами.

Свое видение мы представляем в разделе, посвященном поселенческому комплексу. Дело в том, что процесс осады и обороны городка тесно связан не только с известными историческими событиями, но и с архитектурой исследованного и реконструированного нами оборонительно-жилого комплекса. Тем более что археологические данные позволяют оценить и эффективность самих оборонительных сооружений. Кроме того, архитектуру важно рассматривать вместе с другими источниками, поскольку, как отмечалось выше, степень сохранности деревоземляных сооружений оставляет желать лучшего. В том смысле, что она информативна только относительно и предполагает ряд интерпретаций, каждая из которых, к сожалению, является недостаточно правдивой и обоснованной. На наш взгляд, только верификация предложенной гипотезы с помощью разных видов источников позволит проверить и обосновать наши выводы. В связи с этим данное исследование мы строим по принципу автономного представления и анализа источников и лишь впоследствии представим некую единую реконструкцию событий.

Основной задачей данного раздела нам представляется воссоздание архитектуры оборонительно-жилого комплекса городка *Монкысь урий* в контексте событий последнего периода его существования.

Решать эту задачу и проверять степень достоверности наших решений предполагается первоначально путем реконструкции исторического контекста событий, опираясь на документальные источники, затем сопоставления полученной информации с фольклорным материалом и, наконец, с археологическими данными.

В итоге этим разделом мы завершим данную главу, рассмотрим последний этап в истории городка *Монкысь урий* и поставим некую точку на функционировании данного объекта как населенного пункта.

Начнем наш анализ с рассмотрения общего исторического контекста по данным письменных источников.

2.4.1. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОСАДЕ И ШТУРМЕ ГОРОДКА

Общие замечания. В нашем распоряжении имеется, как минимум, восемь документов, связанных с историей городка *Монкысь урий* и его жителями. Эти источники хорошо известны историкам и неоднократно анализировались ими.

Из интересующих нас исследований наиболее полный и глубокий анализ данного комплекса документов – с привлечением других косвенных источников – выполнен екатеринбургским историком Е. В. Вершининым. Эта работа была проведена им в 2001 году в рамках нашей совместной программы по комплексному изучению истории населения бассейна реки Большой Балык. Данное комплексное исследование было организовано и выполнено научно-исследовательским коллективом Центра историко-культурного наследия (г. Нефтеюганск) под общим руководством О. В. Кардаша [*Кардаш, Вершинин, А–2001*]. Результаты этого изыскания были опубликованы. На сегодняшний день их можно охарактеризовать как наиболее объективную научную реконструкцию событий начала XVII века, связанных исторической личностью Тонема (Тонья), которую можно было выполнить на основании документальных данных [*Вершинин, 2002.* С. 98–110]. Мы не сможем добавить к этим материалам что-то радикально новое, так как других документов по истории Сургутского уезда конца XVI – первой четверти XVII века за последнее время не обнаружено. Более того, в ближайшей перспективе вряд ли можно их ожидать, поскольку, как известно, «*в 1626 году мая в 3 день учинился на Москве пожар, и город и в Кремле-городе и в приказе Казанскова дворца всякие дела погорели*». В связи с этим осенью 1626 года в сургутской приказной избе производилось копирование документов, из которых в итоге была составлена сургутская копийная книга 1 [РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 59–61]. Это практически единственный свод источников, который содержит несколько десятков документов по истории Сургутского уезда за период с 1594 по 1625 год.

Е. В. Вершинин тщательным образом просмотрел, выписал и проанализировал значительную часть необходимых нам источников столбца 8 (186 листов), который полностью состоит из «сургутских» документов,

скопированных в 1626–1627 годы. Им были изучены все самые ранние письменные материалы, в которых могли бы содержаться сведения о «князе» Бардаке, его сыне Тонеме и событиях, происходивших в Сургутском уезде в означенный выше период. Вероятность выявления новых документов существует, но крайне мала. Мы сочли разумным не пересказывать данную работу, а полностью изложить ее в виде отдельного приложения к нашей монографии (прил. 3.1). Работа Е. В. Вершинина – это самостоятельное, законченное, относительно объемное исследование, содержащее много информации и размышлений. Каждый, кому интересны детали, имеет возможность обратиться к ней. В этом разделе мы считаем уместным осветить только исторический контекст, в котором в последние годы существовал городок *Монкысь урий*, а также привести основные заключения, которые обосновал наш друг и коллега, снабдив их некоторыми собственными дополнениями и уточнениями, которые были упущены. Это позволит уделить больше внимания анализу новых источников, ранее не вводившихся в научный оборот.

Подчеркнем, что приведенные ниже факты во многом заимствованы из работы Е. В. Вершинина.

Изложение исторических событий и их анализ. В 1585 году московским отрядом во главе с воеводой И. А. Мансуровым на правом берегу Оби, в районе устья Иртыша, был основан Обской (Мансуровский) городок, который существовал до 1594 года, выполняя функцию опорного пункта продвижения Московского царства в районы среднего течения реки Оби. Известно, что около 1592 года состоялся значительный по масштабам поход русского войска, в котором предположительно участвовали казаки гарнизонов Тобольска, Березова, Обского городка и служилые остяки Коды. Маршрут военной экспедиции прошел от района Мансуровского городка вверх по Оби до устьев рек Тыма и Кети. После этого в Среднем Приобье было начато строительство военно-административных пунктов Московского царства. Одним из первых здесь летом 1594 года был заложен город Сургут.

У историков давно утвердилось мнение, что Сургут был основан на территории военно-политического объединения аборигенных общин, известного в литературе под названием «*Бардаково княжество*». Тем не менее до сих пор остается нерешенным вопрос о его локализации, границах и этнической принадлежности его населения. Достоверно известно, что в условиях формирования русской административно-территориальной системы это «княжество» или его основная часть стали отдельной волостью Сургутского уезда. По косвенным данным, содержащимся в источниках, предполагается, что «Бардаково княжество» следует локализовать в западной части среднего течения Оби: в бассейнах самой Оби, Юганской Оби, Агана, Тромъегана, Моховой, Черной, Минчимкиной, Быстрого Кульегана, Большого и Малого Югана, Большого и Малого Балыка, возможно, Пима и других рек. Относительно достоверно «княжество» охватывало нижние течения больших притоков сургутского течения Оби с центром в окрестностях города Сургута.

С конца XVI века «вождество» возглавлял местный «князь» Бардак[1]. Когда он принял русское подданство – в 1594 году, после основания города Сургута, или ранее, во время похода русской рати 1592 года, – не известно. Впервые имя «князя» Бардака появляется в 1596 году в царской грамоте, адресованной сургутскому воеводе (прил. 1.1). Из грамоты ясно, что Бардак был лоялен московской власти и имел противоречия с ханом Кучумом, поскольку сообщил воеводе О. Т. Плещееву о готовившемся совместном нападении отрядов главы Сибирского ханства Кучума и вождя «Пегой Орды», нарымского «князя» Вони на Сургут. В том же году и по тому же поводу в документах появляется и «*Бордоков сын Тонем*». Из этого следует несколько выводов, важных для нашего исследования. Во-первых, это первое документальное упоминание о данном человеке и его имени – Тонем. Далее возраст сына и его отца определяются, соответственно: около 20 и 40 лет.

На основании полученной от «князя» Бардака и его сына Тонемы информации в Москве было решено организовать поход в Нарымское Приобье, который состоялся в 1597–1598 годах. В данной военной операции, помимо русских служилых людей, участвовал отряд остяков Сургутского уезда, в том числе и «*Бордаковых людей*» (прил. 1.1). Следующий важный момент, на который мы обращаем особое внимание, – это *совместный* военный поход служилых казаков и «*Бордаковых людей*». Сложно представить, чтобы спустя всего три года после основания Сургута и покорения чуждого и незнакомого аборигенного населения можно было создать

[1] *Бардак* – имя, вызывающее ассоциацию тюркского происхождения. Перевод слова с турецкого языка – «стакан, небольшой сосуд». Тем не менее слово «*Бардак*» следует трактовать как тюркизированную транскрипцию аборигенного имени. Отметим повсеместность тюркизации бытовой и делопроизводственной лексики XVI–XVII веков, особенно на Севере Сибири, воспринимавшейся как «Восточная Тартария». Один из примеров – название реки Большой Балык, зафиксированное в документах XVII века. Оно происходит от местного названия *Полэк*, перевод которого сейчас затруднен, но сохранился в имени божества-покровительницы территории – «*Полык нэ*». Прототип имени *Бардак* следует искать в финно-угорских или самодийских языках.

такое объединенное войско. Для подобной военной консолидации у местного населения явно должны были быть соответствующие навыки ведения боя с жителями тундры и хорошее вооружение, а у русских – опыт тактического использования отрядов аборигенов. Из этого можно сделать вывод, что, как минимум, военная элита Бардакова княжества имела некую относительную близость с русскими в сфере военной культуры, а языковые различия не создавали больших проблем в ходе проведения этой операции.

В том же 1597 году Москвой было принято решение об организации следующего совместного похода сургутских казаков и людей «князя» Бардака на север от Сургутского Приобья – в бассейн реки Пура – для приведения *«под государеву под царскую руку»* кунных и асицких самоедов. Данный поход, по-видимому, долго готовился и состоялся только в 1601 году. Отряд состоял из сургутских казаков, возглавляемых атаманом Б. С. Зубакиным, и остяков под руководством другого сына Бардака – «князя» Кинемы (прил. 1.3). Исходя из царского наказа, самому Бардаку было запрещено возглавлять поход и предписано: *«…у себя в городе да с ним сыну его лучшему да брату Бардакову в те поры быти в городе ж [Сургуте]»* (прил. 1.2). Это свидетельство недоверия «князю» Бардаку и его родственникам, что также является оценкой потенциальной угрозы, определяемой уровнем военной подготовки и вооружения. Упоминание одного из сыновей Бардака под именем Кинема указывает на наличие у «князя» второго или третьего сына. Впрочем, не исключено, что это только второе имя ранее упомянутого Тонемы либо часть его более длинного имени, которое за определенные подвиги присваивалось выдающимся воинам. Такой обычай хорошо известен по фольклорным данным остяков.

Есть все основания полагать, что «княжество Бардака» на начальном этапе его вхождения в подданство московской власти находилось на особом положении. Бардак владел свой «вотчиной» и, по-видимому, считался «служилым князем». С людей, подвластных ему, взимались так называемые *«поминки»* – официальные подати, которые были меньше окладного ясака. Из истории формирования системы управления Московского царства на севере Западной Сибири мы знаем, что редкие аборигенные вожди сохраняли такое положение длительное время.

Период 1603–1615 годов известен в российской истории как эпоха смуты, гражданской война и интервенция. Это не могло не отразиться на снижении темпов государственного продвижения на восток и ослаблении контроля над воеводским управлением в Сибири. Новый аппарат управления Михаила Романова, взошедшего на престол в 1613 году, находилось в тяжелом финансовом положении. В таких условиях воеводы Сургутского уезда вполне могли пойти на ликвидацию привилегий наследников «князя» Бардака, а также родственников и элиты бывшего аборигенного «княжества». Учитывая это, представляется логичным, что ликвидация служилого статуса наследников «князя» Бардака и уравнивание их положения с остальным ясачным населением могли стать причиной организации военных действий, принявших форму военных нападений и грабежей как русских служилых людей, промышленников и торговцев, так и аборигенного податного населения края.

Первая боевая операция наследников Бардака состоялась в конце лета – начале осени 1616 года, когда *«Бардаковы волости Кинема с товарищи 30 человек государю изменили и приходили на обских остяков тое ж Бардаковы волости на аганских и на аслыпских и на юганских ясашных остяков, хотели их воевати»* (прил. 1.4). Нападение «князя» на население своей же волости, еще недавно подвластное ему, неслучайно по разным причинам. Очевидно, что рядовым остякам Бардаковой волости прямое подчинение сургутским властям было выгодно, поскольку экономически означало только уплату ясака в государственную казну и исключало затраты на содержание своего «князя». Неслучаен и период нападения. В данный сезон местное население самых удаленных территорий волости должно было находиться на рыбном промысле (сезонная ловля муксуна) – по берегам Оби и основных ее проток. Это наиболее удобное время для общения с подавляющим большинством жителей прежнего «княжества» – нынешней Сургутской волости.

Параллельно с рейдом на остяков отряд Кинемы напал на русских торговцев и промысловиков, и *«…побили торговых людей дощаник Третьяка Огородника с братьею и с товарищи девяти человек да промышленных людей 6 каюков»* (рис. 2.4.9). После этого нападения *«…на 3-й день побили сургутских служивых людей Ивана Кайдалова, Василья Хохла да Ивана Зубатого дву человек; и всех побили 30 человек и, животы их пограбя, побежали»* (Там же). Следует заметить, что это было достаточно смелым и значительным заявлением о себе отряда «князя» Кинемы Бардакова. Получив известие об этих событиях, сургутские воеводы направили для пресечения «воровских» действий отряд казаков и остяков численностью 50 человек под руководством «боевого товарища» Кинемы атамана Богдана Зубакина. Мятежников они «не догнали», поскольку те «побежали безвестно», то есть скрылись, не стремясь к открытому вооруженному столкновению. Опрошенные во

время поисков остяки, спасшиеся при нападении отряда Тоньи – Кинемы, сообщили, что велено было *«…им, украдом, на Оби, и в лесу русских людей побитии, и в волости смутой посылати»*. Иными словами: начать и распространить антирусское восстание по всему уезду.

Судя по косвенным данным и некоторым источникам, «воровские» операции отряда Кинемы в Сургутском Приобье продолжались и стали широко известны, о чем служилые люди сообщают в своих челобитных: *«Остяки торговых людей не пропущают в Томской город, грабят и побивают»* [*Миллер, 1999. С.* 289, 439]. Между тем конкретные военные действия и разбои Тонемы после осени 1616 года вплоть до 1618 года нам не известны.

Летом 1618 года, также в западных районах среднего течения Оби (Сургутский уезд), Кинема Бардаков напал на небольшой (6–8 человек) отряд томских казаков, следовавших с денежным довольствием для гарнизона в Томск (рис. 2.4.10). Казаки были убиты и захвачено 400 рублей серебряной монетой (не менее 40 000 копеек). Сургутский воевода, в юрисдикции которого было место, где произошло это событие, и находился мятежный «князь», предпринял решительные действия. Операция длилась почти полгода и завершилась в начале зимы (конец ноября – начало декабря), о чем в январе 1620 года было сообщено в Москву[2]. Она состояла из двух этапов: летнего, начавшегося 15 июня 1619 года, когда из Сургута был отправлен отряд казаков во главе с русским подьячим Иваном Афанасьевым и местным «новокрещеным» толмачом Иваном Парабельским. Поиски явно осуществлялись на реке Оби и ее протоках, в границах Сургутского уезда. В результате летних поисков самого Кинему найти не удалось. Тем не менее осенью того же года (рис. 2.4.11) *«жен их и детей от города в верстах в 20 и 30 по юртам их в полон поимали и повезли в Сургут»* (прил. 1.5). Как ни странно, но это не стало поводом для раскаяния и сотрудничества с московскими властями Сургута. По-видимому, эти пленные не были членами или ближайшими родственниками «княжеской» семьи Кинемы Бардакова. Поскольку летние поиски закончились почти безрезультатно для пресечения действий отряда Кинемы Бардакова, в конце осени (ноябрь) была предпринята сухопутная военная операция. В результате *«изменников Суету с товарыщи побили и Кинемина сына болшово и жену в полон взяли, и нашу денежную казну 400 рублев, которую погром[или у том]ских служилых людей во 12 [6 – 1618] году, сыскали и привезли в Сургут»* (прил. 1.6). Именно в этих событиях вместе с Кинемой появляется его брат, вероятно, младший, – Суета Бардаков. Он был убит, а жена и старший сын Кинемы попали в плен, и были увезены в Сургут.

О дальнейшей судьбе самого Кинемы Бардакова документальные данные отсутствуют. Очевидно, что зимой 1619–1620 годов ему удалось избежать и гибели, и плена. Вместе с тем, поскольку сведений о новых нападениях на остяков и русских промышленников и торговцев нет, возможно, что потерявший своих сподвижников «князь» был убит своими же остяками не позднее 1627 года. Еще в марте 1626 года в Сургуте находились *«тюремные сидельцы остяки, которые сидят в твоем государеве изменном деле»* (прил. 1.8). Очевидно, это были родственники и сторонники Кинемы, захваченные в 1619 году и явно удерживаемые в качестве аманатов. Вместе с тем в ясачной книге Бардаковой волости Сургутского уезда за 1626–1627 годы в числе *«лучших людей»* впервые начал фигурировать Сана Тангиреев [РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 283 об., 314], предположительно сын «князя» Танги – Тонемы – Кинемы. На этом история мятежа 1616–1619 годов потомков «князя» Бардака – Тонемы – Кинемы и его брата Суеты – завершилась. Впоследствии, на протяжении всего XVII века, каких-либо «воровских» действий остяцким населением Сургутского уезда не предпринималось.

Документальные источники не содержат прямых сведений об осаде и штурме городка *Монкысь урий*. Лишь по косвенным данным мы можем предположить, что вплоть до поздней осени 1619 года небольшая флотилия сургутских казаков на каюках искала по протокам среднего течения Оби отряд Кинемы Бардакова. Причем так же безуспешно, как и осенью 1616 года. После безрезультатных летних поисков – на время осенней распутицы и ледостава – военно-поисковая экспедиция была временно прекращена, примерно на месяц. Это было сделано для того, чтобы мятежники прибыли к месту своего зимнего проживания, где предполагалось их долговременное нахождение. Только там, после замерзания рек и установления зимних путей, появилась реальная возможность настигнуть бунтовщиков, застать их врасплох и захватить. Таким местом являлся городок *Монкысь урий*, сведения о котором, вероятнее всего, мог собрать летом у остяков толмач Иван Парабельский. В итоге этих действий в ноябре – декабре 1619 года отряд сургутских казаков и лояльных русской администрации остяков

[2] Отметим, что данное обстоятельство уточняет дату военной операции. Дело в том, что челобитную отправили явно сразу после успешной поимки государственных изменников, поскольку ее сопровождало прошение о вознаграждении участников подавления бунта.

осадил городок «князей» Тонемы и Суеты Бардаковых. При штурме погиб Суета и часть сторонников мятежа. Другая часть восставших, а также жена и дети Кинемы, были взяты в плен. Денежное жалование казаков Томского гарнизона было найдено и возвращено в казну. Наиболее важный для нас факт – это зимние условия проведения и завершения боевой военной операции.

На этом мы приостановим анализ документальных источников, поскольку в нашем распоряжении имеется большой массив фольклорных данных, который ожидает самостоятельного рассмотрения и верификации с точки зрения исторической достоверности. В связи с этим итоговый анализ письменных источников и реконструкцию интересующих нас событий мы проведем позднее – после рассмотрения обоих видов источников.

2.4.2. ФОЛЬКЛОРНЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОСАДЕ И ШТУРМЕ ГОРОДКА

Общие замечания. Все исследователи, обращавшиеся к этой теме, в той или иной степени использовали фольклорные источники [*Дунин-Горкавич, 1910.* С. 29–30, *Семенова, 1990*; *2005*, *Вершинин, 2002*]. При этом наиболее значительный комплекс фольклорных материалов обработал Е. В. Вершинин. Он провел детальный анализ сведений, содержащихся в фольклорных материалах, сопоставил их с данными, выявленными в письменных источниках, в результате чего получил крайне интересные результаты (прил. 3).

Тем не менее ни один из этих авторов не обладал в свое время таким набором фольклорных источников, как мы. Сейчас обнаружено 12 практически полных и фрагментарных текстов преданий о Тонье. Общий объем их также велик (прил. 2). Далее мы проведем выборку информации из этих записей, которая важна для нашего исследования, сравним полученные данные с материалами документальных источников, с тем чтобы определить степень достоверности хантыйских преданий и реальность изложенных в них исторических событий, связанных с осадой и штурмом городка *Монкысь урий*. Затем попытаемся наиболее полно воссоздать эти события и их детали, причем уже на основе сравнительного анализа документальных и фольклорных источников.

Большая степень достоверности событий и деталей, отраженных в хантыйских сказаниях, в частности, преданиях о Тонье, уже не раз подтверждалась исследователями [*Семенова, 1990*; *2005*; *Вершинин, 2002*; *Визгалов, Кардаш, 2010*]. Из всех научных работников, обращавшихся к этой теме, наиболее высокую степень достоверности фольклорных источников о Тонье (Танге), причем наиболее убедительно и фундаментально, обосновал Е. В. Вершинин. В связи с этим напомним его основные выводы, дополнив их теми эпизодами, которые ученый по тем или иным причинам не рассмотрел в своей работе (прил. 3).

Фольклорные материалы и их обсуждение.

Особенности фольклора о Тонье (Танье, Танге). Фольклорные источники – при внимательном их рассмотрении – позволяют сделать интересные выводы. Наибольшее количество сказаний о воинственном вожде Тонье (Танье, Танге), известных ранее и бытующих по сей день, зафиксировано у коренного населения Большого и Малого Югана, в меньшей степени – у ханты Большого и Малого Пима. Мы постарались привести их все (прил. 2).

Впервые легенда об остяцком «князе» Танге была опубликована в начале XX века [*Дунин-Горкавич, 1910.* С. 29–30]. Часть преданий сказители именовали как *«monti»*[3], *но, очевидно, правильнее сказать «mon'ťa, man'ťa, man'ť'ťa»*[4], *то есть «сказка»*, или, принимая во внимание форму *«mon'ť'itta»* (*«рассказывать»*), наиболее точный перевод будет: *«рассказ»* или *«сказание»* [*Терешкин, 1981.* С. 243]. Отметим этот факт и сам термин *«рассказ»* (*«сказание»*), применяемый к фольклору о Тонье (Танге, Танье). В отличие от других определений – *«tarnen»* (*«героическая»*) и *«tarnen are»* (*«героическая песня»* или *«эпическая песня»*), применяемых для подобных произведений устного творчества. На наш взгляд, использование термина *«tarnen are»* явно подчеркивало некую давность и отчужденность событий. Напротив, перевод в словаре термина *«mon'ťa»* как

[3] В транскрипции А. И. Силина, записавшего фольклорное произведение «Монти Танья» со слов С. Ф. Покачева в 1954 году в юртах Урьевых на реке Большой Юган.

4 Звучит почти как термин *«мантра»* – необыденный текст, произнесение которого много раз считается производящим особые результаты, магические или духовные. Дословный перевод данного слова – «средство осуществления психологического акта» (освобождение) – происходит от корня *«манн»* – «мнить, полагать («ум») + орудийный суффикс *«тра»* [*Индуизм, Джайнизм…, 1996. С. 262–263*]. Если доступнее: знания, которые создаются людьми, обладающими знаниями, из уст в уста (ученикам). Возможно излишнее отступление, но о нем стоит подумать на следующей стадии осмысления региональной этнической истории.

«сказка», а в современной терминологии оно звучит как некое *«фэнтези»*, не отражает полностью данного понятия. На самом деле, по нашему мнению, термин *«mon'ťa»* подчеркивает близость и достоверность исторического события. Его надо переводить, в данном случае, как *«рассказ»* – произведение о недавних и вполне реальных событиях.

Происхождение фольклорного персонажа Тоньи – Таньи, опуская чисто мифологические нюансы, не выглядит особо нереальным. Согласно ранним фольклорным данным, «князь» Танга (Тонема) изначально «… *проживал по Большому Балыку, в третьих юртах от устья этой реки*» [*Дунин-Горкавич, 1910.* С. 29]. Судя по картографическим материалам, составленным Дуниным-Горкавичем в 1903 году, третьим населенным пунктом означенной реки были юрты Очимкины (рис. 2.4.1; 2.4.2).

В 1992 году, в процессе археологических разведок, нами были обнаружены и идентифицированы остатки данного поселения. Близ него были выявлены остатки городища XVI–XVII веков, получившего название Усть-Пытьях 5 [*Визгалов, 1993.* С. 13–18; *Кардаш, 2001б.* С. 29–33. Графическое прил. 27]. Оба объекта находятся в черте современного города Пыть-ях (рис. 2.4.2; 2.4.3). Особо примечательна близость ландшафтных условий нахождения этого городища и городка *Монкысь урий*. Оба памятника приурочены к старичным озерам. Городище Усть-Пытьях 5, как и городище Частухинский урий, находится на вершине останца коренной террасы реки (рис. 2.2.1; 2.2.4; 2.2.7; 2.4.3; 2.4.4). Сам же останец появился в древности в процессе изменения («меандрирования») основного русла реки. Вышеупомянутые юрты Очимкины основаны не ранее XVIII века, то есть высока вероятность, что в легенде речь идет именно о руинах городища близ этих юрт. В связи с тем, что время функционирования данного населенного пункта совпадает с историческими событиями, мы полагаем, что этот городок на реке Большой Балык вполне мог быть местом рождения легендарного Тоньи (Таньи, Танги).

Вместе с тем, согласно ряду позднейших легенд, Тонья родился в юртах Люкси-пууль на Юганской Оби. Такие юрты действительно существовали. Их второе название, фигурирующее на картах и в документах, – юрты Тангины (рис. 1.19–1.21), – явно созвучно с именем богатыря. Данный населенный пункт находился южнее Сургута, на левобережье Оби, между устьями рек Большой Балык и Большой Юган. Мы не считаем, что данная информация о месте рождения Тоньи противоречит приведенной выше. Дело в том, что значительная часть поздних населенных пунктов, зафиксированных по берегам Оби и в низовьях ее проток, возникла на местах летних сезонных рыболовецких поселений, которые были приурочены к «неводным» пескам и постоянным родовым местам ловли ценных пород рыб. Скорее всего, юрты Тангины были таким местом, куда на летний рыболовный промысел съезжались жители всех или многих зимних поселений Большого Балыка, а также, возможно, Большого Югана. Именно такое место могло обеспечить связь балыкских и юганских жителей и обусловить переселение Тоньи на Большой Юган, в урочище *Монкысь урий.* Таким образом, речь идет не о разных населенных пунктах, а о сезонных поселениях одной родовой общины.

Отметим еще одно обстоятельство, которое, думается, будет уместно в контексте анализа о месте рождения «князя» Тоньи. В свое время, обсуждая данные письменных источников, мы писали о летнем рыбном промысле, определяющем сезонную миграцию населения с обширных пространств среднеобского бассейна к магистральному течению Оби и ее протокам. Такая сезонная концентрация в нескольких местах, близ основного течения Оби, относительно большого количества населения, приезжавшего из разных уголков обширной территории Сургутского Приобья, вероятно, служила хорошим стимулом для этнокультурной консолидации и благоприятствовала отлаженному функционированию социально-политической системы в обществе обских угров. В частности, это способствовало этнокультурным и хозяйственным контактам местных общин, равно как осуществлению «княжеской» власти – того же Бардака – в рамках обозначенного выше этно-территориального и военно-политического объединения («Бардаково княжество»), в том числе сбору податей в пользу «князя», выбору жен и наложниц для социальной элиты общества и так далее. Таким образом, была велика вероятность выбора жены для Бардака как с реки Балык, так и с реки Юган. Известно, что *авункулат* (от лат. *avunculus* – брат матери), широко распространенный в традиционных обществах социальный институт, оформляющий особые отношения между индивидом (чаще мужского пола, реже – женского) и братом его/ее матери, характерный для всех древних обществ, бытовал и на Средней Оби [Салымский край…, 2000. С. 56–58, *Визгалов, Кардаш, 2010.* С. 60–65]. Согласно данному принципу, до совершеннолетия дети воспитывались ближайшими родственниками жены. Таким образом, молодой «князь» Тонья (Танга) вполне мог родиться и первоначально проживать на Большом Балыке, левом притоке Оби, хотя основная

ставка его отца находилась на правобережье Оби. Впоследствии Тонья – по указанию отца или волею судьбы – мог проживать в любом другом месте «княжества», в том числе на реке Большой Юган, где у него мог быть и брат. Из документов известно, что сын «князя» Бардака – Тонем – в конце XVI века проживал отдельно от отца, лишь периодически посещая Сургут (прил. 2.1). Возможно, первоначально он владел «вотчиной» на Большом Балыке и контролировал левобережные обские территории «государства» отца. Все вышеприведенное – это в основном логическое суждение, основанное на косвенных данных. Между тем вряд ли в обозримом будущем у нас или других исследователей появится больше материалов для продолжения этой дискуссии. Прежде чем продолжить анализ фольклора, обратим внимание на само имя былинного героя: *Танга – Танги – Тонья – Тонем – Тонема – Кинема*.

Этимология и происхождение имени (или имен) персонажа. Наличие у главного персонажа – воина (вождя) – нескольких имен, их смена в течение жизни, формирование длинного имени, состоящего из нескольких слов, как уже говорилось, является нормой для хантыйского фольклора [*Патканов, 2003.* С. 67; *Визгалов, Кардаш, 2010.* С. 62–63].

Е. В. Вершинин в своей работе попытался обосновать селькупское или самодийское происхождение имени Тонья (прил. 3.1). Правилен такой подход или нет, попытаемся оценить, рассмотрев некоторые этнографические факты. Крайне сложно судить о переводе какого-либо иностранного слова, в том числе взятого из языков коренного населения Западной Сибири, исходя только из транскрипций, приведенных в письменных источниках. При большом количестве сибирских языков и их диалектов существует много вариантов перевода на русский язык близких по звучанию слов. Тем не менее попытаемся это сделать, поскольку заметили, что попытки найти в словаре сходные слова не всегда венчаются успехом, но иногда бывают и точные совпадения. Мы не считаем себя экспертами в области лингвистики и не претендуем, как неоднократно говорилось, на истину в последней инстанции, но в рамках мультидисциплинарного подхода попытаемся рассмотреть этимологию имен.

Итак, фольклорный герой *Танга (Тонья)* носит имя, которое не имеет прямого или точного перевода. Тогда как *Тонем* – имя, фигурирующее в документальных источниках, на наш взгляд, является производным от восточно-хантыйской глагольной формы – «*tonemta*» (дословно: «*знать, узнать, понимать*»), которое можно перевести как «*понятливый*», «*знающий*», «*знаток*» или просто – «*умный*» [*Терешкин, 1981.* С. 476]. Вполне подобающее статусу имя-прозвище. Как ни странно, но точного перевода или близких форм имени *Тонья* не обнаружено.

Что касается второго имени героя (или, возможно, имени его брата), созвучного первому, – *Кинем*. Мы склонны интерпретировать его происхождение от хантыйского слова «*kinen*» – «*крепкий*» [*Там же.* С. 162]. Тоже звучит подобающе для воина.

Таким образом, теория селькупского происхождения имени Тонем – Кинем (Тонья, Танга и других вариантов), скорее всего, ошибочна либо неоднозначна. Впрочем, это не значит, что такое слово не могло быть заимствовано из селькупской лексики. Впрочем, в той же степени нельзя утверждать и обратное. В итоге мы можем констатировать, что имена Тонем и Кинем могли иметь финно-угорскую языковую основу.

Имя еще одного «княжича», сына Бардака, – *Суета.* С хантыйского языка это слово перевести не удалось. Оно даже больше созвучно известному русскому существительному.

Хронология фольклорного произведения – важный фактор, определяющий степень достоверности излагаемых в нем событий. Косвенными данными, позволяющими сузить хронологические рамки того или иного сказания для данной территории, могут быть только сведения, связанные с периодами Сибирского ханства и административного закрепления областей таежного Приобья Московским государством. В свою очередь, каждый из этих временных отрезков имеет свою периодизацию.

Для примера приведем одно сказание, в котором говорится, что «*…в это время юганские остяки платили уже дань русскому царю*» (прил. 2.1). Из этого отрывка следует, что данное событие прошло вскоре после того, как местные остяки прекратили платить дань одному иноземному царю (очевидно, здесь подразумевается Кучум, глава соседнего Сибирского ханства) и вынуждены платить ее другому, но уже русскому монарху. Наличие таких косвенных указаний позволяет датировать означенные события концом XVI – началом XVII веков.

Социальный статус главного героя сказания. Практически все сказания подчеркивают высокий социальный статус Тоньи (Танги). Наличие в источниках аналогичного по звучанию имени, принадлежавшего сыну «князя» Бардака, не оставляет сомнения в принадлежности персонажа к правящей элите этого княжества.

Противоборствующими сторонами в этих хантыйских рассказах выступают, с одной стороны, остяки (в первую очередь, население бассейна реки Большой Юган), с другой стороны, в разных вариантах сказаний – татары или русские казаки. Причем среди последних фигурируют только те или другие: параллельного существования татар и русских хантыйские предания не допускают. По этому поводу отметим, что данная ситуация, очевидно, является отражением реалий второй половины XVI века, когда отряды Сибирского ханства, именуемые в легендах «татары», совершали военные операции на территории среднего течения реки Оби – от устья Иртыша до Васюгана. Об этом повествуют как русские летописи, так и фольклорные сказания ханты [Северная книга…, 1993. С. 261–272; *Ивасько, Кардаш, Суровень, 2000.* С. 61–62; *Визгалов, Кардаш, 2010.* С. 71–72]. Вполне вероятно, что следствием таких походов стало негативное отношение элиты «Бардакова княжества» к хану Кучуму. Оно, в частности, проявилось в предупреждении хантыйским «князем» Бардаком воеводы О. Т. Плещеева о готовившемся совместном нападении на русских в 1596 году отряда Кучума и нарымского «князя» Вони на Сургут (прил. 1.1). Иными словами, здесь мы фиксируем явное следствие длительного военного противостояния остяков, аборигенов таежного Приобья, «иноземцам», проникавшим на их территорию с юга и севера. То есть потомкам татаро-монгольских орд из степей Евразии и кочевникам-самоедам тундры Западной Сибири и Европейского Северо-Востока. Это, очевидно, неким пластом влилось в хантыйский фольклор и в ряде вариантов – по воле сказителей – сформировало противоборствующую сторону.

С другой стороны, вышеупомянутый *русский* документальный источник содержит крайне интересную информацию о процессе формирования сургутского гарнизона в преддверии военной операции против мятежных юганских остяков. «*И всего из Тобольского,* – пишется в нем, – *велено послати з детьми боярскими с Романом Нееловым да з Быкасом Максимовым или с Фуником казаков и* ***юртовских тотар*** *150 человек. …И всего з Березова велено послати з детьми боярскими и атаманы донских и волских казаков со князем Игичеем или с его братьею* ***тотар*** *людей его 150 человек, …ис Тобольского велено на помочь ратных людей посылати в те городы. И которые наши ратные люди казаки и* ***тотаровя*** *з детьми боярскими из Тобольского или з Березова к вам в Сургут наперед приедут, и вы бы тем людем велели дожидатися в Сургуте*» [*выделено нами – О. К., Г. В.*] (прил. 1.1). Таким образом, ратные «тотаровя», как национальные подразделения сургутского гарнизона, наряду с ратными русскими казаками, стрельцами и «литвой» были его составной частью, как минимум, на период рубежа XVI–XVII веков. Из этого следует, что такие сборные военные подразделения выполняли разные задания. В том числе им поручалось собирать государственный ясак и участвовать в подавлении восстаний аборигенного населения (вероятно, и Тонемы – Кинемы).

В конечном итоге, эту информацию в интересующем нас хантыйском сказании можно считать достоверной как в плане состава военных отрядов сургутского гарнизона, так и при описании предшествующего конфликта или противостояния.

Причины конфликта, описанного в данном сказании, – отказ платить ясачную подать – подробно проанализированы Е. В. Вершининым. Ученый доказал и подтвердил документами соответствие этого факта реалиям начала XVII века. В том числе, опираясь на сведения о переводе Бардаковой волости, возглавляемой сыновьями «князя» Бардака, и их самих на обычное ясачное положение (прил. 3).

Городок Монкысь урий с точки зрения архитектуры военной резиденции. Как неоднократно упоминалось выше, последняя резиденция Тоньи – его «городок» – находилась на Большом Югане, близ современного поселка Угут (юрты Угут). Именно там произошла битва Тоньи с посланными из Сургута казаками и/или ратными татарами. Кроме того, в сказаниях юганских ханты имеется ряд описаний архитектуры того же населенного пункта, что крайне важно для нас при реконструкции и воссоздании его облика.

Напомним, что собранные нами хантыйские сказания являются разновременными по датам записи, отличаются разной степенью полноты и объективности. В последнем случае мы имеем в виду не только особенности передачи современными жителями Югана древних легенд, рассказанных им предками, но и степень эмоционального «литературного» воздействия автора записи (публикации) на изначальный фольклорный источник. Вместе с тем мы считаем все эти легенды только разными вариантами одного и того же сказания. Точнее, рассказа о конкретном историческом событии, имевшем место на Большом Югане в начале XVII века. В связи с этим рассматривать все варианты мы будем вместе, детализируя их в зависимости от задач нашего исследования.

Данные о локализации, форме и планировке городка. В хантыйском сказании имеются определенные указания на местонахождение и ландшафтные особенности городка, сведения о его форме, а также о причинах его

основания именно на этой территории. В нескольких вариантах сказания содержится интересная информация о внешнем виде городка и особенностях его размещения.

В кратком варианте она такова: «*Тонья на урье построил город, на Мункул-уры, возле Угута, там рядом высокий бугор есть…* » (прил. 2.3).

Наиболее информативная часть сказания в версии В. И. Силина, несмотря на литературную обработку, содержит специфические детали, раскрывающие стратегические причины размещения городка, которые сложно придумать: «*…Сопка*[5] *… стояла …, перегораживая … ягунскую пойму*[6]*. С одной стороны, …, сопку срезали воды Ягуна*[7]*, образовав отвесный высокий яр …, с другой … болото, … не замерзающее зимой. …построили такую оборону, при которой враг … атаковать должен в лоб. Обходы справа и слева исключались. …на стороне, где река Ягун подступала к высокому яру, … приготовили много майн (больших прорубей), закидали их снегом, чтобы не торопились замерзать. Это на случай, если попытаются враги обойти сопку с левой стороны. …На самой сопке … посты наблюдения...*» (прил. 2.2).

Термины «*холм*» и «*сопка*», помимо некоего «обиходного», имеют конкретное геоморфологическое значение. Считаем, что наиболее приемлемы для описания внешнего облика городка *Монкысь урий* термины – «бугор» или «холм», то есть небольшая возвышенность округлой или овальной формы с относительно пологими склонами. Стратегически городок-крепость имел вид полусферической доминанты, возвышавшейся над уровнем поймы на 10–12 метров. Данная небольшая возвышенность могла обеспечивать жителям обзор ближайших подступов к городку и в то же время была не видна из-за леса. Строения поселка не возвышались над кронами деревьев. Что же и каким образом можно было контролировать в пойме Большого Югана, заросшей густой темнохвойной растительностью. Очевидно, речь идет не собственно о пойме Большого Югана, а о водных и сухопутных путях, проходивших по ней ранее, равно как и сейчас. При этом, несмотря на наличие в округе больших массивов светлых и сильно разреженных сосновых боров в глубине коренных террас реки. В последнем случае мы фиксируем практически полное отсутствие здесь летних и зимних путей. По-видимому, в позднем средневековье и начале нового времени данная водная артерия служила важнейшим транспортным ориентиром. Контролировать продвижение по ней, оставаясь незамеченным, было возможно только при наличии сети просек и системы наблюдательных мест с вершины поселка.

Кроме того, в хантыйских легендах имеются упоминания о планировочной структуре городка. Во-первых, указания на наличие оборонительно-жилого комплекса на холме, а близ него – неукрепленного селения.

– Первая версия: «*…Князь Танга со своей дружиной спрятался в другое свое жилище, стоявшее на сопке*» (прил. 2.1).

– Вторая версия: «*…Танья и его товарищи построили временные хижины, в которых разместили свои семьи и часть … мужчин*» (прил. 2.2).

Вблизи городка такого временного неукрепленного поселка нам найти не удалось: возможно, по причине скрытости оно находилось в глубине тайги и ничем не примечательном месте.

Во-вторых, в сказаниях также сообщается, что ремесленные и производственные помещения размещались за пределами оборонительно-жилого комплекса.

– «*Железа [наконечников стрел] не стало. Делали их в стороне, а это место захватили…*» (прил. 2.4).

– «*…Он [Тонья – О. К., Г. В.] заперся в городке и стрелял из лука. …Казаки захватили кузницу Тоньи, и подвоз стрел прекратился*» (прил. 2.6).

«*У Тоньи избушка есть, там стрелы, лук для него делают и все такое*» (прил. 2.9). Указание на наличие кузницы у стен городка подтвердили археологические раскопки (Глава 2, раздел 2.2.5).

Дополнительные сведения о самом оборонительно-жилом комплексе и деталях его архитектуры можно почерпнуть из следующих записей.

– «*Тонья в стене дыру сделал, чтобы стрелять. ...Как казак стреляет, Тонья топором дыру закроет, казачьи стрелы обратно улетают*» (прил. 2.3).

– «*Они построили дом без окон, в крыше была дыра, а в стенах были отверстия для стрельбы. ...После выстрелов отверстия в стенах закрывали топорами*» (прил. 2.4).

– «*Около Угута укрепил свой городок. Построил из бревен избушку с бойницами – как крепость*» (прил. 2.10).

[5] Имеется в виду место, на котором размещался городок *Монкысь урий*, имевший вид сопки или холма.
[6] Пойма реки Большой Юган.
[7] Река Большой Юган.

– «*Сообщил им кто-то, что Танья в своем городке у Мукут-урий… Стрелял он из окна в доме*» (прил. 2.11).

Проанализируем, что из этого следует.

Как видно из приведенных выше отрывков, практически во всех вариантах сказаний городок представляется в виде единого сооружения – одного дома, а не группы изолированных строений, окруженных единой оборонительной стеной. Формируется представление о крепости Тоньи, как просторном строении с большими помещениями или помещением, из которого можно вести оборону – стрелять из лука, хранить запасы пищи. Из этнографических параллелей первое, что приходит на ум, – это хорошо известные по якутским материалам юрты-балаганы – каркасные сооружения из бревен с большим внутренним пространством [Историко-этнографический атлас Сибири…, 1961. С. 146–147, 210. Табл. XIII – *1–5*; *Ополовников, Ополовникова, 1998.* С. 300–301].

Важная черта – отсутствие окон. Наличие окон – недавнее явление в архитектуре коренного населения севера Западной Сибири, фиксирующееся не ранее XVIII века. Причем только после освоения ханты русских домостроительных традиций, а именно: приемов возведения срубных наземных домов. Представляется, что данным описанием рассказчик хотел подчеркнуть отличие архитектуры оборонительно-жилого комплекса городка от современных хантыйских срубных домов. С другой стороны, указание на наличие «отверстий» – бойниц – для стрельбы из лука в некоторой степени определяет особенность архитектуры наружной стены. А именно: конструкцию из вертикальных бревен или плах, поскольку в стене с горизонтальным набором бревен довольно сложно соорудить вертикальную бойницу, пригодную для стрельбы из лука, а не для огнестрельного оружия. Наличие вертикальной бойницы обусловлено необходимостью лучшего обзора, прицеливания и обстрела пространства от жилища до подножия холма и заболоченной поймы. Горизонтальная бойница, на наш взгляд, не может обеспечить такой обзор и эффективную оборону бревенчатого дома-«крепости». Характерно, что традиционные жилища ханты, такие как «*кот мых*», а также дома многих народов Севера Сибири, в том числе якутские юрты-балаганы, имеют стеновую конструкцию из вертикально установленных бревен или плах. Мы ранее отмечали, что это наиболее древняя домостроительная традиция, фиксируемая на севере Западной Сибири [*Кардаш, 2013а.* С. 114–115]. Также отметим, что, как минимум, верхняя и средняя части стен оборонительно-жилого комплекса городка могла быть открытой.

Также определяющим является указание на то, что в крыше строения имеется «дыра». Безусловно, речь идет о светодымовом отверстии и «кровельном входе» внутрь территории городка и в его помещения. Бытование таких входов, по крайней мере, в XVIII веке, у аборигенного населения Северной Евразии, в том числе у обских остяков, зафиксировано в этнографических описаниях [*Крашенинников, 1755.* С. 25; *Зуев, 1999.* С. 147]. Кроме того, в восточно-хантыйских диалектах сохранился специальный термин «*kon*» – потолочное отверстие в старинном жилье, служившее лазом для людей и дымоходом открытого очага. Позднее этот термин стал употребляться для обозначения дымохода камина-чувала [*Терешкин, 1981.* С. 171]. Более полный вариант – «*хот хонын выс*» (или «*кот коннын выс*»), дословный перевод которого – «*спускаться в дом отверстие*» [*Патканов, 2003.* С. 54]. Иными словами, «кровельный вход» (вход через кровлю) являлся характерным элементом старой остяцкой архитектуры жилых строений, представления о котором сохранились до XX века. Из вышесказанного следует, что оборонительно-жилой комплекс городка *Монкысь урий* имел плоскую кровлю, явно с берестяной гидроизоляцией, которая удерживалась дерновым гнетом.

Дополняют представление о системе защиты оборонительно-жилого комплекса городка следующие пассажи, взятые из разных остяцких преданий.

– «*Князь Танга со своей дружиной спрятался в другое свое жилище, стоявшее на сопке. Последнюю Танга приказал облить водой, от чего она обледенела и стала недоступной*» (прил. 2.1).

– «*Подножную часть … склона … залили водой. Образовалась очень скользкая поверхность – ледяной пояс – шириной не менее десяти заячьих прыжков [около 15 м]. Выше … в несколько рядов уложили … стволы лиственниц …, которые … могли быть спущены по склону вниз. Это был второй пояс – деревянный. Выше … в … ямках – приготовили для сбрасывания множество … камней*» (прил. 2.2).

– «*Зимой обливали склоны водой и подвешивали бревна. …Стали русские лезть по льду и цепляться за бревна, а их обрубили (на веревках были)…*» (прил. 2.4).

«*Тонья склон облил водой. Эти [татары] залезают, а он бревна рубит и кидает – они [татары] катятся обратно, калечатся*» (прил. 2.9).

– «*Танья начал готовиться к войне… Сверху кедровым корнем бревна привязал. Облил все водой, избушка замерзла*» (прил. 2.10).

– «*Танья свою избушку водой облил. Замерзли стены, льдом покрылись. … А казаки начали вверх по стенам забираться. Тогда Танья сверху на них бревна скатил*» (прил. 2.11).

– «*Стены и склоны горы Тонья облил водой, они заледенели, и казаки не могли залезть на стены. Потом на них кидали бревна, и казаки падали*» (прил. 2.12).

В итоге, в сказаниях декларируется некая трехъярусная, можно даже сказать, своеобразная эшелонированная, система обороны городка. Метод «обледенения» эскарпированного склона укрепления в остяцких легендах упоминается, хотя и нечасто [*Кардаш, А–1996*; *Перевалова, 2004.* С. 153] (прил. 2). Ширина такой защитной полосы дана в специфической системе измерения, что характерно для устных эпических произведений. Между тем она вполне соответствует протяженности реальной эскарпированной части склона городка *Монкысь урий* (рис. 2.2.7; 2.2.12). В целом же, для Крайнего Севера и таежной полосы Западной Сибири, где основным сезоном ведения боевых действий была зима, данный способ обороны представляется характерным и эффективным. В то же время сведений об использовании бревен или просто срубленных деревьев для сооружения второй линии защиты ранее в легендах не встречалось [*Патканов,1991а*; *1981б*; *2003*]. Между тем, судя по систематическому упоминанию такого защитного элемента в сказаниях о Тонье и способах крепления бревен на вершине склона, наличие такого яруса обороны выглядит правдоподобно. Чего не скажешь о третьем ярусе – камнях. При раскопках *Монкысь урия* такие камни не найдены. Камень вообще очень редко встречается в таежном Приобье, тем более крупный. Можно, конечно, предположить наличие у защитников не камней, а просто глыб льда. Тем не менее, вероятнее всего, третьим ярусом обороны следует считать систему бойниц для стрельбы из лука, которые должны были быть сооружены по периметру всего оборонительно-жилого комплекса.

Эпизоды о штурме городка, представленные в сказаниях, недостаточно информативны для воссоздания его архитектуры. Несмотря на это, все же надо их привести, поскольку в дальнейшем нам предстоит верификация легенд и проверка содержащихся в них сведений с помощью археологических источников.

В некоторых сказаниях упоминаются два столкновения сургутских военных отрядов с Тоньей (Тангой) или два штурма городка.

Первое, предварительное, произошло где-то на реке. О нем сказано следующее.

– «*Посланные остановились на ночевку вблизи жилища Танги. Здесь, на берегу реки, Танга увидел одного из русских воинов и приказал своим людям его убить. Это озлобило посланных, и они решили взять Тангу силой*» (прил. 2.1).

– «*Они их догнали. Плывут, подошли ближе, Тонья-то говорит: «Брат, у меня шашка [сабля] докрасна накалилась – красная стала. Они вскочили, всех там перерезали. Одного или двух оставили, в наказание [назидание] молодым: «Идите, передайте вашему главарю-хану, что если вы хотите воевать с нами, хантами, надо более мощное (войско иметь)*» (прил. 2.9).

– «*Догнали казаков у Пысл кыт [поселок Каменный]. Сначала казаков рубил только Танья, брату он сказал: «Когда рукоятка моего меча станет красной – помоги мне». Увидел брат, что рукоятка стала красной, начал помогать. В живых осталось только несколько казаков. Танья сказал: «Если русский царь (путь хон) хочет со мной воевать, пусть готовит новое войско*» (прил. 2.10).

Вполне возможно, что данный эпизод описывает события, происходившие на Оби в 1616–1619 годах, причем в летние месяцы, когда отряд Тонемы – Кинемы совершал нападения на русских торговых и промышленных людей, а также на отряд томских казаков (прил. 1.4–1.7). Скорее всего, за этим эпизодом, просматриваются события 1616 года, когда после серии нападений на остяков и русских торговцев и промышленников из Сургута «*…по первым вестям посылали за ними в посылку тот час атамана Богдана Зубакина с товарищи, а с ним служивых людей и остяков 50 человек, и их не догнали*» (прил. 1.5), но «*жен их и детей от города в верстах в 20 и 30 по юртам их в полон поимали и повезли в Сургут*» (прил. 1.5), после чего восставшими были объявлены причины их нападений – что «*они для того и заворовали*» (прил. 1.5).

Второе столкновение – это штурм самого городка. Суммируя сведения, изложенные во всех известных нам сказаниях, можно констатировать следующее. Накануне боя между противоборствующими сторонами состоялись безрезультатные переговоры, затем начался обстрел и штурм городка, который в конечном итоге закончился сдачей (пленением) Тоньи, конвоированием его в Сургут и удачным побегом «княжича» по пути следования.

Охарактеризуем эпизоды осады и штурма городка Монкысь урий, поскольку они содержат ряд интересных деталей.

Предварительно представим сведения о численности нападавших и оборонявшихся. По мнению В. И. Семеновой, отряд казаков не превышал 6 человек, столько же людей было у Тоньи, а количество врагов – 100 и более человек – крайне преувеличено [*2005.* С. 76]. Мы не можем согласиться с этими заключениями. Действительно, в сказаниях фигурируют разные цифры о численности русских казаков (или «татар»), одна из которых – 100 человек (прил. 2.3; 2.11). Безусловно, это некая округленная цифра, но не столь завышенная. Для начала – первой трети XVII века общая численность служилого населения Сургута в разные годы составляла от 199 до 222 человек. В том числе рядовых казаков было порядка 170–180 человек [Древний город…, 1994. С. 120–121]. В сказании речь идет об отряде в половину численности всего гарнизона города Сургута. С учетом информации о том, что численность воинов Тоньи составляла 30 человек, а первый отряд под руководством Богдана Зубакина, посланный на поимку бунтовщиков, составлял 50 человек (прил. 1.4), троекратное превышение не кажется столь уж фантастичным. Тем более, если было известно, что придется сражаться не в открытом бою, а штурмовать хорошо защищенное укрепление княжеского сына. Как известно, при штурме соотношение потерь атакующих и обороняющихся составляет около трех к одному.

Явно странным выглядит упоминание количества оборонявшихся: «*У Тоньи пять человек и брат, а казаков – сто*» (прил. 2.3). Стоит это прокомментировать. Отметим, что данная цифра совпадает с числом помещений оборонительно-жилого комплекса городка или отдельных построек на его территории. Простое это совпадение или нет, пока не ясно. Вероятно, что в сказании, скорее всего, речь идет не о реальном числе оборонявшихся, а только о местной воинской и родовой элите. То есть об общем количестве «княжичей» – богатырей (Тонья – Кинема, Суета), сопровождавших их профессиональных воинов-дружинников и, возможно, представителей глав семей, проживавших в городке. Скорее всего, численность ополчения из рядовых общинников рассказчиками не была упомянута вообще и намеренно: в интересах увеличения значимости подвига легендарного вождя. Это характерно для эпосов многих народов и эпох.

Теперь о подробностях осады и штурма.

– «*Посланные обложили сопку и требовали выдачи Танги. Мать, видя, что гибель Танги неминуема, стала уговаривать его сдаться добровольно, и тем спасти жизнь остальным осажденным*» (прил. 2.1).

По-видимому, предварительные переговоры все же не увенчались успехом. Как таковая длительная осада городка не упоминается ни в одном сказании, да и вряд ли она была возможна в зимних условиях. Буквально вскоре после окружения «крепости» начался ее штурм. Первым этапом штурма был обстрел из огнестрельного оружия.

– «Дождавшись рассвета, посланные стали стрелять из ружей в его жилище» (прил. 2.1).

– «*У казаков ружья были такие: одному на плечо ружье кладут, другой целится, а третий поджигает. Тонья в это время переднего и заднего, обоих, одной стрелой пробивает*» (прил. 2.3).

– «*Враги стреляли пулями. Стреляло три человека – один метил, второй держал, третий зажигал*» (прил. 2.4).

– «*Русские стреляли из ружья втроем: одному клали ружье на плечо, второй – держал, а третий – поджигал*» (прил. 2.6).

– «*У татар было такое ружье трехметровое – один его поднимает; второй куженьку подает, пороху насыпать. Один держит, второй целится, третий механизм нажимает*» (прил. 2.9).

– «*У русских из одного ружья три человека стреляли: один заряжает, другой целится, третий держит…*» (прил. 2.10).

– «*Танья начал по ним из лука стрелять, а казаки в него из ружей. У казаков из ружья три человека стреляет: один заряжает, другой целится, а третий поджигает*» (прил. 2.11).

– «*По городку стреляли из огромных ружей троем – один держит, другой целится, третий поджигает. Но это не помогло, тогда притащили пушку, разрушили городок и захватили Тонью*» (прил. 2.12).

Во всех рассказах дано сходное описание тяжелой аркебузы, или, как ее называли на Руси, «затинной пищали». Этот вид оружия к рубежу XVI–XVII веков активно использовался русскими воинами [*Кирпичников, Хлопин, 1961.* С. 235–236]. Вероятно, этот необычный «военный инструмент» и способ его действия произвел наибольшее впечатление на осажденных и потому попал в хантыйские сказания. Из документов известно, что еще в 1596 году для похода в Нарымское Приобье на «князя» Воню и его союзника хана Кучума: «*…з Березова ж велено послати … в Сургут наряду для походу* ***5 пищалей полковых нового дела с станки с колесы*** [*выделено нами – О. К., Г. В.*], *а к ним велено послати по 100 ядер железных, итого 500 ядер, да 4 пуды зелья; а те пищали, сходив в поход, велено оставить в Сургуте впредь для походов*» (прил. 1.1). То есть в Сургуте на

тот момент было тяжелое вооружение, которое могло использоваться и в походе на Тонью – Тангу. Подробнее мы обсудим этот эпизод позднее, когда будем рассматривать археологические источники. Тем более что к вышеупомянутым сведениям добавится еще много артефактов.

Второй этап штурма – это непосредственно приступ городка. После обстрела из пищалей или под прикрытием обстрела осаждающие начали приступ. Вот как он представлен разными современными информантами.

– «*Ледяной пояс … на пути наступающих … пытались его преодолеть – ничего не получалось, выше двух-трех шагов подняться не могли. Двинулся второй отряд .... Засверкали … топоры, … росли ступени …., создавая проходную дорогу на сопку. … Запели стрелы защитников, пущенные из укрытий. Закувыркались воины к подножью сопки… Вооруженные … щитами, …. поднимались они по ступеням. Стрелы, пущенные защитниками, отскакивали от их щитов или ломались. Вот они миновали ледяной пояс и стали двигаться … на последнее укрепление. ... Лиственницы ожили и … ринулись на воинов …*» (прил. 2.2).

– «*Стали русские лезть по льду и цепляться за бревна, а их обрубили (на веревках были)*» (прил. 2.4).

– «*Эти (татары) залезают, а он бревна рубит и кидает – они (татары) катятся обратно, калечатся*» (прил. 2.9).

– «*Казаки начали вверх по стенам забираться. Тогда Танья сверху на них бревна скатил. Кончились бревна. Казаки проникли вовнутрь*» (прил. 2.11).

– «*Потом на них кидали бревна и казаки падали*» (прил. 2.12).

Для себя и других отметим довольно живое и эмоциональное описание рассказчиками процесса штурма городка, использования защитниками системы его укреплений, а также наличие в ней недостатков, приведших к взятию остяцкой «крепости» и пленению «князя» Тоньи.

Финал событий представлен следующим образом.

– «*Арестовали его* [Танью – *О. К., Г. В.*], *и брата, и мать. Повезли на Сургут*» (прил. 2.9).

– Правда, «*по дороге остановились ночевать. Загородили Танью лошадиными телегами и колокольчики повесили, чтобы слышно было, если бежать надумает. А Танья под снегом ход вырыл и убежал*» (прил. 2.11).

– В другой версии: «…*Окружили его и повели к русскому царю. На пути отряд остановился переночевать на Егутской горе. Здесь воины от сильного утомления крепко заснули, а Танга вместе со своим братом бежал и успел скрыться*» (прил. 2.1).

Этот эпизод также может быть реален. Дело в том, что в известных нам русских документах, включая челобитную царю сургутского воеводы Ивана Зубатого, среди остяков, находившихся в Сургуте по обвинению в «*изменном деле*» (прил. 1.8), сын Бардака (Тонема – Кинема) в качестве пленного или убитого не значился. Более того, не упомянуто само имя царя, во время правления которого случился поход на «*изменников на сургутских остяков на Кинему да на Суету Бардаковых*» (прил. 1.7).

В разных вариантах сказаний убийство Тоньи приписывается балыкским людям или пимским ханты. Еще одна легенда повествует о смерти Тоньи от рук ханты – где-то на реке Демьянке, правом притоке Иртыша. Также вполне вероятно, что потерявший семью и последних своих сторонников Тонья – Танга скрывался от русских властей до тех пор, пока не был убит в одной из ясачных волостей.

Подводя промежуточный итог, отметим, что наше исследование подтверждает выводы Е. В. Вершинина: основу фольклорных преданий о Тонье составляют реальные исторически события, которые относительно достоверно изложены в фольклоре. Иными словами, сказание о Тонье следует воспринимать, как довольно достоверный фольклорный источник. Более того, некоторые эпизоды, которые, на первый взгляд, представляются нереальными, в действительности правдоподобны. Например, описание случая, когда герой «*…начал головы врагам рубить и укладывать их через урий. Не хватило одной головы. Тогда Танья отрубил собачью голову и поставил*» (прил. 2.11). Не исключено, что это могло быть неким хантыйским военным ритуалом: предупреждением, осуществленным, возможно, после нападения остяков на томских казаков.

2.4.3. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ ОСАДЕ И ШТУРМЕ ГОРОДКА

В процессе раскопок В. И. Семеновой (1990 год) и сотрудников НПО «Северная археология-1» (2011–2013 годы) был получен большой комплекс разнообразных данных, дополняющих другие виды источников об осаде и штурме городка. Эти артефакты позволяют не только в какой-то мере верифицировать письменные и фольклорные сведения, но и дополняют их событийную часть. Причем комплексное рассмотрение всех данных позволяет уточнить сами археологические материалы, а также хронологию событий и отдельных вещей. Конкретные категории археологических источников будут подробно охарактеризованы в основном тексте и приложениях данной монографии. В этом разделе мы не будем проводить такой анализ, а только используем из общей массы археологических данных самое необходимое – для воссоздания архитектуры городка в контексте финальных событий его существования как населенного пункта.

Среди археологических материалов, отражающих исторические события, связанные с осадой и обороной городка *Монкысь урий*, прежде всего следует назвать вещественные источники, то есть артефакты.

При этом наиболее важными свидетельствами военного столкновения из них служат **предметы вооружения**, в первую очередь, разного вида ***боеприпасы***.

Боеприпасы для военно-охотничьего оружия – лука – это стрелы. Они составляют первую интересующую нас группу предметов. Их краткое описание представлено выше (Глава 2, раздел 2.3.4), а детальное – в следующем разделе (Глава 3, раздел 3.2). В связи с универсальностью данного вида оружия и особыми условиями нахождения наконечников стрел, прокомментируем причину их использования в нашем анализе. Использование лука с боевыми стрелами при осаде *Монкысь урия* зафиксировано в хантыйских преданиях, причем обеими сторонами конфликта. Много сюжетов из этих сказаний посвящено высоким навыкам в стрельбе из лука главного персонажа – Тоньи (прил. 2.1–2.11). При раскопках городища было обнаружено порядка 40–45 боевых железных наконечников стрел (рис. 3.2.5; 3.2.6). В качестве боевых можно было использовать и один тип костяных наконечников – стержневидной формы, их найдено порядка 30–35 штук (рис. 3.2.7; 3.2.8). Из них около 70% были обнаружены в составе поминальных комплексов, связанных с погребениями, открытыми на руинах разрушенного городка (Глава 3, раздел 3.2). Принадлежность стрел с такими наконечниками к поминальным комплексам не вызывает сомнения, поскольку археологически зафиксировано, что они были вертикально воткнуты в грунт по периметру могил [*Семенова, 2005.* С. 76]. Подробнее об этом сказано далее в исследовании (Глава 3, раздел 3.1). В общей сложности, по нашим предположительным расчетам, выполненным на основании количества обнаруженных археологических предметов, в период осады и обороны городка обеими сторонами было выпущено 15 стрел или немногим более. Безусловно, стрелы могли собрать сразу после боя, но, на наш взгляд, это произошло не ранее начала лета. При этом стрелы находились в «ненадлежащих условиях», а некоторые наконечники могли отломиться от древков. Следует отметить, что, согласно проведенным нами экспериментам и наблюдениям, некоторые стрелы, попадая под определенным углом в грунт и сталкиваясь с твердой почвой, изменяли свою траекторию и продолжали перемещаться параллельно земле под дерном или снегом. Кроме того, хотелось бы заметить, что если бы обороняющиеся выпустили по осаждавшим большое количество стрел, то часть из них была бы обнаружена нападавшими. При раскопках, в районе стрелковых позиций осаждавших было найдено только два наконечника стрел, безусловно, выпущенных из городка. О чем это может свидетельствовать? О пассивной обороне? – Вряд ли. Понятно, что нападавшие обстреливали городок из пищалей, их огонь мог быть интенсивным и плотным. Вместе с тем оборонявшиеся доминировали на господствующей высоте, и, судя по сказаниям, их не застали врасплох. Это свидетельствует не о слабой обороне «крепости», а скорее всего о том, что до этого столкновения значительная часть стрел остяками была уже истрачена, и отвечать на стрельбу нападавших было особо нечем. Тем более что кузница, где производились стрелы, находилась вне оборонительно-жилого комплекса и была захвачена осаждавшими. Вероятнее всего, это еще одно из косвенных подтверждений того, что до осады городка *Монкысь урий* было еще одно военное столкновение. Лишь после него отряд Тоньи отступил и занял оборону в укреплении городка. Кроме этого отметим, что использование луков не сыграло большой роли в обороне городка *Монкысь урий*, что могло способствовать его быстрому падению.

Боеприпасы для огнестрельного оружия (242 единицы) составляют вторую группу артефактов – свидетельств боевых действий. Они представлены тремя категориями:

– артиллерийские чугунные ядра диаметром от 3,0 до 4,0 см – 15 экз.;

– железные пули диаметром 1,4–1,8 см – 16 экз.;

– свинцовые пули диаметром 1,2–1,4 см для ручного огнестрельного оружия – 211 экз. (рис. 2.4.6–2.4.8).

Подробно данные боеприпасы описаны в Приложении 3.2. Мы лишь воспользуемся некоторыми выводами этого исследования.

Важным свидетельством об осаде и обороне городка является анализ распространения боеприпасов для огнестрельного оружия. По данным их планиграфического распределения определено, что осаждавшие

устроили две основные стрелковые позиции, расположенные в 20–25 м к юго-западу и югу от оборонительно-жилого комплекса городка (рис. 2.4.5). С этих позиций интенсивно обстреливалась южная и юго-западная части укрепления: постройки № 2.1 (2) и № 2.3 (4). Выбор этих позиций, по-видимому, был неслучаен. Можно предположить, что именно из этих помещений вели ответный огонь защитники «крепости», и происходил их диалог с нападавшими. По-видимому, в этих же помещениях чаще всего находились Тонья (Кинема) и его брат Суета. Дело в том, что помещения с южной стороны оборонительно-жилого комплекса были наиболее комфортными для проживания, так как были лучше всего защищены от холодных северных ветров. Кроме того, с южной стороны находилось, как минимум, одно весьма значимое для оборонявшихся сооружение – кузница. Оно было использовано в качестве дополнительного укрытия, в котором была оборудована еще одна огневая позиция защитников городка. Вероятно, что и место данной позиции было выбрано с учетом того, что именно здесь имелось какое-то убежище типа летнего берестяного шалаша. Впрочем, точная конструкция его нам не известна. При археологических раскопках в этом месте было зафиксировано только наличие кострища и обнаружен характерный набор артефактов.

Ранее мы уже рассматривали применение осаждавшими огнестрельного оружия, в связи с его упоминанием в хантыйских преданиях о Тонье (Кинеме). Судя по обнаруженным археологами боеприпасам, русскими воинами при осаде данного городка использовались два вида огнестрельного оружия.

Во-первых, артиллерия. То есть орудия, подобные тяжелой аркебузе, которые на Руси еще называли «*затинными пищалями*»[8] (рис. 2.4.6 – *18,19*), или легким пушкам на деревянных лафетах с колесами, которые, как указано в источнике, именовались: «*пищалей полковых нового дела с станки с колесы*» (прил. 1.1). Таких пищалей-пушек при осаде *Монкысь урия* использовалось, судя по позициям, как минимум, две. Возможно, для удобства передвижения военного отряда по тайге их сняли с лафетов и везли на санях. Упомянутые в сказаниях три человека, управлявшиеся с таким оружием, скорее всего, соответствуют орудийному расчету. В состав последнего входил один заряжающий, который носил подпорку и заряжал ядра, второй был наводчиком, который занимался прицеливанием и отдавал команду на выстрел, третий – поджигающим, контролировавшим горение фитиля и поджигал присыпку пороха на орудии [*Маркевич, 1937.* С. 56, 61]. Это происходило почти так же, как практиковалось до недавнего времени, да и сейчас в полевой артиллерии. Судя по нахождению ядер, орудия вели прицельный огонь по постройке № 2.3 (4) и, скорее всего, в те места ее стеновой конструкции, где находились бойницы. Плотность нахождения ядер на ограниченном участке южного угла оборонительно-жилого комплекса свидетельствует о том, что канониры явно стремились пробить брешь в стене для штурма пространства. Тем не менее этого не произошло.

Судя по калибру обнаруженных пуль (12–15 мм), осаждавшие использовали облегченные аркебузы (рис. 2.4.8 – *112–116*), именуемые на Руси «*ручницы*» или «*завесные пищали*» [*Маркевич, 1937.* С. 56; *Арциховский, 1944.* С. 55; *Мышковский, 1961.* С. 225, 227, 229] (прил. 3.1). В документах, относящихся к организации похода воинов сургутского гарнизона «*на Пегую Орду на Воню князя*» в 1596 году, значится, что каждому стрелку выдавалось по «*2 фунта свинцу*» – 820 граммов (прил. 2.1). Вес каждой пули, найденной при раскопках городка *Монкысь урий*, составляет от 9 до 15 граммов. Таким образом, боекомплект стрелка в военном походе должен был составлять около 65–75 пуль. 211 свинцовых пуль, обнаруженных в культурном слое памятника, составляли предположительно 80% всех боеприпасов, использованных при осаде и штурме. В том числе с учетом небольшого количества пуль, потерянных при заряжании. Осаждавшими, по-видимому, было сделано 240–250 выстрелов.

Известно, что за день боя из пищали стрелец мог сделать 12 выстрелов [*Богоявленский, 1938.* С. 270, 272], а ружье перезаряжали 2 минуты [*Маркевич, 1937.* С. 63]. Из этого следует, что максимальное количество выстрелов можно было произвести при непрерывной стрельбе в течение одного часа. В связи с этим возникает некое несоответствие. По мнению О. В. Двуреченского, бой при осаде городка, вероятнее всего, был непродолжительным, и каждый стрелок смог сделать 3–5 выстрелов (прил. 3.2). Мы полагаем, что число выстрелов ограничивалось количеством боеприпасов, носимых самим стрелком. После использования боезапаса для продолжения стрельбы требовалось его пополнение. Кроме того, период эффективного использования огнестрельного оружия осаждавшими ограничивался и световым днем, который для данной территории на

[8] Русский термин «*затинная пищаль*» происходит от формы употребления данного вида оружия, а именно: установки его на эстакадах *за тыном* (палисадом) – бревенчатой оградой из вертикально установленных и заостренных кольев, окружавшей город, крепость, острог или другой укрепленный населенный пункт [*Маркевич, 1937.* С. 60, 61].

конец ноября – начало декабря составлял шесть – шесть с половиной часов.[9] Если в походе «*на сургуцких остяков на Кинему да на Суету Бардаковых*» боекомплект ограничивался только пулями, имевшимися у стрелка, то предполагаемое число выстрелов могли осуществить порядка 20–30 стрельцов в течение дня. С учетом короткого зимнего светового периода, упоминания о ночевке, переговоров с противником, по нашим предположениям, осада городка могла длиться в течение двух-трех дней, но не более. Штурм же городка, вероятнее всего, произошел в течение одного дня: начавшись с утра, он закончился к полудню.

Еще одно наблюдение по распространению пуль от пищалей. Большинство деформированных пуль было найдено на уровне основания стеновых конструкций южной и юго-западной частей городка (рис. 2.4.5; 2.4.8 – *1–111*). Это – явное свидетельство прицельной стрельбы по бойницам укрепления, что могло происходить как при предварительном обстреле, так и во время штурма (рис. 2.4.12).

Другая – меньшая – часть пуль, была найдена при раскопках внутри оборонительно-жилого комплекса, что указывает на две задачи и два этапа обстрела. Во-первых, часть пуль пролетела выше наружной стены, явно при огневой поддержке штурмующих. В то время как распределение таких находок на территории городка свидетельствует об обстреле помещений, скорее всего, уже с кровли – через светодымовые отверстия и входы-лазы.

Последнее наблюдение: наличие нескольких деформированных пуль на стрелковых позициях осаждавших. Мы считаем вероятным, что осажденные могли произвести несколько выстрелов из пищалей, отнятых у томских служилых людей, сопровождавших казну. Косвенным свидетельством этого служат находки ***двух керамических форм для отливки пуль*** в пространстве жилых помещений (рис. 2.4.7 – *65, 66*). Примечательны не сами формы, а тот факт, что никаких иных свидетельств систематического использования жителями городка пищалей обнаружено не было. В том числе следов отливки пуль и находок ружейных деталей, как, например, в русской Мангазее того же периода [*Визгалов, Пархимович, 2008.* С. 65, 66]. Это позволяет высказать предположение, что кто-то из осажденных, вероятнее всего, сам Тонья (Кинема) сделал по позициям осаждавших несколько выстрелов, но не более трех (см: глава 3, раздел 2. Рис. 3.2.2; 3.2.6 – *9*). В связи с этим следует упомянуть, что после захвата городка, помимо казны, у остяков было изъято все оружие, о чем речь пойдет ниже.

Следующая группа артефактов – косвенных свидетельств военных событий – это ***предметы вооружения***. Точнее, в большей степени их отсутствие. Из данной категории предметов нами были обнаружены лишь *два наконечника ножен*, сделанные из кусков листовой меди (рис. 2.3.12 – *57–59*), происходящих, скорее всего, от сломанных котлов. В свою очередь, ножны относились, вероятнее всего, к саблям, принадлежавшим кому-то из воинов отряда Тонемы (Тоньи, Танги). Это единственное свидетельство наличия холодного наступательного оружия, которое в ходе осады городка, видимо, так и не было применено. На наш взгляд, какое-либо открытое столкновение с использованием холодного оружия, в том числе сабельный бой штурмующих с осажденными, вызвал бы, как минимум, поломку или потерю клинков, выкованных из плохого железа. Между тем таких обломков не обнаружено.

Более того, на руинах городка было собрано много деталей – элементов защитного доспеха – *кольчужных колец и обрывков кольчуг* (рис. 2.3.12 – *5–56*). Впрочем, их число немногим больше, чем на любом другом городище позднего средневековья [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 94. Рис. 45 – *13, 15, 16*; *Кардаш, 2013а.* С. 160. Рис. 3.28 – *6*]. Этот факт также свидетельствует не в пользу ожесточенного сражения.

Интересны еще два предмета, найденные в пространстве городка. Судя по всему, это *застежки разреза или ворота кольчуги* (рис. 2.3.12 – *1–4*). Вряд ли сам воин, снимая кольчугу, мог оторвать застежку. Даже если это произошло в обычной ситуации, он прикрепил бы ее на место. Можно предположить, что одна из застежек была оборвана, когда кольчуги снимали с тел погибших. Вероятнее всего, это могло произойти после захвата противником городка. Заметим, что в жилых помещениях городка было брошено много целых предметов, включая разнообразные орудия труда. В то время как ни один предмет вооружения не был оставлен. Последнее явно свидетельствует о пристальном внимании казаков к разоружению мятежников.

На этом категории предметов исчерпываются, остается проанализировать другие виды археологических данных.

Остатки строений оборонительно-жилого комплекса. В процессе раскопок мы зафиксировали в культурном слое памятника на разных уровнях разнообразные остатки деревянных конструкций. В том числе:

[9] На широте среднего течения реки Большой Юган в период с 20 ноября по 10 декабря (по современному календарю) световой день в среднем длится с 8.30–9.00 до 15.00–15.30 часов.

– следы сгоревших или обгоревших деревянных конструкций;

– остатки полуистлевшей древесины;

– пятна супеси разных оттенков и очертаний, оставшиеся после полного разложения («истлевания») деревянных элементов.

Для таежного Приобья остатки сгоревших конструкций деревоземляных построек, составляющих культурные слои поселенческих объектов, обычное явление. Особенно при учете того, что помещения обогревались открытыми очагами, и возле них проходила основная хозяйственно-бытовая и отчасти производственная деятельность, вследствие чего в жилищах случались пожары. В связи с этим вызывает вопрос не сам факт наличия обгоревших конструкций в руинах оборонительно-жилого комплекса городка, а неравномерность сохранности обгоревших деревянных деталей дома-крепости. Последнее, очевидно, отражает некие особенные события, ставшие причиной этого пожара. Это сейчас мы и попытаемся воспроизвести.

Во-первых, на данную неравномерность повлияла сама архитектура оборонительно-жилого комплекса, а именно: ее деревоземляная конструкция. Вполне естественно, что относительно массивные части основания постройки, скрытые под слоем песка и дерна, находясь в более влажной, лишенной доступа воздуха среде, истлевали медленнее. В результате они сохранились лучше наземных частей объекта, с чем столкнулись и мы. Открытые части конструкций должны были истлевать быстрее и в большей степени.

Во-вторых, на неравномерность сохранности остатков как подземной, так и наземной частей комплекса, безусловно, повлияли интенсивность горения и степень массивности деревянных конструкций. Обгоревшие (имеющие сердцевину в виде древесного тлена) и сгоревшие (дошедшие до нашего времени в виде угля) элементы конструкций (опоры, стены, балки), скорее всего, были изготовлены из больших сосен. В то время как практически полностью уничтоженные огнем конструкции (перекрытие, детали интерьера и другие), сохранившиеся в виде углистых пятен, отдельных угольков и прокалов, или полностью исчезнувшие, были сконструированы из тонких сосен и более горючих материалов – мха, сосновой коры и бересты (рис. 2.3.36; 2.3.38; 2.2.55).

На интенсивность горения деревянных конструкций в значительной степени повлияли и многие другие факторы, в том числе: возраст древесины, степень ее естественного разложения, сухости или влажности, наличие вокруг деревянных строений легко воспламеняющихся материалов (мох-ягель, сухая трава, кустарник), а главное – погодные условия (ветер, влажность воздуха и так далее), а также сезоны года. В зимний период и поздней дождливой осенью пожары случались, но менее часто, чем в теплое и сухое время года. Обледенение склона холма, занос основания стен снегом снижали вероятность возникновения пожаров зданий и окружающей поселение территории.

Возвращаясь к основной теме данного раздела – археологическим свидетельствам осады и штурма городка *Монкысь урий*, необходимо сказать следующее. Вероятнее всего, возгорание этой «крепости» произошло не во время штурма, а после завершения военной операции, поскольку главной задачей нападавших было не уничтожение поселка и его жителей, а возвращение денежной казны и пленение бунтовщиков. Повторим: случившийся пожар, на который указывают археологические данные, вероятнее всего, является преднамеренным актом завершения боевой операции. Кроме того, целью поджога вряд ли было желание победивших просто «замести все следы» карательной операции. Дело в том, что это не требовалось. Отряд сургутского гарнизона был государственным военным формированием, посланным властями официально и имел широкие полномочия. Его командованию были поставлены вполне конкретные задачи: возвратить разграбленное государственное имущество, в первую очередь похищенную казну, подавить бунтовщиков, пленить виновных и доставить их на суд в Сургут. В городе они будут официально арестованы, осуждены и понесут наказание за воровство, грабеж и убийство «служилых людей». Все это созвучно современному нападению, ограблению и убийству государственных инкассаторов, а также последующим действиям представителей властей в связи с этим преступлением. Скорее всего, целью поджога *Монкысь урия* было разрушение оборонительно-жилого комплекса городка в качестве назидания. Причем наглядного примера бессмысленности строительства местными «князьками» укреплений, рассчитанных на противодействие новой государственной власти. Таковые – в любом случае и при любой мощности их фортификаций – будут разрушены по указанию официальных властей за серьезную провинность их обитателей. Поджог городка зимой был оптимальным способом его уничтожения, поскольку иным способом разрушить обледенелые стены укрепления было делом трудоемким.

Помимо обгоревших конструкций, свидетельствами пожара являются оплавившиеся оловянные украшения и небольшие аморфные слитки олова, очевидно, оставшиеся от таких изделий (рис. 2.3.6 – *23–58*). Вместе

с тем их не так много, как могло бы быть. Кроме того, в составе коллекции находок имеются и неповрежденные огнем оловянные предметы. Мы не зафиксировали и больших участков прокаленной почвы, следов золы и иных следов, свидетельствующих об интенсивном горении. Скорее всего, пожар был, но не тотальный и, очевидно, в скором времени прекратившийся. Преднамеренное тушение мы исключаем. Наиболее реальным представляется «самотушение» пожара. После поджога и воспламенения помещений городка высокая температура могла вызвать оттаивание замерзшей в конструкциях и кровле влаги, накопившейся в осенний период, а также снежной массы, отложившейся за начало зимы. Кроме того, не исключено, что мог пойти снегопад или резко понизится температура воздуха. В результате часть элементов построек, избежавших пожара, истлела естественным путем. Таким образом, все эти факторы стали причиной частичного сохранения остатков сожженных деревянных конструкций городка, которые мы зафиксировали при раскопках.

Наличие костных останков людей является еще одним свидетельством штурма городка. Подробнее некрополь, отдельные захоронения и возможные места гибели людей, обнаруженные на руинах городка *Монкысь урий*, будут детально рассмотрены позднее (Глава 3). Сейчас воспользуемся некоторыми выводами этого анализа в связи с рассмотрением сюжета об архитектуре и штурме городка.

Человеческие останки были обнаружены главным образом в процессе краеведческих изысканий П. С. Бахлыкова (1980-е годы) и официальных археологических раскопок В. И. Семеновой (1990 год). Наши исследования (2011–2013 годы) дополнили эти материалы незначительно, но позволили уточнить некоторые детали.

Всего в разных частях городка были обнаружены останки, как минимум, 17 индивидуумов: 7 взрослых мужчин (30–40 лет), 7 взрослых женщин (30–40 лет) и 3 детей (до 10 лет). 13 человек были захоронены в двух коллективных погребениях, устроенных на местах разрушенных построек 1 (8 индивидуумов) и 5 (5 индивидуумов). Двое умерших были обнаружены без признаков специального захоронения в руинах постройки 3–4. Кроме того, в культурном слое городища были найдены отдельные человеческие черепа, а также фрагменты и кости посткраниального скелета индивидуумов, происхождение которых неясно. То есть непонятно, почему и каким образом эти кости оказались в том или ином месте. Поскольку городище подвергалось ранее несанкционированным краеведческим раскопкам, а в материалах исследований 1990 года отсутствует достаточная документальная фиксация, нельзя точно определить условия нахождения всего костного материала. Мы лишь можем предположить две основные причины появления на памятнике разрозненных костей. Первый вариант: индивидуумы изначально не были захоронены, их останки находились на поверхности и впоследствии были деформированы дикими животными. В культурный слой попали лишь отдельные человеческие кости, причем в процессе естественного разрушения сооружений поселка после его разгрома. Второй вариант: костные останки были вынуты из захоронений и перемещены дикими животными (лисицы, барсуки), устраивавшими норы в культурном слое городка. Это произошло также после прекращения функционирования укрепления и его руинизации, но уже на протяжении последних трехсот лет. На наш взгляд, оба эти предположения равновероятны. Между тем в случае нахождения незахороненных тел их число могло быть от одного до трех.

Что это нам дает?

– Во-первых, данные о численности населения городка и, соответственно, обороняющихся. Безусловно, они неточные, но отправные. С учетом состава умерших индивидуумов и количества домов, население самого городка должно было составлять от 30 до 40 человек.

– Во-вторых, по половозрастному составу индивидуумов погребения № 1 в постройке 1 видно, что здесь были захоронены не только члены большой семьи, но и другие лица, так или иначе связанные с этой семьей. Половозрастной и гендерный состав погребения № 1 показывает, что это была не собственно семья, не группа семей, а просто набор индивидуумов, которые так или иначе были связаны друг с другом, возможно, по родственной линии. Можно также допустить, что они находились в одном помещении не случайно. Тем не менее среди них нет стариков и детей разных возрастных групп. Из этого следует, что в городке находились и были впоследствии захоронены не только его жители.

В сказаниях упоминается число воинов Тоньи, участвовавших в обороне городка: «*У Тоньи пять человек и брат*» (прил. 2.3). Также говорится о приезде в городок самых сильных людей с окрестных территорий, пришедших или вызванных на помощь Тонье. Вероятнее всего, глав небольших территориальных общин, имевших родственные связи с Тоньей и жителями городка (прил. 2.5–2.11). В сказании, по-видимому, речь шла непосредственно о воинах, сопровождавших Тонью и служивших в его ополчении. Общее число собранных

в городке бойцов, скорее всего, составляло от 10 до 20 взрослых мужчин. В итоге: максимальная численность людей, находившихся в городке на момент осады и приступа, составляла 50–60 человек.

Анализ общего числа людей в городке, сопоставление его с количеством убитых (погребенных) и половозрастным составом позволяет сделать еще один вывод. Поскольку среди погибших имеются дети, то до осады и штурма семьи в полном составе находились внутри помещений оборонительно-жилого комплекса. После штурма поселка и убийства оказавших сопротивление воинов, а также пленения остальных мятежников, надобность в заложниках-*аманатах*, тем более женщинах, детях и стариках, отпала сама по себе. Возможно, только за исключением старших детей вождей. Остальные категории или группы жителей городка были формально свободны после штурма и пленения мятежников. Вместе с тем возникает закономерный вопрос: что остается делать победителям с рядовыми общинниками-остяками (условно говоря, местным мирным населением) после карательной операции, проведенной в зимних условиях. Везти, тем более вести, с собой в Сургут – бессмысленно, так пленных потребуется довольно долго охранять и кормить за казенный счет. Это создавало значительные трудности, поскольку средств на это не было предусмотрено. Убивать безвинных людей – не только не в христианских нормах поведения, но еще и опасное деяние, поскольку эти люди – потенциальные плательщики ясака в государственную казну. Из документальных источников известно, что за неоправданное убийство местного ясачного населения пострадал не один воевода, в частности северных городов – Пустозерска и Туруханска [*Вершинин, 2005.* С. 27–35; *Кардаш, 2009.* С. 29–30]. Что в таком случае говорить о простых служилых людях, если таковой факт впоследствии вскроется? Стоит поразмышлять над этим.

Что же касается захоронений, обнаруженных на месте разрушенного городка *Монкысь урий*, то похороны умерших должен был кто-то организовать и провести. Причем, по некоторым признакам, не позднее суток после смерти. Единственная группа людей, которая могла это сделать – оставшиеся жители городка. Свидетельством тому служат два коллективных погребения, открытые в бывших постройках укрепления. Здесь мы имеем дело не с произвольно брошенными трупами, а с умершими людьми, захороненными, хотя и неординарно, но с соблюдением погребальной обрядности, характерной для нехристианского остяцкого населения края. Даже несмотря на то, что большая часть могил была уничтожена краеведческими раскопками, сохранившиеся погребения позволяют утверждать, что тела погибших были уложены в определенном порядке и соответствующей позе: в вытянутом положении, на спине или близко к такому положению.

О чем это свидетельствует? Известно, что трупное окоченение – «*rigor mortis*» – начинается в интервале от 1 до 5 часов (в среднем 2–3) после смерти и окончательно завершается спустя 24 часа. При повышенной температуре окружающей среды оно происходит быстрее, при низкой – медленнее. В зимний период, когда произошло сражение за *Монкысь урий*, спустя сутки после гибели людей, позы их окоченевших тел уже было невозможно изменить. Из того факта, как костяки были зафиксированы археологами в погребениях, следует, что похороны умерших были проведены в течение ближайшего времени после штурма и гибели людей.

Возникают и другие вопросы. Могли ли эти похороны произойти на глазах участников сургутского отряда, и каким образом при этом в погребениях оказались монеты и ценные вещи? Вероятность этого существует, поскольку осажденные и, очевидно, сам Тонья, судя по сказанию, сдались, или, как минимум, не оказали слишком большого сопротивления при штурме, а затем вернули похищенные деньги – «*денежную казну 400 рублев, которую погром[или у том]ских служилых людей*» (прил. 1.7). Судя по отсутствию в могилах каких-либо предметов вооружения, кроме кольчужных колец и обрывков кольчуг, все основное вооружение было сдано победителям, включая защитный доспех. То есть отряду после штурма было чем заняться с военнопленными и «трофеями» и не мешать оставшемуся местному населению в проведении похорон погибших.

Наличие дорогих вещей в погребениях – серебряной чаши (рис. 2.3.16 – *109*), серебряных украшений (рис. 2.3.1 – *5–8*), а также серебряных монет в захоронениях (рис. 3.1.2) и на полу помещений также неудивительно. За все годы краеведами и археологами на городище было найдено большое количество русских серебряных и медных монет. В том числе: в 1980-е годы – 658 экз., в 1990 году – 177 экз., что составляет 835 монет общей суммой 7 рублей 72 копейки 1 денга (7 рублей 12 алтын 5 денег). При этом большая часть из них находилась в погребении № 1 [*Семенова, 2005. С.* 37, 66, 67, 141–144]. В ходе раскопок 2011–2013 годов собрано 403 монеты на общую сумму 3 рубля 55 копеек, 1 денга (3 рубля 9 алтын 3 денги) и один шведский фирк (см.: прил. 3.3). Одна треть из них была связана с погребением № 1, другая треть – с погребением № 2, остальные монеты входили в состав поминальных комплексов. Первоначально у нас возникло предположение о том, что обнаруженные монеты – это часть казенного жалования служилых людей Томского гарнизона. Как известно, эта казна была похищено остяками-мятежниками под руководством Тонемы – Кинемы летом 1618 года в результате нападения на казаков, которые везли деньги в Томск по Оби. После детального нумизматического анализа коллекции монет, выполненного С. Н. Травкиным, данная версия была признана несостоятельной (см.: прил. 3.3.). Гипотеза о купеческой казне также неприемлема. Дело в том, что первые грабежи торговых людей в таежном Приобье документально зафиксированы только с 1616 года. Соответственно, в составе собрания монет *Монкысь урия* должны были присутствовать монеты XVII века, а их нет.

На данный момент для нас наиболее вероятной и обоснованной представляется версия о царском жаловании остякам за участие в военном походе на Пегую Орду летом 1597 года (см.: гл. 2.4). Напомним, что «Царским наказом» от 31 августа 1596 года, посланному сургутскому воеводе О. Т. Плещееву, предписывалось организовать поход на Пегую Орду, на ее предводителя – нарымского князя Воню, а также обосновавшегося у него царя Кучума. Для проведения этого похода было наказано предварительно сформировать войско, включив в его состав сургутских остяков, лояльных московской власти: «*…которые остяки нам служат и прямят и от которых не чаете измены, и Бордаковых людей всего послал 150 человек и сказал им наше жалованное слово: как они сходят в поход и нам послужат, и мы их пожалуем своим великим жалованьем и в ясакех им велим польготити*» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 19об.–20]. Иными словами: за участие в карательной экспедиции сургутским остякам было обещано жалование наравне со всеми участниками, в том числе – служилыми людьми, казаками, стрельцами и татарами. В царском указе четко оговорена и денежная плата за выполненную работу. Исполнение этого обещания местными сургутскими властями, конечно, сомнительно. Вероятнее всего, простым остякам, участникам похода, как обещано, сделали только льготу по налогообложению – ясаку, а денежное жалование выдали только тем, кто официально числился на государственной военной службе. Таковых вряд ли было много, и они явно принадлежали к аборигенной правящей элите – семьям общинных вождей.

Таким образом, о наличии этих денег и каких либо других ценных предметов осаждавшие не знали. По этой причине, если украденная казна была возвращена полностью – 400 рублей (40 000 копеек, а с мелкими монетами – денгами – больше), надобности в обыске не было. Следовательно, похоронные процессы в полуразрушенной крепости могли проводиться без надзора победителей.

Следует представить еще одну характеристику оборонительно-жилого комплекса городка, точнее его жилых помещений, а именно: **условия и атмосферу традиционного хантыйского жилища**, в том числе позднесредневекового.

Ранее мы рассматривали этот сюжет при характеристике итогов раскопок синхронных укрепленных поселений, таких как Надымский и Полуйский мысовой городки, с привлечением этнографических описаний [*Кардаш, 2013а.* С. 32, 47; *2013б.* С. 123–125]. В целом, помещения в этих поселках-«крепостях» были темные, грязные, захламленные и непроветриваемые, со специфическим и крайне неприятным запахом, а также наличием в них языческой религиозной атрибутики. Русскому, тем более православному человеку вряд ли покажется достойным входить в такой дом без крайней необходимости. Тем более залезать через крышу или протискиваться через узкий и низкий коридорообразный лаз. Посещения подобных жилищ казаками в середине XVIII века достаточно ярко описаны С. П. Крашенинниковым. Из них следует, что русский человек чувствовал себя в пространстве такого дома, мягко говоря, некомфортно [*Крашенинников, 1755.* С. 25–28]. Учитывая это, вряд ли кто-либо из казаков после захвата и разрушения городка стал бы наблюдать за похоронами убитых остяков. Так что в погребальный инвентарь могло попасть все что угодно. При этом погребение покойных происходило в спешке, о чем свидетельствует небольшая глубина могильных ям, равно как множество брошенных в разрушенных жилищах целых орудий и украшений.

Из числа погибших два покойника вызывают особый интерес. Материальные остатки их «погребений» служат археологическим источником для продолжения логических размышлений и поиска новых косвенных фактов, связанных с интересующей нас темой. Речь идет о скелетах двух взрослых женщин (30–40 лет), обнаруженных археологами в северо-восточной части постройки № 2.3 (4). Очевидность того, что этих умерших специально не захоронили, не вызывает сомнений. Тем не менее нам важно установить, почему это произошло.

Мы не можем согласиться с выводом В. И. Семеновой о том, что «*как погребение 2 [?!] обозначено захоронение двух, скорее всего, трагически погибших женщин, брошенных в углубление от котлована 4*[10]*. Их останки*

10 В. И. Семенова отнесла котлован 4 ко второму этапу функционирования городка, то есть к XIII–XV векам. На момент осады городка углубление уже имело вид «открытой впадины» [*2005.* С. 9].

оказались засыпанными остатками сгоревшей и обрушившейся постройки над котлованом 3[11]» [*2005.* С. 41]. С трудом верится, что рядом стоящая деревянная постройка, после того как сгорела, сформировала вокруг себя, в радиусе 3–4 метров, слой супеси полуметровой высоты. Подробнее об этом поговорим позже (Глава 3). Здесь отметим главное: обе женщины не были преднамеренно захоронены и лежали в естественных (или, точнее, неестественных) позах, то есть так, как их застала смерть. Наиболее вероятная причина, по которой их не захоронили, могла быть только одна: это невозможно было сделать. Очевидно, их тела не смогли найти и извлечь из-под руин оборонно-жилого комплекса. В результате тела остались лежать под обрушившейся кровлей дома. Иными словами, трупы не потеряли в суете штурма и последующего «грабежа», вернее, реквизиции украденной остяками казны и награбленного имущества. Свидетельством тому является концентрация ритуальных стрел вокруг места, где остались лежать тела убитых хантыйских женщин.

Что же могло стать причиной обрушения кровли? Ответ, на наш взгляд, очевиден, хотя и требует дополнительного обоснования. В процессе штурма городка для того, чтобы попасть внутрь его оборонительно-жилого комплекса, было необходимо сначала подняться на верхнюю площадку дома, то есть на кровлю. Именно в перекрытии построек находились основные проемы-входы в пространство жилых помещений. Таким образом, основной задачей при взятии городка было проникновение нападающих на кровлю – единственное доминирующее пространство, расположенное над защитниками «крепости». Совершенно очевидно, что одной группе русских воинов это удалось сделать. Прорыв казаков на кровлю комплекса, а затем – внутрь помещений, происходил явно при огневой поддержке их соратников, окруживших *Монкысь урий*. Более того, нам нельзя представить возможным продолжение штурма без обстрела помещений оборонительно-жилого комплекса. Проемы надочажных спусков были сравнительно небольшими: не более 1,0×1,5 м. Соответственно, позицию вокруг одного такого проема для эффективного обстрела внутреннего пространства дома-крепости можно организовать только для 4–6 стрельцов. В то же время для обеспечения высокой плотности огня было необходимо, как минимум, еще столько же заряжающих. Высокая плотность обстрела помещений подтверждается находками здесь пуль (рис. 2.4.5–2.4.8). Наибольшее их количество приходилось на постройку № 2.1 (2). Другим косвенным подтверждением интенсивного обстрела можно назвать большее число погибших, тела которых были найдены в данном помещении.

Таким образом, штурм продолжался обстрелом внутреннего пространства помещений через кровельные входы-лазы (рис. 2.4.14). Для этого на верхнюю площадку должно было подняться значительное число стрельцов, чтобы обеспечить большую плотность стрельбы. Причем стрельбы одновременной, через все проемы, чтобы не получить удар с тыла. Количество стрельцов должно было составлять, приблизительно, от 15 до 30 человек. Данные цифры близки численности населения всего городка. Эти люди слабо представляли себе прочность кровли хантыйского дома и места безопасного передвижения по ней, которые явно существовали и предусматривали наличие под ними дополнительных опорных столбов. Тем более в холодное время года, когда все крыши были покрыты снегом.

Из опыта собственных раскопок приведем один факт сохранности конструктивных элементов жилых построек. При раскопках Надымского городка был обнаружен фрагмент балки, явно потолочной, но брошенной в пространство забутовки наружной стены [*Кардаш, 2013а.* С. 42]. Этот обломок сохранял свою первоначальную форму и имел наружный слой древесины, покрытый плотным слоем сажи. Тогда как внутренняя часть балки была полностью истлевшей.

Не удивительно, что конструкция кровли помещений оборонительно-жилого комплекса городка *Монкысь урий* также могла иметь прогнившие элементы и быть ненадежной. Кроме того, вполне вероятно, что чрезмерная нагрузка на кровлю, усиленная промерзшей осенней влагой, снегом и большим числом людей, могла попросту вызвать обрушение перекрытия. Скорее всего, так и произошло. Мы полагаем, что слишком большое количество штурмующих, покорив «высоту» и поднявшись на кровлю оборонительно жилого комплекса, чтобы продолжить обстрел и добиться сдачи мятежников, вызвало обрушение кровли над постройкой № 2.3 (4). В результате погибли две женщины, занимавшиеся своими обыденными делами, чтобы отвлечься от событий, или, вероятнее всего, просто прятавшихся во время штурма. Не исключено, что именно это обрушение привело к добровольной сдаче и спасению жизни остальных обитателей этого жилого помещения. По крайней мере, другие останки людей в данном месте не были обнаружены. При этом мы исключаем вариант событий, когда трупы людей, погибших при штурме, с целью перезахоронения перемещали из одного помещения в другое через кровельные входы-лазы.

[11] По мнению В. И. Семеновой, впадина котлована 4 была частично перекрыта постройкой (котлованом) 3, функционировавшей на рубеже XVI–XVII веков. После штурма городка, в процессе разрушения постройки 3, под ее остатками были погребены тела двух женщин. Их трупы были брошены в углубление, оставшееся от ранней постройки (котлована) 4 [*2005.* С. 9, 41].

Общий вывод. Таким образом, как мы считаем, после захвата городка сургутскими стрельцами часть мятежников и жителей хантыйского поселка была убита, а другая сдалась и вернула ранее похищенные государственные ценности. Короткий световой день обусловил быстрое проведение всех мероприятий, в том числе разрушение цитадели мятежников и захоронение погибших. Причем заметим, что в зимних условиях при начавшемся промерзании почвы[12] нигде, кроме пространства жилых помещений городка, захоронить тела, тем более такое количество, было невозможно. Представляется наиболее вероятным объяснение, что именно трудоемкость извлечения тел из-под обломков построек и ограниченные сроки похоронного мероприятия не позволили захоронить должным образом двух женщин, погибших в постройке № 2.3 (4). Их явно не потеряли, и о них не забыли, о чем свидетельствует концентрация близ предполагаемого места их гибели ритуальных наконечников стрел (рис. 3.1.1, 3.2.1).

После захоронения погибших при штурме жителей городка представляется наиболее вероятным следующее развитие событий. В целях уничтожения оборонительного сооружения – последнего военного оплота восставших юганских остяков – деревянные конструкции городка были подожжены. Казаки знали, что огонь может потухнуть, однако иного способа разрушить оборонительно-жилой комплекс они применить не могли. Рубка опорных столбов обрушила бы кровлю, но не более того. Облитые водой и замерзшие наружные стены демонтировать было бы долго, трудоемко и малоэффективно. Поджог городка не был какой-то знаковой акцией: это был простейший и естественный способ физического уничтожения последнего очага сопротивления местных ханты русским властям в Сургутском уезде.

Оставшиеся жители, вероятнее всего, были препровождены в ближайшие юрты по пути следования отряда, расположенные в районе современного поселка Угут. Столь же вероятно, что их могли оставить в том самом временном поселении, где остяки «*построили временные хижины, в которых разместили свои семьи и часть отдыхающих мужчин*» (прил. 2.2). Возможно, ранее здесь произошло одно из первых военных столкновений между русскими и ханты во время карательного похода, где последними был растрачен первый боезапас стрел. Дальнейшие события восстанавливаются лишь по фольклорным и документальным источникам и уже никак не связаны непосредственно с городком. Напомним лишь, что по пути конвоирования мятежников в Сургут, во время одного из ночлегов предводитель восстания Тонья бежал и скрылся (прил. 2.1–2.12). Остальные пленники были препровождены в Сургут и еще долгое время, как минимум несколько лет, находились в заключении (прил. 2.6).

На этом жизнь в городке *Монкысь урий* навсегда прекратилась. Оставшееся в живых население не восстановило крепость и даже не стало создавать вблизи нее новый населенный пункт. После этого руины городка функционировали только как ритуальное место, где совершались поминальные обряды, и то не долгое время. Этим событиям посвящена следующая глава. Позднее же, в последние три столетия, городище почиталось лишь как памятное место, связанное с эпическим фольклорным произведением.сопротивления местных хантов русским властям в Сургутском уезде.

Оставшиеся жители, вероятнее всего, были препровождены в ближайшие юрты по пути следования отряда, расположенные в районе современного поселка Угут. Столь же вероятно, что их могли оставить в том самом временном поселении, где ханты «*построили временные хижины, в которых разместили свои семьи и часть отдыхающих мужчин*» (прил. 2.2.). Возможно, ранее здесь произошло одно из первых военных столкновений между русскими и хантами во время карательного похода, где последними был растрачен первый боезапас стрел. Дальнейшие события восстанавливаются лишь по фольклорным и документальным источникам и уже никак не связаны непосредственно с городком. Напомним лишь, что по пути конвоирования мятежников в Сургут, во время одного из ночлегов предводитель восстания Тонья бежал и скрылся (прил. 2.1 – 2.11). Остальные пленники были препровождены в Сургут и еще длительное время, как минимум несколько лет, находились в заключении (прил. 2.6.).

На этом жизнь в городке Монкысь урий навсегда прекратилась. Остатки его жителей не восстанавливали крепость и даже стали не создавать вблизи нее новый населенный пункт. После этого руины городка использовались только в качестве ритуального места.крепость и даже стали не создавать вблизи нее новый населенный пункт. После этого руины городка использовались только в качестве ритуального места.

[12] Средняя глубина промерзания почвы в зимний период для данной территории составляет 2,0–2,15 м. Соответственно, на начало зимы (ноябрь – декабрь) промерзание почвенного слоя в окрестностях городка должно было составлять, как минимум, 0,5–1,0 м.

Рис. 2.4.1. Городища Монкысь урий (Частухинский урий) и Усть-Пытьях 5. Локализация памятников у юрт Угутских и Очимкиных на фрагменте карты Тобольской губернии, составленной А. А. Дуниным-Горкавичем (1903 г.)

Рис. 2.4.2. Городища Монкысь урий (Частухинский урий) и Усть-Пытьях 5.
Локализация памятников на современной карте. М 1 : 5 000 000

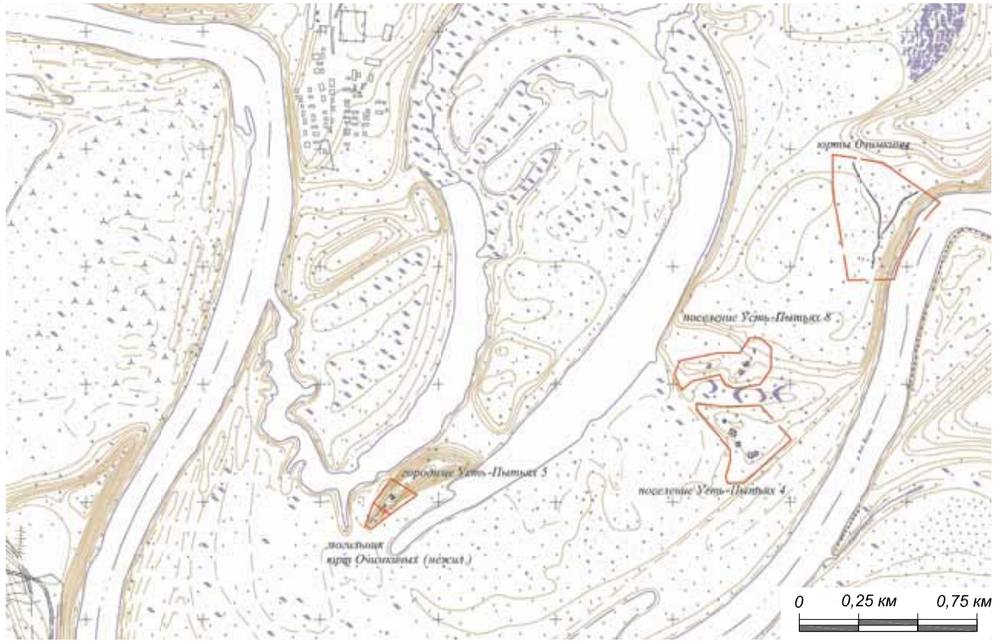

Рис. 2.4.3. Городище Усть-Пытьях 5 в среднем течении реки Большой Балык.
Ситуационная карта-схема. М 1 : 5 000

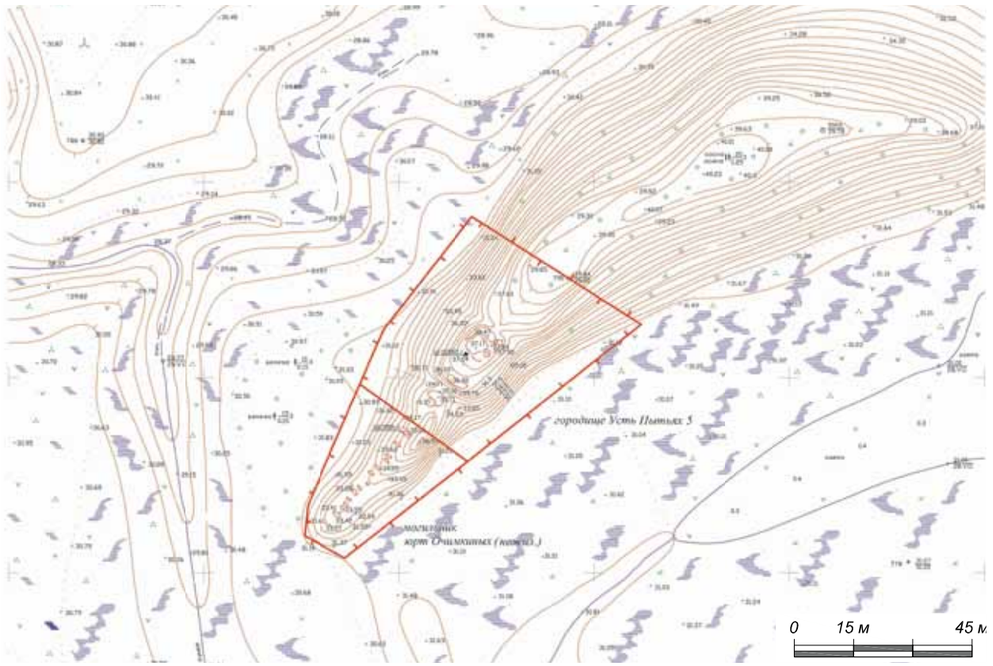

Рис. 2.4.4. Городище Усть-Пытьях 5 в среднем течении реки Большой Балык. План памятника. М 1 : 1 000

План-схема распространения боеприпасов
(по материалам раскопок 1990, 2011-2013 гг.)

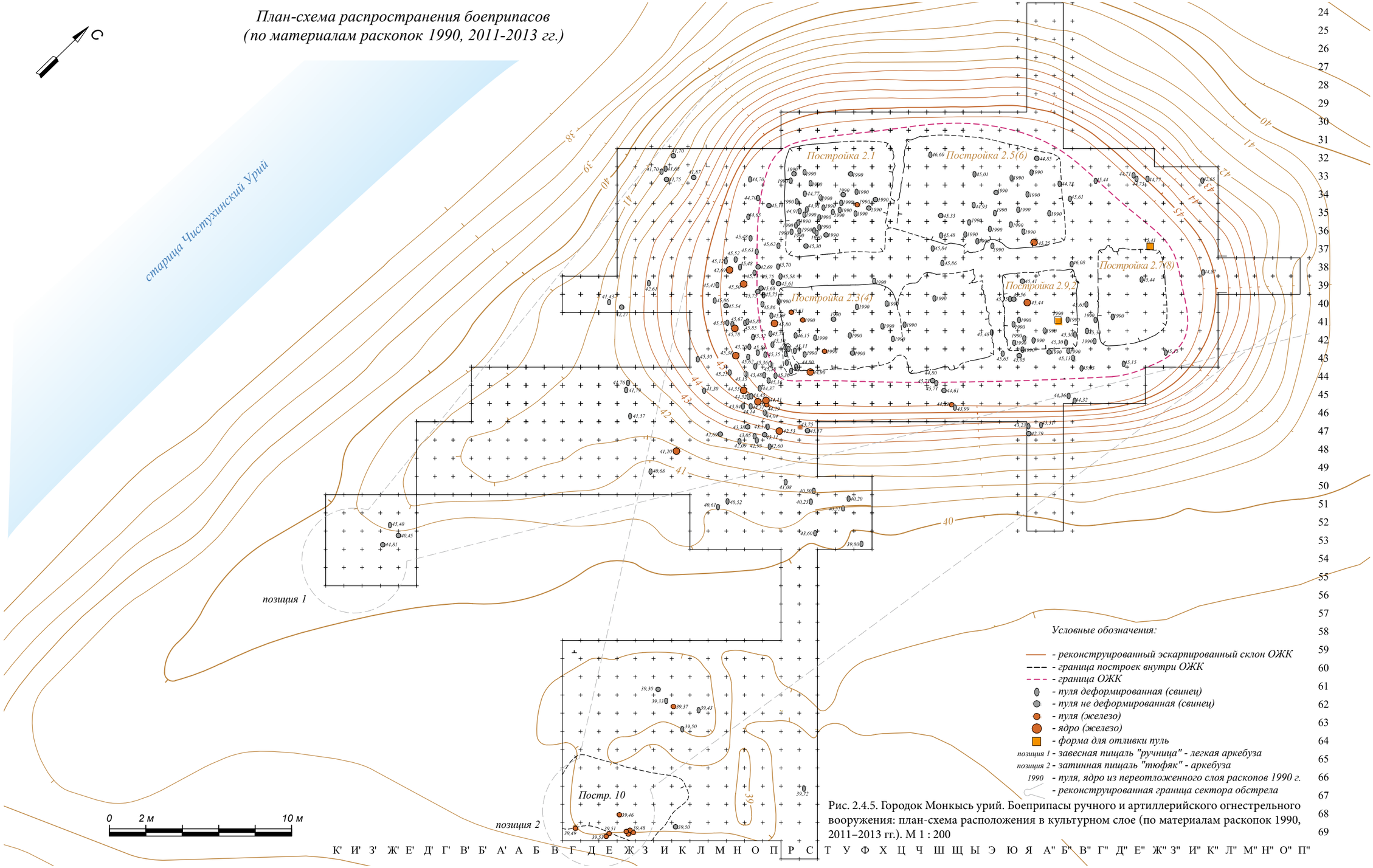

Рис. 2.4.5. Городок Монкысь урий. Боеприпасы ручного и артиллерийского огнестрельного вооружения: план-схема расположения в культурном слое (по материалам раскопок 1990, 2011–2013 гг.). М 1 : 200

Рис. 2.4.6. Городок Монкысь урий. Боеприпасы артиллерийского огнестрельного вооружения: *1–15* –чугунные кованые ядра; *16* – условия нахождения ядра в культурном слое (*in situ*) (уч. Н/41, ур. 45,78 м); *17* – условия нахождения ядра в культурном слое (*in situ*) (уч. П/41, ур. 45,80 м); *18* – затинная пищаль XVII века: реконструкция ее общего вида и использования (рисунок); *19* – стрельба из пушки XVII века: реконструкция ее общего вида и использования (рисунок)

Рис. 2.4.7. Городок Монкысь урий. Боеприпасы ручного огнестрельного вооружения: *1–15* – железные кованые пули (снаряды); *16–53* – недеформированные свинцовые пули (снаряды); *54* – недеформированная свинцовая пуля с остатками литника; *55–64* – недеформированные свинцовые пули (снаряды), изготовленные «холодным» способом – «секанцы» со следами первичной обкатки ковкой; *65* – створка литейной формы (постройка 2.9,2, уч. Б”/41, ур. «1990»); *66* – створка литейной формы (постройка 2.7, уч. Б”/37, ур. 45.41 м)

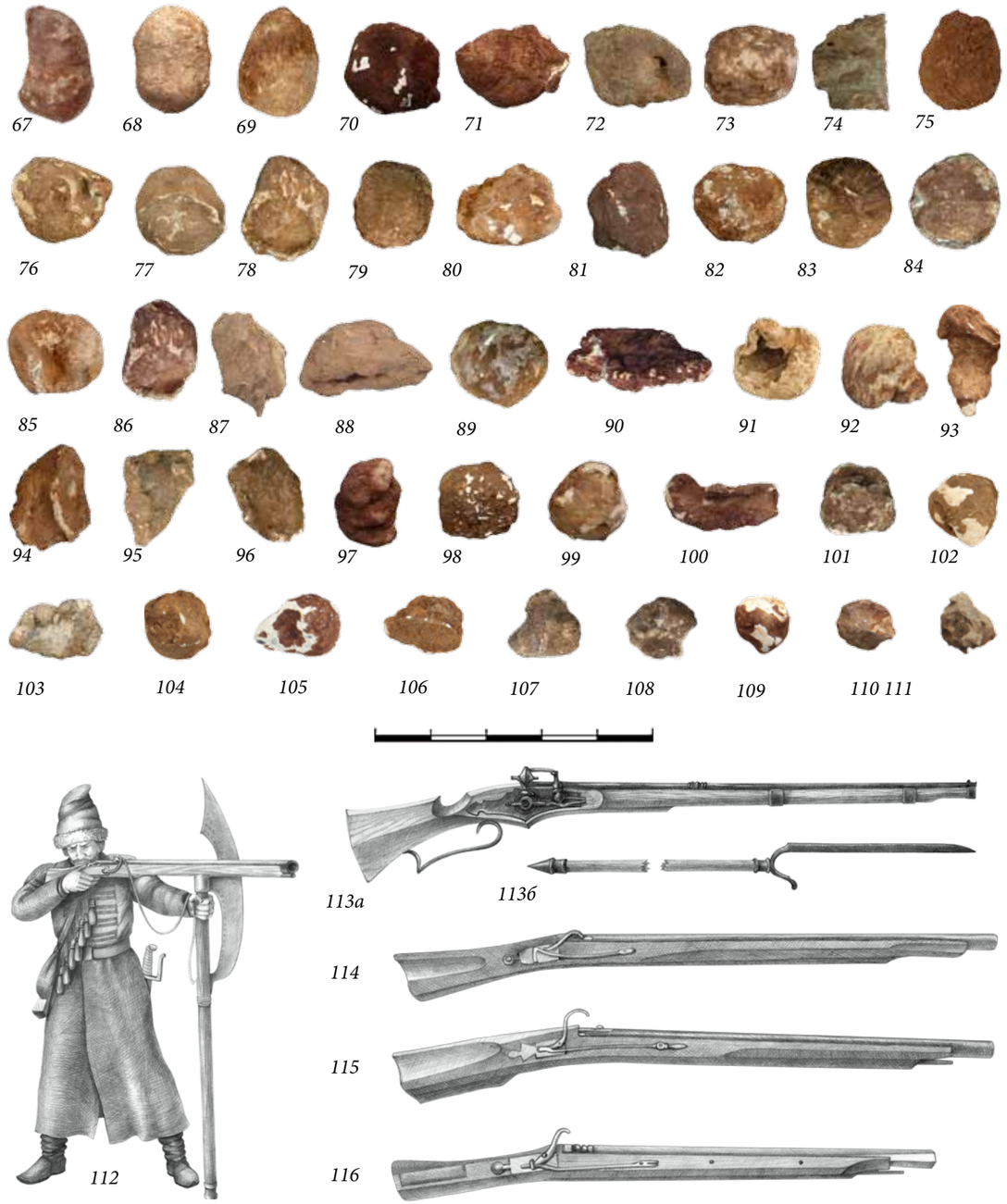

Рис. 2.4.8. Городок Монкысь урий. Боеприпасы ручного огнестрельного вооружения: *1–111* – деформированные свинцовые пули (снаряды) и «дроб»; *112* – стрелец с пищалью XVII века: реконструкция боевого использования пищали (рисунок); *113а, 113б* – пищаль-ручница и сошка XVII века: реконструкция (рисунок); *114–116* – пищали-ручницы XVI века из Оружейной палаты Соловецкого монастыря (ВИМАИВ и ВС, инв. № 1/713, 1/3, ½): прорисовка [*Мышковский, 1961.* С. 103. Рис. 44–46]

Рис. 2.4.9. К истории городка Монкысь урий. Нападение отряда Тонемы (Кинемы) на каюки торговцев и промышленников, в Сургутском уезде на Оби летом 1616 г. Историческая живопись, художник А.С. Кухтерин

Рис. 2.4.10. К истории городка Монкысь урий. Пленение жен мятежников на летнем стойбище, у берега реки Оби летом 1618 года. Историческая живопись, художник А.С. Кухтерин

Рис. 2.4.12. К истории городка Монкысь урий. Обстрел из пищалей помещений городка Монкысь урий в ноябре-декабре 1619 г. Историческая живопись, художник А.С. Кухтерин.

Рис. 2.4.12. К истории городка Монкысь урий. Обстрел из пищалей укреплений городка Монкысь урий перед штурмом в ноябре-декабре 1619 г. Историческая живопись, художник А.С. Кухтерин

Рис. 2.4.13. К истории городка Монкысь урий. Штурм городка Монкысь урий в ноябре-декабре 1619 г. Историческая живопись, художник А.С. Кухтерин.

ГЛАВА 3

РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС НА ГОРОДКЕ МОНКЫСЬ УРИЙ

«Ритуал», «ритуальный комплекс», «ритуальная деятельность» – термины, на наш взгляд, наиболее общие и приемлемые для обозначения видов деятельности, не относящейся к бытовым и хозяйственным занятиям. Следы ритуалов и культовой практики мы фиксируем в процессе исследования целого ряда археологических памятников. При этом следы ритуальных действий в каждом конкретном случае связаны со вполне определенной системой мифологических представлений, некогда бытовавших у населения той или иной территории либо обширного региона. Безусловно, данная терминология содержит элемент интерпретации, но более общей, чем, к примеру, часто употребляемое исследователями понятие «культ», «культовый», «культовая деятельность». Дело в том, что далеко не все религиозные действия людей – как в прошлом, так и в настоящем – связаны с почитанием того и ли иного объекта либо субъекта. Существует достаточно большое количество иррациональных действий, следы которых мы можем обнаружить, которые связаны с защитой самого человека, его местообитания, в том числе – дома, а также ряда предметов.

Свидетельства ритуальной деятельности жителей городка *Монкысь урий*, обнаруженные в процессе раскопок разных лет, включают две составляющие. Первая: археологические свидетельства ритуальной практики, проводившейся во времена функционирования городка. Это главным образом ямы с захоронениями целых скелетов (частей скелетов) животных, а также локальные скопления костных останков животных, находившиеся ниже уровня пола домов или в углах построек, которые, вероятно, были связаны со строительными или иными ритуалами. Мы посчитали целесообразным охарактеризовать их выше, в соответствующем разделе (см.: гл. 2.2). Вторая составляющая – это свидетельства ритуальных действий, совершенных как в финале функционирования городка, так и после этого – на его руинах. В основном это человеческие захоронения и связанные с ними предметы, отчасти – материальные остатки ритуалов, посвященных погибшим, но не погребенным людям. Именно об этих находках, их анализе и интерпретации пойдет речь в данной главе.

Хотелось бы сразу отметить, что В. И. Семеновой, автором археологических исследований 1990 года, был выделен культовый комплекс, функционировавший на городище, по словам местных жителей, вплоть до 1980-х годов [*2005*. С. 6, 9]. Судя по публикации, к нему были отнесены «…находки в слое дерна россыпей угольков и угольного пятна от кострища (раскоп 1) (см. рис. 4; Приложение 1: рис. 1). Пятно имело в плане овальную форму, размеры 98×66 см, толщину 3–4 см». Это кострище было идентифицировано как принадлежащее к культовому комплексу, поскольку «… по словам П. С. Бахлыкова, в 1970-е – начале 1980-х гг. сюда еще приезжали ханты из Каюковских юрт…» [*Там же*. С. 6, 9, 10]. В процессе раскопок 1990, 2011–2013 годов на руинах городка *Монкысь урий* не было обнаружено ни одной вещи или предмета, относящихся к XVIII–XX векам, которые могли быть свидетельствами культово-ритуальной практики этого времени. В связи с этим наличие позднего святилища или места проведения здесь культовых обрядов мы считаем не подтвержденным фактом. Вместе с тем сведения о приезде ханты на это место очевидны, поскольку непосредственно у городища проходит зимник, идущий в поселок Угут. Именно его используют многие жители юрт, находящихся в верховьях Большого Югана, в том числе представители рода Каюковых. Вероятно, что вблизи городища на зимнике имеется место, где в память о событиях и героях прошлого делается остановка. Здесь по обыкновению разводят костер, пьют чай или иные напитки, вспоминают историю городка. В любом случае, на территории самого городка *Монкысь урий* какой-либо ритуальной практики не осуществлялось. Последние три столетия руины городка воспринимались, скорее всего, как памятное место, но не как культовое или жертвенное. По этой причине развивать тему культового комплекса городища в данной главе мы не считаем целесообразным.

3.1. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС: ЗАХОРОНЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОСТАНКИ

Находки всех человеческих останков, обнаруженных на данном памятнике, равно как связанных с ними сооружений и предметов, мы объединили условно в понятие «погребальный комплекс». Дело в том, что далеко не все останки, обнаруженные здесь археологами и краеведами, были преднамеренно захоронены в соответствии с определенной погребальной обрядностью. Несмотря на это, совершенно очевидно, что в отношении всех погибших во время штурма жителей городка были впоследствии совершены ритуальные действия, связанные, как нам представляется, с поминальной обрядностью. Всего в результате исследований на территории городка были открыты останки, как минимум, двух десятков индивидуумов. Подавляюще большинство из них было выявлено в ходе краеведческих раскопок 1980-х годов и научных исследований 1990 года [*Семенова, 2005*. С. 12, 34–41]. Во время полевых работ на памятнике в 2011–2013 годах из отвалов краеведческих шурфов и переотложенного культурного слоя раскопов 1990 года были извлечены некоторые кости ранее обнаруженных индивидуумов, а также зафиксированы останки одного (?) нового, обозначенного «индивидуум XX» (рис. 3.1.1).

Поскольку основная информация о захоронениях и погибших индивидуумах была получена в результате раскопок 1990 года, мы считаем целесообразным привести здесь отрывки из книги автора этих исследований. При этом снабдив их уточненной графической информацией, дополнениями и собственными выводами.

В данной монографии мы предложили двойную («параллельную») нумерацию индивидуумов и погребений, сохранив изначальную авторскую и дополнив ее сквозной собственной.

3.1.1. Индивидуумы I–VIII (погребение № 1)

Данное погребение было обнаружено в 1991 году на территории постройки № 2.1(2): уч. С–У/32–34 (кв. Б/2–3 – по: *Семенова, 2002*), ур. 43,76–43,88 м (рис. 3.1.1; 3.1.2).

Интерпретация автором этих раскопок В. И. Семеновой отличается от нашей концепции. Несмотря на это, описание, сделанное Валентиной Ивановной, является единственным источником по данному захоронению, поэтому мы приводим его полностью.

«Могильная яма погребения 1 прорезала центр котлована 1. Само погребение было испорчено любительскими раскопками. Шурф с оплывшими дерновыми стенками располагался в центре могилы. Вся центральная часть захоронения утрачена, периферийные участки сохранились. Нетронутые контуры могильной ямы прослежены на уровне -108...-130 см по темно-желтому верхнему заполнению (см. Приложение 1: рис. 1, 2). Прослежены северная и частично западная и восточная границы. Вдоль южной границы ямы были найдены 15 железных и костяных наконечников стрел, 13 из них были воткнуты и только два лежали (скорее всего, первоначальное их положение также было вертикальным). На уровне -140...-150 см выявлены очертания северо-западной части ямы, юго-восточная ее часть полностью разрушена (см. Приложение 1: рис. 3). В плане отмечено несколько накладывающихся границ древесных остатков деревянных перекрытий. Сама могильная яма была квадратной формы, размерами 240х240 см. В северо-западной части оказалось нетронутое подзахоронение (рис. 20).

Расчистка костяков началась на уровне -171...–178 см. Первый, северо-восточный («а») принадлежал женщине 20 лет, второй, юго-западный («б») – женщине 20–30 лет. Обе погребенные ориентированы головами на северо-восток (65°).

Позы одинаковые – на спине с вытянутыми конечностями. На левом локте первой погребенной находился топор лезвием к ступням. Череп костяка «б», лежавшего слева, отмечен на уровне бедра костяка «а». В районе тазовых костей второй погребенной найдена железная круглая пряжка с сохранившимся штырем (рис. 20; 21, 4).

Костяки «а» и «б» покоились на костях ног ранее погребенных, кости голеней последних оказались непотревоженными. По оставленным на месте П. С. Бахлыковым черепам и обнаруженным нами костям нижних конечностей была сделана реконструкция захоронения (см. рис. 20). Погребенные были уложены в ряд головами на юго-восток (135°). Определение костных остатков показало, что они принадлежали 4–5 мужчинам в возрасте 30–40 лет, женщине 20 лет и ребенку 7–9 лет.

Костяк «в» лежал вдоль северной границы погребения. Непотревоженными остались кости правой нижней конечности. Голень расчищена под черепом костяка «а». С внешней стороны правого коленного сустава лежал железный наконечник стрелы острием к ступням. Погребенный — взрослый мужчина.

Костяк «г» лежал слева от предыдущего. Не потревожены кости правого бедра и обеих голеней. Последние расчищены под костями левой конечности костяка «а». Между коленными суставами найден наконечник стрелы, с внешней стороны левой конечности на этом же уровне — нож. Оба предмета лежали острием к ступням. Костяк принадлежал взрослому мужчине.

Костяк «д» гипотетичен, при нем не найдено непотревоженного инвентаря. Реконструирован по пространству между костяками «в» и «е», а также по группе костей, указывающих на наличие пятого мужчины. Костяк «е» также не документируется непотревоженными останками и инвентарем, но соответствует описанному П. С. Бахлыковым центральному захоронению с серебряным блюдом-чашей на груди (см. рис. 61) и серебряными монетами, рассыпанными на ногах. Скопление монет найдено под черепом костяка «б». Костяки «д» и «е» принадлежали взрослым мужчинам.

Костяк «ж» документируется двумя костями голеней, расчищенных под костяком «б». Голень левой ноги перекрыта левой бедренной костью костяка «б». По описанию П. С. Бахлыкова, слева от костяка «ж» лежали у его плеча два продетых друг в друга проволочных височных кольца и у бедра бронзовый котел. Погребенный – взрослый мужчина.

Костяки «з» и «и» принадлежали женщине 20 лет и ребенку 7–9 лет. Непотревоженными остались кости голеней (одна женская и две детские). Ноги ребенка были усыпаны монетами.

Таким образом, коллективное погребение содержало 8 или 9 человек. Если предположить, что костяка «д» не было, то в первичном основном захоронении находились четверо мужчин и женщина с ребенком. Мужчины в возрасте 30–35, 30–40 и 40 (двое) лет. Связать возрастные данные с определенными костяками не представляется возможным» [*Семенова, 2005*. С. 34–37. Рис. 20].

Вещевой комплекс погребения № 1. Согласно В. И. Семеновой, «*вещи, извлеченные П. С. Бахлыковым или вынутые нами из шурфа (кроме монет, чаши и колец), также не имеют привязки к определенным костякам*». В целом «*из шурфа 1 при расчистке были извлечены металлический бисер (№ 95), шишковидные подвески (3 экз., № 100, тип 6), тюльпановидные подвески (6 экз., № 100, тип 7), крестовидные накладки (3 экз., № 100, тип 2), круглая ажурная накладка (№ 100, тип 4), фрагменты ткани (2 экз., № 104, рис. 22, 4, 5), три железных наконечника стрел (№ 85, рис. 22, 1–3), фрагмент обода бронзового котла (№ 89, см. рис. 39, 6), семь монет (№ 47, 100).*

В Угутском музее, кроме чаши из погребения, хранятся шишковидные и 32 тюльпановидные подвески, две ажурные накладки, две бисеринки голубого и белого цвета, камень-точило, изделие из железа в виде длинной толстой пластины прямоугольного сечения, железный вильчатый наконечник стрелы, расплющенная пуля, обломок изделия из цветного металла плоского литья, парные височные кольца белого металла из витой проволоки с S-видной петлей, бронзовый котел, деревянная ложка (лежала в котле), монеты» [*Там же*. С. 34–37. Рис. 21].

Практически все предметы, упомянутые В. И. Семеновой, за исключением утраченных, представлены и охарактеризованы в нашем исследовании (см.: Гл. 2.3). В данном случае и далее целесообразно ограничиться ссылками на эти находки, представленные в общих таблицах:

– височные кольца – рис. 2.3.1 – *6, 7*;
– суконные лоскуты – рис. 2.3.1 – *15, 16*;
– оловянный и стеклянный бисер – рис. 2.3.3 – *1, 6–8*;
– подвески из олова – рис. 2.3.5 – *1–15, 36–58*; 2.3.6 – *1–15*; 2.3.9 – *28–30*;
– топор – рис. 2.3.13 – *1*;
– нож – рис. 2.3.13 – *1*;
– наконечники стрел – рис. 3.2.4 – *11, 21*; рис. 3.2.5 – *4, 10, 13*;
– серебряная чаша – рис. 2.3.16 – *109*.

В Угутском краеведческом музее нам не удалось найти некой железной пластины (возможно, это наконечник стрелы или напильник), свинцовой пули, медного котла и ложки, бисерин, ажурных накладок и камня-точила. Все ли из указанных предметов можно считать погребальным инвентарем? Скорее всего, нет. С погребенными, безусловно, были связана серебряная чаша, топор и нож. По-видимому, они принадлежали умершему мужчине, помещенному в центре могилы (индивидуум V («е»), и маркировали его высокий социальный статус. Кроме того, к погребальному инвентарю следует отнести серебряные височные кольца и объемные оловянные подвески, входившие, скорее всего, в состав нагрудного украшения. Эти предметы

явно принадлежали женщине – индивидууму VI («ж») или VII («з») – и подчеркивали ее высокое социальное положение. Вероятно, для нее же был поставлен в могилу медный котел с деревянной ложкой. Судя по находкам лоскутов ткани, погребенные были одеты в суконные одежды. На дне могилы небольшими кучками были рассыпаны серебряные монеты, предназначенные также для умерших. Остальные покойники могли быть захоронены вообще без сопроводительного инвентаря. Возможно, по причине спешности захоронения погребальным инвентарем снабдили только особо выдающихся людей. Остальные предметы, обнаруженные в могиле № 1, непосредственного отношения к погребальному инвентарю, по всей видимости, не имеют. Деформированная пуля, возможно, находилась в теле одного из погибших. Наконечники стрел, вероятнее всего, относились к поминальному комплексу, о котором мы скажем позже. Остальные предметы могли оказаться в погребении случайно. Определенно судить об этом сложно, поскольку комплекс дошел до нашего времени в сильно потревоженном виде.

Исходя из вышеперечисленного, относительно «полноценный» погребальный ритуал – в плане сопровождения умерших соответствующим инвентарем – был совершен только в отношении двух погребенных, обладавших при жизни высоким социальным статусом. Остальные умершие, скорее всего, такого статуса не имели.

Нерешенным остался вопрос о точном количестве и половозрастном составе индивидуумов, захороненных в могиле № 1. Эти данные довольно значимы для нас, поскольку являются базовыми для расчета количества жителей, обитавших в одной постройке (жилой камере), определения состава проживавшей здесь семьи, а также – в совокупности с другими данными – для вычисления количества жителей всего городка на момент его захвата[1]. В. И. Семенова полагала, что в данном помещении проживало предположительно 8 или 9 человек. На основании ее чертежей погребения № 1, в которых были зафиксированы части посткраниального скелета ранее извлеченных индивидуумов, а также параметрических характеристик человеческого скелета и костных останков, обнаруженных в переотложенном культурном слое раскопа 1 (1990 года), мы попытались восстановить первоначальное число погребенных здесь людей (рис. 3.1.2; 3.1.10). Проведенный нами анализ позволил предположить, что количество умерших, захороненных в данной коллективной могиле, не превышало восьми.

Каждый из погребенных был пронумерован нами римскими цифрами (I–VIII) с сохранением прежнего буквенного обозначения (рис. 3.1.2).

Необходимо обратить особое внимание на следующий факт: у индивида V («е»), погребенного в центре могилы, ноги были согнуты в коленях. Ранее, в предыдущей главе, мы уже излагали свое представление о времени и условиях проведения захоронения. Поскольку имеется иное мнение, будет уместно рассмотреть обе позиции в данном разделе. Дело в том, что, по мнению автора раскопок 1990 года, «*погребения 1 и 3 были совершены спустя короткое время после оставления городища (может быть через 1–2 года или несколько лет)*». Более того, в погребение № 1 было проведено «*подзахоронение*», а именно: индивиды – I («а») и II («б») были уложены «*на костях ног ранее погребенных*» [*Семенова, 2005.* С. 36, 91]. Если принять данную точку зрения, то у сородичей погребенных было достаточно времени, чтобы выкопать могилу соответствующих размеров. Вместе с тем трупное окоченение – «*rigor mortis*» – в случае смерти человека далеко за пределами городка – могло сильно затруднить помещение покойного именно в такой позе. Почему же была выкопана могильная яма меньших размеров, чем это было необходимо для захоронения в данном случае? Тем более она была сооружена заметно меньше роста индивида V («е»), обладавшего при жизни высоким социальным статусом?

Следующий вопрос касается двух женщин, якобы «*подзахороненых*» в могильную яму № 1. Сам по себе факт увеличения погребального комплекса не удивителен. На практике это периодически встречается. Между тем получается, что спустя буквально несколько лет могила № 1 была вскрыта и поверх останков ранее умерших родственников были уложены два женских тела, причем без инвентаря. Такой ритуал выглядит, как минимум, странным, особенно с учетом особого мифологического мышления людей средневековья.

[1] Данный анализ предполагалось провести совместно с группой антропологов. К большому сожалению, от этого проекта категорически отказался руководитель группы антропологов Д. И. Ражев, сославшись на нецелесообразность детального изучения костей посткраниального скелета. Убедительная просьба решить данную задачу была расценена антропологами как оказание давление на исследователей и, соответственно, на объективность и независимость их работы. Это привело к разногласиям между авторами и некоторыми соавторами данной книги. В связи с этим анализ антропологических материалов, а также их последующая интерпретация биологами и археологами выполнялись раздельно. Результаты исследований представлены двумя версиями, изложенными в данном разделе и приложении 4.1.

Археологические материалы раскопок 1990 года не содержат убедительных доказательств того, что заполнение жилища № 2.1 (2) было прорезано могильной ямой № 1 от самой поверхности. Погребение было повреждено краеведческим раскопом в 1980-е годы. Полевая фотографическая документация разрезов отсутствует. Чертежи, включенные в отчет 2002 года, были выполнены спустя 10 лет после проведения раскопок (1990 год)[2], и представленная в них информация явно неоднозначна (Рис. 3.1.4–3.1.7). Иными словами, подтвердить или опровергнуть полевыми археологическими данными представленные выше заключения крайне сложно. Остается только подключить систему логических построений для решения возникших вопросов.

На наш взгляд, ответ очевиден: умерших поместили не в специально подготовленную для этого случая могилу, а в естественную яму на руинах укрепления, точнее – в пространство центрального – предочажного (предчувального) – углубления постройки № 2.1 (2). Перед захоронением это углубление не расширялось, поскольку ранее имело деревянный пол и стены, предотвращавшие осыпание грунта. Погибших во время штурма уложили в яму почти сразу после их гибели и разрушения поселка. Причем поместили столько, сколько вошло, и так, как получилось. Не вошедших в обычном положении двух женщин не стали хоронить в другом помещении, а просто положили в ноги к остальным. Только представителей элиты снабдили подобающим погребальным инвентарем, остальных уложили без вещей и, по-видимому, в большой спешке.

Вопроса о причинах смерти захороненных в могиле № 1 у В. И. Семеновой не возникло. Очевидно, изначально она квалифицировала причину смерти всех восьми индивидов как естественную. Находкам пуль – деформированной, найденной П. С. Бахлыковым в погребении № 1, а также двум другим, обнаруженным в 1990 году у границ могильной ямы, – археолог не придала особого значения. По-видимому, совершенно напрасно, поскольку из переотложенного слоя раскопа № 1 1990 года впоследствии было извлечено еще 27 стреляных свинцовых снарядов. Судя по небольшим размерам данного раскопа, все эти находки концентрировались в центре постройки № 2.1 (2). Вполне вероятно, что некоторые из них могли находиться в телах погребенных людей.

Между тем антропологи обратили особое внимание на череп индивида «б» (II), на котором ими было зафиксировано пять преднамеренных повреждений. В приложении 4.1 представлен подробный анализ каждого из дефектов и воссоздана весьма трагическая картина убийства человека. Поскольку исследование данного черепа вызвало у нас больше вопросов, чем дало ответов, приведем вкратце выводы антропологов.

Биологами был проанализирован целый череп с нижней челюстью (инв. № 5223) из погребения № 1 – индивидуума «б»[3] (рис. 4.1.11 – *3*). Останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте 30–40 лет. Из патологических проявлений на черепе отмечено наличие пяти разрубов на костях свода и лицевого отдела черепа, причем без следов заживления. Дефект 1 зафиксирован на левой теменной кости: он в виде щели длиной 67 мм, проникающей в полость черепа (прил. 4.1. Рис. 4.1.2 – *3, 4*; 4.1.3 – *1, 3–5*). По совокупности характеристик повреждение определено как разруб, нанесенный прямым плоским рубящим предметом по «сырой» (живой) кости. Дефект 2 обнаружен на правой части чешуи лобной кости. Он выглядит как щель длиной 73 мм, проникающая в полость черепа (рис. 4.1.2 – *2–4*; 4.1.3 – *5*; 4.1.4 – *1*), которая интерпретирована как разруб по «сырой» (живой) кости. Дефект 3 находится в левой боковой области мозговой коробки. Это отверстие неправильной формы, размером 67×39 мм (рис. 4.1.2 – *3, 4*; 4.1.3 – *1–3*; 4.1.4 – *2, 3, 5*). Дефект 4 отмечен на левой височной и затылочной кости: щель длиной 25 мм, практически параллельная предыдущей (рис. 4.1.2 – *3, 4*; 4.1.3 – *1, 2. 4, 3, 5*; 4.1.4 – *2–4*). Дефект 5 – на нижней челюсти в виде трещины длиной 28 мм (рис. 4.1.2 – *3, 4*; 4.1.3 – *1*).

На основании трасологического анализа данные дефекты антропологами однозначно идентифицированы как разрубы, нанесенные плоским и относительно длинным предметом с прямым острым лезвием, имевшим значительную массу (сабля, кинжал, боевой рубящий нож). По мнению аналитиков, все ранения были получены мужчиной в бою. Ими же была воссоздана событийная ситуация, в ходе которой могли возникнуть такие дефекты. Она такова: «*первым был сделан разруб 1, когда жертва и агрессор находились лицом друг к другу. Ввиду того, что череп не был рассечен при такой силе удара, можно полагать, что голова жертвы, которая находилась в вертикальном положении, не была плотно зафиксирована. Первый удар был нанесен с такой силой, что голову жертвы по инерции развернуло влево, при этом доступной для поражения оказалась правая боковая поверхность свода черепа, по которой и был нанесен разруб 2. Два последующих ранения, вероятно, были нанесены после, когда жертва уже находилась в положении лежа, лицом вниз. При этом нападавший располагался спереди и слева от головы пострадавшего. Травма на нижней челюсти не была смертельной и, вероятно, была сделана в пылу поединка, не исключено, что она была первой*» (прил. 4.1).

[2] Чертежи погребений, приведенные в научном отчете 2002 года [*Семенова, 2010*], идентичны рисункам, опубликованным в монографии 2005 года [*Семенова, 2005*]. В нашей книге приведена копия разрезов погребения № 1, выполненных В. И. Семеновой. Тонирование культурных слоев на этих разрезах было проведено в соответствии с цветностью слоев, зафиксированной в процессе исследований 2011–2013 годов. Оно едино для всех чертежей данного издания.

[3] Номер по каталогу и принадлежность – согласно инвентарной описи краниологической коллекции Кабинета антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета (ТГУ).

В качестве одного из аргументов, подтверждающих нанесение вышеописанных травм прижизненно либо сразу после смерти, антропологи приводят сходство цвета и степени патинизации компактного и губчатого вещества кости на краях дефектов, а также на прилегающей поверхности черепа. Второй аргумент: череп индивида «б» из погребения № 1, по данным научного отчета и монографии В. И. Семеновой, не был потревожен во время краеведческих раскопок 1980-х годов. Кроме того, исследователи ссылаются на свидетельство В. И. Семеновой, которая сообщила, что сама производила расчистку черепа и уже тогда зафиксировала эти повреждения. Данные аргументы, по мнению антропологов, абсолютно исключают иные варианты нанесения повреждений, например разрубание лопатой в процессе раскопок (прил. 4.1).

На наш взгляд, данные выводы и аргументация антропологов весьма сомнительны по ряду причин. Во-первых, в научном отчете и последующей публикации В. И. Семеновой костяками «а» и «б» обозначены *непотревоженные* скелеты двух индивидов, которые были зафиксированы в погребении № 1 на костях ног ранее погребенных. Костяки принадлежали женщинам двадцати («а») и двадцати-тридцати («б») лет. Половозрастные определения данных останков были выполнены сотрудником Томского государственного университета (ТГУ) В. А. Дремовым [*Семенова, 2005.* С. 4, 34].

В исследовании антропологов (прил. 4.1), в соответствии с описью, под номером «*5222*» фигурирует индивид «а» из погребения № 1, который представлен фрагментами черепа и нижней челюсти (прил. 4.1. Рис. 4.1.11 – *1, 2*) человека в возрасте 30–40 лет. Определение его половой принадлежности затруднено. Как сказано выше, индивидуум «б» из того же погребения, фигурирует под номером «*5223*». Он определен как мужчина, умерший в возрасте 30–40 лет. Именно на этом черепе зафиксированы патологические проявления. Далее анализируются индивиды из того же погребения с буквенными обозначениями «к», «л», «м». Таких обозначений нет в отчете и монографии В. И.Семеновой [*А–2010*; *2005*].

В связи с этим возникают закономерные вопросы:

– почему данное противоречие не было проанализировано в рамках антропологического исследования;

– кто ошибся – автор раскопок (В. И. Семенова) или автор антропологического определения (В. А. Дремов);

– почему ни тот, ни другой не обратили внимания на эти факты и не указали на данные искусственные патологии;

– или, в итоге, все же неправы наши коллеги?

Зная, что В. И. Семенова примерно в то же время проводила раскопки могильников Усть-Балык и Киняминский, а антропологические материалы передавала в ТГУ – В. А. Дремову, логичен вопрос: принадлежат ли вообще данные краниологические материалы погребению № 1 из городка *Монкысь урий*? Далее: дефекты на черепе «б» настолько выразительны, что не заметить их сложно. Между тем ни В. И. Семенова, ни В. А. Дремов не обратили сразу на них внимания. Почему? Может они не придали им значения, посчитав за современные дефекты?

Сейчас известно, что не существует полевой или отчетной документации, достоверно подтверждающей, что череп индивида «б» относился к тому или иному скелету. Иными словами: извлечен он П. С. Бахлыковым или В. И. Семеновой. Нет полевых документов – достоверных источников для идентификации. Кроме того, данный череп не один год мог находиться на поверхности, в лесных условиях. Заметим, что «сырой» средневековая кость остается в грунте практически с момента попадания в него до извлечения и преднамеренной сушки. Следы на такой кости будут близки тем, что остаются на «живой» костной ткани. Каким образом после извлечения из культурного слоя в течение, как минимум, 25 лет шел процесс изменения (корродирования) костной ткани черепа и что повлияло на это, мы достоверно не знаем.

Подчеркнем: череп индивида «б» – это не артефакт, извлеченный археологами из культурного слоя, где он находился in situ, который через незначительный промежуток времени попал к антропологам.

Налицо путаница в разных источниках, которая не разрешена в антропологическом исследовании. Причем нельзя сказать, что коллеги не заметили данного противоречия: оно было ими просто проигнорировано.

В связи с этим антропологическое исследование выглядит недостаточно скрупулезным, а выводы относительно черепа индивида «б» и останков остальных умерших отчасти сомнительными. К примеру, заключение «о кровавом убийстве», что дает право рассматривать их, прежде всего, как предположительные. Мы же склонны доверять, в первую очередь, описаниям и результатам антропологических исследований В. А. Дремова и выводам В. И. Семеновой, поскольку они сделаны сразу после завершения полевых археологических исследований. Итогам новых антропологических исследований мы можем доверять в той части, где посчитаем их достаточно обоснованными.

Может сложиться впечатление, что наше пристальное внимание и критическая оценка вызвана изначальными разногласиями, однако это не так. Антропологические источники являются одними из важнейших данных для воссоздания этнической культуры изучаемого общества. Практически все исследователи обращают на них особо пристальное внимание при рассмотрении материальных остатков. Несоответствие исходных данных не может не бросится в глаза, особенно безапелляционные выводы, построенные без учета путаницы в источниках. Принять этого мы не можем, поскольку недостоверность в малом рождает недоверие к результатам всего комплексного исследования. Ведь если один вывод буден не обоснован, а другой построен на надуманных фактах, то отношение к остальным заключениям будет скептическим.

Возможно, если бы патологии на черепе индивида «б» были доказаны и бесспорны, это могло бы стать еще одним эпизодом боевых действий по взятию городка. Например, поединка на кровле, который решил исход штурма остяцкой «крепости». Все было бы, как в хорошем кинофильме, но мы пытаемся воссоздать реалии прошлого. Они же подсказывают, что героев при их погребении не бросают в ноги к остальным, как представителей низкого социального статуса. Посему заметим, что даже в фольклорных источниках нет ни слова о поединках при осаде городка – только сведения о перестрелке из огнестрельного оружия и луков, после этого – штурм городка, затем – сдача Тоньи и его брата. Иными словами, фольклорных подтверждений выводам антропологов нет. Можно лишь сожалеть о том, что полноценное исследование данного артефакта не состоялось, а мы вместо более глубокого анализа социальной структуры общества и погребального обряда представляем критику источника.

Подводя итог описанию погребения № 1, озвучим несколько фактов и выводов. Антропологом Д. И. Ражевым и его коллегами полностью или частично определены половозрастные характеристики пяти человек: индивид «а» – пол человека не определен, его возраст – 30–40 лет; «б» – мужчина 30–40 лет; «к» – мужчина 30–35 лет; «л» – мужчина 35–50 лет; «м» – мужчина 35–50 лет. Поскольку эти данные не соотнесены с ранее опубликованными анализами и противоречат им, считаем, что использовать их для нашего анализа нельзя. Наиболее объективными антропологическими данными – по погребению № 1 – мы считаем результаты исследований В. А. Дремова и В. И. Семеновой.

Основываясь на них и материалах собственных исследований, мы пришли к следующему заключению. В коллективном погребении № 1 было захоронено восемь человек: четверо мужчин, три женщины и один ребенок. Мужчины: индивиды III («в») – VI («ж»), возрастом 30–35, 30–40 и двое – около 40 лет. Женщины: индивид I («а») – возрастом около 20 лет; индивид II («б») – возрастом 20–30 лет, индивид VII («з») – возрастом около 20 лет. Дети: индивид VIII («и») – возрастом 7–9 лет.

В результате дентиноскопии зубов из черепов разных комплексов, обнаруженных на городке, достоверно установлено, что индивиды из захоронения № 1, как и другие, погибли в один и тот же сезон: в конце осени – начале зимы (прил. 4.4). Это еще один факт, свидетельствующий не в пользу совершения захоронений спустя несколько лет после штурма городка. Верифицируя все хронологические данные в том числе с фольклорными и документальными источниками, время захоронения умерших с определенной уверенностью можно определить как декабрь 1619 года (см.: Гл. 2.2.6; Заключение). В качестве основной версии причины смерти данных индивидов следует назвать убийство из огнестрельного оружия (пищалей). В пользу этого косвенно свидетельствуют находки нескольких десятков стреляных пуль в могильной яме и постройке, где она находилась.

Похороны умерших были организованы оставшимися в живых жителями городка, причем спустя короткое время – не позднее суток после гибели сородичей. Людей захоронили в центре жилой камеры, точнее – в углублении перед очагом-чувалом внутри сгоревшей постройки № 1. Не исключено, что они жили в этом помещении, и здесь их настигла смерть. Умерших захоронили с соблюдением погребальной обрядности, характерной для нехристианского остяцкого населения края. Покойники были уложены в определенном порядке, и им была придана соответствующая поза: вытянуто, на спине или близко к такому положению. Две женщины были уложены поверх ног потому, что не вошли в один ряд вместе с остальными родственниками. При этом все умершие захоронены в соответствии со своим социальным и гендерным статусом. Половозрастной состав и знаковые предметы позволяют предположить, что погребенные являлись представителями одной большой семьи, причем главы общины или его ближайшего родственника. В данной могиле находился сам глава семейства, возможно, с женой, ребенком и его ближайшими родственниками (братьями?) с женами.

Судя по отсутствию в могилах предметов вооружения (кроме вышеупомянутых свинцовых пуль), все основное вооружение было сдано победителям, включая защитный доспех. Возможно, именно поэтому у большинства погребенных мужчин практически не было сопровождающего инвентаря, соответствующего их рангу, полу и возрасту. Наличие дорогих статусных вещей – серебряной чаши, серебряных и импортных оловянных украшений – только у двух погребенных (мужчины в центре могилы – V («е») и женщины – VII («з»)) продиктовано необходимостью «промаркировать» их социальный статус в загробном мире. В свою очередь, положенные в могилу серебряные монеты были призваны отметить высокий статус всего семейства и, в первую очередь, их владельцев – мужчин. Они были рассыпаны поверх тел индивидов и, возможно, замещали остальной погребальный инвентарь.

Поскольку казна томского гарнизона была возвращена, изъятое у остяков вооружение было сдано отряду сургутского гарнизона. О наличии в городке серебряных денег или других ценных предметов осаждавшие не знали. Похоронные процедуры в полуразрушенной «крепости» могли проводиться без надзора победителей. При этом погребение покойных происходило в спешке.

3.1.2. Индивидуумы IX–X («погребение» № 2)

Данные захоронения были обнаружены в 1991 году на территории постройки № 2.3 (4): уч. Ц–Щ/ 41–42 (кв. Д/4, костяки «а», «б» – по: *Семенова, 2002*), ур. 44,92–45,03 м (рис. 3.1.1; 3.1._?).

Автор раскопок В. И. Семенова отметила, что термином «*… погребение 2 обозначено захоронение двух, скорее всего, трагически погибших женщин, брошенных в углубление от котлована 4. Их останки оказались засыпанными остатками сгоревшей и обрушившейся постройки над котлованом 3*» [*2005.* С. 41]. Таким образом, изначально было ясно, что данные останки не являются преднамеренным захоронением с соблюдением соответствующего погребального обряда. Опустим размышления, почему находка данных индивидов не была терминологически выделена среди других ритуальных захоронений. Мы считаем, что правильнее пронумеровать данные останки индивидуально, а до их интерпретации привести описание, представленное Валентиной Ивановной в ее монографии. Оно таково.

Погребение 2 «*…найдено на глубине 50 см от современной поверхности. На уровне -91…-95 см на поверхности показались черепа, лежащие на боку и направленные лицевыми частями в разные стороны. Могильная яма не зафиксирована. Оба костяка были перекрыты светло-желтой супесью, под ними шла угольная прослойка. Границы погребения очерчены условно по пятну темно-синеватого оттенка вокруг уже расчищенных костяков (см. Приложение 1: рис. 8). Следов погребального сооружения не обнаружено. Полностью костяки были расчищены на уровне -91…-108 см, их позы были необычны для погребенных по обряду (рис. 23; см. Приложение 1: рис. 30).*

Костяк «а» располагался ближе к «северной» стенке раскопа 2. Он принадлежал женщине 30–40 лет. Кости найдены в анатомическом порядке. Покойная лежала на спине с согнутыми в локтях руками (кости фаланг пальцев обнаружены у черепа), поджатыми и разведенными в коленях ногами. Череп лежал на правой стороне, лицевой частью к стенке. На костяке между тазобедренными суставами найдена поясная ажурная пряжка (№ 164, см. рис. 43, 6).

Костяк «б» лежал на левом боку (в 2/3 оборота) со слегка согнутыми коленями и руками. Кисти рук были подняты к лицу. Кости имели хорошую сохранность. Скелет принадлежал женщине (!) около 35 лет. Под низками бисера сохранились фрагменты бересты, которые, видимо, находились под трупом.

На костяке «б» и возле него найдены: височное кольцо (№ 166, см. рис. 43, 10) недалеко от черепа; бисер металлический (№ 172) на груди (видимо, был нанизан и нашит (?) в несколько рядов на одежду); фрагмент изделия из железа (№ 170, обломок острия наконечника стрелы?) с внешней стороны правой бедренной кости; миниатюрная ажурная пряжка (№ 167, см. рис. 43, 7) с внешней стороны правой конечности; еще одна

ажурная пряжка (№ 168, см. рис. 43, 5) на левом тазобедренном суставе, вместе с остатками кожаного пояса; скобель (№ 169, см. рис. 30, 3) с внешней стороны правой конечности; железный наконечник стрелы (№ 165, см. рис. 12, 4), бронзовый наконечник стрелы (№ 171, см. рис. 11, 5) в ногах на кости животного.

Обе погребенные ориентированы головами на юг, лежали в углублении котлована жилища и, видимо, были присыпаны сверху землей. Не исключена их насильственная смерть. Скорее всего, часть найденных возле костяков предметов (скобель, наконечники стрел, обломок изделия из железа) относится к жилищу.

Возле погребения и над ним встречены отдельные кости, часть которых, безусловно, связана со слоем поселения. Между костяками найдена кость лося (1/1). На правом предплечье костяка «б» лежала большая кость медведя (1/1). Кость в ногах костяка «б» под бронзовым наконечником стрелы не определена. Рядом с погребением расчищены кости лося (2/1)» [*Семенова, 2005.* С. 37–39. Рис. 22, 23].

Интерпретации событий, связанных с данной находкой, посвящен следующий абзац. «*Городок Мункысь Урий погиб от пожара. На это указывают остатки сгоревших построек, связанных с котлованами 1, 3, 7. В слое пожарища около котлована 3 были расчищены два женских костяка (погр. 2). Женщины, скорее всего, погибли при захвате городка. Об этом красноречиво свидетельствуют их позы и содержимое сумки, принадлежавшей одной из женщин. Кроме обычного набора вещей для рукоделия (заготовки, готовые изделия), в ней обнаружен очажный крюк. Сама трагедия разыгралась на хозяйственной площадке у уличного чувала. Видимо, собирая все, что было дорого и необходимо, женщина спрятала и очажный крюк*» [*Там же.* С. 79].

Основываясь на материалах исследований В. И. Семеновой и В. А. Дремова, останки двух индивидуумов, лежавших рядом в пространстве постройки № 2.3(4), принадлежали взрослым женщинам, возрастом 30–40 (индивид IX – 2«а») и около 35 лет (индивид X – 2«б»).

Антропологами группы Д. И. Ражева череп индивида IX (2 «а») определен как женский, возрастом 45–55 лет, а череп индивида X (2 «б») тоже как женский, но возрастом 35–45 лет. Эти данные не противоречат выводам В. А. Дремова. Их использование в нашем анализе допустимо, наравне с результатами других исследований. Между тем у черепа индивида IX (2 «а») отмечен один дефект: отчленен правый сосцевидный отросток (прил. 4.1. Рис. 4.1.8 – *2*). Как в случае с черепом из погребения № 1, антропологи посчитали, что травма была нанесена *перимортально*. Она является следствием рубящего удара, который был нанесен, когда женщина лежала лицом вниз, либо когда ее голова находилась примерно на уровне пояса нападавшего. Удар пришелся на шею справа, при этом был отсечен и сосцевидный отросток. «*Учитывая детали ситуации нанесения ранения, – пишут аналитики, – более вероятной представляется интерпретация этого случая как экзекуции (казнь, ритуальные действия*)» (прил. 4.1). Весьма трагическая картина!

Мы уже упоминали о спорных результатах подобного анализа, поэтому повторяться не будем. Обратим внимание на то, что не было сделано нашими соратниками-биологами при анализе черепа индивида X (2 «б»), который принадлежал второй умершей женщине. У данного человека «*…из патологических проявлений отмечено наличие зубного камня на зубах*» (прил. 4.1). И только! В то время как щелевидный дефект длиной не менее 200 мм, проникающий внутрь черепа (прил. 4.1. Рис. 4.1.8 – *5*), остался незамеченным. Последний вообще не упомянут, никак не охарактеризован, и его происхождение не прокомментировано. Даже если бы это был современный искусственный дефект. Кроме того, в качестве недостатков анализа отметим выборочность описания и атрибуции дефектов, выполненных данной группой исследователей. В целом же вывод о «ритуальном убийстве» индивида X (2 «а») мы не считаем обоснованным, скорее, наоборот. На наш взгляд, как раз патология черепа индивида X (2 «б») не случайна. Ее анализ был бы очень важен и мог бы способствовать установлению причины смерти обеих женщин – как данной, так и найденной рядом.

Если наше предположение верно, и женщины погибли в жилом помещении в результате обрушения его кровли во время штурма городка, то такой дефект черепа индивида X (2 «а») вполне объясним. Он мог появиться от удара балок и плах перекрытия. Сила такого удара могла быть достаточно высока. В первую очередь, из-за большого веса перекрытия в зимнее время, а именно: деревянных конструкций, «дернового» гнета, удерживавшего берестяную гидроизоляцию, и мощного снежного покрова. Во-вторых, на крыше стояли воины с тяжелым огнестрельным оружием. К сожалению, анализ данного дефекта, зафиксированного у одного из женских черепов, в результатах исследований группы Д. Н. Ражева отсутствует. Мы же вынуждены опираться на другие факты и логику событий.

В любом случае, не вызывает сомнения, что тела двух взрослых женщин (30–50 лет), обнаруженные в северо-восточной части постройки № 2.3 (4), специально не были захоронены. Сделать это после боя и сожжения «крепости» было, вероятно, невозможно: из-за сложности извлечения тел из-под рухнувшей кровли. Тем не менее убитых не потеряли в суете штурма и последующего пожара. О том, что их местонахождение было известно сородичам, свидетельствует концентрация ритуальных стрел вокруг места, где оставались лежать тела (рис. 3.2.2). В предыдущем разделе нашей книги (Гл. 2.4) мы попытались рассмотреть обстоятельства обрушения кровли. Одной из наиболее вероятных причин этого был захват противником перекрытия оборонительно-жилого комплекса и размещения на нем большой группы стрельцов для одновременного обстрела жилых помещений через кровельные входы. В зимнее время, когда крыша покрыта слоем снега, а к декабрю его мощность может достигать метра, любая перегрузка может спровоцировать обрушение. Именно слишком большое количество штурмующих, поднявшихся на кровлю здания, продолжавших обстрел и добивавшихся сдачи восставших, вызвало обрушение кровли над постройкой № 2.3 (4). В результате погибли две женщины, возможно, занимавшиеся своими обыденными делами, чтобы отвлечься от трагических событий, или, вероятнее всего, просто прятавшиеся в данном помещении во время штурма. Кроме того, мы исключаем вариант событий, при котором трупы людей, погибших во время штурма, перемещали для перезахоронения из одного помещения в другое через узкие кровельные входы-лазы.

3.1.3. Индивидуумы XI–XV(?) (погребение № 3)

Данное погребение было открыто в 1991 году на территории разрушенной постройки № 2.5 (6): уч. Ы–Ю/32–34 (кв. Б/5–6 – по: *Семенова, 2002*), ур. 44,37–44,50 м (рис. 3.1.1, 3.1.2),

Согласно В. И. Семеновой, оно «*…было практически полностью вскрыто П. С. Бахлыковым. Сверху шурф имел размеры 180х80 см и выглядел как узкая, длинная яма, заполненная оползшим внутрь дерном (см. рис. 13; Приложение 1: рис. 16). На глубине стенки его были подрыты. Удалось уловить очертания могильной ямы на верхних горизонтах по темному заполнению на более светлом фоне заполнения котлована жилища. Периферийные участки дна погребения вскрыты не были. Удалось установить форму и размеры нижней части ямы. На уровне -148...-150 см яма имела прямоугольную форму, размеры 220х157 см. Она была ориентирована с юго-запада на северо-восток.*

В северном углу в верхнем заполнении могилы найден железный наконечник стрелы (№ 231, см. рис. 25, 1).

При разборке шурфа были обнаружены обломки черепа и предметы: полые подвески из белого металла с петлями для подвешивания (4 экз., № 122, № 216, см. рис. 25, 5), пять монет времени правления Ивана IV (№ 219), костяной наконечник стрелы (№ 112, см. рис. 25, 3). Связывать их только с погребением нельзя, так как аналогичный материал был и в жилище (см. рис. 26).

От самого погребения нетронутыми оказались три фрагмента в северном, южном углах и вдоль северо-западной продольной границы (рис. 24).

В южном углу расчищен непотревоженный (за исключением нижней челюсти) череп «а» (фиксировался с уровня -172 см). Лежал на левой стороне, под ним найдена половина крестовидной накладки (№ 220, рис. 25, 4). Принадлежал мужчине 20 лет.

Рядом с черепом «а» в противоположном углу найден потревоженный и раздавленный череп «б» (начало расчистки на уровне -160 см). Возможно, к нему относится нижняя челюсть, обнаруженная на уровне -180 см посередине у западной границы ямы. Череп принадлежал мужчине 20–25 лет. Около черепа вдоль северной границы погребения на уровне -190 см был расчищен фрагмент деревянного погребального сооружения прямоугольной формы размерами 90х20 см. Возле него с внешней стороны лежала монета времени правления Ивана IV (№ 218, -191 см). С внутренней стороны останца на расстоянии от него лежал железный наконечник стрелы (№ 223, рис. 25, 2).

Третий фрагмент погребения, в северном углу, представлял собой останец древесного тлена размерами 65х48 см с остатками двух черепов. От черепа «в», принадлежавшего взрослому человеку, осталась затылочная часть. Он расчищен на уровне -187 см. Под ним найдены три монеты (№ 217). Рядом с внутренней стороны на уровне -188 см обнаружен частично сохранившийся череп «г» (челюсти истлели, остались зубы), принадлежавший ребенку. Под ним лежали три фрагмента тонкой пластины (№ 229) и пять бисеринок (две голубые и три белые, № 230). Рядом с фрагментом у северо-восточной торцовой границы ямы расчищены остатки жерди диаметром 5 см (уровень -185 см). По краю останца с внутренней стороны и около черепа взрослого найдена россыпь монет кучками по 2–5 шт. (№ 221, -190 см).

Из шурфа были извлечены череп взрослого мужчины и длинные кости двух скелетов – мужского и женского. Предположительно в могиле находился третий мужчина (костяк «д»). Длинные кости женского скелета, возможно, соотносятся с черепом «в». Погребенные «в» и «г» имели другую ориентацию, череп «г» явно принадлежал ребенку, следовательно, это могли быть женщина с ребенком.

Таким образом, в могиле было захоронено не менее пяти человек. Трое взрослых мужчин были ориентированы головами на юго-запад (240°). Женщина и ребенок 1–2 лет были размещены в северном углу ямы и ориентированы головами на северо-восток (60°) (см. рис. 24).

Погребальное сооружение сохранилось фрагментарно. Судя по разрезу В-А (см. Приложение 1: рис. 20), оно представляло собой деревянный ящик с перекрытием. <…>

Могила 3 представляла собой коллективное захоронение. Ее глубина от современной поверхности не превышала 70 см.

Из трех коллективных захоронений только два (погр. 1, 3) можно отнести к собственно погребениям, т. е. преднамеренным захоронениям» [*2005.* С. 39–41. Рис. 24, 25].

В свою очередь, относительно вещевого комплекса погребения № 3 в монографии В. И. Семеновой можно узнать следующее. *«В Угутском музее хранится ряд вещей из этого погребения: пара височных колец, аналогичных кольцам из погребения 1, нож с массивным лезвием (предположительно, лежал рядом с непотревоженным наконечником стрелы), 11 шишковидных подвесок, монеты, бронзовая фигурка рыбки и половинка полой бусины с филигранью, соединенные цепочкой»* [*Там же.* С. 41].

Некоторые из этих предметов, за исключением утраченных, представлены и охарактеризованы в рамках данного исследования (Гл. 2.3). В данном случае мы также ограничимся ссылками на эти находки в общих таблицах:

– височные кольца (рис. 2.3.1 – *4, 5*);
– подвески из олова (рис. 2.3.5 – *16–35*);
– наконечники стрел (рис. 3.2.4 – *1*; 3.2.6 – *1, 10*).

Вышеупомянутый массивный нож в коллекции музея нам найти не удалось.

Наконечники стрел, с большей вероятностью, относились не к погребальному инвентарю, а были связаны с поминальным комплексом погребения.

Основываясь на материалах исследований В. И. Семеновой и В. А. Дремова, можно заключить, что в коллективном погребении № 3 были захоронены пять человек. Два мужчины – возрастом около 20 (индивид XI – 3 «а») и 20–25 лет (индивид XII – 3 «б»). Две молодые особы (подростки, дети?) женского или мужского пола: одна – предположительно, молодая женщина (индивид XIII – 3 «в»); вторая – возможно, молодая женщина или молодой мужчина (индивид XV – 3 «д»). Дети: ребенок возрастом 1–2 года (индивид XIV – 3 «г»). Поскольку были извлечены длинные кости мужского и женского индивидуумов, то, как минимум, один из скелетов – индивидов XIII (3«в») или XV (3«д») – явно принадлежал женщине. Какой конкретно, установить сложно. Между тем не исключено, что оба они женские. Кроме того, на женскую половую принадлежность индивида XV (3 «д») указывают находки височных колец, а индивида XIII (3 «в») – его размещение рядом с ребенком. Вместе с тем велика вероятность, что в погребении находились не пять, а только четыре человека, а кости скелетов XII (3 «б») и XV (3 «д») принадлежали одному человеку. В этом случае в захоронении находились мужчина, женщина и, возможно, двое детей.

Антропологической группой Д. И. Ражева проанализированы несколько фрагментов одного черепа и нижняя челюсть, которые числятся в коллекции ТГУ под одним номером – 5229 (рис. 4.1.9 – *3, 4*; 4.1.10 – *1, 2*). По определению ученых, эти кости принадлежали женщине возрастом 18–22 лет. Определить их связь с каким-либо конкретным индивидом из погребения № 3 не удалось.

Согласно опубликованным археологическим данным, раздавленный череп принадлежал мужчине 20–25 лет (индивидуум «б»). К нему же, возможно, относится нижняя челюсть, первоначально отнесенная к индивидууму XV (3 «д»). Очевидно, что краниологические останки, хранящиеся в ТГУ под № 5229, принадлежали индивиду (индивидам), фигурирующим под номерами XII (3 «б») и XV (3 «д»). Предположительный возраст умерших, по оценкам археологов и антропологов, совпадает. Находки женских украшений близ упомянутых останков позволяют говорить о вероятности того, что первое заключение о половой принадлежности умершего могло быть ошибочно. Дело в том, что череп фрагментирован, а возраст погибшего является пограничным в процессе формирования и закрепления признаков полового диморфизма.

Как видно из данного анализа, идентификация, с той или иной степенью точности, вполне возможна, если ею заняться, а не рассуждать о невозможности. Это лучше, чем констатация путаницы, дискриминирующей источники.

Часть пространства постройки № 2.5 (6), в которой найдено погребение № 3, изобиловало находками стреляных свинцовых пуль: их не менее двух десятков (рис. 2.4.5). Основная версия причины смерти людей, находившихся в погребении № 3, – убийство защитников городка *Монкысь урий* из огнестрельного оружия (пищали) во время штурма «крепости». Соответственно, время захоронения то же, что и у остальных индивидуумов: декабрь 1619 года. Похороны были организованы сразу после взятия и разрушения карателями оборонительно-жилого комплекса. Убитых захоронили в углублении, оставшемся в центре разрушенной постройки № 2.5 (6). Захоронение произведено с соблюдением погребального ритуала, характерного для хантыйского населения данного региона. Покойники были уложены в вытянутом положении, на спинах или близко к такому положению. Взрослые индивиды – мужчина и женщина – были ориентированы головами на юго-запад, ногами – на северо-восток; дети – головой на северо-восток, ногами – на юго-запад. Ориентировка их тел отличается от расположения умерших из погребения № 1. С чем это связано – еще предстоит выяснить. Половозрастной состав и знаковые предметы позволяют предположить, что погребенные в данной могиле люди представляли собой одну семью и, возможно, включали еще одного ближайшего родственника.

Наличие дорогих статусных вещей – импортных серебряных и оловянных украшений у женщины (индивидуум XII – 3 «б» и XV – 3 «д») – маркирует ее высокий социальный статус и, возможно, отражает принадлежность к семье главы общины. Находки в данной могиле (аналогично погребению № 1) серебряных монет, могут свидетельствовать о принадлежности погребенных к одному семейному сообществу, отличавшемуся высоким социальным статусом.

3.1.4. Индивидуум XVI–XIX («погребение» № 4)

Останки индивидуума XVI обнаружены в 1991 году у постройки № 2.5(6): уч. Э/ 37 (кв. В/5 – по: *Семенова, 2002*), ур. 44, 08 м (рис. 3.1.1).

Автор раскопок В. И. Семенова обозначила его погребением № 4 и охарактеризовала следующим образом.

Погребение 4 «*…переотложено, его остатки расчищены на уровне -100...-110 см (см. Приложение 1: рис. 16). Деформированный череп лежал лицевой частью вниз, его расчистка началась с уровня -102 см. Под ним отмечены слабые следы дерева, сохранившиеся волокна которого имели направленность к центру котлована 5. На уровне -100 см около него были найдены два фрагмента сосуда (№ 332, см. рис. 5, 9), еще один фрагмент венчика этого же сосуда был найден чуть раньше в пределах «северной» части котлована на этом же уровне (№ 261). Череп и сосуд оказались в пространстве между камерами котлована. Череп принадлежал ребенку 3–4 лет*» [*Семенова, 2005.* С. 12, 117. Рис. 16]. Как ни странно, но эти останки были отнесены к широкому временному интервалу – от середины I до начала II тысячелетия [*Там же.* С. 9]. На наш взгляд, атрибуция и хронология данного объекта явно сомнительны (см.: Гл. 2.2; 2.3). Судя по представленному В. И. Семеновой описанию, индивид не был захоронен. Таким образом, это было не намеренное погребение, а только остеологические останки, происхождение которых необходимо объяснить. По нашему мнению, данный индивид погиб, как и остальные, при штурме городка. Открытым остается вопрос: был ли его труп потерян, намеренно оставлен под руинами «крепости» или все же впоследствии погребен? Судя по его местонахождению – практически в пространстве постройки № 2.5(6) – и близости к погребению № 3, вероятнее всего, череп индивидуума происходит из этого захоронения. Практически весь холм, на котором стоял городок *Монкысь урий*, прорезан лисьими и барсучьими норами. Вероятность извлечения из погребения и перемещения человеческих костей животными, а также их повреждения или смещения корнями больших деревьев, крайне велика.

На данном памятнике имеются и другие подобные находки человеческих останков неясного происхождения. Так, кости индивидов XVII–XIX были обнаружены на территории постройки № 2.3 (4) – на уч. Ч–Щ/ 41–42, на ур. 45,00–45,07 м (рис. 3.1.1). Вот что сообщает о них В. И. Семенова: «Вокруг погребения [«погребение» № 2 – *О. К., Г. В.*] *найдены также мужская и женская правые бедренные кости, не принадлежащие костякам 2 «а» и 2 «б». Нижняя челюсть мужчины 20–30 лет обнаружена примерно в полуметре к «востоку» от погребения на уровне -109 см*» [*Там же.* С. 39]. Иными словами, в культурном слое приблизительно на том же месте,

где были найдены индивиды IX–X, были зафиксированы отдельные останки еще, как минимум, трех человек. Вероятность их естественного перемещения также существует. Впрочем, может быть и другой вариант. Под обрушенной кровлей оборонительно-жилого комплекса городка погибли не только две женщины, а еще несколько человек. Их тела, хотя и были перекрыты деревянными конструкциями и засыпаны грунтом, некогда покрывавшим крышу строения, но лежали сравнительно неглубоко. Впоследствии это позволило диким животным откопать отдельные человеческие кости и растащить их по окружающей поверхности. Возможно, таким же образом на южный склон попали останки еще одного погибшего жителя городка.

3.1.5. Индивидуум XX

На склоне и у подножия южной части городка (уч. Т–У/51–52, ур. 40,30–40,42 м) были обнаружены фрагменты практически целого черепа и нижняя челюсть человека (рис. 3.1.1). Эти останки находились на глубине от 15 до 20 см от современной поверхности, в слое темно-серой супеси. Череп располагался под слоем «дерна» (лесная подстилка, гумус) и прослойкой серой супеси, на глубине 10–15 см. Нижняя челюсть лежала в 1 м от черепа и была перекрыта более мощным (20–25 см) культурным слоем, содержащим артефакты и кости животных. По всей площади участка слой имел относительно однородный состав и цветность. Очертаний какой-либо ямы здесь не прослеживалось. Специфических предметов или серий вещей, к примеру, парных, которые могли бы указывать на остатки разрушенного захоронения, также не обнаружено. Вокруг этого места залегали предметы, обычные для поселенческого культурного слоя – обломок медного котла, кольчужное кольцо, точильный брусок и кости животных. При этом фрагменты черепа и лопатки северного оленя перекрывали нижнюю челюсть человека. В непосредственной близости от челюсти найдена свинцовая пуля [*Визгалов, А–2013*]. Из этого следует однозначный вывод, что останки принадлежат индивидууму, явно не захороненному с соблюдением погребальной обрядности.

Судя по результатам антропологического исследования, череп и челюсть принадлежали мужчине в возрасте 25–35 лет (прил. 4.1). Изучение структуры зубов – годичных слоев цемента и дентина – позволило уточнить возраст индивидуума (25–28 лет), а также время его гибели – конец осени – начало зимы (ноябрь-декабрь) (прил. 4.4). Половозрастная характеристика останков позволяет, хотя и с определенной оговоркой, связать с данным черепом еще две кости, обнаруженные в 3–4 м от костей черепа данного индивидуума XX, на 1 м выше по склону южной части городка. Помимо этого, на уч. П/50 (ур. 40,90–41,10 м) были обнаружены лопатка и плечевая кость. Как установили антропологи, лопатка принадлежала взрослому индивидууму, а плечевая кость – взрослому мужчине. Мы полагаем, что велика вероятность принадлежности данных частей посткраниального скелета и черепа одному индивидууму. Безусловно, более точное определение можно получить только после проведения генетической экспертизы. Тем не менее мы не склонны считать, что такой анализ радикально изменит «фактологическую» составляющую. Изучение планиграфии распространения костных останков, найденных в 1990 и 2011–2013 годах, позволяет предположить, что помимо индивидуумов IX и X на руинах городка *Монкысь урий* было обнаружено еще, как минимум, три незахороненных человека.

Судя по расположению и фрагментарности костных останков, отнесенных нами к индивидууму XX, тело этого человека находилось в той части оборонительно-жилого комплекса городка, которая подверглась разрушению как после штурма, так и в последующее время. Это позволяет предположить, что данный индивидуум находился на уровне наружной стены оборонительно-жилого комплекса, но за пределами его внутреннего пространства. Вероятнее всего, этот человек – явно местный житель – погиб во время штурма городка. Его тело попало в снег и не было обнаружено во время проведения коллективных захоронений на территории разрушенной «крепости». Оставшиеся в живых жители остяцкого поселка покинули это место. В дальнейшем останки человека были перекрыты частями рухнувшего строения и засыпаны грунтом «дернового» гнета кровли. Кроме того, они разлагались и перемещались по склону в процессе естественного разрушения руин городка. «Фрагментированность» данных человеческих останков, зафиксированную в ходе раскопок, мы склонны связывать с жизнедеятельностью мелких и крупных животных. Даже древние кости, попадающие на поверхность, становятся пищевым ресурсом мелких грызунов. Не говоря уже о более крупных хищниках, в зону обитания которых впоследствии вошли руины городка.

Имеются еще факты, так или иначе связанные с расположением костных останков индивидуума XX. Это находки поблизости от этого места медных ритуальных стрел и костей медведя (рис. 3.1.1, 3.2.2).

Обнаруженные здесь же железные наконечники не могут быть однозначно интерпретированы как принадлежность погребального или поминального инвентаря. Вместе с тем находки таких артефактов в других местах памятника мы так или иначе связываем с захоронениями и интерпретируем их как элементы поминальной обрядности (см.: Глава 3.3).

Таким образом, индивидуум XX – это один из жителей городка, убитый в процессе штурма, не найденный и, соответственно, специально не захороненный. Это могло произойти в силу особых обстоятельств его гибели, а также по причине его низкого социального статуса. Тело погибшего долгое время находилось на поверхности южного склона городка, затем оно было погребено естественным образом под руинами «крепости».

Резюмируя материалы о захоронениях и непогребенных индивидуумах, необходимо отметить следующие характерные черты местного погребального обряда. Погребения № 1 и 3 – грунтовые, находились в ямах, глубина которых от современной поверхности составляла 0,7–0,9 м. В качестве погребальных сооружений были приспособлены естественные углубления, оставшиеся от центральных частей прямоугольных жилых камер, обложенных деревом. Чисто внешне в древности они напоминали деревянные камеры или большие ящики. Покойные лежали на спинах с вытянутыми конечностями, головами на северо-восток, юго-запад, юго-восток. При этом в каждой могиле имелись группы скелетов, ориентированных в разные стороны. Погребенные высокого социального статуса были направлены головами на юго-запад (погребение № 3) и юго-восток (погребение № 1), остальные – на северо-восток.

Напомним, что для населения Сургутского Приобья раннего железного века и средневековья было характерно захоронение своих умерших, в первую очередь высокого социального ранга, во рвах древних городков. Кроме того, встречаются редкие погребения во внешних ямах заброшенных жилищ [*Борзунов, Бельтикова, 1989.* С. 137, 139; *Чемякин, Карачаров, 2002*. С. 35, 43; *Борзунов, Зыков, 2003*; *Чемякин, Зыков, 2004.* С. 156–158; *Борзунов, Чемякин, 2006.* С. 70–71; *Чемякин, 2008а*. С. 69, 81–84]. В развитом и позднем средневековье покойников в этом регионе хоронили в неглубоких грунтовых ямах, вытянуто, на спине, головами преимущественно на юг, юго-запад и юго-восток. Дно ям и самих умерших довольно часто покрывали сшивными берестяными полотнищами. Края могил укрепляли деревом. Умерших высокого социального статуса иногда хоронили в долбленых колодах, сломанных лодках или в их деревянных копиях. На поверхности погребения, вероятно, как и ныне у хантов, были отмечены деревянными «домовинами» – своеобразными «моделями» жилых построек [*Федорова и др., 1991.* С. 135–143; Очерки культурогенеза…, 1994в. С. 277–289; *Семенова, 2001*; *2008*; *Борзунов, 2003а*; *Стефанов, 2003*; *Чемякин, Зыков, 2004.* С. 155–158; *Борзунов, Корочкова, Стефанов, 2009*; *Носкова, 2010*; *Зыков, 2012.* С. 83–86, 95–96, 101–105; и др.].

Детали погребального обряда могил № 1 и 3, обнаруженных на руинах городка *Монкысь урий*, вполне вписываются в ряд синхронных памятников Сургутского Приобья. Тем не менее комплекс человеческих останков данного памятника отражает явную неординарность событий и, соответственно, собственную специфику.

3.1.6. Антропологическая (расово-генетическая) характеристика жителей городка

Первые антропологические исследования костных останков жителей городка *Монкысь урий* ограничивались определением половозрастной принадлежности индивидов. О специальной диагностике В. А. Дремовым расово-генетической принадлежности краниологических материалов этого памятника нам не известно. Возможно, такие данные существуют и были использованы в других публикациях.

В последние годы группой антропологов под руководством Д. И. Ражева был проведен анализ коллекции краниологических материалов *Монкысь урия*. В результате были изучены 52 остеологических объекта – целых и расколотых на части костей человека, о чем подробно изложено в приложении 4.1. Из данных костных останков для краниологического анализа оказались пригодны только семь черепов. При этом наиболее полные характеристики были получены для двух черепов – мужского и женского. Из-за своей фрагментарности черепа остальных индивидуумов представлены отдельными измерениями.

Краниологическое исследование показало, что по основным характеристикам и пропорциям, с учетом половых различий, мужские и женские черепа очень близки друг другу. К сожалению, данный вывод не прокомментирован, и какие-либо пояснения по этому поводу также отсутствуют. Возможно, за этим сходством стоят некие социальные факторы. Судя по ряду морфологических особенностей, группа черепов из

Монкысь урия занимает промежуточное положение между европеоидными и монголоидными вариантами (прил. 4.1). В частности, по особенностям строения мозговой капсулы индивиды, жившие на этом поселении, тяготеют к европеоидным выборкам, а по уплощенности лицевого скелета – к классическим монголоидным. Условная доля монголоидного элемента – 60,7%. Вместе с тем антропологи отмечают, что особенности профилировки переносья и лба позволяют рассматривать исследуемую группу как довольно близкую к «чистым» европеоидам. Тем не менее уплощенное лицо и малый угол выступания носа у представителей этой группы определяет ее «чистые» монголоидные признаки. Такое сочетание низкого лица и черепа с субдолихокранной коробкой и хорошо профилированным переносьем, а также с малым углом выступания носа, считается характерным признаком западносибирских низколицых монголоидов [*Дремов, Багашев, 1998б*]. Это основные морфологические выводы, которые не вызывают сомнения.

Для выяснения генетических связей жителей *Монкысь урия* было проведено антропологическое сопоставление исследуемой группы с данными, полученными по результатам анализа краниологических материалов из раскопок нескольких погребальных комплексов Среднего Приобья VI–XX (? – *О. К., Г. В.*) веков. К последним относятся материалы неких Сайгатинских могильников (номера их нам не известны), Барсовских I и IV, а также некрополя Усть-Балык[4]. В итоге аналитиками сделан вывод, что серия черепов городка *Монкысь урий* имеет ряд отличий от «средневековых среднетаежных выборок» (каких – также не указано), но в целом не выходит за пределы изменчивости представленных групп. Наибольшую близость материалов *Монкысь урия* антропологи отмечают с группой черепов из Сайгатинских могильников X–XV веков, а по отдельным признакам – с черепами VIII–XV веков с Барсовой Горы[5].

Данные выводы и ссылки на перечисленные выше погребальные комплексы вызывают много вопросов. Поскольку нам было отказано в диалоге при подготовке антропологического исследования, придется поставить эти вопросы сейчас. Средневековые погребальные комплексы урочища Сайгатино, Барсова Гора и могильника Усть-Балык, несмотря на их выборочную публикацию, известны нам не понаслышке. В процессе исследований северных памятников Западной Сибири нам довелось не только проводить раскопки некоторых памятников Сургутского Приобья, но и обрабатывать их материалы. В связи с этим возникает вопрос: о каких конкретно Сайгатинских могильниках идет речь? Всего в урочище Сайгатино археологами УрГУ открыто шесть могильников (Сайгатинские I–VI), расположенных на сравнительно небольшой (около 4,2×1,4 км) территории и датирующихся в пределах VI–XVII веков. Здесь же находится хантыйское кладбище, существовавшее, по-видимому, один-два последних века [см.: *Борзунов, Корочкова, Стефанов, 2013*. Ил. 1–3]. Кроме этого, практически каждый из этих могильников подразделяется на локальные группы захоронений, имеющих определенную датировку в рамках вышеупомянутого хронологического интервала. Поэтому понять, о какой конкретной группе сайгатинских захоронений идет речь у антропологов группы Д. Н. Ражева, невозможно. Так же обстоит дело с вышеупомянутыми могильниками Барсовой Горы (Барсовский I, IV) и Усть-Балык, причем лишь на последнем имеется несколько погребений XIX – начала XX века. Достоверных погребений XVIII века нет ни на одном из них, однако данное обстоятельство в анализе антропологов никак не отражено. Погребений VI–VII веков в сайгатинских некрополях единицы. Насколько они репрезентативны для подобного анализа – нам не понятно. Многие погребения датированы только по инвентарю. При отсутствии датирующих предметов их возраст определялся умозрительно или в широком хронологическом диапазоне. Таким образом, далеко не у всех краниологических выборок имеется обоснованная датировка. Из этого становится очевидным, что авторы вышеупомянутого антропологического анализа (прил. 4.1) очень своеобразно пользуются материалом, что делает их выводы сомнительными.

В целом обращение к выборкам, датирующимся в диапазоне от половины до полутора тысячелетий, а также сравнение средних показателей за это время с данными по небольшой группе индивидов, захороненных в интервале около 50 лет, выглядит весьма некорректно. Примененный принцип сравнения по средним показателям напоминает известные выражения о «средней температуре по больнице» или «средней глубине реки». Причем нам уже приходилось сталкиваться с подобным подходом и соответствующими выводами биологов (в данном случае – дендрохронологов). Так, например, после очень педантичного и точного измерения древесно-кольцевых структур бревен одной из построек Надымского городка был определен временной диапазон годов рубки деревьев в две сотни лет. Затем ученый определил среднюю дату между крайними временными значениями и назвал ее временем строительства дома. Это не шутка – это факт, зафиксированный в отчетной документации!

[4] Расстояние между комплексами Барсовских и Сайгатинских могильников составляет 28–30 км, между ними и могильником Усть-Балык – порядка 30–40 км, от последнего до городка *Монкысь урий* – 95 км.

[5] В обоих случаях список памятников Барсовой Горы и урочища Сайгатино, которыми оперировала группа антропологов Д. И. Ражева, не был указан.

Для выявления направления расогенетических связей характеристики по группе черепов из *Монкысь урия* были сопоставлены с данными по средневековым сериям европеоидного облика и смешанного типа Приуралья, по монголоидно-европеоидным выборкам Казахстана, Западной и Южной Сибири и по западносибирским монголоидам (прил. 4.1; табл. 5; график 1). Всего в анализе были использованы материалы 31 погребального комплекса во временном промежутке от III до XVII века. Особое внимание авторов антропологического анализа к данным по приуральским средневековым выборкам было уделено из-за наличия в морфологическом облике населения *Монкысь урия* европеоидных признаков. Доля европеоидного элемента у жителей интересующего нас поселка – по изученным черепам – составила 39,3%.

Выделенные антропологами локальные краниологические группы, а также их характеристики, представлены крайне интересно и наглядно – в виде отдельного графика.

Все анализируемые группы разделились по степени выраженности монголоидных и европеоидных особенностей в строении черепов. На графике 1, построенном по результатам канонического анализа, антропологические серии четко локализовались географически. При этом обозначились четыре области концентрации выборок: среднетаежный (Сургутский) ареал Западной Сибири, южнотаежный ареал Западной Сибири; степной и лесостепной ареалы Западной и Южной Сибири, а также среднетаежный ареал Западного Приуралья. На основании этого анализа ученые установили, что группа черепов *Монкысь урия* имеет обособленное положение, но близ ареала изменчивости, характерного для восточных ханты. Также было определено, что краниологическая серия *Монкысь урия* не выходит за пределы изменчивости северной группы западносибирских монголоидов. В итоге сделано два заключения. Первое: индивиды, захороненные в городке *Монкысь урий*, генетически тесно связаны с населением предшествующего периода из Среднего (Сургутского) Приобья. Второе: учитывая имеющиеся в нашем распоряжении материалы, мы не имеем оснований говорить о миграциях населения в эпоху средневековья в Западную Сибирь из Западного Приуралья, или наоборот. Кроме того, биологи сформулировали главный вывод: «по полученным данным, расогенез на этой территории от раннего средневековья до современности протекал плавно, без потрясений и миграций крупных групп с иным антропологическим обликом» (прил. 4.1).

Именно последние выводы (подчеркнем особо, не простые предположения и гипотезы, а именно выводы, основанные на анализе данных!), вызвали у нас законное недоумение и – как следствие – ряд вопросов к аналитикам. По той же причине мы обратили особое внимание на доказательную базу этих заявлений.

Судя по представленным графикам, краниологическая группа *Монкысь урия* так же, или даже больше, удалена от группы выборок Сургутских могильников VI–XVII века, как последние от выборок черепов Западного Приуралья III–IX веков. Причем на том же графике 1 хорошо видно, что индивиды из могильников VIII–XV веков Барсовой Горы (Барсовский I и IV) по краниологическим признакам так же близки к носителям ломоватовской культуры Прикамья IV–VIII веков, как и к населению Среднего Югана. К сожалению, данная ситуация биологами тоже никак не была прокомментирована. В целом же обособленность группы *Монкысь урия* объясняется несколькими причинами: «большим размахом изменчивости» внутри популяции «низколицых западносибирских монголоидов», «антропологическим своеобразием» этой группы, но в числе основных – «малочисленностью наблюдений», в смысле небольшим числом образцов для антропологического анализа.

Можно ли принять такое обоснование и считать его таковым вообще?

Во-первых, речь идет о выводах относительной близости северной группы западносибирских монголоидов к восточным ханты. Данное заключение не вызывает сомнения. Группа восточных хантов была выделена этнологами, а краниальные антропологические признаки этой группы охарактеризованы по материалам могильников XVIII – середины XX веков [*Мартынова, 1998*; *Рындина, Боброва, Ожередов, 2008*]. То, что потомки имеют значительное сходство со своими предками, вполне логично. Это верифицирует данные археологии и этнографии, равно как позволяет обосновать ретроспекцию культуры ханты до рубежа XVI–XVII веков. Между тем основная интрига заключается как раз в происхождении нашей антропологической группы, точнее в сравнительном анализе краниологических материалов городка Монкысь урий с антропологическими

данными позднего средневековья Сургутского Приобья, равно как с более ранними коллекциями. При этом больше всего сомнений вызывает у нас правомерность выводов о наличии или отсутствии связи населения городка – по данным краниологического анализа группы исследователей под руководством Д. И. Ражева – с более ранними обитателями данной территории, впрочем, как и сопредельных регионов. О сомнительности итогов сравнительного анализа коллекции черепов *Монкысь урия* со средневековыми погребальными комплексами Среднего Приобья было сказано выше. Причем мы совсем не исключаем и верность данных выводов. Мы лишь считаем, что они недостаточно обоснованы и поэтому с трудом могут использоваться для верификации и сопоставления с исторической и археологической периодизацией.

Что же касается вывода об отсутствии свидетельств миграций средневекового населения из Западного Приуралья в Западную Сибирь, то, действительно, у авторов таких оснований нет.

Но нет ли их вообще? Для сравнения антропологами были выбраны четыре погребальных комплекса из Верхнего Прикамья и бассейна Вятки, а именно: серии черепов из могильников мазунинской (III–V века), бахмутинской (III–VII века), ломоватовской (IV–VIII века) и поломской (V–IX века) культур. Все они укладываются в хронологический диапазон раннего средневековья (III–IX века), что минимум на 700 лет раньше группы *Монкысь урия*. При этом коллегами-биологами не было объяснено, почему не были использованы краниологические выборки развитого и позднего средневековья (XIII – начало XVII века), в том числе синхронного *Монкысь урию* временного диапазона. Высказывание о том, что культуры развитого и позднего средневековья Западного Приуралья формировались на основе местного раннесредневекового населения, не означает, что их носители – в этнокультурном и антропологическом планах – остались такими же, без изменений.

По сути дела, заявленный антропологами сравнительный анализ краниологической выборки из *Монкысь урия* с прикамскими материалами в полной мере не состоялся, и результаты его могут быть только приняты нами к сведению.

Кроме того, у нас вызывает недоумение заключение о том, что расогенез в Среднем Приобье «от раннего средневековья до современности протекал плавно, без потрясений и миграций крупных групп с иным антропологическим обликом» (прил. 4.1). Подчеркнем: *от средневековья до современности!* Опустим «современность» за последние 50–60 лет с притоком в таежное Приобье разноэтничного населения из Восточной Европы и более южных областей Азии в ходе освоения природных богатств Тюменского Севера. Этого антропологи не замечают, хотя, по сути дела, это продолжение более чем 700-летнего процесса освоения европейцами и тюркоязычными народами сибирских территорий. Как быть с периодом или очередным этапом освоения региона Московским царством, начиная с конца XVI века? Очень надеемся, что уважаемые нами антропологи не сомневаются в том, что в 1583 году русскими на Оби был основан Мансуров городок, в 1594 году – город Сургут, далее – Томск и другие города. В результате этого начался массовый приток иноземного населения в лесную полосу Западной Сибири. Также для них не будет откровением, что с конца XVIII века на той же самой территории начинается широкое расселение европейского сельского и городского населения, которое основывает собственные населенные пункты – деревни – и ведет активную ремесленную и торгово-промысловую деятельность. Этнографами это население именуется как «русское старожильческое». Почему проигнорирован сравнительный анализ с данным населением – это также не понятно и не объяснено.

Лично для нас, сибирских археологов, на данный момент остается нерешенной проблема: кто же были такие – в антропологическом и этнокультурном плане – «русские», которые освоили Сибирь. Казалось бы, ответ очевиден. Тем не менее, сталкиваясь с потомками покорителей Севера, например, на Колыме и в Черском, мы задавали им вопрос: кто вы такие? Нам гордо отвечали: «мы – русские казаки». Между тем мы видим перед собой человека, по внешним антропологическим признакам мало отличающегося от юкагиров, но, тем не менее, отрицающего свою генетическую связь с последними. Так каков же на самом деле, в субэтническом и антропологическом отношении, портрет первопроходцев, осваивавших в XVI–XVIII веках огромные пространства Северной Евразии, называвших себя русскими?

Еще «режет глаз» постоянно используемая антропологами наукообразная историческая терминология. Тем более при отсутствии собственной и отказе от известной археологической периодизации. В первую очередь, мы имеем в виду такие «расплывчатые» определения, как «предшествующий период», – это какой? Археология Западной Сибири разбита по периодам, имеющим вполне конкретные, пусть даже дискуссионные, хронологические рамки, наполненные известным содержанием. К примеру, если в рамках исследования памятника *Монкысь урий* (городища Частухинский урий) речь идет о XIV–XV веках, то это вполне понятно. Если же антропологи рассуждают о неком периоде VI–XV веков, то это вызывает много вопросов. В археологической (исторической) науке для обоснования каких-то конкретных выводов хронологическая «привязка» в пределах половины или четверти столетия, а лучше – до конкретной календарной даты, имеет важнейшее значение. Антропологами же разные временные интервалы, причем довольно широкие, используются крайне фривольно и абстрактно. Это же можно сказать в отношении применения таких терминов, как «серии, близкие к современности» или «современная группа». «Современность» для антропологов – это когда? Это краниологические параметры ныне живущих людей или все же это серии антропометрических характеристик костных останков XIX века или первой половины XX века, этнически идентифицированные по этнографическим или историческим данным?

На наш взгляд, пока антропологами не будет использоваться единый подход – в процессе анализа и, соответственно, в выводах – к периодизации того или иного конкретного района, области, региона, в том числе Сургутского, Среднего и Нижнего Приобья, их заключения невозможно будет соотнести с историческими (археологическими) данными. Пока же их выводами можно пренебречь, а при комплексном анализе расценивать как предположительные или гипотетические. Для нас нет особого смысла сравнивать антропологические данные индивидуумов конца XVI – начала XVII века, точнее 1570–1580-х – 1619 годов, с выборками, «датирующимся временем от VI до XX веков» или «с черепами VIII–XV веков».

Антропологи часто выдвигают нам упрек в том, что хронологическая оценка антропологического материала проведена археологами, следовательно – что сами «напериодизировали», то и получите! Такие заявления могут делать только недобросовестные исследователи, избегающие полноценного анализа источника.

Разве антропология перестала решать гуманитарно-исторические задачи, а изучает чисто биологическое развитие вида Homo sapiens? Так, к слову, палеонтологи самостоятельно определяют возраст костных останков животных, которых изучают. При этом никого не упрекают в этом, просто извлекая максимально возможную информацию из объекта своего изучения.

Завершая анализ антропологического исследования, отметим, что антропология рассматривает, в первую очередь, биологическую изменчивость вида. В нашем случае – изменчивость локальных популяций, а также их сходство и различие между собой. Здесь сомнений в профессионализме исследователей-биологов нет. Между тем, если из вполне конкретных и специфических характеристик, а также сравнительного антропологического анализа появляются исторические, культурные и этнические реалии и выводы, – то это, естественно, вызывает пристальное внимание археологов, историков и этнологов. Причем в первую очередь – к обоснованности этих заключений.

В целом же нам, археологам, представляется не совсем правомерным в рамках данного исследования сравнивать краниологические материалы археологических культур Прикамья III–IX веков с выборками черепов *Монкысь урия*, имеющими довольно позднюю и узкую дату (XVI – начало XVII века). Равно как нецелесообразно проводить сравнение на широком хронологическом фоне почти в полторы тысячи лет. По-видимому, в нашем случае сначала надо провести сравнительный анализ серии черепов из таежной зоны Западной Сибири и Приуралья времени существования поселений, могильника и поминальных мест на холме *Монкысь урия*. Только затем привлекать краниологические материалы других, более широких временных и культурно-хронологических диапазонов.

В связи с эт им последние – «историко-культурные» – выводы коллектива антропологов под руководством Д. Н. Ражева нам представляются недостаточно обоснованными и преждевременными. Мы считаем, что эти заключения следует воспринимать только как «промежуточные» и «рабочие» версии.

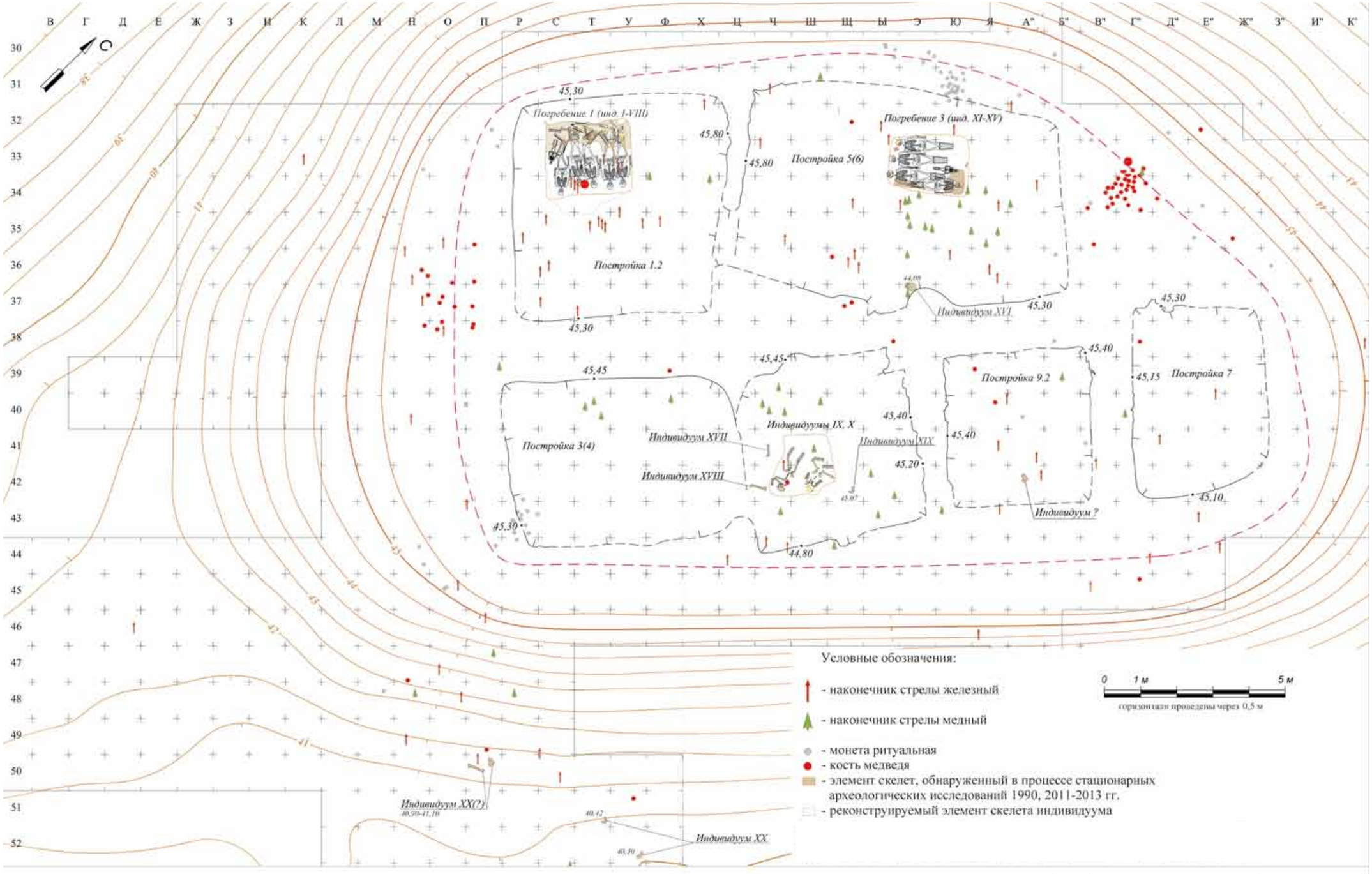
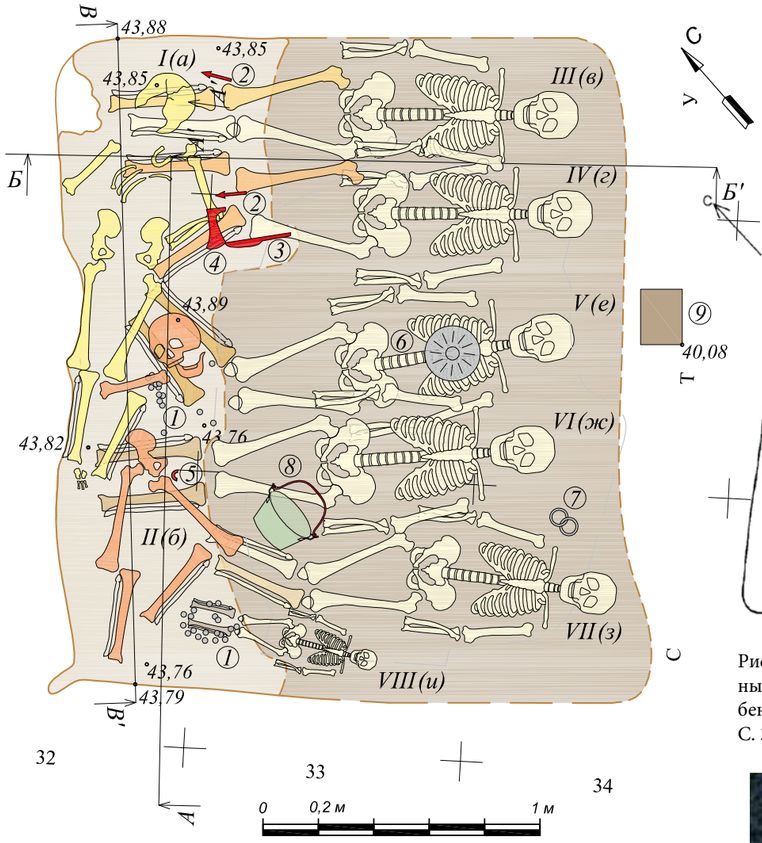

Рис. 3.1.1. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс (погребения и останки индивидуумов), находки наконечников стрел и костей некоторых видов животных. План-схема расположения на территории оборонительно-жилого комплекса (по материалам раскопок 1990, 2011–2013 годов). М 1 : 100

Экспликация артефактов:

① - монеты
② - наконечник
③ - нож
④ - топор
⑤ - пряжка(?)
⑥ - чаша
⑦ - кольца височные
⑧ - котел
⑨ - сундук

Условные обозначения:

— — - реконструируемая граница краеведческого раскопа П.С. Бахлыкова
— — - реконструируемая граница могильной ямы

Цветовая дифференциация по индивидуумам:

- скелет I(а)
- скелет II(б)
- скелет III(в)
- скелет IV(г)
- скелет V(е)
- скелет VI(ж)
- скелет VII(з)
- скелет VIII(и)

Рис. 3.1.2. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуумы I–VIII (погребение № 1). Реконструкция по материалам раскопок 1990 года и параметрическим характеристикам скелета. План. М 1 : 20

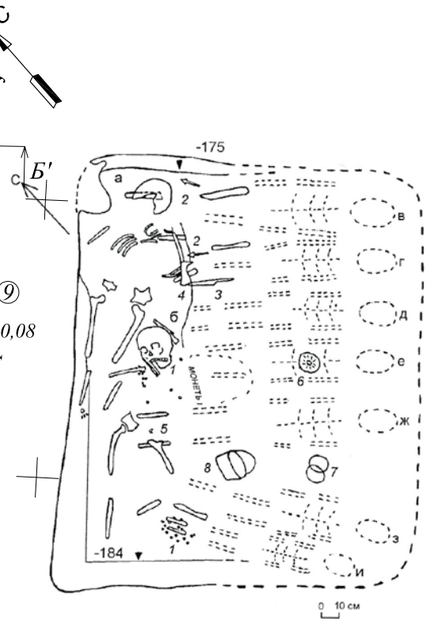

Рис. 3.1.3. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуумы I–VIII (погребение № 1). План 1990 года [*Семенова, 2005.* С. 35, рис. 20]

Рис. 3.1.4. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуумы I–VIII. Фрагмент погребения № 1. Фото 1990 года [*Семенова, А-2002.* С. 129, рис. 15а]

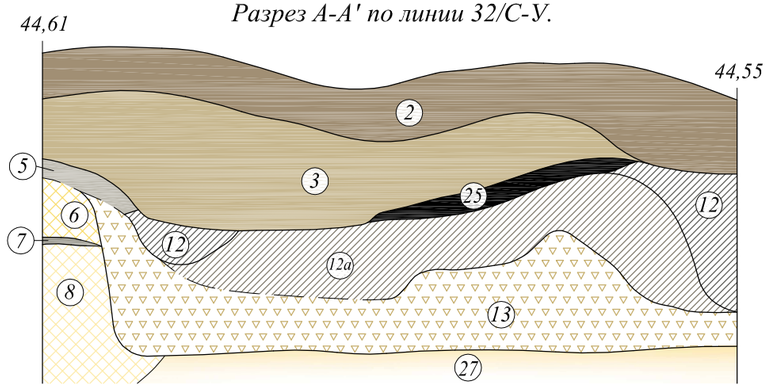

Рис. 3.1.5. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Погребение 1. Разрез А–А'. Выполнен в 1990 году [*Семенова, 2005.* С. 109, рис. 6]. Дополнен в соответствии с цветами стратиграфических слоев использованных в настоящем исследовании

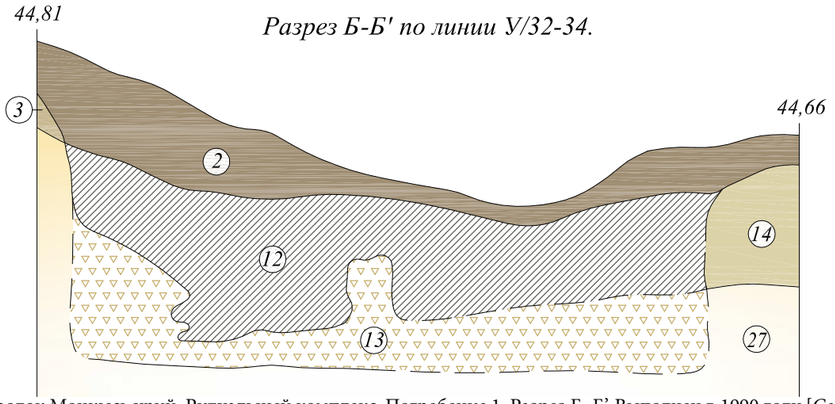
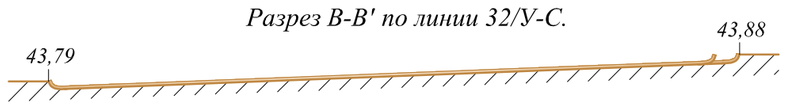

Рис. 3.1.6. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Погребение 1. Разрез Б–Б'. Выполнен в 1990 году [*Семенова, 2005.* С. 108, рис. 4]. Дополнен в соответствии с цветами стратиграфических слоев использованных в настоящем исследовании

3.1.7. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Погребение 1. Разрез В–В' – уровень дна. М 1 : 20

Экспликация условных обозначений

2		слой дерна - тонкая лесная подстилка с темно-серой подзолистой супесью	12		черная насыщенная супесь [? - О.К., Г.В]
3		бурая или темно-желтая, местами черная супесь - культурный слой	12а		смесь бурой, черной насыщенной супеси и материкового песка
5		погребенная почва - золистая супесь	13		серо-желтая переотложенная супесь
6		желтая переотложенная супесь между погребенными почвами 5 и 7	14		серо-желтая, желтая супесь - заполнение котлована 1
7		погребенная почва - серая супесь	25		углистые прослойки
8		светло-желтая переотложенная супесь между погребенными почвами 7 и 9	27		материковый белый песок

Рис. 3.1.8. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Экспликация и условные обозначения стратиграфических разрезов Погребение 1: А–А', В–В'

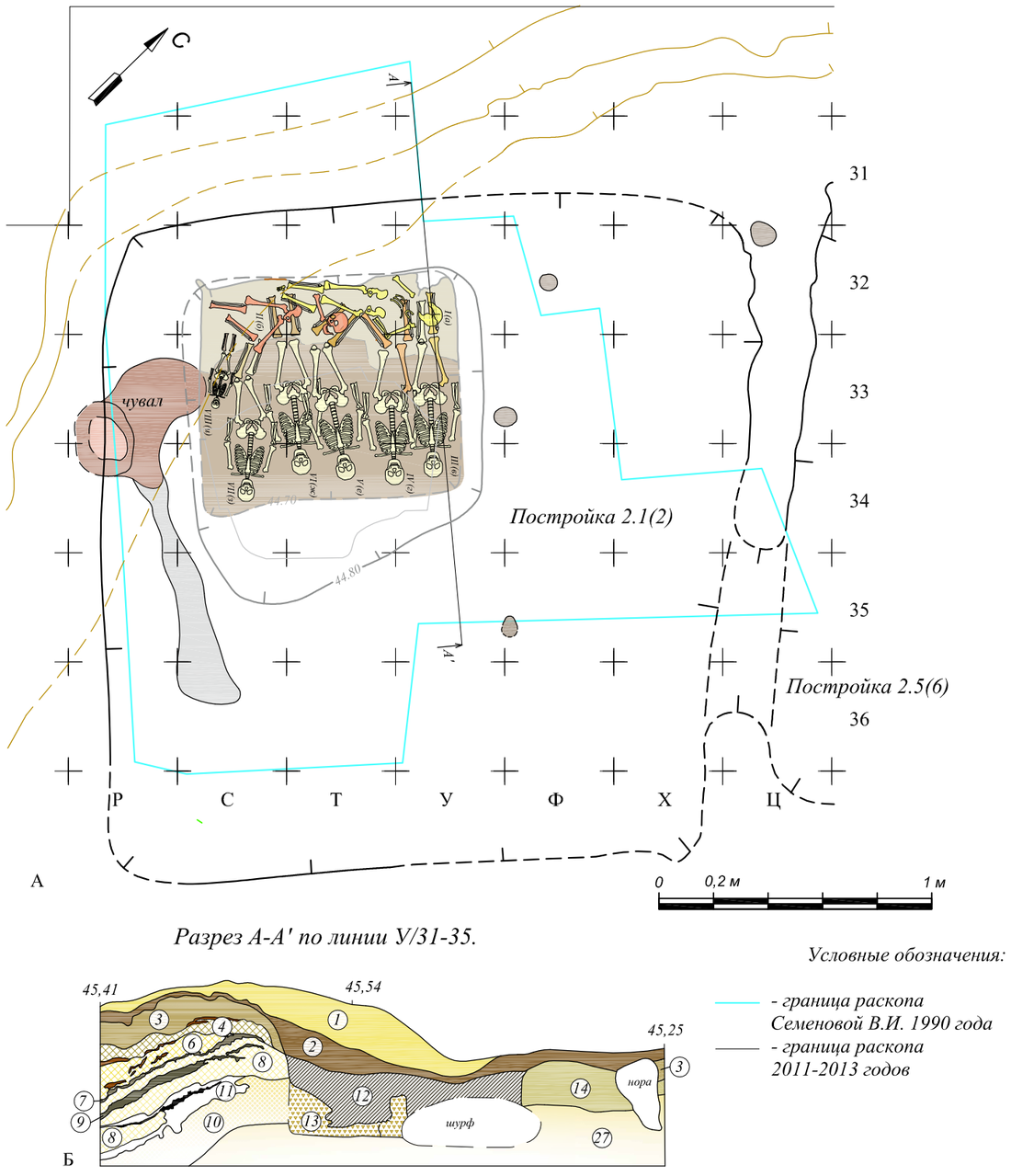

Рис. 3.1.9. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Размещение индивидуумов I–VIII (погребение 1) в постройке № 2.1(2). Соотношение погребения и габаритов пространства постройки. М 1 : 50

Рис. 3.1.10. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуумы I–VIII (погребение № 1), индивидуумы XVI–XIX («погребение» № 4). Костные останки из переотложенного культурного слоя раскопов 1990 г. № 1 и № 2: *1* – фрагмент верхней челюсти (maxilla); *2–8* – элементы позвоночного столба (*columna vertebralis*); *9* – ключица (*clavicula*); *10–12* – фрагменты лопаток (*scapula*); *13–17* – плечевые (*humerus*); *18–24* – локтевые (*ulna*); *25* – фрагмент костей таза (*os coxae*); *26–29* – кости бедра (*femur*); *30–34* – кости голени (*crus*); *35, 36* – таранные пяточные (*talus*) кости

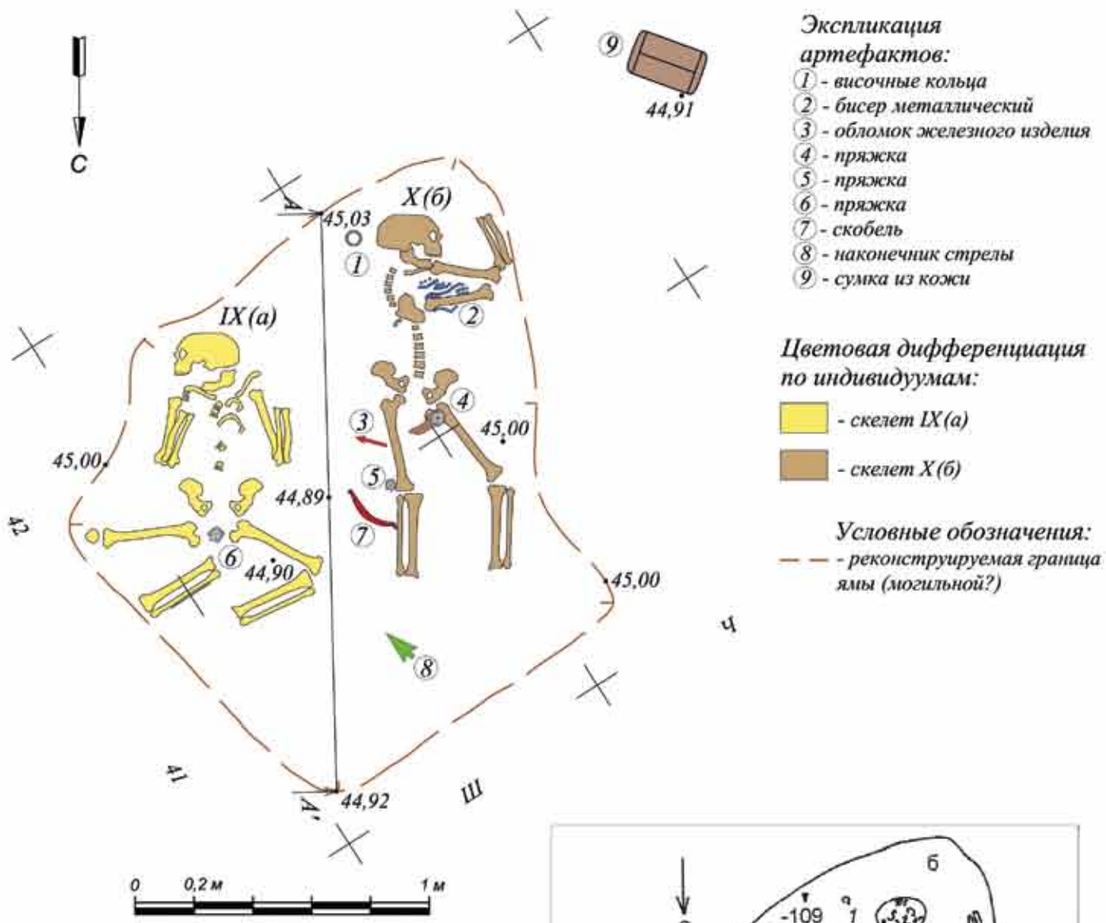

Рис. 3.1.11. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуумы IX–X («погребение» № 2). Реконструкция по материалам раскопок 1990 года и параметрическим характеристикам скелета. План. М 1 : 20

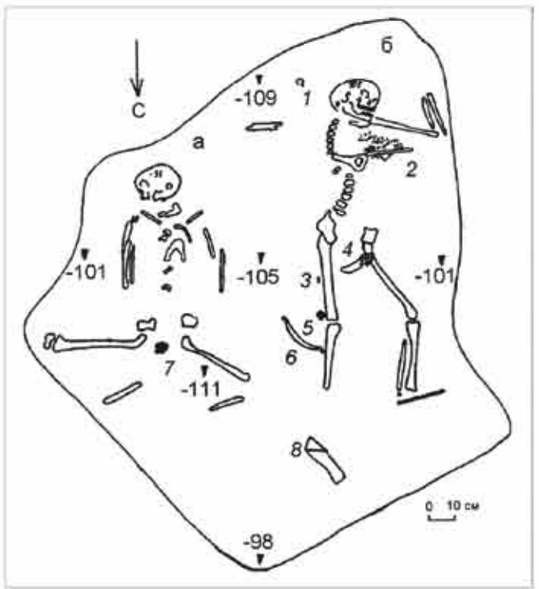

Рис. 3.1.12. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуумы IX–X («погребение» № 2). План 1990 года [*Семенова, 2005.* С. 38, рис. 23]

Рис. 3.1.13. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуумы IX–X. «Погребение» № 2, вид с севера. Фото 1990 года [*Семенова, А-2002.* С. 144, рис. 29]

Рис. 3.1.14. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуумы IX–X. «Погребение» № 2, вид с востока. Фото 1990 года [*Семенова, А-2002.* С. 145, рис. 30]

Рис. 3.1.15. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуум X. «Погребение» № 2, «костяк Б». Фото 1990 года [*Семенова, А-2002.* С. 146, рис. 31]

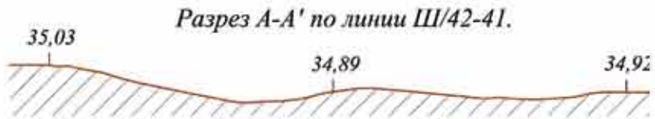

Рис. 3.1.16. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. «Погребение» 2. Разрез А-А' – уровень дна. М 1 : 20

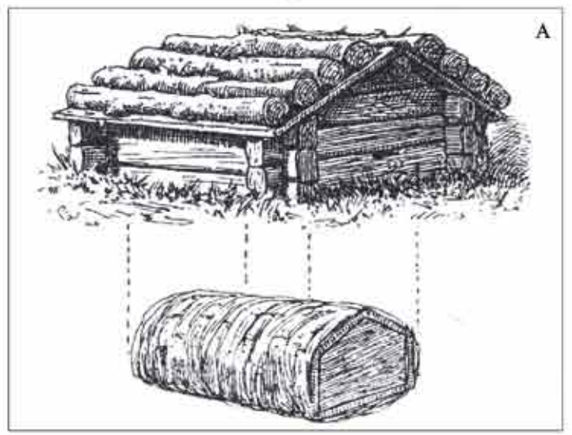
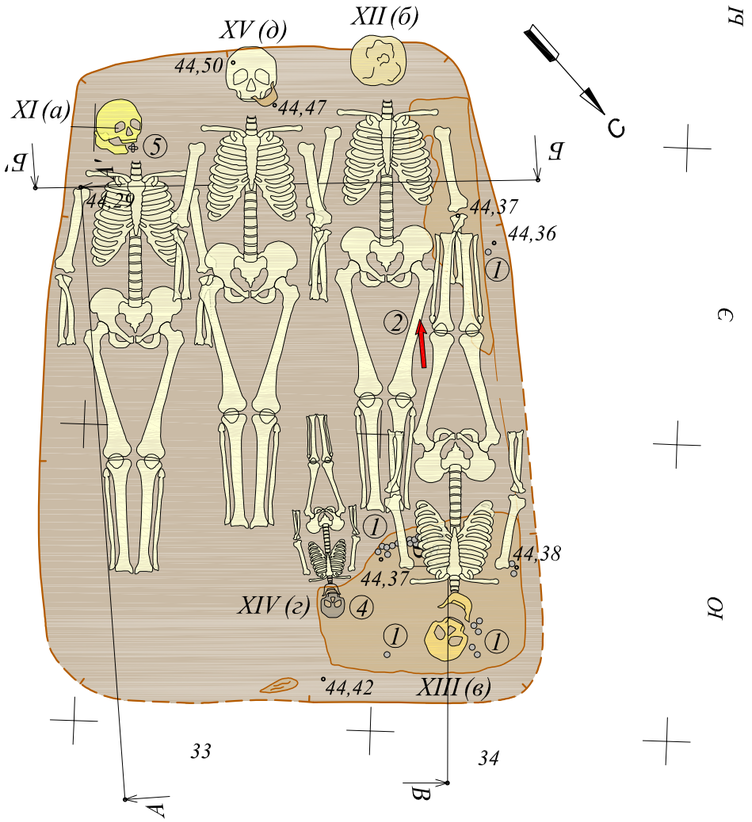

Рис. 3.1.17. Этнографические аналогии. Женское погребение середины XIX века, раскопанное и зафиксированное Ф. Р. Мартином в 1891 году. Река Большой Юган, правый берег (?), 14 верст выше юрт Уготских (пос. Угут). Ориентировочно – окрестности юрт Когончиных. А – «Остяцкое погребение, вид с запада»; Б – «Могила остяцкого погребения с женским скелетом» [*Мартин, 2004.* С. 28–30, рис. 29, 30]

Экспликация артефактов:

① - *монеты*
② - *наконечник стрелы*
③ - *кольца височные*
④ - *бисер и фрагменты пластин*
⑤ - *фрагмент крестовидной накладки*

Цветовая дифференциация по индивидуумам:

- *скелет XI(а)*
- *скелет XII(б)*
- *скелет XIII(в)*
- *скелет XIV(г)*
- *скелет XV(д)*

Условные обозначения:

- *реконструируемая граница ямы (могильной?)*
- *граница краеведческого раскопа П.С. Бахлыкова (по В.И. Семеновой)*

Рис. 3.1.18. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуумы XI–XV(?) (погребение № 3). Реконструкция по материалам раскопок 1990 года и параметрическим характеристикам скелета. План. М 1 : 20

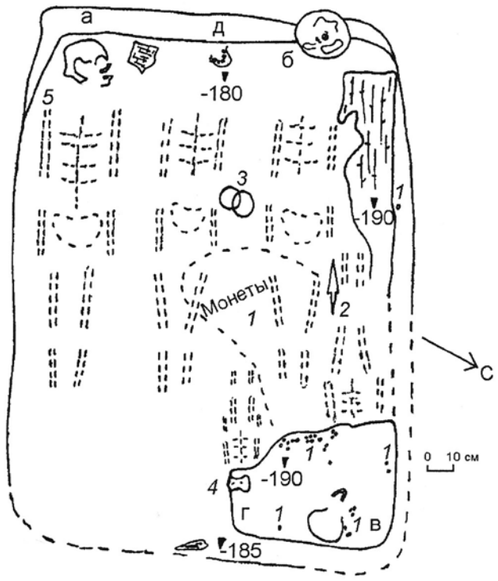

Рис. 3.1.19. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуумы XI–XV(?) (погребение № 3). План 1990 года [*Семенова, 2005.* С. 40, рис. 24]

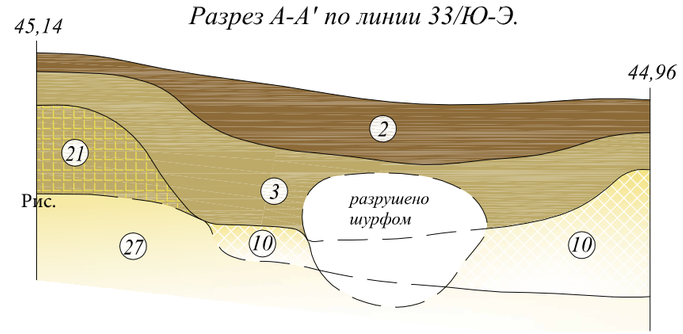

Рис. 3.1.20. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Погребение № 3 Разрез А-А'. Выполнен в 1990 году [*Семенова, 2005.* С. 121, рис. 20]. Дополнен в соответствии с цветами стратиграфических слоев использованных в настоящем исследовании. М 1 : 20

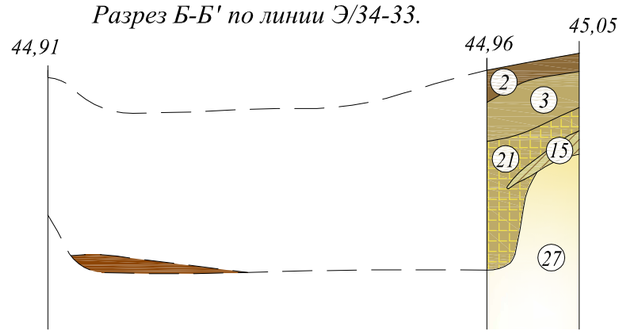

Рис. 3.1.21. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуумы IX–X («погребение» № 2). Реконструкция по материалам раскопок 1990 года и параметрическим характеристикам скелета. План. М 1 : 20

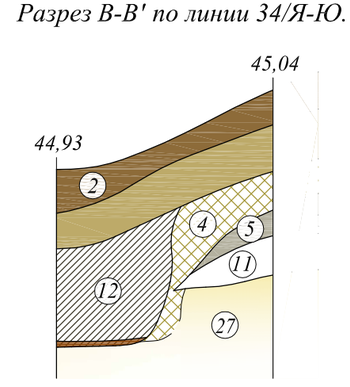

Рис. 3.1.22. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Погребение 1. Разрез В-В'. Выполнен в 1990 году [*Семенова, 2005.* С. 119, рис. 18]. Дополнен в соответствии с цветами стратиграфических слоев использованных в настоящем исследовании. М 1 : 20

Экспликация условных обозначений

2		*слой дерна - тонкая лесная подстилка с темно-серой подзолистой супесью*
3		*бурая или темно-желтая, местами черная супесь - культурный слой*
4		*темно-желтая переотложенная супесь*
5		*погребенная почва - золистая супесь*
10		*желтая переотложенная супесь почти не отличается от материка, иногда переходит в материк*
11		*погребенная почва - белая рыхлая супесь*
12		*черная насыщенная супесь [? - О.К., Г.В]*
15		*темно-серая супесь - донное заполнение котлованов 1, 5, 7, самая насыщенная находками прослойка*
21		*темно-желтая супесь - заполнение котлована 4*
21а		*темно-желтая супесь - среднее заполнение котлована 5*
26		*прослойки древесного тлена*
27		*материковый белый песок*

Рис. 3.1.23. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Экспликация и условные обозначения стратиграфических разрезов Погребение 3: А-А', Б-Б', В-В'

Рис. 3.1.24. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуум XX. Условия нахождения: уч. У/52 ур. 40,30 – фрагменты свод черепа (*calvaria seu fornix cranii*)

Рис. 3.1.25. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуум XX. Условия нахождения: уч. Т/51 ур. 40,52 – нижняя челюсть в скоплении артефактов. В центре лопатка, нижняя челюсть и зубы северного оленя, ниже – свинцовая пуля и верхние отростки – венечный, мыщелковый (*caput mandibulae, processus coronoideus*)

Рис. 3.1.26 Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуум XX. Условия нахождения: уч. Т/51 ур. 40,42 – нижняя челюсть (*mandibula*)

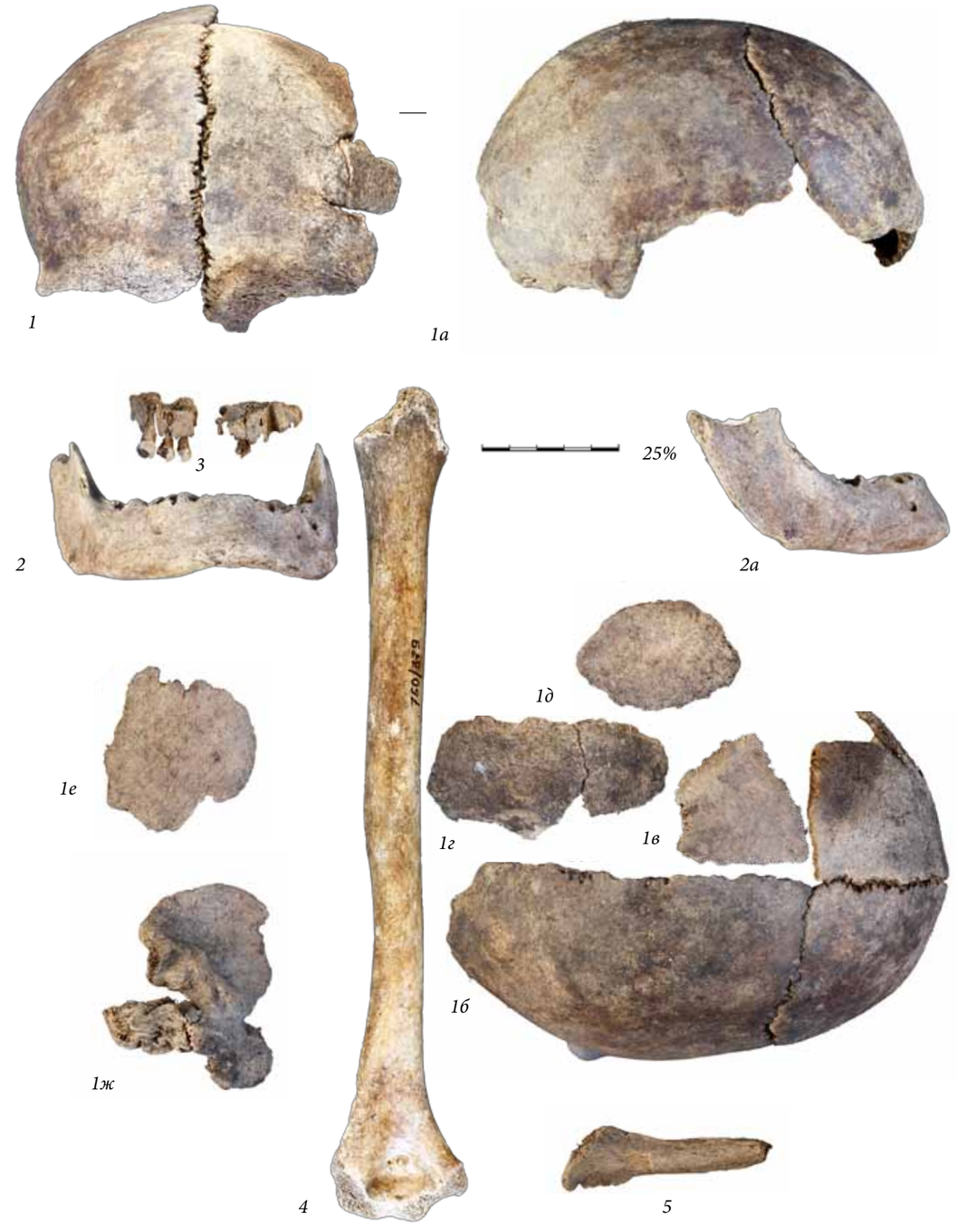

Рис. 3.1.27. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуум XX. 1 – кости черепа (*cranium*); 2, 3 – кости верхних конечностей: плечевая (*humerus*) и фрагмент лопатки (*scapula*)

3.2. ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС: ПРЕДМЕТЫ И ОБРЯД

3.2.1. Поминальная обрядность у обских угров

Поминальная обрядность, в том числе почитание умерших родственников и вождей после их смерти, являются характерными чертами религиозной культуры многих народов мира. В этой связи наибольший интерес для исторического исследования представляют особенности, присущие для каждого конкретного этноса, равно как специфические акты обрядовых действий, связанные с особыми обстоятельствами.

События, относящиеся к обстоятельствам гибели людей и последующим погребением умерших на территории разрушенного оборонительно-жилого комплекса городка *Монкысь урий*, охарактеризованы в предшествующей части исследования. В данном разделе мы представим свидетельства заупокойной поминально-обрядовой деятельности и попытаемся реконструировать идеологические воззрения, которые могли лежать в основе этих ритуалов.

В этнографии обских угров, в том числе юганских ханты, зафиксировано двойственное отношение к умершим вообще, и родственникам в частности. Такая ситуация была обусловлена, с одной стороны, заботой о покойном, с другой стороны – страхом перед умершим [*Карьялайнен, 1994.* С. 101–102; *Кулемзин*, *1984.* С. 134–137]. При этом подобное отношение выражалось не только во время погребального акта, но и в течение определенного времени после него. В целом можно констатировать, что «постпогребальные» ритуалы осуществлялись с разной интенсивностью: от двух-трех до четырех-пяти лет после захоронения умершего [*Карьялайнен*, 1994. С. 102–103; *Кулемзин*, *1984.* С. 146–147]. После этого срока ритуальные действия могли проводиться, но не регулярно. По истечении пяти лет после смерти мужчины и четырех лет – для женщины поминки устраиваются обычно по неординарному случаю: например, при явлении умершего родственника во сне или по каким-то неудачным событиям в семье, так или иначе связанным с имуществом (вещами) некогда умершего. В любом случае ритуальные действия на могиле, даже просто связанные с «угощением покойника», озвучивались как поминки, хотя их суть сводилась к ограждению (защите) ныне живущих от мира мертвых. «Постпогребальные» поминальные обряды в религиозной культуре коренного населения Средней Оби и Большого Югана имели более широкое значение, нежели просто дань уважения усопшему предку. По этой причине все обрядовые действия, вне зависимости от их религиозного значения, совершаемые после обряда погребения, мы объединяем широким понятием – «поминальный обряд». Безусловно, по возможности, мы попытаемся разобраться с деталями, насколько это позволит археологический материал и сопоставление с этнографическими данными.

Наличие поминального (ритуального) комплекса на городище Частухинский урий было зафиксировано В. И. Семеновой еще при раскопках памятника в 1990 году [*2005.* С. 91–95. Рис. 59–63]. Причем такой комплекс был выявлен только рядом с погребением № 1. Источниками, характеризующими его, являются описание и чертеж раскопок. Данный ритуальный комплекс, по словам В. И. Семеновой, «…представлял собой наконечники стрел, оставленные в изголовье у могильной ямы с юго-восточной стороны. Вдоль границы ямы были найдены 8 железных … и 7 костяных наконечников стрел … 13 из них были воткнуты и два лежали (скорее всего, первоначальное их положение также было вертикальным). Обращает на себя внимание, что наконечники стрел были воткнуты практически с одинаковым усилием на одинаковую глубину … На расстоянии 4–5 см от ямы находились центральные наконечники. Наконечники, уходящие за углы ямы, удалены на 50–90 см» [*2005.* С. 91]. Кроме того, она отметила, что «на памятнике исследовано второе коллективное погребение с монетами и серебряными украшениями, но оно не имело подобного поминального комплекса» [*Там же*].

Мы имеем возможность проверить эти заключения, используя материалы раскопок 1990 года, а также данные собственных исследований.

На наш взгляд, предшествующим исследователем не был учтен ряд очень важных фактов.

Во-первых, к ритуальному комплексу В. И. Семенова отнесла только железные и костяные наконечники стрел, вертикально воткнутые в грунт [*2005.* С. 91]. Не секрет, что физическое разрушение культурного слоя любого археологического объекта продолжается практически непрерывно. Помимо антропогенного фактора, в таежной зоне оно связано еще с активным развитием древесной растительности и жизнедеятельностью диких животных, способных перемещать и перемешивать значительные массы грунта. В связи с этим мы можем констатировать динамическое изменение культурного слоя, в процессе которого любой предмет, в том числе наконечник истлевшего древка стрелы, мог изменить свое первоначальное положение.

Во-вторых, наконечники стрел, изготовленные из стенок утилизированных медных котлов, были отнесены к разряду функциональных предметов [*2005.* С. 46–47. Табл. 8]. В итоге они не были соотнесены с ритуальным комплексом, хотя В. И. Семенова не исключала вероятности их сакрального назначения и приводила в пользу этого соответствующие аргументы.

На наш взгляд, стрелы с разнообразными по форме и материалу наконечниками, составляли основу комплекса *Монкысь урия,* связанного с поминальной обрядностью. Мы обоснуем данный тезис, но предварительно систематизируем и охарактеризуем данные предметы.

3.2.2. Типологическая систематизация наконечников стрел

За все время археологического изучения городка *Монкысь урий* было обнаружено 183 наконечника стрел (рис. 3.2.1; 3.2.3–3.2.8), из них – 52 медных (рис. 3.2.1), 70 – железных (рис. 3.2.3– 3.2.6) и 61 костяной (рис. 3.2.7; 3.2.8). При этом только наконечники из медных листов интерпретируются нами как безусловно ритуальные по своему изначальному предназначению. Остальные предметы, изначально имевшие чисто утилитарное назначение (как составная часть боевого вооружения или оружия охотников), получили ритуальное значение уже вторично. Кроме того, велика вероятность того, что часть этих предметов могла попасть в культурный слой городища не в связи с их ритуальным использованием. Как вариант: они были потеряны при штурме и обороне городка. Правда, это не означает, что впоследствии некоторые из этих стрел могли быть применены в качестве ритуальных предметов. По этой причине большинство наконечников стрел мы рассматриваем в разделе поминального комплекса.

Из состава данного ритуального комплекса исключены предметы, явно связанные только с утилитарным использованием. К таковым следует отнести обломки и сильно деформированные наконечники стрел (рис. 3.2.3 – *1–3, 6, 17*; 3.2.4 – *5, 12, 24, 25*).

Среди археологических находок стрелы, точнее их наконечники, как боеприпасы к механическим видам оружия, являются массовым материалом на многих территориях. Систематизации и классификации наконечников стрел, построению типологических схем для разных исторических периодов и народов уделяли пристальное внимание многие исследователи, особенно в последние полвека. Существует много обобщающих, тщательно выполненных исследований, особенно для материалов Восточной Европы [*Медведев, 1959*; *1966*; *Федоров-Давыдов, 1966*; *Руденко, 2003*; *Двуреченский, 2007*; и другие]. Существуют специальные работы по систематике наконечников стрел южных районов Западной Сибири [*Худяков, 1980*; *1991*; *Кызласов, 1987*; *Соловьев, 1987*; *Длужневская, 1998*]. Несколько работ выполнено по материалам раскопок в Среднем и Нижнем Приобье [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 65–80. Рис. 33–40; *Семенова, 2001.* С. 37–42. Табл. 16–18; *Зыков, А–2008.* С. 131–163; *Кардаш, 2013а.* С. 147–151. Рис. 3.15–3.18]. При попытке выбрать «базовую» схему для построения типологии стрел *Монкысь урия* мы пришли к выводу, что универсальный подход отсутствует. Практически каждый исследователь, основываясь и используя близкую терминологию предшественников, делает собственное типологическое построение. В том числе и исследователи археологических памятников Среднего Приобья. Кроме этого, практически во всех подобных работах или разделах исследований имеется несколько не устраивающих нас факторов. Во-первых, отсутствуют специальные работы по типологии наконечников стрел населения севера Западной Сибири конца XVI – XVII века, то есть последнего этапа колонизации данного региона Московским царством, а также следующего периода – Российской империи. Во-вторых, большинство работ по типологии наконечников стрел охватывают широкий хронологический диапазон (до 800–900 лет). При этом они не содержат четко выделенных и обоснованных репрезентативными выборками или специальными исследованиями хронологических и территориально-производственных признаков. Иными словами, основываясь на результатах таких работ, мы не можем получить больше информации, чем имеем, кроме аналогий в широком территориальном и хронологическом диапазоне. Кроме того, имеется мнение, что формы ряда наконечников стрел конца XVI – XVII века, массовые для северных территорий Западной Сибири, являются единичными для других территорий и, условно говоря, «задвигаются» в конец типологических построений [*Двуреченский, 2007.* С. 289, 297, 299].

Учитывая все это, мы решили представить характеристику наконечников стрел *Монкысь урия*, основываясь на собственной типологии, разработанной по имеющимся в нашем распоряжении материалам первой половины XVII века бассейна Большого Югана. Помимо этого, для нас было крайне важно получить данные, пригодные для сравнительного анализа с этнографическими материалами, и для выхода на историко-этнографический анализ. Возможно, наш взгляд будет полезен для последующего более масштабного типологического исследования.

По материалу наконечники стрел подразделяются три группы: медные, железные и костяные.

Группа 1. Наконечники стрел из медного листа – 50 экз. (рис. 3.2.1 – *1–48*). Все они изготовлены из стенок пришедших в негодность котлов. Большинство из наконечников имеет форму, близкую к вытянутому треугольнику. По предметам хорошей сохранности видно, что котел сначала очищали от нагара, затем вырезали из него стенку, полученный лист выпрямляли и потом из него – при помощи топора – вырубали наконечник. Последняя операция проводилась несколькими ударами, поэтому форма и пропорции полученных изделий не всегда строго выдерживались. Предметы получались довольно грубыми, часто асимметричными. Дополнительные следы обработки (проковка, удаление заусениц, неровностей, заточка, шлифовка) на них отсутствуют. Размеры изделий варьируются от 2,0×1,3×0,1 до 9,2×4,2×0,1 см. Четко выраженных групп по размерам не наблюдается. Затем наконечники закреплялись на древке, причем также довольно грубо оформленном. Все это, а также излишняя гибкость металлических частей стрел, указывают на то, что они никогда не использовались в бою и на охоте.

В культурном слое наконечники находились в разном положении: от относительно вертикального до горизонтального.

В. И. Семенова выделила в составе данной группы три типа наконечников. Мы придерживаемся того же мнения, но поскольку она оперировала 21 экз., а мы уже 50-ю, то используем ее систематизацию как основу и внесем уточнения и дополнения.

Тип I. Треугольные[1] – в форме криволинейного треугольника (curvilinear triangle) – 21 экз. (рис. 3.2.1 – *24–47*). Все наконечники имеют форму, близкую к вытянутому треугольнику с острой вершиной и прямым основанием. В единичных случаях имеются асимметричные формы и не совсем прямое основание. Тем не менее, это скорее исключение, связанное с исходной формой заготовки, нежели целенаправленное моделирование иной формы наконечника. В рамках данного типа выделяются два подтипа, различающихся по конструктивным особенностям крепления к древку.

Первый подтип – 13 экз. Характеризуется наличием центрального отверстия, которое было предназначено для продевания нитей при креплении наконечника к древку.

Второй подтип – 8 экз. Отличается отсутствием центрального отверстия. Вероятно, крепление к древку таких наконечников осуществлялось только с помощью клея. Наконечники такой формы не имеют прототипов среди реально бытовавших изделий.

Тип II. Треугольные (curvilinear triangle) с выделенным черенком и шипами – 28 экз. (рис. 3.2.1 – *1–23*). Эти наконечники также имеют форму, близкую к вытянутому треугольнику с острой вершиной, но у них двумя треугольными вырезами выделен короткий черенок и сформированы острые шипы. Длина черенка обычно не превышает длину шипов. Заготовкой для предмета такой формы служил наконечник предыдущего типа. Вместе с тем не все эти формы идеальны с точки зрения аэродинамических свойств. Некоторые образцы имеют изъяны и отверстия, доставшиеся им от исходной заготовки или от стенки котла, из которого они изготовлены.

Среди наконечников данного типа выделяются два подтипа, различающихся по особенностям крепления к древку.

Первый подтип – 11 экз. Характеризуется наличием центрального отверстия, которое было предназначено для продевания нитей при креплении наконечника к древку. Имеется комплект, состоящий из трех

[1] Используя геометрические термины при описании наконечников стрел *Монкысь урия*, мы понимаем, что этот способ не является полностью идеальным. Дело в том, реальная форма наконечника и других предметов далека от строгой геометрической. Для описания подобных треугольных фигур в геометрии используется термин *трегоноид* (*trigonoid*). Это фигура, ограниченная тремя линиями и имеющая три угла (то есть предмет треугольной формы, похожий на треугольник), или криволинейный треугольник – *curvilinear triangle* – треугольник Рело [Academic Dictionaries and Encyclopedias; *Яглом, Болтянский, 1951.* С. 90–105]. Поскольку оба эти термина редко употребляются, особенно в археологии, мы попытаемся их использовать в нашем исследовании и ввести в систему описания артефактов.

наконечников, связанных между собой. Были они вмонтированы в древко или нет – для нас неясно. Один экземпляр имеет два отверстия для крепления. Вряд ли это было сделано намеренно: скорее всего, это ошибка разметки или дефект.

Второй подтип – 17 экз. Отличается отсутствием центрального отверстия.

Наконечников первого типа чуть больше. Возможно, это объясняется тем, что в этом случае мастеру не требовалось изготавливать клейкую массу для крепления наконечника к древку. Среди экземпляров, найденных на городке, только два сходны по форме, но отличаются длинным черенком.

Тип III. Ромбические – 1 экз. (рис. 3.2.1 – *48*). Наконечник имеет форму асимметричного ромба, у которого удлиненный нижний конец срезан. Размеры предмета: 9,4×2,6×0,1 см. Наконечники такой формы имеют реальные утилитарные прототипы в вещевом комплексе.

В целом же изготовленные в большом количестве медные наконечники стрел *Монкысь урия* не имеют аналогий среди наконечников, являвшихся орудиями охоты и боевого оружия. Имеется лишь несколько относительно близких к ним форм. Возможно, это было следствием того, что образ медных наконечников формировался не из их реального (военного или производственного) предназначения, а некоего знаково-мифологического.

Для нашего анализа особую значимость имеет локализация медных наконечников стрел.

На плане памятника (рис. 3.2.1) хорошо видно, что они были распределены по территории городка неравномерно и объединялись в своеобразные группы. Больше всего их найдено в северной части постройки 2.5(6) – с юго-восточной стороны от погребения № 3. Выделяется еще одна зона их концентрации: в той же постройке № 2.3(4), рядом с местом обнаружения индивидуумов IX и X. По-видимому, это является следствием того, что уцелевшим после штурма жителям городка не было известно точное местонахождение погибших женщин, так как их тела были погребены под обрушившейся кровлей постройки (см.: раздел. 2.4). Кроме того, именно в этом помещении археологами были обнаружены отдельные кости индивидуумов XVII–XIX. Точные места их гибели защитникам городка также не были известны. Несколько наконечников, найденных на южном склоне оборонительно-жилого комплекса, вероятно, были связаны с индивидуумом XX.

Помимо этого, нами зафиксированы места локализации медных наконечников на периферии поселка: в 15–25 метрах от оборонительно-жилого комплекса. Один наконечник был связан с открытым неуглубленным кострищем, обнаруженным на участке З’–Ж’/53. Судя по мощности и цвету прокаленной почвы, оно использовалось довольно долго. Здесь же были обнаружены части скелетов нескольких собак. По всей видимости, данный костер использовался в ритуальных целях – при совершении поминальных обрядов. Несколько наконечников залегали на южной окраине городка, близ постройки № 10 (кузницы). Их связь с какими-либо археологическими, в том числе культовыми, объектами пока не выявлена. Тем не менее, рядом с данным местом находится территория, еще не изученная раскопками. Один из наконечников был найден на северном краю оборонительно жилого комплекса – у останков медведя (череп, часть скелета) и собаки (череп, кости скелета), причем вместе с четырьмя костяными наконечниками (прил. 4.2). Кости медведя и собаки залегали в верхней части культурного горизонта. Вследствие этого, они также могут рассматриваться как свидетельства ритуальной практики, связанной с поминовением усопших. В целом же прослеживается связь медных культовых наконечников с телами (или частями тел) животных, в частности медведя и собаки, которые каким-то образом использовали в поминальном ритуале.

Сопоставим эти факты с материалами раскопок синхронных археологических памятников Западной Сибири.

Прежде всего, мы располагаем довольно большой информационной базой по средневековым северным городкам данного региона, которые служили укрепленными центрами аборигенных «княжеств». В частности, мы имеем в виду материалы раскопок городищ Крайнего Севера, на которых были изучены мерзлотные слои XVI–XVII веков (городки Надымский, Полуйский мысовой, Войкарский, Бухта Находка – поздний горизонт), а также культурные горизонты памятников таежного Приобья середины XII – XVI века (городище Эмдер и другие) – периода появления и распространения в регионе медных котлов. На каждом из этих памятников было исследовано более 1000 кв. м культурного слоя. Тем не менее находки на них медных наконечников стрел единичны, либо не зафиксированы вообще [*Кардаш, 2013а*; *2013б*; *Федорова, 2004*; *2006*; *Брусницына, 2003*; *Зыков, Кокшаров, 2001*]. В частности, в коллекции из раскопок городища Ендырское 1 (городок Эмдер) имеется один наконечник стрелы размерами 9,4×2,1×0,1 см, изготовленный из медного листа. В плане

он имеет форму асимметричного ромба, расширяющегося к острию. Предмет происходит из переотложенного слоя и датируется авторами раскопок XII–XVI веками [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 66, 72, 73. Рис. 33 – *20*]. Шесть подобных наконечников происходят из могильников Нижнего Прииртышья и Среднего Приобья: Кинтусовского 4.3 (погребение 5, XVI–XVII века), Сайгатинского IV (погребение 37, XIV–XV века) [*Терехова, 1988*] и Усть-Балык (XV–XVII века) [*Семенова, 2001.* С. 40–42, 253. Табл. 18. Рис. 8 – *1, 2*]. Два наконечника обнаружены в слое второй половины XVI века городища Искер [*Зыков, 1994.* С. 32. Рис. 52 – *3, 4*].

Единичные наконечники стрел из медного листа найдены на 7 памятниках XV–XVII веков, расположенных на юге Западной Сибири: могильники Барклай, Кустовский, Кыштовка 1, Черталинский, поселения Кустовское, Черталинское и Бергамак 3 [*Ожередов, 1999.* С. 79, 83. Рис. 1; 2].

Точная аналогия наконечникам из *Монкысь урия* зафиксирована на городище Березово 1 в Нижнем Приобье. Среди немногочисленных вещей, собранных на поврежденной части последнего памятника, фигурируют три наконечника стрел: один – костяной и два металлических, вырезанных из листового металла (меди?) [*Сурков, 2014.* С. 266, 267. Рис. 2]. Время функционирования этого укрепления, находящегося близ русского уездного города Березова (ныне пункт городского типа Березово), ограничивалось рубежом XVI–XVII веков. Присутствие в числе случайных находок наконечников стрел, изготовленных из медного листа, по-видимому, «маркирует» наличие на городище ритуального комплекса. Сами же эти стрелы, как и их аналоги в погребальных комплексах *Монкысь урия*, по нашему убеждению, бесспорно, имели ритуальное назначение и использовались в таком качестве.

Между тем некоторые исследователи, в том числе В. И. Семенова, А. П. Зыков и С. Ф. Кокшаров, отрицают ритуальное употребление стрел с такими наконечниками. Они объясняют изготовление таких предметов периодическим дефицитом железа в западносибирской тайге и полагают, что эти медные артефакты в свое время использовались как обычные железные наконечники стрел [*Семенова, 1995.* С. 72. Табл. 3; *2001.* С. 40, 42. Табл. 18; *2005.* С. 46, 47. Табл. 8; *Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 73. Рис. 33 – *20*].

Тем не менее В. И. Семенова отмечает «особый статус» медных наконечников и делает соответствующую отсылку на статью Ю. И. Ожередова, где они подробно рассмотрены [*1999.* С. 103]». Далее она отмечает: «Два наконечника найдены под дерном и первоначально были отнесены нами к слою позднего святилища, следы которого установлены не по ярким материальным остаткам, а по устным свидетельствам. Но упомянутые два наконечника могли попасть под дерн и из нор, и шурфов на памятнике» [*Семенова, 2005.* С. 46–47]. Все это показывает, что Валентина Ивановна была на правильном пути в оценке этих вещей и располагала аргументами в пользу их сакральной функции. Несмотря на это, она пришла к неожиданному и противоречивому заключению о том, что «… очевидной их связи со святилищем не выявлено. Анализ их местонахождения на данном памятнике позволяет утверждать, что, несмотря на сакральность, отраженную в фольклоре, они являлись также составной частью промыслового инвентаря» [*Там же.* С. 47]. По ее мнению, утилитарное использование медных наконечников «было вызвано дефицитом наконечников стрел». В качестве аргумента В. И. Семенова привела сходный наконечник стрелы для ставного лука (самострела) конца XIX века, опубликованный У. Т. Сирелиусом [*2001.* С. 264. № 26]: треугольной формы, размерами 7,5×4,5 см, который был прикреплен к древку стрелы сухожильными нитями через отверстие у основания. Единственным отличием от найденных при раскопках медных наконечников она сочла только то, что «он сделан из жести» [*Семенова, 2005.* С. 47]. В действительности У. Т. Сирелиус опубликовал два таких предмета, причем он отметил, что они были изготовлены из листового железа. Ошибка в новое издание на русском языке вкралась из-за неточности перевода источника. Кстати, выражения «из листового железа», «выкован из двух кусочков листового железа» встречаются у Сирелиуса и в описаниях наконечников стрел других форм [*2001.* С. 264, 280. №№ 26, 122, 123]. По-видимому, в этих случаях речь идет прежде всего об особенностях исходного материала и форме сечения наконечников стрел. Что же касается жести, то ее свойства радикально отличны от свойств листового железа. Таким образом, аргументация В. И. Семеновой в пользу промыслового назначения медных наконечников представляется ошибочной. Сделанная ею ссылка на работу У. Т. Сирелиуса, где опубликована аналогичная стрела от ставного лука на медведя, некорректна. Тем более непонятно, о какой стреле идет речь: о специальной охотничьей, предназначенной для убийства медведя, или о ритуальной копии, которую используют во время медвежьего праздника.

По материалам *Монкысь урия* нами была выявлена связь медных наконечников с останками животных в ритуальных комплексах. Принимая это во внимание, вернемся к поиску аналогий наконечникам, опубликованным У. Т. Сирелиусом [*2001.* С. 264, 280. №№ 26, 123]. Возможно, информатор, с которым беседовал известный финский ученый, имел в виду стрелу именно для ритуального убийства медведя? Кстати, данные стрелы (рис. 3.2.1 – *49, 50*) аналогичны медным стрелам первого типа из городка *Монкысь урий*. Различие их – только в материале. Кроме того, этим же исследователем были опубликованы подобные, но вполне утилитарные железные наконечники стрел для ставных луков – самострелов (рис. 3.2.2 – *49, 50*). В работе по традиционной культуре юганских ханты конца XIX века, написанной другим знаменитым зарубежным ученым, работавшим в Западной Сибири, шведом Ф. Р. Мартином, имеется рисунок подобного наконечника с идентичным способом крепления к древку (рис. 3.2.1 – *52*) . Стрела с таким наконечником была предназначена для сторожевого лука, с помощью которого аборигены таежного Приобья охотились на северного оленя [*Мартин, 2005.* С. 54. Рис. 50].

Не являются ли эти факты одним из доказательств того, что наконечники из медного листа, найденные на городище Частухинский урий (городок *Монкысь урий*), являются моделями железных кованых наконечников, предназначенных для самострелов. Причем утилитарное использование медных и «жестяных» стрел теоретически могло иметь место, но вряд ли это было их изначальным предназначением. Почему для ритуальных целей моделировали стрелы именно для сторожевых луков? С этим нам еще предстоит разобраться.

Такого количества плоских медных наконечников, как в городке *Монкысь урий,* не известно ни на одном из археологических памятников севера Сибири. Иными словами: на сегодняшний день комплекс моделей наконечников стрел данного городка, изготовленных из утилизированных медных котлов, является самым крупным в данном регионе.

Вполне очевидно, что физические свойства таких наконечников, как элементов охотничьего оружия, тем более вооружения, в плане нанесения ими серьезных ран животному или противнику, не выдерживают критики. Непонятно, как бы повел себя такой наконечник на охоте или в бою. Зато хорошо известно, особенно охотникам, что не каждый снаряд, выпущенный из огнестрельного оружия, способен убить или смертельно ранить медведя. Что говорить о стреле с мягким медным наконечником, причем не имевшим заточки?

Еще одним, правда, также косвенным, аргументом в пользу маловероятности использования плоских медных наконечников на охоте и в бою является отсутствие специфических отходов от их производства. При изготовлении «утилитарных» форм такие отходы на поселении обычны, и их бывает довольно много. Причем независимо от способа производства, даже тогда, когда их вырубали топором или вырезали ножницами их медного листа. Каждый обнаруженный в *Монкысь урии* медный наконечник имеет уникальные размеры и отличную от других форму. Это свидетельствует об индивидуальном изготовлении каждого предмета, что должно было сформировать множество отходов. Однако таковых мы не обнаружили. Фрагментов медных котлов в коллекции много – около сотни (рис. 2.3.19 – *1–100*), но лишь несколько из них (5–10), и весьма условно, можно принять за отходы производства наконечников. Данный факт может свидетельствовать о том, что найденные при раскопках медные наконечники изготавливались за пределами городка *Монкысь урий* и были принесены на его территорию. Мы полагаем, что стрелы с наконечникам из медного листа являются одной из маркирующих и основных частей ритуально-поминального комплекса, связанного с захоронениями на территории разрушенного оборонительно-жилого комплекса городка.

Ритуальное назначение и использование таких стрел, найденных в могильниках и на поселениях, было детально проанализировано в специальной работе Ю. И. Ожередова [*1999*]. По поводу помещения стрел с медными наконечниками в состав погребальных колчанных наборов ученый отмечает, что они предполагались для использования в мире мертвых «как апотропеическое средство, обеспечивающее безопасность промысла в случае недоброжелательного воздействия потусторонних сил» [*1999.* С. 103]. При этом обратим особое внимание на выявленную исследователем связь между наконечниками стрел из меди и погребальным обрядом (как способом переселения умерших в «мир мертвых»).

Мы считаем, что связь медных наконечников с погребениями и поминальной обрядовой деятельностью, осуществлявшейся на руинах городка *Монкысь урий*, очевидна.

Вместе с тем далеко не все медные наконечники находились в вертикальном положении, в том числе обнаруженные в глубине культурного слоя, на уровне пола жилищ. Это, на наш взгляд, свидетельствует об одном:

очень кратком эпизоде совершения поминальных обрядов. После проведенного ритуала – в процессе разрушения строений и формирования нового культурного слоя – воткнутые в грунт стрелы продолжали деформироваться и менять свое положение.

Таким образом, зафиксированный на территории городища ритуальный комплекс представляли как стрелы, воткнутые в грунт около захоронений и мест гибели индивидуумов, так и все остальные целые медные наконечники.

Группа 2. Железные наконечники стрел (стрелы с железными поражающими элементами) — 86 экз. (рис. 3.2.3 – 3.2.6). Группу составляют 64 целых изделия и 7 фрагментов, не подлежащих полной типологической идентификации.

По функциональным признакам выделены две подгруппы наконечников: специализированные охотничье-промысловые и универсальные (охотничье-боевые). Дело в том, что в условиях комплексного хозяйства и периодического ведения боевых действий аборигенами края с одинаковым успехом использовались все типы железных наконечников стрел. Отсутствие у ханты собственной четкой типологии наконечников отмечено многими этнографами. В том числе У. Т. Сирелиусом, который для наконечников одной и той же формы фиксировал у ханты разные названия; причем стрелы с одними и теми же наконечниками зачастую предназначались для промысла разных видов животных. Тем не менее изначальная форма любого наконечника обосновывалась ими, исходя из какой-то целесообразности и эффективности.

По этой причине нами была предпринята попытка создания классификации, основанной на принципах *функционального* обоснования формы наконечников. По особенностям формы все железные наконечники стрел (в рамках обеих подгрупп) были подразделены на 7 типов.

Первая подгруппа. Специализированные охотничье-промысловые типы наконечников стрел – 27 экз. (рис. 3.2.3; 3.2.4). В нее включены самые широкие (1,5–4,5 см) наконечники стрел, которые гарантировали нанесение противнику или животному максимально большой раны. Кроме того, комбинированные (изготовленные из железа и дерева) типы наконечников были способны обеспечить максимальные размеры зоны поражения – от 5,5 см до 6,0 см и более – при планировании стрелы после выстрела.

При выделении этой подгруппы наконечников и входящих в нее типов нами были также использованы этнографические материалы конца XIX века, прежде все по этнографии юганских ханты [*Мартин, 2004.* С. 52–53. Рис. 40–43. Табл. 1].

Тип I. Наконечники стрел комбинированные – из дерева с железными поражающими деталями (комбинированный томар?) – 3 экз. (рис. 3.2.3 – *1–3*).

Томар – стрела с деревянным или костяным коническим наконечником, специфический промысловый тип оружия, применявшегося при охоте на пушных зверей[2]. В нашем случае *томар* – это стрела с деревянной поражающей частью, и ее следовало бы отнести ***к группе деревянных наконечников стрел***, что мы сделали ранее при анализе материалов раскопок археологических памятников Крайнего Севера с культурным слоем, находящихся в условиях «вечной мерзлоты» [*Кардаш, 2013а.* С. 148. Рис. 3.15–*1–3*; *2013б.* С. 177. Рис. 3.06 – *20, 21*].

Таких стрел при раскопках городка *Монкысь урий*, расположенного в зоне средней тайги, не обнаружено, но найдены их железные детали – серповидные поражающие элементы, причем два парных. Сейчас можно только гадать: имело или нет расширение боевой части стрелы форму *конического томара*, который снабдили дополнительными деталями, либо это расширение древка имело биконическую форму, сходную с костяным «томаром стрельным»[3], предназначалось для монтажа серповидных поражающих элементов и служило утяжелителем для обеспечения баллистической траектории полета стрелы. Не исключено, что такая стрела могла иметь на боевом конце (острие) фронтальный наконечник. В этой связи мы рассматриваем данный комбинированный наконечник с серповидными поражающими элементами как один из типов железных наконечников стрел. Анализ этих предметов в данном разделе обусловлен парностью двух из них: возможно, вмонтированных в одну целую стрелу. Использование *томаров* в ритуальной практике не вызывает сомнение, поскольку зафиксировано этнографическими наблюдениями [*Визгалов, Кардаш, 2010.* С. 24. Рис. 1.14, 1.23. Табл. 1]. Для увеличения размеров раны стрела с комбинированной поражающей частью снабжалась острыми железными выступающими серповидными элементами.

Именно такие три элемента были найдены в городке *Монкысь урий*. Они имеют вид пластин с одним серповидным заостренным концом и вторым – перпендикулярно отогнутым (рис. 3.2.3 – *1–3*). Изделия выглядят как маленькие широкие железные крючки с отогнутыми черенками. Плоскость внутри изгиба заточена по дуге. Размеры пластин в среднем: 4,0×3,0 см.

Стрелы такого типа известны по материалам раскопок Надымского городка [*Кардаш, 2013а.* С. 148. Рис. 3.15 – *10, 11*]. Обломок боевой части такой же стрелы, но с фрагментами четырех крюков, найден при раскопках русской Мангазеи; между тем первыми исследователями он был отнесен к изделиям аборигенов Сибири [*Белов и др., 1981.* С. 78. Рис. 16 – *4*]. Действительно, такие стрелы использовались коренным населением севера Западной Сибири вплоть до XIX века [Изделия остяков Тобольской губернии…, 1911. С. 125; *Мартин, 2004.* С. 52–53. Рис. 40–43. Табл. 1]. Тем не менее местное происхождение таких стрел сомнительно. Подобные поражающие детали наконечников отсутствуют не только в слое Надымского городка XV–XVI веков, но и на других памятниках, в частности в слоях XV–XVI веков городища Эмдер [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 65–79. Рис. 33–40].

Мы предполагаем, что стрелы с комбинированными поражающими элементами появившись в начале XVII века и стали частью промысловой культуры аборигенов Севера.

Тип II. Наконечники с поражающей (боевой) частью в форме широкой железной развилки с заточенным внутренним (вогнутым) краем («вильчатый срезень») – 9 экз. (рис. 3.2.3 – *4–12*). Все наконечники – плоские, пластинчатые, толщиной 0,2–0,3 см. Длина их варьируется от 6,4 до 15,8 см, при ширине от 1,5 до 4,5 см.

По форме, количеству и конструкции подразделяются два подтипа.

Первый подтип – 6 экз. Наконечник с одной широкой «вильчатой» поражающей частью, которая, сужаясь вниз, формирует форму вытянутого треугольника, конец которого служит черенком (рис. 3.2.3 – *1–8)*. Элементы, отделяющие назад, отсутствуют. Параметры соответствуют вышеприведенным. Вырезы в развилке (то есть между «рогами») варьируются от неглубоких сегментовидных в плане до глубоких параболических. Такие наконечники можно еще назвать ординарными или простыми «вильчатыми».

По классификации А. П. Зыкова, разработанной по материалам кузнечных изделий населения «Северо-Западной Сибири» II–XVIII веков, они соответствуют типу 50 – «срезни двурогие без упора». Таковых срезней по 29 коллекциям им было учтено 163 экземпляра. При этом самые ранние происходят из раскопок Барсовского V могильника конца VI – VII веков, а самые поздние – из сборов со святилища XVII–XX веков на городище Ермаково I и местонахождения Тат-Ягун XXXI [*Мартин, 2004.* С. 52–53. Рис. 40–43. Табл. 1 – *9–11*; *Карачаров, 1993.* Рис. 1 – *10*; *Зыков, А–2008.* С. 182]. Кроме того они иногда использовались русскими промысловиками в XVII веке [*Руденко, Станкевич, 1951.* С. 97, 234. Табл. IV – *14, 16*].

Второй подтип – 3 экз. Первый наконечник – с широкой «вильчатой» поражающей частью, которая сужаясь вниз, образует вытянутый узкий треугольник, переходящий в два перпендикулярных его оси серповидных ответвления – дополнительные поражающие части (рис. 3.2.3 – *10*). Насадом служит плоский промежуток между серповидными остриями. Вогнутые стороны ответвлений заточены. Размеры наконечника: 9,0×6,5×2,5 см. Предмет найден между постройками № 2.1(2) и 2.5(6), на уч. Ц/31. Он залегал сразу под дерном, в верхней части культурного слоя (уровень 45,72 м). Судя по сохранности и местоположению, наконечник был явно связан с ритуальным комплексом.

Второй предмет, размерами 5,7×5,0 см, – в виде сопоставленных крюков. Поскольку наконечник сильно корродирован, не совсем понятно: целое это изделие или только его фрагмент.

Подобный наконечник, размерами 7,6×6,0 см, был найден в 1990 году и интерпретирован В. И. Семеновой как «двойной крюк непонятного назначения» [*2005.* С. 47].

Оба этих предмета происходят из северной части постройки 2.3(4). Судя по плохой сохранности, они были связаны с поселенческим комплексом. Возможно, железный наконечник стрелы обломился, а древко с серповидными элементами было принесено на поселение. Не исключено, что данные предметы были незавершенными наконечниками.

[2] Тамар или томар – от «tamàr» (хантыйское) – «стрела для охоты за белками» [*Фасмер, 1996.* С. 75]; томар, тамарка – стрела с костяным тупым наконечником – для боя соболя, куницы, горностая (остяцкое, сибирское) [*Даль, 1998.* С. 389, 414]; томар – стрела без наконечника, с тупым концом, часто раздвоенным, или же с тупым костяным наконечником, употреблявшаяся в охотничьем промысле на мелкого пушного зверя, особенно на соболей [Энциклопедический словарь.., 1901. С. 474].

[3] Томары костяные биконические, в том числе с заостренным трехгранным концом, А. Ф. Медведевым отнесены типу 2 русских втульчатых наконечников стрел, типичных «*томаров стрельных*», упоминавшихся еще в «Букваре Кариона Истомина» 1694 года [*Медведев, 1966.* С. 87].

Наконечники такой формы можно определить как комбинированные «вильчатые» или «вильчатые» с двумя уровнями поражающих частей («двухуровневые вильчатые»). Это – уникальная форма, аналогов которой в археологических материалах пока не известно. Единственной сходной археологической находкой является двойной крюк, обнаруженный в погребении № 7 второй четверти – середины XVII века Кинтусовского могильника [*Зыков, 2012.* С. 218. Рис. 79 – *5*]. Тем не менее в качестве детали наконечника стрелы данный предмет исследователями памятника не был признан. Подобные изделия были зафиксированы Ф. Р. Мартином в конце XIX века у ханты реки Большой Юган [*Мартин, 2004.* С. 53. Табл. 1 – *1–14*]. В наборе промыслово-охотничьих боеприпасов представлен один тип стрел с биконическим расширением поражающей части. В передний конус такой стрелы был вмонтирован железный наконечник, точно соответствующий целому изделию из *Монкысь урия*. Создается впечатление, что стрелы с такими наконечниками бытовали только у населения Большого Югана, причем с XVI по начало XX века.

Тип III. Наконечники стрел в форме вытянутого равнобедренного треугольника с прямым лезвием и узким насадом («срезни») – 2 экз. (рис. 3.2.3 – *13, 14)*. Наконечники плоские, пластинчатые, толщиной около 0,25 см. Длина их составляет от 6,8 до 8,1 см, ширина – от 1,6 до 3,0 см.

А. Ф. Медведев отнес такие наконечники к типу 58 – «срезни в виде расширяющейся к острию лопаточки без упора для древка». При этом ученый отметил, что они были очень характерны для финно-угорских народов Южного Приладожья и Ярославского Поволжья X–XI веков, а русскими не употреблялись [*1966.* С. 71. Табл. 16 – *34*; 18 – *37*; 30 – *54*]. А. П. Зыков «срезни в виде расширяющейся к острию лопаточки без упора» объединил в тип 55 (58). Всего им по материалам 14 памятников, локализующихся в западных областях таежного Приобья, учтен 31 экземпляр, размерами 51–120×11–24 см. При этом интервал бытования таких срезней надежно датируется от конца VI – VII века (Барсовский V могильник) до первой половины XVII века (могильник Усть-Балык, погребение 298; могильник Моховая 46, погребение 9) [*Зыков, А–2008.* С. 183–184]. На Крайнем Севере Западной Сибири самые поздние наконечники этого типа были найдены при раскопках Мангазеи (горизонт XVII века) и Надымского городка конца XVI – первой трети XVIII века [*Белов и др., 1981.* С. 78. Рис. 16 – *2*; *Кардаш, 2013а.* С. 148, 149. Рис 3.17 – *7, 8*].

Тип IV. Наконечники стрел плоские, асимметрично-ромбической формы с боевой частью в виде острия с плечиками – 3 экз. (рис. 3.2.4 – *10–12)*. Изделия плоские, пластинчатые, прямоугольного сечения, размерами 11,5–13,0×2,7–2,8×0,3–0,35 см. Длина острия у них колебалась от 2,0 до 5,0 см и, очевидно, зависела от частоты заточки.

Согласно классификации А. П. Зыкова, они входят в тип 45: «асимметрично-ромбические с наибольшим расширением в верхней части пера, с вогнутыми верхними гранями, придававшими острию пламевидную форму, без упора». Аналогичные происходят из слоев XVI – начала XVIII века Надымского городка и Сайгатинского I святилища. По оценке этого исследователя, данные наконечники являются поздней модификацией XVI–XVII веков наконечников типа 44, очень близкой типу 41 [*Зыков, 2008.* С. 179–180].

По нашему мнению, наконечники IV типа не известны на памятниках региона ранее конца XVI века. Аналогичные изделия найдены в погребениях конца XVI – начала XVII века могильника Усть-Балык и в слоях конца XVI – первой трети XVIII века Надымского городка [*Семенова, 2001*. С. 4. Табл. 16; *Кардаш, 2013а.* С. 148, 149. Рис 3.17 – *9–11*]. Такая форма наконечников отсутствует в этнографических материалах XIX – начала XX века. Возможно, время бытования IV типа ограничено серединой XVIII века.

Тип V. Наконечники стрел асимметрично-ромбической формы *(kite[4]), расширяющиеся к боевой (поражающей) части (верхней трети)* – 5 экз. (рис. 3.2.4 – *13–25*). Изделия плоские, толщиной 0,25–0,3 см. В некоторых случаях конец черенка срезан под углом (косой срез). Размеры наконечников варьируются: от 9,0–9,4×1,9×2,3 до 13,5–18,8×1,6–1,9 см.

Данные изделия ближе всего к типу 44 и отчасти – к типу 40, по систематике А. П. Зыкова. Тип 44: наконечники асимметрично-ромбические, вытянутые, с наибольшим расширением в верхней части пера, без черешка. Их систематизировано 30 из 13 коллекций. Самая ранняя находка происходит из погребения 53 второй половины X–XI века Сайгатинского I могильника; самые поздние найдены в слоях XVI – начала XVII века

[4] *Kite* – геометрический термин, используемый в английской геометрии, происходящий от понятия *«fly a kite»* – *«воздушный змей»* [*Мюллер, 2010.* С. 528]. Равнозначен понятию *«асимметричный ромб»,* но фиксирует сочетания тупого (или прямого) угла ромба в верхней части и острого в нижней.

Надымского городка [*Зыков, 2008.* С. 179]. Тип 40: наконечники ромбические, с расширением в середине пера, без упора, с коротким плоским черешком. Последние зафиксированы на 16 памятниках северо-западных территорий Западной Сибири, датирующихся от второй половины X–XI века (могильник Кинтусовский, погребение 4; могильник Барсов Городок, погребения 23 и 26) до первой половины XVII века (могильник Моховая 46, подъемный материал) [*Там же.* С. 178].

В целом же наконечники такой формы известны по большой серии находок, происходящих из памятников X–XVII веков севера таежного Приобья и бассейна Надыма [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 65–68; *Семенова, 2001.* С. 40. Табл. 16; *Кардаш, 2013а.* С. 149. Рис 3.17 – *12, 14*].

Тип VI. Наконечники с проникателем (боевой головкой) криволинейно-треугольной формы (curvilinear triangle), снабженным шипами и вытянутым черешком – 5 экз. (рис. 3.2.4 – *1–6)*. Изделия плоские, пластинчатые, толщиной 0,3–0,5 см. Размеры их варьируются от 7,0×2,0 до 21,8×3,3 см. В данный тип условно объединены наконечники с близкой, но все же разнообразной формой проникателя (пера), которая изменяется от равностороннего треугольника к вытянутому. Перо отделено от черенка боковыми выступами – шипами. Соотношение длины проникателя и черешка в среднем – 60:40, с небольшими отклонениями. Кроме того, к данному типу отнесен один наконечник, явно отличающийся по форме: его перо – в виде узкого вытянутого треугольника с вогнутым основанием, образующим выступы в виде шипов (рис. 3.2.4 – *1)*. Размеры изделия – 20,2×2,5 см, его проникателя (пера) – 17,5×2,5 см, черенка – 2,7×1,2. Черенок явно очень короткий. Единственное, что сближает его с другими наконечниками этого типа, это плоское сечение по продольной оси и ширина пера. Относительно двух изделий, длиной более 20 см (рис. 3.2.4 – *1, 2)*, мы не вполне уверены, что это наконечники стрел. Хотя известны подобные костяные стержневидные, длиной от 20,0 до 22,5 см. [*Кардаш*, *2013а.* С. 148. Рис 3.16 – *1, 3, 4*].

Наконечники VI типа известны по находкам на средневековых памятниках X–XVII веков севера Западной Сибири. По классификации В. И. Семеновой относятся к группе «плоских» (тип 17, подтипы 1–3) [*Семенова, 2001.* С. 37–40. Табл. 16]. Согласно предварительной типологии А. П. Зыкова и С. Ф. Кокшарова, они попадают в тип 4, варианты «а» и «б» [*2001.* С. 65–68. Рис. 34 – *2, 14*]. В окончательной типологии А. П. Зыкова они входят в несколько разных типов плоских двушипных наконечников стрел с килевидным и треугольным пером, а также заостряющимся к концу черешком [*А–2008.* С. 173–176 и сл.]. В коллекции вышеупомянутого Надымского городка наконечники данного типа отсутствуют [*Кардаш*, *2013а.* С. 149–151. Рис. 3.17; 3.18].

Вторая подгруппа. Универсальные (охотничье-боевые) типы наконечников стрел – 43 экз. (рис. 3.2.5; 3.2.6). В данную подгруппу включены наконечники стрел минимальной ширины (менее 1,5 см). Как известно по материалам археологических исследований на Крайнем Севере Западной Сибири, в том числе городка *Монкысь урий* (см. раздел 2.3.3.3), в XVI–XVII веках диаметр кольчужных колец варьировал от 0,9 до 1,5 см. Логично, что стрелы с узкими железными наконечниками изначально были предназначены для пробивания защитного доспеха. В том числе кольчужного, наиболее распространенного на северо-востоке Европы и в Сибири в развитом и позднем средневековье. Исходя из функции, такие наконечники можно охарактеризовать как ***бронебойные***. Тем не менее это не исключало их использования в охотничьем промысле. В первую очередь, при добыче крупных копытных – северного оленя и лося, поскольку такие стрелы был способны пробивать кость и застревать в ней.

Тип VII. Наконечники стрел стержневидные (бронебойные) – 43 экз. (рис. 3.2.5; 3.2.6). Данный тип наконечников характеризуется тремя основными признаками. Основой формы наконечника является четырехгранный длинный стержень квадратного сечения, размерами от 0,5×0,5 до 0,7×0,7 см (как вариант – 0,5×0,7 см). Насад (черенок) наконечника короткий, не более 2,5 см, тонкий и острый, отделен от шейки небольшим уступом. Поражающая часть наконечника снабжена небольшими проникателями (боевыми головками) разной формы.

Ранее исследователи, в том числе и мы, распределяли бронебойные наконечники по типам в зависимости от формы проникателя.

Для сравнения: в классификации А. П. Зыкова все бронебойные (граненые и круглые в сечении) наконечники северо-западных территорий Западной Сибири объединены в группу IV, а затем по форме и ширине головки, сечению головки и шейки, наличию шипов и упора, а также другим признакам, подразделены на типы (61–86). При этом главной отличительной чертой железных бронебойных наконечников таежной зоны Западной Сибири исследователь обозначил их очень крупные размеры [*2008.* С. 185–186 и сл.].

В данной работе, следуя принципу систематизации по функциональному признаку, мы прибегли к определенному обобщению, объединив все бронебойные наконечники в один тип, но распределив их по их форме поражающей части на 4 подтипа.

Первый подтип – 8 экз. (рис. 3.2.5 – *1–8).* Стержневидные (шиловидные) наконечники с длинной шейкой квадратного сечения, постепенно переходящей на одном конце в зауженную и заостряющуюся боевую часть, а на противоположном – в короткий тонкий острый насад. Длина изделий варьируется от 9,8 до 16,5 см.

Такие наконечники являются типичными для позднесредневековых памятников севера Западной Сибири. В частности, они найдены в серии захоронений XIV–XV веков могильника Усть-Балык, а также в культурных слоях XV–XVI веков городища Эмдер и Надымского городка конца XVI – первой трети XVIII века. [*Семенова, 2001.* С. 38, 39. Табл. 16; *Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 72. Рис. 34 – *13*; *Кардаш*, *2013а.* С. 150, рис 3.18 – *1–5*]. Причем наиболее ранние экземпляры фиксируются еще в коллекции позднекулайского Холмогорского клада. Подобная форма наконечников стрел продолжала бытовать у ханты до начала XX века [*Сирелиус, 2001.* С. 275]. Они же имелись в наборе русских промысловиков XVII века [*Руденко, Станкевич, 1951.* С. 98, 234. Рис. 4. Табл. IV – *13, 15, 17, 19*].

Второй подтип – 14 экз. (рис. 3.2.6 – *1–14).* Стержневидные (пиковидные), с длинной шейкой квадратного сечения и криволинейно-треугольной *(curvilinear triangle)* либо килевидной боевой головкой ромбического сечения, снабженной двумя тонкими шипами. Насад у наконечников очень короткий и острый, с небольшим уступом. Длина наконечников – 12,7–15,8 см, проникателя (боевой головки) – 3,2–4,4 см.

Аналогичный наконечник известен в комплексе находок начала XVII века с острова Фаддея. Наиболее поздний происходит из ритуального комплекса XVII – середины XVIII века Халято-1 на полуострове Ямал [*Руденко, Станкевич, 1951*. С. 98, 234. Рис. 3. Табл. IV – *18, 20*; *Кардаш, Соколков, 2015.* С. 85–89. Рис. 11 – *3, 9*].

Третий подтип – 2 экз. (рис. 3.2.6 – *15, 16).* Стержневидные (пиковидные), с длинной шейкой квадратного сечения и криволинейно-треугольной *(curvilinear triangle)* боевой головкой ромбического сечения; шейка – со скошенным основанием, образующим один короткий шип (острый выступ). Длина наконечников – 12,5–14,5 см, проникателя (боевой головки) – 3,3–4,2 см.

Аналогичный наконечник известен в комплексе находок начала XVII века с острова Фаддея. Наиболее поздний происходит из ритуального комплекса XVII – середины XVIII века Халято-1 на полуострове Ямал [*Руденко, Станкевич, 1951*. С. 98, 234. Рис. 3. Табл. IV; *Кардаш, Соколков,* 2015. С. 85–89. Рис. 11 – *2–9*]. Отчасти они близки двушипным наконечникам с короткой килевидной головкой и длинным четырехгранным черешком, найденным на городище Эмдер в слоях переотложенных и XV–XVI веков [ср.: *Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 68. Рис. 33 – *9*; 34 – *18*].

Четвертый подтип – 13 экз. (рис. 3.2.5 – *1–13).* Стержневидные наконечники, с короткой боевой головкой асимметрично-подромбического или подтреугольного (*curvilinear triangle*) плана овального или ромбического сечения, с длинной шейкой квадратного сечения. Насад у наконечников очень короткий и острый, с небольшим уступом. Длина наконечников – 6,5–15,7 см, проникателя – 3,5–5,5 см. По форме поражающей головки и размерам выделяется два варианта.

Первый вариант – наконечник с проникателем (боевой головкой) иволистной формы, на длинном стержне (шейке). Длина изделий варьируется от 11,0 до 15,7 см.

Второй вариант – наконечник с проникателем (боевой головкой) асимметрично-подромбического плана и линзовидного сечения, с коротким стержнем (шейкой). Длина предметов – 6,5–10,5 см.

Возможно, эти варианты наконечников различаются по времени изготовления либо по функции.

Близкие наконечники найдены в слоях XV–XVI веков городища Эмдер, в комплексе начала XVII века с острова Фаддея и в Надымском городке конца XVI – первой трети XVIII века [*Руденко, Станкевич, 1951.* С. 97, 235. Рис. 2. Табл. V – 12, 13; *Кардаш, 2013а.* С. 151. Рис. 3.18 – *6–11*].

В настоящее время без комплексного анализа технологии изготовления наконечников из Монкысь урия крайне сложно достоверно определить место их производства.

Безусловно, первые железные, в том числе плоские, наконечники стрел появились в таежном Приобье еще в кулайскую «эпоху»: на рубеже эр и в первых веках нашей эры. Единичные железные бронебойные наконечники стрел в Западной Сибири зафиксированы в раннем средневековье, в IV–VIII веках. Более массово они начали производиться наряду с плоскими наконечниками (в том числе – со «срезнями») в развитом средневековье, в IX–XII веках. Причем вполне вероятно, что под воздействием импульсов из евразийских степей, занятых тюркскими народами. Эта тенденция продолжилась после присоединения южных областей Урала и Сибири к государственным образованиям татаро-монголов (Золотая орда, Синяя орда, Сибирское ханство).

Мы лишь можем предположить, что появление части типов наконечников связано с новым этапом освоения Севера Сибири Московским царством в конце XVI – начале XVII века. Это, на наш взгляд, относится к универсальным охотничье-боевым (тип VII) и комбинированным наконечникам стрел (тип I, второй подтип типа II). Безусловно, часть наконечников, даже новых форм, явно изготавливали непосредственно в *Монкысь урии*.

Группа 3. Наконечники стрел из кости и рога (стрелы с костяными поражающими элементами) – 61 экз. (рис. 3.2.7; 3.2.8). Данную группу составляют 40 целых изделий, распределенных нами по типам, а также обломки (21 экз.), классификация которых затруднена. В целом же, вследствие особенностей климата и почв в зоне средней тайги Приобья, многие наконечники стрел имеют плохую сохранность, и к данной группе отнесены нами условно. Значительная часть наконечников сгнила и была повреждена при извлечении из культурного слоя.

В любом случае, общее число костяных наконечников достаточно велико и сравнимо с количеством медных или железных. Практически все наконечники из кости и рога были сконцентрированы в границах оборонительно-жилого комплекса (рис. 3.2.1.). В ходе раскопок 1990 года было зафиксировано, что некоторые костяные наконечники вместе с железными находились в вертикальном положении у погребения № 1, то есть стрелы были воткнуты в землю [*Семенова, 2005.* С. 92, 93. Рис. 50]. Все эти факты не оставляют сомнения в том, что подавляющее большинство костяных наконечников стрел были частью ритуального комплекса.

По особенностям формы все наконечники подразделены на 3 типа с соответствующими подтипами.

Тип I. Стержневидные наконечники стрел – 32 экз. (рис. 3.2.8). Из этого числа 19 предметов – относительно целые, остальные 13 представлены фрагментами. Сходство форм данных наконечников со стержнями определяет данный тип. Кроме того, все наконечники черешковые. Размеры изделий варьируются от 17,3–18,0 до 20,2–23,8 см. Довольно большая длина, но она сопоставима с максимальными длинами некоторых железных наконечников, что пока достоверно не объяснимо по причине небольшой репрезентативности материалов данного периода в целом. В зависимости от формы сечения наконечники подразделяются на подтипы, от формы острия (конца боевой головки) – на разновидности.

Первый подтип – с трехгранным сечением – 5 экз. (рис. 3.2.8 – *1–5*). Четыре наконечника имеют трехгранное сечение по всей длине за исключением плоского черенка, оформленного двумя срезами. Максимальные размеры сечений: 0,8×0,8 – 1,0×1,0 см. Треугольное сечение придавалось наконечникам намеренно, причем вне зависимости от исходного материала (рог, кость). Один наконечник имеет особенности формы, которые можно охарактеризовать как *второй вариант* данного подтипа. Наконечник, длиной 23,8 см[5], имеет трехгранное сечение длиной 16,2 см, начиная от острия. Каждая грань заканчивается небольшим шипом (1,5–2,0 мм). Максимальный размер сечения: 1,3×1,2 см. За линией шипов трехгранное сечение трансформируется в круглое, длиной 7,6 см и диаметром 1,0 см. В основании изделия двумя срезами оформлен уплощенный насад (рис. 3.2.8 – *5*).

Второй подтип – наконечники с овальным сечением – 17 экз. (рис. 3.2.8 – *6–18*). Особенностью данного подтипа наконечников является то, что такое сечение неравномерно по всей продольной оси изделия. Как и у предыдущего подтипа, такое сечение придавалось наконечникам намеренно, причем вне зависимости от исходного материала, прежде всего – кости (метаподии). В поражающей части – острие – сечение в основном округлое, в средней части – полукруглое с продольной выемкой, образованной естественной формой внутренней части метаподии. У черенка, оформленного двумя срезами, сечение уплощенное прямоугольное. Максимальные размеры сечений: 0,7–0,9×1,0–1,4 см. Имеются варианты наконечников по форме острия. У некоторых оно – конической или сфероконической формы, у нескольких экземпляров концы наконечников заострены тремя короткими срезами. При этом не совсем понятно: такая вариативность задумывалась изначально или появилась в процессе ремонта сломанных или затупившихся концов наконечников.

Третий подтип – наконечники с круглым в сечением – 11 экз. (рис. 3.2.8 – *19–28*). Такое сечение равномерно практически по все продольной оси изделия, за исключением острия и черенка (насада). В некоторых

[5] В. И. Семеновой приведены неверные размеры данного наконечника: «16,2×1,3×7,2 см» [*2005.* С. 44. Рис. 60 – *1*]. Очевидно, здесь были указаны длина части наконечника с треугольным сечением, размер треугольного сечения и длина части с круглым сечением.

случаях едва заметна граненая структура, но в целом сечение изделий цилиндрическое. Диаметр сечения: 0,9–1,1 см. Имеются варианты по форме острия поражающей части. Эти варианты аналогичны вышеописанным наконечникам второго подтипа. Имеются экземпляры со сфероконической поражающей частью. Концы нескольких наконечников заострены тремя короткими срезами, возможно, сформированными при ремонте затупившегося или обломившегося острия. Черенок уплощенный, прямоугольный, сформирован двумя срезами.

Тип II. Асимметрически-ромбические наконечники стрел с разнообразным сечением, острым концом (острием – подобием боевой головки) и плоским тупым насадом (черешком) – 7 экз. (рис. 3.2.7 – *17–20*). 5 изделий – целые или практически целые, 2 представлены фрагментами. Острие ромбическое, средняя часть наконечника (шейка) – шестигранная, насад – уплощенный четырехгранный. Размеры наконечников – 9,6–13,0×1,3–2,5 см, сечений – 0,6–1,1 см. Размеры каждого целого изделия: 9,6×1,3×0,7; 9,6×1,3×1,1; 11,6×1,9×0,6 см; 12,5×2,5×0,6; 13,0×1,5×0,8 см.

Отдельные экземпляры по размерам приближаются к стержневидным (***типа I***), но отличаются ромбической формой пера (рис. 3.2.8 – *17–18*). Пока мы их не выделили в отдельный тип.

Тип III. Эллипсовидные плоские наконечники стрел с заостренным концом (острием – подобием боевой головки) и плоским тупым насадом (черешком) – 9 экз. (рис. 3.2.7 – *1–9*). 7 изделий практически целые, 2 имеют утраты, но хорошо идентифицируются. Наконечники такой формы в историографии иногда называют «иволистные», или в виде листа ивы. Мы применили наиболее близкий геометрический термин. Размеры наконечников – 7,9–16,5×1,5–2,3 см, сечений – 1,5–2,3×0,6–1,1 см. Размеры каждого целого изделия: 7,9×2,3×0,7; 9,6×1,7×0,6; 10,1×1,5×0,6; 11,5×1,6×1,2; 15,3×2,0×0,8; 16,5×2,0×0,8 см. Сечение всех наконечников плоское, варьирующее в основном от узкого подпрямоугольного до сегментовидного, сформированного конфигурацией исходного материала (метаподии). Размеры сечений: 1,5–2,3×0,6–1,1 см.

Подтипы выделены по форме насада (вогнутый, прямой и округлый). У наконечников с прямым срезом существуют варианты по форме острия: в трех случаях имеется острие, оформленное четырьмя срезами, образующими ромбическое сечение (рис. 3.2.8 – *11–13*). У одного изделия по бокам выделены два небольших шипа. Форма и некоторые параметры сечения данных изделий сближают их со стержневидными наконечниками второго подтипа. Кроме того, среди всех типов костяных наконечников имеются отдельные экземпляры, характеризующиеся переходными формами, что затрудняет их точную классификацию.

В целом же костяные наконечники последних двух типов (***типы I и II***) известны на других археологических памятниках. В том числе в коллекции материалов Надымского городка (слой конца XVI– первой трети XVIII века), но здесь они имеют размеры до 9,2×2,0 см [*Кардаш, 2013а.* С. 149. Рис. 3.16 – *10*]. Находки таких наконечников на других памятниках единичны и преимущественно относятся к XVI–XVII векам [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 79. Рис. 40 – *17*; *Семенова, 2001.* С. 40. Табл. 17].

Стрелы с наконечниками из кости и рога – один из наиболее распространенных в древности и средневековье видов боеприпасов охотничьего оружия у аборигенного населения Западной Сибири. Такие артефакты – рядовая находка в погребальных комплексах и на поселениях лесостепной полосы данного региона, но особенно частая – на археологических памятниках Крайнего Севера с мерзлым культурным слоем. В частности, наконечники стрел аналогичных типов и вариантов известны в могильниках Кыштовка 1, Усть-Балык. Кроме того, они широко представлены в комплексах Надымского и Полуйского мысового городков, городища Бухта Находка. Между тем, как уже упоминалось ранее, из-за плохой сохранности органических материалов в песчаных грунтах таежного Приобья, костяные наконечники стрел среди археологических материалов здесь довольно редки. Мы не будем перечислять все подобные находки и остановимся лишь на тех материалах, которые будут важны для нашего анализа.

Среди разных характеристик костяных наконечников стрел исследователи часто выделяют их общие размеры и форму сечения.

Экземпляры длиной до 10 см представлены на всей территории Западной Сибири с первых веков нашей эры [*Елагин, Молодин, 1991.* С. 94. Рис. 40 – *10, 13, 14*]. Вместе с тем предметы длиной более 10 см, имеющие многогранное сечение, более характерны для памятников юга Западной Сибири. По материалам из раскопок могильников Кыштовка 1 в Северной Барабе и Иготкинский в Верхнем Приобье такие наконечники обычно датируются не ранее конца XVI века [*Молодин и др., 1990.* Рис. 91 – *7*; *Боброва, Торощина, 1999.* Рис. 16 – *8, 9*]. Распространение длинных наконечников круглого сечения ограничивается севером Западной Сибири. Самые близкие аналогии таким наконечникам из *Монкысь урия* происходят с памятников юга Нижнего Приобья (могильник Ендырский 1, городище Ендырское 1 – Эмдер), где они датируются XVI веком [*Зыков, Кокшаров, 2001.* С. 80, 193–194. Рис. 37 – *15–17*; 54Б – *5–8, 17*]. Иными словами, по своим параметрам костяные наконечники городка *Монкысь урий* соответствуют аналогичным изделиям с других территорий Западной Сибири XVI–XVII веков. В то же время, по сравнению с материалами синхронных комплексов Крайнего Севера Сибири, прежде всего, Надымского и Полуйского мысовых городков [*Кардаш, 2013а.* С. 148, 149. Рис. 3.16 – *1–18*; *2013б.* С. 177. Рис. 3.06 – *3–13*], наконечники стрел из *Монкысь урия* выглядят более массивными и длинными, в среднем примерно в 1,5–2 раза.

Несмотря на это, стрелы с такими длинными и массивными костяными наконечниками вряд ли были рассчитаны на поражение железной брони противника. Их изготавливали именно для охотничьего промысла. Точнее, для поражения крупного животного: вероятнее всего, копытного (лось) и, возможно, даже хищного (медведь).

Назначение некоторых наконечников первого типа, сопоставимых по форме и размерам с железными бронебойными стержневидными (шиловидными) образцами, пока до конца не ясно. Возможно, стрелы с такими наконечниками использовались для охоты на водоплавающую и боровую птицу.

Еще одна важная деталь. Костяные наконечники стрел, в отличие от железных, не являлись предметом импорта. То есть мы имеем дело собственно с формами, изготовленными на месте, в городке или на соседних поселениях, и характеризующими традиционный охотничий промысел. Отличие костяных наконечников городка *Монкысь урий* от серии наконечников из Надымского и Полуйского мысового городков, скорее всего, было обусловлено различием промысловых видов животных таежного Приобья и Крайнего Севера. Традиционное охотничье оружие охотников тайги было сориентировано в основном для охоты на более крупного копытного – лося, в то время как в тундре главным пищевым промысловым видом был более мелкий северный олень.

3.2.3. Стрелы в ритуально-обрядовых комплексах

Предваряя последующее описание, следует отметить, что комплексов артефактов, обнаруженных в неких особых стратиграфических и планиграфических условиях, выявлено более десятка. Тем не менее нет полной уверенности в том, что некий условный комплекс является свидетельством того или иного религиозного обряда. Описание и анализ находок, которые мы трактуем как свидетельства ритуальной деятельности, мы начнем в обратном хронологическом порядке. То есть с комплексов стрел, большинство которых, на наш взгляд, связано, в той или иной степени, с поминальным обрядом погибших жителей городка.

Из 181 наконечника стрел, обнаруженных при раскопках, не более 10 целых или частично сохранившихся изделий мы можем отнести к «утилитарным», использовавшимся в качестве орудий труда или оружия. В том числе немногим более пяти стрел можно достоверно связывать с использованием при обороне городка. Остальные же наконечники стрел – порядка 171 – использовались в ритуально-обрядовых действиях, и наверняка большинство из них было связано с поминальным обрядом. Для обоснования данного тезиса мы подготовили план-схему их расположения (рис. 3.2.2). Отметим, что локальных групп по материалу, из которого изготовлены наконечники, практически не наблюдается, за одним исключением, о котором скажем ниже. Анализ планиграфии наконечников позволил выявить семь локальных групп: по комплексам, приуроченным к тем или иным сооружениям – захоронениям людей, останкам незахороненных индивидуумов или специально оставленным (подхороненым?) животным. Точное количество наконечников стрел в каждом комплексе установить сложно, поскольку некоторые экземпляры были найдены между скоплениями. Приведем описание этих групп.

1. Группа стрел на уч. Р–Ц/30–37 (постройка № 2.1(2) – 35–40 экз. (рис. 3.2.2). Это преимущественно стрелы с наконечниками из железа и кости. Большая их часть сосредоточена с южной стороны погребения № 1 (уч. С–У/32–34). Данные артефакты интерпретируется нами как элементы поминального обряда, связанного с данным захоронением. Именно этот комплекс, но из 13 наконечников, был исследован и выделен В. И. Семеновой как поминальный при раскопках 1990 г. [*2005.* С. 91]. Остальные наконечники, найденные в этой постройке, Валентина Ивановна исключила из ритуального комплекса.

2. Группа стрел на уч. Ч–А”/31–37 (постройка № 2.5(6) – 35–40 экз. (рис. 3.2.2). Стрелы с наконечниками из медного листа (более половины), железа и кости. В большинстве своем сосредоточены с южной стороны погребения № 3 (уч. Ы–Ю/32–34). Интерпретируются нами как элементы поминального обряда, связанного с данным захоронением. Наконечники, обнаруженные в постройке, В. И. Семенова не связывала с ритуальным комплексом погребения № 3. Напротив, она утверждала, что «на памятнике исследовано второе коллективное погребение с монетами и серебряными украшениями, но оно не имело подобного поминального комплекса» [*2005.* С. 91]. На наш взгляд, это мнение ошибочно. Планиграфия наконечников стрел восстановлена по материалам раскопок 1990 г., а также нашим материалам. Концентрация наконечников именно в этом месте – у погребения № 3 – вряд ли случайна.

3. Группа стрел на уч. Ч–А”/39–45 (постройка № 2.3(4), 2.9.2) – 35–40 экз. (рис. 3.2.2). Стрелы с наконечниками из медного листа (более половины), железа и кости. Найдены на относительно большой площади двух построек – вокруг места нахождения индивидуумов IX и X, а также отдельных костей индивидуумов XVII, XVIII, XIX (уч. Ч–Ш/41–42 и Ч–А”/41–42). Интерпретируются нами как элементы поминального обряда, связанного с данными индивидуумами. Большой разброс наконечников, возможно, связан с тем, что в момент проведения поминальных культов точное место расположения останков погибших не было известно.

4. Группа стрел на уч. Н–С/44–53 – южный склон – 15–20 экз. (рис. 3.2.2). Это стрелы с наконечниками из железа, медного листа и кости. Распространены на относительно широкой площади – вокруг места нахождения индивидуума XX (уч. П–У/50–52). Интерпретируется как элементы поминального обряда, связанного с данным индивидуумом.

5. Группа стрел на уч. И–О/30–38 – юго-западный склон – около 15 экз. (рис. 3.2.2). Это стрелы с наконечниками из железа и кости, как и у погребения № 1. Распространены к юго-западу, на относительном удалении от погребения, но совпадают с местом концентрации костных останков медведя и собаки (см.: прил. 4.2). Кроме того, в заполнении данного погребения обнаружен целый череп медведя. Вполне очевидно, что данные костные останки также приурочены к погребению № 1. Они были связаны с поминальным комплексом или иными обрядовыми действиями.

6. Группа стрел на уч. Г”– Д”/32–33 – северо-восточный склон – около 5 экз. (рис. 3.2.2). Это стрелы с наконечниками из медного листа и кости. Найдены на относительном удалении к северо-востоку от погребения № 3, но рядом с частями скелета собаки, а также с костями и черепом медведя (см.: прил. 4.2). Безусловно, все эти находки приурочены к погребению № 3 и в целом связаны с поминальным комплексом или иными обрядовыми действиями.

7. *Группа стрел на уч. К’–Е’/51–55* – южная периферия – 10–15 экз. (рис. 3.2.2). Это стрелы с наконечниками из медного листа, лишь один – из железа. Находки концентрировались к югу от очага на уч. З’–Ж’/53, который располагался в 30 м к югу от погребения № 1. Очевидно, они были приурочены к скоплению костей нескольких особей собак (см.: прил. 4.2).При этом, хотя данный комплекс и был сильно обособлен, но, вероятно, каким-то образом был связан со всеми остальными группами.

Кострища, локализовавшиеся на периферии общинных святилищ, известны по данным этнографов. Как правило, такие объекты фиксировали «женские места». То есть такие, на которых находились женщины с детьми в то время, когда взрослые мужчины совершали свои обрядовые действия. В том числе жертвоприношения в самой кумирне или близ нее [*Визгалов, Кардаш, 2010.* С. 24–25. Рис. 1.3].

Остальные стрелы, в первую очередь, найденные на склонах, вероятно, переместились сюда спустя большое время после совершения тризн. Ранее они, по-видимому, были на периферии указанных выше комплексов, в том числе на уч. Г–Р/60–68 (постройка № 2.10). Некоторые стрелы (уч. Р/68 или К’/51) могли быть выпущены осажденными по огневым позициям стрельцов. Также вероятно, что стрелы с медными наконечниками, обнаруженные на уч. Е–О/60–65, не были связаны с исследованными комплексами или с особой группой периферийных приношений, которая может проявиться при дальнейших раскопках периферийной части памятника.

Интерпретация данных ритуальных комплексов невозможна без глубокого анализа литературы по религии обских угров и, вероятно, без проведения дополнительных полевых этнологических исследований. Тем не менее мы, как и В. И. Семенова, не можем не поделиться своими наблюдениями и первыми предположениями. Начнем с того, что писала Валентина Ивановна относительно традиции использования стрел в процессе

поминального обряда, связанного с погребением № 1. «Втыкание стрел у могилы – традиция, известная в погребальной практике с древности. Поминальный комплекс независимо от его назначения (умилостивительное и пр.) однозначно направлен в Нижний мир. Вместе с тем стрелы являются также и атрибутом Верхнего мира. По представлениям ханты, при помощи стрелы можно истолковывать небесные явления. Например, при затмении луны надо воткнуть в землю два ножа и стрелу. Если упадут – в той половине земли болезнь ходит [Материалы по фольклору..., 1978. С. 184]. Также многочисленны свидетельства уподобления стрелы звезде (звезды – следы выстрелов легендарных участников космической охоты). Железо как материал также связано с небом» [*Семенова, 2005.* С. 91–95. Рис. 59–63].

Относительно древности использования стрел в ритуальной практике населения Севера Сибири дополним, что наиболее ранним таким свидетельством является культовый пещерный комплекс на реке Чусовой – Камень Дыроватый, функционировавший периодически с мезолита до средних веков [*Сериков, 1996.* С. 121–140]. На северных территориях Западной Сибири, в частности в Среднем Приобье, использование наконечников стрел в ритуальных комплексах достоверно фиксируется лишь с середины I тысячелетия до н.э. [*Кардаш, 2008.* С. 207–218].

Крайне интересным представляется вывод В. И. Семеновой о вероятной магической функции стрел в ритуальном комплексе, связанном с погребением № 1. Мы разделяем данную трактовку, но хотелось бы ее дополнить и развить.

В целом находки вещей, связанных с поминально-погребальными обрядами (наконечники стрел, сабли, ножи, украшения), в межмогильном пространстве средневековых некрополей Сургутского Приобья (урочища Барсова Гора, Сайгатино и другие) довольно обычны. Известны случаи четкой приуроченности их к конкретной могиле (включая обряды втыкания стрел в грунт рядом с погребениями), хотя таковых пока и не так много. В этой связи, в первую очередь, следует упомянуть известный поминальный комплекс VIII – начала X века, раскопанный в 1986 году В. А. Борзуновым при участии А. П. Зыкова. Данный комплекс, безусловно, относился к коллективному погребению № 118 Барсовского I могильника (Барсов Городок). В саму могилу, выкопанную во рву древнего (белоярского) городища, вместе четырьмя взрослыми умершими (тремя мужчинами и одной женщиной), отличавшимися высоким ростом (около 170 см), были положены две разломанные на две части бронзовые фигурки – воина-божества в короне и с саблями в руках, а также всадника в шлеме и с мечом. Спустя некоторое время вокруг наспех сооруженной «воинской» могилы в грунт были воткнуты 7 стрел с железными наконечниками, железный меч-скрамасакс и 7 железных хозяйственных и боевых ножей [*Борзунов, А–1986*; *Борзунов, Бельтикова, 1989.* С. 137; *Зыков и др., 1994.* С. 133–134. Рис. 64а, 73; *Борзунов, 2003б.* С. 117; *Зыков, 2012.* С. 84. Рис. 42]. В качестве другой аналогии можно привести поминальный комплекс, открытый на могильнике Усть-Балык. Этот средневековый памятник в течение многих лет раскапывался экспедицией под руководством В. И. Семеновой [*2001*]. В результате было исследовано большинство (328) захоронений, находившихся в центральной части некрополя. В 1997 году Г. П. Визгаловым было дополнительно вскрыто несколько участков на периферии памятника, где было зафиксировано еще 5 погребений. В одном из таких мест (раскоп № 11) обнаружен культовый комплекс, состоявший из 15 наконечников стрел (14 железных и 1 костяного), воткнутых в грунт [*Визгалов, А–1997*]. При этом он явно был приурочен к группе погребений, раскопанных в 1986 году В. И. Семеновой (раскоп № 6, группа 27). Именно на территории этой группы и вблизи нее находились два (№№ 213, 214) из пяти «воинских» захоронений, обнаруженных в ходе раскопок всего памятника. В. И. Семенова датирует эти погребения в рамках широкого хронологического диапазона: XIII–XVI веков [*2001.* С. 42–44, 251, 252. Рис. 5 – *2*, рис. 7 – *4*; 12 – *1–4*]. На наш взгляд, судя по инвентарю погребения № 214, аналоги которому имеются в вещевом комплексе Надымского городка, такие предметы и оружие могли бытовать на севере Западной Сибири вплоть до начала XVIII века [*Кардаш, 2013а.* С. 154–157. Рис. 3.25–3.28].

Из приведенных выше фактов следует несколько выводов. Особое обрядовое действие – втыкание стрел у захоронений – начинает практиковаться в таежном Приобье с VIII–IX веков, и продолжает совершаться, как минимум, до начала XVII века. Данный ритуал известен, прежде всего, как сопровождение захоронений людей высокого социального статуса – воинов и общинных вождей.

В этой связи следует также привести примеры, взятые из этнографических наблюдений. В частности, вспоминается зафиксированный нами факт использования стрел в религиозной практике, а именно: на общин-

ном святилище *Ай-орт-ики,* принадлежавшей общине Савкуниных, проживавшей на реке Малый Салым. Культовое место функционировало с XVIII века. Главный религиозный персонаж святилища – *Ай-орт-ики* – почитался как древний военный вождь общины и основатель рода Савкуниных [*Визгалов, Кардаш, 2010.* С. 24–26]. В священном амбаре позади скульптуры *Ай-орт-ики* и рядом с ней стоят стрелы, порядка 120 штук, длиной от 0,9 до 1,7 метра. В большинстве своем они были непомерно велики и, очевидно, делались специально для обряда приношения, который проводился при рождении сына. В соответствии с ритуалом, отец делал новую стрелу и ставил ее у изображения *Ай-орт-ики,* что олицетворяло вступление новорожденного в его войско и под его покровительство [*Там же.* С. 24–26. Рис. 1.14; 1.18–1.37]. Такое количество стрел накопилось приблизительно за 200 лет. Другой близкий по форме ритуал приношения военному вождю – *Сотым-тэ-ики* – известен у остяков Большого Салыма. В кумирню этого легендарного воина, находившуюся на Священном озере – *Имн-тор,* ныне именуемом Большой Сырковый сор (у поселка Салым), по случаю рождения сына приносили миниатюрные луки – *тув-йогит* – *с* маленькими стрелами, а по случаю рождения дочери – ступки для толчения крапивы – *тув-кир-вай* – с пестами и веретена – *тув-йенит* [*Там же.* С. 94, 95]. Таким образом, можно констатировать, что у коренного населения Сургутского Приобья на протяжении многих столетий существовал ритуал приношения стрел умершим военным вождям. В этнографии он зафиксирован пока только на общинных святилищах, функционировавших до середины XX века.

На общинных кладбищах проведение такого ритуала не зафиксировано. Тем не менее известно использование на поминках – в качестве меры предосторожности – острых железных предметов. Так, на Большом Югане участники поминок иногда втыкали вокруг себя ножи: для защиты от «маячек» – *сара пентем отыт* – недобрых существ иного мира, способных унести душу живого человека [*Кулемзин, 1984.* С. 130, 134, 147]. При этом острые железные предметы – как обереги – использовались не только для защиты живых людей, но и мертвых: с тем чтобы злое божество не увело их душу в «нижний мир» [*Там же.* С. 134]. Таким образом, воткнутые у могил стрелы могли служить оберегом, как живых участников поминального обряда, так и мертвых. Кроме того, если бы такой ритуал выполнял просто функцию защиты, то он бы имел более широкое распространение, причем как в средние века, так и в новое время. Между тем мы сталкиваемся с его явной избирательностью, касающейся только погребений местных воинов и других лиц высокого статуса.

Учитывая это, стрелы городка *Монкысь урий*, как воткнутые в землю, так и не зафиксированные в грунте, но также связанные с обрядовыми действиями, мы можем интерпретировать прежде всего как свидетельства ритуалов, связанных с почитанием людей высокого социального статуса (военных вождей). Смысловая нагрузка таких ритуалов является предметом специального исследования. Сейчас мы можем высказать только несколько предварительных гипотез. Вряд ли эти стрелы были просто положены погибшим родственникам – для охоты в загробном мире. Если в погребения *Монкысь урия* такие стрелы могли не положить по причине спешки, то на могильнике Усть-Балык никто не мешал сопроводить умерших достаточным количеством стрел. Вероятно, часть стрел могла приноситься для формирования некоего «небесного воинства» погибшего вождя, с помощью которого он смог бы защищать членов своей общины. Кроме того, вероятно и магическое использование части стрел: для гадания или влияния на «злые силы» потустороннего мира. Присутствие стрел с наконечниками из листовой меди, сходными с известными по этнографическим материалам наконечникам для самострелов, можно интерпретировать как свидетельство обряда, связанного с просьбой ниспослания удачи в пассивной охоте при помощи сторожевых луков. Еще раз отметим, что все зафиксированные факты требуют дополнительного специального анализа и осмысления, а наши высказывания – это лишь гипотезы и предположения.

В. И. Семенова, анализируя расположение стрел, воткнутых у погребения № 1, замечает, что «композиция воткнутых наконечников у погребения на Частухинском Урье напоминает созвездия Большого Пса с Сириусом, Ориона и часть созвездия Возничего …» [*2005.* С. 95. Рис. 62–63]. Это объяснение для нас неприемлемо. Во-первых, потому что стрелы были извлечены далеко не все. Соответственно, схема их расположения, которую принимает во внимание В. И. Семенова, изначально была иной. Во-вторых, даже если расположение стрел было близким к намеченному Валентиной Ивановной идеалу, нельзя игнорировать факт перемещения культурного слоя памятника в процессе его разрушения за более чем три с половиной столетия. Общеизвестно, что крупные деревья раздвигают слои корнями и перемещают предметы.

3.2.4. Костные останки животных в ритуально-обрядовых комплексах

Не менее интересна связь погребальных и вещевых ритуальных комплексов с костными останками животных. Вернее их семантическое значение, а также роль в обрядовых действиях и в целом – в религиозных представлениях.

Костные останки из *Монкысь урия*, которые мы связываем с поминальным обрядом, подробно охарактеризованы Т. В. Лобановой и П. А. Косинцевым (см.: прил. 4.2). Мы же более детально рассмотрим религиозные аспекты данных находок.

В целом, основываясь на плане расположения костных останков животных на раскопанной территории оборонительно-жилого комплекса и производственно-хозяйственной площадке, можно констатировать следующее (см.: прил. 4.2.; рис. 4.2.1). Основная масса костей животных находится за пределами жилых строений. Внутри жилых помещений костей немного и распределяются они дисперсно. Это явно «пищевые отходы». Внутри домов они встречаются скоплениями, в том числе в ямах, что явно указывает на их неслучайное положение.

Костные останки животных, как следствие жизнедеятельности обитателей городка, могут быть разделены на три группы:

– первая и самая поздняя – кости животных, попавшие в культурный слой в результате культовой (поминально-обрядовой) деятельности;

– вторая группа костей – это пищевые отходы;

– третью группу составляют костные останки, появившиеся вследствие ритуальной деятельности, непосредственно предшествовавшей и сопутствовавшей строительству и функционированию городка *Монкысь урий.*

Вторую группу мы опустим, а две другие рассмотрим подробнее.

Всего на территории памятника по результатам раскопок и последующего анализа выделено десять комплексов костных останков, явно связанных с ритуальной деятельностью. Три из них, на наш взгляд, являются следствием поминальных ритуалов, связанных с погребениями № 1 и 3.

Первый комплекс был открыт в юго-западной части оборонительно-жилого комплекса, на уч. Л–П/35–38, в 2–5 м к югу от погребения № 1 (рис. 3.1.1). В скоплении присутствуют кости (фрагменты скелета) собаки и медведя (одной или нескольких особей). С этим же скоплением мы связываем череп медведя, находившийся в заполнении погребения. Все кости залегали в верхней части культурного слоя, на участке наружной оборонительной стены. Во время функционирования городка нахождение здесь большого числа костей было бы явно невозможно. Их относительно рассредоточенное расположение мы связываем со вторичным перемещением: возможно, под воздействием корней растущих здесь современных деревьев. Тем не менее кости животных были сгруппированы на относительно горизонтальной площадке близ захоронения. Кости других видов животных (лось, северный олень), залегавшие в том же скоплении, определить как останки жертвенных животных затруднительно. Впрочем, наличие рядом с этим местом – на склоне холма – двух черепов северного оленя свидетельствует в пользу этой версии.

Второй комплекс располагался в северо-восточной части оборонительно-жилого комплекса на уч. Б”–Г”/32–35, в 2,5–5,0 м к северо-востоку от погребения № 3 (рис. 3.1.1). В скоплении присутствуют кости и фрагменты скелета собаки и медведя (одной или нескольких особей), а также целый череп медведя. Кости залегали в верхней части культурного слоя. Место их расположения – практически зеркальное отражение местонахождения первого комплекса у погребения № 1. Это также участок наружной оборонительной стены и относительно горизонтальная площадка близ захоронения. Отличие: большая территория комплекса и практически правильное анатомическое расположение костных остатков. «Вторичное перемещение» их коснулось меньше всего. Нахождение в этом же скоплении и вокруг него костей лося и северного оленя мы не склонны связывать с поминальным обрядом.

Третий комплекс открыт к югу от оборонительно-жилого сооружения городка, на уч. З’–И’/54–55, в 30 м к северо-востоку от погребения № 1 (рис. 3.1.1). В скоплении присутствуют только кости и фрагменты скелета собаки (одной или нескольких особей). Они залегали в верхней части культурного слоя, к югу от очага, на уч. Ж’– З’/53. Место их расположения не связано с погребениями № 1 и 3. Это была территория производственно-хозяйственного назначения. Тем не менее утверждать, что данное место было чисто «бытовым» –

для умерщвления и разделки тел собак, мы не можем. Кости собак расположены вместе, «скоплением». Нахождение в нем единичных костей других видов животных, скорее всего, случайно. Связь с поминальными комплексами погребений № 2 и 3 прослеживается прежде всего по видовому составу животных. Вернее, по собаке – животному, значимому не только в хозяйстве и быту, но также имеющему особый статус в культовой практике обских угров.

Особый религиозный и ритуальный статус двух животных – собаки и медведя – в данных комплексах понятен. Также очевидна связь останков частей скелетов собак и медведей. Не совсем понятна только связь между собой этих животных, а также их роль, тем более *в виде особой пары* в поминальных ритуалах жителей *Монкысь урия*. Останки медведя и собаки, причем в явном парном сочетании, были приурочены к обоим захоронениям. Попытаемся понять, как могли сочетаться в религиозно-обрядовой сфере медведь и собака, образующие особый культовый тандем.

Медведь – безусловно, дикий, но не основной пищевой вид животного у населения западносибирской тайги. В системе религиозных воззрений ханты данное животное связано с верхним миром – миром богов. На Большом Югане главным божеством, покровителем реки и ее жителей считается третий сын верховного божества Нуми-Торума, именуемый *Ягун-ики*. Его животным воплощением считается медведь [*Визгалов, Кардаш, 2010*. С. 104–111].

Вот как описывают его образ представители рода Каюковых, являющиеся главными хранителями святилища этого божества:

«Он принимает облик медведя, его охраняют 100 воинов – охранников (*сорт тять хо*) и 100 лесных богов (*сорт вунт ики*), а спереди у него – сто медведей (*сорт пупи*). *Ягун ики* одет в семь белых халатов, сверху – в соболиную шубу, на голове – шапка из выдры, рядом с ним лежат 14 стрел (по 7 справа и слева), украшенных разноцветными лентами. Ягун-ики может обращаться в соболя» [*Мартынова, 1998*. С. 159].

Связь костных останков медведя – покровителя Большого Югана *Ягун-ики* и верховного небесного божества, по нашему мнению, очевидна. Тем не менее это обстоятельство следует трактовать как маркирующее социальный статус погребенных. Этого же мнения придерживается и В. И. Семенова. Она ссылается на материалы К. Ф. Карьялайнена, который приводит данные об убийстве медведя по случаю погребения, а также сообщает, что зубы, черепа, кости животных кладут в могилу шаманов как атрибуты зверей-помощников [*Карьялайнен, 1994.* С. 82, 96; *Семенова, 2005.* С. 88].

Имеется еще одно этнографическое свидетельство, фиксирующее использование на реке Большой Юган частей скелета медведя в ритуальных и даже магических целях. Считается, что голова медведя и шкура этого зверя, представленная в сакральной позе (голова с поднятыми лапами), защищает души живых людей от мертвых родственников или «маячек», способных унести душу живого человека в нижний мир [*Кулемзин, 1984.* С. 130, 131]. С одной стороны, данный факт позволяет трактовать находки частей скелета медведя. С другой стороны, возникает вопрос: кого же и от кого охраняли «медвежьи головы» и кости скелета? Пришедших на траурную церемонию? Согласно хантыйским поверьям, для защиты человека во время проведения поминальной церемонии было достаточно втыкания ножей вокруг него. Тем более что кости и черепа были размещены как рядом с могильными ямами, так и в самих захоронениях, которые – по религиозным представлениям аборигенов Сибири – являются новыми домами умерших. Возможно, в этом кроется смысл наличия у каждой могилы охранника-«медведя».

Проводимые траурные церемонии имели своей целью не только защиту живых от умерших, но и, напротив, помощи живым со стороны умерших в ином мире, а также желание понравиться и чем-то угодить мертвым родственникам, вероятно, в надежде на «помощь» [*Карьялайнен*, *1994.* С. 128, 129]. У обских остяков, главным образом у их южных групп, существовало устойчивое представление о том, что у человека, погибшего неестественной смертью, то есть убитого людьми или дикими животными, душа попадает в космологический верх. В то время как у других, ушедших из этого мира естественной смертью, душа уходила вниз – в нижний мир Они говорили: «Кто умер насильственной смертью или в схватке с медведями, тот сразу попадает на небо, а кто в кровати или другой обычной смертью, тот должен долго служить строгому богу под землей...» [*Там же*. С. 142]. Не в этих ли представлениях кроется суть обнаруженных нами останков медведей? Думаем, что логично предположить миссию костей медведей, как маркер своеобразного усиления обстоятельств смерти, как оберег от «маячек», что в совокупности должно было способствовать созданию

максимальных условий для вознесения погибших родственников в «верхний мир» – к небесному божеству. Это предположение согласуется с религиозными представлениями о медиативных функциях религиозно-космологической сущности медведя как посредника (привратника, охраняющего проход) между «средним» и «нижним» мирами [*Шмидт, 1989.* С. 15, 18].

Пребывание погребенных на городке в «лучшем мире» – в случае попадания их в пространство верховных божеств – сулило оставшимся в живых их родственникам на земле (в «среднем» мире) явно больше «дивидендов», поскольку вознесшиеся родственники могли им «помочь в земном промысле». Предлагаемый вариант трактовки не факт, но одно из возможных и вероятных объяснений. Какова же роль собаки в этом тандеме?

Собака у коренных сибирских народов являлась, безусловно, домашним и непищевым видом животных. В системе религиозных воззрений аборигенов она имела особый культовый статус, который был связан с ее предполагаемой посреднической функцией сопровождения умерших в иной – «нижний» – мир. Правда, в религиозной культуре обских остяков (ханты), особенно Среднего Приобья, ритуальное отношение к собаке было не столь ярко выражено, как у северных ханты и особенно – у ненцев (в частности рода *Яптик*), а также самодийских народов в целом [*Перевалова*, *2004.* С. 287–293, 298, 299]. В среде самодийских народов Нижнего Приобья жертвоприношение собаки было ординарным явлением. В угорской среде все обстояло наоборот: у большинства групп живущих здесь ханты существовал запрет на убийство собаки [*Перевалова*, *2004.* С. 289]. Исключение составляли северные ханты, у которых наблюдались обе традиции. У одних родов существовали божества-покровители в образе собаки и их святилища, а также специальные святилища для принесения искупительной жертвы в случае нечаянного или преднамеренного убийства собак. У других родов, наоборот, практиковались жертвоприношения собаки [*Там же.* С. 289]. В частности, у потомков княжеского рода Тайшиных во время жертвоприношения череп оленя размещался на вершине священной лиственницы, у корней которого в жертву приносилась собака [*Там же*. С. 289]. Более того, у Тайшиных до настоящего времени бытует традиция хоронить собаку рядом с хозяином.

Редким исключением в среде обских угров Среднего Приобья – в плане культового отношения к собаке – являются именно юганские ханты. До недавнего времени у них повсеместно существовал обычай убивать собаку охотника и оставлять ее на могиле умершего, причем такой же обряд бытовал и на Казыме [*Кулемзин, 1984.* С. 142]. Вполне вероятно, что установленное этнографами различие отношения к собаке у самодийских и угорских народов является поздним или локальным явлением. Возможно, в ранние периоды их истории, в частности до начала установления за Уралом форпостов Московского царства с конца XVI века, у населения севера Западной Сибири бытовало иное отношение к собаке.

При этом отношение к медведю, как «божественному существу», было одинаковым как у ненцев, так и у ханты. Тем не менее охоту на бурого медведя, особенно в ритуальных целях, практиковали только ханты или ненцы хантыйского происхождения [*Головнев, 1995.* С. 461].

Учитывая все это, можно предположить, что останки собак, обнаруженные у погребений № 1 и 3, являлись животными, принадлежавшими жителям городка, захороненным в данных могилах. Вместе с тем «парное» расположение не просто отдельных костей, но, вероятно, полных скелетов медведя и собаки, позволяет предполагать наличие и миссию собаки как некоего спутника медведя, сопровождающего его в иной мир.

Остается только до конца не понятным присутствие комплекса костей собак № 3 у очага. Поминальный очаг является у ханты обязательным атрибутом траурной церемонии и имеется на каждом кладбище. Могли ли совершаться отдельные жертвоприношения собак кроме тех, что принадлежали при жизни погибшим? – Вполне возможно. В любом случае мы интерпретируем третий комплекс так же как поминальный, связанный с траурными церемониями. Возможно, его локализация имеет гендерную основу. Кроме того, следует отметить, что зафиксированный нами факт намеренного умерщвления и/или жертвоприношения собак позволяет говорить о связи населения городка с самодийской культурной традицией. При этом, возможно, в своей основе не ненецкой, а, вполне вероятно, селькупской.

Завершая описание свидетельств поминального обряда, рассмотрим сакральную функцию северного оленя в культуре аборигенов таежного Приобья. Согласно этнографическим данным, у юганских ханты обряд жертвования северного оленя был непременной составляющей траурной церемонии [*Карьялайнен, 1994.* С. 114, 115; *Кулемзин, 1984.* С. 142, 143]. У большинства обских угров олень считался одним из важнейших

«подарков» умершему родственнику. Подразумевалось, что пожертвованный олень в потустороннем мире будет выполнять для умершего владельца функцию ездового животного. При этом на могиле умерщвляли оленей, на которых при жизни ездил сам покойный. В разных вариантах обряда оленей либо оставляли целиком, либо поедали в рамках церемониальной трапезы, причем «совместно с покойным». После этого кости могли закопать, собрать в шкуру и оставить на земле либо подвесить на дерево [*Кулемзин, 1984.* С. 142, 143]. Тут же рядом с могилой оставляли нарту и упряжь.

Наличие транспортного оленеводства у жителей городка подтверждено археологически (см.: гл. 2.3. Рис. 2.3.20). По этим данным реконструируется использование упряжки из двух оленей. Находки пар черепов северного оленя были обнаружены на уч. З/39, в трех метрах к югу от первого комплекса (погребение № 1; прил. 4.2. Рис. 4.2.1), на склоне, куда они могли скатится, а также на уч. А”–Б”/27–28, в 3,5–4,5 м к северо-западу от второго комплекса (погребение № 3; прил. 4.2. Рис. 4.2.1). По-видимому, это неслучайно: значительная часть костей северного оленя первого и второго комплексов принадлежала жертвенным животным, убитым во время совершения поминальной церемонии у могил. Судя по дисперсному распространению костных останков, вероятнее всего, они были оставлены на поверхности, завернутыми в оленью шкуру. Впоследствии – под действием естественных факторов – шкура истлела, они развалились и были «растащены» вокруг могил и отчасти – по склону холма.

Далее рассмотрим следующие семь комплексов костных останков животных и связанных с ними артефактов, появившихся в процессе деятельности жителей городка, при его строительстве и функционировании.

Четвертый комплекс находился в северо-восточной части постройки № 2.3(4), в яме № VII (уч. Ш–Щ/41–42, ур. 45,12–44,97 м) (рис. 2.2.21, 2.2.34; прил. 4.2. Рис. 4.2.1). Открыт и исследован в 1990 г. (рис. 1.33). Приведем выдержки из описания ямы № VII, представленные автором раскопок. Яма – «овальной формы, размерами 96×50 см, выявилась в плане под захоронением двух женщин (погр. 2)[6]… Заполнение ямы почти не отличалось по цвету от общего заполнения раннего котлована 4, но имело более однородный оттенок. Яма ориентирована по оси северо-запад – юго-восток. На уровне -125 см в ее границах показался рог северного оленя. Полная расчистка ямы сделана на уровне -140...-153 см. Размеры ямы 89×46 см... Вверху в самом ее центре лежал фрагмент рога (-135 см), ниже – фрагменты черепа, длинные кости, зубы и пр. (определены кости от трех особей северного оленя). Среди костей найдены изделие, скорее всего проколка… и восемь подвесок. Сверху на первом роге лежала лапчатая подвеска белого металла. Еще пять лапчатых подвесок обнаружено среди костей (1 – у западной продольной стенки снизу под мелкими костями, 1 – у восточной, 1 – в центре под рогом, 2 – под рогом у его окончания, № 199…). У основания рога и под ним лежали две серебряные подвески-шишки, у одной утрачена петля... Дно ямы в профиле ровное, стенки вертикальные, плавно закругляющиеся от дна» [*Семенова, 2005.* С. 19. Рис. 9; С. 24, 86–88. Рис. 58; прил. 1. С. 111, 116. Рис. 9; 15; 29].

Следует пояснить, что скелеты двух женщин (индивидуумы IX и X), погребенные под рухнувшей кровлей, находились на уровне пола постройки № 2.3(4). Яма № VII находилась ниже, что явно свидетельствует о ее сооружении до возведения жилого строения. По определению археозоологов, в данной яме находились части скелетов трех особей северного оленя – кости головы, ног, частично – осевого скелета разного возраста. Все трубчатые кости конечностей, а также некоторые другие кости, были разрублены, что является свидетельством употребления мяса данного жертвенного животного в пищу. Кости находились в смешанном состоянии, что указывает на одномоментный акт их захоронения. Судя по возрасту молодой особи, это произошло в конце лета – начале осени (см.: прил. 4.2). Плотность расположения костей и отсутствие какой-либо прослойки, указывающей на наличие деревянной или берестяной обкладки, позволили предположить, что они были закопаны в мешке или, скорее всего, в оленьей шкуре [*Семенова, 2005.* С. 87]. Подчеркнем, что именно в этой яме среди костей животных были обнаружены: 6 «лапчатых» оловянных подвесок – в форме лапки водоплавающей птицы (рис. 2.3.8 – *1–6*), 2 оловянные эллипсовидные подвески – бусины-пуговицы (рис. 2.3.5 – *15, 16*) и стержневидный наконечник стрелы из кости (рис. 3.2.8 – *18*).

Пятый комплекс обнаружен в южном углу постройки № 2.5(6), в яме № VIII (уч. Ч–Ш/36–37, ур. 44,19–44,37 м) (рис. 2.2.21; 2.2.34; прил. 4.2. Рис. 4.2.1). Открыт и исследован в 1990 г. Приведем авторский вариант его описания. Яма «… была отмечена в плане на уровне -90 см в виде подпрямоугольного выступа юго-западной границы котлована 5, заполненного серовато-золистой супесью и ориентированного по оси юго-восток – северо-запад… Размеры выступа составляли 55×64 см. На уровне -100 см фиксировалось уже обособленное от котлована почти круглое пятно диаметром 46 см. На уровне -106 см яма имела почти квадратную форму, размеры 57×50 см. Она была заполнена измельченными костями животных. Основная их часть располагалась по краям ямы. В юго-западной части лежала верхняя часть черепа северного оленя с небольшими рожками, рядом фрагмент верхней челюсти. На самом дне ямы отмечены следы деревянного настила, угольки и куски обожженной глины…

В профиле яма имела подпрямоугольную форму, ровное дно и прямые стенки. С «западной» и «восточной» сторон стенок ямы, в нишах у дна, находилось наибольшее число костей. По оси юго-запад – северо-восток яма имела уклон дна на северо-восток. Уровень фиксации дна ямы -128...-131 см. Определены кости лося (1/1), северных оленей (21/2), бобра (1/1), 8 костей не определено.» [*Семенова, 2005.* С. 25, 28, 86–88. Рис. 13; Прил. 1. С. 117, 123. Рис. 16, 22]. Согласно определению пелеозоологов, части скелетов северного оленя из ямы № VIII принадлежали двум особям моложе трех и старше пяти лет, которые были умерщвлены и разделаны в конце осени – начале зимы (см.: прил. 4.2).

Шестой комплекс локализовался под северным углом постройки № 2.3(4), в яме № XIX (уч. Ы–Э/38–39, ур. 45,40 м) (рис. 2.2.21; 2.2.34; прил. 4.2. Рис. 4.2.1). Исследован в 2012 г. Яма имела аморфные очертания, размеры не превышали 1,5×1,5 м. По заключению зоологов, в яме находилось около 30 костей от нескольких видов животных, при этом основную их массу составляли остатки северного оленя, в том числе – обломки его черепа (см.: прил. 4.2). Аморфность очертаний ямы № XIX является, на наш взгляд, следствием разрушений, связанных со строительством и функционированием на этом месте оборонительно-жилого комплекса. Вероятнее всего, эта яма относилась к периоду существования на холме юрт *Монкысь урий* и располагалась приблизительно у северной стены постройки № 1.2 (рис. 2.2.21).

Седьмой комплекс зафиксирован в районе северо-восточной стены постройки № 2.3(4) (уч. С–Т/39–40, ур. 44,80–44,90 м) (рис. 2.2.21; 2.2.34; прил. 4.2. Рис. 4.2.1). Частично раскопан в 1990 г. (выделен по коллекционной описи) и доисследован в 2011 г. Ям или углублений, связанных с ним, не прослеживалось. На небольшой (около 4 кв. м) площадке было сосредоточено около 50 костей северного оленя не мене чем от двух особей (см.: прил. 4.2).

Восьмой комплекс находился в южном углу постройки № 2.3(4) (уч. С/42, ур. 44,71 м) (рис. 2.2.21; 2.2.34; прил. 4.2. Рис. 4.2.1). Исследован в 1990 г. В. И. Семеновой, но выделен нами на основании анализа ее коллекционной описи. Место находки и уровень нахождения костей позволяют предположить, что остатки животных залегали в яме, располагавшейся ниже уровня пола постройки № 2.3(4). Скопление включало части скелетов двух взрослых особей северного оленя – кости головы и ног, частично – осевого скелета разного возраста. Время гибели оленей: зима – начало весны (см.: прил. 4.2).

Девятый комплекс располагался рядом с предыдущим, в южном углу постройки № 2.3(4) (уч. С–Т/43, ур. 44,64 м) (рис. 2.2.21; 2.2.34; прил. 4.2. Рис. 4.2.1). Исследован также в 1990 г. В. И. Семеновой, но выделен нами на основании анализа ее коллекционной описи. Место находки и уровень нахождения костей позволяют предположить, что данные остатки залегали в яме, располагавшейся ниже уровня пола постройки № 2.3(4). Скопление включало кости скелета одной особи северного оленя – кости головы, ног, частично – осевого скелета разного возраста. Время гибели оленей: зима – начало весны (см.: прил. 4.2).

Вполне вероятно, что последние два комплекса могли быть единым скоплением, включавшим три особи северного оленя.

Десятый комплекс зафиксирован в южном углу оборонительно-жилого комплекса, под южным углом постройки № 2.3(4), ниже уровня ее пола (уч. Р–С/42–45, ур. 44,64–44,86 м) (рис. 2.2.21; 2.2.34; прил. 4.2. Рис. 4.2.1). Скопление костей – аморфной формы, размерами не более 3,5×1,5 м, вытянуто по оси северо-запад – юго-восток. Не исключено, что изначально оно было больше, но в процессе разрушения культурного слоя, часть костей переместилась по склону и заняла более обширный участок Н–С/42–50. Ям или углублений, связанных с данным скоплением, не фиксировалось. Центральную часть комплекса маркировал серый и темно-серый слой с небольшими участками прокаленной почвы, насыщенными углем и костями животных (рис. 3.2.9, 3.2.10). Находки представлены в основном костями лося и северного оленя: фрагментами лицевого и мозгового отделов черепа, нижней челюсти, позвонков, обломками костей поясов, а также верхних и нижних частей конечностей этих животных. Некоторые кости обожжены (см.: прил. 4.2).

[6] Речь идет об индивидуумах IX и X – женщинах, погибших при штурме городка, но незахороненных. Здесь и далее опущены ссылки на номера рисунков в публикации 2005 г.

Часть девятого комплекса была раскопана еще в 1990 г. Не исключено, что комплексы восемь и девять были его составной частью. Между тем последние отличает наличие исключительно костей северного оленя.

Особо следует выделить наличие в десятом комплексе русских монет XVI века и свинцовых пуль (рис. 3.2.9; 3.2.10). Пули могли оказаться здесь в результате обстрела городка по время его штурма. Появление монет, очевидно, связано с формированием культового комплекса. Подробнее версии о монетах, найденных в данном ритуальном комплексе, будут изложены при анализе монетных находок на городке.

Семь комплексов (четыре – десять), на наш взгляд, являются прямыми свидетельствами ритуальной деятельности жителей городка *Монкысь урий*, осуществлявшейся в процессе его строительства и функционирования. Мы не стали анализировать каждый из них в отдельности, поскольку считаем, что все они, возможно, за исключением последнего, имели единую цель и религиозную основу. Два из них – четвертый и пятый (ямы № VII и VIII, раскопки 1990 г.) – В. И. Семенова, принимая во внимание сведения К. Ф. Карьялайнена, однозначно определила как культовые, которые «связаны с жертвами матери-земле, хозяйке животного мира, совершаемыми накануне сезонной охоты» [*Семенова, 2005.* С. 86–88]. Остальные комплексы не попали в поле зрения исследователя. Заключения, сделанные нашим предшественником, необходимо пояснить, дополнить и скорректировать.

С точки зрения традиционной культуры разных народов, культовые (жертвенные) комплексы, размещенные на земле или в земле, предназначались для божеств «нижнего мира». В религиозной традиции юганских ханты имеются два божества, особо значимых в «подземных» делах. Первое – это *Хынь-ики или Мых-ики* – «*Земляной (подземный) мужик*». Он – злое божество «нижнего мира», олицетворяющее силы смерти и влияющее, как и небесные боги, на жизнь людей «среднего мира». Он способен из-под земли забрать живых. Ему приносят в жертву самцов черной масти. В «нижнем мире» ему противостоит доброе женское божество – *Мых-анки (Мых-ими)* – «*Мать-земля» (дословно: «земляная женщина»)*, которая, заметим, не является женой *Хынь-ики.* Ритуалы по отношению к *Мых-анки* совершают с определенной периодичностью на *поры-кары* (ритуальное место). Помимо предметов ей посвящают самку оленя и, что важно для нашего исследования, во время обряда оленью шкуру кладут в землю. Для этого предварительно снимают дерн, укладывают шкуру с головой и рогами, а потом в нее помещают кости оленя. Затем закрывают все дерном, причем так, чтобы рога и нос оленя торчали из земли. *Мых-анки* приносят жертву по случаю рождения детей. Жертву *Мых-анки* должен сделать мужчина, когда становится взрослым *(ики). Поры Мых-анки* делают также в случае смерти кого-либо из родных. Считается, что поскольку люди ходят по земле-матери, поэтому жертвоприношение *Мых-анки* должны делать семьи [*Визгалов, Кардаш, 2010*. С. 110].

Хозяином животного мира у юганских и других ханты считалось лесное божество *Вонт-ики,* жертвоприношения которому совершались в лесу.

О подобных жертвоприношениях, правда, без особой конкретизации персонажей и ритуалов, пишет К. Ф. Карьялайнен. В частности, он упоминает о жертвах духу почвы жилого места. Во время данного ритуала кости заворачивали в шкуру и погребали как в жилище под нарами у задней стены, так и близ дома или рядом с поселением. Такое жертвоприношение делалось по указанию шамана – с целью защиты людей от болезней, источником которых мог стать «нижний мир» [*Карьялайнен, 1995.* С. 233, 235]. Общепринятой жертвой считался олень, а традиционным временем ритуала – конец лета – начало зимы [*Карьялайнен, 1995.* С. 98; *1996.* С. 64–66].

В целом такие ритуалы совершались по случаю перехода людей из одного состояния в другое, с целью защиты от злого божества «нижнего мира», олицетворения смерти, способного навредить живым людям. Предваряя дальнейший анализ, отметим, что строительство и заселение нового дома можно охарактеризовать как изменение не просто условий проживания, а жизненного состояния. То есть как момент перехода из одного состояния в другое, причем когда человек наиболее уязвим и от естественных сил, и от мифологических.

Исходя из приведенных этнографических сведений и материалов раскопок, можно уточнить хронологию ритуальных (четвертого – десятого) комплексов. Во-первых, ямы № VIII и XIX, а также скопление (комплекс шесть), не имеющие четких очертаний, но содержащие помимо останков северного оленя небольшую примесь костей других видов животных, скорее всего, являются ранними ритуальными комплексами. Они относятся к периоду начального заселения останца, когда на его вершине было построено

три жилища. Вполне вероятно, что для новых поселенцев было важно отдать дань уважения подземным божествам и попросить у них защиты. Не исключено, что данные комплексы не были простыми «строительными жертвами», совершаемыми накануне возведения дома, а были сориентированы на поклонение *Мых-анки – Матери-земле*. Последующие перестройки данных жилищ и масштабные земляные работы по возведению более позднего оборонительно-жилого комплекса не могли не повлиять на состояние ранних ритуальных комплексов. Последние были явно повреждены. В этой связи информативность их не столь велика, как у остальных.

Наиболее ярким является четвертый комплекс, приуроченный к яме № VII. Помимо четких очертаний и трех особей, он выделяется наличием украшений. На наш взгляд, данное отличие от других определено, скорее всего, высоким статусом его жертвователей. Кроме того, в данном случае можно предположить пол жертвенных животных, исходя из принципа «чет – нечет» (женское – мужское), характерного для культуры юганских ханты и всех обских угров. Поскольку число подвесок в нем четное, то, очевидно, жертвенными животными были важенки. Костяной наконечник, как и наконечники в целом, мог воплощать некую защитную функцию. Неглубокая яма, кости, вероятно, завернутые в шкуру, и половая принадлежность животных, позволяют предположить, что данный комплекс является свидетельством ритуала жертвоприношения, посвященного *Мых-анки.* Тогда по какому случаю? Остальные комплексы не содержат украшений или соотношение с ними осталось незамеченным для исследователей. В частности, такие подношения могли быть из органики: например, украшения из цветного сукна. Однако даже если таковых материалов не было, данный комплекс выглядит достаточно престижно. Имеется два важных факта: такие ямы имелись не во всех жилищах, а время смерти животных в комплексах – разное, в том числе приходится на зиму – весну. Иными словами, ритуал мог проводиться только внутри построенного и функционирующего жилища. В этом случае ритуалы вряд ли могли быть связаны исключительно с защитой дома. Логичнее всего предположить, что данные приношения *Мых-анки* были совершены по случаю рождения ребенка. Судя по небольшому количеству таких комплексов, ритуал совершался не для каждого новорожденного. Скорее всего, мы имеем дело со следами жертвоприношений по случаю рождения прямых наследников глав родов или, скорее всего, общинных вождей.

Что же касается десятого комплекса, то, по всей видимости, именно он являлся местом жертвоприношения божествам по случаю завершения строительства фундамента дома – отсыпки строительной площадки в преддверии возведении всего оборонительно-жилого комплекса. Обращен он был явно ко всем богам. Тем не менее факт своеобразного «захоронения» остатков ритуального действа вместе с костями животных и монетами, причем двух видов, позволяет предполагать, что он в основном был ориентирован на божеств «нижнего мира» – *Хынь-ики* и *Мых-анки*. Причем он проведен для того, чтобы умилостивить одного и снискать защиты другой. На особенность этого комплекса указывают и находки серебряных монет, которые именно с этого времени на севере Западной Сибири становятся непременным элементом жертвоприношения на общинных святилищах. Правда, нахождение монет в составе десятого комплекса *Монкысь урия* не бесспорно: к примеру, они могли переместится по каким-то причинам с пола жилища в нижние слои, но последнее еще более сомнительно. Монеты не только маркируют значение ритуального комплекса, но и позволяют определить время его формирования, а именно: рубеж XVI – XVII веков, точнее – не ранее 1596 года (см.: гл. 2.2.)[7]. Само местоположение десятого ритуального комплекса также неслучайно и является знаковым: это южный угол (южная часть) оборонительно-жилого комплекса. Именно к южному углу оборонительно-жилого комплекса Надымского городка примыкала ритуальная площадка с кострищем, вокруг которого производились коллективные общинные ритуалы жертвоприношения и оставлялись кости и черепа жертвенных животных [*Кардаш, 2013а.* С. 59–62. Рис 2.4–2.6; 2.37–2.39; 2.98–2.100]. Явное сходство с Надымским городком позволяет говорить об общинном ритуале, правда одноактном, что не снижает ценности находки, а наоборот заставляет задуматься о наличии общинного святилища вдали от городка.

Представленные интерпретации во многом гипотетичны. Тем не менее следует отметить большую значимость анализа костных останков для воссоздания отдельных элементов мировоззрения древнего населения Большого Югана.

[7] Для сравнения: первые монеты начала XVII века обнаружены на святилище «Священная кедровая роща» в черте поселка Салым, на реке Большой Салым [*Маракулин, А–2013*].

3.2.5. Монеты в составе ритуального комплекса

Мы уже неоднократно упоминали о монетах, найденных на городище Частухинский урий (городок *Монкысь урий*). В том числе при анализе погребального инвентаря и десятого ритуального комплекса, а также в связи с событиями осады и штурма городка. Считаем, что обнаруженный при раскопках комплекс монет по ряду причин, которые мы рассмотрим позднее, был использован как в погребальных, так и поминальных обрядах. Это позволяет установить некоторые элементы религиозного мировоззрения жителей городка.

Более того, на сегодняшний день собрание монет *Монкысь урия* является самым ранним и большим нумизматическим комплексом в таежном Приобье и Сибирском Заполярье, связанным с культурой коренного населения края. Уже по этой причине он заслуживает отдельного анализа в культурно-историческом аспекте. На других археологических памятниках XVI–XVII веков, принадлежавших аборигенным народам данного региона, находки русских монет единичны. Нам известно лишь четыре памятника с такими находками: по одной монете найдено в культурном слое Надымского городка и в погребении № 31 Кинтусовского IV могильника, по пять монет – на святилище «Священная кедровая роща» близ поселка Салым и на разграбленном Байлаковском могильнике в устье Иртыша [*Кардаш, 2011.* С. 196. Рис. 3; *Карачаров, А–1994.* С. 13. Рис. 30; *Приступа, 2012.* С. 97. Ил. 42; *Маракулин, А–2013.* С. 55, 56. Рис. 153 – *1–5*]. Вероятно, мы знаем не все эти места и памятники. Тем более что изображения русских монет этого времени периодически «всплывают» на кладоискательских сайтах западносибирских «черных копателей». Кроме того, возможно ранее, до начала применения металлодетектора при легальных раскопках, столь мелкие предметы вообще не попадали в поле зрения западносибирских археологов. В том числе в Среднем Приобье поздние средневековые могильники раскапывали давно и предельно тщательно, тем не менее монет в них не найдено [*Федорова и др., 1991*; *Зыков и др., 1994*; *Семенова, 2001*; *Зыков, Кокшаров, 2001*; *Чемякин, Карачаров, 1999; 2002*; *Борзунов, 2003а*; *Стефанов. 2003*; *Чемякин, Зыков, 2004*; Зеленый яр…, 2005; *Викторова, 2008*; *Зыков, 2006*; *2012*; *Носкова, 2010; Борзунов, Корочкова, Стефанов, 2013*; и др.]. Следовательно, до XVII века традиция включения монет в состав погребального инвентаря вообще отсутствовала. Учитывая это, находки монет на руинах городка *Монкысь урий* становятся особо значимыми, особенно в культурном аспекте.

Охарактеризуем данный монетный комплекс в целом. За все годы исследований на городище обнаружено 1242 монеты[8] (рис. 3.2.9; 3.2.10). Нумизматический анализ ранее обнаруженных монет опубликован в монографии В. И. Семеновой [*2005.* С. 62, 63, 66, 67. Табл. 10]. Последняя коллекция, наряду с общим анализом монет, представлена в данной книге (см.: прил. 3.3). Хронология монет по времени чеканки охватывает период с рубежа XV–XVI веков до конца XVI столетия. Самыми ранними экземплярами в данном собрании являются монеты Ивана III (1462–1505) или Василия III (1505–1533). Подавляющее большинство рассматриваемых денежных знаков датируется временем правления Ивана IV Грозного (1533–1584)[9]. Среди них значительное место занимают монеты 1535–1538 годов. Самые поздние экземпляры относятся к царствованию Федора Ивановича (1584–1598). Это три денги, отчеканенные в Москве в 1584–1594 годах. Кроме русских монет в коллекции имеется 1 фирк шведского короля Иоанна III (1568–1592). В итоге получается общая сумма денег – в серебряных монетах Московского царства – составляет порядка 11 рублей 30 копеек. Кроме того, по сведениям В. И. Семеновой, около 30 монет, найденных на *Монкысь урии*, в 1980-е – 1990-е годы разошлось среди частных лиц. Памятник раскопан не полностью, и существует вероятность нахождения монет на оставшихся периферийных участках. Таким образом, можно предположительно восстановить общую сумму, находившуюся у жителей городка: это порядка 12 рублей или немногим более.

Данная сумма для XV – начала XVII века – значительная, особенно для северных районов Сибири. Для сравнения: размер годового денежного жалования стрельца составлял 3 рубля серебром [*Фруменков, 1975.* С. 21]. При полном отсутствии денежного обращения и торговли у аборигенного населения того времени появление в их городке столь большой денежной суммы вызывает вопросы. В. И. Семенова предположила, что такую сумму жители городка могли получить после основания Сургута в 1594 году «…в обмен на присягу

[8] Из них в Угутском краеведческом музее хранится 628 экз., в Тюменском краеведческом музее – 177 экз., в Сургутском краеведческом музее – 407 экз.

[9] В 1575–1576 годах «Великим князем всея Руси» номинально был Симеон Бекбулатович.

новой власти (подарки) или за меха» [*Семенова, 2005.* С. 66]. Данное мнение мы считаем необоснованным и противоречащим реалиям того времени. В серии трудов известного историка, академика С. В. Бахрушина, посвященных освоению Сибири в конце XVI – XVII веке, основанных на большом количестве документальных источников, мы не находим ни одного случая упоминания о денежном вознаграждении за вступление в подданство, а также фактов покупки у аборигенов за деньги мехов. Последние московские власти на местах собирали в качестве налога (ясака). Равно как нет никаких документальных сведений о функционировании в этот период системы денежного обращения и торговли в среде аборигенного населения [*Бахрушин, 1955а*; *1955б*; *1955в*; *1955г*; *1955д*]. Потратить деньги жителю тайги было попросту негде, поскольку первые ярмарки в Сибири появились только в XIX веке.

Первоначально у нас возникло предположение о том, что обнаруженные монеты – это часть казенного жалования служилых людей Томского гарнизона. Как известно, эта казна была похищена остяками-мятежниками под руководством Тонемы – Кинемы летом 1618 года в результате нападения на казаков, которые везли деньги в Томск по Оби. После детального нумизматического анализа коллекции монет, выполненного С. Н. Травкиным, данная версия была признана несостоятельной (см.: прил. 3.3). Гипотеза о купеческой казне также неприемлема. Дело в том, что первые грабежи торговых людей в таежном Приобье документально зафиксированы только с 1616 года. Соответственно, в составе собрания монет *Монкысь урия* должны были присутствовать монеты XVII века, а их нет.

На данный момент для нас наиболее вероятной и обоснованной представляется версия о царском жаловании остякам за участие в военном походе на Пегую орду летом 1597 года (см.: гл. 2.4). Напомним, что «Царским наказом» от 31 августа 1596 года посланному сургутскому воеводе О. Т. Плещееву предписывалось организовать поход на Пегую орду, на ее предводителя – нарымского князя Воню, а также обосновавшегося у него царя Кучума. Для проведения этого похода наказано предварительно сформировать войско, включив в его состав сургутских остяков, лояльных московской власти: «… которые остяки нам служат и прямят и от которых не чаете измены, и Бордаковых людей всего послал 150 человек и сказал им наше жалованное слово: как они сходят в поход и нам послужат, и мы их пожалуем своим великим жалованьем и в ясакех им велим польготити» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 19об.–20]. Иными словами: за участие в карательной экспедиции сургутским остякам было обещано жалование, наравне со всеми участниками, в том числе – служилыми людьми, казаками, стрельцами и татарами. В царском указе четко оговорена и денежная плата за выполненную работу. Исполнение этого обещания местными сургутскими властями, конечно, сомнительно. Вероятнее всего, простым остякам, участникам похода, как обещано, сделали только льготу по налогообложению – ясаку, а денежное жалование выдали только тем, кто официально числился на государственной военной службе. Таковых вряд ли было много, и они явно принадлежали к аборигенной правящей элите – семьям общинных вождей.

Численность формируемого отряда сургутских остяков была довольно значительна. В то время как количество «Бордаковых людей» – туземного Бардакова княжества на рубеже XVI–XVII веков – не известно. Зато мы располагаем некоторыми сведениями по численности населения Сургутского уезда, в том числе Юганской волости, за XVII век, начиная с 1624 года. Численность плательщиков ясака, то есть мужчин всех возрастов, в Юганской волости немногим превышала 100 человек. В то время как в Сургутском уезде она составляла 800–900 человек, причем для территории значительно большей, чем в конце XVI века [*Долгих, 1960.* С. 80, 81]. Таким образом, на основании царского указа из Москвы, местное сургутское начальство могло рекрутировать для военного похода значительное количество лиц мужского пола данного района – свыше 20%, а то или около трети. В этом случае вероятность попадания в сургутский военный отряд юганских остяков, в частности мужчин – жителей городка *Монкысь урий*, проживавших в Сургутском уезде, была очень велика. Кроме того, год похода приходится на период формирования монетного комплекса. Для нас важно подчеркнуть, что найденные в городке деньги, на наш взгляд, являлись *законной собственностью* его жителей – мужчин, участвовавших в походе на Пегую орду. Впрочем, это также версия. Особенно учитывая вполне логичную первую гипотезу, что карательный поход на городок *Монкысь урий* был организован сургутскими властями в отместку за нападение Тонемы – Кинемы летом 1618 года на казаков, перевозивших по Оби денежное жалование для Томского гарнизона.

Монеты на городище залегали в разных местах. По условиям их нахождения и распределению в культурном горизонте выделено пять комплексов.

Монеты, найденные П. С. Бахлыковым (658 экз.), происходят из погребений № 1 и № 3. Со слов краеведа, в погребении № 1 было найдено около 458 монет, а в погребении № 3 – порядка 200. При раскопках В. И. Семеновой в 1990 году в погребении № 1 были обнаружены 134 монеты, в погребении № 3 – 32 монеты; кроме того, 11 монет лежали на полу жилища 2.5(6) [*Семенова, 2005.* С. 62, 63]. В 2011–2013 годах подавляющее большинство монет (337 экз.) было извлечено из переотложенного культурного слоя раскопов 1990 года, причем всех без исключения. Остальная часть 70 монет обнаружена в разных частях памятника и культурного слоя. Это, на наш взгляд требует пояснения, поскольку автором предыдущих исследований находки монет связывались исключительно с погребениями № 1 и 3, а также с территорией постройки № 2.5(6) [*Там же.* С. 62, 63].

Теперь мы можем представить все комплексы, снабдив пояснениями и количественными характеристиками.

Монетный комплекс № 1 – монеты из погребения № 1 в постройке № 2.1(2) (уч. С–У/32–34, ур. 43,76–43,88 м) – около 790–800 экз. (рис. 3.1.2; 3.2.9; 3.2.10). По материалам раскопок В. И. Семеновой, монеты находились на дне погребения, россыпью и дисперсно либо небольшими группами, то есть они не были уложенные в какую-либо емкость. Большая часть монет была сосредоточена у центрального индивидуума V(е), вдоль всего скелета, и в том числе в ногах. Часть монет лежала ниже уровня костей, в частности черепа индивидуума II(б). Главные выводы следующие. Данный комплекс попал в могильную камеру еще до размещения в ней тел погибших жителей городка. Монеты связаны с именно данным погребением, поскольку других монет за его пределами на полу постройки не было обнаружено. Комплекс монет является частью погребального инвентаря и, вероятно, принадлежал при жизни захороненным здесь людям.

Монетный комплекс № 2 – монеты из погребения № 3 на территории постройки № 2.5(6) (уч. Ы–Э/33–34, ур. 44,37–44,50 м) – около 300–330 экз. (рис. 3.1.3; 3.2.9; 3.2.10). Судя по материалам раскопок 1990 года, монеты находились также на дне погребения, россыпью, дисперсно либо небольшими группами по всей площади погребальной камеры. Монетный комплекс попал в погребальную камеру до размещения в ней тел умерших. Эти монеты явно связаны с данным погребением и обрядом. За пределами могилы, на полу постройки № 2.5(6) было обнаружено еще 11 монет, вероятно, потерянных. Поскольку все монеты лежали рядом с погребением № 3, возможно, они выпали во время подготовки погребения. Не исключено, что это свидетельствует о спешности выполнения обряда. В целом данный комплекс монет является частью погребального инвентаря, то есть комплекса вещей, связанных с обрядом и захороненными здесь индивидуумами.

Монетный комплекс № 3 собран на юго-западном склоне у погребения № 1, на территории постройки № 2.1(2) (уч. Н–П/32–33). В него ходило около 10 монет (рис. 3.1.1; 3.2.9; 3.2.10). Они были распространены дисперсно в слое дерна, который, по сути дела, являлся верхней частью культурного слоя. Их связь с погребением очевидна, но, вероятнее всего, в рамках последующей поминальной обрядности.

Монетный комплекс № 4 находился на северном и северо-западном склонах холма, у погребения № 3, на территории постройки № 2.5(6) (уч. П–Р/43, 44) и включал порядка 30 монет (рис. 3.1.1, 3.2.9, 3.2.10). Монеты были распространены дисперсно в слое дерна, который, по сути дела, являлся верхней частью культурного слоя . Они также явно связаны с погребением, но, по-видимому, в процессе последующей поминальной обрядности.

Монетный комплекс № 5 входил в состав десятого ритуального комплекса, обнаруженного в южном углу оборонительно-жилого сооружения, под южным углом постройки № 2.3(4) (уч. Р–С/42–45, ур. 44,64–44,86 м). Он охарактеризован выше. Его составляют 15 монет. Тем не менее, с учетом разрушения культурного слоя и нахождения монет на прилегающей территории, их могло быть около двух десятков (рис. 3.2.2, 3.2.9, 3.2.10). Большинство монет залегало в слое серой супеси, в которой находились кости животных.

Далее попытаемся выяснить: свидетельством каких религиозно-мифологических представлений и обрядов являются находки данных монетных комплексов. Серебряные монеты для жителей реки Большой Юган рубежа XVI–XVII веков, несмотря на дорогой и ценный металл, вряд ли являлись предметом первой необходимости. Более того, они не были и явным показателем богатства и высокого статуса их владельцев, какими воспринимались, к примеру, готовые импортные изделия из серебра – типа чаш или очелий. Исходя из собственного опыта общения с ханты и принимая во внимание не так давно бытовавшую систему таежных ценностей, мы можем предположить, что русские монеты, скорее всего, аборигены воспринимали как простые и очень маленькие кусочки металла белого цвета. Да, металла ценного, но не слишком. Сами же эти

кусочки надо было еще постараться куда-то приспособить. Для этого нужно время, особенно в среде людей с мифологической системой мышления. Металл монет относительно твердый, поэтому лишь не более десятка монет имеют отверстия и не имеют следов ношения. И это за два десятка лет после попадания монет в городок! Остальные же монеты так и продолжали лежать компактно, без использования. Да так и долежали до момента погребения погибших обитателей крепости: в этом случае им нашлось хоть какое-то применение. Возможно, по этой причине монеты из казны Томского гарнизона так и не попали в культурный слой городка. С ними также не спешили что-либо сделать, поскольку они не были предметами первой необходимости.

Если в культуре остяков этого времени отсутствовала система товарно-денежных взаимоотношений между людьми, то вряд ли монеты могли появиться в ритуально-религиозной сфере взаимоотношений человека и божества. Явно, что именно в этой связи ранее не было монет в составе погребального инвентаря. Зачем снабжать покойного деньгами, если в «нижнем мире» ничего не покупается и не продается? Тем не менее факт остается фактом: монеты были положены в два коллективных захоронения на городке *Монкысь урий* зимой 1619/1620 года.

Скорее всего, в этом случае мы столкнулись с неким первым опытом вхождения монет – иностранных денежных знаков и необычных мерил стоимости товаров – в традиционную культуру народов Обского Севера. На это же указывает их бессистемное расположение в погребениях: россыпью на дне могильной камеры. Однако это было сделано. Следовательно, на тот момент, в сопровождении умерших монетами, причем еще на стадии погребения, уже появился особый смысл. Не менее важным является и то, что с XVII по XIX столетие, то есть до установления прочного двоеверия (древние языческие культы и христианство) в среде аборигенного населения, монеты являлись крайне редким элементом погребального инвентаря. То есть погребальная обрядность, зафиксированная в погребениях № 1 и 3, была ограничена во времени – пространстве и не вылилась в длительное систематическое действие ни у юганских ханты, ни у их соседей.

Исходя из этнографических данных, погребальный инвентарь, сопровождавший покойного, должен был обеспечить полноценное существование человека в «нижнем мире». Последний же, по преставлениям обских угров, в некоторой степенин представлял собой отражение «среднего мира», мира людей. Еще одной важной особенностью является то, что умершего одевали в его собственную одежду, снабжали его собственными вещами. Оставшуюся одежду и предметы быта, которые было невозможно поместить в узкий гроб либо просто забыли в него положить, приносили на кладбище и помещали в деревянное надмогильное сооружение – «домовину» с тем, чтобы «не давать повод умершему или его душе» вернуться за оставленными предметами [*Кулемзин, 1984.* С. 136, 137]. То есть представления о способности покойного – в случае его «возвращения» в мир людей – навредить живым, вплоть до того, что унести с собой, в значительной степени обуславливали формирование погребального инвентаря. Данное представление, существовавшее в традиционной культуре обских угров тысячелетиями и бытующее до сих пор, позволяет предположить следующее. Монеты, точнее денежное жалование, принадлежавшее погребенным на руинах городка мужчинам, вероятным участникам похода 1597 года, было уложено в могилы № 1 и 3 в связи с опасением их «возвращения» из «Нижнего мира». Возможно, с этих же позиций необходимо прокомментировать особенности локализации монет в погребениях. Вполне вероятно, что металлические денежные знаки высыпали во время погребальной церемонии из небольших емкостей либо складывали небольшими кучками, возможно, завязанными в ткань в виде мешочков. Условно говоря, оставшиеся в живых соплеменники как бы собирали монеты по всему дому, из всех углов, а затем помещали в могилу как придется. Поскольку у остяков тогда еще не было выработано особого «канона», связанного с положением монет в погребение. Отчасти, хаотичное размещение небольшими группами могло быть связано с тем, что при жизни владельцы раздали монеты родственникам. Подобные же действия – по возврату последних розданных монет, вероятно, сформировали монетные комплексы № 3 и 4 близ погребений № 1 и 3.

Если нахождению монетных комплексов в погребениях нашлось более или менее логичное объяснение, то попытаемся с тех же позиций обосновать монетный комплекс № 5. Поскольку монеты появились у жителей городка *Монкысь урий* – общинной знати – как символ благодарности за помощь в военной операции, вполне логично предположить, что эта функция монет была перенесена на систему ритуальных взаимоотношений с божествами. Возможно, поэтому монеты на общинных святилищах или иных ритуальных комплексах XVII века присутствуют, а в погребальных комплексах известны скорее как исключение. Монеты входят в

ритуальную практику как форма благодарности божествам за удачу в охотничьем промысле или иных действиях, в которых требовалась сверхъестественная поддержка. Таким образом, если не все, то, как минимум, несколько монет в составе ритуального комплекса № 10 (монетный комплекс № 5) мы интерпретируем как приношение божествам.

Почитание погребений общинных вождей городка *Монкысь урий* и их родственников не вылилось в систематическое почитание, формирование ритуально-культового комплекса на данном месте, который мог функционировать длительное время. Не развился он и в большое родовое кладбище. Таким образом, к данному погребальному комплексу было отношение как к кладбищу, где требовалось совершение обязательных поминальных обрядов в течение максимум пяти лет. Причем, возможно, по определенному случаю и еще дольше. Однако не слишком долго, судя по небольшому числу находок в слое дерна.

Факты помещения монет в погребальный инвентарь, хотя и косвенно, указывают на неординарность и исключительность погребений на городке *Монкысь урий*. Это нельзя связать с началом формирования некой погребальной традиции.

В итоге мы можем констатировать, что в результате раскопок городка *Монкысь урий* были зафиксированы следы и элементы обрядовой деятельности его населения. Они находят прямые параллели или сходство с этнографически зафиксированными религиозными обрядами и представлениями юганских остяков-ханты XIX–XX веков. Свидетельства культурного сходства позволяют говорить о возможности воссоздания религиозной культуры жителей городка путем ретроспективного переноса верований, зафиксированных этнографами у коренного населения Большого Югана.Традиционное охотничье оружие охотников тайги было сориентировано в основном для охоты на более крупного копытного – лося, в то время как в тундре главным пищевым промысловым видом был более мелкий северный олень.

Рис. 3.2.1. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Наконечники стрел из медного листа: *1–23* – треугольные с выделенным черенком и шипами (Тип II), *24–47* – треугольные – в форме криволинейного треугольника (Тип I: 20–41), *48* – ромбический (Тип III); *49* – стрела (наконечник из железа – 7,5×4,5 см) от ставного лука (самострела) для охоты на медведя, конец XIX в., река Вах [*Сирелиус, 2001*. С. 264, № 26]; 50 – стрела (наконечник из железа – 9,0×4,3 см) от ставного лука (самострела) для охоты на лося, оленя или медведя – *at'h'njalvah* (от хант. *at'h'* – «изгородь»), конец XIX в., река Вах [*Там же.* С. 280, № 123]; *51* – стрелы (наконечник из железа – 9,0×4,3 см) от охотничьего лука (ручного) для охоты на зверей среднего и малого размера, конец XIX в., река Вах [*Там же.* С. 296, 297, № 453. 519]; *52* – стрела, от ставного лука (самострела) для охоты на оленя, конец XIX в., река Большой Юган [*Мартин, 2004.* С. 54. Рис. 50]

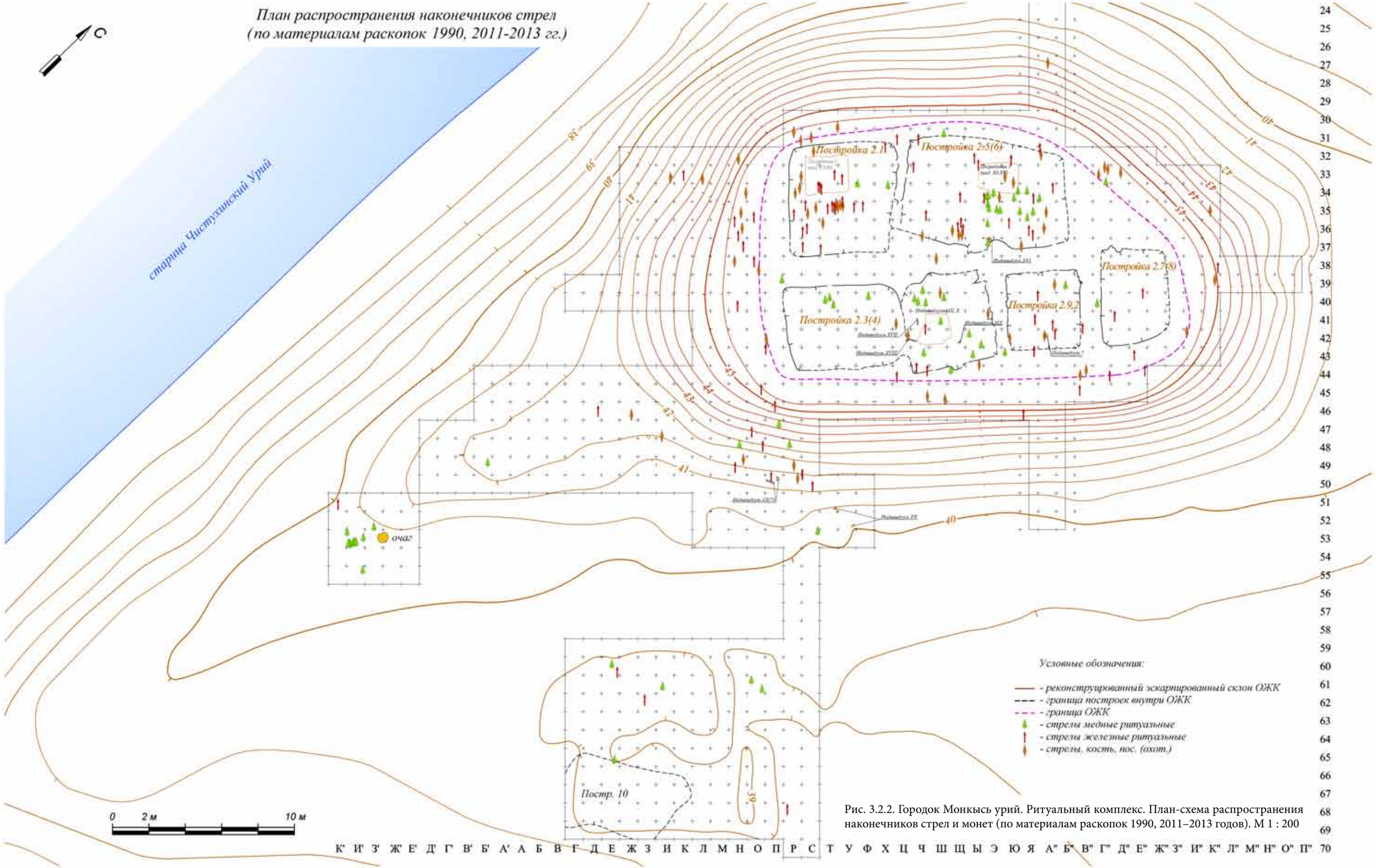

Рис. 3.2.2. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. План-схема распространения наконечников стрел и монет (по материалам раскопок 1990, 2011–2013 годов). М 1 : 200

Рис. 3.2.3. Городок Монкысь урий. Ритуальный и вещевой комплекс. Наконечники стрел из железа. Специализированные охотничье-промысловые типы: *1–3* – поражающие элементы (детали) деревянного наконечника стрелы (комбинированного томара) с серповидными шипами (Тип II); *4–9* – наконечники стрел в виде широкой двузубой вилки – «вильчатые срезни» (Тип II, подтип 1); *10–12* – наконечники стрел с широкой «вильчатой» поражающей частью и дополнительными поражающими частями виде широкой двузубой вилки – комбинированные «вильчатые срезни» (Тип I, подтип 2); *13, 14* – наконечники стрел в форме вытянутого треугольника с прямым лезвием – «срезни» (Тип III); *15* – наконечник стрелы (№ 4): условия нахождения *in situ* на территории постройки № 2.9.2 (уч. Я/40, ур. 45.43 м); *16* – луки, стрелы и колчаны остяков реки Большой Юган, конец XIX в. [*Мартин, 2004.* С. 53. Табл. 1 – *1–14*]; *17* – поражающий элемент ловушки (кляпца); *18* – ловушка (кляпец) для добычи лисиц, песцов и зайцев [*Сирелиус, 2001.* С. 314]

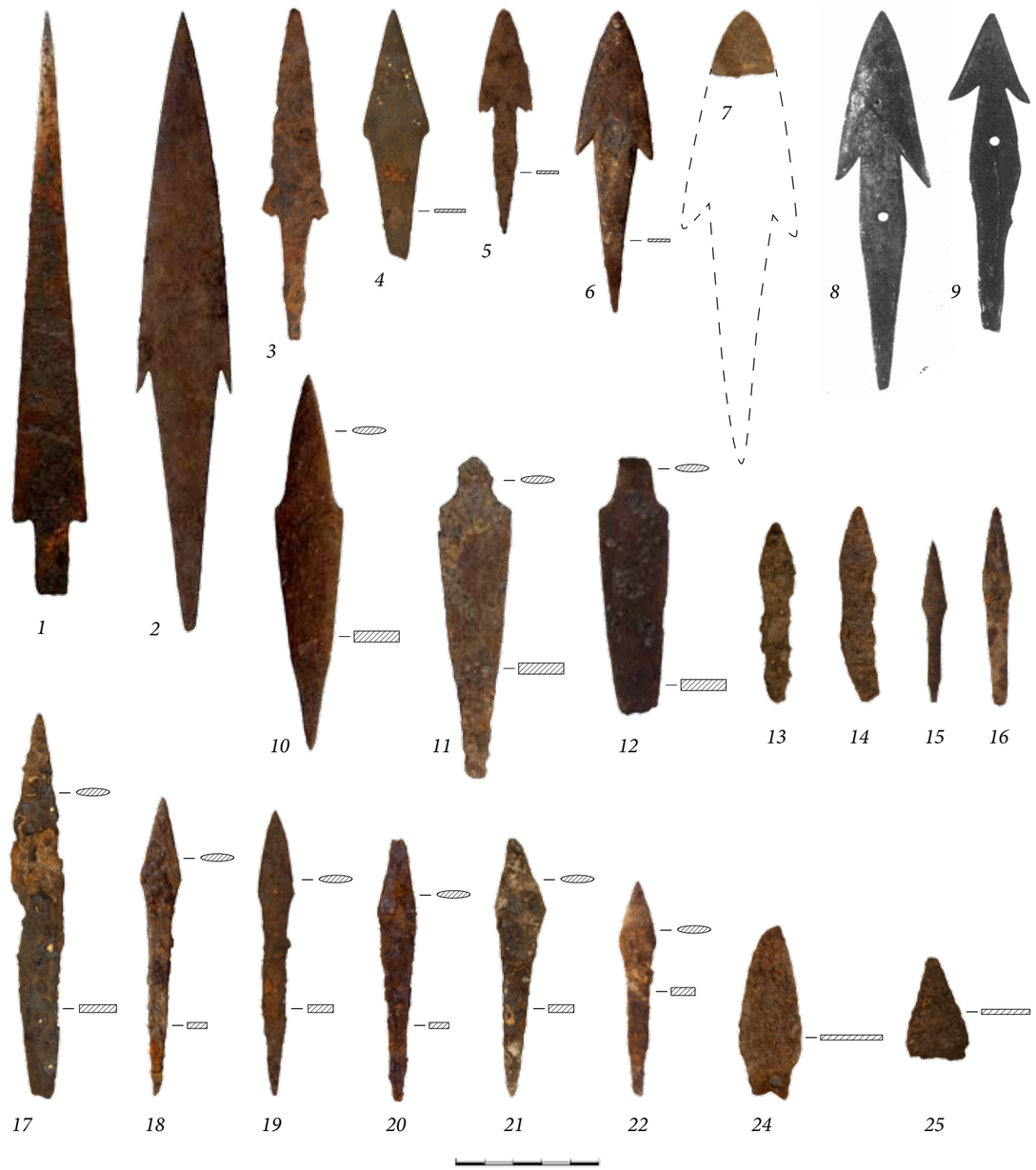

Рис. 3.2.4. Городок Монкысь урий. Ритуальный и вещевой комплекс. Наконечники стрел из железа. Специализированные охотничье-промысловые и универсальные типы: *1–6, 7* (фрагмент?) – наконечники стрел с проникателем криволинейно-треугольной формы (curvilinear triangle), снабженным шипами и вытянутым черешком (Тип VI); *8, 9* – этнографические параллели: наконечники с шипами и отверстием для крепления шнура – для самострела на соболя [*Сирелиус, 2001.* С. 280. № 122] (или выдру? – авт.); *10–12* – наконечники стрел плоские, асимметрично-ромбической формы с боевой частью в виде острия с плечиками (Тип IV); *13–25* (*24, 25* – фрагменты) – наконечники стрел асимметрично-ромбической формы (*kite*), расширяющиеся к боевой (поражающей) части (верхней трети) (Тип V)

Рис. 3.2.5. Городок Монкысь урий. Ритуальный и вещевой комплекс. Наконечники стрел из железа. Универсальные охотничье-боевые типы стержневидной формы: *1–13* – наконечники с асимметрично-ромбическим проникателем (Тип VII, подтип 4); *14–25* (*14–18* – фрагменты) – наконечники с заостренной поражающей частью (Тип VII, подтип 1)

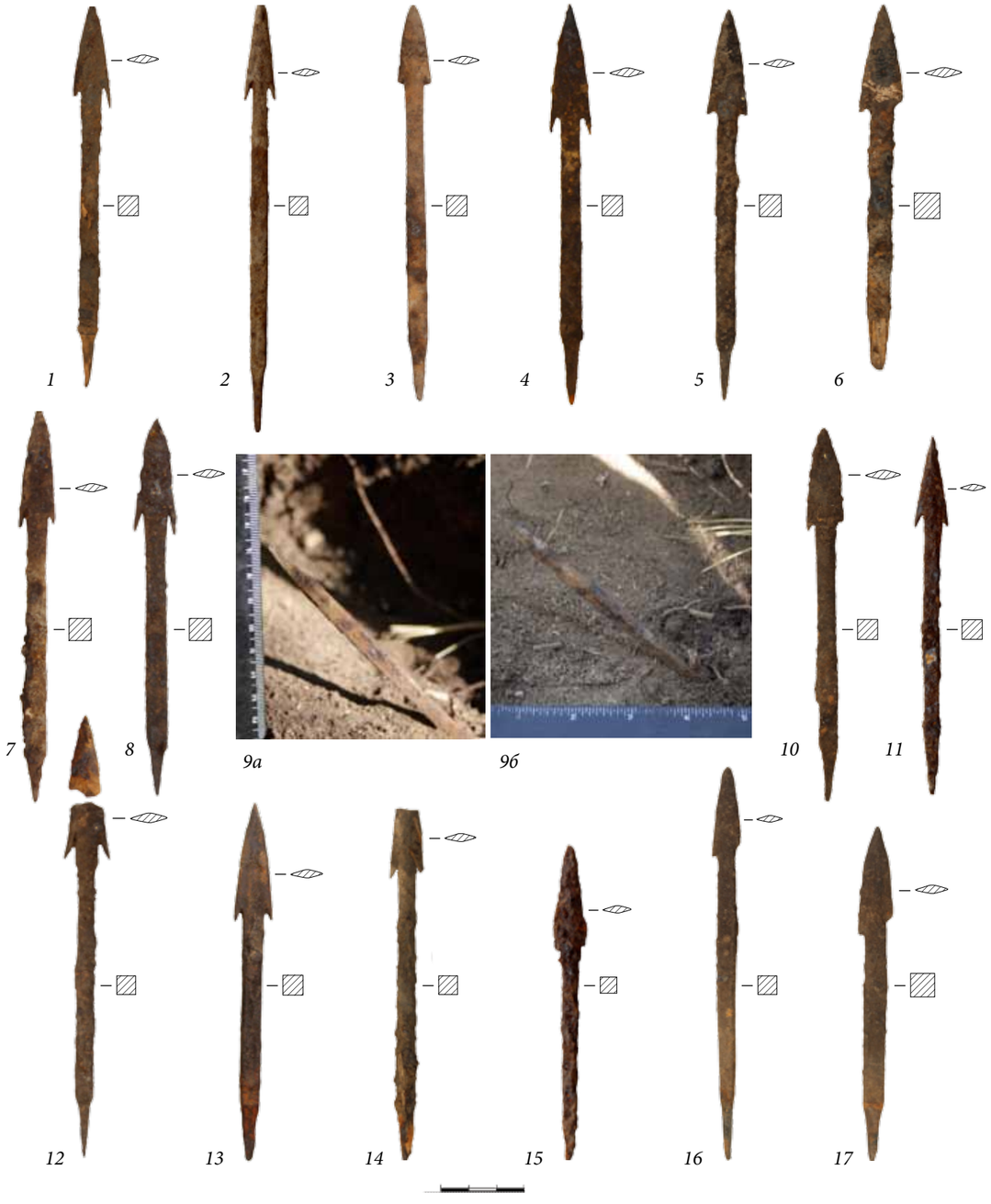

Рис. 3.2.6. Городок Монкысь урий. Ритуальный и вещевой комплекс. Наконечники стрел из железа. Универсальные охотничье-боевые типы стержневидной формы: *1–8, 10–15* – наконечники с проникателем криволинейно-треугольным (*curvilinear triangle*) снабженным двумя шипами (Тип VII, подтип 2); *9 а, 9б* – наконечник № 3: условия нахождения in situ близ постройки 2.10 (уч. Е/68, ур. 39.46 м); *16, 17* – наконечники с проникателем криволинейно-треугольной формы со скошенным основанием, образующим один шип (Тип VII, подтип 3)

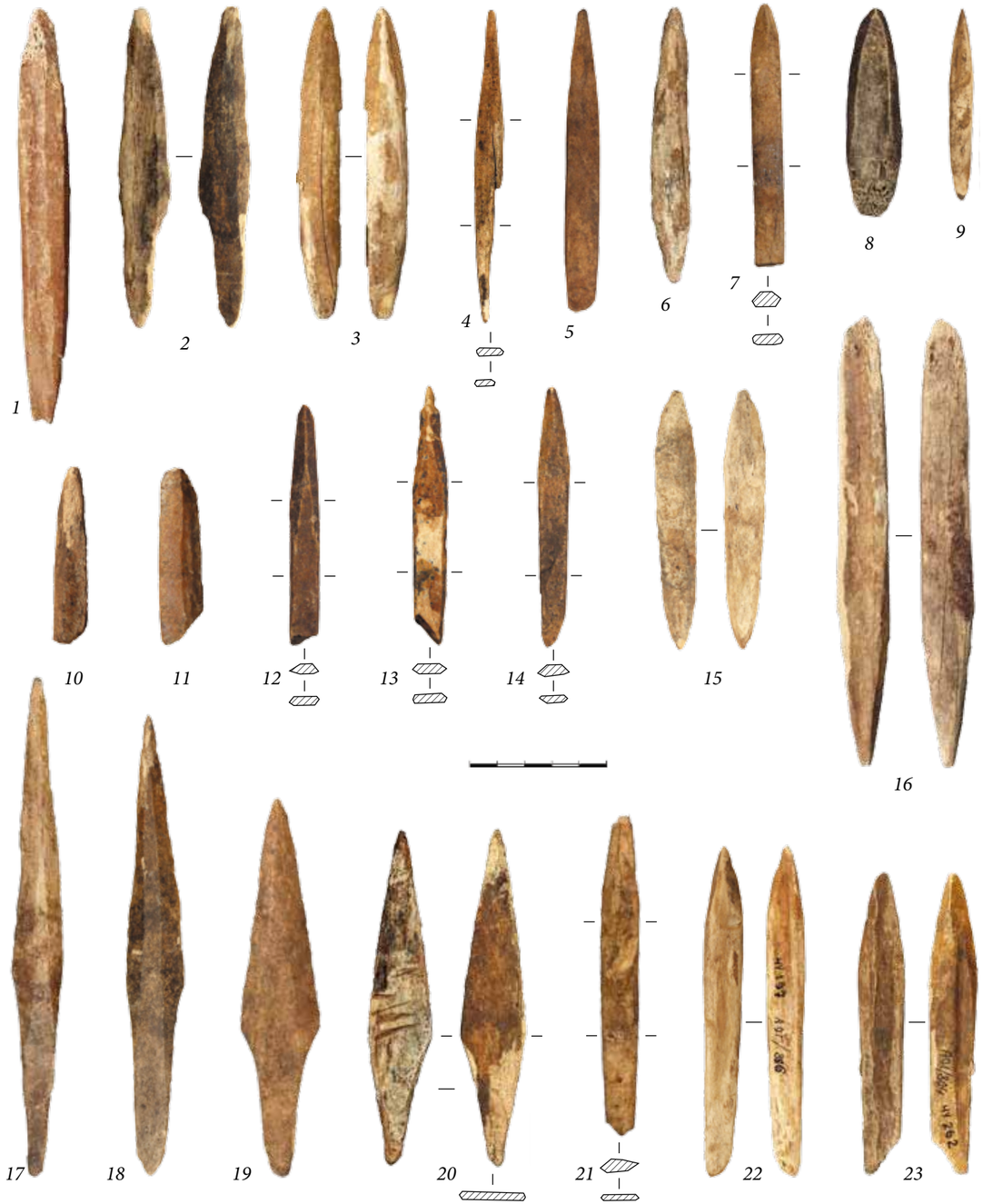

Рис. 3.2.7. Городок Монкысь урий. Ритуальный и вещевой комплекс. Наконечники стрел из кости. Универсальные охотничье-боевые типы: *1–13* (*10–13* – фрагменты) – эллипсовидные («иволистные») наконечники стрел с острым верхним фокусом (острием) и притупленым нижним (Тип II); *10–16* – асимметрично-ромбические наконечники стрел с острым концом и тупым насадом (Тип III)

Рис. 3.2.8. Городок Монкысь урий. Ритуальный и вещевой комплекс. Наконечники стрел из кости. Универсальные охотничье-боевые типы: *1–5* – стержневидные наконечники с трехгранным сечением (Тип I. подтип 1); *6–15* – стержневидные наконечники с овальным сечением (Тип I. подтип 2); *16–27* – стержневидные наконечники с круглым сечением (Тип I. подтип 3)

Рис. 3.2.9. Городок Монкысь урий (городище Частухинский урий). Серебряные монеты конца XV–XVI в.: *1* – Швеция. Иоанн III (1568–1592), 1 фирк; *2* – Иван III или Василий III, монета. Место и точное время чеканки неизвестно (1462–1505, 1505–1533 гг.); *3* – Иван III или Василий III, денга. Место и точное время чеканки неизвестно (1462–1505, 1505–1533 гг.); *4* – Иван IV, мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.; *5* – Иван IV, мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.; *6* – Иван IV, мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.; *7* – Иван IV, копейка. Псков. 1535–1538 гг.; *8* – Иван IV, мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.; *9* – Иван IV, денга. Москва. 1535–1538 гг.; *10* – Иван IV, денга. Москва. 1535–1538 гг.; *11* – Иван IV, денга. Москва. 1547 г.; *12* – Иван IV, денга. Москва. 1547 г.; *13* – Иван IV, денга. Москва. 1547 г.; *14* – Иван IV, денга. Тверь. 1535–1538 гг.; *15* – Иван IV денга. Псков 1560-е гг. Аверс – буквы: IB; *16* – Иван IV копейка, копейка. Новгород. 1535–1538 гг.; *17* – Иван IV, копейка. Новгород. 1535–1538 гг. Аверс – буквы: ФС; *18* – Иван IV, денга. Москва. 1535–1538 гг.

Рис. 3.2.10. Городок Монкысь урий (городище Частухинский урий). Серебряные монеты конца XV–XVI в.: *19* – Иван IV, копейка. Новгород. 1547. Аверс – буквы: ПС; *20* – Иван IV, копейка. Новгород. 1535–1538 гг.; *21* – Иван IV копейка. Новгород. 1547 г. Аверс – буквы: ПС; *22* – Иван IV, копейка. Новгород. 1547 г. Аверс – буквы: ПС; *23* – Иван IV, копейка. Новгород. 1550-е гг. Аверс – буквы: ЮС/ДМ; *24* – Иван IV, копейка. Псков. 1547 г. Авер – буквы: ГР; *25* – Иван IV, копейка. Псков. 1535–1538 гг. Аверс – буква: А; *26* – Иван IV, копейка. Псков. 1535–1538 гг.; *27* – Иван IV, копейка. Псков. 1560-е гг. Аверс – буквы: IB; *28* – Иван IV, копейка. Новгород 1547 г. Аверс – буквы: ПС; *29* – Иван IV, копейка. Псков. 1560-е гг. Аверс – буквы: ?/ МН; *30* – Иван IV, копейка. Псков. 1560-е гг.; *31* – Иван IV, копейка. Новгород. 1535–1538 гг. Аверс – буква: А (?, стерта); *32* – Иван IV, копейка. Новгород. 1547–1560-х гг. Аверс – буквы: К/ ВА; *33* – Иван IV, копейка. Псков. 1560-х гг. Аверс – буквы: С/ МН; *34* – Иван IV, копейка. Новгород. 1535–1538 гг.; *35* – Федор Иванович, денга. Москва. 1584–1594 гг.; *36* – Федор Иванович, денга. Москва. 1584–1594 гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ, ЭКОНОМИКИ, СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ УРОЧИЩА МОНКЫСЬ УРИЙ

Завершая исследование, напомним об основных положениях и выводах, содержащихся в главах этой работы. В первую очередь это касается главных характеристик изученного археологического памятника, периодичности функционирования и архитектуры поселков в урочище *Монкысь урий*, в том числе неукрепленных юрт и городка, а также хозяйства, быта и основных занятий их населения. Помимо этого, на основании результатов комплексного анализа археологических, биологических, фольклорных и историко-документальных источников будет освещен реальный исторический фон, на котором развивался и пал городок *Монкысь урий*, функционировавший на рубеже позднего средневековья и нового времени. В качестве частных аспектов будут изложены результаты изучения этнической принадлежности и социального статуса населения городка, события, связанные с гибелью остяцкой «крепости», рассмотрены причины появления поминальных комплексов на его руинах, а также многие другие сюжеты.

Основные характеристики памятника и история его исследования. Городок *Монкысь урий*, он же археологическое городище Частухинский урий, представляет собой руины небольшого населенного пункта на левобережье Сургутского Приобья, в бассейне реки Большой Юган, существовавшего во второй половине II тысячелетия нашей эры. При этом наиболее яркие события в истории данного укрепления, значимые для коренных жителей региона как в прошлом, так и настоящем, относятся к началу XVII столетия.

Как археологический объект, он получил свое название по имени ближайшего водоема – старичного озера Чистухинский урий. *Монкысь урий* – это название городка, наиболее часто употреблявшееся местными жителями и встречающееся в последних версиях фольклорных сказаний. В большей степени оно касается названия старичного озера, которое по-хантыйски звучит как *урий*. Вместе с тем иного наименования устная традиция не сохранила, поэтому оно было использовано нами в качестве исторического топонима. Один из наиболее приемлемых вариантов перевода названия городка *Монкысь урий* – городок *«Былинного холма старицы»*. Тем не менее в соответствии с местной традицией он должен был бы называться *«Монкысь вош» – «Городок Былинного холма»*.

В природно-географическом отношении территория, на которой находился городок *Монкысь урий*, относится к центральной части Западно-Сибирской равнины, южной части Среднеобской низменности и подзоне средней тайги. Он локализуется на левобережье Оби, в среднем течении реки Большой Юган. Его географические координаты: 60° 28’ 23.6” северной широты и 74° 00’ 10.4” восточной долготы.

Данный археологический памятник занимает останец в пойме левого коренного берега реки Большой Юган и участка его бывшего русла – старичного озера Чистухинский урий. По современному административно-территориальному делению России городок *Монкысь урий* находится в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в 90 км к юго-юго-востоку от города Сургут, 72 км к востоку-юго-востоку от станции Пыть-Ях железной дороги Тюмень – Сургут и 4,0 км к юго-западу от поселка Угут.

Ландшафтно-географические и природно-климатические условия данной территории типичны для таежной зоны Западной Сибири и отчасти близки лесным пространствам подножий Уральских гор. Причем как восточному, так и западному уральскому пенеплену, а также таежным пространствам северо-востока Европы, расположенным севернее 55-й параллели.

Археологические и этнографические исследования среднего течения реки Большой Юган и ее притоков эпизодически проводились с конца XIX века. Между тем строго научный, целенаправленный и планомерный характер они приобрели только в 1980-х годах и особенно активно развивались с начала XXI века. Главной причиной последнего стало интенсивное хозяйственное освоение нефтяной провинции среднего течения Оби. Это позволило выявить сибирским и уральским археологам на данной территории – в окрестностях поселка Угут, в радиусе не более 20 км – три больших комплекса объектов культурного наследия (ОКН): «Угутский»,

«Кинямины» и «Когончины». Каждый из них включает около ста памятников археологии. При этом практически любой археологический объект содержит от одного до нескольких десятков сооружений – остатков жилых, хозяйственных и производственных построек либо могил. Общий хронологический диапазон данных объектов культурного наследия обширен: от конца каменного века – неолита (VI–V тысячелетия до нашей эры) до нового времени – ранней Российской империи (XVIII век) и так называемой «этнографической современности».

Археологические и этнографические данные отражают достаточно высокую плотность населения в среднем течении реки Большой Юган, особенно в эпоху средневековья и новое время. Вероятнее всего, два ключевых фактора – стабильная обеспеченность пищевыми ресурсами и относительно комфортные ландшафтные условия – способствовали постоянному проживанию общин аборигенов тайги на данной территории в течение многих столетий и даже тысячелетий.

Кроме того, несмотря на некоторые культурные различия обитателей юганской тайги, наличие компактно расположенных комплексов поселенческих объектов предполагает определенную преемственность в развитии местных обществ. Каждый комплекс объектов культурного наследия включает памятники практически всех хронологических периодов. При этом наиболее многочисленны здесь, как уже было отмечено, поселения последних полутора – двух тысячелетий. Это создает некое впечатление относительно непрерывного проживания одного и того же коллектива – общины, ее подразделений и ответвлений – на данном временном отрезке.

Несмотря на территориальную близость к некоторым археологическим объектам, городок *Монкысь урий* не относится ни к одному из вышеописанных комплексов археологических памятников. Городище занимает промежуточное положение между группами объектов культурного наследия «Когончины» и «Угутские», где имеются синхронные населенные пункты.

Особая локализация и изолированность городка *Монкысь урий*, топография и ландшафтно-топографические условия создают впечатление неординарности данного укрепления и его некой отчужденности от соседних «рядовых» поселений. Это, скорее всего, неслучайно и отражает характер поселения в целом, особенности его функционирования, а также неординарность социального состава его населения.

Раскопки городка *Монкысь урий* велись периодически на протяжении последних 35 лет, и каждый этап становился информационной базой для следующего. Памятник был обнаружен в начале 1980-х годов П. С. Бахлыковым, жителем поселка Угут, краеведом и основателем местного музея. Им были произведены первые любительские раскопки данного городища и обнаруженных на нем богатых погребений. Первые научные археологические исследования были выполнены в 1990 году экспедицией Тюменского областного краеведческого музея под руководством В. И. Семеновой. Тогда были вскрыты четыре участка общей площадью 102 кв. м в центральной части памятника. Спустя 15 лет по результатам анализа материалов раскопок В. И. Семенова опубликовала монографию «Поселение и могильник Частухинский урий» [*2005*]. Исследования поселений, могильника и поминальных мест в урочище *Монкысь урий* были продолжены в 2011–2013 годах экспедицией ООО «НПО “Северная археология-1”». Археологические раскопки «городища Частухинский Урей» выполнялись О. В. Кардашем (2011 год), а также Н. В. Шатуновым (2012 год) и Г. П. Визгаловым (2013 год) под общим научным руководством О. В. Кардаша. Обращение к этому памятнику было вызвано его большим научным значением и личной заинтересованностью руководителей организаций, уделявших особое внимание изучению памятников позднего средневековья и нового времени севера Западной Сибири.

Общая площадь культурного слоя, вскрытая на *Монкысь урии* в 2011–2013 годах, в которую вошло пространство раскопов 1990 года, составила 900 кв. м. Коллекция артефактов насчитывает более 3190 предметов[1]. Археозоологическая коллекция составляет до 1450 единиц, а антропологическая – около 50. Благодаря проведенным исследованиям городок *Монкысь урий* на сегодняшний день является единственным максимально полно раскопанным археологическим поселенческим комплексом XVI – начала XVII века в Среднем Приобье.

В данной монографии мы проанализировали и представили практически все доступные на данный момент документальные, фольклорные, картографические, археологические, антропологические и палеоэкологические источники, полученные в результате комплексного изучения городка *Монкысь урий*. При этом хотелось бы подчеркнуть, что не все из представленных нами аналитических выводов и реконструкций являются бесспорными. Наше исследование не претендует на статус бесспорного и лишь отражает современный уровень осмысления источников.

[1] Без учета мелкого оловянного бисера, точное количество которого установить крайне трудно. Судя по общему весу, оловянных бисерин в коллекции приблизительно 3500 экземпляров.

Структура подведения итогов уже была апробирована нами в процессе публикации материалов аналогичных археологических памятников [*Кардаш, 2011*; *2013а*; *2013б*]. Ее мы и будем придерживаться.

Архитектура городка Монкысь урий. Реконструкция архитектуры поселений таежной полосы Западной Сибири довольно сложна в силу местной специфики состава почвенных, культурных и геологических слоев. Большая часть последних представляет собой песчаные, супесные и подзолистые грунты, покрытые тонкой лесной подстилкой, состоящей главным образом из хвойного опада и гумуса. Основа коренных террас, на которых расположено большинство археологических памятников таежного Приобья, также состоит из песка. В таких грунтах, благодаря интенсивному промывному режиму, органические остатки разлагаются крайне быстро. Одновременно более крупные частицы – органические (уголь, сгнившее дерево) и неорганические (например, окислы железа) – столь же скоро проникают с поверхности в глубь слоя между крупными «зернами» кварца (песка). В результате – под лесной подстилкой и тонким почвенным слоем формируются обесцвеченные (белые, серые и пепельно-серые) верхние подзолы, практически полностью лишенные органических остатков, в том числе интересующих нас деталей архитектуры, выполненных из дерева. О последней мы можем судить в основном по весьма скудным остатками – углистым полосам и линзам прокаленного песка («прокалам») в культурных слоях, необычной цветности слоев с включением коричневых и серых тонов, в лучшем случае – по чудом сохранившемся древесном тлене и небольшим обломкам сгоревших бревенчатых конструкций, перекрытых переотложенными песками. Последние, как правило, представлены расплывшимися песчаными обваловками-завалинками, укреплявшими (утеплявшими) основание и стены дома, разрушившимися краями «земляных» нар, рухнувшими грунтами и кусками «дерна» (точнее, лесной подстилки), некогда покрывавшими крыши построек.

Часть информации о размерах построек и их деталей можно получить на основании анализа микрорельефа памятника. Дело в том, что в отличие от археологических объектов, расположенных в лесостепи, степи и пустыне, остатки поселений и могильников таежной зоны прекрасно прослеживаются на поверхности. При минимальном воздействии антропогенного фактора рукотворные углубления и возвышения на западносибирских песчаных террасах сохраняются столетиями и даже тысячелетиями. К примеру, уникальные городища эпохи неолита (VI–IV тысячелетия до нашей эры) внешне выглядят здесь практически так же, как укрепления позднего средневековья.

Вместе с тем отметим два важных обстоятельства, увеличивающие вероятность наших «архитектурных» реконструкций. Во-первых, это небольшой хронологический интервал между этнографически зафиксированными объектами традиционной архитектуры и комплексом сооружений городка *Монкысь урий*: всего 200–300 лет. Укрепленные поселения в этнографических и фольклорных источниках не охарактеризованы или лишь упомянуты. Тем не менее отдельные архитектурные элементы и принципы продолжают бытовать в традиционной архитектуре народов сибирской тайги вплоть до сегодняшнего времени. Второе: это непосредственное участие профессионального архитектора в анализе объектов древней архитектуры, что обеспечивает отличный от исторического – инженерно-технический – взгляд на обнаруженные артефакты.

Архитектура городка *Монкысь урий*, воссозданная по результатам комплексных исследований, включает ряд аспектов, а именно:

– систему расселения жителей тайги и данного поселка;
– планировочную структуру населенного пункта;
– оборонное зодчество;
– планировку жилого комплекса;
– архитектуру жилых строений и деталей интерьера.

Некоторые из этих позиций нам удалось изучить и реконструировать в большей степени, другие – в меньшей.

Тип расселения жителей городка *Монкысь урий* – речной. Поселок был приурочен к летнему пути, пролегавшему по водной артерии – Большому Югану, и к зимней дороге, проложенной в основном по льду и фактически являвшейся дублером предыдущего пути. Это обеспечивало постоянную связь жителей городка с ближайшими соседями – окрестными родовыми и территориальными общинами, а также с дальними административными центрами, причем как туземных вождеств, так и Московского государства. Для коренного населения Сибири данный фактор был весьма актуален, особенно в условиях отсутствия карт и навигационных приборов. Выбор данного участка местности для размещения городка *Монкысь урий* соответствовал двум главным условиям:

близости поселка к разными ландшафтным и промысловыми зонам, а также к транспортным артериям, обеспечивавшим связь его жителей с главными магистралями и транзитными центрами.

Все поселения урочища *Монкысь урий* размещались на вершине холма – останца коренной террасы реки у старицы Монкысь урий (ныне – Чистухинский урий).

Следами ранних посещений этого места или даже кратковременной стоянки на вершине холма являются единичные обломки (4–9 экземпляров) керамики атлымской культуры периода поздней бронзы (XII–VIII века до нашей эры).

Первый постоянный населенный пункт был основан здесь незадолго до возведения городка. Он состоял из трех жилых строений и был неукрепленный, то есть не имел фортификаций – искусственно созданной системы обороны. Раннее поселение было защищено только естественным образом: за счет крутых склонов холма. Очевидно, что на первом этапе заселения это обстоятельство имело важное значение, поскольку без дополнительных трудозатрат могло обеспечить относительную защиту жителей селища от враждебного окружения и отчасти – от диких зверей. Данную группу строений мы предложили именовать ***юрты Монкысь урий***. Период их функционирования вряд ли выходил за рамки XV–XVI веков. Это селище знаменовало первый этап заселения холма и заложило архитектурно-планировочную основу для строительства здесь – на следующем этапе – оборонительно-жилого комплекса городка *Монкысь урий*. Жилища селища впоследствии были уничтожены и перекрыты строениями «крепости» аборигенов края.

Планировочная структура городка *Монкысь урий* реконструируется как двухчастная, состоящая из двух функциональных зон: оборонительно-жилого комплекса и хозяйственно-производственной территории. Оборонительно-жилой комплекс являлся центром городка. Он был возведен на грунтовом («дерново»-песчаном) фундаменте, искусственно сформированном (насыпанном и разровненном) поверх природного холма-останца. Общая высота холма с подсыпкой – около 6 м. В плане комплекс имел овальную форму и был ориентирован по оси северо-восток – юго-запад. Хозяйственно-производственная территория располагалась вокруг оборонительно-жилого комплекса на расстоянии до 50–70 м от основания останца. С запада она была ограничена старицей, с юго-востока – заболоченной поймой реки. Самыми «освоенными» участками этой территории являлись южные и юго-восточные. Здесь была выявлена постройка хозяйственно-производственного назначения, предположительно, кузница. В этом месте протекала производственная деятельность, которая не могла осуществляться в жилых помещениях: изготовление средств передвижения: нарт, лодок и так далее. Возможно, на той же территории близ «крепости» проводились некоторые религиозные обряды. Кроме того, на периферии поселка мог находиться загон для домашних ездовых оленей, а также ездовых собак. Общая площадь городка, включая хозяйственно-производственную зону вокруг холма, составляла около 10 000 кв. м (1,0 га).

Непосредственно перед возведением городка была проведена инженерная подготовка строительной площадки. Склоны холма были засыпаны песком, взятым у основания останца и с окружающего пространства. Крутизна склона была увеличена и ему была придана ступенчатая форма. Песчаные ступени были укреплены деревом (вероятно, колотыми плахами) и грунтом, а также в несколько слоев покрыты «дерном». Приблизительная площадь дернового покрытия составляет 1000 кв. м. Перемещенный объем грунта составил порядка 590 кв. м – это около 950 тонн песка. Скорее всего, этап инженерной подготовки проходил в течение одного-двух летних сезонов. Все эти работы были проведены вручную, без возможности применения тягловой силы. С учетом предстоящих больших трудозатрат к строительству «крепости», по-видимому, были привлечены не только будущие обитатели поселка, но и другие члены общины, проживавшие в окрестных селениях.

В целом, в ходе первого (подготовительного) цикла работ была сооружена строительная площадка овальной формы, размерами 16×28 м, площадью около 450 кв. м, предназначенная для возведения оборонительно-жилого комплекса. Кроме того, оформлен крутой эскарпированный склон. Размеры оборонительно-жилого комплекса по основанию останца составляли 32×44 м, площадь – около 1400 кв. м.

Оборонительные сооружения городка *Монкысь урий* включали нескольких элементов. Основной: эскарпированный по всему периметру склон холма. В разных частях холма высота склона варьируется от 5 до 9 м и в среднем составляет 6,0 м. На его вершине была построена замкнутая – по периметру «крепости» – наружная деревянная стена. Для выхода на кровлю жилого комплекса, где располагались входы в помещения, по-видимому, использовались съемные деревянные лестницы. По фольклорным данным известны

другие элементы обороны городка *Монкысь урий*, не сохранившиеся в археологическом материале: вертикальные проемы-бойницы в оборонительной стене – для стрельбы по осаждавшим, бревна (очищенные от ветвей стволы деревьев), размещенные у края кровли, предназначенные для поражения штурмующих, а в зимний период – «ледяной панцирь» по периметру холма, то есть политые водой склоны и, возможно, оборонительные стены, значительно затрудняющие проникновение противника в укрепление, равно как подкоп или поджог. Предполагается еще один элемент системы обороны поселка – расчищенное от леса и кустарника на длину полета стрелы пространство вокруг «крепости». Последнее, в частности, обеспечивало наблюдение за окрестностями и исключало использование растущих деревьев при штурме городка.

Все эти элементы дополняли друг друга и в совокупности составляли продуманную оборонительную систему, защищавшую жителей городка от нежелательного проникновения посторонних в их «цитадель».

Жилой комплекс городка имел двухчастную структуру. Ее формировала центральная (осевая) опорная стена, разделявшая внутренне пространство на две половины. Сам жилой комплекс составляли пять построек, расположенных двумя рядами, ориентированными относительно центральной оси комплекса (северо-восток – юго-запад). Два жилища находились в северо-западной половине укрепления, три – в юго-восточной. Все постройки были изолированы друг от друга внутренними стенами, состоявшими из двурядного несъемного деревянного каркаса (опалубки), забутованного грунтом и «дерном». Проходов в перегородках не было, как не обнаружено и единого входа в «крепость» со стороны ее фасада. Авторы полагают, что в каждое отдельное помещение люди попадали через специальный проем, устроенный на кровле каждой жилой камеры.

Кровля оборонительно-жилого комплекса была плоская, единая для всех жилых помещений. Она была сооружена из тонких бревен, плах или жердей, перекрытых гидроизоляционным слом и гнетом. Бревна и жерди перекрытия опирались на наружные и внутренние стены комплекса, а также на вертикальные столбы, установленные внутри помещений. Скорее всего, сначала была возведена наружная стена городка, а затем – центральная (осевая) и внутренние перегородки. При этом осевая стена имела ту же конструкцию, что и перегородки. Она формировалась из несъемной опалубки, а ее внутреннее пространство было заложено грунтом и «дерном». В качестве гидроизоляционной прослойки, вероятнее всего, использовались берестяные листы, которые были покрыты плахами, грунтом и «дерном» (лесной подстилкой с гумусом). При активном росте травы на крыше этот слой также обладал гидроизоляционными свойствами. Данная конструкция должна быть весьма устойчивой и крепкой, так как кровля постоянно эксплуатировалась жителями городка и удерживала зимой большую снежную массу.

Постройки оборонительно-жилого комплекса городка *Монкысь урий*. Их пять и все разной величины. Каждая из них имела в плане форму, близкую к квадрату или прямоугольнику. Все они представляли собой каркасные сооружения, перекрытые единой кровлей оборонительно-жилого комплекса. Внутри оборонительно-жилого комплекса жилые камеры никак не сообщались и были изолированы друг от друга перегородками. Стеновые конструкции состояли из вертикально установленных досок, тонких жердей и плах. Пол – углубленный, ровный, земляной (песчаный). По периметру каждого помещения располагались нары, возможно, обшитые деревом. В одном из его углов находился чувал – полузакрытый очаг с системой удаления дыма. Основание чувала глинобитное. Задняя стена и дымоотвод имели единую, вероятнее всего, жердевую конструкцию, покрытую со стороны топки глиняной обмазкой.

Вещевой комплекс городища Частухинский урий достаточно представителен. Он и несет в себе много прямой и косвенной информации о хозяйстве, ремеслах, быте и религиозной культуре жителей «крепости», а также о хронологии самого памятника. За все годы раскопок было собрано около 3190 артефактов, подразделяющихся на 117 категорий. При этом не считая примерно такого же количества оловянных и стеклянных бисерин, точный подсчет которых затруднителен.

В целом данный комплекс городка состоит из четырех групп предметов, связанных с тремя функционально и хронологически различными памятниками, тем не менее тесно связанными между собой. Хронологические различия предметов из данных групп незначительны, поскольку составляющие их объекты формировались последовательно и в рамках одного довольно узкого временного интервала.

Предметы первой группы отложились в культурном слое в процессе жизнедеятельности населения городка.

Предметы второй группы попали в культурный горизонт в результате неординарных событий, а именно: в ходе осады и штурма городка.

Вещи третьей группы – это остатки и артефакты, составляющие погребальный инвентарь двух преднамеренных захоронений.

Четвертая группа вещей – это поминальный комплекс.

Одной из специфических черт коллекции городка *Монкысь урий* является наличие значительного количества артефактов, крайне редких для других средневековых поселенческих объектов таежного Приобья. К таковым категориям вещей относятся в первую очередь свинцовые боеприпасы для огнестрельного оружия и серебряные монеты. Они маркируют неординарность событий, связанных с историей городка аборигенов тайги, и, соответственно, определяют специфику вещевого комплекса в целом. В то время как для синхронного арктического города Мангазея присутствие в его культурном слое большого количества монет и боеприпасов – явление обычное, характерное для памятников культуры русских поселенцев.

На городище, большей частью в погребениях, было обнаружено 1212 монет, отчеканенных с рубежа XV–XVI веков до конца XVI столетия. Самые ранние из них – монеты Ивана III (1462–1505 годы) или Василия III (1505–1533 годы). Подавляющее большинство монетных находок относится ко времени правления Ивана IV Грозного (1533–1584 годы). Последние по времени чеканки относятся к царствованию Федора Ивановича (1584–1598 годы). Общая сумма денег в серебряных монетах Московского царства составляет порядка 11 рублей 30 копеек. Сумма на тот период времени значительная, поскольку, например, размер годового денежного жалования стрельца составлял 3 рубля серебром. В средневековой культуре жителей Югана отсутствовала система товарно-денежных отношений. Следовательно, в результате торговли эти деньги к аборигенам не могли попасть. Наиболее вероятной нам представляется версия о царском жаловании остякам, полученном за участие в военном походе на Пегую Орду летом 1597 года. Дело в том, что Царским наказом сургутским остякам за участие в этом походе было обещано жалование наравне со всеми участниками, в том числе служилыми людьми – казаками и стрельцами.

Данные, полученные при изучении архитектуры и предметов вещевого комплекса, были сопоставлены со сведениями, взятыми из исторических документальных и фольклорных источников. Комплексный анализ позволил относительно точно датировать этот археологический памятник и наметить основные этапы заселения урочища *Монкысь урий*.

Время основания и хронология городка Монкысь урий были установлены на основании сопоставления и верификации нескольких видов источников. Наиболее логично и обоснованно она восстанавливается от конца существования данного объекта, то есть от момента захвата и разрушения остяцкой «крепости» *Монкысь урий*.

Во-первых, возраст памятника определялся по образцам органики – древесины и кости – с использованием метода радиоуглеродного датирования (по C^{14}). Специалистами была получена серия дат, которая была калибрована и дополнительно проверена на воздействие так называемого «резервуарного эффекта» на основании данных анализа костей животных и человека (по C^{13}). Полученная серия дат укладывается в интервал с конца XV по середину XVII веков (см.: прил. 4.5). После этого радиоуглеродные даты были сопоставлены со стратиграфической ситуацией.

Во-вторых, возраст археологического объекта определялся по методу относительной хронологии – по предметам вещевого комплекса. В целом они укладывались в пределах XV–XVII веков. При этом вещи XIII–XIV веков составляли около 0,5% из всего комплекса находок и не выделялись в стратиграфическом отношении (см.: Глава 2, раздел 2.3).

В-третьих, археологические данные были сопоставлены со сведениями, взятыми из документальных исторических источников (см.: Глава 2, раздел 2.4). Кроме того, в рамках этого анализа было установлено, что все люди, останки которых были найдены на руинах городка *Монкысь урий*, погибли в конце осени – начале зимы, то есть в одном сезоне (см.: прил. 4.3). Часть погибших (некоторые представители местной правящей прослойки) была захоронена, другая (возможно, из состава рядового населения городка) – нет. При этом культурный слой погребений и памятника в целом был насыщен свинцовыми пулями и артиллерийскими ядрами. Скорее всего, смерть всех найденных здесь людей была связана с боевыми событиями. Единственным, известным по письменным источникам событием того периода в Сургутском уезде была военная операция московских властей по возврату денежной казны служилых людей томского гарнизона, ранее похищенной отрядом восставших остяков во главе с сыновьями сургутского князя Бардака (прил. 1.7). Поскольку «отписка» о завершении операции была направлена великому князю Московскому в январе 1620 года, то можно определить месяц боевых действий: декабрь

1619 года или не ранее конца ноября[2]. Кстати, последнее согласуется с данными, полученными антропологами в результате изучения дентиноскопии зубов погибших индивидуумов. Штурм крепости *Монкысь урий* с использованием огнестрельного оружия в зимний период описывают практически все фольклорные источники (см.: прил. 2.1–2.12). Таким образом, год и сезон прекращения функционирования городка, а также момент гибели части его жителей, на наш взгляд, определен достаточно точно: декабрь 1619 года.

В-четвертых, существует ряд косвенных данных, позволяющих определить годы строительства городка *Монкысь урий*. Прежде всего, это находки серебряных русских монет в составе ритуального комплекса (№ 10) – под южным углом здания крепости. Эти артефакты, как и все остальные, найденные на руинах городка, принадлежали единому монетному «собранию», сформированному в последнее десятилетие XVI века, но не ранее 1594 года, и составлявшему около 11–12 рублей[3]. В процессе анализа монет наиболее обоснованным, на наш взгляд, выглядит вывод о попадании такой суммы в качестве государева жалования за поход летом 1597 года на нарымского князя Воню и обосновавшегося у него царя Кучума (см.: Глава 2, раздел 2.4; Глава 3, раздел 3.2). Кроме нарымского похода дети князя Бардака, в том числе легендарный Тонема – Кинема «Бордаков», участвовали в других военных экспедициях сургутских служилых людей, в частности, на пуровских самоедов в 1602 году (прил. 1.3). Вполне вероятно, что Тонему и его собратьев могли принять на службу в качестве детей боярских и назначить им денежное жалование. Так, например, происходило в нижнеобском туземном «княжестве» Кода с представителями рода князей Алачевых. Таким образом, момент закладки оборонительно-жилого комплекса *Монкысь урия* может быть датирован не ранее 1598 года.

Что же могло подвигнуть жителей к строительству столь трудозатратой и защищенной крепости? Общинные вожди – остяцкие «князья» – участвуют в совместных с русскими военных походах, находятся на службе у сургутского воеводы под защитой гарнизона. Со стороны московской администрации угроза нападения на них явно отсутствует. Вероятнее всего, основная мотивация строительства мощного укрепления остяками – это боязнь последствий нарымского похода и нападения со стороны верхнеобских селькупов, потомков и подданных князя Вони и верных Кучуму татар. Более того, именно «Бордоков сын Тонем» летом 1596 года сообщил по собственной воле воеводе О. Т. Плещееву о намерениях князя Пегой Орды – Вони – напасть весной 1597 года на Сургут, чем и спровоцировал вышеупомянутый военный поход. Иными словами, у юганских остяков изначально был повод опасаться действий Пегой Орды в отношении жителей Большого Югана. Военные межэтнические конфликты в таежном Приобье в это время и гораздо раньше периодически случались. Нет только данных о тех, которые имели место непосредственно на Большом Югане. В более раннее время, до XVII века, при распространении своего господства на окрестные народы и племена отряды Сибирского ханства иногда совершали походы на территории предков современных ханты [Северная книга, 1993. С. 261–273]. Безусловно, по реке Большой Юган мог проходить прямой путь к центру Сургутского Приобья из столицы ханства – Искера. Определенную угрозу с севера также составляли тундровые и лесные самоеды, предки ненцев, нередко совершавшие грабительские набеги. В начале XVII века речной путь на Большой Юган контролировался со стороны Сургутского острога. По крайней мере, о передвижении значительного вражеского войска информация местным остякам могла поступить быстро. Тем более что летом все население Большого и Малого Югана выезжало на реку Обь для коллективного рыбного промысла. Зимой же населенные пункты юганских остяков оставались без защиты, как новые русские крепости и селения, начиная с 1594 года. Путь на Большой Юган – через малозаселенную Демьяно-Васюганскую болотную систему, со стороны Томско-Нарымского Приобья – был открыт. Ждать необходимой информации неоткуда и не от кого. Возможно, именно опасение возможных набегов самоедов и татар было основным мотивирующим фактором в строительстве остяцкой «крепости» *Монкысь урий*. Если наше предположение верно, то оборонительно-жилой комплекс был возведен в течение, приблизительно,

[2] Документ поврежден, и точная дата его составления не известна. По этой причине время штурма городка Монкысь урий мы можем определить только по ряду косвенных данных и на основании собственных расчетов. Например, прямое расстояние от городка до Сургутского острога составляет 90 км, а сухопутный путь по руслу реки Большой Юган немногим менее 200 км. Преодоление такого расстояния большим военным отрядом зимой – причем с оружием и пленными – могло занять приблизительно от 10 до 15–20 суток. Время на получение информации о самой операции от ее участников, а также из допросов пленных (по факту восстания остяков было явно назначено следствие), на обработку этих сведений и составление отчетного документа сургутских властей могло составлять от нескольких дней до нескольких недель. Сургутский воевода отправил явно не одну челобитную с оперативным известием. Доклад в Сибирский приказ Московского царства должен был включать не только само известие, но и другую информацию о мятеже и его последствиях. Таким образом, от штурма городка Монкысь урий до составления челобитной Московскому царю прошло около месяца, но вряд ли больше.

[3] Сумма, равная жалованию служилого человека – казака или стрельца – за 4 года.

двух лет, в период между 1598 и 1601 годами[4]. Вполне вероятно, что именно служба московскому царю повысила авторитет и социальный статус молодого «князя», позволила увеличить его семью и расширить количество соратников, явно из числа родственников. Таким образом, это потребовало дополнительных помещений и «замка» на родовой территории.

В свою очередь, время функционирования неукрепленного поселения, получившего название ***юрты Монкысь урий***, приходится на предшествующий период. Установить точное время его существования сложно. Обычно на археологических поселениях и даже в жилищах таежного Приобья остается крайне мало артефактов. Имеется только один, опять же косвенный фактор – это время возможного существования (функционирования в качестве жилого дома) таежного деревоземляного строения. По имеющимся в нашем распоряжении этнографическим и археологическим данным, а также собственным наблюдениям, такое строение могло существовать от 10 до нескольких десятков лет. При этом более 80 лет могли сохраняться постройки лишь из лиственницы. В связи с этим наиболее вероятным временем основания юрт Монкысь урий представляется середина XVII века или, в лучших условиях, конец XV.

Ремесла и бытовая культура жителей юрт и городка. Данная сторона жизнедеятельности обитателей *Монкысь урия* отражается прежде всего в артефактах. Их коллекция, собранная в результате раскопок, достаточно велика, а главное представлена большим количеством разных категорий предметов. Это позволяет воссоздавать данную часть культуры аборигенов края предельно аргументированно. Подводя итоги, мы становимся лишь на наиболее значимых группах предметов и вещах.

Артефакты, связанные с костюмом, точнее с элементами его декора, представляют собой довольно многочисленную группу находок – 779 экз. (ок. 22%), не считая порядка 3,5 тыс. бисерин из олова и стекла. Имеются редкие украшения из серебра, но основную массу составляют оловянные изделия. Все эти предметы по происхождению можно подразделить на две категории: импортные и местного производства.

Прямые аналогии украшениям из дальних производственных центров нам пока не известны. Тем не менее форма некоторых таких изделий, имитирующая плоды, и южный растительный декор создают впечатление близости к «восточным» мусульманским изобразительным традициям. Среди возможных центров их изготовления можно предположить крупные города Казанского и Сибирского ханства. Массово украшения из олова различных типов, особенно вышеописанных форм, появляются в обском регионе не ранее конца XVI века – в последний период освоения региона Московским государством (конец XVI – XVII век). При этом подчеркнем, что, несмотря на относительную близость от *Монкысь урия* торгово-производственных центров Сибирского ханства XV–XVI веков, активных торгово-меновых отношений между ними и жителями городка явно не прослеживается.

Местную продукцию представляют разнообразные подвески и нашивки, отлитые в односторонних формах. Они были предназначены для создания декоративных композиций на праздничной, «церемониальной» или культовой одежде. Появляются такие отливки, на наш взгляд, в сформировавшемся виде и предназначены для конкретных орнаментов. Большая часть украшений таких форм просуществовала в неизменном виде вплоть до конца XX века. Украшения костюма такого типа и орнаментальные композиции из них в таежной зоне Западной Сибири не имеют более ранних (до XII–XIII веков) местных прототипов, тем более точных аналогов. Прямых параллелей данному «остяцкому» принципу и форме декорирования одежды, бытовавшему у жителей городка *Монкысь урий*, нам также пока не известно. Мы полагаем, что такой декор сформировался на основе «европейской традиции» украшения костюма и был привнесен на территорию региона в готовом виде из Северо-Восточной Европы.

Атрибуция таких украшений – вопрос окончательно не решенный, дискуссионный и требующий специального анализа. В нашем случае наличие большого количества изделий, в том числе из драгоценных металлов, само по себе является важным фактом. Импортные украшения и местные отливки из импортного металла – показатель относительно высокого социального статуса. Причем, судя распространению их в культурном слое городка, они принадлежали практически всем семьям *Монкысь урия*. Косвенным подтверждением

[4] Не исключено, что это совпадение, но именно в эти годы собственную крепость возводит сын обдорского князя Василия – Мамрук, поступивший на русскую службу и получивший в 1601 году жалованную грамоту царя Бориса Годунова «государев ясак собирать» [*Кардаш, 2013б.* С. 287]. Можно предположить, что одновременное наделение равными полномочиями остяцких князей и их потомков было частью общей политики Московского царства того времени. Главной целью этой акции, по-видимому, является выделение из общей массы старого аборигенного общества новой служилой знати – для создания внутренних противоречий в местном обществе, а также выявления своей «шатости» или «верности» новому государству.

этому является отсутствие такого количества украшений в известных погребальных комплексах XVI–XVII веков, например, в могильниках Усть-Балык и Кинтусовском 4.3. Кстати, последний из них находится недалеко от синхронного городища Вош-рап и явно оставлен его жителями.

Несмотря на свой высокий социальный статус, население городка и его глава не были на полном содержании общины. Многие бытовые потребности жители удовлетворяли сами, в том числе за счет домашних ремесел. Среди узкоспециализированных занятий выделяется производство средств передвижения. На городище Частухинский урий (городок *Монкысь урий*) были найдены все категории инструментов, необходимые мужчинам для изготовления лыж, нарт и легких лодок. Подобные инструменты применяются ханты по сей день. При этом *Монкысь урий* является единственным известным археологическим памятником, на котором найден самый ранний комплект инструментов для изготовления лодки-обласа. Обладание секретом и навыками такого ремесла могло способствовать поднятию общественного статуса мастера и отчасти определять его лидерство в общине.

То же самое можно сказать и о кузнечном производстве. Простейшая обработка металлов («ковка на обухе топора у очага») из чисто домашних хозяйственных занятий выделяется в отдельное производство. На данном археологическом памятнике это выразилось в строительстве отдельной кузницы, что подтверждается фольклорными и археологическими источниками. Наиболее полный набор как деревообрабатывающих, так и кузнечных инструментов, был обнаружен только в одной постройке оборонительно-жилого комплекса – № 2.5 (6). Отдельные инструменты обнаружены и в других домах. В этой связи мы не исключаем, что многие мужчины или главы семей имели полный набор инструментов.

В целом же деревообрабатывающее и кузнечное производства жителей *Монкысь урия* и в целом аборигенов таежного Приобья даже в конце средневековья – начале нового времени не выходило далеко за рамки домашнего ремесла. Оно обеспечивало главным образом нужды своей большой семьи, а не соседей, и не было рассчитано на рынок, которого, кстати, тогда и не было.

По найденным в *Монкысь урии* наборам инструментов для выполнения поэтапной обработки кожи реконструируются некоторые женские ремесла. Подобные орудия и, соответственно, специфическая технология обработки кож, не были характерны ни для средневекового туземного населения других территорий Западной Сибири, ни для русских ремесленников, появлявшихся в регионе в конце XVI – начале XVII века. Такой специфический набор орудий мог сформироваться только у населения лесной полосы Северной Евразии, экономика которого была тесно связана с охотой на крупных копытных животных (лось, олень). Мы предполагаем, что исходной территорией формирования данного типа орудий и охарактеризованной выше технологии обработки кож является Европейский Северо-Восток – Западно-Уральский пенеплен и западные склоны Уральских гор. Отсюда они распространились на север Западной Сибири. Зафиксированный по материалам *Монкысь урия* уровень развития ремесел, связанных с обработкой кожи и шитьем одежды, можно охарактеризовать как достаточно высокий, сравнимый с современным традиционным женским ремеслом ханты реки Большой Юган.

Элементы религиозной культуры. Еще одним специфическим признаком *Монкысь урия* и его коллекции является наличие в его культурном слое специфических ритуальных предметов, а также обычных бытовых вещей, происходящих из поминальных мест и погребений, обнаруженных на руинах городка.

Несколько серебряных монет залегало в скоплении костей ниже уровня пола южного угла постройки № 2.3 (4) и, соответственно, южного угла всего оборонительно-жилого комплекса. Мы не исключаем, что монеты могли попасть в процессе разрушения угла сооружения во время пожара и последующего разрушения. Вместе с тем существует вероятность того, что эти русские «серебряные чешуйки» могли использоваться остяками *Монкысь урия* и в ритуальных целях. Логично предположить, что *данный комплекс костей мог быть жертвенным местом юрт Монкысь урий*. Вполне вероятно, что на этом месте могли совершить жертвоприношение пред строительством ОЖК и сопроводить его монетами. Тем более что ритуальная практика сопровождения жертвенных животных металлическими изделиями (украшениями) зафиксирована тут же на городке (яма № VII). Это обстоятельство, возможно, указывает на годы строительства оборонительно-жилого комплекса – начало XVII века – незадолго до его гибели. Это согласуется с фольклорными данными, в которых указывается, что Тонья построил город незадолго до прихода русских (прил. 2.9; 2.10).

Подавляющее большинство стрел городка *Монкысь урий*, воткнутых в грунт, но не зафиксированных в нем, были связанны с захоронениями и останками индивидуумов. Мы можем интерпретировать этот факт прежде

всего как свидетельство ритуалов, связанных с почитанием захоронений людей высокого социального статуса – военных вождей.

Эти факты свидетельствуют и специфических религиозных ритуалах остяков-ханты начала нового времени. Помимо этого, имеются археологические свидетельства, находящие близкие параллели с религиозными обрядами и воззрениями юганских ханты, зафиксированных этнографами в XIX веке.

Промыслово-хозяйственная деятельность населения юрт и городка Монкысь урий, впрочем, как и любого другого древнего поселка, изучаемого археологами, воссоздается на основании двух основных видов источников. Это – костные останки животных и артефакты. Кроме того, в ходе своего анализа мы имели возможность использования документальных и фольклорных источников. Правда, последние практически не содержат прямых сведений по интересующей нас теме. Дело в том, что производственная и хозяйственная сферы деятельности, с точки зрения как местного, так и пришлого населения, являлись обыденными явлениями, не заслуживающими специального описания. О них знали все – русские чиновники, военные и простой люд, остяки-рассказчики и их слушатели, самоеды-ненцы, сибирские татары и прочие жители Западной Сибири.

Охота. Одним из вещественных источников при анализе хозяйства являются наконечники стрел. Всего в коллекции их около 180. При этом большая их часть относится к универсальным – охотничье-боевым – типам, которые помимо военной функции были пригодны для охоты на крупных животных. Следует отметить большие размеры и массивность наконечников стрел из *Монкысь урия,* по сравнению с аналогичными артефактами из синхронных комплексов Крайнего Севера Сибири [ср.: *Кардаш, 2013а.* С. 148, 149. Рис. 3.16 – *1–18*; *2013б.* С. 177. Рис. 3.06 – *3–13*]. Наконечники стрел из *Монкысь урия* в среднем в полтора-два раза больше северных аналогов. Что же касается больших наконечников стрел из кости и рога, то их размеры и форма, обеспечивавшие их высокую «проникательную способность», вряд ли могли пробить железную броню воинского доспеха. Скорее всего, такие предметы аборигены производили целенаправленно только для охотничьего промысла. Причем стрелы с костяными наконечниками были рассчитаны прежде всего на поражение крупного копытного животного (лось, олень) и даже зверя (медведь). Лось – очень крупное и сильное животное. Его убийство требовало охотничьего оружия соответствующего качества. Его, на наш взгляд, могли обеспечить поражающие элементы, способные нанести большую рану и вызвать у животного значительные кровопотери. Мужчины городка *Монкысь урий* с этой целью использовали стрелы с массивными наконечниками, которые в среднем достигали длины 20–24 см. Данный факт мы интерпретируем как наличие индивидуальной охоты на крупных копытных.

Еще один вывод позволяют сделать стрелы с наконечниками, вырезанными из утилизированных медных котлов. Такие изделия являлись атрибутом ритуально-поминального комплекса, зафиксированного на руинах городка *Монкысь урий*. Наконечники из медного листа являлись копиями-моделями железных наконечников, предназначенных для самострелов. Напрашивается вывод о существовании у населения *Монкысь урия* промысла крупных копытных животных при помощи системы сторожевых луков, устанавливавшихся обычно напротив проходов в линиях охотничьих загородок. Во время экспедиционных работ мы сталкивались с последними образцами такого способа коллективной пассивной охоты, в частности в среднем течении реки Казым. Сейчас такой способ охоты применяется ханты только при добыче медведя, при этом самострел заменяет петля из стального троса.

Второй из указанных выше видов источников – костные останки – позволяет дополнить выводы, сделанные на основании анализа артефактов. Добыча животных у населения *Монкысь урия* имела две специализации:

– *пищевой промысел* крупных копытных, иных видов животных, рыб и птиц;

– *товарный промысел* «пушных» видов с целью получения товаров для меновой торговли.

Видовой состав пищевых животных ограничивался двумя основными представителями – это лось и северный олень. При этом морфология костей последнего не позволяет даже специалистам-зоологам отличить домашнюю форму этого животного от дикой. В этой связи процентное отношение костей северного оленя мы разделяем пополам, условно подразумевая, что не менее половины остеологических останков принадлежали той или иной форме. Судя по массе костных останков оленя, найденной в ритуальных комплексах, для которых использовали явно домашнюю форму, такое соотношение не выглядит совсем необоснованным. Итак, основными пищевыми видами жителям городка *Монкысь урий* служили крупные копытные – лось и северный олень. В общей массе собранных на памятнике костных останков животных и птиц, попавших в культурный слой, перечисленные виды составляют 87% (Прил. 4.2. Табл. 4.2.1). За вычетом доли костей домашнего северного оленя это составляло не менее 54%.

Интересен и показателен сравнительный анализ находок из *Монкысь урия* с аналогичными материалами городищ, расположенных в непосредственной близости от него. В частности, с городищем Стрелка, находящимся в 1 км к юго-западу на реке Нексап (рис. 1.24; 2.2.1). Этот памятник локализуется также изолированно, то есть в стороне от комплексов других археологических объектов. Стационарное изучение городища Стрелка было проведено в 2009–2011 годах [*Кардаш, А–2010*; *2010*; *Кардаш, Пономарёва, 2010*; *Пономарева, А–2012*]. В результате были исследованы объекты нескольких хронологических периодов, начиная с конца II тысячелетия до нашей эры и заканчивая XIII веком. Самый ранний комплекс отнесен к позднему бронзовому веку (атлымская культура, XII–VIII века до нашей эры). Несколько построек, разрушенных при строительстве средневековых сооружений, принадлежит белоярской культуре раннего железного века (VII–III века до нашей эры). Руинированные остатки средневекового оборонительно-жилого комплекса, которые визуально фиксируются на поверхности, относятся к вожпайской и кунтусовской археологическим культурам (VII–XIII века). Последний этап заселения наиболее важен для нашего исследования. Во-первых, потому что – это мысовое городище с системой обороны, основанной на использовании естественного эскарпированного склона коренной террасы, защищенной с напольной стороны тройной системой рвов и валов. Между тем ни его местоположение, ни практически готовая и довольно внушительная система укреплений не привлекли зодчих *Монкысь урия*. На наш взгляд, этот факт свидетельствует об отсутствии преемственности культуры жителей городка *Монкысь урий* и предшествующего населения Большого Югана эпохи средневековья. Второй важный факт: видовой состав костей животных, в частности, основных промысловых видов, обнаруженных при раскопках городища Стрелка. У жителей последнего укрепления основным промысловым видом был северный олень. Его кости в коллекции составляют не менее 61% от общего количества костных останков всех видов[5], в то время как костей лося не более 2% [*Пономарева, А–2012.* С. 110, 111. Прил. 10, 11]. Следует отметить, что при раскопках городища Стрелка не обнаружено ни одного артефакта, который бы свидетельствовал о наличии у его жителей транспортного оленеводства (например, детали упряжи). В связи с этим данные цифры демонстрируют наличие и соотношение только диких видов животных. У населения городка *Монкысь урий*, проживавшего практически на той же территории, северный олень в остеологических остатках составлял 55%, а лось – 21%[6] (прил. 4.2). Не менее половины костных останков северного оленя происходит из ритуальных (жертвенных) комплексов и представляет домашнюю форму этого животного. Следовательно, соотношение диких форм северного оленя и лося было приблизительно одинаковым. Вместе с тем не следует забывать, что даже таежный подвид северного оленя в среднем по весу в два-три раза меньше лося. Следовательно, последний вид с уверенностью можно определить как доминирующий пищевой и охотничье-промысловый, на добычу которого была сориентирована охота. Известно, что численность лося на той или иной территории очень динамична. При этом наблюдались длительные периоды полного отсутствия этих животных [*Визгалов и др.*, *2013*. С. 201–203. Рис. 25]. Тем не менее археологические находки на городище Стрелка, расположенном в таежной зоне, а также на городище Бухта Находка, находящемся далеко на севере, в ямальской тундре, показывают, что в XII–XIII веках лось обитал по всей территории Западной Сибири [*Пономарева*, *А–2012.* С. 111; прил. 11; *Кардаш*, *2011.* С. 43–44. Табл.1]. Поэтому правомерно предположить, что в средневековье, как минимум, до XIII века, в бассейне Большого Югана и на Ямале проживало население, ориентированное на промысел северного оленя. Позднее сюда переселились этнические группы охотников на лося. Причем они добывали зверя не только ради мяса, но проводили полную утилизацию туш убитого животного. Судя по найденному специфическому орудийному набору скребков, шкуры лося обрабатывали и шили из них одежду, чего ранее не наблюдалось у местного населения.

Кроме лося и северного оленя, жители *Монкысь урия* периодически охотились на некоторых мелких пушных животных (заяц беляк) и птиц, ловили рыбу.

Между тем доля костных останков этих видов составляла менее 1%. Вряд ли это объективное соотношение. В рамках анализа возраста органических образцов, в том числе костей животных и человека, для коррекции воздействия так называемого «резервуарного эффекта», костные образцы были проанализированы специалистами-физиками на содержание стабильных изотопов δC^{13} для определения особенностей диеты и коррекции радиоуглеродного возраста. В результате было установлено, что в рационе жителей городка *Монкысь урий* и

[5] Эта цифра не учитывает кости неопределимых млекопитающих. Большинство их составляют трубчатые кости крупных копытных – северного оленя или лося – достоверно не дифференцируемые по фрагментам. Реальная доля останков оленя может достигать 75%.

[6] Данные показатели не учитывают кости неопределимых млекопитающих. Их учет может изменить это соотношение, но незначительно.

местных собак значительную долю занимала пресноводная рыбная пища (прил. 4.5). Таким образом, становится понятно, что кости мелких видов животных, птиц и рыб утилизировались практически полностью, а их доля в собранных материалах так мала. В действительности, первоначально их реальное количество было гораздо больше. Впрочем, даже при этом вряд ли оно превышало долю костей крупных копытных, а биомасса мелких пушных животных, рыб и птиц была больше таковой у крупных копытных. Кроме мяса, при утилизации этих животных население получало много сырья, крайне необходимого для жизнеобеспечения, изготовления одежды и орудий труда: шкуры, сухожилия, кость и рог. Не менее важным продуктом был корм для собак, с помощью которых велся промысел дикой фауны и поселок охранялся от диких зверей. При этом одним из особо значимых и постоянных видов пищи для людей и собак почти во все времена в приобской тайге была именно рыба.

Особенности и характер *рыбного промысла* реконструируются по костям, чешуе и орудиям лова. Рыболовством занимались как в окрестностях городка, так и на самой Оби и ее протоках. Близ городка ловили обычную рыбу: щуку, язя, плотву, карася, окуня, ерша и немного сиговых – пыжьяна (прил. 4.4). Судя по небольшим размерам рыб, из которых только особи щуки могли достигать 51–54 см в длину, а остальные виды были не более 30 см (прил. 4.4; табл. 1–3), можно заключить, что лов рыбы велся при помощи ловушек («фитиль», возможно, «морда»), установленных в проемах специально сконструированного деревянного «запора». Найденные в значительном количестве железные крюки (наконечники багров), вероятно, использовали для добычи крупной рыбы, в первую очередь, щуки у речного «запора». Отсутствие заготовок каменных грузил и в целом малое количество камня в округе указывают на отсутствие у жителей *Монкысь урия* ставных сетей. Можно уверенно говорить лишь об использовании калыданной сети – для периодической ловли осетра и крупных сиговых (нельма, муксун). Вместе с тем это было возможно только летом и осенью и преимущественно на Оби и ее протоках. О значении данного способа мы подробно писали выше (раздел 2.3.2.1). Напомним лишь, что пока нет данных об использовании жителями русских селений и городов Севера Сибири XVI–XVIII веков калыданной сетевой снасти. Данный тип орудий лова, судя по археологическим данным, мог появиться в таежном Приобье в эпоху бронзы. Более-менее постоянно он стал здесь применяться не ранее XV–XVI веков, и это, на наш взгляд, было связано с приходом в Среднее и Нижнее Приобье нового населения. Для добычи осетровых и других крупных рыб в арсенале жителей городка имелись крюки для «*перемета*» – стационарной многокрючковой наживляемой снасти, которую могли использовать как на Большом Югане, так и в долине Оби.

Видовой состав животных *товарного промысла*, судя по костным останкам, включал бобра (3,3%), лисицу (0,3%), соболя (0,1%) и песца (0,1%). Это явно малое количество костей пушных животных в рамках общей численности видового состава, которая, безусловно, является весьма условной, но, тем не менее, базовой для анализа. Тем более что такое малое количество добытого «пушного товара» плохо соотносится с объемом импортных предметов (предметы роскоши, украшения, возможно, культовые изделия), найденных в *Монкысь урии*. Причем таких дорогих, как кольчужный доспех, медные котлы, серебряная чаша и детали декора «парадной» одежды. Формально это демонстрируют наличие у жителей городка слишком малого ресурса для меновой торговли. Несмотря на это, вряд ли объективно в сравнении с найденными артефактами. Тем не менее, на наш взгляд, охотниками *Монкысь урия* действительно добывалось столь малое количество пушного зверя, и вот почему. Во-первых, множество признаков указывает на высокий социальный статус жителей поселка, по крайней мере, его лидеров. Их общественное положение позволяло получать ценные шкурки пушных животных и импортные ценности совсем иным образом – в качестве «подношений» от простых общинников. Если учесть вероятность казенной службы у сургутского воеводы, то сбор пушнины мог быть вмененной им обязанностью. Соответственно, сбор ясака московскому царю и для собственных нужд мог происходить одновременно. Имеется в виду определенные злоупотребления, которые не исключают варианта добровольной передачи пушнины сборщикам государственного налога целенаправленно – для совершения торгово-меновых операций. Выполнение данной функции могло быть одной из миссий и прав, «делегированных» рядовым аборигенным населением края своему общинному вождю и его родственникам. В таком случае необходимость собственного пушного промысла у элиты жителей городка теряет особый смысл. Кроме того, некоторые из перечисленных дорогих вещей могли попасть к жителям городка в качестве военных трофеев, например, после Нарымского похода 1597 года (гл. 2.4).

Оленеводство и собаководство восстанавливаются по костным останкам и деталям оленьей упряжи. К сожалению, более того, что данные отрасли были составной частью хозяйства населения городка Монкысь урий, мы сказать не можем. Причина этого – отсутствие артефактов из дерева, которые не сохраняются в песчаном

грунте. Как выглядели нарты жителей *Монкысь урия* и к какому типу они относились, нам точно не известно. Между тем, судя по окружающей природной среде и близости форм деталей упряжи, обнаруженных при раскопках, и пластины для пристяжного оленя конца XIX века, можно заключить, что у населения *Монкысь урия*, вероятнее всего, существовал таежный вариант *косокопыльных* нарт, аналогичный тому, что был зафиксирован у ханты на реке Большой Юган в конце XIX века. Это так называемые «*собачьи нарты*», но с большим клиренсом, соответствующим высоте тела тяглового животного, в данном случае – оленя. В такую нарту запрягалось два оленя – передовой и пристяжной. В подобные нарты с меньшим клиренсом могли запрягать и собак. Судя по размерам животных, определенным по костным останкам, в городке были собаки трех размерных групп (прил. 4.2), в том числе довольно крупные особи, которые могли использоваться как тягловые. Разводили собак и средних размеров, рассчитанных преимущественно для охотничьего промысла. Мелкие особи – наподобие современной ненецкой оленегонной лайки («оленегонный шпиц») – могли применяться для охраны стад домашних оленей.

Судя по количеству и распространению в помещениях оборонительно-жилого комплекса деталей оленьей упряжи, практически у каждой семьи была своя упряжка, но вряд ли в каждом случае их было более одной. В итоге, общее количество упряжек в поселке могло быть от трех до пяти. Судя по этнографическим данным, для содержания стада оленей в 20–30 голов требуется одна упряжка. В условиях тайги одной семье было уже сложно справляться с численностью стада оленей более 70 голов. Большие стада (более 100–150 особей) здесь также известны, но они были большой редкостью [Салымский край…, 2000. С. 117–128]. Иными словами, мы считаем, что оленеводство удовлетворяло в первую очередь транспортные потребности населения *Монкысь урия*, а стадо домашних оленей не превышало сотни голов. Упряжное собаководство могло существовать и дополнять оленьи упряжки. В целом же транспортные упряжки использовались:

– для удовлетворения охотничье-промысловых нужд, в том числе для вывоза туш убитых на охоте лосей и оленей;

– для реализации годового хозяйственного цикла;

– для связи с местными населенными пунктами Бардакова княжества;

– для связи с новой администрацией, в первую очередь с возникшим относительно неподалеку от Большого Югана городом Сургутом, первым западносибирским центром администрации Московского государства.

Периодичность функционирования и годовой цикл использования городка можно определить по ряду данных. В первую очередь – по видовому составу животных, и косвенно – по найденным артефактам.

Периодичность проживания населения в урочище *Монкысь урий*, на наш взгляд, была неразрывно связана с хозяйственным циклом. Последний основывался на особенностях биоценоза данной местности. Поскольку основными промысловыми видами были лось и северный олень, то жителями городка явно учитывался цикл сезонных миграций этих видов животных. Местная популяция лося совершала сезонные миграции из верховий реки в низовья – дельту Большого Югана и к протокам Оби – на отел в пойменных лугах и зарослях ивы. Зимой эти животные возвращалась в таежные урманы, богатые осинником. Важным фактором была и возможность хранения продуктов, полученных в результате промысла. В теплое время года длительное сохранение мяса животных невозможно, в особенности лося и северного оленя, зимой – наоборот. Кроме того, после формирования постоянного снежного покрова охотникам было намного легче находить диких животных в тайге по их следам. Во всех отношениях зимняя охота на крупных копытных наиболее разумна и эффективна. Судя по отсутствию среди костных останков *Монкысь урия* перелетных птиц, которых могли добывать только летом, в это время часть населения мигрировала за пределы городка. В связи с этим основным сезоном функционирования поселения в урочище *Монкысь урий* мы считаем зиму. Тем не менее имеются другие данные, например, находки на городище чешуи рыб летнего периода формирования (прил. 4.4).

Основной период функционирования – зима – не исключает полного отсутствия людей в теплое время года. Во-первых, сами строительные работы могли осуществляться только летом. Во-вторых, в любом человеческом сообществе существовали индивидуумы (калеки, старики, беременные женщины, дети), которые не могли перемещаться на большие расстояния. В нашем случае – это не менее 200 км. В-третьих, помещения оборонительно-жилого комплекса после таяния снега, да и летних дождей явно требовали проветривания и сушки, а осенью – очередного ремонта. На осень приходится и основной этап формирования «зимних запасов», в ходе которого заготавливалось и консервировалось (сушилось, вялилось, коптилось) основное количество рыбы. Кроме того, оставление укрепления без минимальной охраны в любое время года было чревато его возможным

захватом врагами. В связи с перечисленными обстоятельствами несколько мужчин и женщин вместе с убогими и детьми должны были оставаться в городке на лето, обеспечивая свое пропитание оставшимися зимними запасами, но главным образом рыбной ловлей вблизи городка.

В целом же можно сказать, что охарактеризованный нами годовой хозяйственный цикл, состоявший из сезонных миграций населения среднего и верхнего течения Большого Югана к магистральной реке Оби – на промысел рыбы и перелетных птиц – близок зафиксированному этнографами в XIX – начале XX веков. При этом как для юганских ханты, так и для многих других локальных групп – обитателей больших притоков Оби. С середины XX века, в связи с притоком нового населения и освоения энергетических богатств Западной Сибири, произошла кардинальная смена традиционных устоев коренных жителей этого региона.

Вместе с тем нам представляется ошибочным сводить годовой цикл функционирования городка только к удовлетворению хозяйственных потребностей его населения. Дело в том, что крепость *Монкысь урий* не была рядовым поселком аборигенов края. В нем явно проживало элитное население всей общины. По этой причине для нас совершенно очевидно, что для отдельных представителей *Монкысь урия* существовал параллельный – «политэкономический» или «общественный» – цикл, связанный с жизнедеятельностью всей общины, населявшей Юганскую ясачную волость, то есть, как минимум, реки Большой и Малый Юган. В зимнее время сбор ясака для московского царя и отчасти для собственных нужд представителям «княжеского» рода Бардака удобнее всего было осуществлять максимально близко к районам промысла, объезжая зимние поселения по зимним путям. Кстати, большая часть войн и грабительских набегов – как самоедов, так и остяков, – проводилась зимой, с передвижением по заснеженной тундре и тайге, замерзшим болотам и рекам. Летом и осенью, когда большинство рассеянных в другие сезоны по тайге рядовых общинников-ханты собиралось поблизости друг от друга – на одной или нескольких «рыболовных песках» обских проток, вождю с общиной также было намного проще общаться с подчиненным населением и контролировать его. В том числе получать информацию о жителях селений, о соседях-противниках, обсуждать общие проблемы и организовывать коллективные сезонные религиозные ритуалы. К примеру, в ознаменование начала или завершения рыбного или лесного промыслов, отдавая дань своим божествам за возможную будущую или уже свершившуюся удачу. Очевидно, эти общественные функции сыграли свою определенную роль в той череде событий, которые отразились в судьбе и финале городка *Монкысь урий.* Попытаемся подвести итог и этой стороне жизнедеятельности населения и вождей городка.

Главная функция городка Монкысь урий и его судьба. Время основания и функционирования как юрт, так и укрепленного городка соответствует периоду освоения Западной Сибири Московским государством. Стоит подумать: не совпадает ли время существования исследованного нами населенного пункта с какими-либо конкретными событиями в истории Русского государства? Случайное это совпадение, или имеет место реальная прямая зависимость. По нашему мнению, скорее нет, чем да. Если эти процессы и были как-то связаны между собой, то только косвенно. Чтобы разобраться в этом, вспомним вкратце основные события эпохи географического открытия «Югории» – обширных лесных территорий, находившихся к востоку от Перми Великой, реки Печоры и пояса Уральских гор. Опустим древнюю историю и сразу обратимся к средневековому периоду, освещенному документальными источниками.

С XIII века бассейн Нижней и Средней Оби следует охарактеризовать как сопредельную территорию одного из северных государств – «улусов» Великой Монгольской империи. Причем территорию, вовлеченную в систему торгово-меновых отношений. В то же время эти земли являлись объектом освоения Великого Новгорода – расширения границ его «волости» Югры. Между тем было бы наивно рассуждать о конкретных и незыблемых границах в таежном Приобье. Ни у какой из сторон процесса торгово-экономического освоения севера Западной Сибири не было здесь ни одного административно-территориального центра, торгового форпоста, городка или крепости. По крайней мере, документальные или археологические сведения об этом отсутствуют. Поскольку процесс освоения Севера новгородцами начался парой столетий раньше, чем сибирскими татарами, то начнем с продвижения на восток древнерусского населения.

Первые достоверные сведения об освоении территорий как европейского, так и сибирского Севера связаны с деятельностью выходцев из Новгорода Великого. Летописные данные об этом явлении малочисленны и хорошо известны. Повторять их неуместно, но следует обозначить общую тенденцию и хронологию этого продвижения. Европейский Север новгородцы начали осваивать в XI веке. При этом местонахождение летописной Печоры у специалистов не вызывает больших сомнений, в то время как расположенная за ней Югра не была

четко локализована. В целом это была местность к востоку от Печоры, простиравшаяся вплоть до северной оконечности горного массива, ныне именуемого Уральскими горами, или Уральским поясом. Судя по летописным данным, к концу XI века один «отрок новгородский», посланный в 1096 году Гюрятой (Георгием) Роговичем – новгородским посадником времен правления новгородского князя Мстислава Владимировича, посетил со своими спутниками территорию Югры [ПСРЛ, 1846. Т. 1. С. 107]. Хотя на данном этапе продвижение ограничилось северным массивом Уральских гор, но появилась информация о том, что и за ним есть население, заинтересованное в торгово-обменных отношениях. По-видимому, спустя незначительное время после этого известия, как минимум, с 1114 года, торгово-промысловое движение новгородцев продолжилось дальше «за Югру и за Самоядь» [ПСРЛ, 1843. Т. 3. С. 5]. То есть с начала XII века можно констатировать начало изучения и торгового освоения новгородцами низовий Оби и побережья Обской губы. После этого термин «за Югру», вероятно, сливается собственно с понятием Югра, поскольку предшествующий более не упоминается. К концу XII века в летописях упоминаются в основном неудачные походы новгородцев за данью к аборигенам края (1187, 1193–1194 годы). Для нас они важны прежде всего как некий исторический маркер, отмечающий движение русских на Урал и в Западную Сибирь [ПСРЛ, 1843. Т. 3. С. 19, 21–22; 1841. Т. 4. С. 17]. Судя по всему, большинство походов «новгородских данников» были удачными. Причем это были не чисто военные, по сути грабительские, набеги по сбору дани. В противном случае у Новгорода Великого, известной торговой республики, не было бы такого стабильного интереса к этому восточному региону. Скорее всего, в летописи попадали лишь неординарные события. Сбор ясака с туземцев, как европейского, так и сибирского Севера, даже в XVI веке был большой проблемой, и власть Московского царства предпочитала мирное решение данной задачи [*Штаден, 1925*. С. 117–118]. В любом случае, судя по документальным источникам, продвижение на северо-восток закончилось успешно. К середине XIII века Печора и Югра уже числятся среди волостей Великого Новгорода и упоминаются в известных Договорных грамотах 1265, 1270 1305, 1307, 1327 годов Новгорода с Великими князьями Тверскими [Собрание государственных грамот…, 1813. С. 1–20]. *В целом этот период было бы логично охарактеризовать как освоение севера Западной Сибири населением Северо-Восточной Европы при ведущей роли Новгорода Великого*.

Сейчас о новгородском продвижении по европейскому и сибирскому Северу мы можем говорить не только на основе документальных (исторических), но и археологических источников, а также ставить задачи их дальнейшего изучения [*Кардаш, Усолкина, 2009*. С. 335–347; *Кардаш*, *2011*; *2014*. С. 122–131]. Проникновение на сибирский Север, в низовья Оби, носило не только характер военных, промысловых или торговых операций.

Первые миграции населения европейского Приуралья на восток, зафиксированные документально, относятся к концу XIV века. В Вычегодско-Вымской летописи содержатся сведения о переселении в 1384 году из района Прикамья сотника Пама – местного жреца *«с жены и детьми свои»*. Причиной послужил неудачный исход его спора с известным крестителем зырян Стефаном Пермским [Вычегодско-Вымская летопись. – Цит. по: *Жеребцов, 1989*. С. 25]. Возможно, переселение общинного жреца было единичным эпизодом. Тем не менее мы не знаем, сколько последовало за ним соплеменников, не принявших христианскую веру, и сколько переселилось впоследствии других людей, избегавших крещения. Лишь по косвенным данным можно судить о значении таких событий. Тем не менее спустя четыре с половиной столетия атлымские остяки Нижней Оби помнили о том, что их предки *«…в числе нескольких семейств пришли сюда из Перми с шаманом Памом-сотником»* [*Абрамов*, *1857*. С. 346]. В целом численность переселенцев из Приуралья в Приобье была достаточно велика для полноценной их жизнедеятельности, выживания общины и передачи через несколько сотен лет важной исторической информации. Еще один факт, значимый в контексте нашего исследования и вытекающий из процитированных источников: переселение зырян семьями, то есть семейными общинами. Это обстоятельство отличает освоение территории Обского Севера Сибири в последующий период (конец XVI – XVII века), когда новое русское население края составляли преимущественно мужские коллективы: служилые люди (казаки, стрельцы, «литва», служилые татары) и торгово-промысловые артели. Семейное переселение было в ту пору редким явлением, а браки переселенцы заключали в основном с местными женщинами после их крещения [*Щеглов*, *1993*. С. 63–64].

Уже сейчас мы вправе выделить ранние этапы освоения северных территорий Западной Сибири населением Северо-Восточной Европы.

Первый из них следует датировать XII – серединой XV века и назвать «новгородским этапом» освоения Нижней Оби. Безусловно, достаточного количества достоверных сведений о нем крайне мало, но общая тенденция движения населения и территория для нас понятна.

Второй этап – начиная с середины XV века – хорошо известен в истории Московского государства как «эпоха» активного продвижения русских на северо-восточные территории. Вернее сказать, военного закрепления на этих землях. В ходе этого процесса в 1465 году военный отряд под руководством устюжанина Василия Скрябы был послан Великим князем Иваном III «*Югорьскую землю воевати*» [Полное собрание …, 1982. С. 91]. Это происходило несмотря на то, что действие прежних, ранее упомянутых договорных грамот никем не отменялось. Последний раз «волость Югра» как территория новгородской юрисдикции упоминается в договорной грамоте 1471 года Великого Новгорода с Великим князем Московским Иваном III (Васильевичем) и сыном его Великим князем Иваном Ивановичем [Собрание государственных грамот…, 1813. С. 26–30]. Немного позже, в 1472 году, московские воеводы князь Федор Пестрый Стародубский и Гаврила Нелидов были направлены покорять Пермь Великую [Полное собрание …, 1965. С. 147]. Через несколько лет неоднократные разорительные набеги пелымских вогулов на колонизированные восточные провинции стали поводом для организации Москвой в 1483 году большой военной экспедиции *«на Асыку на вогульского князя, да в Югру на Объ великую реку»* под руководством воеводы Ивана Салтык Травина и князя Федора Курбского Черного [Полное собрание …, 1982. С. 95]. Кроме собственно московских служилых людей в походе участвовали и другие подданные Московского государства: вологжане, устюжане, вычегжане, вымичи, сысоличи и пермяки. Этот поход оказался наиболее результативным. После него в 1484 году, в Усть-Выме, между Москвой, восточными московскими провинциями и югорскими князьями был официально заключен и документально зафиксирован мир. После этого акта Великий князь Иван III дополнил свой титул наименованием «Великий князь Югорский». Можно сказать, что во взаимоотношениях Великих князей Московских с Великим Новгородом «волость Югра» окончательно переходит в юрисдикцию Московского царства, как минимум, номинально.

Действительно, несмотря на успехи второго Югорского похода 1483 года и мирный Усть-Вымский договор 1484 года, административно-политическая ситуация с Югорской провинцией, вероятно, не была стабильной. Это потребовало ее разрешения путем организации в 1499 году третьего Югорского похода войск Московского государства. Данной военной экспедицией, в состав которой входило более чем 4000 ополченцев, руководили князья Петр Ушатый и Семен Курбский (сын Федора Черного) [Полное собрание …, 1982. С. 98]. Важным итогом похода стало пленение и подтверждение покорности Москве многих вогульских и югорских вождей, а также прибавление к титулу Великого князя Ивана III нового звания «князь Обдорский и Кондинский».

По мнению некоторых историков XIX века, в частности Н. А. Абрамова и А. А. Дмитриева, именно во время похода 1499–1500 годов московские воеводы князья С. Ф. Курбский и П. Ф. Ушатый основали русские крепости на месте семи вогульских и югорских городков, одним из которых считался Обдорский [*Абрамов, 1857*. С. 362, *Дмитриев, 1991*. С. 21]. Правда, следует заметить, что эта точка зрения не признана современными исследователями за необоснованностью [*Шашков, 2000*. С. 97–98]. Действительно, археологического подтверждения основанию в это время русских форпостов в Западной Сибири не существует. Между тем и научного опровержения этому нет, поскольку широкомасштабных поисков остатков русских поселений данного периода археологами пока не проводилось.

В любом случае, это время можно назвать «московским этапом» освоения Нижней Оби населением Северо-Восточной Европы и определить серединой XV – концом XVII века. Безусловно, данный интервал по событиям неоднороден. Оснований для его разделения на отдельные хронологические отрезки мы коснемся в рамках задач нашего исследования городка *Монкысь урий*.

Серия военных походов на начальной стадии второго «московского этапа» маркирует «движение» русского населения из Восточной Европы на восток. О таком «движении», тем более выражавшемся в военных операциях, не могло не знать население примыкавших к Уралу областей западносибирской тайги. Такие явления, по сравнению с насыщенной событиями историей европейских государств, были не часты, но очень значимы для этих мест. Дело в том, что низкая плотность населения и большие пространства тайги в случае нападений иноземцев исключали быструю помощь со стороны соплеменников. Эти же набеги грозили тем, что любой конфликт мог привести к истреблению людей на обширных территориях севера Сибири. В этой связи нам не известно, какой общественный резонанс могли вызвать подобные военные походы у населения Нижней Оби. Тем более что переселение групп из Северо-Восточной Европы не прекращалось. Об этом свидетельствуют как упомянутый выше исход группы последователей «языческого» сотника Пама в Нижнее Приобье, так и ряд археологических данных. В частности, раскопки нижнеобских городищ Перегребное I (XII – середина XIII века) и Шеркалы I/2 (XI – середина XII веков) [*Морозов, Пархимович, 1985*. С. 89–99; *Пархимович, 1991*. С. 145–153].

Перейдем к геополитической ситуации, сложившейся к югу от Нижней Оби – в низовьях Иртыша и Среднем Прииртышье. В 1238 году в рамках Великой Монгольской империи в азиатской степи и западносибирской лесостепи обособляется государство Шейбана (Шибана) – внука Чингисхана. Ранняя история данного государства – до завоевания Шейбанидами Средней Азии – в письменных источниках отражена весьма слабо. Для нас же важно, что в конце XIV века в состав этого ханства входили Среднее Зауралье и южная часть Западной Сибири, формально – вплоть до Северной Сосьвы. В середине XV века один из Шейбанидов – Махмуд-хан ибн Хаджи Мухаммад – становится первым главой Шейбанидского Тюменского ханства, столица которого – Чимги-тура (Чимга-тура, Чимги Тура) – находилась в устье реки Туры, в границах современной Тюмени. Постепенно под влиянием нового – татарского – населения оказываются южнотаежные и даже среднетаежные области Западной Сибири. Об эпизодических походах воинов ханства в тайгу – вплоть до Нижнего Приобья – имеются записи в русских письменных источниках. Много упоминаний об этом содержится и в остяцких преданиях дорусского (домосковского) периода, то есть до конца XVI века [*Нестеров, 1993.* С. 235–236].

В целом же вторая половина средневековья (XIII–XVI века) была насыщена военными событиями, связанными с подчинением территорий, населенных коренными народами южной и средней западносибирской тайги.

В это неспокойное время, в XV–XVI веках, движение русского населения в Сибирь спровоцировало миграцию на восток – вверх по Оби – части прикамского (зырянского) населения, обосновавшегося ранее на Нижней Оби и вступившего в некий симбиоз с коренным населением тайги. Не исключено, что с этими тревожными событиями и переселениями с запада было связано и неуверенное положение князя Бардака, окруженного врагами практически со всех сторон: татарами – с юга, ненцами – с севера, селькупами – с востока. Противоречия с последними могли возникнуть и потому, что Сургутское «княжество» Бардака, по-видимому, возникло отчасти на их территориях, с которых они были вытеснены далеко не мирным путем. Сложные отношения у Бардака складывались и с новыми хозяевами Сибири – русскими, продвигавшимися в таежное Приобье из Приуралья и европейского Северо-Востока. Судя по документам, Бардак и его сыновья чувствовали себя в своем «княжестве» не так уверено, как, например, князь Пегой Орды Воня, временно приютивший Кучума, помышлявший о нападении и грабеже русского Сургута. Пока это предположения, которые требуют дальнейшего более глубокого осмысления, анализа источников и верификации, но гипотеза выглядит относительно оправданной.

Дело в том, что Сибирское ханство, именовавшееся до 1420-х годов Тюменским, как мы уже отмечали, обособляется и начинает приобретать геополитические контуры на рубеже XIV–XV веков, после разгрома столицы Великой Монгольской империи (Золотой Орды) Тамерланом в конце XIV века. В 1396 г. в Сибирь бежит ордынский хан Тохтамыш и использует резиденцию правящего рода Тайбугидов как альтернативную. В этой связи обостряется борьба за власть в ханстве между Тайбугидами и Шейбанидами. Последние – это среднеазиатская династия, в подчинение которой, как минимум номинально, в то время входила практически вся Южная Сибирь. Ее основные владения находились в Средней Азии, к ним примыкали земли в верховьях Иртыша, Тобола и Ишима – то есть непосредственно территория Сибирского (Тюменского) ханства. Шейбаниды неоднократно пытались проникнуть на север Западной Сибири, вниз по течению Иртыша и Тобола, и закрепить за собой новые территории, богатые «пушными ресурсами», и это им удалось.

Несколько раз за более чем 200-летнюю историю Сибирского ханства власть в нем переходила от представителей одной династии к другой, что влекло за собой значительные изменения во внешней и внутренней политике. В 1495 году, после убийства Шейбанида Абака татарским князем Мухаммадом власть переходит к роду Тайбугидов. Их государство со столицей в городе Искер (Сибер, Сибир, Сибирь), на правом берегу Иртыша, близ устья Тобола, существовало с 1495 до 1563 года и может считаться независимым Тайбугидским Сибирским ханством [*Нестеров, 1993.* С. 235–236]. В январе 1555 года хан Едигер направил в Москву послов поздравить Ивана IV с приобретением Казанского и Астраханского ханств. Воспользовавшись моментом, он обратился с просьбой к Ивану Грозному взять Сибирское ханство «под свою руку» [*Похлебкин, 2000.* С. 149–151]. К этому времени в подконтрольную ему территорию входил весь бассейн Иртыша. В целом же его владения – без «территорий притязаний» – можно обозначить следующим образом. Западные границы государства Тайбугидов проходили по восточным склонам Уральского хребта, где ханство граничило с русскими Пермскими землями. На Западном Урале, в низовьях реки Камы, оно соприкасалось с Казанским ханством. На Южном Урале – с Ногайской Ордой. Южная граница Сибирского ханства проходила по верховьям Иртыша и его притоку – реке Оми, включая на юго-востоке Барабинскую степь. Восточную границу Тайбугидского Сибирского ханства обозначить сложно. Это было только направление продвижения татар на территории, контролировавшиеся весьма аморфным военно-политическим объединением селькупов и кетов, так называемой Пегой Ордой. Центр последней находился в средней и северной тайге – в бассейнах Нарыма и Томи, но общие границы этого объединения были неясными и размытыми. В свою очередь, северная граница Сибирского ханства, как и восточная, также была неконкретна, и вряд ли она проходила севернее бассейна реки Конды, устья Иртыша и среднего течения реки Оби [*Там же.* С. 150–153].

В 1563 году власть в Сибирском ханстве вновь перешла к Шейбанидам, поставившим здесь своего ставленника – татарского хана Кучума. Спустя десять лет он разорвал вассальные отношения с Московским царством. Впоследствии, начиная с 1573 года, Кучум-хан совершил ряд нападений на владения русских купцов и промышленников Строгановых в Пермских землях. Последний набег (июль 1581 года) спровоцировал масштабную военную экспедицию под предводительством Ермака для завоевания Сибирского ханства. 1 сентября 1581 года отряд казаков численностью 840 человек отправился через Средний Урал по Чусовой, далее – по Тагилу и притокам Тобола на Иртыш – для осады и штурма столицы ханства, города Сибирь (Искер). В октябре 1582 года город был взят, но на этом боевые действия с ополчением Кучума не прекратились. В августе 1584 года Ермак, вышедший с небольшим отрядом против татар, попал в засаду и погиб. Тем не менее уже в следующее лето – 1585 года – из Москвы на Иртыш был послан воевода Иван Мансуров с отрядом стрельцов и казаков. Именно он поставил на Оби, напротив устья Иртыша, русский укрепленный городок – первый административный центр Московского царства. Это знаменовало начало нового периода: фактического административно-территориального закрепления власти русского государства в Нижнем и Среднем Приобье, продвижения далее на восток русских первопроходцев, а также череды новых географических открытий на обширных пространствах Северной Азии.

Тем не менее в начальный период строительства московских уездных городов и острогов, вплоть до конца первой трети XVII века, военно-политическая ситуация продолжала оставаться относительно напряженной. Только после поражения Кучума от отряда Ермака, смерти Кучума и Абдаллаха II, верховного хана Шейбанидов (1598 год), а также гибели самой Шейбанидской державы (1599 год), Шейбаниды перестали претендовать на свои северные владения. Хотя туда и совершали набеги, вплоть до 1630-х годов, потомки Кучума (в том числе его внук – Девлет Гирей) [*Нестеров, 1993.* С. 235–236].

В этих условиях интересующие нас приобские реки Большой и Малый Юган стали пограничной или, скорее всего, нейтральной территорией между восточными областями Сибирского ханства и западными Пегой Орды. Главный административный центр Орды находился в городке на реке Нарым, расположенном в районе границы средней и южной тайги. Именно туда, к нарымскому князю Воне, значительно позднее – после разгрома в 1591 года воеводой Владимиром Масальским-Кольцовым – бежал с остатками своего войска хан Кучум. В целом же левобережье Сургутского Приобья было территорией, слабо контролируемой как Сибирским ханством, так и Пегой Ордой.

Какие же события начала или середины XVI века могли спровоцировать переселение жителей Нижней Оби в более восточные районы? В 1500 году закончился московский поход, и для Западно-Сибирского региона начался очередной этап подчинения Московскому государству. Продолжилось продвижение русских на северо-восток – в низовья Иртыша и Оби, а также Среднее Приобье, – и освоение новым населением северо-восточных провинций Сибирского ханства. Кроме того, в середине XVI века, после принятия подданства Московского царства, значительно усилился сбор дани с аборигенов Западной Сибири, причем как в пользу Москвы, так и хана Едигера.

Несмотря на переход населения Нижней Оби под руку Московского царя, оно вступало с его государством в даннические отношения. Между тем мы не имеем фактов в пользу того, что это обстоятельство вызывало какое-либо серьезное противодействие. Скорее потому, что дальнейший сбыт «мягкой рухляди» шел на запад через торговые площадки Московии. Отсутствие радикальных противоречий между жителями тайги и московитами отчасти подтверждает то, что в середине XVI века власти Московского царства предпочитали мирное решение данной задачи. В то же время вполне вероятно, что официальные представители Сибирского ханства могли «отличиться» в нижнеобских городках и поселениях более жестокими методами сбора дани, что и отложилось в памяти местного населения.

Так или иначе, но данные тенденции могли повлиять на решение о переселении некоторых семей из Нижнего Приобья на восток – в бассейны Югана и других рек Сургутского Приобья (Салым, Пим, Тром-Аган, Аган и другие). В последних районах нападения, грабежи и даннические зависимость от сибирских татар были менее

вероятны. Вполне возможно, что нелюбовь детей Бардака к Кучуму (см.: Гл. 2.4) является косвенным подтверждением того, что причиной данного переселения, а возможно, и последующих конфликтов было усиление влияния Сибирского ханства на остяков Среднего Приобья, в том числе – на подданных Бардакова «княжества».

В любом случае, именно в данный период возникает населенный пункт, впоследствии получивший название городок *Монкысь урий*, который существовал в конце XVI – начале XVII века. Он был захвачен и разрушен в конце осени – начале зимы 1619/1620 годов. Причиной военной операции, организованной властями Сургутского уезда, стала серия военно-грабительских («воровских» – в лексике того времени) операций туземного населения. Возглавили ее потомки князя Бардака – сыновья Тонема (или Кинема) и Суета. Именно с именем Тоньи (Тонемы, Таньи) фольклорная традиция юганских ханты связывает боевые действия в городке *Монкысь урий*.

Первая боевая операция под руководством Тоньи (Кинемы) состоялась в конце лета – начале осени 1616 года, когда отряд численностью 30 человек напал на остяков того же уезда, входивших ранее в число подданных его отца – князя Бардака. В том же году отряд Тоньи напал на русских «торговых и промышленных людей», следовавших на судах вверх по Оби, в результате чего были убиты 9 человек. После этого нападения был совершен налет на сургутских «служивых людей», которых избили и ограбили. Для пресечения «воровских» действий аборигенов русской администрацией города Сургута был направлен отряд казаков и верных московским властям остяков численностью 50 человек. В результате операции мятежники не были пойманы.

Чашу терпения не только местных властей, но и московских, переполнило очередное разбойное нападение остяков. Дело в том, что летом 1618 года, так же в среднем течении Оби, на территории Сургутского уезда, Тонема (Кинема) Бардаков напал на небольшой отряд томских казаков, следовавших с денежным довольствием для гарнизона в Томск. Казаки были убиты и захвачено 400 рублей серебряной монетой. Нападение на служилых людей было дерзким актом – явно демонстративным. В хантыйском эпосе нападение на русских людей трактуется как месть за «поруганных» жен. В действительности же семьи мятежников были взяты в заложники лишь осенью 1619 года, после захвата государственной казны, в процессе поисков мятежников сургутскими казаками. В начале зимы была организована более масштабная карательная операция по поимке Тоньи и его соратников. В результате, судя по официальным документам, казну вернули, о чем было доложено в Москву в январе 1620 года: «*Тех наших изменников Суету с товарыщи побили и Кинемина сына болшово и жену в полон взяли, и нашу денежную казну 400 рублев, которую погром [или у том] ских служилых людей во 12 [6 – 1618?] году, сыскали и привезли в Сургут*» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 247–250].

Детали событий, связанных с осадой и штурмом городка, известны по сказаниям и былинам юганских ханты. Таких источников на сегодняшний день в разных вариантах собрано более десятка. Опираясь на них, с учетом находок археологических артефактов, можем восстановить следующую картину событий. Городок был осажден, обстреливался из артиллерийских орудий и ручных «пищалей». В результате штурма укрепление было взято, а часть его защитников и жителей погибла.

После осады, штурма и сожжения городка на его руинах появились захоронения местных жителей (кладбище), а вскоре – следы поминального культа. Некрополь и остатки заупокойных тризн можно рассматривать как единый ритуальный комплекс начала XVII века. Он включал несколько коллективных захоронений, а также отдельные незахороненные останки и элементы поминальной обрядности, связанные с почитанием умерших. На наш взгляд, похороны наиболее выдающихся и социально значимых защитников хантыйской «крепости» были проведены практически сразу же после штурма и сожжения городка. В то же время не все убитые при осаде и штурме люди были погребены как должно. Часть из них была просто завалена во время штурма городка конструкциями разрушенного оборонительно-жилого комплекса, причем не позднее 1620 года. По-видимому, извлечь в очень сжатые сроки некоторых рядовых общинников из-под завалов сожженного карателями городка не удалось, да и не было надобности. Поминальные обряды по захороненным жителям городка, а также погибшим во время осады и заваленным его сгоревшими конструкциями, были совершены некоторое время спустя, но не позднее середины XVII века. Никаких свидетельств более поздних обрядовых действий, проводившихся на руинах городка, не выявлено. Кроме того, не известно, сколько погибло нападавших, а также где и как они могли быть захоронены.

Таким образом, сформировался археологический памятник – городок *Монкысь урий – поселенческий комплекс,* функционировавший *поэтапно* с конца XV до начала XVII века (до зимы 1619/1620 годов), а также *ритуальный комплекс*, включавший коллективные погребения и поминальные приношения, датируемый с 1619/1620 годов до середины XVII века.

Культурная принадлежность жителей городка. Внезапно и неизвестно откуда могут появиться только «инопланетяне». Реальные люди, их вещи, технологические и материальные новации должны иметь местную – автохтонную – или привнесенную с других территорий основу. Что же касается происхождения населения городка *Монкысь урий*, то мы уже приводили достаточно различных фактов, связанных с этой проблемой. Сейчас же попытаемся их осмыслить.

В сфере мужских ремесел и строительных традиций такой преемственности с культурой аборигенов Среднего Приобья и населения более восточных таежных территорий мы не наблюдаем. В то же время наибольшее сходство у городка *Монкысь урий* наблюдается с позднесредневековыми городищами Нижнего Приобья, оставленными выходцами с западных склонов Уральских гор. Безусловно, нижнеобские укрепления более значительны по размерам и разнообразны по фортификации. Тем не менее такие элементы, как наличие эскарпированного склона по периметру останца, а также отсутствие рвов на некоторых из них можно рассматривать как ближайшие аналоги фортификаций *Монкысь урия*. Среди таких нижнеобских укреплений можно назвать Карымкарский городок (*Каринг вош – Стерляжий городок*). Данное городище XII–XVII веков расположено на правобережье Оби, близ современного поселка Малый Атлым, на останце коренной террасы между магистральным руслом Оби и озером Карымкарский сор [*Зыков, А–2000*; *Пархимович, А–2011*. С. 27–32. Рис. 24–42]. Кстати, городок находится в местности, жители которой – атлымские остяки – еще в XIX веке считали себя потомками западноуральских переселенцев – последователей вышеупомянутого языческого зырянского жреца Пама.

Вместе с тем такие элементы можно назвать характерными и для татарских городков Сибирского ханства. Так, у сибирских татар существовала традиция размещать свои укрепления на изолированных песчаных буграх – «*дорах*» – в речных долинах: городки Кызыл-Тура (Усть-Ишим), Касим-Тура, Явлу-Тура, Тон-Тур и другие [*Похлебкин, 2000.* С. 153]. В то же время зафиксированная в русских документах нелюбовь элиты Бардакова княжества, и в частности Тоньи к хану Кучуму, а также участие «сургутских остяков» в Нарымском походе 1597 года (Гл. 2.4; прил. 1.1), не позволяет связать население *Монкысь урия* с выходцами из Сибирского ханства. Безусловно, приведенные сведения не исключают полиэтничности жителей городка при ведущей роли обских угров и даже наличия некоего татарского компонента.

Возможность опосредованного или непрямого – визуального – заимствования технологий оборонного зодчества у других народов жителями *Монкысь урия* мы не рассматриваем, поскольку, по нашим представлениям, практически любые заимствования в традиционной культуре обских угров приживались столетиями. В качестве примера можно привести хронологию вхождения в быт остяков ручной дрели. Впервые сверла для ручных дрелей, судя по материалам раскопок хорошо стратифицированных и датированных памятников, появляются на севере Западной Сибири в X–XII веках. В XIV–XV веках они распространяются значительно шире [*Зыков, А–2008.* С. 43-44]. В раскопанных нами «остяцких» городках с мерзлыми культурными слоями XIII–XVIII веков деревянных деталей ручных дрелей не найдено. Вместе с тем здесь были обнаружены образцы монтажа сверл в деревянные рукояти ножей или древков стрел. Кроме того, сверла и многочисленные детали лучковых ручных дрелей зафиксированы в культурных горизонтах XVII–XVIII веков русских городов Сибири, таких как Мангазея и Старотуруханск (Новая Мангазея), жители которых имели тесные контакты с аборигенным населением. Иными словами, сами инструменты – иноземные изделия – существовали и использовались в регионе в то время. Тем не менее в обиходе коренных жителей Нижнего и Среднего Приобья ручные дрели собственного производства достоверно появились только в XIX веке. То есть через 600 лет после их первого появления здесь и в течение последних двухсот лет широкого употребления иноэтничным населением. Таким образом, обским уграм потребовалось не несколько лет для внедрения технологических инноваций и инструментов в собственное производство, а очень длительное время. Примерно так же выглядел процесс заимствования аборигенами срубной технологии домостроения, принесенной в регион русским и татарским населением.

Учитывая все это, на наш взгляд, наиболее высока вероятность миграции населения, создавшего городок Монкысь урий, из западных таежных областей Западной Сибири, в частности из Нижнего Приобья. То есть из района, где в течение нескольких столетий формировалось, проживало и адаптировалось к местным условиям население, мигрировавшее с европейского Северо-Востока. Несмотря на переселение отсюда иноэтничных (финноязычных или финно-угорских) семейных коллективов, адаптация и формирование нижнеобской субкультуры XI–XVII веков не могли происходить без участия местного автохтонного (угорского) компонента, который, вероятнее всего, могли представлять преимущественно женщины.

В силу отсутствия письменности некоторые исторические процессы у населения таежного Приобья были отражены в фольклорных источниках, в частности известном остяцком «богатырском эпосе», записанном С. К. Патканowым [*1891а*; *1891б*; *1999*; *2003*]. Начало формирования этой былинной поэзии исследователи, в том числе и мы, связывают с периодом XIII–XIV веков [*Зыков, Кокшаров, 2001*; *Визгалов, Кардаш, 2010*]. Сюжеты этих и других сказаний – помимо различных военных событий и бытовых деталей – повествуют и о миграционных процессах. При этом если «обско-иртышские» эпические сказания довольно содержательные, конкретные и «монументальные», то салымские предания более краткие и простые, отражающие только общие тенденции. В последних, в частности, говорится о конфликтах с конкретными народами, то есть легко идентифицируемыми этнически и территориально. Например, *ерн-ях* – это самоеды, идентифицируемые с предками современных ненцев, которые в зимний период продвигались довольно далеко на юг, в зону северной тайги, или *катан-ях* – татарское население Сибирского ханства [*Визгалов, Кардаш, 2010*].

В качестве еще одного серьезного военного противника жителей Большого и Малого Салыма в легендах упоминается народ *курын ях* или *хурун-ёх*. При этом указывается, что эти люди являются выходцами с северо-запада, из Нижнего Приобья. Точнее, из районов современных поселков Березово и Октябрьское, то есть с территории позднесредневекового Кодского княжества [*Визгалов, Кардаш, 2010*. С. 64–67]. Примечательно, что в «салымском эпосе» период военных конфликтов с этим населением получил название «*курн нопыт*» – «*век (людей) курын*». Иными словами: «век противоборства с *курын ях*», то есть целая эпоха боевых действий с иноземцами. По этнографическим данным, *курын ях* или *хурун-ёх* – это название именно жителей Коды, кодских остяков [*Мартынова, 1998*. С. 101, 102].

Таким образом, фольклорные, археологические и некоторые документальные источники позволяют определить данное население как жителей городков и селений Нижней Оби. В свою очередь, эти полиэтнические образования сформировались в XI–XIV веках на основе семейных групп, переселившихся из таежных областей Северо-Восточной Европы и вступивших в тесные контакты с местным населением края. В XV или с рубежа XV–XVI веков новый этнос начал активно продвигаться на восток и север: в Среднее Приобье, в том числе на Большой Юган, а также в низовья Оби и далее – на реки Надым и Таз. Миграция *курын ях* в южном направлении – на Иртыш – была исключена, поскольку Сибирское ханство было их главным конкурентом и противником. Первопоселенцы – основатели городка *Монкысь урий* – были этими выходцами с Нижней Оби, не имевшими генетических связей с аборигенным населением Большого Югана.

Иной точки зрения придерживаются антропологи, изучавшие останки жителей городка. Помимо чисто биологических заключений они сделали ряд историко-культурных выводов.

Антропология жителей городка. Специалистами-антропологами были проанализированы 52 остеологических объекта: целых или расколотых на фрагменты костей человека. Из всех костных останков для краниологического анализа оказались пригодны только семь черепов, из которых наиболее полными характеристиками обладали два черепа – мужской и женский. Черепа остальных индивидуумов в связи с их фрагментарностью представлены отдельными измерениями (прил. 4.1).

По основным характеристикам и пропорциям, с учетом половых различий, мужские и женские черепа очень близки друг другу. Судя по ряду морфологических особенностей, группа занимает промежуточное положение между европеоидными и монголоидными вариантами. В частности, по особенностям строения мозговой капсулы индивиды *Монкысь урия* тяготеют к европеоидным выборкам, а по уплощенности лицевого скелета – к классическим монголоидным. В целом условная доля монголоидного элемента составляет 60,7%. Вместе с тем антропологи отмечают, что особенности профилировки переносья и лба людей из *Монкысь урия* позволяют рассматривать исследуемую группу довольно близко к «чистым» европеоидам. В то время как уплощенное лицо и малый угол выступания носа определяют ее «чистые» монголоидные признаки. Такое сочетание низкого лица, черепа с субдолихокранной коробкой и хорошо профилированным переносьем, а также малым углом выступания носа, считается характерным признаком западносибирских низколицых монголоидов [*Дремов, Багашев, 1998*]. Это основные морфологические выводы, которые не вызывают сомнения.

Для выяснения генетических связей жителей *Монкысь урия* антропологи сопоставили исследованную ими группу черепов с данными, полученными по результатам анализа краниологических материалов из раскопок нескольких погребальных комплексов Среднего Приобья VI–XX веков (? – *О. К., Г. В.*): это серии из неких неназванных Сайгатинских могильников, а также из некрополей Барсовского I, IV и Усть-Балык[7]. В итоге отмечено, что серия черепов городка *Монкысь урий* имеет ряд отличий «средневековых среднетаежных выборок» (каких – не ясно. – *О. К., Г. В.*), но в целом не выходит за пределы изменчивости представленных групп. Кроме того, по мнению аналитиков, она наиболее близка группе черепов из Сайгатинских могильников X–XV веков (? – *О. К., Г. В.*), а также отдельным признакам черепов VIII–XV веков с неких памятников Барсовой Горы.

Данные и следующие выводы вызывают много вопросов. Средневековые погребальные комплексы урочища Сайгатино, Барсова Гора и могильника Усть-Балык нам хорошо известны по публикациям и отчасти – по собственным исследованиям. В этой связи не совсем понятно, о каких конкретно Сайгатинских могильниках идет речь у антропологов? Всего в урочище Сайгатино выявлено шесть средневековых погребальных памятников, датирующихся в интервале от VI до XVII веков: могильники Сайгатинский I–VI. При этом каждый из них имеет свою специфику: определенную хронологию и периодизацию локальных групп погребений, а главное – особенности погребального обряда и инвентаря. В этих условиях понять, о какой конкретной группе сайгатинских захоронений у антропологов идет речь, невозможно. Также обстоит дело и с другими памятниками. Исходя из этого, становится очевидно, что авторы данного анализа весьма своеобразно владеют анализируемым материалом, что делает их выводы сомнительными (см.: гл. 3.1).

Для выявления расогенетических связей параметры группы черепов *Монкысь урия* были сопоставлены антропологами с данными, полученными по сериям средневековых черепов европеоидного облика и смешанного типа из Приуралья, по монголоидно-европеоидным выборкам Казахстана, Западной и Южной Сибири, а также по западносибирским монголоидам (прил. 4.1. Табл. 5. График 1). Всего в сравнительном анализе были использованы материалы 31 погребального комплекса, датирующиеся разными хронологическими отрезками в пределах от III до XVII века. Особый интерес авторов антропологического анализа к данным по приуральским средневековым выборкам был вызван наличием в морфологическом облике населения *Монкысь урия* европеоидных признаков. Хотя доля европеоидного элемента у них составляла всего 39,3%.

Выделение «территориально-краниологических» групп и представление их признаков в виде графика крайне интересно и наглядно. Все анализируемые группы разделились по степени выраженности монголоидных или европеоидных особенностей в строении черепов. На графике 1, построенном по результатам канонического анализа, антропологические серии четко локализовались географически. Выделяются четыре области концентрации выборок: среднетаежный ареал Западной Сибири (Сургутский ареал); южно-таежный ареал Западной Сибири; степной и лесостепной ареалы Западной и Южной Сибири; среднетаежный ареал «Западного» Приуралья. На основании этого анализа сделан вывод о том, что группа черепов из *Монкысь урия* имеет обособленное положение, но близ ареала изменчивости, характерного для восточных ханты. Также было установлено, что краниологическая серия *Монкысь урия* не выходит за пределы изменчивости северной группы западносибирских монголоидов. В итоге сделано два главных вывода. Первый: индивиды, захороненные в городке *Монкысь урий*, генетически тесно связаны с населением предшествующего периода из Среднего (Сургутского) Приобья. Второй: по имеющимся материалам нет оснований говорить о миграциях населения в эпоху средневековья из Приуралья в Западную Сибирь или наоборот. Как резюме: «По полученным данным расогенез на этой территории от раннего средневековья до современности протекал плавно, без потрясений и миграций крупных групп с иным антропологическим обликом» (прил. 4.1).

Именно эти выводы, основанные на анализе антропологических данных, вызвали у нас недоумение и, как следствие, ряд вопросов. В связи с этим мы обратили особое внимание на доказательную базу этих заявлений.

Судя по представленным графикам, краниологическая группа *Монкысь урия*, так же или даже больше удалена от группы выборок неких Сургутских могильников VI–XVII веков, как последние – от выборок Западного Приуралья III–IX веков. На этом же графике хорошо видно, что индивиды из могильников VIII–XV веков Барсовский I и IV по краниологическим признакам не менее близки представителям ломоватовской культуры IV–VIII века Прикамья, а также к населению Среднего Югана. Кстати, данная ситуация антропологами так и не была прокомментирована. В целом же обособленность группы *Монкысь урия*, по мнению биологов, объясняется несколькими причинами: «большим размахом изменчивости» внутри популяции «низколицых западносибирских монголоидов», «антропологическим своеобразием» этой группы, но в числе основных – «малочисленностью наблюдений», в смысле – небольшим числом образцов для антропологического анализа.

[7] Расстояние между комплексами Сайгатинских и Барсовских могильников составляет около 25–30 км, между ними и могильником Усть-Балык – 30–40 км, от последнего памятника до городка Монкысь урий – 95 км.

Можно ли принять такое обоснование и считать его таковым вообще? Во-первых, о выводах относительно близости к северной группе западносибирских монголоидов – восточным ханты. Данное заключение не вызывает сомнения. Группа восточных ханты выделена этнологами, а краниальные антропологические признаки установлены ими по материалам могильников XVIII – середины XX веков [*Мартынова, 1998; Рындина, Боброва, Ожередов, 2008*]. То, что потомки имеют значительное сходство со своими предками, вполне логично. Это верифицирует данные археологии и этнографии, а также позволяет обосновать ретроспекцию культуры аборигенов края до рубежа XVI–XVII веков. Между тем интрига заключается как раз в происхождении этого населения, то есть в сравнительном анализе его характеристик с материалами предшествующего и более раннего периодов. Обоснованность выводов о наличии (или отсутствии) связи позднесредневекового населения, проживавшего на данной территории, со своими предшественниками здесь, а также с населением сопредельных таежных областей Западной Сибири, у нас вызывает больше всего сомнений. О спорном характере историко-культурных выводов сравнительного антропологического анализа было сказано выше (см. гл. 3.1.). Впрочем, мы не исключаем и верность данных выводов. Мы лишь считаем, что они не достаточно обоснованы и с трудом могут использоваться для верификации и сопоставления с исторической и археологической периодизацией.

Что же касается вывода об отсутствии свидетельств миграций средневекового населения из Западного Приуралья в Западную Сибирь, то, действительно, у авторов таких оснований нет.

Но нет ли их вообще? Для сравнения антропологами были выбраны четыре погребальных комплекса из Верхнего Прикамья и бассейна Вятки, а именно: серии черепов из могильников мазунинской (III–V века), бахмутинской (III–VII века), ломоватовской (IV–VIII века) и поломской (V–IX века) культур. Все они укладываются в хронологический диапазон раннего средневековья (III–IX века), что минимум на 700 лет раньше группы *Монкысь урия*. При этом коллегами-биологами не объяснено, почему не использованы краниологические выборки развитого и позднего средневековья (XIII – начало XVII века), в том числе синхронного *Монкысь урию* временного диапазона. Высказывание о том, что культуры развитого и позднего средневековья Западного Приуралья формировались на основе местного раннесредневекового населения, не означает, что их носители – в этнокультурном и антропологическом планах – остались такими же без изменений.

По сути дела, заявленный антропологами сравнительный анализ краниологической выборки из *Монкысь урия* с прикамскими материалами в полной мере не состоялся, и результаты его могут быть только приняты нами к сведению.

Кроме того, у нас вызывает недоумение заключение о том, что расогенез в Среднем Приобье «от раннего средневековья до современности протекал плавно, без потрясений и миграций крупных групп с иным антропологическим обликом» (прил. 4.1). Подчеркнем: *от средневековья до современности!* Опустим «современность» за последние 50–60 лет с притоком в таежное Приобье разноэтничного населения из Восточной Европы и более южных областей Азии в ходе освоения природных богатств Тюменского Севера. Этого антропологи не замечают, хотя, по сути дела, это продолжение более чем 700-летнего процесса освоения европейцами и тюркоязычными народами сибирских территорий. А как быть с периодом или очередным этапом освоения региона Московским царством, начиная с конца XVI века? Очень надеемся, что уважаемые нами антропологи не сомневаются в том, что в 1583 году русскими на Оби был основан Мансуров городок, в 1594 году – город Сургут, далее – Томск и другие города. В результате этого начался массовый приток иноземного населения в лесную полосу Западной Сибири. А с конца XVIII века на той же самой территории начинается широкое расселение европейского сельского и городского населения, которое основывает собственные населенные пункты – деревни – и ведет активную ремесленную и торгово-промысловую деятельность. Этнографами это население именуется как «русское старожильческое». Почему проигнорирован сравнительный анализ с данным населением – это также не понятно и не объяснено.

Лично для нас, сибирских археологов, на данный момент остается нерешенной проблема: кто же были такие – в антропологическом и этнокультурном плане – «русские», которые освоили Сибирь. Казалось бы, ответ очевиден. Тем не менее, сталкиваясь с потомками покорителей Севера, например, на Колыме и в Черском, мы задавали им вопрос: «кто вы такие?» Нам гордо отвечали: «Мы – русские казаки». Между тем мы видим перед собой человека, по внешним антропологическим признакам мало отличающегося от юкагиров, но, тем не менее, отрицающего свою генетическую связь с последними. Так кто же на самом деле, в субэтническом и антропологическом отношении, осваивал в XVI–XVIII веках огромные пространства Северной Евразии, называя себя русскими?

На наш взгляд, пока антропологами в процессе анализа и, соответственно, в выводах не будет использоваться единый подход к периодизации того или иного конкретного района, области, региона, в том числе Сургутского, Среднего и Нижнего Приобья, их заключения невозможно будет соотнести с историческими (археологическими) данными. Пока же их выводами можно пренебречь, а при комплексном анализе расценивать как предположительные или гипотетические. Для нас нет особого смысла сравнивать антропологические данные индивидуумов конца XVI – начала XVII века, точнее 1570–1580-х – 1619 годов, с выборками, «датирующимся временем от VI до XX веков» или «с черепами VIII–XV веков».

Антропологами нам часто выдвигается упрек в том, что хронологическая оценка антропологического материала проведена археологами, а поэтому что сами «*напериодизировали*», то и получите! Такие заявления могут делать только недобросовестные исследователи, избегающие полноценного анализа источника.

Разве антропология перестала решать гуманитарно-исторические задачи и изучает чисто биологическое развитие вида Homo sapiens? Так, к слову, палеонтологи самостоятельно определяют возраст костных останков животных, которых изучают. При этом никого не упрекают в этом, просто извлекая максимально возможную информацию из объекта своего изучения.

Завершая анализ антропологического исследования, отметим, что антропология рассматривает в первую очередь биологическую изменчивость вида. В нашем случае – изменчивость локальных популяций, а также их сходства и различия между собой. Здесь сомнений в профессионализме исследователей-биологов нет. Между тем как только из вполне конкретных и специфических характеристик, а также сравнительного антропологического анализа, возникают исторические, культурные и этнические реалии и выводы, – это обращает пристальное внимание археологов, историков и этнологов. Причем в первую очередь – обоснованностью этих заключений.

В целом же нам, археологам, представляется не совсем правомерным в рамках данного исследования сравнивать краниологические материалы археологических культур Прикамья III–IX веков с выборками черепов *Монкысь урия*, имеющими довольно позднюю и узкую дату (XVI – начало XVII века). Равно как нецелесообразно проводить сравнения на широком хронологическом фоне почти в полторы тысячи лет. По-видимому, в нашем случае сначала надо провести сравнительный анализ серии черепов из таежной зоны Западной Сибири и Приуралья времени существования поселений, могильника и поминальных мест на холме *Монкысь урия*. Только затем привлекать краниологические материалы других и более широких временных и культурно-хронологических диапазонов.

В этой связи последние – «историко-культурные» – выводы коллектива антропологов нам представляются недостаточно обоснованными и преждевременными. Мы считаем, что эти заключения следует воспринимать только как «промежуточные» и «рабочие» версии.

Историко-культурное значение памятника. В настоящий момент городок *Монкысь урий* (*Монкысь вои*) – это единственный практически полностью изученный поселенческий археологический объект периода освоения севера Западной Сибири Московским государством. Это подлинный исторический городок: о событиях, связанных с ним, имеются не только фольклорные, но и документальные источники. При этом мы имеем практически максимально полный набор не только исторических, но и археологических данных, проанализированных с помощью естественно-научных методов. Кроме того, это – единственный археологический памятник в таежном Приобье и второй – после Надымского городка – на севере Западной Сибири, на котором имеются антропологические останки его жителей. Иными словами, в данном случае имеется возможность напрямую связать исследованный населенный пункт, в том числе его архитектуру и материальную культуру, с конкретными антропологическими характеристиками его населения.

Само по себе сочетание в одном месте разных типов археологических памятников – явление нередкое и даже традиционное для таежного Приобья и культуры аборигенов края. В частности, об этом свидетельствуют могильники, святилища и поминальные места раннего железного века, средневековья и нового времени Сургутского Приобья, основанные на руинах древних поселений. Несмотря на это, городок *Монкысь урий* (городище Частухинский урий), обладающий чертами многослойных и комплексных археологических памятников, все же оригинален на общем фоне. Прежде всего тем, что все перечисленные выше типы поселенческих, погребальных и культово-поминальных объектов принадлежали одной группе населения. Выделяется *Монкысь урий* и неординарным составом своих жителей, обладавших высоким социальным статусом в туземном обществе того времени.

Кроме того, данный городок обладает чертами историко-культурного объекта, так как финал существования данного поселения отражен в письменных исторических документах Московского государства и многочисленных местных хантыйских преданиях.

Изучение *Монкысь урия* позволило проанализировать и интерпретировать собранные на памятнике археологические материалы на новом научно-техническом уровне. Вследствие этого у нас появился материал, который можно представить не только для специалистов-историков, но и для более широкой аудитории.

Наконец, самое важное: это степень археологической изученности территории памятника. Ее можно оценить приблизительно в 70–80%, при учете практически полного вскрытия площади оборонительно-жилого комплекса.

Таким образом, мы имеем максимум видов и категорий самых разнообразных источников, позволяющих сделать предельно обоснованные, объективные и аргументированные выводы относительно материальной и духовной культуры населения городка *Монкысь урий*, его жителей и исторических событий, связанных с ним.

По источниковедческому уровню и научному значению исследуемое городище можно соотнести с таким известным археологическим памятником, как Надымский городок – *«Надым вош»*, расположенным в западносибирском Заполярье. Материалы исследований последнего получили большой резонанс, причем как в научном мире, так и в общественной среде. Большеюганский городок *Монкысь урий* (*«Монкысь вош»*) по праву следует охарактеризовать как действительно уникальный и особо важный археологический объект. Его значимость определяется еще и тем, что он непосредственно связан с историческим прошлым ныне живущего здесь коренного населения края.

Изученный нами и представленный в данной монографии городок *Монкысь урий* – резиденция глав (вождей) территориальной общины, региональных князей, потомков князя Бардака, – безусловно, являлся одним из обских левобережных центров Бардакова «княжества», затем – Юганской волости, позднее Сургутского уезда. В районе именно этого места отмечен волостной центр на широко известной карте С. У. Ремезова конца XVII века. Вряд ли это случайно. Где-то неподалеку должен быть укрепленный населенный пункт (городок) другого «лучшего» человека – Саны Тангиреева – потомка князя Танги (Тоньи, Таньи, Кинемы). Возможно, рассказанная нами история со временем будет иметь продолжение. 0

SUMMARY

The town of Monkys' Uri, that is also an archaeological fortification Chastuhinsky Uri, is the ruins of a small medieval village in the Bolshoy Yugan River basin that existed in the second half of II millennium Anno Domini. The most significant events in the history of the fortification, significant for the indigenous population of the region, both in the past and the present, refer to the beginning of the XVII century.

As an archaeological site, it got its name from the nearest body of water – bayou lake Chistuhinsky Uri. Monkys' Uri – is the name of the town, the most frequently used by local residents and found in the latest versions of folk tales. To a greater extent it relates to the name of bayou (oxbow) lake –Uri. However, oral tradition has not preserved other names, so it is used as historical. The most acceptable translations of the town name Monkys' Uri – is town of «Russian epic (bylina) hill of old women.» However, according to local tradition, it should be called «Monkys' Vosh» – «Bylina hill town.»

In the natural and geographical terms the territory in which the town of Monkys' Uri was, refers to the central part of the West Siberian Plain, the southern part of the Middle Ob Lowland and middle taiga subzone. It is localized on the left bank of the Ob River, in the middle reache of the Bolshoy Yugan River, left tributary of the Ob River. Its geographical coordinates: 60 ° 28 '23.6' 'north latitude and 74 ° 00' 10.4' east longitude.

This archaeological site occupies a farewell rock in the flood plain of the left bank of the Bolshoy Yugan River and a channel reach of its former riverbed – bayou lake Chistuhinsky Uri. In the modern administrative-territorial division of Russia town of Monkys' Uri is in the Surgut district of the Khanty-Mansi Autonomous District – Yugra, 90 km south-southeast of the city of Surgut, 72 km east-southeast of the station Pyt-Yah of Tyumen–Surgut iron road and 4.0 kilometers south-west of the Ugut village.

The landscape-geographic and climatic conditions of the area are characteristic of the taiga zone of Western Siberia, and at least are close to forest areas of the Ural Mountains. Moreover, they are close to both Eastern and Western Urals peneplain as well as taiga spaces of north-east of Europe, located north of the 55th parallel.

Archaeological research of the middle reaches of the Bolshoy Yugan River and its tributaries, sporadically occurring since the end of the XIX century and having got a systematic character in the 1980s, and were the most actively conducted since the beginning of the XXI century. The main reason for the latter was intense economic development of the oil province of the middle reaches of the Ob River. It enabled archaeologists to identify at given territory – near the village of Ugut within a radius of no more than 20 km – three large complexes of the objects of cultural heritage (OCHs), «Ugutskiy», «Kinyaminy», «Kogonchiny». Each of these includes about a hundred archaeological monuments. At the same time almost every archaeological site includes from one to several dozen buildings – remnants of residential, commercial and industrial buildings or graves. Total chronological range of these objects of cultural heritage is vast: from the end of the Stone Age – Neolithic (VI–V millennium BC) to modern times – the beginning of the Russian Empire (XVIII century) and the so-called ethnographic present.

These figures reflect the relatively high population density in the middle reaches of the Bolshoy Yugan River, especially in the Middle Ages and modern times. Most likely, the two key factors – are a stable supply of food resources and a relatively comfortable landscape conditions – contributed to a permanent residence of the taiga Aboriginal communities in the territory for centuries and even millenniums.

In addition, despite some cultural differences of Yugansk taiga inhabitants, the presence of densely arranged complexes of settlement objects implies certain continuity in the development of local communities. Each complex of objects of cultural heritage includes monuments of almost all historical periods. The most numerous here, as already noted, are the settlements of last one and half – two millenniums. This creates a certain impression of continuous residence of the same group – the community – at a given time interval.

Despite the proximity to some archaeological sites, the town Monkys' Uri does not directly relate to any of the complexes of archeological monuments described above. The fortification occupies an intermediate position between the groups of objects of cultural heritage «Kogonchiny» and «Ugutskoye» where there are synchronous settlements.

Special localization and isolation of the Monkys' Uri town, topography of its location and landscape and topographical conditions create the impression of eccentricity and certain aloofness of this fortification from the neighboring «ordinary» settlements. It seems no accident and, of course, reflects the character of the settlement as a whole, especially its functioning and the social composition of its population.

Excavations of the Monkys' Uri town have been conducted periodically over the past 35 years, and each stage was becoming an information base for the next one. At first settlement was discovered in the early 1980s by P.S. Bahlykov, a resident of the village Ugut, local historian and founder of the local museum. He conducted first amateur excavation of the monument. The first scientific archaeological investigations were carried out in 1990 by the expedition of the Tyumen Regional Museum under the direction of V.I. Semenova. The four plots with a total area of 102 square meters in the central part of the monument were opened then. In 2005, according to the analysis of materials of excavations, V.I. Semenova published a monograph «The settlement and cemetery of Chastuhinsky uri.» The researches of Monkys' Uri town were continued in 2011–2013 by LLC «Scientific production association «Northern Archeology-1» expedition. Archaeological research of «settlement Chastuhinsky Uri» was performed under the supervision of O.V. Kardash, N.V. Shatunov and G.P. Vizgalov under the scientific supervision of O.V. Kardash. This was due to a great scientific value and interest of the heads of organizations, academic interests of whom coincided with the town's action period.

Overall uncovered area of the monument, including the space of excavations of 1990 year, was 900 square meters. The collection of artifacts collected by us has no less than 1,780 items. Archaeozoological collection consists of up to 1,450 units and the anthropological – about 50 units. Due to conducted research, the Monkys' Uri town is by far the only fullest excavated archaeological complex of settlements of XV – early XVII century in the Middle Ob.

Today – in the scientific-theoretical terms – not only the volume of the source base of the settlement's study has changed, but its historical and archaeological context as well. Primarily as a result of steady works carried out on the Middle Ages monuments of Surget's and the Lower Ob, as well as in the analysis of materials in special publications, including monographs. This allows you to take a different view on the results of past and modern studies of the town we are interested in.

Source base of the new phase of the study amounted to archaeological materials collected during the whole period of field study of the monument. With this, new level of its study was largely achieved thanks to the integrated nature of our analysis, namely the participation of representatives of various arts and sciences in our work. In preparing this publication historian E.V. Vershinin tracked and analyzed documentary sources. Anthropologists D.N. Razhev, O.E. Poshekhonova, S.M. Slepchenko and E.A. Alekseeva processed collection of anthropological remains. Biologists P.A. Kosintsev and T. V.Lobanova conducted archaeozoological study of osteological material. A more in-depth and detailed analysis of some of the remains inert were performed by O.P. Bachura (dentinoskopy of animals and humans' teeth) and I.V. Askeev (analysis of fish scales). A team of geologists and geo-ecologists – M.A.Kulkova, E.M. Nesterov, L.A. Nesterova and M.Y. Sinai – have conducted a radiocarbon analysis of organic samples to determine the exact chronology of the monument. O.V. Dvurechensky studied a collection of ammunition. Unexpected and very interesting results were obtained by S.N. Travkin during processing of the numismatic collection.

The results of a comprehensive analysis are presented in this book.

A type of resettlement of residents of the Monkys' Uri town was a river. The village has been dated to the summer path that run along the waterway – Bolshoy Yugan, and to winter road, being laid mainly on the ice and in fact having served as a backup of the previous path. This provided a permanent bond between the inhabitants of the town and their nearest neighbors – the surrounding tribal and territorial communities, as well as further administrative centers, both native chiefdoms, and Moscow State. This factor was highly relevant for indigenous peoples of Siberia, especially in the absence of maps and navigation instruments. The choice of the site area to accommodate the Monkys' Uri town met two main requirements: the proximity of the village to the different landscape and fishing areas, as well as to the transport links, provided communication of its residents with the main arterial roads and transit centers.

The traces of early visits to this place, or even short-term camp on a Monkys' Uri hill are isolated fragments (4–9 copies) of atlymskaya culture' ceramic of the Late Bronze Age (XII–VIII centuries BC).

Initially, the town, consisting of three residential buildings was found at the hilltop at the oxbow Monkys' Uri (now – Chistuhinsky Uri). This settlement did not have any special – artificially created – defense system that would include fortifications. It was only protected in a natural way: due to the steep slopes of the hill. At the first stage of settling this fact was obviously important because it could provide the village residents with relative protection from enemies without additional efforts. This group of buildings was directly preceded by the town and was a settlement, which may be referred to as the yurts of Monkys' Uri. The action period of the settlement hardly go beyond the XV–XVI centuries. This settlement was the first significant step in the "colonization" of the hill and laid a certain architectural and planning framework for the further development of the village and building here – at the next stage – defensive and residential complex. These buildings were later destroyed and covered by housing of later aboriginal «fortress.»

Planning structure of the town of Monkys' Uri is reconstructed as a two-part, consisting of two functional areas: defensive-residential complex and economically productive area. Defensive and residential complex was the center of the town. It was placed on top of the outlier, had an oval shape in the plan and was oriented along the axis of the northeast – southwest. Economic-industrial area was located on the perimeter of defensive and residential complex – at the bottom of the outlier. From the west it was limited to bayou, from the south-east – a swampy floodplain. The most «developed» areas of the territory were the southern and south-east. There was revealed the construction of economic and industrial purposes, presumably, a smithy. «Non-specialized» industrial activity proceeded at this point, and perhaps some religious ceremonies were performed. In addition, on the periphery of the village could be a place for the reindeer corral.

The total area of the town, including the area around the hill, where economic or other activities of its inhabitants took place, was about 10 000 sq. m (1.0 ha).

Extensive engineering preparation of the construction site has been held directly prior to the erection of the town. The slopes of the hill were covered with sand, taken at the base of outlier and the surrounding area. In the course of preparatory works outlier slopes were reinforced with timber (probably chipped chopping blocks) and the ground, and covered with several layers of «turf.» Approximate area of sod matting cover is 1000 square meters. Moved soil volume was about 590 square meters: it is about 950 tons of sand. Most likely, the stage of engineering preparation was held for one or two summers. All these works were carried out by hand, without the possibility of the use of draft animals. Considering forthcoming great efforts, not only future occupants of the "fortress" but also other members of the community living in the surrounding villages were involved in the construction.

As a result, in the first (preparatory) work cycle, building site of oval shape has been prepared, with dimensions 16 × 28 m, an area of about 450 square meters, designed for subsequent erection of defensive and residential complex, there was also built a steep escarping slope. Dimensions of defensive and residential complex on the base of the outlier are 32 × 44 m, area – about 1,400 square meters.

Defensive fortification of Monkys' Uri town consisted of several elements: this is escarped along the entire perimeter hillside, closed – on the perimeter of the town – wooden wall with loopholes, removable ladder to enter the home's roof and cleared from the high forests surrounding area. The height in different parts of slope varies from 5 to 9 m and an average of 6.0 m. All these elements complement each other and together make up an elaborate defense system that protected the town residents from unwanted intrusion into their «stronghold».

The living area of the town consisted of five buildings arranged in two rows. Two houses were built along the northwest wall of fortifications, the rest – along the south-east. All the buildings have been isolated from each other by internal partitions, filled with soil and «turf.» The walls of the buildings served as a formwork for backfilling. Common entrance from the front of defensive-residential complex was not detected. Apparently, it was not supposed to be – in connection with the peculiarities of the interior layout: backfilled barriers and absence of corridor passing structure in residential area of the town. It is assumed that people were getting to each individual room through a special opening, arranged on the roof of the building.

Studied in different years constructions of defensive and residential complex of the Monkys' Uri town – there are five of them – have had a shape close to a square or a rectangle in the plan, but were distinct size. They all were framed structures covered with a single roof, and were arranged in two rows along the central axis of the complex (northeast – southwest). Inside the defensive and residential complex constructions, apparently, have not intercommunicated, they were isolated from each other by internal walls. The unified entrance to defensive and residential complex, as already mentioned, also did not exist. Wall design consisted of a vertically mounted boards, thin poles and half-timbers. A chuval (closed furnace hearth) was built in one of the corners or sections of the dwelling's wall.

The plank-bed possibly trimmed with tree located along the perimeter of each room. Rectangular recessions found in the center, near chuval. The dwelling's flooring most likely was earthy. The roof of defensive-residential complex was an overlap of thin logs, resting on the frame. The latter consisted of vertical support pillars and the top log strapping around the perimeter of the outer wall and inner walls. Most likely, the outer wall of the town was erected at first, and

then separate buildings were constructed in general interior space. The gaps between the individual-rooms-dwellings were laid with the ground and «turf.» Backfilled internal partitions and outer frame served as a support for the roof's overlay. This design had to be very stable and robust, as the roof was constantly exploited by inhabitants of the town and held a large winter snow pack.

It was this town that later became known as the town of Monkys' Uri, which existed at the end of XVI – early XVII century. It was captured and destroyed in the late fall – early winter 1619/1620 period. The reason for the military operation, organized by the authorities of the Surgut district, was a series of military-predatory («of thieves» – in the vocabulary of the time) operations of the aboriginal population. It was headed by the descendants of the local prince Bardak – sons Tonema (or Kinema) and Sueta. With Tonuya (Tonema, Tanya) name the folklore tradition of Yugansk Khanty connects the fighting in the town of Monkys' Uri.

The first military operation under the direction of Tonya (Kinema) took place in the late summer – early autumn 1616, when a detachment of 30 people attacked Ostyaks of the same district, formerly being among the subjects of his father – Prince Bardak. In the same year Tonya's detachment attacked Russian «commercial and industrial people» following up the Ob on ships. As a result 9 people were killed. That attack was followed by the raid on the Surgut «servicemen people» who had been beaten and robbed. So, Russian administration sent a detachment of Cossacks and Ostyaks numbering 50 people to suppress the «thieves' actions of the Aborigines. As a result of the operation the rebels were not caught, but some of their wives and children were taken hostage and sent to the fortress city of Surgut.

The attack on the garrison of Tomsk Cossacks and robbery of cash salary which they transported overwhelmed the cup of endurance, and not only of local authorities, but also in Moscow. In the summer of 1618, in the middle reaches of the Ob River, in the territory of the Surgut district, Tonema (Kinema) Bardakov attacked a small detachment of Tomsk Cossacks, following with a monetary allowance for the garrison to Tomsk. The Cossacks were killed, and 400 rubles in silver coin were captured. A search for the robbers was organized that summer, but it did not give results. In the autumn even more large-scale punitive operation to capture Tonya and his associates was organized. As a result of it, according to the documents, the Treasury was returned, which was reported to Moscow in January 1620: «Those traitors of us, Sueta with comrades were beaten and Kinema's oldest son and his wife have been taken as prisoners, and our treasury cash of 400 rubles, which was taken from serving people in 12 [6 – 1618?] year, was found and brought to Surgut.»

Details of the events connected with the siege and assault of the town, are known due to the legends and epics of Yugansk Khanty. More than a dozen of such sources in various forms have been collected today. According to them and finds of archaeological artifacts the following picture of events is reconstructed. The town was besieged, shelled with artillery and hand-held «arquebuses». As a result of assault the town was taken, and some of his defenders and inhabitants were killed in battle.

Locals burial (cemetery) and soon – the traces of the funeral cult appeared on the ruins after the siege, assault and burning of the town. Necropolis and the remains of funeral feasts can be regarded as a single ritual complex of early XVII century. It included several collective burials, as well as some unburied remains and elements of memorial ritualism associated with the worship of the dead. In our view, the burial was made almost immediately after the assault and burning of the town. However, not all people killed in the siege and assault have been deliberately buried. Some of them were just blocked up with ruined structures of defensive-residential complex, and no later than 1620. Obits for the buried residents of the town, as well as for those who died during the siege, or were blocked up with burnt structures were held for some time later, but no later than the middle of the XVII century. No evidences of more recent ritual actions, carried out in the territory of the town, have been identified.

Thus was investigated settler complex that functioned gradually from the end of XV to the beginning of the XVII century (up to the winter 1619/1620 period), as well as ritual complex, which included the collective burial and funeral offerings, dating from the 1619/1620's until the middle of XVII century.

The combination of different types of archaeological sites in one place – is not uncommon, and even traditional for taiga Ob and Aboriginal culture of the region. In particular, it is evidenced by burial grounds, sanctuaries and places of remembrance from early Iron Age, Middle Ages and modern times of Surgut Ob based on the ruins of ancient settlements. Despite this, the town of Monkys' Uri (Chastuhinsky Uri settlement) having the features of a multi-layered and complex archaeological monuments, is still original from the crowd. First of all by the fact that all mentioned types of objects belonged to the same population. It stands out because of the composition of its people, possessed an extraordinary position and high social status in the native community of the time. In addition, the town has features

of historical and cultural object, since the final of this settlement's existence is reflected in the written historical documents of the Moscow State and many local Khanty traditions.

The total number of items in the collection of the Monkys' Uri town gathered over the years of excavation, is about 3190 units, subdivided into 117 categories. At the same time, not counting roughly the same amount of tin and glass beads, the accurate counting of which is difficult. The storage complex of the town consists of four groups of subjects related to the three functionally and chronologically different monuments, however, closely interconnected. Chronological differences of given historical complexes are minor, as their constituent objects formed sequentially and during the one rather narrow time interval. Objects of the first group deposited in the cultural layer during the life of the town's population. Subjects in the second group got to cultural horizon as a result of extraordinary events, namely, during the siege and assault of the town. The third group of things – are the remnants and artifacts that make up the grave goods of the two intentional burials. The fourth group of things – is a memorial complex.

One of the specific features of the collection of the Monkys' Uri town is the presence of a significant number of objects, very rare for the other medieval settlements of taiga Ob. The ammunition for firearms and numerous silver coins are among those categories of things in the first place. These artifacts mark extraordinary events associated with the history of the town, and thus determine the specific of material culture as a whole. While presence of the large number of coins and ammunition in the cultural layer for simultaneous Arctic city Mangazeya – is a common phenomenon, characteristic for cultural monuments of Russian settlers.

About 1212 coins minted from the line of XV–XVI centuries until the end of the XVI century were discovered on the site of ancient settlement, mostly in graves. The earliest of them – are the coins of Ivan III (1462–1505 years), or Vasily III (1505–1533 years). The vast majority belongs to the reign of Ivan IV the Terrible (1533–1584 years). The most recent coinage belongs to the reign of Fyodor Ivanovich (1584–1598 years). The total amount of money in the silver coins of Muscovy is about 11 rubles 30 kopecks. A significant amount for the period of time, since, for example, the size of annual Strelsy (archer's) monetary salary was 3 silver rubles. The system of commodity-money relations was absent in medieval culture of the inhabitants of Yugan. Consequently, the money could not be obtained as a result of trading. The version of the royal salary to Ostyaks for participation in the military campaign against Pegaya Horde in summer of 1597 is the most probable and reasonable. Surgut Ostyaks were promised by Tsar Decree to get salaries on a par with all the participants, including servicemen people – Cossacks and Strelsy for participation in the campaign.

Another specific feature of the monument and its collections is the presence of specific ritual objects in the cultural layer of the town, as well as common household items originating from the funeral and burial sites found in the ruins of the town. In this context, the arrows of Monkys' Uri town, both stuck in the ground, and not fixed in the ground, but also associated with ritual actions, we can interpret, first of all, as evidence of rituals associated with the worship of graves of people of high social status – warlords.

The finds of bone remains of individuals allowed getting an idea of the anthropological affiliation of Monkys' Uri residents. Group of skulls from burial complexes found on the monument has certain isolation on a number of characteristics, but still close to the «areal of variability» of eastern Khanty. This gives all the reasons to relate it exactly with the Ural anthropological type of Western Siberian local race. Isolated position of this group can be attributed to its anthropological peculiarity and we should seek the causes of this phenomenon. Meanwhile, in this case, it is necessary to connect it exclusively with the paucity of selection. Among all examined groups of Western Siberia' population, series of individuals from Monkys' Uri town stands out due to the lowest skull, as well as low and narrow in zygomatic diameter face. It is these characteristics metric distancing them from the rest. In addition, from all the skull samples selections of eastern Khanty it is most drawn to the Salym group than to Yugansk one, to which it is close geographically.

As a result of Archaeozoological studies of bone remains collected during the excavations, it was found that the inhabitants of the Monkys' Uri town carried on fishing, hunted animals and birds. From the mammals, the natives most actively obtained reindeer and elk. Moreover the elk should be described as the main commercial species. Occasionally they hunted beaver and brown bear. One gets the impression that such animals as wolves, fox, hare, fox, polar fox, wolverine and sable, were killed in very rare cases. Meanwhile, it is also likely that the massive fishing fur occurred in places far enough from the town, that is why the bones of these species are rare on the monument. Pets are represented by reindeer and dog. The inhabitants of the town had transport deer farming and dog breeding. The meat of elk and reindeer was the basis of nutrition of the town's population. Hides and bones of ungulates were fully utilized. Fishing, apparently, provided the food base for the dogs. From peculiarities of considered material we should note the lack of

horse remnants, as well as a small amount of bones of fur species of animals, birds and fish. This is probably due to the functional features of the complex.

Now the town of Monkys' Uri is – the only almost fully studied archaeological settler site by period of development of the north of Western Siberia by Moscow state. This is a genuine historic town: the events related to it are reflected not only in folklore, but also in documentary sources. At the same time, we have almost the most complete set of not only historical, but also of archaeological data, analyzed using the methods of the natural sciences. In addition, it is the only archaeological site in the taiga Ob and the second – in the north of Western Siberia, after the town of Nadym, which has anthropological remains of its people. In other words, in this case, it is possible to directly link this examined town, including its architecture and material culture to specific anthropological characteristics of its population. The third phase of the Monkys' Uri study allowed fixing archaeological data on the new scientific and technical level, and we have got a material that can be analyzed and presented at this high level for a wider audience. Finally, and most importantly, is the degree of archaeological knowledge of the monument's territory. It can be estimated at about 70-80%, taking into account the almost total opening of defensive-residential complex area.

Thus, we have the most species and categories of a variety of sources that can make extremely reasonable, objective and reasoned conclusions on the material culture of the population of the town of Monkys' Uri, its people and historical events associated with it.

In terms of source and science investigated settlement can be correlated with such a known archaeological site as the town of Nadym – «Nadym Vosh», located in the West Siberian Arctic. Research data of it have recently received a great response, both in the scientific world and in the social environment. Bolsheyugansky town Monkys' Uri («Monkys' Vosh») should be described by right as a truly unique and extremely important archaeological site. Its importance is determined also by the fact that it is directly connected with the historical past of living here indigenous population of the region.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ[1*]

Балуева Ю. В. Отчет о результатах НИР по теме: «Археологическая разведка в окрестностях с. Угут в Сургутском районе ХМАО – Югры в 2009 году». – Нефтеюганск, 2010. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 300.

Балуева Ю. В. Отчет о НИР: «Историко-культурные изыскания по землям, отводимым под размещение объекта: «Обустройство кустов скважин № 45, 46, 59 Угутского месторождения». – Нефтеюганск, 2014. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 527. – 100 с.

Баранов М. Ю. Отчет о НИР: «Археологическое исследование западной части Киняминского и восточной части Угутского месторождений в бассейне реки Малый Юган в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 2007 г.». – Нефтеюганск, 2008. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 215/3.

Борзунов В. А. Отчет: «Раскопки городища Барсов Городок I/3, могильников Барсовский I и III в Сургутском районе Тюменской области. Разведка в Свердловской области. Разведка в западной части Барсовой Горы в Сургутском р-не Тюменской обл.». – Свердловск, 1986. – Архив ПНИАЛ УрФУ (бывший КА УрГУ). Ф. II. Д. 432.

Борзунов В. А., Зыков А. П. Глава III. Погребальный инвентарь и хронология раннего комплекса находок // В. А. Борзунов, А. П. Зыков, К. Г. Карачаров, Н. К. Стефанова. Сайгатинский III могильник. Комплекс VIII – начала X вв.: Рукопись. – Екатеринбург, 2004. – Архив ПНИАЛ УрФУ (бывший КА УрГУ). Ф. III.

Васильев Е. А. Дневник разведочных работ в среднем течении р. Юган (копия). – Томск, 1981. – БИИКФ. Ф. Р–6. Оп. 4. Д. 03.

Визгалов Г. П. Отчет об археологической разведке в районе г. Пыть-Ях Нефтеюганского района Тюменской области в среднем течении реки Б. Балык летом 1992 года. – Нефтеюганск, 1993. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 12.

Визгалов Г. П. Отчет о НИР: «Археологические исследования могильника Усть-Балык летом 1997 года». – Нефтеюганск, 1997. – Архив НПО «СА–1». Ф. II. Д. 27.

Визгалов Г. П. Отчет о НИР: «Историко-культурное обследование участков на Киняминском, Угутском и Средне-Угутском месторождениях нефти в Сургутском р-не ХМАО в 2002 г. (натурное обследование)». – Нефтеюганск, 2003. – БИИКФ. Ф. Р–4. Оп. 1. Д. 164.

Визгалов Г. П. Отчет о НИР: «Аварийно-спасательные раскопки городища Частухинский урий в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры летом 2013 года». – Нефтеюганск, 2014. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 396.

Долгов А. В., Титова Н. Н. Проект зон охраны памятников истории и культуры комплекса «*Большое Каюково*»: Пояснительная записка. – Екатеринбург, 2002а. – Т. 1. – Кн. 1. – Архив НПО «СА–1». Ф. II. Д. 91.

Долгов А. В., Титова Н. Н. Проект зон охраны памятников истории и культуры комплекса «*Большое Каюково*»: Пояснительная записка. – Екатеринбург, 2002б. – Т. 1. – Кн. 2. – Архив НПО «СА–1». Ф. II. Д. 91/2.

Долгов А. В., Титова Н. Н. Проект зон охраны памятников истории и культуры комплекса «*Большое Каюково*»: Графические материалы.– Екатеринбург, 2002в. – Т. 1. – Кн. 3. – Архив НПО «СА–1». Ф. II. Д. 91/3.

Долгов А. В., Титова Н. Н. Проект зон охраны памятников истории и культуры комплекса «*Большое Каюково*»: Графические материалы. – Екатеринбург, 2002г. – Т. 2. – Архив НПО «СА–1». Ф. II. Д. 91/4.

Донос сургутского воеводы Н. Е. Пушкина на второго воеводу Б. И. Белкина 1626 г., не ранее марта 25 – не позднее сентября 1. – РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 80–81.

Зыков А. П. Отчет о разведках в Октябрьском и Советском районах Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области в 1999 г. – Екатеринбург, 2000. – Архив НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры ХМАО – Югры. № 2170; Архив ИИА УрО РАН. Ф. I. Д. 68.

Зыков А. П. Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II–XVII веках: Дис. канд. …ист. наук. – М., 2008. – Архив ПНИАЛ УрФУ. Ф. III. Д. 4007, 407А.

[1*] В тексте в квадратных скобках ссылки на использованные архивные источники приводятся с буквой «А» и тире (А–) после фамилии автора, перед годом написания работы.

Карачаров К. Г. 1991. Отчет об археологической разведке в южной части Нефтеюганского р-на Тюменской обл., проведенной летом 1991 г. – Свердловск, 1991. – Архив НПО «СА–1». – Т. 1, 2. – Ф. I. Д. 9.

Карачаров К. Г. Отчет о НИР: «Отчет о НИР. Историко-культурная экспертиза территорий Западно-Угутского и Средне-Угутского месторождений, разрабатываемых НГДУ «Майскнефть» ОАО «Юганскнефтегаз» НК «ЮКОС»». – Нефтеюганск, 1997. – Архив НПО «СА–1». Ф. III. Д. 26.

Карачаров К. Г. Отчет о НИР: «Натурная историко-культурная экспертиза участков месторождений, разрабатываемых НГДУ «Мамонтовнефть» АО «Юганскнефтегаз», 1997 г.». – Екатеринбург, 1998. – Архив К. Г. Карачарова. Ф. 1. Д. 037.

Карачаров К. Г. Отчет о НИР: Рекогносцировочное археологическое обследование верхнего течения реки Большой Юган от юрт Ларломкиных до юрт Каюковых в Сургутском районе ХМАО в 1999 году. – Екатеринбург, 2000. – БИИКФ. Ф. Р–4. Оп. 1. Д. 65.

Карачаров К. Г. Отчет о НИР: «Рекогносцировочное археологическое обследование среднего течения реки Малый Юган от юрт Каймысовых до юрт Сурламкиных в Сургутском районе ХМАО в 2000 году». – Екатеринбург, 2001. – БИИКФ. Ф. Р–4. Оп. 1. Д. 100.

Карачаров К. Г., Сидорова И. А. Отчет о НИР: «Этнографическое изучение коренного населения Нижневартовского р-на ХМАО в 2002 г.: 2 т.». – Екатеринбург, 2002а. – Т. 2: 3 ч. – Ч. 1: «Архитектурные исследования. Анализ объемно-планировочной структуры традиционных жилых и хозяйственных построек». – Архив НПО «СА–1». Ф. II. 80/2–1.

Карачаров К. Г., Сидорова И. А. Отчет о НИР: «Этнографическое изучение коренного населения Нижневартовского р-на ХМАО в 2002 г.: 2 т.». – Екатеринбург, 2002б. – Т. 2: 3 ч. – Ч. 2: «Архитектурные исследования: Обмерные чертежи». – Архив НПО «СА–1». Ф. II. 80/2–2.

Карачаров К. Г., Сидорова И. А. Отчет о НИР: «Этнографическое изучение коренного населения Нижневартовского р-на ХМАО в 2002 г.: 2 т.». – Екатеринбург, 2002в. – Т. 2: 3 ч. – Ч. 3: «Архитектурные исследования: Альбом фотофиксации». – Архив НПО «СА–1». Ф. II. 80/2–3.

Кардаш О. В. Отчет об обследовании культовых памятников в бассейне реки Казым Белоярского района летом 1994 г. – Екатеринбург, 1994. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 416.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Историко-культурная экспертиза участков нефтепровода Куст 1 – Куст 2 на месторождении Большой Салым (натурное обследование). – Екатеринбург, 1996. – Архив К. Г. Карачарова. Ф. 1. Д. 033.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Историко-культурная экспертиза территории Угутского месторождения, разрабатываемого НГДУ «Майскнефть» ОАО «Юганскнефтегаз» НК «ЮКОС», 1997 г.». – Нефтеюганск, 1997а. – Архив НПО «СА–1». Ф. III. Д. 24.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Историко-культурная экспертиза территории Киняминского месторождения, разрабатываемого НГДУ «Майскнефть» ОАО «Юганскнефтегаз» НК «ЮКОС»». – Нефтеюганск, 1997б. – Архив НПО «СА–1». Ф. III. Д. 25.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Комплексное изучение историко-культурных и природных объектов в окрестностях города Пыть-Ях для создания историко-архитектурного музея и написания книги «Река Балык». – Нефтеюганск, 2001. – Т. 1: Археолого-геодезические исследования. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 60.1.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Комплексное изучение историко-культурных и природных объектов в окрестностях города Пыть-Ях для создания историко-архитектурного музея и написания книги «Река Балык». Нефтеюганск, 2002. – Т. 3: Этнологические исследования. – Кн. 1. – Архив НПО «СА–1». Ф. 1. Д. 60/3.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Выявление и обследование традиционных жилых построек в поселке Горнокнязевск Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа: Историко-архитектурные исследования»: В 3-х кн. – Нефтеюганск, 2003. – Кн. 1 – 81 с.; кн. 2 – 63 с.; кн. 3 – 26 с. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 96/1–3.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Изучение историко-архитектурного наследия аборигенного и русского старожильческого населения циркумполярной зоны: Историко-архитектурные исследования: В 3-х т.». – Нефтеюганск, 2005. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 146/1–3.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Изучение историко-архитектурного наследия аборигенного и русского старожильческого населения циркумполярной зоны: Историко-архитектурные исследования: В 3-х т.». – Нефтеюганск, 2006. – Т. I–III. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 176/1–3.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Изучение историко-архитектурного наследия аборигенного и русского старожильческого населения циркумполярной зоны: Историко-архитектурные исследования. В 3-х т.». – Нефтеюганск, 2007. – Т. I–III. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. №198/1–3.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Обследование перспективных зон Угутского месторождения: В 3-х кн.». – Нефтеюганск, 2008а. – Кн. 1: «Исследование юго-западной части Угутского месторождения в бассейне реки Большой Юган в окрестностях юрт Когончиных летом 2007 года». – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 215/1.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Обследование перспективных зон Угутского месторождения: В 3-х кн.». – Нефтеюганск. 2008б. – Кн. 2: «Исследования западной части Угутского месторождения на правом берегу р. Большой Юган в окрестностях пос. Угут летом 2007 года».– Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 215/2.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Обследование перспективных зон Угутского месторождения: В 3-х кн.». – Нефтеюганск, 2008в. – Кн. 3: «Исследования западной части Киняминского и восточной части Угутского месторождений в бассейне реки Малый Юган в Сургутском районе ХМАО в 2007 году: Текст, текстовое приложение и фотоприложения». – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 215/3.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Археологическое обследование и топогеодезическая съемка в районе Угутского месторождения Сургутского района Ханты-Мансийского АО – Югры: В 2-х т.». – Нефтеюганск, 2009а. – Т. 2: «Обследование комплекса археологических памятников на правом берегу реки Большой Юган в окрестностях старицы Сартым-урий и зимних юрт Кымычевых летом 2008 года». – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 273/3.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Аварийные археологические раскопки селища Атмпельурий 12 на территории Средне-Угутского месторождения в Сургутском районе ХМАО, 2008 г.». – Нефтеюганск, 2009б. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 258.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Аварийные археологические раскопки селища Атмпельурий 11с на территории Средне-Угутского месторождения в Сургутском районе ХМАО, 2008 г.». – Нефтеюганск, 2009в. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 259.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Археолого-геодезическое обследование поселения Кулунигый 44 (Сургутский район Ханты-Мансийского АО – Югры): Текст, текстовые, граф и фото приложения». – Нефтеюганск, 2009 г. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 276.

Кардаш О. В. «Проект охранных зон поселения Кулунигый 44 в районе скважины Р–114 на Средне-Угутском месторождении нефти: В 2-х т.». – Нефтеюганск, 2009д. – Т. I. – Кн. 1–2: «Текст, текстовые приложения». – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 283/1–2.

Кардаш О. В. Приложение к проектам: «Временные границы охранных зон комплексов объектов культурного наследия «Когончины», «Кинямины», «Угутский»». – Нефтеюганск, 2009е. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 285.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Аварийные археологические раскопки городища Стрелка в зоне строительства кустовой площадки К–13 Средне-Угутского месторождения в Сургутском районе Ханты-Мансийского АО – Югры летом 2009 г.: 3 кн.». – Нефтеюганск, 2010. – Кн. 1–3. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 291/1–3.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Выявление объектов архитектурного наследия аборигенного населения в пос. Хошгорт Шурышкарского района ЯНАО». – Нефтеюганск, 2010. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 176/1.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Аварийные археологические раскопки городища Частухинский урий на территории Средне-Угутского месторождения в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры летом 2011 года. – Нефтеюганск, 2012. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 368.

Красильникова К. Ю. Отчет о НИР: «Археологическая разведка в бассейне р. Негусьях. Сугрутский район ХМАО – Югры в 2009 г.». – Нефтеюганск, 2010. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 304.

Маракулин В. А. Отчет о НИР по теме: «Историко-культурные изыскания по землям, отводимым под размещение объекта: «Обустройство кустов скважин № 45, 46, 59 Угутского месторождения»». – Нефтеюганск, 2012. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 353.

Маракулин В. А. Отчет о НИР: «Комплексные научно-исследовательские работы на территории объекта культурного наследия памятное место «Священная кедровая роща» в Нефтеюганском районе ХМАО – Югры летом 2013 года» Нефтеюганск, 2013. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 423.

Мартынова Е. П. Отчет о НИР: «Комплексное изучение историко-культурных и природных объектов в окрестностях города Пыть-Ях для создания историко-архитектурного музея и написания книги «Река Балык» (Этнологические исследования. – Т. 3). – Нефтеюганск, 2001. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 60.3.

Мызников С. А. Отчет о НИР: «Историко-культурное обследование земельных участков, испрашиваемых к отводу под объекты обустройства Киняминского, Угутского и Среднеугутского месторождений НГДУ «Майскнефть» в Сургутском р-не ХМАО, проведенное летом 2003 года (натурное обследование)». – Нефтеюганск, 2004а. – БИИКФ. Ф. Р–4. Оп. 1. Д. 197.

Мызников С. А. Отчет о НИР: Историко-культурное обследование территории, испрашиваемой компанией КанБайкал ресорсес инк» под строительство объектов обустройства Унтыгейского лицензионного участка в Сургутском р-не ХМАО в 2003 г. – Нефтеюганск; Екатеринбург, 2004б. – Архив НПО «СА–1». Ф. II. Д. 103.

Мызников С. А. Отчет о НИР: «Историко-культурная экспертиза земельных участков, испрашиваемых компанией «КанБайкал ресорсез инк» под размещение объектов обустройства Унтыгейского лицензионного участка. Сургутский р-н, ХМАО – Югра, 2005 г. (натурное обследование)». – Нефтеюганск, 2005. – Архив НПО «СА–1». Ф. II. Д. 179.

Отписка воеводы из Нарыма в Кетск об антирусских действиях остяков Кинемы Бардакова. 1616 г., не ранее сентября 7. – ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 64 об.–65.

Отписка тобольского воеводы И. С. Куракина пелымским воеводам об «измене» сургутских остяков. 1618 г., не ранее сентября 1 – не позднее декабря 2. – ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 377 об.–378 об.

Пальянов П. В. Отчет о НИР: «Археологическая разведка в бассейне р. Большой Юган, ХМАО – Югра, Сургутский район, 2009 год». – Нефтеюганск, 2010. – Архив НПО «СА–1». Ф. II. Д. 296.

Пархимович С. Ю. Отчет о работе по обследованию технического состояния и установления границ территорий объектов археологического наследия в Октябрьском районе ХМАО – Югры. – Нефтеюганск, 2011.– Архив ООО «НПО «СА–1». Ф. I. Д.331. – 162 с.

Петрова Е. Н. Отчет о НИР: «Изыскательские работы для создания проекта охранных зон археологических объектов на территории Средне-Угутского месторождения, южная часть: В 2-х т.». –
Нефтеюганск, 2007а. – Т. I: «Археолого-геодезические изыскания: в 2-х кн.» – Кн. 1. – Архив НПО «СА–1». Ф. II. Д. 177/1/1.

Петрова Е. Н. Отчет о НИР: «Изыскательские работы для создания проекта охранных зон археологических объектов на территории Средне-Угутского месторождения, южная часть: В 2-х т.». –
Нефтеюганск, 2007б. – Т. I: «Археолого-геодезические изыскания: в 2-х кн.» – Кн. 2. – Архив НПО «СА–1». Ф. II. Д. 177/1/2.

Петрова Е. Н. Отчет о НИР: «Изыскательские работы для создания проекта охранных зон археологических объектов на территории Средне-Угутского месторождения, южная часть: В 2-х т.». –
Нефтеюганск, 2007в. – Т. II: Архитектурно-этнологические исследования». – Архив НПО «СА–1». Ф. II. Д. 177/2.

Петрова Е. Н. Отчет о НИР: «Аварийные археологические раскопки селища Атмпельурий 7 на территории Средне-Угутского месторождения в Сургутском районе Ханты-Мансийского АО летом 2008 г.». – Нефтеюганск, 2008. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 260.

Пономарева Т. В. Отчет о НИР: «Аварийные археологические раскопки городища Стрелка на территории Средне-Угутского месторождения Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа летом 2011 г.». – Нефтеюганск 2012.– Архив ООО «НПО «СА–1». Ф. I. Д. 384. – 192 с.

Селезнева Л. В., Визгалов Г. П. Отчет о НИР: «Комплексное изучение историко-культурных объектов р. Аган в 2003 г. Историко-архитектурные исследования в пос. Варьёган». – Нефтеюганск, 2003. – Т. 1: 3 кн. – Кн. 1: Текст. Текстовые приложения. – Архив ООО «НПО «СА–1». Ф. I. Д. 110/1.

Селезнева Л. В., Визгалов Г. П. Отчет о НИР: «Комплексное изучение историко-культурных объектов р. Аган в 2003 г. Историко-архитектурные исследования в пос. Варьёган». – Нефтеюганск 2003. – Т. 1: 3 кн. – Кн. 2: Фотоприложения. – Архив ООО «НПО «СА–1». Ф. I. Д. 110/2.

Селезнева Л. В., Визгалов Г. П. Отчет о НИР: «Комплексное изучение историко-культурных объектов р. Аган в 2003 г. Историко-архитектурные исследования в пос. Варьёган». Нефтеюганск 2003. – Т. 1: 3 кн. – Кн.3: Графические приложения. – Архив ООО «НПО «СА–1». Ф. I. Д. 110/3.

Селезнева Л. В., Визгалов Г. П. Отчет о НИР: «Комплексное изучение историко-культурных объектов р. Аган в 2003 г.». – Нефтеюганск 2003. – Т. 2: Историко-архитектурные исследования (Стойбища Айпиных, Лейковых, Васильковых). – Архив ООО «НПО «СА–1». Ф. I. Д. 110/2-2.

Селянина М. Ю. Отчет об археологической разведке в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 1996 г. – Сургут, 1997. – Научный архив СКМ. № 27.5.

Селянина М. Ю. Отчет об археологической разведке в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 1997 г. – Сургут, 1998. – Научный архив СКМ. № 31.1.

Семенова В. И. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства нефтепровода Урьевское – Южный Балык. – Тюмень, 1980. – Архив ИА РАН. Р–1. № 8467. – 62 л.

Семенова В. И. Отчет об археологических исследованиях окрестностях пос. Урьево. – Тюмень, 1981. – Архив ИА РАН. Р–1. № 8357. – 65 л.

Семенова В. И. Отчет об археологических исследованиях в Сургутском районе в 1988 г. – Тюмень, 1988. – Архив ИА РАН. Р–1. № 13541. – 91 л.

Семенова В. И. Отчет об археологических исследованиях в 1989 г. – Тюмень, 1989. – Архив ИА РАН. Р–1. № 13493. – 130 л.

Семенова В. И. Отчет об археологических раскопках в Сургутском р-не Тюменской области в 1990 г. – Тюмень, 2002. – Архив ИА РАН. Р–1. № 22661.

Силин А. И. Монти Танья: Повесть о таёжном герое Танье по мотивам хантыйского сказания-легенды «О молодом Орле»: Рукопись предания, записанного со слов ханты Покачева Семена Федоровича в юртах Урьевых (ныне – Сургутский район ХМАО – Югры) в 1954 г.; запись восстановлена в 1987–1988 гг. в городе Миасс Челябинской области. – Миасс, 1987–1988. – Научный архив МБУК СКМ. – Ф. 1. Д. 18.01.01. – 80 с.

Степанова Г. А. Отчет об исследованиях памятника Арантур-27 в Советском районе Тюменской области, проведенных летом 1993 г. – Екатеринбург, 1994. – Архив предприятия АВКОМ. – 122 с.; Архив ИА РАН. Р–1. № 18204. – 88 л.; Прил. к отчету. Р–1. № 18205.– 166 л.

Стефанов В. И., 1997. Отчет о полевых исследованиях в Сургутском районе ХМАО (Тюменская область) в 1997 г. – Екатеринбург, 1997. – Т. II: Отчет о раскопках могильника Моховая 46; Отчет об археологическом исследовании территории фермерского хозяйства «Мох» в низовьях р. Моховая. – Архив ПНИАЛ УрФУ (бывший КА УрГУ). Ф. II. Д. 591А. – 155 л.; Архив ИА РАН. Р–1. № 21118. – 155 л.

Терехова Л.М. Отчет об археологических исследованиях в Сургутском, Ханты-Мансийском и Уватском районах Тюменской области в полевом сезоне 1985 г. – Свердловск, 1986. – Т. I. – Архив ИА РАН. Р–1. № 11090. – 96 л.; Архив ПНИАЛ УрФУ (бывший КА УрГУ). Ф. II. Д. 427. – 96 л.

Ушаков М. А. Отчет об археологической разведке в окрестностях поселка Угут Сургутского района ХМАО Тюменской обл. в 2000 г. – Екатеринбург, 2001. – Архив УчМАЛ УрГПУ. Ф. I. Оп. 1. Д. 19.

Фефилова Л. Ю. Отчет об археологической разведке в бассейне рек Большой и Малый Юган в Сургутском районе ХМАО – Югры летом 2007 г. – Екатеринбург, 2007. – Архив УчМАЛ. Ф. IV. Р. 2. Оп. 1. Д. 8.

Фефилова Л. Ю., Фефилова Т. Ю. Отчет об археологической разведке в междуречье Большого и Малого Югана в Сургутском районе ХМАО – Югры в 2006 г. – Екатеринбург, 2007. – Архив УчМАЛ УрГПУ. Ф. I. Оп. 1. Д. 19.

Фефилова Л. Ю., Звягин. Отчет об археологической разведке в бассейне реки Большой Юган в Сургутском районе ХМАО – Югры летом 2008 г. – Екатеринбург, 2008. – Архив УчМАЛ УрГПУ. Ф. I. Оп. 1. Д. 21.

Фрагмент наказа сургутскому воеводе князю С. М. Лобанову-Ростовскому и голове И. Н. Ржевскому об отправке остяков князя Бардака в поход на пуровских самоедов. 1597 г., января 31. – РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 44 об.–45 об.

Фрагмент отписки из Маковского острога П. Албычева и Ч. Рукина кетскому воеводе Ч. Челищеву об оказании содействия посланным ими гонцов в Тобольск. 1619 г., не ранее февраля 11. ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 67 об.

Царская грамота сургутскому воеводе О. Т. Плещееву об организации похода на Пегую орду под предводительством головы И. И. Колемина. 1596 г., августа 31. – РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 7 об.–23.

Царская грамота о походе сургутского атамана Зубакина и Кинемы Бардакова на Пур для сбора ясака с самоедов. 1602 г., сентября 6. – РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 113–115.

Царская грамота о награждении сургутского подьячего И. Афанасьева за разгром отряда Кинемы и Суеты Бардаковых в 1619 г. 1624 г., марта 7. – РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 247–250.

Чибиряк В. Э. Отчет о НИР: «Аварийные археологические раскопки селища Атмпельурий 11с на территории Средне-Угутского месторождения в Сургутском районе Ханты-Мансийского АО летом 2008 г.». – Нефтеюганск, 2008. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 259.

Шатунов Н. В. Отчет об археологической разведке в Сургутском районе ХМАО в 1999 году. – Сургут, 2000. – БИИКФ. Ф. Р–4. Оп. 1. Д. 64.

Шатунов Н. В. Отчет о НИР: Археологическое обследование земельных участков в зонах хозяйственной деятельности на территории Сургутского р-на ХМАО в 2001 году. – Сургут, 2002. – БИИКФ. Ф. Р–4. Оп. 1. Д. 133–137.

Шатунов Н. В. Отчет о НИР: «Археологические исследования городища Частухинский урий на территории Средне-Угутского месторождения в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2012 году. – Нефтеюганск, 2013. – Архив НПО «СА–1». Р–1, Д. 369.

Шульга П. С. Отчет о НИР по теме: «Историко-культурные изыскания по проектам: «Обустройство куста № 50 Угутского месторождения», «Обустройство кустов скважин 24, 25, 41, 42 Средне-Угутского месторождения» в Сургутском районе ХМАО – Югры в 2011г.». – Нефтеюганск, 2012. – Архив НПО «СА–1». Ф. II. Д. 408.

Яковлев Я. А. Отчет о работах Тымского отряда археологической экспедиции ТГУ в 1985 г. в Томской и Тюменской областях. – Томск, 1985. – Архив ИА РАН. Р–1. № 10911.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов Н. А. Описание Березовского края // Записки РГО. – СПб., 1857. – Кн. XII. – С. 327–448.

Абрамович Д. И., Крылов Г. В., Николаев В. А., Терновский Д. В. Западно-Сибирская низменность: Очерк природы. – М.: «Географгиз», 1963. – 262 с.

Агафонова Н. Н., Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Страницы истории земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века / Под ред. А. М. Белавина. – Пермь: Изд-во «Книжный мир», 1996. – 176 с.

Агеев Б. Б. Пьяноборский союз племен // Материалы по хозяйству и общественному строю Южного Урала. – Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1981. – С. 101–109.

Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. – Уфа: Изд-во БНЦ УрО РАН, 1992. – 140 с.

Агеев Б. Б. Хронология и периодизация пьяноборской культуры // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа: Изд-во УНЦ РАН, 1993. – С. 62–70.

Александров С. В., Пальянов П. В. Аварийные археологические раскопки городища Нехсап 1 в Сургутском районе ХМАО – Югры в 2007 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 287–297.

Александров С. В., Пальянов П. В., Пономарева Т. М. Аварийные раскопки городища Нексап I на территории Средне-Угутского месторождения нефти // Древнее наследие Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РН-Юганскнефтегаз» (МИИ СЗС. – Вып. III). – Нефтеюганск: ИАС; Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2013. – С. 22–59.

Алексашенко Н. А. Резная кость Усть-Полуя: взгляд трасолога // НВ. – Салехард: Изд-во: Изд-во «Красный Север», 2005. – Вып. 3–4 (35): Обдория: История, культура, современность. – С. 9–18.

Алексашенко Н. А., Скакун Н. Н. Результаты технологического и эксперементально-трасологического исследования материалов Усть-Полуя. Древнее святилище Усть-Полуй: размышления post factum //Археология Арктики: Мат-лы Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». – Екатеринбург: Изд-во «Деловая пресса», 2012. – С. 56–61.

Арне Т. Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века / Науч. пер. с нем. Ж. Н. Труфановой под ред. А. Я. Труфанова. Коммент. А. Я. Труфанова. – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Уральский рабочий», 2005. – 184 с.

Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа: Информационный справочник «Наследие». – Екатеринбург, 2011. – 128 с.

Археология Республики Коми / Отв. ред. Э. А. Савельева, 1997. – М.: Изд-во «ДИК». – 758 с., ил.

Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. – М.: Изд-во МГУ, 1944. – 102 с.

Атлас Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. – Ханты-Мансийск; М.: Изд-во «Талка ТВД», 2004. – Т. 2: Природа. Экология. – 152 с.

Археологическое наследие Югры: Пленарный доклад II САК. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург, Ханты-Мансийск: Изд-во «Чароид», 2006. – 152 с.

Афанасьева Т. В., Василенко В. И., Терешина Т. В., Шеремет Б. В. Почвы СССР / Отв. ред. Г. В. Добровольский. – М.: Изд-во «Мысль», 1979. – 380 с., карт., 16 л. ил.

Баранов М. Ю. Могильник кулайской культуры Сырой Аган 13 в Сургутском Приобье // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. – С. 219–238.

Басандайка: Сборник материалов и исследований по археологии Томской области (Труды ТГУ. – Вып. 98; ТГПИ). – Томск: Изд-во ТГУ, 1947 (1948). – 220 с.

Бауло А. В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН 2004. – 157 с.

Бахлыков П. С. Древняя Югра: тревога и боль моя // Подвижник из Угута: Бахлыков Петр Семенович: Неопубликованные и малоизвестные страницы творчества. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. – 144 с.

Бахрушин С. В. Научные труды. – М.: АН СССР, 1955. – Т. III. – Ч. 2. – 300 с.

Очерки по русской колонизации Сибири XVI и XVII вв. // Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955а. – Т. III: Избранные работы по истории Сибири XVI-XVII вв. – Ч. 1: Вопросы русской колонизации Сибири XVI–XVII вв. – С. 15–162.

Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в. // Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955б. – Т. III: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. – Ч. 2: История народов Сибири XVI–XVII вв. – С. 49–85.

Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955в. – Т. III: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. – Ч. 2: История народов Сибири XVI–XVII вв. – С. 86–152.

Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955г. – Т. III: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. – Ч. 2: История народов Сибири XVI–XVII вв. – С. 153–175.

Бахрушин С. В. Историческое изучение народов Севера // Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955д. – Т. III: Избранные работы по истории Сибири XVI-XVII вв. – Ч. 2: История народов Сибири XVI–XVII вв. – С. 225–235.

Белавин А. М. Камский торговый путь: Средневековое Предуралье в его экономических и культурных связях. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2000. – 200 с.

Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Материальная культура Предуралья X–XII вв.: вопросы хронологии // Археология Севера России: Мат-лы Всерос. науч. археол. конф. (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2013. – С. 77–85.

Белов М. И., Овсянников О. В. Старков В. Ф. Мангазея: Материальная культура русских мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М.: Наука, 1981. – 148 с.

Боброва А. И., Торощина Н. В., 1999. Иготкинский курганный могильник // Приобье глазами археологов и этнографов: Материалы и исследования к «Энциклопедии Томской области». – Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – С. 50–76.

Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. – М.: Изд-во: ИИ АН СССР, 1938. – № 4. – С. 269–289.

Борзунов В. А. Укрепленные жилища Зауралья и Западной Сибири // Великий подвиг народа. – Екатеринбург: Изд. НПМП «Волот», 1995. – С. 19–24.

Борзунов В. А. К вопросу о генезисе и функции урало-сибирских укрепленных жилищ // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1997а. – С. 224–236.

Борзунов В. А. Городище Алтен-Тау и проблема реконструкции ананьинских фортификаций // РА. – М.: Изд-во ИА РАН, 1997б. – № 1. – С. 163–180.

Борзунов В. А. Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии / РА. – М.: Наука, 1999. – № 4. – С. 5–23.

Борзунов В. А. Крепости в тайге // Наука и жизнь: научно-популярный журнал. – М., 2000. – № 6. – С. 84.

Борзунов В. А. Могильник Моховая XLV – новый памятник позднего средневековья в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003а. – Вып. 1. – С. 137–163.

Борзунов В. А. Средневековый культовый комплекс с городища Барсов Городок I/20 // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург: Изд-во «Аква-Пресс», 2003б. – С. 113–120.

Борзунов В.А. Укрепленные поселения первой половины эпохи бронзы севера Западной Сибири // Stratum plus. – Кишинев: Изд-во ун-та «Высшая антропологическая школа», 2015. – № 2: Доисторическая Европа: интерпретация культур. – С. 295–315.

Борзунов В. А., Бельтикова Г. В. Раскопки городищ Барсов Городок I/3 и I/20 // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1989. – С. 136–139.

Борзунов В. А., Бельтикова Г. В., Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 184–220.

Борзунов В. А., Зыков А. П. Барсовский III могильник – новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург: Изд-во «Аква-Пресс», 2003. – С. 103–112.

Борзунов В. А., Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Аварийные исследования средневекового Сайгатинского IV могильника в 2009 г. (раскоп 5) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – Вып. 11. – С. 142–197.

Борзунов В. А., Липский В. И. Туманские укрепленные поселения-жилища // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984. – С. 90–105.

Борзунов В. А., Стефанов В. И. Могильники «Бардакова княжества» // Интеграция археологических и этнографических исследований. – М.; Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. – С. 240–244.

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры: Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Изд-во «Чароид», 2006. – С. 68–108.

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники таежного Приобья: основные характеристики // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012а. – Вып. 10. – С. 155–216.

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымское общество таежного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012б. – Вып. 10. – С. 217–261.

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники таежного Приобья: история изучения, хронология и территория распространения // ВААЭ. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2013а. – № 1 (20). – С. 35–46.

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские поселения таежного Приобья // ВААЭ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013б. – № 2 (21). – С. 45–55.

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники и общество таежного Приобья: основные характеристики // Археология Севера России: Мат-лы Всерос. науч. археол. конф. (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2013в. – С. 102–124.

Бородовский А. П. Косторезные заготовки Усть-Полуя (по материалам исследований 2006-2011 гг.). Древнее святилище Усть-Полуй: размышления post factum // Археология Арктики: Мат-лы Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». – Екатеринбург: Изд-во «Деловая пресса», 2012. – С. 30–35.

Брусницына А. Г. Городище Усть-Войкарское. Начало изучения // Угры: Мат-лы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9-11 декабря 2003 г., г. Тобольск). – Тобольск, 2003. – С. 45–52.

Брусницына А. Г. Войкарский городок в XV–XIX вв. (по результатам раскопок 2003 и 2004 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития. Мат-лы Всерос. науч. конф. «Ямал: история, историография, краеведение» (апрель 2005 г., г. Салехард). – Екатеринбург; Салехард: РА «АРТмедиа», 2005. – С. 22–32.

Буцинский П. Н. Соч. в двух томах. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 2: Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск. – 328 с.

Варпаховский Н. А. Рыболовство в бассейне реки Оби. Орудия рыболовства и продукты рыбного промысла. СПб.: Типогр. Санкт-Петербургского Градоначальства, 1898. – Кн. I. – 144 с.

Варпаховский Н. А. Рыболовство в бассейне реки Оби: В 2-х ч. – Тюмень: Изд-во «Мандр и Ка», 2005.– [Югорский репринт]. – 256 с.

Васильев Е. А., 1982. Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья. – Томск: Изд-во ТГУ, 1982. – С. 3–14.

Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). – Екатеринбург: МУНЦ «Развивающееся обучение», 1998. – 204 с.

Вершинин Е. В. Восстание Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках // МИИ СЗС. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – С. 98–110.

Викторова В. Д. Ликинский могильник X–XIII вв. // ВАУ. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1973. – Вып. 12. – С. 133–168.

Визгалов Г. П., Кардаш О. В. Святилище Ай-орт-ики на реке Малый Салым: Историко-этнологическое исследовании. – Нефтеюганск: ООО «НПО Северная археология»; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2010. – 216 с., ил.

Визгалов Г. П., Кардаш О. В. 110 лет комплексного археолого-этнографического изучения Салымского края // Древнее наследие Средней Оби на территории освоения ООО «Юганскнефтегаз» (МИИ СЗС. – Вып. III). – Нефтеюганск: ИАС; Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2013. – С. 172–180.

Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Косинцев П. А., Лобанова Т. В. Историческая экология населения севера Западной Сибири / Под общ. ред. П. А. Косинцева (МИИ СЗС. – Вып. IV). – Нефтеюганск; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. – 376 с., ил.

Визгалов Г. П., Мызников С. А. Разведка по рекам Большому Югану и Малому Югану в 2002 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 320–321.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея – первый русский город в сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 г.). – Нефтеюганск; Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2007. – 320 с.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2008. – 296 с.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). – Нефтеюганск; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2011. – 216 с.

Викторова В. Д. Ликинский могильник X–XIII вв. // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1973. – Вып. 12. – С. 133–173.

Викторова В. Д. Древние угры в лесах Урала (страницы из ранней истории манси). – Екатеринбург: изд-во «Квадрат», 2008. – 208 с., ил.

Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки: Каталог временной выставки к 70-летию отдела Востока. – Л.: Изд-во «Государственный Эрмитаж», 1991. – 28 с.

Гемуев И. Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Изд-во АН СССР, СО, 1990. – 232 с.

Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986. – 192 с.

Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьев А. И. Легенды и были таежного края. – Новосибирск: Наука, 1989. – 176 с.

Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху (ВАУ. – Вып. 10). – Ижевск; Свердловск: Изд-во УрГУ, 1970. – Ч. I: Чегандинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.). – 224 с., табл. I–XXX.

Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья рубежа нашей эры (Пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э.). – М.: Наука, 1988. – 240 с.

Голан А. Миф и символ. – М.: Изд-во «Русслит», 1993. – 375 с.

Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во ИрГУ, 1985. – 280 с.

Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 1999. – 464 с.

Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 2004. – Изд. 2-е, перераб. – 422 с.

Голдина Р. Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье: Монография (МиИ КВАЭ. – Т. 21). – Ижевск, 2012. – 472 с.

Голдина Р. Д., Волдолаго Н. В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск: Изд-во ИрГУ, 1990. – 176 с.

Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые могильники верховьев камы. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. – 216 с.

Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере в X–XIII вв. – М.: Наука. 1973. – 216 с.

Гордиенко А. В. Страна медведя // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – Вып. 5. – С. 46–57.

Гордиенко А. В. Археологические исследования С. К. Патканова в Тобольском округе Тобольской губернии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – Вып. 7. – С. 80–105.

Гусев А. В., Федорова Н. В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. – Салехард: Изд-во ГУ «Северное издательство», 2012а. – 59 с., ил.

Гусев А. В., Федорова Н. В. Древнее святилище Усть-Полуй: размышления post factum // Археология Арктики: Мат-лы Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». – Екатеринбург: Изд-во «Деловая пресса», 2012б. – С. 22–29.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб; М.: Изд-во: «Книгопродавца-типографа М.О. Вольфа», 1882. – Т. II (И–О). – 806 с.

Даль В. (И.) Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Русский язык, 1998. – Т. IV (Р–ИЖИЦА). – 704 с.

Данченко Е. М. Усть-Полуй в системе урало-сибирских древностей //Археология Арктики: Мат-лы Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». – Екатеринбург: Изд-во «Деловая пресса», 2012б. – С. 86–90.

Дмитриев А. А. История Угорских княжеств // Уральский областник. – Екатеринбург: Изд-во «Уральский рынок», 1991. – С. 7–27.

Древний город на Оби: история Сургута. – Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1994. – 156 с.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. (ТИЭ. – Новая серия. – Т. LV (55)). – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.

Долгова Л. С., Гаврилова И. П. Иллювиально-гумусовые подзолы среднетаежной подзоны Западной Сибири // Природные условия Западной Сибири. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – Вып. 4. – С. 35–54.

Дом и деревянные балки перекрытий. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dom.dacha-dom.ru/balka.html.

Древнее наследие Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РН-Юганскнефтегаз» (МИИ СЗС. – Вып. III). – Нефтеюганск: ИАС; Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2013. – 265 с.

Древняя Русь: Быт и культура / Отв. ред. т.: Б. А. Колчин, Т. И. Макарова (Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т. – Т. 16). – М.: Наука, 1997. – 368 с.

Дремов В. А., Багашев А. Н. Ханты Среднего Приобья и Прииртышья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1998а. – Т. 4: Расогенез коренного населения. – С. 111–124.

Дремов В. А., Багашев А. Н. Антропологическое своеобразие коренных народов // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1998б. – Т. 4: Расогенез коренного населения. – С. 292–304.

Дрябина Л. А., Осоткина Л. А., Семенова В. И. Работы Тюменской экспедиции // Археологические открытия 1979 г. – М.: Наука, 1980. – С. 204–205.

Дунинъ-Горкавичъ А. А. Тобольскій Северъ: Общій обзоръ страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. – СПб.: Типогр. В. Киршбаума, 1904. – Т. I. – 282 с., прил. на 78 с.

Дунинъ-Горкавичъ А. А. Тобольскій Северъ: Географическое и статистико-экономическое описаніе страны по отдельнымъ географическимъ районамъ. – Тобольск: Губернская типогр., 1910. – Т. II. – 384 с., прил. на 78 с.

Дунинъ-Горкавичъ А. А. Тобольскій Северъ: Этнографический очерк местных инородцев. – Тобольск: Губернская типогр., 1911. – Т. III. – 140 с., прил. на 52 с.

Дунин-Горкавич А.А., 1995а. Тобольский Север: В 3-х т. – М.: Изд-во «Либерея», 1995а. – Т. I: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. – 376 с.

Дунин-Горкавич А.А., 1995б. Тобольский Север: В 3-х т. – М.: Изд-во «Либерея», 1995б. – Т. II: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. – 432 с.

Дунин-Горкавич А.А., 1996. Тобольский Север: В 3-х т. – М.: Изд-во «Либерея», 1996. – Т. III: Этнографический очерк местных инородцев. – 208 с.

Ермоленко А. В. Новые археологические памятники на р. Ендырь // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 284–290.

Ермолова Н. В. Пояса у народов Северной Сибири и Дальнего Востока // Украшения народов Сибири (Сб. МАЭ. – Т. LI). – СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С. 170–301.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка (толково-словообразовательный). – М.: Изд-ва «Дрофа», «Русский язык», 2000. – 1233 с.

Жеребцов Л. Н. Вычегодско-вымская летопись // Родники Пармы. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. – С. 23–34.

Жирных Е. А., Каменский С. Ю. Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 168–178.

Зайцева Е. А. Топография археологических памятников эпохи средневековья Сургутского Приобья как источник для интерпретации исторических процессов // Археология Севера России: Мат-лы Всерос. науч. археол. конф. (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2013. – С. 125–130.

Зайцева Е. А. Результаты археологической разведки в окрестностях п. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 249–256.

Зайцева Е. А., Кузина А. В. Коллекция артефактов из грабительских раскопок в районе д. Согом // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – Вып. 12. – С. 85–94.

Западно-Сибирская низменность: Очерк природы / Д. И. Абрамович, Г. В. Крылов, В. А. Николаев, Д. В. Терновский. – М.: «Географгиз», 1963. – 262 с.

Зеленый яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Алексашенко Н. А. и др.; под ред. Н. В. Федоровой. – Екатеринбург; Салехард: Изд-во УрО РАН, 2005. – 368 с.

Зиняков Н. М. Русские металлические изделия на Сибирском рынке XVII в.: номенклатурный и качественный состав // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы XIII Западно-Сибирской археол.-этнограф. конференции. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 72–76.

Зуев В. Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоядцов, сочиненное студентом Василием Зуевым // Путешествие по Обскому Северу / Под ред. С. Г. Пархимовича (Прил. к журналу «Лукич»). – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – С. 137–223.

Зыков А. П. Металлургия и металлообработка на памятниках Рачевского комплекса // Проблемы урало-сибирской археологии (ВАУ. – Вып. 18). – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. – С. 123–130.

Зыков А. П. Средневековье таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры: Пленарный доклад II САК. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во «Чароид», 2006. – С. 109–124.

Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья: Средневековье и новое время. – Екатеринбург: Изд-во «Уральский рабочий», 2012. – 232 с.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Атлымские городища // Памятники Югры: вчера, сегодня, завтра. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – Вып. 1. – С. 106–123.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. – Екатеринбург: Изд. НПМП «Волот», 2001. – 320 с.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Итоги изучения Эмдера в 2001 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 110–136.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: «Внешторгиздат», 1994. – 160 с.

Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. – 176 с.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.) (Сер.: Народы Севера и Дальнего Востока). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 506 с.

Иваськo Л. В., Кардаш О. В. Глава VIII: Религия // Салымский край. – Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 2000. – С. 239–290.

Иваськo Л. В., Кардаш О. В., Суровень Д. А. Древняя история // Салымский край. – Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 2000. – С. 33–70.

Изделия остяков Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск, 1911. – Вып. XIX. – С. I–IV, 1–136.

Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под общ. ред. М. Ф. Альбедиль и А. М. Дубянского. – М.: Изд-во «Республика», 1996. – 576 с.

Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 498 (501) с.

История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. – Екатеринбург: Изд. НПМП «Волот», 2000. – 466 с.

Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унваровой (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. – Т. 5). – Новосибирск: Наука, СО, 2005. – 675 с.

Каменский С. Ю. Разведка в окрестностях г. Урай и р. Евра в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 386–392.

Каменский С. Ю., Жирных Е. А. Средневековые железоделательные печи на территории Северо-Западной Сибири // II САК: Тез. докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во «Чароид», 2006. – С. 139–140.

Карачаров К. Г. Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа: Изд-во УНЦ РАН, 1993. – С. 110–118.

Карачаров К. Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – С. 26–52.

Карачаров К. Г. Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское 20 на р. Агане // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – Вып. 9. – С. 82–110.

Кардаш О. В. Надымский городок и русское освоение Северо-Западной Сибири в 17 в. (по материалам археологических исследований) // Культурное наследие народов Западной Сибири. Русские: Тез. докл. III Сибирского симпозиума. – Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – С. 60–62.

Кардаш О. В. Материальная культура населения низовий реки Надым в 17 – начале 18 вв. (по материалам археологических исследований Надымского городища) // Самодийцы: Мат-лы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001а. – С. 209–211.

Кардаш О. В. Легендарные городища Салымского края // МИИ СЗС. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2002. – С. 53–62.

Кардаш О. В. Аварийные раскопки поселения Тывъега I в Нефтеюганском районе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 258.

Кардаш О. В. Раскопки стоянки Салехард 1 в 1946 и 2004 гг. // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы XIII Западно-Сибирской археол.-этнограф. конф. – Томск: Изд-во ТГУ. 2005. – С. 17–20.

Кардаш О. В. Административные центры аборигенных «княжеств» Северо-Западной Сибири в конце XVI – первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского и Обдорского городков) // УИВ. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2006. – № 13. – С. 128–131.

Кардаш О. В. Источники о Надымских остяках и Карачейских самоедах в середине XVIII в. в контексте комплексного изучения Надымского городка // НВ ЯНАО. – Салехард: Изд-во «Красный Север», 2008а. – Вып. 4 (49): Исторические исследования. – С. 35–40.

Кардаш О. В. Ритуальный комплекс кулайской культуры на Соровских озерах // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Изд-во: ООО «Уральское издательство». 2008б. – С. 207–218.

Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура. – Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2009. – 360 с.

Кардаш О.В. Посохи свата из Надымского городка XVII–XVIII вв. // АЭАЕ. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Вып. 1 (41). – С. 61–71.

Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во АМБ, 2011. – 60 с.

Кардаш О. В. Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура) / Выходные сведения, резюме, оглавление парал. рус., англ. – Екатеринбург; Салехард: Изд-во «Магелан», 2013а. – 360 с., ил.

Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура) / Выходные сведения, резюме, оглавление парал. рус., англ. – Екатеринбург; Салехард: Изд-во «Магелан», 2013б. – 380 с., ил.

Кардаш О. В. Археологические исследования Института археологии Севера в Арктике: памятники, открытия, научная проблематика // Археология Севера России: Мат-лы Всерос. науч. археол. конф. (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2013в. – С. 12–28.

Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных (конец XVI – первая треть XVIII в.) // Археология Севера России: Мат-лы Всерос. науч. археол. конф. (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2013г. – С. 212–214.

Кардаш О. В. Элементы традиционной русской архитектуры в постройках Надымского городка XIV– XVI веков. // Культура русских в археологических: сб. науч. статей: В 2-х т. / Под ред. Л. В. Татауровой, В. А. Борзунова. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2014. – Т. II. – С. 122–131.

Кардаш О. В., Пономарёва Т. М. Аварийные археологические раскопки на городище Стрелка в Сургутском районе ХМАО – Югры Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 312–321.

Кардаш О. В., Соколков А. В. Ритуальный комплекс Холято–1 на полуострове Ямал // АЭАЕ. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Вып. 1 (61). – С. 81–91.

Кардаш О.В., Усолкина М.А. Меновая торговля жителей полуострова Ямал в XIII–XIV вв. (по материалам исследований городища Бухта Находка 2006–2008 гг.) // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии: В 2-х ч. – Екатеринбург: Изд-во: Банк культурной информации, 2009. – Ч. 2. – С. 335–347.

Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов / Пер. с нем. Н. В. Лукиной. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994. – Т. I. – 152 с.

Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов / Пер. с нем. Н. В. Лукиной. – Томск: Изд-во ТГУ, 1995. – Т. II. – 284 с.

Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов / Пер. с нем. Н. В. Лукиной. – Томск: Изд-во ТГУ, 1996. – Т. III. – 247 с.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие (Археология СССР. – САИ. – Вып. Е1–36). – М.: Наука, 1966. – Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. – 214 с.

Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. – Л.: Наука, 1976. – 135 с.

Кирпичников А. Н., Хлопин М. Н. О некоторых памятниках русской средневековой артиллерии // СА. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – № 3. – С. 233–240.

Кокшаров С. Ф. Раскопки городища Большая Умытья 36 (Шаман-гора) в Советском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск, 2007. – Вып. 5. – С. 108–110.

Кокшаров С. Ф., Зимин А. Н., Казанцева А. И., Мотус А. И. Археологические раскопки на поселении Ендырское VII в Октябрьском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 340–342.

Кокшаров С. Ф., Зыков А. П. Железный век тайги // Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. – Екатеринбург: Изд. НПМП «Волот», 1995. – С. 13–34.

Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – № 65. – С. 7–120.

Колчин Б. А. Хронология новородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. – М.: Наука, 1982. – С. 156–177.

Коников Б. А. Материалы к характеристике вооружения среднеиртышского населения в эпоху раннего средневековья // Археология Прииртышья. – Томск: Изд-во ТГУ, 1980. С. 68–78.

Коников Б. А. О вооружении прииртышского населения начала II тыс. н.э. (по материалам памятников Омской области) // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, СО, 1987. – С. 163–171.

Коников Б. А. Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н.э. – Омск: Изд-во ОмГПИ, 1993. – 176 с.

Корниенко Т. В. Женские символы и образы Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита (XI–VIII тыс. до н.э.) // Труды IV(XX) ВАС в Казани. – Казань: Изд-во «Отечество», 2014. – Т. III. – С. 50–53.

Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. – 239 с.

Косинская Л. Л., Федорова Н. В. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1994. – 114 с.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук профессором. – СПб.: Изд-во при ИАН, 1755. – Т. 2. – 351 с.

Крыласова Н. Б. Урало-Сибирские зооморфные навершия рукоятей плетей. Древнее святилище Усть-Полуй: размышления post factum // Археология Арктики: Мат-лы Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». – Екатеринбург: Изд-во «Деловая пресса», 2012. – С. 182–186.

Кузина А. В. Перстяные украшения Нижнего и Среднего Приобья // Археология Севера России: Мат-лы Всерос. науч. археол. конф. (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2013. – С. 243–246.

Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – 192 с.

Курбатов А. В. Культура и ремесло русского заполярного города: кожаные изделия Мангазеи по раскопкам 2001–2007 гг. // Записки ИИМК РАН. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2010. – № 5. – С. 211–230.

Лисс О. Л., Астахова В. Г. Лесные болота / О. Л. Лисс, В. Г. Астахова. – М.: Изд-во «Лесная промышленность», 1982. – 128 с., ил.

Лисс О. Л., Березина Н. А. Развитие болотообразовательного процесса в центральной части Западной Сибири. // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. – М.: Наука, 1982. – С. 224–230.

Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). – Томск: Изд-во ТГУ, 1985. – 364 с.

Малоземова О. В., Морозов В. М. Разведочные раскопки 1991 года и коллекция случайных сборов на городище Усть-Полуй // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: Изд-во ТГУСУР, 1997. – С. 190–203.

Малый академический словарь. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://enc-dic.com/academic/Pol.

Мальм В. А. Симферопольский клад. – М.: «Внешторгиздат», 1980. – 28 с.

Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. – Л.: Изд. Артиллерийской академии РККА им. Дзержинского, 1937. – Т. 1: История развития со времен возникновения до введения бездымных порохов / Отв. ред.: Ф. Брегеда. – 492 с.

Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие / Под общ. ред. Н. Л. Волковского. – СПб.: ООО Изд-во «Полигон», 2005. – 496 с., ил.

Мартин Ф. Р. Сибирика: Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов / Науч. пер. с нем. Ж. Н. Труфановой под ред. А. Я. Труфанова; коммент. А. С. Сопочиной и А. Я. Труфанова. – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Уральский рабочий», 2004. – 144 с.

Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. Серия «Новые исследования по этнологии и антропологии». – М.: Изд-во ИЭА РАН. КМЦ «Народы и культуры», 1998. – 236 с.

Мартынова Е. П. Религиозные представления юганско-балыкских хантов // МИИ СЗС. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – С. 82–91.

Материалы по фольклору хантов / Записи, введения и примечания: А. М. Кулемзин, Н. В. Лукина. – Томск: Изд-во ТГУ, 1978. – 216 с.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы (Археология СССР. – САИ. – Вып. Е1–36). – М.: Наука, 1966. – 184 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.: «ИФ «Восточная литература»», 1999. – Т. I. – Изд. 2-е, доп. – 630 с., ил., карты.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.: «ИФ «Восточная литература»», 2000. – Т. II. – Изд. 2-е, доп. – 796 с., ил., карты.

Мифы, предания, сказки, хантов и манси / Пер. с хантыйского, мансийского, нем. яз.; сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под общ. ред. Е. С. Новик (Сказки и мифы народов Востока). – М: Наука, 1990. – 268 с.

Михайлова Е. А. Съемные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири (Сб. МАЭ. – Т. LI). – СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С. 3–119.

Могильников В. А. Культура племен лесного Прииртышья IX – начала XIII вв. // Ученые записки ПГУ. – Пермь: Изд-во ПГУ, 1968. – № 191. – С. 269–291.

Молодин В. И. Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, СО, 1979. – 182 с.

Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, СО, 1979. – 182 с.

Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, СО, 1990. – 262 с.

Монти Танья: Сказание о Танье / [автор сказания С. Ф. Покачев]; СКМ; запись и пер. с хант. И. А. Силина; науч. ред. и прим. Т. А. Исаевой, О. В. Стародубова; отв. ред. и сост. Т. А. Исаева; ил. А. С. Кухтерина. – Тюмень: Печатный дом «Тюмень», 2008. – 116 с., ил.

Морозов В. М. Культурно-историческая среда и общие проблемы анализа поселений и жилищ в эпоху позднего железного века // Сургут, Сибирь, Россия: Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута: Докл. и сообщения. – Екатеринбург, 1995. – С. 30–41.

Морозов В. М. Поселения и жилища таежной зоны Зауралья и Западной Сибири в эпоху средневековья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Ижевск, 1994. – 22 с.

Морозов В. М., Пархимович С. Г. Городище Перегребное I: К вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тыс. н. э. // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1985. – С. 89–99.

Морозов В. М., Пархимович С. Г., Шашков А. Т. Очерки истории Коды. Екатеринбург: НПМП «Волот», 1995. – 192 с.

Морозов В. М., Сосновкин И. Н. Городища Среднего Тром-Агана // ВАП. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1976. – Вып. 1. – 89–106.

Морозов В. М., Шатунов Н. В. Охранные раскопки в Сургутском районе: новые данные для этноархеологических реконструкций // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 254–271.

Мошинская В. И., Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1953а. – № 35. – С. 72–106.

Мошинская В. И. Керамика Усть-полуйской культуры // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1953б. – № 35. – С. 107–120.

Мошинская В. И. Жилище Усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1953в. – № 35. – С. 179–188.

Мошинская В. И. Археологические памятники севера Западной Сибири (Археология СССР. – САИ. – Вып. Д3–8). – М.: Наука, 1965. – 87 с.

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. – М.: Изд-во «Мысль», 1984. – 653 с., ил.

Мурыгин А. М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. – М.: Наука, 1992. – 182 с.

Мурыгин А. М., Усолкина М. А. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место – новые данные (по результатам охранно-спасательных работ 2012 г.) // Археология Севера России: Мат-лы Всерос. науч. археол. конф. (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2013. – С. 86–93.

Мызников С. А. Работы в Нижневартовском и Сургутском районах // Археологические открытия 2003 г. – М.: Наука, 2004. – С. 449–451.

Мышковский Е. В. Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV–XVI вв. // СА. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – № 1. – С. 225–235.

Мюллер В. К. Современный англо-русский словарь 420 тысяч слов с грамматическим приложением. – М.: Изд-во «ЛадКом», 2010. – 1072 с.

На грани миров. Шаманизм народов Сибири (из собрания Российского этнографического музея: Альбом). – М.: Изд-во ИПЦ «Художник и книга», 2006. – 296 с., ил.

Нестеров А. Г. Дорусские государственные образования Урала и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – С. 234–236.

Носкова А. В. Раскопки могильника Сайгатинский IV в полевом сезоне 2009 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – Вып. 8. – 331–339.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН; Российский фонд культуры. – М.: Изд-во «Азъ», 1995. – 2-е изд.. испр. и доп. – 928 с.

Ожередов Ю. И. Сакральные стрелы южных селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – С. 77–119.

Ожередов Ю. И., Яковлев Я. А. Археологическая карта Томской области / Под ред. Л. А. Чиндиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. – Т. II. – 208 с.

Окладников А. П. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века / Под ред. А. П. Окладникова, Д. М. Пинхенсона. – Л.; М.: Изд-во «Главсевморпути», 1951. – С. 7–40.

Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Деревянное зодчество Якутии. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1983. – 128 с., ил.
Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Древний Обдорск и заполярные города-легенды (Древнерусское деревянное зодчество. – Вып. 1). – М.: Изд-во «ОПОЛО», 1998. – 400 с., ил., карты.
Осокин Е. В. Из глубины тысячелетий. // Северная книга / Под ред. Е. В. Осокина. – Томск: Изд-во «ТРОСЭРРС», 1993. – С. 212–290.
Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 1: Поселения и жилища. – Кн. I. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994а. – 490 с.
Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 1: Поселения и жилища. – Кн. II. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994б. – 286 с.
Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994в. – Т. 2: Мир реальный и потусторонний. – 475 с.
Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1995. – Т. 3: Рындина О. М. Орнамент. – 640 с.
Пальянова М. Н., Петрова Е. Н., Усолкина М. А. Архитектурно-этнологические исследования юрт Когончиных на территории Средне-Угутского месторождения нефти. // Древнее наследие Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РН-Юганскнефтегаз» (МИИ СЗС. – Вып. III). – Нефтеюганск: ИАС; Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2013. – С. 140–170.
Панин Л. Г. Лексика западносибирской деловой письменности (XVII – первая половина XVIII вв.). – Новосибирск: Наука, 1985. – 208 с.
Пархимович С. Г. О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тысячалетия н.э. // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. – С. 145–153.
Пархимович С. Г. Поселение Усть-Камчинское 2 на реке Малый Салым (к проблеме возникновения черной металлургии в Северо-Западной Сибири) // Древнее наследие Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РН-Юганскнефтегаз» (МИИ СЗС. – Вып. III). – Нефтеюганск: ИАС; Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2013. – С. 94–115.
Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри, по их былинам и сказаниям // Живая старина. – СПб., 1891а. – Вып. III. – С. 85–165; Вып. IV. – 67–108.
Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. – СПб., 1891б. – Отдельный вып. – 74 с.
Патканов С. К. Соч. в двух томах. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 2: История колонизации Сибири / Под ред. С. Г. Пархимовича. Сост.: Ю. Л. Мандрика. – 320 с.
Патканов С. К. Соч. в пяти томах. – Тюмень: Изд-во Мандр и К[а], 2003. – Т. 5: Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям / Сост.: Ю. Мандрика. – 416 с.
Пелих Г. И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Сибири. – Новосибирск: Наука, СО, 1980. – С. 5–70.
Пелих Г. И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). – Новосибирск: Наука, СО, 1981. – 176 с.
Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. – 414 с.
Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее Обитатели. – Екатеринбург; Нижневартовск: Изд-во УрО РАН; Студия «Графо», 2006. – 362 с., ил.
Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище) // ЕГТМ. – Тобольск, 1915. – Вып. XXV. – С. 1–47.
Плетнева Л. М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. – 134 с.
Плетнева Л. М. Томское Приобье в начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 350 с.
Плетнева Л. М. Генезис традиций в домостроительстве // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994. – Т. 1: Поселения и жилища. – Кн. II. – С. 165–200.
Подвижник из Угута. Бахлыков Петр Семенович: Неопубликованные и малоизвестные страницы творчества. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. – 144 с.
Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Параца, 1846. – Т. 1 (первый). – I; II: Лаврентьевская и Троицкая летописи. – 294 с.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Параца, 1843. – Т. 2 (второй). – III: Ипатьевская летопись.– 377 с.
Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Параца, 1841. – Т. 3 (третий). – IV: Новгородские летописи. ––308 с.
Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Параца, 1848. – Т. 4 (четвертый). – IV; V: Новгородская и Псковская летописи. – 360 с.
Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Параца, 1862. – Т. 9 (девятый). – VIII: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. –256 с.
Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. И. Н. Скороходова, 1901. – Т. 12 (двенадцатый). – VIII: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – 266 с.
Полное собрание русских летописей. – Л.: Изд-во Наука, 1982. – Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI—XVIII вв. / Сост. Н. А. Казакова, К. Н. Сербина.– 228 с.
Порфиридов Н. Г. Предметы прикладного искусства // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века: Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л.; М.: Изд-во «Главсевморпути», 1951. – С. 153–159.
Похлебкин В. В. Татары и Русь: 360 лет отношений, 1238–1598 гг.: Справочник. – М: Изд-во «Международные отношения», 2000. – 192 с.
Пошехонова О. Е., Семенова В. И., Иванов С. Н., Рябогина Н. Е., Якимов А. С. Археологические и палеоэкологические исследования средневекового поселения Вынгаяха 7 (северотаежная часть бассейна р. Пур) // ВААЭ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008. – № 9. – С. 183–197.
Приступа О. И. Результаты исследований средневекового городища Увал // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 259–260.
Приступа О. И. Легенды и были Самарова городка // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 340–360.
Приступа О. И. Мартиролог предметов археологии из Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 68–99.
Прыткова Н. Ф. Одежда хантов // Сб. МАЭ. – М.: Наука, 1953. – Вып. XV. – С. 123–233.
Пшеничнюк А. Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа: Изд-во УНЦ РАН, 1993. – С. 32–61.
Расторопов А. В. Охранные исследования Кошелёвскогог городища в Нижнем Прииртышье // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Мат-лы VII науч.-практич. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). – Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2014. – С. 269–277.
Ремезов С. У. Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова: Факсимильное издание. – Тобольск: Изд-во Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2011. – Т. 1 (первый). – 512 с.
Ремезов С. У. Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. – Тобольск: Изд-во Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2011. – Т. 2 (второй). – 692 с.
*Руденко К. А.*Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. – Казань: Изд-во «Репер», 2000. – 156 с.
Руденко С. И., Станкевич Я. И. Стрелы и принадлежности для стрельбы из лука // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л.; М.: Изд-во «Главсевморпути», 1951. – С. 97–102.
Рындина О. М., Боброва А. И., Ожередов Ю. И. Ханты Салымского края: культура в археолого-этнографической перспективе. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 412 с.: ил.
Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологический исследований 1971–1991 гг.). – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2001. –260 с.
Саввинов А. И. Проблемы этнокультурной идентификации долган: На материалах традиционного искусства. – Новосибирск: Наука, 2005. – 312 с.

Сай И. В., Фефилова Л. Ю., Фефилова Т. Ю., Рогозинникова Ю. В. Работы отряда Уральского государственного педагогического университета по натурному обследованию объектов историко-культурного наследия в Сургутском р-не ХМАО // Археологические открытия 2004 г. – М.: Наука, 2005. – С. 482–483.

Сай И. В., Фефилова Л. Ю., Фефилова Т. Ю. Инвентаризация памятников в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области // Археологические открытия 2005 г. – М.: Наука, 2007. – С. 511–512.

Салымский край. – Екатеринбург: Изд-во: «Тезис», 2000. – 344 с.

Северная археология / Под ред. Г. П. Визгалова, О. В. Кардаша; текст и выходные сведения парал. рус., англ. – Нефтеюганск: Изд. ООО «НПО Северная археология»; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2010. – 112 с.

Северная книга: краеведческий и литературно-публицистический сборник / Ред. и сост.: Е. В. Осокин. – Томск: Изд-во «Ассоциация народов Севера», 1993. – 300 с., ил.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). – М.: Наука, 1981. – 198 с.

Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. – М.: Изд-во «Русский мир», 1997. – 236 с.

Селянина М. Ю. Археологические исследования Сургутского музея // Сургут, Сибирь, Россия: Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута: Доклады и сообщения. – Екатеринбург, 1995. – С. 41–47.

Селянина М. Ю. Разведка в бассейне р. Большой Юган // Археологические открытия 1996 г. – М.: Наука, 1997. – С. 351–352.

Селянина М. Ю. Разведка на территории Сургутского района // Археологические открытия 1997 г. – М.: Наука, 1999. – С. 302–303.

Семенова В. И. Работы в Сургутском и Нефтеюганском районах Тюменской области // Археологические открытия 1982. – М.: Наука, 1984. – С. 201.

Семенова В. И. Археологические памятники как подтверждение исторического предания // Отчетная науч. конф. ТОКМ и филиалов (ноябрь 1990 г.): Тез. докл. – Тюмень: Изд-во ТОКМ, 1990. – С. 3–4.

Семенова В. И. Материалы к археологической карте Ханты-Мансийского автономного округа // Ежегодник ТОКМ. – Тюмень: Изд-во ТОКМ, 1991. – С. 170–182.

Семенова В. И. Атрибуция чаши из княжеской могилы на городище Частухинский Урий // Науч.-практич. конф. «Словцовские чтения»: Тез. докл. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1992а. – С. 8–11.

Семенова В. И. Хронология погребений могильника Усть-Балык // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. – Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН; УрГУ, 1992б. – С. 189–191.

Семенова В. И. Русские вещи из хантыйского городка Мункысь Урий конца XVI – начала XVII в. // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1993. – С. 178–180.

Семенова В. И. К вопросу о «богатырском времени» в истории обских угров // Традиции: Культура, образование.– Тюмень, 1995. – Т. 2. – С. 28–31.

Семенова В. И. Итоги работы Северного отряда археологической экспедиции объединения «Тюменский областной краеведческий музей» (1983–1993) // Ежегодник ТОКМ: 1993. – Новосибирск, Наука, СО, 1997. – С. 140–160.

Семенова В. И. К вопросу о времени происхождения оленеводства у восточных хантов (по археологическим источникам) // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 136–139.

Семенова В. И. Комплекс русских монет XVI в. из раскопок хантыйского городка Мункысь Урий (Частухинский Урий) // Русские старожилы: Мат-лы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 декабря 2000 г., Тобольск). – Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000а. – С. 416–417.

Семенова В. И. Легенда о Тонье, последнем обском богатыре: несостоявшийся эпос // Космос Севера. – Тюмень, 2000б. – С. 18–23.

Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: СИФ РАН «Наука», 2001. – 296 с.

Семенова В. И. Женский «клад» городища Частухинский Урий // Сибирские древности: Памятники археологии и художественное творчество. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002а. – С. 52–57.

Семенова В. И. Домашние ремесла юганских хантов в конце XVI – начале XVII веков (по материалам раскопок гор. Частухинский урий) // Сб. науч. трудов ТМИИ. – Тюмень, 2002б. – Вып. 3. – С. 36–45.

Семенова В. И. Археологический памятник и историческое предание // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003а. – С. 256–258.

Семенова В. И. Интерпретация артефактов как проявление архетипического // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Изд-во «Наука–Омск», 20036. – С. 71–73.

Семенова В. И. Поселение и могильник Частухинский Урий. – Новосибирск: СИФ РАН «Наука», 2005. – 164 с., ил.

Семенова В. И. Священные изображения городища Частухинский Урий // AB OVO: Проблемы генезиса культуры. – Тюмень, 2005. – С. 137–148.

Семенова В. И. Накосные украшения из погребений Киняминских могильников // ВААЭ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. – № 8. – С. 81–86.

Семенова В. И. Мифологика мира мертвых (по мифологическим и археологическим источникам Западной Сибири). – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008. – 213 с.

Сергеев А. С., Погодин А.А. Культурно-хронологические комплексы поселения Коим 1 // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. – С. 170–194.

Сериков Ю. Б. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на реке Чусовой (первые результаты исследований) // РА. – М.: Наука, 1996. – № 4 – С. 121–140.

Сирелиус У. Т. Домашние ремесла остяков и вогулов // ЕТГМ. – Томск, 1906. – Вып. 15. – С. 1–40.

Сирелиус У. Т. Домашние ремесла остяков и вогулов // ЕТГМ. – Томск, 1907. – Вып. 16. – С. 41–69.

Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 344 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / Составители: Бахилина Н. Б. [и др.]; гл. ред.: Бархударов С. Г.; ред. вып.: Богатова Г. А. – М.: Наука, 1977. – Вып. 4 *(Г – Дифинъ)*. – 405 с., ил.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / Составители: Богатова Г. А. [и др.]; гл. ред.: Филин Ф. П.; ред. вып.: Романова Г. Я. – М.: Наука, 1981. – Вып. 8 *(Крада – Лящина)*. – 353 с., ил.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / Составители: Малкова О. В. [и др.]; гл. ред.: Д. Н. Шмелев; ред. вып.: Смирнова О. И. – М.: Наука, 1987. – Вып. 13 *(Опасъ – Отработыватися)*. – 320, ил. с.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. – М.: Типогр. Н. С. Всеволжского, 1813. – Ч. 1 (первая). – 643 с.

Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. – М.: Наука, 1983. – 325 с.

Соколова З. П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). – М.: ИПА «ТриЛ», 1998. – 288 с.

Сокровища Золотой Орды: Каталог выставки. – СПб.: Изд-во «Славия», 2000. – 346 с.

Сокровища Приобья. – СПб.: Изд-во «Формика» , 1996. – 228 с., ил.

Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, СО, 1987. – 193 с.

Солодкин Я. Г. О происхождении летописных датировок основания первых русских городов и острогов на северо-западе Сибири. – Новосибирск, 2012. – [Электрон. ресурс]. Режим доступа: *http://skmuseum.ru/index.php?id=23&itemid=203&option=com_content&task=view*

Спицын А. А. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. – Материалы по археологии России. – СПб.: Изд. ИАК, 1896. – № 20.

Спицын А. А. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских // ЗОРСА ИРАО. – СПб., 1903. – Т. V.– Вып. 1.

Станг Хокун. Наименование Руси (герульская версия): Науч. издание / Ред. Г. С. Лебедев; пер. с англ. – СПб.: РПМ Библиотеки РАН, 2000. – 70 с.

Станкевич Я. В. Бытовой инвентарь // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л.; М.: Изд-во «Главсевморпути», 1951. – С. 167–171.

Стародумов Д. О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та: 2012. – С. 137–154.

Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С. А. Плетнева (Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т.). – М.: Наука, 1981. – 304 с.

Стефанов В. И. Моховая XLVI – позднесредневековый могильник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 164–211.

Стефанова Н. К., Борзунов В. А. Археология таежного Обь-Иртышья (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа). – Екатеринбург: Изд-во «Академкнига», 2002. – 136 с.
Строительный словарь. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://enc-dic.com/building.
Сургутский краеведческий музей: Коллекция этнографии Сургутских ханты: каталог / авт. – сост. Т. А. Исаева, А. Б. Сайнакова, О. В. Стародубова; отв. и науч. ред. Т. А.Исаева. – Сургут: ООО «Издат.-полиграф. комплекс», 2014. – 128 с.
Сурков Д. А. Археологическая разведка в Березовском и Ханты-Мансийском районах ХМАО-Югры в 2013 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – Вып. 14. – С. 266–273.
Сюзюмов М. Я. Таблицы по хронологии (пособие по специальному курсу «Техническая хронология»). – Изд. 2-е, дополн. – Свердловск: Типолаборатория УрГУ, 1968. – 114 с.
Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 242–357.
Таможенные книги сибирских городов XVII в. – Новосибирск: Наука, 2003. – Вып. 5.
Терехова Л. М. Рачевский археологический комплекс // Проблемы урало-сибирской археологии (ВАУ. – Вып. 18). – Свердловск: Изд-во УрГУ. – С. 114–123.
Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. – Л.: Наука, ЛО, 1981. – 544 с.
Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. – СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2008. – 3-е изд., стереотип. – 942 с.
Тимофеева Е. К. Лось (Экология, распространение хозяйственное значение). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. – 168 с.
Труфанов А. Я., Поплевин С. А. Находка на р. Тляттыягуне // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 77–84.
Ушедшие в холмы…, 1998.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / Пер. с нем. и доп.: О. Н. Трубачев. – Изд. 3-е, стер. – СПб.: Терра – Азбука, 1996. – Т. IV (Т – Ящур). – 864 с.
Федорова Н. В. Булгарские сканные украшения Зауралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань: Изд-во ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. – С. 131–141.
Федорова Н. В. «Рогатый медведь» // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург: Изд-во «Аква-Пресс», 2003. – С. 35–40.
Федорова Н. В. Городище Усть-Войкарское (Войкарский Городок) // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири. – Новосибирск: Наука, СО, 2004. – Вып. 2. – С. 34–50.
Федорова Е. Г. Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири (ханты, манси, нен- цы, энцы, нганасаны, кеты, эвенки, эвены, чукчи, коряки) // Сб. МАЭ. – Л.: Наука: ЛО, 1988. – Т. 42. – С. 86–104.
Федорова Е. Г. Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири (народы Приамурья, Приморья, Сахалина, долганы, якуты, народы Южной Сибири) // Украшения народов Сибири (Сб. МАЭ. – Т. LI). – СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С. 120–169.
Федорова Н. В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // НВ (Науч.-практич. конф. «Обдория: история, культура, современность»). – Салехард: Изд-во «Красный Север», 2006. – Вып. № 4 (41). – С. 11–17.
Федорова Н. В., Гусев А. В. Древнее святилище Усть-Полуй: результаты исследований 2006–2008 гг. // Усть-Полуй – древнее святилище на Полярном круге / НВ ЯНАО. Вып. 9 (61). – Салехард: Изд-во «Красный Север», 2008. – С. 3–36.
Федорова Н. В., Гусев А. В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935 – 2012 гг. – Салехард: ГУ «Северное издательство», 2012. – 59 с., ил.
Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. – Вып. 20. – С. 126–145.
Фефилова Т. Ю. История археологических исследований на руках Большой и Малый Юган // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Уральское кн. изд-во, 2008. – С. 283–295.
Фефилова Т. Ю., Чемякин Ю. П. Раскопки селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Тюмень; Ханты-Мансийск: РИФ «Колесо», 2008. – Вып. 6. – С. 177–186.

Фефилова Т. Ю., Чемякин Ю. П. Раскопки средневекового селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – Вып. 7. – С. 229–248.
Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т.). – М.: Наука. – Т. 17. – 512 с.
Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. – Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1975. – 184 с.
Хлобыстин А. П., Овсянников О. В. Древняя «ювелирная» мастерская в Западносибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 248–257.
Хомич Л. В. Ненцы: Очерки традиционной культуры. – СПб.: Изд-во «Русский двор», 1995. – 336 с.
Чемякин Ю. П. Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой горы // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ. – Вып. 24. – С. 214–246.
Чемякин Ю. П. Исследования в окрестностях поселка Угут Сургутского района // Сургут в отечественной истории. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2001а. – С. 24–26.
Чемякин Ю. П. Раскопки городища в Сургутском районе Тюменской области // Археологические открытия 2000 г. – М.: Наука, 2001б. – С. 262–263.
Чемякин Ю. П. Раскопки в окрестностях поселка Угут // Археологические открытия 2001 г. – М.: Наука, 2002. – С. 488–489.
Чемякин Ю. П. Городище Сартым-урий XVIII: предварительные итоги раскопок // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 38–76.
Чемякин Ю. П. Раскопки селища Сартым-урий XVII на р. Большой Юган // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск, 2003б. – Вып. 2. – С. 253–255.
Чемякин Ю. П. Охранные работы в окрестностях поселка Угут // Археологические открытия 2002 г. – М.: Наука, 2003в. – С. 431–432.
Чемякин Ю. П. Памятники карымского времени в окрестностях с. Угут // Бахлыковские чтения – 2003. – Сургут: ГУП ХМАО «Сургутская типография», 2003. – С. 33–44.
Чемякин Ю. П. Охранные исследования средневековых памятников в окрестностях поселка Угут // Археологические открытия 2004 г. – М.: Наука, 2005. – С. 501–503.
Чемякин Ю. П. Раннесредневековые кузни на севере Западной Сибири // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. – СПб.: СПбГУ, 2006. – С. 207–213.
Чемякин Ю. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут; Омск: Изд-во «Магеллан», 2008а. – 224 с.
Чемякин Ю. П. Древности карымского времени в бассейне Большого Югана // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Мат-лы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. – Томск: Изд-во «Аграф-Пресс», 2008в. – С. 219–223.
Чемякин Ю. П. Охранные раскопки на поселении Барсова Гора II/9, или Двадцать лет спустя // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – Вып. 7. – С. 198–213.
Чемякин Ю. П. Работы на селище Сартым-Урий 16 в окрестностях с. Угута Сургутского района ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011а. – Вып. 9. – С. 467–481.
Чемякин Ю. П. Древнейшие кузни в таежном Приобье // Труды III (XIX) ВАС. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011б. – Т. II. – С. 110–111.
Чемякин Ю. П. Вожпайский поселок на реке Большой Юган // Археология Севера России: Мат-лы Всерос. науч. археол. конф. (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2013а. – С. 142–148.
Чемякин Ю. П. Кулайские святилища и Усть-Полуй // Археология Севера России: Мат-лы Всерос. науч. археол. конф. (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2013б. – С. 49–55.
Чемякин Ю. П., Борзунов В. А. Спасательные полевые археологические работы на средневековом селище Сартым-урий 16 в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 291–339.

Чемякин Ю. П., Борзунов В. А. Аварийные раскопки средневекового селища Сартым-Урий 16 в бассейне Большого Югана // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2013а. – Вып. 11. – С.101–128.

Чемякин Ю. П., Борзунов В. А. Итоги исследования средневековых поселений на протоке Сартым-урий в зоне хозяйственного освоения Угутского месторождения нефти // Древнее наследие Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РН-Юганскнефтегаз» (МИИ СЗС. – Вып. III). – Нефтеюганск: ИАС; Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2013б. – С. 60–93.

Чемякин Ю. П., Зыков А. П. Барсова гора: археологическая карта. – Сургут; Омск: Изд-во ОАО «Омский дом печати», 2004. – 208 с.

Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): Научно-исторические очерки. – Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 1999. С. 9–66.

Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): Научно-исторические очерки. – Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 2002. – 2-е изд., испр. и доп.– С. 5–73.

Чемякин Ю. П., Носкова А. В. Раскопки средневекового селища Кучиминское XXXIXс в Сургутском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 298–311.

Чемякин Ю. П., Фефилова Т. Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях п. Угут Сургутского района ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – Вып. 5. – С. 111–121.

Чернецов В. Н., 1937. Командировка в Березовский район Остяко-Вогульского округа (1935 г.) // СА. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. III. – С. 254–256.

Чернецов В.Н. Быт хантов и манси по рисункам XIX века // Сб. МАЭ / АН СССР, ИЭ им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. X. – С. 7–33.

Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1953а. – № 35. – С. 7–71.

Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1953б. – № 35. – С. 221–241.

Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // МИА. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – № 58: Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. – С. 136–246.

Чиндина Л. А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // ИИС. – Томск: Изд-во ТГУ, 1975. – Вып. 16. – С. 61–93.

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа: Кулайская культура. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 256 с.

Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). – Томск: Изд-во ТГУ, 1991. – 181 с.

Чиндина Л. А., Балакин Ю. В. Поселения Круглое озеро I и II // ИИС. – Томск: Изд-во ТГУ, 1976. – Вып. 19. – С. 45–64.

Чиндина Л. А., Яковлев А. А., Ожередов Ю. И. Археологическая карта Томской области. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. – Т. I. – 340 с.

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка: Пособие для учителя / Под ред. С. Г. Бархударова. – М.: Изд-во «Просвещение», 1971. – Изд. 2-е, испр. и доп. – 542 с.

Шашков А. Т. Северный Урал и Нижнее Приобье в конце XV – XVI вв. (по русским и иностранным письменным источникам) // Историческая наука на рубеже веков. – Екатеринбург Изд-во НПМП «Волот», 2000 – С. 94–108.

Ширин Ю. В., Яковлев Я. А. Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 21–62.

Шмидт Е. А. Традиционное мировоззрение северных обских угров по материалам культа медведя: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Л., 1989. – 18 с.

Шорин А. Ф., Баранов М. Ю. Возможности археологии в реконструкции жилища как области реализации мифологических представлений (по материалам раскопок хантыйских жилищ начала XIX в. на поселении Сырой Аган 12 близ г. Сургут) // МИИ СЗС. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – Вып. I. – С. 98–110.

Шорин А. Ф., Зыков А. П., Кузьмина А. С. Балинское 20 – поселение середины II тысячелетия в Среднем Приобье (раскопки 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 322–330.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: Записки немецкого опричника (Записи прошлого: Воспоминания и письма / Под ред. С. В. Бахрушина, М. А. Цявловского). – Л.: Изд-во «М. и С. Сабашниковых», 1925. – 184 с.

Шульц Л. Р. Салымские остяки // Древнее наследие Средней Оби на территории освоения ООО «Юганскнефтегаз» (МИИ СЗС. – Вып. III). – Нефтеюганск: ИАС; Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2013. – С. 205–249.

Шутова Н. И. Удмурты XVI – первой половины XIX вв.: по данным могильников. – Ижевск: Изд-во УдИИЯЛ УрО РАН, 1992. – 264 с.

Щапова Ю. Л., Лихтер Ю. А., Сарачева Т. Г., Столярова Е. К. Морфология украшений. – М.: ООО «Изд-тво «КДУ», 2007. – Вып. 4: Морфология древностей. – 102 с.: ил., табл.

Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032–1882 гг.). – Сургут: Изд-во «Северный дом», 1993. – 463 с.

Энциклопедический словарь / Под ред. К.К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. – СПб.: Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон (Эфрон); Типогр. АО «ИД» Брокгауз – Ефрон», 1901. – Т. XXXIII. – 478 с.

Югорск: От легенды до точки на карте – Екатеринбург: Изд. НПМП «Волот», 1997. – 160 с.

Яглом И. М., Болтянский В. Г. Фигуры постоянной ширины // Выпуклые фигуры (Библиотека математического кружка. – Вып 4). – М.; Л.: ГТТИ, 1951. – С. 90–105.

Яковлев Я. А. Исследования Тымского отряда // Археологические открытия 1985 г. – М.: Наука, 1987. – С. 297.

Яковлев Я. А. Тогур. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993а. – 165 с.

Яковлев Я. А. Вооружение и военное дело дорусского населения Северо-Западной Сибири (по материалам фольклора) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993б. – С. 170–191.

Яковлев Я. А. Карбинское II городище – памятник релкинской эпохи (средневековье) // Археологические исследования в Среднем Приобье. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993в. – С. 61–74.

Яковлев Я. А. Первая находка браслетов «обского типа» в Нарымском Приобье (средневековье) // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: Мат-лы конф. – СПб.: СПбГУ, 1993. – Ч. 2: Археология и изучение культурных процессов и явлений. – С. 143–151.

Яковлев Я. А., Мец Ф. И. Селище Золотая Горка (к постановке вопроса об этнической ситуации в Томском Приобье во II тыс. н. э.) // Археологические исследования в Среднем Приобье. – Томск: Изд-во Том. ун-та,, 1993. – С. 129–151.

Яковлев Я. А. Селище Егур-Ях 4 – новый средневековый памятник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 185–204.

Яковлев Я. А. Могильник Тоянов городок: Каталог коллекции Ф. Р. Мартина 1891 г. из фондов Государственного Исторического музея (г. Стокгольм). – Томск; Сургут: Изд-во: Том. ун-та, 2009. – 348 с.

Яковлев Я. А. Мартиролог угорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – Вып. 9. – С. 10–81.

Ясински М. Э., Овсянников О. В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. – СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение», 1998. – Т. II. – 432 с.

Ясински М. Э., Овсянников О. В. Пустозерск. Русский город в Арктике. – СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение», 2003. – 400 с.

Academic Dictionaries and Encyclopedias [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.enacademic.com.

Bagrov L. The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov / Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrov // A review of early cartography. Founded by Leo Bagrov. Supplement 1. – Gravenhage: Mauton and Co, 1958.

Janko J. Utazas Osztjakfoldre, 1898. Neprajzi Museum. – Budapest, 2000. – 400 p.

Stang Hakon. The Naming of Rusia // Meddeleser. Universiteteti Oslo, Slavisk-baltisk avdelink. – Oslo, 1996. – № 77. – 323 s.

Steinitz W. Dialektologischnes und etymologischnes Worterbuch der ostjakische Sprache. – Berlin: Akademie-Verlag, 1966–1993. – Bnd. I–XV.

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Worterbuch der ostjakischen Sprache (Akademie der wissenschaften der DDR. – Вып. 8). – Berlin : Academie-Verlag, 1978. – 129 s.

СПИСОК ПРИЛОЖЕНИЙ

1. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗ ФОНДОВ РГАДА

1.1. Царская грамота сургутскому воеводе О. Т. Плещееву об организации похода на Пегую орду под предводительством головы И. И. Колемина. 1596 г., августа 31.
1.2. Из наказа сургутскому воеводе князю С. М. Лобанову-Ростовскому и голове И. Н. Ржевскому об отправке остяков князя Бардака в поход на пуровских самоедов. 1597 г., января 31.
1.3. Царская грамота о походе сургутского атамана Зубакина и Кинемы Бардакова на Пур для сбора ясака с самоедов. 1602 г., сентября 6.
1.4. Воеводская отписка из Нарыма в Кетск об антирусских действиях остяков Кинемы Бардакова. 1616 г., не ранее сентября 7.
1.5. Отписка тобольского воеводы И. С. Куракина пелымским воеводам об «измене» сургутских остяков. 1618 г., не ранее сентября 1 – не позднее декабря 2.
1.6. Из отписки из Маковского острога П. Албычева и Ч. Рукина кетскому воеводе Ч. Челищеву об оказании содействия посланным ими гонцов в Тобольск. 1619 г., не ранее февраля 11.
1.7. Царская грамота о награждении сургутского подьячего И. Афанасьева за разгром отряда Кинемы и Суеты Бардаковых в 1619 г. 1624 г., марта 7.
1.8. Донос сургутского воеводы Н. Е. Пушкина на второго воеводу Б. И. Белкина 1626 г., не ранее марта 25 – не позднее сентября 1.
1.9. Копии царских грамот и их фрагментов. Конец XVI – начало XVII века.

2. ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

2.1. *Дунин-Горкавич А. А.* Предание. [Остяцкий князь Танга]. 1904 г.
2.2. *Покачёв С. Ф., Силин А. И.* Предание о Танье. Монти Танья: Повесть о таежном герое Танье (фрагмент). 1954 г. / 1987–1988 гг.
2.3. *Каюков П. Т., Кулемзин В. М., Лукина Н. В.* Предание. Тонья-богатырь. 1974 г. / 1990 г.
2.4. *Когончин И. А., Семёнова В. И.* Предание о Тонье. 1990 г.
2.5. *Немпиров Я. Н., Кардаш О. В.* Предание о Тонье. 1994 г.
2.6. *Курломкин П. В., Карачаров К.* Г. Предание о Тонье. 1999 г.
2.7. *Усанов И. П., Карачаров К. Г.* Предание о Тонье (фрагмент). 1999 г.
2.8. *Бисаркин Е. Н., Карачаров К. Г.* Предание о Тонье (фрагмент). 1999 г.
2.9. *Ачимов Н. П. , Карачаров К. Г.* Предание о Тонье. 2000 г.
2.10. *Каюков П. Т., Мартынова Е. П.* Предание о Танье. 2001 г.
2.11. *Мултанов В. С., Мартынова Е. П.* Предание о Танье. 2001 г.
2.12. *Каюкова В. В., Каюков Л. Н., Визгалов Г. П.* Предание о Танье. 2003 г.

3. МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

3.1. *Вершинин Е. В.* Восстание Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках. 2002.
3.2. *Двуреченский О. В.* Боеприпасы и огнестрельное оружие городка Монкысь урий (Частухинский урий) по результатам археологических исследований. 1990, 2011–2013 годов.
3.3. *Травкин С. Н.* Нумизматическая коллекция из раскопок городища Монкысь урий (Частухинский урий). 1990, 2011–2013 годы.

4. МАТЕРИАЛЫ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

4.1 *Ражев Д. Н., Слепченко С. М., Пошехонова О. Е., Алексеева Е. А.* Антропологическое исследование косных останков из раскопок городища Монкысь урий (Частухинский урий). 1990, 2011–2013 годы.
4.2. *Лобанова Т. В., Косинцев П. А.* Археозоологическое исследование костных останков животных из раскопок городища Монкысь урий (Частухинский урий). 1990, 2011–2013 годы.
4.3. *Аськеев И. В.* Археозоологическое исследование чешуи рыб из раскопок городка Монкысь урий (городища Частухинский урий) 2012 года.
4.4. *Бачура О. П.* Определение сезона смерти и возраста особей животных по спилам зубов из раскопок городка Монкысь урий (Частухинский урий). 1990, 2011–2013 годы.
4.5. *Кулькова М. А., Нестеров Е. М., Нестерова Л. А., Синай М. Ю.* Определение возраста органических образцов (кость, дерево) из раскопок городища Монкысь урий (Частухинский урий). 2011–2013 годы.

LIST OF APPENDICES

1. THE DOCUMENTARY SOURCES FROM THE FUNDS OF RUSSIAN STATE ARCHIVE OF ANCIENT DOCUMENTS (RSAAD)

1.1. Tsar's letter to governor of Surgut O.T. Pleshcheyev about organizing the campaign against the Pegaya Horde led by its head I.I. Kolemin. 1596, August 31.
1.2. From the instruction to Surgut governor Prince S. M. Lobanov-Rostovsky and mayor I.N. Rzhevsky about setting the Prince Bardak's Ostyaks out on a campaign against Purovskie Samoyeds. 1597, January 31.
1.3. The royal letter about Ataman of Surgut Zubakin and Kinema Bardakov's ride on Pur to collect tribute from the Samoyeds. 1602, September 6th.
1.4. Provincial letter from Narym to Ketsk about anti-Russian actions of Kinema Bardakov's Ostyaks. In 1616, not before September 7.
1.5. The letter of Tobolsk voivode I. S. Kurakin to Pelymsky warbosses about «treason» of Surgut Ostyaks. 1618, not earlier than September 1 – not later than 2 December.
1.6. From the letter of P. Albychev and Ch. Rukin from Makovsky prison to Ket governor Chelishchev for assistance to the messengers sent by them to Tobolsk. In 1619, not before 11 February.
1.7. The royal charter to award Surgut clerk I. Afanasyev for the defeat of the Kinema and Sueta Bardakov's military detachment in 1619. 1624, March 7.
1.8. Denunciation by Surgut voivode N. E. Pushkin on the second voivode (governor) B. I. Belkin 1626, not earlier than March 25 – no later than 1 September.
1.9. Copies of royal charter and fragments. XVI-XVII centuries

2. FOLKLORE-ETHNOGRAPHIC SOURCES

2.1. *Dunin-Gorkavich A.A.* Legend. [Ostyak Duke Tanga]. 1904
2.2. *Pokachëv S.F., Silin A.I.* Legend of Tanie. Monti Tanya: A Tale of taiga character Tanya [original archive version]. 1954 / 1987–1988
2.3. *Kayukov P. T, Kulemzin V. M., Lukina N. V.* Legend. Tonya-hero. 1974/1990
2.4. *Kogonchin I. A., Semenova V. I.* Legend about Tonya. 1990
2.5. *Nempirov Y. N., Kardash O. V.* Legend of Tonya. 1994
2.6. *Kurlomkin P. V., Karacharov K. G.* Legend about Tonya. 1999
2.7. *Usanov I. P., Karacharov K. G.* Legend of Tonya (fragment). 1999
2.8. *Bisarkin E. N., Karacharov K. G.* Legend of Tonya (fragment). 1999
2.9. *Achimov N. P., Karacharov K. G.* Legend of Tonya. 2000
2.10. *Kayukov P. T., Martynova E .P.* legend of Tanie. 2001
2.11. *Multanov V. S., Martynova E. P.* Legend of Tanie. 2001
2.12. *Kayukova V. V., Kayukov L. N, Vizfalov G. P.* Legend of Tanie. 2003

3. MATERIALS OF HISTORICAL RESEARCHES

3.1. *Vershinin E.V.* Rise of Tonya-Kinema in the written and folklore sources. 2002.
3.2. *Dvurechensky O.V.* Ammunition and firearms of Monkys' Uri town (Chastuhinsky Uri) based on the results of archaeological investigations. 1990, 2011–2013.
3.3. *Travkin S. N.* Numismatic collection from the excavations of Monkys' Uri settlement (Chastuhinsky Uri). 1990, 2011–2013.

4. MATERIALS OF NATURAL SCIENCES

4.1 *Razhev D. N., Slepchenko S. M., Poshekhonova O. E., Alekseeva E. A.* Anthropological study of skeletal remains from the excavation in Monkys' Uri (Chastuhinsky Uri) settlement. 1990, 2011–2013.
4.2. *Lobanova T. V., Kosintsev P. A.* Archaeozoological study of the animal bone remains from the excavations of Monkys' Uri (Chastuhinsky Uri) settlement. 1990, 2011–2013.
4.3. *Askeev I. V.* Archaeozoological study of fish scales from the excavations of Monkys' Uri (settlement Chastuhinsky Uri) town. 2012.
4.4. *Bachura O. P.* Determination of the season of death and age of the animal species on saw cut of teeth from excavations of the Monkys' Uri town (Chastuhinsky Uri). 1990, 2011–2013.
4.5. *Kulkova M. A., Nesterov E. M., Nesterova, L. A., Sinai M. Y.* Determining the age of organic samples (bone, wood) from the excavations of the Monkys' Uri settlement (Chastuhinsky Uri). 2011–2013.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	–	Академия наук
АЭАЕ	–	Археология, этнография и антропология Евразии
ВААЭ	–	Вестник археологии, антропологии и этнографии
ВАС	–	Всероссийское археологическое совещание
ВАУ	–	Вопросы археологии Урала
ГЭ	–	Государственный Эрмитаж
ДАИ	–	Дополнения к Актам историческим
ЕТГМ	–	Ежегодник Тобольского губернского музея
ЗОРСА	–	Записки Отделения русской и славянской археологии
ЗСО РГО	–	Западно-Сибирский отдел Русского географического общества
ИА РАН	–	Институт археологии РАН (СССР)
ИАН	–	Императорская Академия наук
ИАС	–	Институт археологии Севера
ИАЭТ, ИАиЭ	–	Институт археологии и этнографии
ИПОС	–	Институт проблем освоения Севера
ИРГО	–	Императорское Русское географическое общество
ИЭРиЖ	–	Институт экологии растений и животных
КемГУ	–	Кемеровский государственный университет
КСИА	–	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
ЛГУ	–	Ленинградский государственный университет
ЛОИА АН СССР	–	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАЭ	–	Музей антропологии и этнографии
МГУ	–	Московский государственный университет
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
МФП	–	многофункциональная площадка
МИИ СЗС	–	Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири
НГДУ	–	Нефтегазодобывающее управление
НИР	–	научно-исследовательская работа
НПО СА	–	Научно-производственное объединение «Северная археология»
НПЦ	–	научно-производственный центр
ОАН	–	объект археологического наследия
ОИКН	–	объект историко-культурного наследия
ОКН	–	объект культурного наследия
ОмГУ	–	Омский государственный университет
ПГПУ	–	Пермский государственный педагогический университет
РАН	–	Российская Академия наук
РГАВМФ	–	Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов
РГО	–	Русское географическое общество
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
СО РАН	–	Сибирское отделение РАН
СКМ	–	Сургутский краеведческий музей
СЭ	–	Советская этнография
ТГИАМЗ	–	Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ТГПИ	–	Тобольский государственный педагогический институт
ТГУ	–	Томский государственный университет
ТИЭ	–	Труды Института этнографии РАН (СССР)
ТМКП	–	Тобольский музей, книга поступлений
ТФ ГАТО	–	Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
ТюмГУ	–	Тюменский государственный университет
УАЭ	–	Уральская археологическая экспедиция
УдГУ	–	Удмуртский государственный университет
УИИЯЛ	–	Удмуртский институт истории языка и литературы (РАН)
УрГАХА	–	Уральская государственная архитектурно-художественная академия
УрГУ	–	Уральский государственный университет
УрО РАН	–	Уральское отделение РАН
УрФУ	–	Уральский федеральный университет
ХМАО	–	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
ЭО	–	Этнографическое обозрение
ЯНАО	–	Ямало-Ненецкий автономный округ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том I

ВВЕДЕНИЕ 6

ГЛАВА 1. ПРИРОДНАЯ СРЕДА И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ РЕКИ БОЛЬШОЙ ЮГАН

1.1. Географический ландшафт бассейна Большого Югана 24
1.2. История археологического изучения реки Большой Юган 26
1.3. Название памятника и городка 33
1.4. История археологического изучения городка Монкысь урий (городища Частухинский урий) 36

ГЛАВА 2. ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ

2.1. Терминология 63
2.2. Архитектура городка Монкысь урий и предшествующего поселения 65
2.2.1. Система расселения и региональные связи 65
2.2.2. Юрты Мункысь урий – предшественник городка 68
2.2.3. Общая планировочная структура и архитектура городка Монкысь урий 73
2.2.4. Оборонительно-жилой комплекс городка Монкысь урий 76
2.2.4.1. Планировочная структура. 76
2.2.4.2. Оборонительные сооружения комплекса 78
2.2.4.3. Жилые строения оборонительно-жилого комплекса 83
2.2.4.4. Сооружения (ямы), связанные с функционированием оборонительно-жилого комплекса 93
2.2.5. Южная периферия городка: хозяйственно-производственная территория 98
2.2.6. Хронология городка Монкысь урий 100
2.2.7. Архитектура городка Монкысь урий: основные выводы 102

2.3. Вещевой комплекс городка Монкысь урий 186
2.3.1. Костюм: одежда, обувь, украшения 188
2.3.1.1. Нательные украшения (съемные) – украшения тела человека 189
2.3.1.2. Универсальные украшения костюма (съемные), шейно-нагрудные и поясные 196
2.3.1.3. Нашивные (накладные) металлические пластины (накладки) 207
2.3.2. Орудия охоты и рыболовства 211
2.3.2.1. Охотничье оружие и орудия охоты на животных 212
2.3.2.2. Орудия рыболовства 215
2.3.3. Предметы боевого вооружения и боеприпасы 218
2.3.3.1. Предметы наступательного вооружения и боеприпасы: холодное оружие 218
2.3.3.2. Предметы наступательного вооружения и боеприпасы: огнестрельное оружие 219
2.3.3.3. Предметы защитного вооружения 220
2.3.4. Орудия и инструменты 220
2.3.4.1. Универсальные орудия: железные ножи 221
2.3.4.2. Инструменты для обработки дерева и металла; мужские ремесла 223
2.3.4.3. Инструменты для обработки кожи и ткани; женские ремесла 228
2.3.5. Предметы быта и домашнего обихода 234
2.3.5.1. Посуда и кухонная утварь 234
2.3.6. Средства передвижения и упряжь 214
2.3.6.1. Наземный транспорт 214

2.3.6.2. Водный транспорт ... 246
2.3.7. Культовые и ритуальные предметы ... 247

2.4. Осада и оборона городка Монкысь урий ... 280
2.4.1. Документальные данные об осаде и штурме городка ... 280
2.4.2. Фольклорные данные об осаде и штурме городка ... 284
2.4.3. Археологические данные об осаде и штурме городка ... 292

ГЛАВА 3. РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС НА ГОРОДКЕ МОНКЫСЬ УРИЙ

3.1. Погребальный комплекс: захоронения и человеческие останки ... 317
3.1.1. Индивидуумы I–VIII (погребение № 1) ... 317
3.1.2. Индивидуумы IX–X («погребение» № 2) ... 323
3.1.3. Индивидуумы XI–XV(?) (погребение № 3) ... 325
3.1.4. Индивидуум XVI–XIX («погребение» № 4) ... 327
3.1.5. Индивидуум XX ... 328
3.1.6. Антропологическая (расово-генетическая) характеристика жителей городка ... 329

3.2. Поминальный обряд ... 346
3.2.1. Поминальная обрядность у обских угров ... 346
3.2.2. Типологическая систематизация наконечников стрел ... 347
3.2.3. Стрелы в ритуально-обрядовых комплексах ... 359
3.2.4. Костные останки животных в ритуально-обрядовых комплексах ... 363
3.2.5. Монеты в составе ритуального комплекса ... 370

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 386

SUMMARY ... 411

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ... 417

СПИСОК ПРИЛОЖЕНИЯ ... 440

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ... 442

Том II

1. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗ ФОНДОВ РГАДА ... 8

2. ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ... 21

3. МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ... 36

4. МАТЕРИАЛЫ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ... 94

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ КОЛЛЕКТИВ ... 193

СВЕДЕНИЯ ОБ ОРГАНИЗАЦИЯХ ... 205

CONTENT

Vol. I

INTRODUCTION ... 6

CHAPTER 1: The environment and archaeological study of Bolshoy Yugan river

1.1. The geographical landscape of Bolshoy Yugan river basin ... 24
1.2. The history of archaeological study of the Bolshoy Yugan river ... 26
1.3. The name of the monument and the town ... 33
1.4. The history of archaeological study of the town of Monkys' Uri (settlement Chastuhinsky Uri) ... 36

CHAPTER 2. Settlement complex of Monkys' Uri town

2.1. Terminology ... 63

2.2. The architecture of the Monkys' Uri town and prior settlement ... 65
2.2.1. Settlement system and regional ties ... 65
2.2.2. Yurts of Monkys' Uri - the predecessor of the town ... 68
2.2.3. The total planning structure and architecture of the town of Monkys' Uri ... 73
2.2.4. Defensive and residential complex of the Monkys' Uri town ... 76
2.2.4.1. Defensive installations ... 76
2.2.4.2. Entrance to defensive and residential complex ... 78
2.2.4.3. Residential buildings of defensive-residential complex ... 83
2.2.4.4. Entrance (hole) related with defensive-residential complex ... 93
2.2.5. Soutern periphery of the town: economic-production territory ... 98
2.2.6. Chronology of the Monkys' Uri town ... 100
2.2.6. The architecture of the Monkys' Uri town: basic conclusions ... 102

2.3. Material culture of the Monkys' Uri town ... 186
2.3.1. Suit: clothes, shoes, jewelry ... 188
2.3.1.1. Worn close to the body decorations (removable) – decoration of the human body ... 189
2.3.1.2. Universal costume jewelry (removable), for neck, chest and waist ... 196
2.3.1.3. Sewn (overhead) metal plates (straps) ... 207
2.3.2. Hunting weapons an211 fishing gear ...
2.3.2.1. Hunting weapons and instruments for hunting animals ... 212
2.3.2.2. Fishing gear ... 215
2.3.3. Objects of combat weapons and ammunition ... 218
2.3.3.1. Objects of offensive weapons and ammunition: edged weapon ... 218
2.3.3.2. Objects of offensive weapons and ammunition: firearms ... 219
2.3.3.3. Objects of armature ... 220
2.3.4. Tools and instruments ... 220
2.3.4.1. Universal tools: knives ... 221
2.3.4.2. Tools for wood and metal; male's crafts ... 223
2.3.4.3. Tools for leather working and textile processing; female's crafts ... 228
2.3.5. Household items and household goods ... 234
2.3.5.1. Cookware and kitchen utensils ... 240
2.3.6. Means of transport ... 214
2.3.6.1. Ground transportation ... 214

2.3.6.2. Water transport 246
2.3.7. Worship and ritual objects 247

2.4. The siege and defense of the Monkys' Uri town 280
2.4.1. Documentary evidence of the siege and storming of the 280
2.4.2. Folklore data about the siege and assault 284
2.4.3. Archaeological evidence of the siege and assault of the town 292

CHAPTER 3. Ritual complex at the Monkys' Uri town

3.1. Burial site: graves and human remains 317
3.1.1. Individuals I–VIII (burial № 1) 317
3.1.2. Individuals IX–X (burial № 2) 323
3.1.3. Individuals XI–XV(?) (burial № 3) 325
3.1.4. Individuals XVI–XIX (burial № 4) 327
3.1.5. Individual XX 328
3.1.6. Anthropological (racial-genetic) characteristic of inhabitants of the town 329

3.2. Memorial rite 346
3.2.1. Funeral rites of the Ob Ugrians 346
3.2.2. Typological classification of arrowheads 347
3.2.3. Arrows in ritual complexes 359
3.2.4. Bone remains of animals in ritual and ceremonial complexes 363
3.2.5. Coins in the composition of the ritual complex 370

SUMMARY 386

LIST OF SOURCES AND LITERATURE 417

LIST OF ABBREVIATIONS 442

Vol. II

1. THE DOCUMENTARY SOURCES FROM THE FUNDS
OF RUSSIAN STATE ARCHIVE OF ANCIENT DOCUMENTS (RSAAD) 8

2. FOLKLORE-ETHNOGRAPHIC SOURCES 21

3. MATERIALS OF HISTORICAL RESEARCHES 36

4. MATERIALS OF NATURAL SCIENCES 94

INFORMATION ABOUT AUTHORS
AND SCIENTIFIC AND TECHNICAL STAFF 193

INFORMATION ABOUT ORGANIZATIONS 205

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

КАРДАШ
Олег Викторович

Археолог, кандидат исторических наук. Древней историей народов Урала и севера Западной Сибири занимается с 1979 года. В 1991 году окончил исторический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького (город Екатеринбург). В настоящее время – директор АНО «Институт археологии Севера» (город Нефтеюганск), научный сотрудник ФГБУН Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (город Новосибирск). В 2007 году защитил диссертацию по теме: «Культура аборигенного населения бассейна реки Надым конца XVI – первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского городка)». Научные интересы: этногенез и культура аборигенного населения Арктики и Севера Сибири. Наиболее значимые исследования – комплексное изучение археологических памятников аборигенного и русского населения XII–XVIII веков: городков Бухта Находка, Полуйского мысового, Надымского, города Пустозерск в арктических районах Крайнего Севера, а также городка Монкысь урий в западносибирской тайге. Автор и соавтор более 70 научных статей и 7 монографий, изданных в России и за рубежом.

KARDASH Oleg Victorovich

The archaeologist, candidate of historical sciences. He has conducted the study of ancient history of peoples of the Urals and the north of Western Siberia since 1979. In 1991 he graduated from the historical faculty of Ural State University (Yekaterinburg). At the present time – he is the director of autonomous noncommercial organization "Institute of Archaeology of the North" (Nefteyugansk). Researcher in Federal State-Funded Institution of Science "Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences" (Novosibirsk). In 2007 he defended his thesis on the theme: "Culture of Aboriginal population of River Nadym basin of the end XVI - the first third of the XVIII century. (Based on the excavation of Nadym town)". Research interests: ethnogenesis and culture of the aboriginal population of the Arctic and the North of Siberia. The most important study – a comprehensive study of archaeological sites of indigenous and Russian population in XII–XVIII centuries: the towns of Nakhodka, Bukhta Poluyskogo, Mysovoy, Nadymsky, city Pustozersk in arctic regions of the Far North, as well as the town of Monkys' Uri in the West Siberian taiga. Author and co-author of over than 70 scientific articles and 7 monographs, published in Russia and abroad.

ВИЗГАЛОВ
Георгий Петрович

Археолог, кандидат исторических наук. Изучением древностей Урала и севера Западной Сибири занимается с 1978 года. В 1983 году окончил исторический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького (город Свердловск). В 2007 году защитил диссертацию по теме: «Мангазея – первый русский город в Сибирском Заполярье: по материалам новых археологических исследований». В настоящее время – директор ООО «НПО "Северная археология-1"» (город Нефтеюганск), научный сотрудник ФГБУН Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (город Новосибирск). Научные интересы: период освоения севера Сибири Московским государством и Российской империей. Наиболее значимые исследования: раскопки археологических памятников аборигенного и русского населения XVI–XVIII веков на Крайнем Севере – городов Берёзова, Мангазеи, Старотуруханска, Нижнеколымского острога, городка Монкысь урий, изучение и реконструкция исторического судна коч – памятника русского арктического мореплавания. Автор и соавтор более 40 научных статей и 5 монографий.

VIZGALOV Georgiy Petrovich

The archaeologist, candidate of historical sciences. He has been studying antiquities of the Urals and north of Western Siberia since 1978. In 1983 he graduated from the historical faculty of Ural State University (Sverdlovsk-Ekaterinburg city). In 2007 he defended his thesis on "Mangazeya - the first Russian city in the Siberian Arctic: based on new archaeological research." At the present time – he is the director of "Scientific and Production Association" Northern archeology-1 " (Nefteyugansk), researcher in Federal State-Funded Institution of Science "Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences" (Novosibirsk). Research interests: the period of development of the north of Siberia by Muscovy and the Russian Empire. The most important studies: the excavation of archaeological sites of indigenous and Russian population of XVI–XVIII centuries in the Far North – towns Beriozov, Mangazeya, Staroturuhansk, Nizhnekolymsky Ostrog, town of Monkys' Uri, the study and reconstruction of the historic vessel Koch – a monument of Russian Arctic navigation. Author and co-author of over than 40 scientific articles and 5 monographs.

Олег Викторович Кардаш
Георгий Петрович Визгалов

ГОРОДОК МОНКЫСЬ УРИЙ:
к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках
(по результатам комплексного археологического исследования)
Том I

серия «Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири»
Выпуск V

Научное издание

Автор идеи, руководитель научно-исследовательского коллектива – канд. ист. наук *О. В. Кардаш*
Научный редактор – канд. ист. наук *В. А. Борзунов*
Редактор-корректор – *М. А. Сидельникова*
Оформление, верстка – *М. Б. Горбунова*
Перевод – *Ю. Ю. Гольденберг*
Подготовка иллюстративного ряда – *Е. А. Алексеева, М. Б. Горбунова, С. А. Липс, М. Л. Попадкин, Е. В. Шилинг*
Архитектурно-исторические реконструкции – *С. А. Липс*
Фотографии *О. В. Кардаша, Г. П. Визгалова, Т. М. Пономаревой, А. А. Уткина, В. А. Ивасько*
Живопись художника *А. С. Кухтерина*

Издательская группа «Караван»
г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13, оф. 1327
тел.: +7 912 215-15-21, +7 912 652 3495
e-mail: bookcaravan@yandex.ru
www. caravanbook.ru

Подписано в печать 18.05.2015
Формат 60*90/8. Печать офсетная. Усл. печ.л. 56.
Тираж 300 экз. Заказ № 368.

Отпечатано и переплетено в издательско-полиграфическом центре
Института археологии и этнографии СО РАН г. Новосибирск. 630090, пр. Академика Лаврентьева, 17